А. 228

ПОЗИТИВНАЯ ФИЛОСОФІЯ

II

СВЕРХЧУВСТВЕННОЕ БЫТІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

ЕПИСКОПА НИКАНОРА.

ТОМЪ I.



Инвент. № 1134

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,

по мойкѣ, № 5.

1875.

1 В Ящик 3.

К

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
365

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры, печатать дозволяется. С.-Петербургъ, Февраля 18 дня 1873 г.

Цензоръ Архимандритъ *Арсеній*.

А. 928

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ всѣхъ движеній, какія чувствуются въ нашей душѣ въ эту минуту, когда мы взялись за перо, чтобъ написать это собственно *послѣсловіе* къ нашему многолѣтнему тяжолому труду, ясно выдѣляется одно господствующее, именно желаніе послѣдовать примѣру нашихъ стародавнихъ предшественниковъ, по званію и по книжному дѣлу, и совершенно искренно попросить христіанскаго прощенія у возможнаго нашего читателя,—попросить, чтобъ онъ былъ «милостивъ къ намъ и незазорливъ, аще обрящетъ нѣчто погрѣшено, ради малоумѣтельства ума нашего: обыче бо нѣчто сицево бывати въ таковыхъ, понеже писа не ангелъ, но рука грѣшна и бренна». Прости намъ, читатель, самую отвагу взяться за предметъ, который, на пространствѣ вѣковъ, былъ не многимъ по силамъ. Мы осмѣлились приступить къ нему по стеченію обстоятельствъ нашей жизни и служенія и въ-виду того плачевнаго результата, что между многими изъ насъ повально распространяются, легко на лету схватываемые, погрѣшительные выводы, а между-тѣмъ не многіе берутъ на себя не легкій трудъ вдуматься въ основанія поражающихъ современныхъ заблужденій. Прости намъ, читатель, смиренное наше, почти что, рабство, съ какимъ мы заботливо, почти до боязливости, придерживаемся за признанные авторитеты новѣйшей философской и естественной науки. Съ одной стороны, нашему духу далеко не сродно желаніе вообразить

себя даже предъ самимъ собою, а тѣмъ болѣе выставить себя-предъ другими хозяиномъ въ этихъ отрасляхъ знанія, хотя мы посильно и изучали ихъ въ-теченіи всей нашей жизни; а съ другой стороны, мы сознательно усиливались итти по слѣдамъ извѣстнѣйшихъ представителей науки нашихъ дней, какъ можно далѣе и неотступнѣе, чтобъ сдѣлать свои собственные шаги, какъ можно, тверже и показать ихъ другимъ, какъ можно болѣе благонадежными, пока не чувствовали въ себѣ нужды и силы повернуть чужую современно-научную мысль въ сторону нашихъ собственныхъ коренныхъ убѣжденій. Прости намъ, читатель, и то, что мы воспользовались не всѣми, относящимися къ дѣлу, научными авторитетами. Извѣстно всякому, что вообще наука обширна, а жизнь короткая.—Исчерпать всю науку трудно,—и кромѣ того почти всякій авторъ, въ своихъ работахъ, управляется болѣе или менѣе независящими отъ него обстоятельствами, къ какимъ можно отнести и то, что иной приступилъ къ ученой работѣ при средствахъ одной изъ богатыхъ общественныхъ библіотекъ, а, продолжая работу, вынужденъ былъ ограничиться способами библіотеки только своей собственной, да и то наскоро составленной. Въ этомъ случаѣ насъ ободряла увѣренноеть, что современные писатели извѣстной категоріи, изучая другъ друга, послѣдующіе своихъ предшественниковъ, почти всегда и вездѣ повторяются. Прости намъ, читатель, несоизмѣримость частей и пристройки, плеоназмы и повторенія въ нашемъ трудѣ. Извѣстно, что, когда домъ выстроенъ, то, послѣ этого, всякому, а въ-особенности самому строителю и хозяину, не достатки и неудобства зданія становятся ясны; а между-тѣмъ въ зданіи многосложномъ и многолѣтнемъ это даже неизбѣжно. Математически ясная логичность въ трудахъ, которые разсуждаютъ

о самыхъ крайнихъ основахъ человѣческой мысли и знанія, свидѣтельствовала бы, по нашему мнѣнію, скорѣе объ односторонности, чѣмъ о вѣрности воззрѣнія,—такъ-какъ неизслѣдимо сложная машина нашего ума слишкомъ далека отъ сходства съ шахматною доскою и даже съ таблицею умноженія, на которой 2 × 2 всегда равняются 4, а не 5.—Прости намъ, читатель, и бѣдность результатовъ нашего изслѣдованія, остановленнаго пока только на доказательствѣ сверхчувственности матеріи,—бѣдность, которая покажется тебѣ, быть можетъ, даже удивительною скудостью. Но мы намѣренно медлили оставаться во мракѣ гносеологической глуби, чтобы всмотрѣться въ перво-источное начало той порчи, которая вверху, на-виду всѣхъ, поражаетъ гнилью и сушью все многовѣтвистое дерево человѣческаго знанія, а начинается въ темной безднѣ, съ самыхъ дальнихъ, глубоко врывшихся въ землю, широко развѣтвившихся, измельчавшихъ до незамѣтности и, по видимому, даже незначительныхъ для жизни цѣлаго дерева корешковъ. Нашею задачею было показать не-только точки соприкосновенія, но и совершенное единство корней, въ гносеологическихъ основаніяхъ, у естественно-философской науки съ богословскою. Насъ побудило къ этому труду сознаніе долга предъ прошедшимъ нашего поколѣнія, которое выдержало небывалую въ нашемъ отечествѣ бурю идей, враждебныхъ священнѣйшимъ завѣтамъ нашихъ отцовъ; сознаніе этого долга побудило насъ выступить, съ выводами вынесенной нами умственной борьбы, предъ очи поколѣнія нарождающагося. Мы сочтемъ себя вознагражденными, если хотя самыми недостатками нашего труда намѣтимъ правый путь духу и генію нашихъ преемниковъ, будущихъ тружениковъ науки и поборниковъ вѣры, въ убѣжденіи, что и несовершенное

дѣйствіе можетъ иногда возбуждать плодотворную реакцію. Мы почувствуемъ себя вознагражденными въ совѣсти, глубоко и отрадно, если хоть одной душѣ, томительно колеблемой сомнѣніями и заблужденіями, поможемъ стать твердо на пути истины, вѣруя въ божественное слово, что такой пособникъ *спасетъ* собственную *душу отъ смерти и покроетъ множество* своихъ собственныхъ *грѣховъ* (Іак. 5, 19—20).

НИКАНОРЪ,
Епископъ Аксайскій,
Докторъ Богословія.

1874 г. Марта 8-го.
Ново-Черкаскъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

Предисловіе.

Введеніе (стр. I—II).

Съ позитивно-философской точки зрѣнія, понятіе объ истинномъ знаніи, о знаніи позитивномъ, реально-объективномъ. Понятіе о реальномъ, объективномъ и чувственномъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О

ЗНАНІИ ОБЪЕКТИВНОМЪ.

Все ли чувственное, чувствомъ постигаемое, объективно?

Глава I (стр. 4—12).

О внѣшнемъ чувствѣ. Объективно ли его свидѣтельство? Субъективность данныхъ, получаемыхъ изъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ. Чувствуетъ собственно центральное чувствилище, мозгъ. Представленія и понятія никогда не бываютъ адэкватны воспринимаемымъ предметамъ. Общій принципъ, по которому признается что-либо объективнымъ, въ сферѣ дѣятельности внѣшнихъ чувствъ.

Глава II (стр. 13—17).

О чувствѣ внутреннемъ. Классификація внутреннихъ ощущеній. Низшая область ощущеній физическихъ. Высшая область ощущенія движеній и дѣятельностей душевныхъ. Объективно ли свидѣтельство этихъ внутреннихъ ощущеній и, вопервыхъ, чувства низшаго физіологическаго? Какія свойства это чувство открываетъ въ предметахъ? Указанія внутренняго физіологическаго чувства болѣе объективны и обще-субъективны, чѣмъ свидѣтельства чувствъ внѣшнихъ.

Глава III (стр. 17—27).

Что въ сферѣ душевныхъ дѣятельностей и силъ должно назвать чувствомъ? Практическая и теоретическая сторона чувства. Чувство—коренная сила души.

Эстетическій вкусъ, совѣсть и сознаніе суть разныя проявленія единаго коренного душевнаго чувства,—суть чувства, какъ и физіологическія внутреннія, какъ и внѣшнія чувства единой цѣлостной души. Какія свойства открываются душевнымъ чувствомъ въ предметахъ? Объективны ли его показанія? Есть ли въ объектахъ, внѣ мыслящаго субъекта находящихся, свойства, открываемыя этими чувствами? Есть ли внѣ чувствующаго субъекта предметы, возбуждающіе въ немъ ощущенія прекраснаго, благаго, истиннаго? По объективности своего свидѣтельства, внутреннее душевное чувство совершенно аналогично съ чувствами, какъ внутреннимъ органическимъ, такъ и внѣшнимъ, и въ однихъ отношеніяхъ равнозначительно съ ними, а въ другихъ выше ихъ, выше ихъ уже какъ корень, гнѣздилище, фокусъ всѣхъ отправленій чувства.

Глава IV (стр. 27—38).

Есть ли, въ показаніяхъ внутренняго душевнаго чувства, что-либо обще-субъективное? Есть ли что-либо обще-признанное въ сферѣ эстетическаго вкуса, совѣсти и сознанія? Есть ли что-либо общепризнанное за истинное въ сферѣ высшаго душевнаго чувства, въ признаніи чего за таковое чувства низшія принимали бы наименѣе участія? Объ апріорности понятій и прирожденности идей, о способности ума имѣть трансцендентальныя, независимыя отъ внѣшняго опыта, понятія. Апріорность математическихъ понятій и высшихъ категорій. Прирожденность идеи безконечно-совершеннаго. Отличіе разсудочнаго понятія о безконечномъ отъ разумной идеи безконечнаго. Прирожденность частнѣйшихъ нравственныхъ и эстетическихъ идей. Въ душевномъ чувствѣ покоится послѣднее основаніе того, почему что-либо признается человѣчествомъ за истинное.

Глава V (стр. 38—43).

Отношеніе высшаго душевнаго чувства къ низшимъ, внутреннему органическому и внѣшнему. Сознаніе, или вообще, внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему, внутреннее зрѣніе, или вообще чувство, и, въ тоже время, корень, центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ. Выводъ относительно сравнительнаго значенія свидѣтельства чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго органическаго и высшаго душевнаго.

Глава VI (стр. 44—59).

Возможно-связный отвѣтъ на вопросъ: все ли чувственное объективно? Объективность показаній внѣшняго чувства, основательно и разносторонне разрушаемая разсудочнымъ анализомъ. И внутреннее физіологическое чувство не даетъ, адэкватнаго неуловимой текучести органическихъ бытій и процессовъ, знанія. И въ душевномъ чувствѣ усматривается безконечно-пестрое и быстрое мельканье ощущеній, представленій, образовъ, понятій, не адэкватныхъ безпрерывному, безконечно-пестрому міровращенію. Человѣческое Я—центръ міросозерцанія. Основная тенденція ума—противопоставить неподвижность міросозерцанія быстротечно-

сти бытія, рядомъ съ требованіемъ ума, чтобы наше міросозерцаніе было, по возможности, точнымъ отображеніемъ міробытія.

Глава VII (стр. 59—69).

Возможна ли истина міросозерцанія именно-объективная, адэкватная объекту, дѣйствительному образу міробытія? Мѣрило истины, какъ субъективной, отношенія извѣстнаго предиката къ субъекту, такъ и объективной, отношенія извѣстнаго предиката къ объекту,—есть наше-же внутреннее душевное чувство. Болѣе непосредственно прилагаемое къ самому чувству, это мѣрило даетъ безпредѣльную область истинъ субъективныхъ-практическихъ, истинъ практическаго разума, наиболѣе непогрѣшимыхъ, непререкаемыхъ и принудительно достовѣрныхъ. Условія всеобщей обязательности практическихъ истинъ. Объективная, достижимая для человѣка, истина есть таже субъективная; она измѣряется тѣмъ-же послѣднимъ мѣриломъ, внутреннимъ нашимъ душевнымъ чувствомъ истины; всякое признаніе чего-либо за истину есть извѣстное чувствованіе, или, что тоже, извѣстное состояніе моего Я, принудительно дѣйствующее на мое убѣжденіе.

Глава VIII (стр. 70—85).

Какими пріемами и способами человѣкъ строитъ свое неподвижное міросозерцаніе, среди абсолютной движимости во вселенной? Сѣть категорій разсудка, протянутая во всѣ стороны, на-основаніи прирожденныхъ законовъ мышленія. Разсудочная абстракція живыхъ недѣлимыхъ объектовъ есть отвлеченіе жизни. Объекты тѣмъ болѣе удаляются отъ жизни, чѣмъ болѣе обобщаются. А самое высшее общее понятіе бытія тождественно съ небытіемъ. Тѣмъ не менѣе объекты, соотвѣтствующіе не-только индивидуальнымъ, но и общимъ, видовымъ и родовымъ, понятіямъ, существуютъ реально; но существуютъ не въ понятіяхъ отвлекающаго разсудка, а въ идеяхъ созерцающаго въ живомъ цѣломъ разума. Платонова идея, въ реальномъ фактѣ, и отдѣльна, и отлична отъ понятія. Всякій предметъ, не-только общій видъ, или родъ предметовъ, но даже индивидуумъ имѣетъ свою идею. Идеи, какъ индивидуумовъ, такъ и родовъ, имѣютъ гораздо болѣе объективнаго, реальнаго значенія, чѣмъ общія и вообще всякія, какъ общія, такъ и индивидуальныя, понятія. Реально-идеальное восхожденіе отъ жизней единичныхъ къ единству жизни универсальной, съ одной стороны, аналогично разсудочно-логическому дедуктивно-индуктивному восхожденію отъ понятій конкретныхъ и индивидуальныхъ къ общимъ-абстрактнымъ, видовымъ и родовымъ, а съ другой стороны, отлично отъ него до противоположности. Адэкватно объективному бытію идеальное созерцаніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О РЕАЛЬНОМЪ, О РЕАЛЬНОМЪ ЗНАНІИ.

Все ли чувственное реально и все ли реальное чувственно?

Глава IX (стр. 88—101).

Историческая постановка вопроса о томъ, что такое реально, что дѣйствительно существуетъ, что есть сущее (τὸ ὄν), въ-противоположность только бывающему и являющемуся,—что есть (ἐστί), а не-только бываетъ, становится, возникаетъ и исчезаетъ (γίνεται), или является, кажется (φάινεται), что есть первое, среди измѣненій, постоянное начало, основа существованія вещей, у Гиликовъ-Іонійцевъ, Пиѳагорейцевъ, Елейцевъ, у Гераклита, Емпедокла, Демокрита, Анаксагора, у Софистовъ, у Платона и Аристотеля, у Греческихъ скептиковъ, у Декарта, Малебранша, Лейбница, Берклея, Спинозы, Канта, Якоби, Фихте, Шеллинга и Гегеля, у Бэкона, Локка и Юма, у Кондильяка и французскихъ энциклопедистовъ, у новѣйшихъ нѣмецкихъ матеріалистовъ и, наконецъ, у позитивистовъ. Двѣ крайнія школы, по рѣшенію вопроса о реальномъ, съ одной стороны, атомистическій матеріализмъ, а съ другой, идеализмъ Фихте и Гегеля. Воевать съ признанными крайностями системъ Фихте и Гегеля излишне, тогда-какъ, наоборотъ, наша задача—сопоставить такъ называемый супра-натуральный, метафизическій взглядъ съ взглядомъ новѣйшихъ позитивистовъ, который, переходя къ крайностямъ натурализма, больше граничитъ съ матеріализмомъ, даже атомистическимъ, чѣмъ съ противоположною крайностію идеализмовъ, субъективнаго, Фихтевскаго, и абсолютнаго, Гегелевскаго.

Глава X (стр. 101—108).

Естественный переходъ отъ реальнаго, по разумѣнію философіи позитивной, къ реальному матеріально-атомистическому. Что, въ данномъ матеріальномъ предметѣ, реально, независимо отъ нашего чувства, отъ нашего субъективнаго воззрѣнія на него? О какихъ проявленіяхъ его можно рѣшительно сказать, что они принадлежатъ ему, какъ его части, или качества, или дѣйствія, а не нашему чувству и, вообще, субъективному воззрѣнію, какъ видоизмѣненія этого послѣдняго, какъ неустранимому ингредіенту во всякое явленіе, вступающее въ наше сознаніе? Во всѣхъ проявленіяхъ нормально дѣйствующаго, внѣшняго ощущенія, коренная причина всѣхъ измѣненій нашего чувствилища, какъ наиболѣе независимая отъ него реальность, есть только движеніе частицъ вещества. Отсюда логическая неизбѣжность дальнѣйшаго вопроса не-только метафизики, но и физики: что-же тутъ далѣе реально, вещество или движеніе? Что существуетъ, какъ res, или ens, или субстанція, или субстратъ, и что—какъ дѣйствіе, или качество, или проявленіе?

ОТДѢЛЪ I.

Существуютъ ли атомы, какъ субстратъ вещества?

Глава XI (стр. 108—117).

Въ рѣшеніи вопроса о бытіи атомовъ, какъ субстрата вещества, нужно придерживаться признанныхъ естественно-научныхъ выводовъ. Результаты статьи *Страхова* (напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1860, т. XXVII): *объ атомистической теоріи вещества.* Разсужденія, по тому же капитальному вопросу, метафизика матеріалиста *Бюхнера* и геолога *Фридриха Мора.*

Глава XII (стр. 117—123).

Атомы не существуютъ, по взгляду и химиковъ. Выводы, по этому предмету, взятые изъ статьи (напечат. въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1871 г. Апрѣль) *Базарова:* о строеніи нѣкоторыхъ азотистыхъ соединеній, и изъ цѣлой эмпирической химіи *Менделѣева.* Разсужденіе медика—біолога *Вирхова* объ атомахъ и недѣлимыхъ.

Глава XIII (стр. 123—127).

Взглядъ метафизика—атомиста *Ульрици* на бытіе атомовъ. Мнѣніе біолога—позитивиста *Герберта Спенсера.*

Глава XIV (стр. 128—139).

Теорія *Д. С. Милля* о непознаваемости атомовъ, какъ послѣдней сущности вещества, какъ и всякихъ сущностей вообще. Отзывъ *С. В. Томсона,* въ рѣчи предъ Съѣздомъ (1871 года) Британскихъ естество-испытателей, о сложности атомовъ.

Глава XV (стр. 139—146).

Критическій обзоръ вышеизложенныхъ ученій о бытіи атомовъ, какъ реальной основы сущаго. Обзоръ теорій химическихъ, какъ болѣе эмпирическихъ и потому наиболѣе позитивныхъ. Сущность атомистическаго ученія. Сравненіе новѣйшаго атомизма съ древнимъ, *Демокритовымъ.* Атомъ, безконечно—малую частицу, въ опытѣ получить нельзя. Бытіе атомовъ можно доказывать только дедукціею отъ наблюденія надъ тѣлами, надъ ихъ строеніемъ. Раздѣленіе тѣлъ на простыя и сложныя. Дѣйствительно ли вся совокупность химическихъ знаній заставляетъ допускать коренное различіе и неизмѣнность простыхъ тѣлъ и, по дедукціи, неизмѣнность самыхъ атомовъ? Есть ли такія тѣла, о которыхъ можно было бы рѣшительно утверждать, что они суть чистые неразложимые элементы? Отъ какихъ причинъ происходятъ существенныя видоизмѣненія въ тѣлахъ эле-

ментарныхъ? Существованіе молекулъ и атомовъ. Сложность молекулъ. При дознанной дѣлимости молекулъ, подтверждается ли эмпирическими наблюденіями недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ атомовъ?

Глава XVI (стр. 147—154).

Распредѣленіе молекулъ и атомовъ въ тѣлахъ сложныхъ. *Дальтоновъ* законъ кратныхъ отношеній. Предѣлы атомности. Атомный вѣсъ. Соединенія тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ. Измѣненіе атомности. Измѣненіе атомнаго вѣса. Атомы сложены изъ ультиматовъ. Свободныя сродства. Безграничное число сродствъ. Измѣнчивость числа сродствъ. Понятіе объ атомности шатко и неопредѣленно. Химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ, но и атомовъ. Трудно рѣшить, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны. Значеніе атомистической теоріи въ современной химіи.

Глава XVII (стр. 154—168).

Разсмотрѣніе того же вопроса, о бытіи или небытіи атомовъ, съ философской точки зрѣнія. Теорія *Ньютона*, который заключалъ отъ недѣлимости атомовъ къ одинаковости строенія тѣлъ во всѣ времена и обратно. Утвержденіе физика *Біо*, что на земномъ шарѣ частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются другъ въ друга. Введеніе между атомами притягательной и отталкивающей силы, а также средопроводнаго эѳира, ни-мало не помогаетъ атомистической гипотезѣ. Атомистическая теорія опирается не на опыты, а на метафизическія основанія. Она противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. Неощущаемое въ атомѣ совпадаетъ съ немыслимымъ. Теорія безконечной дѣлимости атомовъ, по *Ульрици*, *Г. Спенсеру*, *Страхову*. Физическіе атомы *Либиха*.

Глава XVIII (стр. 168—179).

Простыя бытія *Фехнера*. Непротяженные пункты *Босковича*. Центры силъ, по *Ульрици*. Крайне позитивная доктрина *Д. С. Милля*, по томуже вопросу бытія или небытія атомовъ. Дѣлимость вещества безконечна, или конечна? Необходимость безконечной, или конечной дѣлимости—альтернатива, къ веществу непримѣнимая, потому-что вещество въ себѣ превышаетъ возможную мѣру нашихъ знаній.

ОТДѢЛЪ II.

Существуетъ ли вещество само въ себѣ? Существуетъ ли внѣшній міръ?

Глава XIX (стр. 179—192).

Понятіе объ относительности человѣческаго знанія. Что именно мы способны знать о внѣшнихъ объектахъ и въ-силу какой очевидности знаемъ это?

Можемъ ли и какъ увѣриться, что внѣ нашего чувства существуютъ объекты, какъ реальные субстраты феноменовъ, отождествляющихся въ субъектѣ съ субъективными ощущеніями? Различныя формы, въ какія вылилось рѣшеніе этихъ вопросовъ. Идеально скептическая форма ученія *Берклея и Юма*, по которой ощущенія внѣшняго чувства суть все, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять. Реалистическая форма, по которой разница между Я и Не—я означаетъ двѣ реальности, существующія независимо одна отъ другой, хотя вещи и находятся за феноменами,—которая, вслѣдствіе разногласія относительно источника формъ времени и пространства, а также разсудочныхъ категорій, распадается на двѣ школы, съ одной стороны, *Канта* съ послѣдователями, а съ другой *Джемса Милля* и другихъ.

Глава XX (стр. 192—203).

Третья форма философскаго ученія, объ относительности нашего знанія, съ *С. В. Гамильтономъ* во главѣ, провозглашающая не-только существованіе вещей самихъ въ себѣ, но и познаваемость ихъ въ такъ-называемыхъ первичныхъ свойствахъ. Что разумѣютъ подъ первичными, вторичными и вторично-первичными свойствами вещества? Неосновательность этого ученія.

Глава XXI (стр. 204—210).

Итогъ обзора, представленныхъ въ краткомъ очеркѣ у *Д. С. Милля*, новѣйшихъ философскихъ ученій объ относительности человѣческаго знанія.

Глава XXII (стр. 210—219).

Критическій анализъ теоріи *Д. С. Милля*, опредѣляющей возможную мѣру нашихъ знаній. Критерій всякой истины и достовѣрности. Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, суть акты внутренняго сознанія. Разладъ философскихъ мнѣній касается вопроса, что такое суть тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ сознаніе. Двѣ школы, психологическая и интроспективная, или интуитивная. По психологической теоріи *Д. С. Милля*, довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно-усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ. Законы ассоціаціи или содружества идей. Идея внѣшней субстанціи. Группы постоянныхъ возможностей ощущенія. Двусмысленность языка *Д. С. Милля*. Существуютъ ли реальности внѣ нашихъ ощущеній? Прочіе люди отличны ли отъ моего ощущенія, или фундаментъ своей реальности имѣютъ только въ моемъ ощущеніи? Происхожденіе понятія о Я и Не—я, о субъектѣ и объектѣ.

Глава XXIII (стр. 220—227).

Сущность теоріи *Д. С. Милля*. Истинное существованіе субъекта и объекта есть отношеніе между двумя отношеніями. Приговоръ *Льюиса* о такомъ ученіи. Совпаденіе *Д. С. Милля* съ *Гегелемъ*. Устанавливаемое *Д. С. Миллемъ* опредѣленіе духа и матеріи. Умствованіе *Д. С. Милля* о несуществованіи какихъ бы то ни было субстратовъ и ноуменовъ.

Глава XXIV (стр. 227—243).

Доказалъ ли *Д. С. Милль*, что довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно-усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ? Онъ доказалъ нѣчто обратное. Серія основоположеній его теоріи. *Д. С. Милль* самъ, въ сущности дѣла, есть интроспективистъ. Его взглядъ на критерій истины, заключающійся въ необходимости мыслить что-либо такъ, а не иначе. Онъ самъ допускаетъ истины вполнѣ всеобщія, исключеніе изъ которыхъ безусловно немовѣрно. Разница его съ интроспективистами заключается собственно въ основоположеніи, что всякое вѣдѣніе въ человѣкѣ, даже въ своихъ основахъ, даже въ такъ, называемыхъ законахъ и формахъ мышленія, даже въ математическихъ аксіомахъ, даже въ довѣріи къ существованію внѣшняго міра, есть продуктъ опыта.

Глава XXV (стр. 243—255).

Прирожденность основъ нашего мышленія и познанія, доказываемая системами крайнихъ эмпириковъ позитивистовъ: *Кабаниса и Дарвина.*

Глава XXVI (стр. 256—265).

Прирожденность, или наслѣдственная передача между людьми не-только инстинктивныхъ знаній, но и умственнаго склада, по физіологіи *Д. В. Дрэпера.* Воззрѣнія на тотъ-же предметъ физіолога *Льюиса.*

Глава XXVII (стр. 265—277).

Отрицаніе прирожденности основныхъ формъ умственной дѣятельности есть явленіе, въ наши дни странное. Самъ *Д. С. Милль* implicite эту прирожденность допускаетъ, допуская природные законы непосредственнаго знанія, составляющіе часть универсальныхъ законовъ природы,—допуская инстинктивность, прирожденность вѣры въ единообразіе законовъ природы. Что должно разумѣть подъ прирожденною идеею? Что именно душѣ человѣческой и, въ-частности, уму нашему прирождено? Новѣйшіе физіологи признаютъ прирожденными нашей душѣ большее число формъ душевной дѣятельности, чѣмъ признавали старые философы. Въ порядкѣ наиболѣе безусловныхъ единообразій человѣческаго знанія, наиболѣе обще-обязательныхъ органическихъ догматовъ нашей природы, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ убѣжденію въ существованіи внѣшняго міра.

Глава XXVIII (стр. 277—291).

Даже *Ульрици* какъ-будто отрицаетъ прирожденность идей и всякихъ представленій. Но этимъ вербальнымъ отрицаніемъ онъ только противорѣчитъ самъ себѣ. Онъ допускаетъ животные инстинкты, низшіе и высшіе, съ способностію

у животныхъ изыскивать средства для цѣли, съ руководящею инстинктами самопроизвольностію; а огромная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ отправленій у животныхъ, какъ отчасти и у человѣка, прирождена. Какъ спиритуалистъ, Ульрици не могъ не признать и признаетъ прирожденность, апріорность, имманентность апріорическихъ идей, началъ, законовъ и нормъ (категорій) нашего ума, и провозглашаетъ ихъ conditio sine qua non—всякаго мышленія, познанія и знанія, прирожденнымъ основоположеніемъ всякаго довѣрія нашего къ реальному бытію и внѣ насъ существующему міру.

Глава XXIX (стр. 292—311).

Критическое обсужденіе воззрѣній психолога *Вундта* на тотъ-же предметъ. По *Вундту*, понятія могутъ составляться только посредствомъ опыта и сознаніе у человѣка не есть что-либо врожденное; даже математическія аксіомы суть продуктъ опыта; даже общій законъ причинности не можетъ быть закономъ въ полномъ смыслѣ, потому-что и онъ познается посредствомъ опыта, а опытъ никогда не исчерпывается; идея—продуктъ безсознательнаго познанія; нравственная идея добра и зла получается путемъ индукціи, точно также, какъ идеи эстетическая и интеллектуальная. Но въ то-же время, *Вундтъ* допускаетъ инстинкты и инстинктивныя познанія, какъ у животныхъ, такъ и у человѣка, допуская и врожденность ихъ, въ-видѣ потенцій или способностей. Допуская же прирожденность инстинктовъ, *Вундтъ* принимаетъ врожденность и высшихъ человѣческихъ идей, которыя считаетъ инстинктивными. Онъ соглашается, что въ насъ, въ нашей природѣ, лежитъ эстетическій законъ формы, тождественный съ закономъ изящнаго, лежащаго въ природѣ,—что намъ прирождена идея изящнаго, тождественная съ идеями интеллектуальною, нравственною и религіозною, служащая въ нашей душѣ прирожденнымъ отраженіемъ міроваго порядка, универсальной красоты и правды космоса. Онъ-же сознается, что критерій довѣрія къ дѣйствительному бытію внѣшняго міра лежитъ также внутри насъ, въ нашей природѣ.

Глава XXX (стр. 311—322).

Результатъ изслѣдованія о прирожденности основъ нашего мышленія и познанія, и, прежде всего, о прирожденности довѣрія къ внѣшнему бытію. Рѣчь доктора *Карпентера* предъ Съѣздомъ Британскихъ естествоиспытателей (въ 1872 г.), въ которой онъ доказываетъ, что интеллектуальныя воззрѣнія (intuitions) одного поколѣнія суть воплощенные опыты поколѣнія предшествовавшаго,—что не можетъ быть сомнѣнія въ наслѣдственной передачѣ склада мыслей и, вообще, первоначальныхъ инстинктовъ человѣчества. Въ послѣднее время, самъ *Д. С. Миллъ* заявилъ о своемъ переходѣ въ школу интуиціоналистовъ или интроспективистовъ. Заключеніе: необходимо признать за констатированный научный фактъ, что коренное содержаніе нашего ума намъ прирождено и къ числу наиболѣе коренныхъ, прирожденныхъ, убѣжденій нашей души принадлежитъ довѣріе къ бытію внѣшняго міра.

ОТДѢЛЪ III.

Что въ мірѣ существуетъ? Что въ немъ реально? Если слѣдовать такъ называемой психологической (не интроспективной) позитивной школѣ и экспериментально-индуктивному методу, то ничто не существуетъ.

Глава XXXI (стр. 322—329).

Результаты предъидущаго изслѣдованія. Реальное имѣетъ разныя степени. По природной структурѣ нашего интеллекта, мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ-смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства объектовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя ощущаемъ въ нихъ органами нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Доказательства этой темы изъ науки, наиболѣе объективной,—изъ химіи. Отношенія между физическими и химическими свойствами веществъ, по химіи *Бутлерова*: оказывается, что свойста вещества, о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ наши внѣшнія чувства, не-только переходчивы, но даже вовсе не принадлежатъ веществу въ себѣ, веществу въ его основѣ. Даже болѣе того, химія и физика низводятъ до несуществованія, въ основѣ вещества, не-только такъ-называемыя вторичныя, но и самыя первичныя качества вещества, какова непроницаемость. По *Джону Тиндалю*, вѣсомыя монады не отличаются существеннымъ образомъ отъ невѣсомыхъ. Химія и физика находятъ въ основѣ вещества только движеніе монадъ.

Глава XXXII (стр. 329—352).

Отвѣтъ позитивной психологіи на тотъ-же вопросъ: принадлежатъ ли веществу и въ какой мѣрѣ принадлежатъ чувственныя свойства—цвѣта, запаха и проч.? Отвѣты *Вундта и Карпентера*. По *Вунджу*, основаніемъ внутреннему опыту служитъ нѣчто, лежащее внѣ его,—это—мыслительные и физическіе процессы въ развитіи души; первичныя сужденія состоятъ изъ матеріальныхъ процессовъ; матеріальный и психическій процессы, при ощущеніи, суть одинъ и тотъ-же процессъ; предметы, о которыхъ говоритъ ощущеніе, суть дѣйствительность. Между-тѣмъ, противоположность между мышленіемъ и бытіемъ не устранена. Ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, но психологическій фактъ. И по *Льюису*, для объясненія явленій ощущенія, нужно искать причину психологическую, вмѣсто всякой анатомической. И по *Д. С. Миллю*, ощущеніе не можетъ быть объяснено никакимъ закономъ движенія. И по *Дюбуа Реймону*, движеніе матеріи не объясняетъ происхожденіе сознанія. Громадное количество фактовъ показываетъ, что свойства объектовъ, находимыя въ нихъ субъективными ощущеніями, существуютъ только въ субъектѣ, но не въ объектахъ, или даже представляются въ измѣненномъ и превратномъ видѣ, сравнительно съ болѣе, или менѣе, объективною реальностію. По *Карпентеру* и другимъ, міръ вытекаетъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія, есть скорѣе идеальный, чѣмъ дѣйствительный міръ.

XI

Глава XXXIII (стр. 352—355).

Если послѣдній критерій истины поставить въ свидѣтельствѣ нашихъ внѣшнихъ чувствъ,—то этотъ критерій убѣждаетъ насъ въ несуществованіи внѣшняго міра и самаго вещества: по свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, не существуетъ весь внѣшній міръ, въ цѣломъ и частяхъ. Логически вѣрное выясненіе безъисходности этого замкнутаго круга у *Д. С. Милля*: тѣлесная сущность есть неизвѣстная причина нашихъ ощущеній, сущность духовная есть неизвѣстный пріемникъ ихъ. Всѣ свойства бытія (качества, отношенія и количества) суть для насъ нечто иное, какъ наши ощущенія. Каждый объективный фактъ основывается на соотвѣтственномъ ему субъективномъ, и, внѣ этого послѣдняго, не представляетъ намъ ничего, кромѣ названія того непзвѣстнаго и неизслѣдимаго процесса, которымъ субъективный или психологическій фактъ порождается. Сущность всякаго дѣйствительнаго бытія тождественна съ частичнымъ строеніемъ тѣлъ, упираясь въ атомы; но лишь-только мы поставили для своей мысли вопросъ о бытіи атомовъ, какъ сущности всего, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы перешли въ область не познаваемаго.

Глава XXXIV (стр. 356—365).

Логически вѣрное выясненіе безъисходности того-же логическаго круга у *Вундта*: мышленіе начинается съ умозаключеній, приходитъ къ сужденію, а изъ нѣсколькихъ сужденій составляетъ понятіе. Понятіе составляется нетолько послѣ представленій, но и изъ представленій. Частныя представленія образуются изъ признаковъ, или даже совпадаютъ съ признаками. Признаки совпадаютъ съ чувственными впечатлѣніями. Каждое чувственное впечатлѣніе происходитъ изъ многихъ сужденій утвердительныхъ и отрицательныхъ, и есть нечто иное, какъ умозаключеніе, выведенное изъ этихъ сужденій, изъ сравненія даннаго впечатлѣнія съ другими. Эти элементарныя умозаключенія, сужденія, признаки или качества ощущеній или ощущаемыхъ явленій, несомнѣнно не реальны въ объектѣ,—самыя же первичныя впечатлѣнія не существуютъ и въ сознаніи, значитъ, не реальны и въ субъектѣ; между-тѣмъ изъ этихъ не реальныхъ элементовъ складывается все наше представленіе о реальномъ. Образованіе понятій идетъ путемъ индукціи и дедукціи, синтеза и анализа, и притомъ такъ, что понятіе о предметѣ, начиная отъ самаго частнаго и до самаго общаго, составляется посредствомъ отвлеченія. На индуктивно-дедуктивной лѣстницѣ всѣхъ человѣческихъ представленій и понятій, не-только самое высшее общее понятіе бытія оказывается тождественнымъ съ отрицаніемъ бытія, но и низшимъ, болѣе или менѣе обобщеннымъ, понятіямъ и представленіямъ не оказывается въ реальномъ фактѣ соотвѣтствующихъ объектовъ.

Глава XXXV (стр. 365—381).

Современный научный методъ, уничтожая границу между родами и видами, стремится къ уничтоженію, съ одной стороны, индивидовъ также, какъ и видовъ

и родовъ, а съ другой, не-только индивидовъ, но и частей ихъ, до атомовъ. По *Вундту*, всякое индивидуальное представленіе оказывается общимъ въ-отношеніи къ своимъ частямъ и качествамъ, какъ представленіямъ частнѣйшимъ; даже наиболѣе несомнѣнный индивидуумъ, наше Я, распадается на большое множество отдѣльныхъ процессовъ, отдѣльныхъ существъ, даже отдѣльныхъ субъектовъ, судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ. И по *Вирхову*, единство индивида основывается на общности частей; Я—только собраніе частей, индивидуумъ существуетъ только какъ общность, какъ собраніе живыхъ самостоятельныхъ существъ; Я—философовъ есть слѣдствіе—Мы—біологовъ. И по *Г. Спенсеру*, особь, индивидъ вовсе не есть понятіе, а просто субъективное представленіе о дѣйствительномъ предметѣ, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія, и только отъ этого послѣдняго зависитъ, будетъ ли предметъ особью, или нѣтъ. Законы органической интеграціи и дезинтеграціи, исчезанія омологовъ и концентрированія органовъ, спеціализованія и раздѣленія физіологическаго труда, органическаго равновѣсія и антагонизма между органами, по *Н. Вагнеру*. Индивиды сводятся къ ничтожеству двумя путями: анатомико-физіологическимъ и логико-психологическимъ.

Глава XXXVI (стр. 381—389).

И атомъ дробится на части вдвойнѣ, какъ и бытіе, и представленіе. Безконечная твердость, непроницаемость, невѣроятна ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. Наблюденія не открыли въ атомахъ ни одного неизмѣннаго свойства. Всѣ простыя тѣла сложны. Атомистическая гипотеза не-только не доказана, но даже опровергнута, какъ ложная въ самомъ существѣ. Атомъ есть единица только мысленная, противоположная индивиду, единицѣ дѣйствительной.

Глава XXXVII (стр. 389—407).

И матерія, съ разсудочно аналитической точки зрѣнія, какъ суррогатъ внѣшечувственныхъ впечатлѣній, не существуетъ. Какими чувственными признаками опредѣляется принадлежность предмета къ числу матеріальныхъ вещей? Можно ли назвать свѣтъ, теплоту и электричество веществами? Отвѣты *Д. С. Милля*, *Вундта*, *Ульрици*, *Джона Тиндаля* и др. Проявленія эѳира безспорны по тому, что подлежатъ нашимъ чувствамъ, а бытіе его самаго, какъ вещества, подвергается современною наукою серьезному сомнѣнію. Неопредѣленность критерія матеріальности. Сѣдалище самыхъ коренныхъ, самыхъ первичныхъ свойствъ матеріи, корень самаго основнаго критерія матеріальности находится въ субъектѣ, но не въ объектѣ. Въ объективномъ бытіи не-только фигуральность и протяженность, но и тяжесть и даже ощутительное сопротивленіе, необходимо предполагая въ объектѣ сложность, могутъ опираться только на ультиматъ непроницаемости; но абсолютная непроницаемость въ объективномъ бытіи невозможна.

Глава XXXVIII (стр. 407—410).

Выводы изъ предъидущаго относительно небытія объектовъ, соотвѣтствующихъ общимъ понятіямъ, какъ и индивидовъ, атомовъ и самой матеріи.

ВВЕДЕНІЕ.

Позитивная философія принимаетъ только *реальное, объективное знаніе за истинное знаніе*, — доступнымъ истинному познанію считаетъ только то, что или непосредственно основывается на опытѣ, наблюденіи, свидѣтельствѣ чувствъ, или что логически вѣрно, что строго-позитивнымъ, индуктивно-дедуктивнымъ, методомъ вытекаетъ изъ непосредственнаго опыта, наблюденія и свидѣтельства чувствъ и что въ выводѣ своемъ можетъ быть повѣрено тѣмъже способомъ, т. е. опытомъ, наблюденіемъ и свидѣтельствомъ чувствъ.

Такимъ образомъ позитивное, реально-объективное знаніе, какъ источникомъ своимъ, такъ и критеріемъ имѣетъ опытъ, наблюденіе и свидѣтельство чувствъ, т. е. эмпирическое, чувственное.

Что мы называемъ *реальнымъ*? То, что есть *in re*, что существуетъ въ дѣйствительности.

Что называется *объективнымъ*? На философскомъ языкѣ субъектомъ называется мыслящая личность, а объектомъ—мыслимый предметъ. Субъективнымъ понятіемъ или представленіемъ называется понятіе или представленіе, соотвѣтствующее только законамъ мышленія мыслящаго субъекта, безъ соотношенія понятія или представленія къ мыслимому или представляемому, внѣ мыслящаго ума существующему, объекту. Субъективнымъ знаніемъ или истиною называются знаніе или истина, соотвѣтствующія только законамъ мышленія и познанія, безъ соотношенія къ законамъ бытія предметовъ; а знаніемъ или истиною объективными называются знаніе или истина, которыя

соотвѣтствуютъ сколько законамъ мышленія и познанія, столько-же законамъ и дѣйствительнаго бытія мыслимыхъ и познаваемыхъ предметовъ.

Что мы называемъ *чувственнымъ?*—То, что подлежитъ чувствамъ или дѣйствуетъ на чувства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О ЗНАНІИ ОБЪЕКТИВНОМЪ.

Все ли чувственное, чувствомъ постигаемое, объективно?

Для возможно-точнаго анализа, рѣшенію этого вопроса мы должны предпослать другіе вопросы:

1) *Сколько у насъ чувствъ и какія* именно?

Чувства раздѣляются на *внѣшнія и внутреннія*. Раздѣленіе это, съ эмпирической точки зрѣнія, не строго точно. Въ-отношеніи къ воспринимающему *субъекту*, всѣ чувства суть внутреннія, внутри субъекта дѣйствующія, какъ физіологически, такъ и психологически: всѣ ощущенія суть дѣятельности, происходящія внутри субъекта. Только въ-отношеніи къ воспринимаемымъ *предметамъ* это раздѣленіе чувствъ на внѣшнія и внутреннія можетъ быть удержано: изъ предметовъ, дѣйствующихъ на чувства, одни находятся внѣ чувствующаго субъекта, а другіе внутри его.

Къ такъ-называемымъ *внѣшнимъ чувствамъ* обыкновенно относятся пять: зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе, при чемъ осязаніе должно быть понимаемо широко, какъ общая, въ разныхъ мѣстахъ разностепенная, воспріимчивость всей поверхности человѣческаго тѣла.

Къ внутреннему чувству, понимаемому въ обширномъ смыслѣ,— какъ оно является не въ школьныхъ системахъ, а въ фактѣ ощущенія,— должно отнести: 1) низшую степень ощущенія физическаго, какъ-то: боли, голода, усталости и т. п. и 2) высшую степень ощущенія душевныхъ движеній и дѣятельностей: страха, радости, тоски умиленія, любви,, разнообразныхъ движеній воли и мысли,—

и самаго ощущенія, которое въ этой сферѣ, въ сферѣ мышленія, переходитъ въ сознаніе и самосознаніе.

2) Вопросъ: *все ли чувственное объективно* — значитъ: такъ ли существуютъ въ дѣйствительности предметы, какъ свидѣтельствуютъ намъ наши чувства,—имѣютъ ли объекты въ себѣ тѣ свойства, какія придаются имъ ощущеніями?

Здѣсь нуженъ точный аналізъ.

ГЛАВА I.

Сначала разсудимъ *о внѣшнемъ чувствѣ: объективно ли его свидѣтельство?*

Свойства предметовъ, открываемыя въ нихъ *чувствомъ вкуса, совершенно субъективны.* Ощущенія вкуса: сладкое, кислое, горькое и т. п.,—это состоянія, принадлежащія ощущающему рту; онѣ свидѣтельствуютъ объ объектѣ только то, что онъ имѣетъ въ себѣ какое-то свойство, въ данный моментъ, способное производить въ моемъ рту извѣстное ощущеніе. Крайняя субъективность свойствъ, открываемыхъ въ предметахъ чувствомъ вкуса, доказывается тѣмъ, что 1) у одного и тогоже человѣка, въ разныхъ возрастахъ, положеніяхъ и состояніяхъ, ощущенія вкуса, какъ по степени, такъ и по привлекательности и даже по значенію своему, весьма измѣнчивы, — 2) у разныхъ людей, по различію расъ, развитія и состояній, различны и 3) у животныхъ, какъ, напр., у лошади, свиньи и т. п., отличны отъ ощущеній у человѣка.

О свойствахъ, открываемыхъ въ предметахъ *чувствомъ обонянія,* должно сказать тоже самое, что и о чувствѣ вкуса. Запахи суть возбужденія обонятельнаго нерва какимъ-то свойствомъ частицъ, механически отдѣляющихся отъ обоняемаго тѣла: эти ощущенія у животныхъ, у людей и даже у одного и тогоже человѣка различны.

Свойства, открываемыя въ предметахъ *чувствомъ слуха,* субъективны до того, что въ предметахъ, можно сказать, не существуютъ. Звукъ въ звучащемъ предметѣ есть только движеніе частицъ, которое становится звукомъ только въ слуховомъ нервѣ, сотрясаемомъ этимъ движеніемъ. Въ природѣ же, внѣ слуховаго нерва, нѣтъ звуковъ; нѣмая, она только движется. Субъективность свойствъ, открываемыхъ

этимъ чувствомъ, видна изъ того, что 1) у животныхъ, у которыхъ слуховой органъ устроенъ далеко не сходно съ нашимъ, какъ-то у рыбъ, ощущенія звука должны быть весьма отличны отъ нашего, тѣмъ болѣе, что на значеніе звука у водяныхъ животныхъ должна много вліять среда, въ которой онѣ живутъ; 2) у животныхъ высшихъ, каковы птицы и млекопитающія, ощущенія звука должны быть не одинаковы по напряженію (собака, кошка слышатъ, что нужно имъ слышать, лучше человѣка) и привлекательности (если животныя и могутъ различать тоны, чего отрицать нельзя, то едвали эти тоны имѣютъ для внутренняго ощущенія животнаго тоже значеніе привлекательности, какъ для человѣка; можно даже сказать рѣшительно, что не имѣютъ); 3) у разныхъ людей ощущенія звука различны по степени напряженія, по значенію (нѣкоторые, и при томъ весьма многіе, люди мало воспріимчивы къ различенію тоновъ, напр., дикари, огрубѣлые поселяне), по привлекательности (дикарямъ, даже нерѣдко нашимъ поселянамъ, нравятся безмѣрно нескладныя сочетанія звуковъ въ мѣстныхъ народныхъ пѣсняхъ, и, конечно, рѣшительно непонятны сонаты Бетховена и т. п.); 4) у одного и тогоже человѣка эти ощущенія могутъ разнообразиться, опускаться и подниматься въ своемъ качествѣ весьма много,—съ одной стороны, до глухоты и нѣмоты, а съ другой—до крайней степени тонкости и раздражительности слуховаго нерва.

Подобнымъ-же образомъ и свойства, открываемыя въ предметахъ *чувствомъ зрѣнія*, также весьма субъективны, и субъективны во многихъ и разнообразныхъ отношеніяхъ. 1) Нѣтъ возможности повѣрить, одинаково ли, по размѣрамъ, по цвѣту, и даже по формѣ, не говоря уже о привлекательности цвѣтовъ и сочетаній ихъ, представляются предметы животнымъ и человѣку. Несомнѣнно, что нѣкоторымъ животнымъ, напр., ночнымъ птицамъ, нетопырямъ и т. п., предметы должны представляться иначе, чѣмъ человѣку. 2) Въ-отношеніи къ человѣку, на свойства предметовъ, открываемыя зрѣніемъ, вліяетъ, во-первыхъ, внѣшняя среда, чрезъ которую смотримъ: а) день свѣтлый, или пасмурный,—б) лунное и солнечное затмѣнія,—в) времена дня: день и ночь, утро и вечеръ,—г) времена года: весна и осень, лѣто и зима,—д) географическіе поясы и страны свѣта,—е) положеніе зрителя въ разныхъ слояхъ атмосферы: у горизонта, на высотѣ полета аэростатовъ, на крайнемъ предѣлѣ атмосферы, гдѣ исчезаетъ свѣтъ: внѣ атмосферы нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ, а въ атмосферѣ онѣ являются всегда и неизбѣжно подъ вліяніемъ атмо-

сферной аберраціи; 3) ...вліяетъ среда зрительнаго органа: доказано, что отпечатокъ предмета, дѣйствующій на зрительный нервъ, получается именно въ глазѣ и притомъ чувствуется въ глазѣ,—отпечатокъ представляется въ обратномъ видѣ, движеніе отпечатка въ глазѣ происходитъ обратно движенію предмета въ дѣйствительности, отпечатокъ предмета всегда бываетъ меньше предмета и больше, или меньше, смотря по разстоянію, — однимъ словомъ, зритель, касаясь падающаго отъ предмета свѣтоваго луча, по отраженію этого луча на зрительномъ нервѣ, субъективно пріучается приписывать предметамъ величину, извѣстное положеніе и извѣстное движеніе; 4) доказано, что цвѣта вовсе не принадлежатъ предметамъ: имъ принадлежитъ только способность принять свѣтящій лучь, всегда часть его поглотить и за-тѣмъ, преломивъ его, отразить въ одномъ ли то направленіи (какъ отражаютъ полированныя плоскости, хотя и тѣ никогда не отражаютъ лучь абсолютно въ одномъ направленіи), или въ разныхъ направленіяхъ,—отразить лучь въ возможно цѣлостномъ его видѣ, или разложивъ его на элементарные цвѣта, — отразить всѣ разложенные элементарные цвѣта, или только нѣкоторые или даже одинъ только лучъ, въ чистомъ ли видѣ одного изъ радужныхъ лучей, или въ смѣшанномъ; 5) не говоримъ уже о напряженіи ощущеній зрѣнія, о значеніи и привлекательности какъ отдѣльныхъ цвѣтовъ, такъ и сочетанія ихъ у разныхъ людей: у одного и тогоже человѣка эти ощущенія бываютъ различны по возрасту, душевному развитію, по состоянію, здоровому, или болѣзненному, по внѣшней средѣ, чрезъ которую человѣкъ смотритъ: — очки, зрительныя трубы и т. п.

Наконецъ, самое, повидимому, непосредственное чувство осязанія— и то даетъ намъ свойства предметовъ больше субъективныя, чѣмъ объективныя, такъ-что и здѣсь трудно, если только возможно, опредѣлить, что есть здѣсь объективнаго и что субъективнаго. Этимъ чувствомъ мы опредѣляемъ въ предметахъ степень температуры, гладкость и шероховатость, упругость, твердость и фигуру. Но 1) *тепло и холодъ*, степени температуры, въ природѣ не существуютъ: тамъ есть только движеніе частицъ тѣла, большее или меньшее расширеніе, или сжатіе ихъ; 2) ощущеніе степеней температуры, гладкости и шероховатости, даже упругости, твердости и фигуральности тѣлъ у разныхъ людей, и даже у одного и того же человѣка, въ разныхъ положеніяхъ, весьма различны; а у человѣка и животныхъ различны до того, что нѣкоторыя изъ названныхъ свойствъ животнымъ

болѣе или менѣе недоступны, по несуществованію у нихъ спеціальнаго чувствилища осязанія, подобнаго нашимъ пальцамъ: атласистая гладкость тѣлъ для животныхъ не существуетъ; упругость воды и воздуха для рыбъ, плавающихъ и летающихъ птицъ, для животныхъ живущихъ на сушѣ, весьма различна; даже фигуральность тѣлъ для одного осязанія животныхъ, внѣ связи съ чувствомъ зрѣнія, должна быть весьма мало доступна. Самымъ объективнымъ ощущеніемъ для чувства осязанія остается ощущеніе твердости тѣлъ, когда оно переходитъ въ ощущеніе неподатливости тѣла (упругости), непроницаемости. Но и это ощущеніе, разсматриваемое только какъ ощущеніе, не касаясь его субъективности, его существованія только внутри чувствующаго субъекта, у разныхъ ощущающихъ существъ, человѣка, или животныхъ (наприм. медвѣдя, гнущаго въ дугу дубину, какъ прутикъ), должно быть различно. Субъективность ощущенія даже твердости, непроницаемости тѣлъ тѣмъ несомнѣннѣе, что абсолютная непроницаемость тѣла до сихъ поръ есть только физическое предположеніе, но не эмпирическій фактъ, такъ-какъ предѣлъ сжимаемости тѣлъ, подъ вліяніемъ холода, съ одной стороны, а съ другой (наприм., въ сжимаемости глины) подъ вліяніемъ высокой температуры,—а также подъ вліяніемъ высокаго давленія, наприм., въ сжимаемости воздуха въ трубкѣ подъ вліяніемъ внѣшняго давленія, пока еще не установленъ. Можно мыслить даже то, что если-бы въ природѣ абсолютно воцарился холодъ,—сила тожественная міровой силѣ притяженія и противоположная міровой расширяющей силѣ тепла,—то все міровое вещество сжалось бы до атома, иначе сказать,—до ничтожества...

Субъективность данныхъ, получаемыхъ изъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ, доказывается еще тѣмъ, что, какъ доказано теперь наукою, чувствуетъ въ насъ собственно центральное чувствилище, головной мозгъ съ своимъ продолженіемъ, — спиннымъ мозгомъ, хотя намъ кажется, будто ощущеніе получаетея на конечныхъ узлахъ чувствующихъ нервовъ: въ глазахъ, ушахъ, пальцахъ, ноздряхъ, во рту, на поверхности кожи, будто именно эти нервы прикасаются къ объектамъ, тогда-какъ, отдѣленные отъ общаго чувствилища, они не чувствуютъ, и объекты, со своими свойствами, перестаютъ для нихъ существовать. И на-оборотъ, общее чувствилище можетъ быть возбуждаемо не въ самыхъ органахъ внѣшнихъ чувствъ, а получать ощущенія какъ-будто въ самыхъ органахъ, наприм., ощущеніе свѣта въ зритель-

номъ нервѣ, безъ свѣтящаго предмета и отраженія его въ глазѣ, ощущеніе осязанія предметовъ, когда пальцы отрѣзаны и т. п.

Крайне ненормальное развитіе подобной неправильно-дѣйствующей чувствительности оканчивается болѣзненными галлюцинаціями чувствъ, и не одного, но всѣхъ чувствъ, не-только вкуса и обонянія, но и слуха, и зрѣнія и даже осязанія. При этомъ сознаніе чувствующаго, большею частію, или, по крайности, весьма часто, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ увѣренности въ бытіи ощущаемыхъ предметовъ съ ихъ свойствами.

Итакъ, принимая во вниманіе, что 1) всѣ ощущенія внѣшнихъ чувствъ суть дѣятельности внутреннія, совершающіяся внутри чувствующаго субъекта, что 2) формулируются онѣ въ опредѣленныя, доступныя сознанію, ощущенія не иначе, какъ въ центральномъ чувствилищѣ головнаго мозга съ его продолженіемъ,— спиннымъ мозгомъ, 3) формулируются въ опредѣленныя ощущенія, какъ-бы воспринимаемыя отъ существующихъ вовнѣ предметовъ, нерѣдко при несуществованіи не-только предметовъ, но и самыхъ подлежащихъ органовъ чувствъ,—4) что цѣлыя области свойствъ, открываемыя чувствами въ предметахъ, или не принадлежатъ предметамъ, или имѣютъ въ дѣйствительности иную форму существованія, напр., а) свойства, относящіяся къ опредѣленію температуры, въ объективномъ бытіи, суть только разныя перемѣщенія частицъ тѣла; б) цвѣта суть движеніе эѳира, возбуждаемаго свѣтящими тѣлами, или даже истекающаго изъ свѣтящихъ тѣлъ, а въ тѣлахъ темныхъ цвѣтовъ нѣтъ; съ другой стороны, если свѣтъ свѣтящихъ тѣлъ не отражается въ не свѣтящихъ, то и свѣтящія тѣла для нашего чувства исчезаютъ: внѣ темной земной атмосферы нѣтъ ни солнечнаго, ни звѣзднаго свѣта; в) звукъ въ природѣ есть только извѣстнаго рода нѣмое движеніе частицъ тѣла: звука въ природѣ, внѣ чувствъ слуха, нѣтъ; г) точно также, внѣ чувствъ вкуса и обонянія, нѣтъ ни горькаго, ни кислаго, ни благовоннаго, ни зловоннаго; есть только опять-таки только извѣстнаго рода перемѣщеніе частицъ, при чемъ ощущаемый предметъ въ ощущеніи перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ до ощущенія, механически и химически соединяясь съ соками рта, или носа; 5) для чувства животныхъ многія свойства тѣлъ или не существуютъ, или существуютъ иначе, нежели для человѣка. Такъ: а) вкусы и запахи для животныхъ имѣютъ иное значеніе; даже невозможно увѣриться, существуютъ-ли для птицъ, рыбъ и пресмыкающихся сладкое, кислое,

горькое, розовое, фіалковое и т. п.; б) для рыбъ, не говоря о пресмыкающихся, звуки должны имѣть иное значеніе; в) для рыбъ, нетопырей, ночныхъ птицъ и т. п. цвѣта должны имѣть иное значеніе, а нѣкоторые цвѣта, безъ сомнѣнія, вовсе не существуютъ; картинность, какъ и музыкальность, для животныхъ, даже высшихъ, едвали существуютъ; г) для рыбъ, птицъ и четвероногихъ животныхъ степени температуры и упругости должны быть различны, а свойства гладкости, шероховатости, фигуральности для животнаго осязанія, если и существуютъ, то въ весьма малой мѣрѣ; 6) и у людей, и даже у одного и того же человѣка, въ разныхъ положеніяхъ, ощущенія различны и переходчивы, такъ-что, можно сказать, нѣкоторыя свойства предметовъ для цѣлыхъ классовъ людей, въ извѣстныхъ состояніяхъ, не существуютъ: а) для людей, живущихъ въ зловоніи, зловонное не зловонно, сильное благовоніе только благовоніе, тонкое благовоніе не существуетъ; б) для рта грубыхъ людей тонкости гастрономіи неуловимы: в) картинность, высокая музыкальность для нихъ вовсе непостижима; г) атласистость поверхностей, тонкая фигуральность (въ родѣ граматы доступной для слѣпцовъ) недоступны; 7) для самаго обширнаго по дѣятельности въ сферѣ опыта и наиболѣе изученнаго чувства зрѣнія существуютъ не предметы съ ихъ свойствами, а отображенія ихъ на сѣтчатой нервной оболочкѣ глаза, отображенія въ уменьшеномъ, сравнительно съ предметами, видѣ и обратномъ положеніи, отображенія, движущіяся на нервной оболочкѣ обратно движенію предметовъ и существующія не иначе, какъ внутри глаза, на сѣтчатой оболочкѣ, хотя отображенный предметъ и отстоялъ бы отъ глаза такъ далеко, какъ самое дальнее изъ туманныхъ звѣздныхъ пятенъ; представленія же величины, разстоянія, положенія и движенія предметовъ суть только чисто субъективныя умозаключенія, какія человѣкъ привыкаетъ дѣлать на-основаніи отпечатковъ видимыхъ предметовъ въ глазу,—принимая все это во вниманіе, мы должны утвердительно сказать, что *всѣ свойства, приписываемыя объектамъ на-основаніи ощущеній внѣшняго чувства, рѣшительно субъективны, такъ-что о нѣкоторыхъ нельзя сказать, существуютъ ли они въ извѣстномъ объектѣ, или нѣтъ, о другихъ же можно сказать, что существуютъ только въ субъектѣ, но не въ объектѣ.*

Но этого мало. Извѣстно и очевидно, что *ощущеніе*, само по себѣ, какъ ощущеніе, безсознательно; сознательнымъ становится оно съ того только момента, какъ, посредствомъ чувственнаго *воззрѣнія или воспріятія*,

оно, въ-видѣ *представленія*, является въ области сознанія, гдѣ воспринятыя чрезъ ощущеніе отдѣльныя черты предметовъ мгновенно сливаются въ *конкретъ*, который, въ дальнѣйшей дѣятельности разсудка, становится *конкретною схемою*, поставленною подъ извѣстное, *видовое или родовое и т. д., понятіе*. Это превращеніе чувственнаго воспріятія въ конкретное представленіе, въ обособленный индивидуумъ, оттѣненный видовою и родовою схемою, совершается въ нашемъ сознаніи, съ быстротою молніи, двумя путями или методами: 1) путемъ восхожденія, собиранія, *индукціи*,— и 2) нисхожденія, аналогіи, *дедукціи*: наприм., этотъ лимонъ желтъ, бугристъ, кисель, пахучъ, оваленъ; другой лимонъ желтъ, бугристъ, кисель, пахучъ, оваленъ,—слѣд., всѣ лимоны кислы, пахучи, бугристы, желты, овальны,—индукція; дедукція, аналогія: этотъ предметъ желтъ, бугристъ, оваленъ, значитъ и кисель, и пахучъ, значитъ это лимонъ, при чемъ подъ этотъ конкретъ мгновенно подкладываются схемы: тропическій, садовый, фруктъ, растеніе, органическое, матеріальный предметъ извѣстнаго времени, пространства и т. д.,—при чемъ всѣ общія свойства видовъ и родовъ, подъ которые мы подводимъ этотъ индивидуумъ, мы мгновенно усвояемъ и ему, хотя бы въ немъ непосредственнымъ воспріятіемъ и не усмотрѣли этихъ общихъ видовыхъ и родовыхъ свойствъ. Не будемъ здѣсь [1]) воскрешать столькоже старый, сколько и неразрѣшимый, и потому безплодный, между номиналистами и реалистами, равно-какъ современными намъ идеалистами и позитивистами, споръ о томъ, прирождены, или нѣтъ, общія схемы, категоріи понятій, или пріобрѣтаются нами изъ опыта,—существуетъ ли, наприм., въ природѣ время и пространство, или это только общія, прирожденныя человѣку, формы чувственнаго воззрѣнія. Но то дознано и общепринято, равно-какъ и очевидно, что 1) съ одной стороны, ни одинъ конкретъ не можетъ быть адекватенъ представляемому предмету, что чѣмъ индивидуальнѣе предметъ, тѣмъ необъятнѣе содержаніе соотвѣтствующаго ему понятія, неуловимѣе, безмѣрнѣе количество принадлежащихъ ему свойствъ и признаковъ,—что наиболѣе конкретныя понятія мыслятся въ нашемъ умѣ не иначе, какъ подъ болѣе или менѣе обобщенною схемою, наприм., Зефировъ—III курса студентъ Казанской Духовной Академіи, духовный, воспитанникъ, русскій, европеецъ, XIX вѣка, человѣкъ и т. д., а 2) съ другой стороны, никакое родовое, или видовое понятіе не можетъ быть представляемо

---

[1]) Ниже объ этомъ предметѣ мы произнесемъ свое сужденіе болѣе обстоятельно

въ нашемъ сознаніи иначе, какъ въ конкретированной, ни одному индивидууму точно не соотвѣтствующей, субъективно-формулированной формѣ; наприм., человѣкъ не можетъ быть представленъ только какъ животное-разумное, но безъ носа, головы, рукъ, ногъ и т. д., и именно извѣстныхъ носа, головы, рукъ, ногъ и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что ни наиболѣе конкретное понятіе не бываетъ такъ полно по содержанію, какъ представляемый предметъ, ни самое высшее общее понятіе такъ скудно по содержанію, какъ хотѣлъ бы того разсудокъ;— тѣ и другія понятія не адекватны своимъ предметамъ, иначе сказать—не объективны, но формулируются въ насъ произвольно-субъективно,—иначе сказать,—*всѣ наши понятія, представленія предметовъ, какъ индивидуальныя, такъ и общія, какъ конкретныя, такъ и отвлеченныя, субъективны.*

По всѣмъ этимъ соображеніямъ оказывается, что res in se, объекты, съ реальными ихъ свойствами, для насъ недоступны, какъ учитъ *Кантъ*, послѣ котораго *Фихте* утверждалъ, что разумъ нашъ есть сила не теоретическая, а практическая, творящая не-только субъективный, но и объективный міръ, по прирожденнымъ ей законамъ мышленія, — въ-слѣдъ за-чѣмъ, вынуждаемый крайностью теоріи, измышленной *Фихте*, *Шеллингъ* провозглашалъ теорію абсолютнаго тожества, равновѣсія въ универсѣ объективнаго и субъективнаго, что, въ свою очередь, вынудило *Гегеля* утверждать, что идеи и объекты соотносительны, что ни субъектъ, ни объектъ не реальны, а реально только отношеніе ихъ, идея, — что все есть идея, отчуждающаяся отъ себя въ формѣ инобытія въ природѣ, возвращающаяся къ себѣ въ формѣ для себя — бытія въ абсолютномъ сознаніи истины всего бытія. Во всякомъ случаѣ, позитивный анализъ дѣятельности нашихъ внѣшнихъ чувствъ и основанной на нихъ первичной работы разсудка вынуждаетъ сознаться, что *внѣшнія наши чувства свидѣтельствуютъ не о свойствахъ бытія объектовъ, но о свойствахъ, производимыхъ объектомъ въ субъектъ, внутреннихъ состояній, на основаніи которыхъ разсудокъ, составляя понятія объ объектахъ, формулируетъ ихъ по законамъ мышленія не адекватно дѣйствительному бытію предметовъ, т. е. опять не объективно, а субъективно.*

Такимъ образомъ, что же можно, если только можно что-либо, признать объективнымъ въ сферѣ дѣйствія внѣшнихъ чувствъ, въ области внѣшняго опыта?—1) Доказано, что чисто объективнаго по-

нятія ни у одного человѣка нѣтъ ни одного; 2) опытъ показываетъ и греческая философія справедливо провозгласила еще искони, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей; 3) это совершенно справедливо, во-первыхъ, въ-отношеніи къ каждому частному лицу: каждый человѣкъ невольно вѣритъ тому, о чемъ настойчиво свидѣтельствуютъ ему его внѣшнія чувства,—и это справедливо до того, что даже высоко развитымъ людямъ часто трудно бываетъ убѣдиться разумнымъ сознаніемъ въ доказанной свидѣтельствомъ другихъ галлюцинаціи чувствъ; 4) человѣчествомъ же признается за объективное то, что *обще-субъективно*; но при этомъ должно сдѣлать слѣдующее различеніе понятій: а) нѣтъ ни одного ощущенія, которое было бы абсолютно тожественно и само себѣ равно у всѣхъ людей; б) относительно ощущеній, которыя признаются наиболѣе тожественными, невозможно увѣриться, что онѣ тожественны у всѣхъ людей, потому-что для подобнаго увѣренія нѣтъ масштаба; даже можетъ быть мыслимо, что напряженіе и даже, быть можетъ, значимость чувствительности въ человѣческомъ родѣ измѣняется: у дикарей граничащія съ животными инстинктами чувства несравненно острѣе, даже инороднѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ; за-то, въ свою очередь, у цивилизованныхъ развились такія тонкости чувствъ, какихъ у людей не развитыхъ, наиболѣе близкихъ къ матеріальной природѣ, можно сказать, нѣтъ и не было; в) *относительно простыхъ ощущеній обыкновенно признается объективнымъ то, что одинаково чувствовалось всегда и чувствуется вездѣ большинствомъ здоровыхъ людей*; г) *относительно же высшихъ, сложныхъ ощущеній признается объективнымъ то, что чувствуется большинствомъ болѣе развитыхъ людей*. Такъ, въ тонкостяхъ вкусовъ, напр., гастрономическихъ, въ тонкостяхъ запаховъ, напр. косметическихъ, въ музыкальности звуковъ, въ привлекательности цвѣтовъ и сочетаній видимыхъ формъ объективно не то, что чувствуетъ, или, лучше сказать, чего не чувствуетъ масса неразвитыхъ людей, но то, что чувствуетъ болѣе развитое, утонченное меньшинство человѣческаго рода, и противъ ихъ ощущенія хотя бы стояла съ отрицаніемъ вся масса огрубѣлаго человѣчества, начиная отъ первыхъ потомковъ Каина и кончая сотнями милліоновъ дикарей и современныхъ простецовъ Европы, Азіи, Африки, Америки и Австраліи, должно быть признано *объективнымъ то, что открывается въ предметѣ чувствами лучшей части человѣчества, особенно если оно опирается на свидѣтельство чувствъ лучшей части человѣчества всѣхъ вѣковъ*.

ГЛАВА II.

11) Перейдемъ теперь *къ внутреннему чувству* и сравнимъ его свидѣтельство съ свидѣтельствомъ чувства внѣшняго, въ-отношеніи къ объективности, или субъективности.

А) Раздѣливъ внутренее чувство на двѣ области: 1) *низшую область физическихъ ощущеній* и 2) *высшую область ощущенія движеній и дѣятельностей душевныхъ* и полагая источникомъ этихъ ощущеній, вложенныя въ нашу природу, тѣлесныя и душевныя потребности, мы усматриваемъ слѣдующіе виды ощущеній: 1) *въ низшей области:* а) проистекающія изъ потребности питанія, ощущенія голода и утоленія его, также ощущенія жажды и утоленія ея; б) изъ потребности дыханія легкими и всею поверхностію кожи, особое ощущеніе спокойствія при дышаніи, посредствомъ дыхательныхъ органовъ и кожи, благораствореннымъ воздухомъ, и ощущеніе асфиксіи при затрудненіи или остановкѣ дыханія; в) изъ потребности движенія, ощущенія особаго удовольствія, или неудовольствія при умѣренномъ движеніи и усталости, при недостаткѣ или избыткѣ движенія; г) изъ потребности правильнаго хода всѣхъ жизненныхъ отправленій тѣла. извѣстныя ощущенія здоровья, спокойствія, или страданія, боли и т. п.; 2) *въ высшей душевной области:* а) происходящія изъ потребностей *высшаго душевнаго эстетическаго чувства*, въ-случаѣ ихъ удовлетворенія, ощущенія душевной тишины, веселія, радости, восхищенія, восторга, привязанности, любви, самоотверженія, умиленія, благоговѣнія, всесовершеннаго погруженія въ созерцаемое, при созерцаніи прекраснаго, благороднаго, великаго, высокаго, безконечнаго, и обратнаго свойства ощущенія при неудовлетвореніи сердечныхъ потребностей; б) проистекающія изъ потребностей *воли*, ощущенія спокойствія и одобренія *совѣсти*, при созерцаніи въ себѣ ли, или въ другихъ, хорошаго нравственно поступка, и обратныя ощущенія при нарушеніи нравственнаго идеала; в) наконецъ, изъ потребностей *ума*, проистекающія ощущенія удовлетворенія, при сознаніи правильнаго и успѣшнаго хода умственныхъ работъ, и неудовлетворенія, при разстройствѣ, ложномъ направленіи и безплодности этихъ работъ. Надъ всѣми же этими, какъ низшими, такъ и высшими, ощущеніями должно поставить особое чувство внутренняго душевнаго зрѣнія: *сознаніе и*

самосознаніе, которымъ субъектъ прикасается къ своимъ собственнымъ состояніямъ, какъ-будто внѣ его существующимъ объектамъ.

Б) *Объективно ли свидѣтельство этихъ внутреннихъ ощущеній?* Это значитъ: имѣютъ ли въ себѣ объекты тѣ свойства, какія придаются имъ этими ощущеніями? Скажемъ рѣшительно, что свидѣтельства этихъ чувствъ болѣе объективны, по крайней мѣрѣ, болѣе общесубъективны, чѣмъ свидѣтельства чувствъ внѣшнихъ. И утверждаемъ это относительно чувствъ не только а) низшихъ физіологическихъ, но и б) высшихъ душевныхъ.

а) Сначала оцѣнимъ достовѣрность свидѣтельства *низшаго физіологическаго чувства.*

аа) *Какія свойства это чувство открываетъ въ предметахъ?* 1) Чувство, проистекающее изъ потребности питанія, открываетъ предметы, имѣющіе свойство утолять физіологическій голодъ и жажду; 2)—проистекающее изъ потребности дыханія открываетъ предметы, имѣющіе свойство поддерживать дыханіе легкое, правильное, а съ другой стороны, предметы, имѣющіе свойство асфиксировать или портить дыханіе, какъ въ легкихъ, такъ и на поверхности кожи; 3)—проистекающее изъ потребности движенія—открываетъ предметы или акты, имѣющіе свойство утолять томительное чувство недостатка, или избытка движенія; 4) наконецъ, разнообразныя чувства, проистекающія изъ потребности общаго благосостоянія чувствующей особи, открываютъ въ предметахъ свойства и условія, содѣйствующія этому благосостоянію, или подрывающія его, или даже разрушающія.

бб) Утверждаемъ, что *указанія этихъ чувствъ наиболѣе объективны.* Это видно изъ того, что никакимъ разсудочнымъ отвлеченіемъ нельзя подвергнуть сомнѣнію принадлежность предметамъ тѣхъ свойствъ, какія открываются въ нихъ этими чувствами. Напротивъ того, болѣе чѣмъ что-либо несомнѣнно, что предметамъ, которымъ названными чувствами приписываются подлежащія свойства, эти свойства дѣйствительно принадлежатъ: 1) утоляющимъ голодъ и жажду — свойство утолять голодъ и жажду,—2) поддерживающимъ правильное дыханіе—свойство поддерживать правильное дыханіе,—3) утоляющимъ потребность движенія—свойство утолять эту потребность,—4) соотвѣтствующимъ потребности родопродолженія — свойство соотвѣтствовать этой потребности,—5) поддерживающимъ общее благосостояніе организма и отвращающимъ отъ него всякаго рода искаженія и страданія—свойство поддерживать общее благосостояніе чувствующей особи и от-

странять отъ нея разныя страданія. —Здѣсь представляется вопросъ: *отчего происходитъ сравнительно болѣе близкая объективность свидѣтельства этихъ чувствъ, чѣмъ указаній чувствъ внѣшнихъ?* Отъ двухъ главныхъ, очевидныхъ причинъ: отъ того 1) что внутреннія физіологическія чувства наиболѣе непосредственно соприкасаются съ дѣйствующими на нихъ предметами, — гораздо непосреднѣе, чѣмъ чувства внѣшнія: отъ зрѣнія видимые предметы часто отстоятъ на безпредѣльное разстояніе, непосредственно же у глаза вовсе не могутъ быть видимы; отъ слуха звучащіе предметы находятся, большею частію, вдали и иногда весьма далеко, а звучащіе непосредственно около самаго уха производятъ фальшивое ощущеніе. изъ внѣшнихъ чувствъ наиболѣе соприкасающіяся съ предметами чувства осязанія, обонянія и вкуса, совершенно почти сливаются въ своихъ отправленіяхъ съ отправленіями внутренняго органическаго чувства, и имѣя спеціальное назначеніе, на-ряду съ чувствомъ внутреннимъ, служитъ общему благосостоянію организма, наименѣе даютъ матеріала для познанія и имѣютъ наболѣе *животнопрактическій характеръ*; оттого и показанія ихъ ближе къ объективности и менѣе могутъ быть подвергаемы оспориванію посредствомъ разсудочнаго анализа, чѣмъ показанія чувствъ наиболѣе дающихъ матеріала для познанія, именно чувствъ слуха и зрѣнія; оттого 2) что внутреннія физіологическія чувства имѣютъ почти исключительно *животно-практическій* характеръ, приближаясь къ чувствамъ вкуса, обонянія и осязанія, и наименѣе *теоретическій*, свойственный чувствамъ зрѣнія и слуха, руководствуясь въ своей дѣятельности задачею разобрать не столько то, что такое вещь сама въ себѣ и для себя, Ding an und für sich, сколько то, что такое вещь для насъ, въ-отношеніи къ чувствующему субъекту. На этотъ-то практическій вопросъ физіологическое чувство и отвѣчаетъ съ наибольшею непогрѣшимостью, что т. е. «данный предметъ дѣйствуетъ на чувство такимъ-то извѣстнымъ образомъ». Имѣетъ ли оно, однакоже, какое-либо теоретическое значеніе, открываетъ ли въ предметѣ какое-либо объективное свойство? Безспорно, открываетъ большую область дѣйствительно реально принадлежащихъ предметамъ свойствъ дѣйствовать на чувство извѣстнымъ образомъ,— и принадлежащихъ тѣмъ болѣе непререкаемо, что въ отправленіяхъ физіологическаго чувства непосредственно дѣйствующій на него объектъ, въ наибольшей части случаевъ, переставая быть самимъ собою, сливается съ чувству-

щимъ субъектомъ, слѣдовательно, субъектъ, въ моментъ такого слитія, начинаетъ знать объ объектѣ непосредственно, какъ о себѣ самомъ. *Въ самоощущеніи же человѣкъ не обманывается*, такъ-что самый скептическій идеалистъ можетъ быть вынужденъ согласиться, *что ощущеніе есть ощущеніе и что извѣстный объектъ дѣйствуетъ на него извѣстнымъ чувствуемымъ образомъ.*

вв) Утверждаемъ, что указанія внутренняго физіологическаго чувства какъ болѣе объективны, точно также *и болѣе обще-субъективны, чѣмъ свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ.* Не говоримъ: 1) о согласіи ни всѣхъ безъ исключенія, ни огромнаго большинства людей въ признаніи извѣстныхъ предметовъ имѣющими способность удовлетворять требованіямъ физіологическаго чувства въ человѣческомъ организмѣ; 2) не говоримъ о томъ, что и животныя ближайшаго къ человѣческому органическаго строенія признаютъ, очевидно, тѣже, или аналогичные предметы способными удовлетворять тѣмъже самымъ, или аналогичнымъ съ ними потребностямъ; 3) но кромѣ того утверждаемъ, что здѣсь есть больше возможности повѣрить согласіе или даже тождественность ощущеній у разныхъ людей, чѣмъ тамъ, въ отправленіяхъ чувствъ внѣшнихъ. Никакой нѣтъ возможности увѣриться, что А) мое зрѣніе видитъ предметы на томъже разстояніи, въ тѣхъ же размѣрахъ и въ тѣхъ же цвѣтахъ, какъ эти предметы представляются другимъ людямъ; напротивъ того, опыты показываютъ, что болѣе выпуклымъ, близоруким глазамъ предметы должны казаться ближе и больше, чѣмъ дальнозоркимъ, плоскимъ; — острому зрѣнію предметы представляются яснѣе, свѣтлѣе, чѣмъ тупому; разноцвѣтно окрашеннымъ внутри глазамъ предметы должны представляться болѣе или менѣе оттѣненными разноцвѣтностію, какъ это замѣчается иногда даже у одного и тогоже субъекта, при различіи въ устройствѣ одного глаза отъ другаго. —Невозможно увѣриться, что Б) моему слуху звуки представляются не только въ одинаковомъ напряженіи, но и на одинаковой высотѣ: опытъ не рѣдко заставляетъ предполагать противное. Такъ, въ вокальныхъ хорахъ слишкомъ часто замѣчается явленіе, что извѣстные слухи, голоса въ пѣніи, *не доносятъ*, по техническому въ хорахъ термину, а другіе *переносятъ*,—явленіе отражающееся въ голосѣ, но корень свой, по тѣсной связи голосовыхъ нервовъ съ нервами слуха, имѣющее, безъ сомнѣнія, въ слухѣ, и именно въ томъ, что одному слуху извѣстные тоны слышатся выше, а другому ниже, чѣмъ всѣмъ прочимъ пѣвчимъ.

В) Относительно остальныхъ трехъ чувствъ: вкуса, обоняніа и осязанія должно сказать тоже. Факты показываютъ значительное неравенство въ чувствительности органовъ этихъ чувствъ, такъ-что нѣкорыя ощущенія, существующія для большинства людей, не существуютъ для меньшинства; и, наоборотъ, ощущенія меньшинства не существуютъ для большинства. Господствующая же тожественность ощущеній внутренняго физіологическаго чувства наглядніе и принудительніе, чѣмъ тожественность ощущеній чувства внѣшняго, можетъ быть повѣрена: 1) тожественностью явленій предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ удовлетворенію чувства, напримѣръ, чувствъ голода, жажды, асфиксіи, изнуренія отъ утомленія, болѣзни и т. п., а потомъ 2) особенно рѣзко и принудительно сказывающимся сочувствіемъ одного чувствующаго субъекта съ другимъ въ тожественномъ или аналогичномъ состояніи чувства. Такимъ образомъ; *въ отправленіяхъ именно этихъ внутреннихъ органических чувствъ единство законовъ природы сказывается наиболье, или просто—безусловно принудительнымъ образомъ, какъ явленіе нетолько субъективное, или болье или менье обще-субъективное, но непрекаемо объективное, которое становится основаніемъ вѣры, начальнымъ исходнымъ пунктомъ убъжденія, что тѣмъже единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ во всемъ человѣческомъ родѣ, не-смотря на разныя проявленія въ нихъ значительной разностепенноети, недоразвитости, угнетенія и аномалій.*

ГЛАВА III.

б) Приступимъ теперь къ оцѣнкѣ достовѣрности, т. е. большей или меньшей объективности и общесубъективности свидѣтельства *внутреннихъ душевныхъ чувствъ.*

аа) Первымъ дѣломъ здѣсь, съ наибольшею позитивною точностью, слѣдуетъ опредѣлить, *что въ сферѣ душевныхъ дѣятельностей и силъ должно назвать чувствомъ.* Какъ въ дѣятельности разныхъ силъ природы, какъ, напр., напритяженія или отталкиванія электричества, магнетизма и т. д., замѣчается поляризація, т. е. такое коренное свойство, по которому каждая изъ этихъ силъ, будучи сама въ себѣ единствомъ

проявляется въ дѣятельности болѣе или менѣе сказывающимся двойствомъ двухъ противоположностей,—точно также нѣчто подобное замѣчаемъ мы и въ дѣятельности единой силы человѣческаго чувства, именно, при основномъ единствѣ, нѣкоторое ощутительное двойство, двѣ стороны единой дѣятельности и силы: *теоретическую силу и практическую*, которыя, будучи существеннымъ единствомъ, въ проявленіи взаимно себя связываютъ, проникаютъ и опредѣляютъ. *Одна изъ этихъ силъ*, сила *теоретическая, опредѣляетъ, что такое предметъ есть; а другая, практическая, — какъ предметъ относится къ чувствующему субъекту.* Такъ 1) въ *чувствахъ внѣшнихъ*, каждое изъ нихъ есть единство той и другой силы: теоретической и практической; тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ чувствахъ, именно въ чувствѣ вкуса и обоняніа, ощутительно преобладаніе характера практическаго, — въ чувствѣ зрѣнія и слуха преобладаніе характера теоретическаго, а въ осязаніи какъ-бы равновѣсіе того и другаго; 2) въ отдѣльныхъ проявленіяхъ *внутренняго физіологическаго чувства*, хотя не замѣчается такъ отчетливо преобладаніе одной изъ этихъ сторонъ надъ другою какъ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ чувства внѣшняго, т. е чтобы въ одномъ изъ особаго рода внутреннихъ органическихъ чувствъ преобладалъ характеръ практическій, а въ другомъ теоретическій,—тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы ощутительно замѣчаемъ въ нихъ тѣже двѣ стороны дѣйствія ихъ: при господствѣ практической стороны, которая опредѣляетъ, или скорѣе *пассивно ощущаетъ*, какъ предметъ дѣйствуетъ на чувство, замѣчаемъ дѣйствіе и теоретической стороны чувства, которая, посредствомъ *свободнаго чувственнаго воззрѣнія*, на-основаніи пассивныхъ чувственныхъ воспріятій, опредѣляетъ, какъ предметъ есть; 3) туже аналогію усматриваемъ мы въ отправленіяхъ *и душевнаго чувства*: въ его цѣлостномъ единствѣ видимъ раздвоеніе его на тѣже двѣ стороны: практическую и теоретическую, изъ которыхъ одна опредѣляетъ пассивно, какъ предметъ чувствуется въ душѣ, а другая, свободнымъ воззрѣніемъ, какъ предметъ есть. Но здѣсь, въ душевномъ чувствѣ, раздвоеніе этихъ сторонъ чувствуется еще рѣзче, чѣмъ во внутреннемъ физіологическомъ чувствѣ, и, по меньшей мѣрѣ, также ощутительно, если только еще не ощутительнѣе, чѣмъ въ чувствѣ внѣшнемъ. Именно, въ области душевныхъ дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ сердца или *эстетическаго вкуса*, мы видимъ преобладаніе характера практическаго, пассивно указывающаго, какъ предметы относятся къ

общему строю нашего душевнаго благосостоянія, при чемъ теоретическій анализъ ощущенія противоборствуетъ ему, ослабляя его цѣльность; въ области дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ воли, видимъ равновѣсіе характеровъ, практическаго и теоретическаго, гдѣ, *при посредствѣ совѣсти*, взвѣшивается, какъ извѣстный нравственный актъ относится къ душевному нашему ощущенію и каковъ потому онъ самъ по себѣ; наконецъ, въ области дѣятельностей, отнесенныхъ къ сферѣ познавательной силы, видимъ преобладаніе характера теоретическаго, который, *при посредствѣ сознанія*, опредѣляетъ, какъ предметъ самъ въ себѣ есть, хотя не исключаетъ, а, напротивъ того, въ корнѣ всякаго убѣжденія, предполагаетъ рѣшеніе и практическаго вопроса: какъ познаніе извѣстнаго предмета относится въ насъ къ чувству истины, удовлетворяющимъ, или раздражающимъ образомъ. При этомъ слѣдуетъ помнить, что, при дробленіи душевныхъ силъ, весьма важномъ и нужномъ въ школахъ и системахъ, въ дѣйствительности является единая, разносторонне, неуловимо-раздѣльно и неуловимо-слитно, проявляющаяся душа. Въ системахъ принято раздѣленіе души на три главныя области: познавательную, желательную и чувствующую, и принято, конечно, только въ-видахъ возможно-обстоятельнаго обслѣдованія, по господству въ извѣстной области душевныхъ явленій характера познавательнаго, въ другихъ желательнаго, а въ третьихъ чувствующаго. Но, на самомъ дѣлѣ, всѣ эти три силы взаимно себя проникаютъ, и коренная сила души есть чувство, такъ-какъ, по божественно-философскому изреченію божественной премудрости, *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы.* Это, на школьномъ языкѣ, значитъ, что и умъ, и воля, въ корнѣ своемъ, суть чувство. Умъ есть сила, имѣющая свои стремленія, чувствующая свои потребности; и воля есть сила, имѣющая свои стремленія, чувствующая свои потребности, точно также какъ и сердце; равнымъ образомъ и то, и другое, и третье (и умъ, и воля, и сердце) испытываютъ, каждое по своему, ощущеніе удовлетворенія при удовлетвореніи своихъ потребностей, при достиженіи цѣли своихъ прирожденныхъ стремленій, и обратное ощущеніе неудовольствія при неудовлетвореніи потребностей. Чувство сердца есть, какъ принято называть, *вкусъ*, чувство воли — *совѣсть*, чувство ума—*сознаніе. Эстетическій вкусъ, совѣсть и сознаніе суть разныя проявленія единаго кореннаго душевнаго чувства, суть*

чувства, точно также, какъ физіологическія внутреннія, и какъ внѣшнія чувства единой цѣлостной души.

бб) *Какія свойства открываются этими чувствами въ предметахъ?*—Всякое чувство указываетъ предметъ, ему подлежащій, тогда-какъ, наоборотъ, предметы, не подлежащіе ему, для него не существуютъ, и успокоивается, или даже сочувственно возбуждается, когда открываетъ въ предметахъ стороны ему самому (чувству) сродныя, сочувственныя, нужныя и способныя удовлетворить его. Такимъ образомъ, 1) чувство сердца или, въ обширномъ смыслѣ понимаемый, *эстетическій вкусъ* ищетъ и открываетъ въ предметахъ *прекрасное въ разнообразныхъ его видахъ*; 2) *чувство воли*, совѣсть, ищетъ и указываетъ *нравственно-доброе*; а 3) *чувство познавательной силы* ищетъ и открываетъ къ предметахъ *истинное, согласное съ законами мышленія и бытія, дѣйствительно-сущее реальное, соотвѣтствующее въ предметахъ требованіямъ нашего ума, объективное, исключающее всякія несовпаденія объективнаго съ обще-субъективнымъ, абсолютное.*

вв) *Объективны ли показанія внутренняго душевнаго чувства?* Есть ли въ объектахъ, находящихся внѣ мыслящаго субъекта, свойства, открываемыя этими чувствами? Есть ли внѣ человѣка прекрасное, нравственно-благое, истинное? Или эти ощущенія прекраснаго, благаго, истиннаго суть только состоянія, происходящія внутри чувствующаго субъекта? Но этотъ вопросъ равняется аналогичному вопросу относительно какъ внѣшняго, такъ и внутренняго органическихъ чувствъ: есть ли внѣ чувствующаго субъекта, въ объектахъ, кислое, или горькое, благовонное, или зловонное, атласистое, или шероховатое, дискантовое, или басовое, голубое, или зеленое, хлѣбное, по вкусу, или рыбное, жгучее, или нѣжащее и т. д.? Обо всѣхъ подобныхъ, чисто физическихъ, ощущеніяхъ должно сказать, что онѣ суть состоянія, происходящія внутри чувствующаго субъекта,—и хотя въ большей части случаевъ онѣ производятся прикасающимися къ чувству предметами, но, тѣмъ не менѣе, не могутъ быть приписаны, въ цѣльномъ своемъ видѣ, предметамъ, какъ свойства, имъ присущія независимо отъ чувствующаго субъекта, а, напротивъ того, иногда посредствомъ разсудочнаго анализа можно доказывать, что находимыя чувствомъ въ предметѣ свойства ему рѣшительно не принадлежатъ, какъ, наприм., звукъ звучащему тѣлу, цвѣтъ предмету красному, а только отражающему солнечный красный цвѣтъ, гладкость гладкому предмету, который, подъ микроскопомъ, является изрѣзаннымъ горами и рытвинами, ущеліями и долинами. По этой, строго позитивной,

аналогіи, точно также и *о свойствахъ предметовъ, открываемыхъ душевнымъ чувствомъ, справедливо спрашивать не то, есть ли эти свойства въ предметахъ, а то, есть ли внѣ чувствующаго субъекта предметы, возбуждающіе въ немъ опредѣленныя душевныя чувствованія, соотвѣтствующія ощущеніямъ прекраснаго, нравственно добраго и истиннаго?* На этотъ вопросъ человѣчествомъ уже отвѣчено, что такіе объекты есть. Внѣ меня, во внѣшней природѣ и въ человѣческомъ обществѣ, есть предметы, возбуждающіе во мнѣ ощущенія, соотвѣтствующія присущей моему духу идеѣ прекраснаго, благаго, истиннаго. При этомъ *въ объективности этихъ свойствъ, въ существованіи ихъ внѣ меня, я убѣждаюсь:* 1) *совпаденіемъ отраженія названныхъ идей въ явленіяхъ природы и человѣческаго общества съ отраженіемъ ихъ въ моей собственной дѣятельности.* Такъ, наприм., а) если извѣстный предметъ является моему *вкусу* краснымъ въ природѣ, напр., картина вечерней зари, то, осуществляя самъ эту идею въ томъ же очертаніи, я создамъ живописную или описательную картину вечерней зари; если построенный мною домъ или храмъ кажутся мнѣ грандіозными, то подобное и во внѣшней природѣ представляется мнѣ грандіознымъ, напр., вѣковой раскидистый дубъ, гора, небесный сводъ; б) если моей *совѣсти* чувствуется не хорошо, когда я дерусь на смерть съ своимъ братомъ, а, напротивъ того, хорошо, когда я берегу и защищаю ближняго, — то подобное, не только въ человѣческомъ обществѣ, но и во внѣшней природѣ, производитъ на меня ощущеніе міроваго зла, когда напр., два родственныхъ животныхъ дерутся на смерть, и міроваго добра, когда, напр., мать питаетъ, грѣетъ и защищаетъ своихъ дѣтенышей; в) если моему *сознанію* обидно, что я 20 лѣтъ раздѣлялъ съ другими убѣжденіе въ истинности лапласовой и дарвиновой теоріи, которыя ниспровергнуты теперь фактически,—то мнѣ также мучительно сознаніе, что эта юная особа ищетъ своего счастія тамъ, гдѣ даже нельзя найти забвенія ожидающаго ее горя, какъ обидно также глядѣть на мечущуюся во время пожара скотину, неудержимо рвущуюся въ пылающій уже хлѣвъ; 2) въ объективности этихъ свойствъ меня убѣждаетъ *невозможность подвергнуть сомнѣнію, посредствомъ разсудочнаго анализа, принадлежность этихъ свойствъ предметамъ*, въ которыхъ открываетъ ихъ мое чувство, подобно свойствамъ предметовъ, открываемымъ посредствомъ внутренняго физіологическаго чувства. Какъ невозможно доказывать мнѣ, вопреки настойчивому свидѣтельству моего физическаго чувства, что извѣстный предметъ утоляетъ мой голодъ

и жажду, извѣстный затрудняетъ мое дыханіе, извѣстный жжетъ, точно также абсолютно невозможно доказать, что данный предметъ, въ данную минуту, въ данномъ состоянін моего духа, не производитъ во мнѣ душевнаго восторга, нравственнаго успокоенія, умственнаго удовлетворенія. Если же и возможно самообольщеніе, въ которомъ мнѣ чувствуется, будто извѣстное душевное ощущеніе происходитъ во мнѣ отъ извѣстнаго предмета, тогда-какъ оно происходитъ отъ другаго, внѣ или внутри меня находящагося, то подобное-же самообольщеніе возможно въ ощущеніяхъ и внутренняго органическаго, и внѣшняго чувствъ. Самообольщеніе это можетъ касаться не ощущенія моего самаго въ себѣ, какъ ощущенія, а только связи его, какъ извѣстнаго явленія, или дѣйствія, съ тою или другою причиною: чувство мое открываетъ во мнѣ извѣстное явленіе ощущенія, указывая для него и причину извѣстную; здѣсь чувство, какъ чувство, не ошибается, подобно и внѣшнему чувству, которое въ красномъ предметѣ чувствуетъ источникъ краснаго цвѣта, происходящаго отъ солнца, а ошибается разсудочный анализъ, который, если ему угодно, нужно и возможно, долженъ изыскать другую вѣрную причину несомнѣннаго факта ощущенія, которое приписываетъ извѣстному предмету извѣстное объективное свойство извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на чувство субъекта; 3) если преимущественную предъ свидѣтельствомъ внѣшняго чувства объективность свидѣтельству внутренняго органическаго чувства мы приписываемъ, между прочимъ, по тому, что ощущенія этого чувства имѣютъ господствующій *животно-практическій характеръ*, руководствуясь въ своей дѣятельности задачею разобрать не столько то, что такое вещь сама въ себѣ и для себя, сколько то, что такое вещь для чувствующаго субъекта, приближаясь къ внѣшнимъ чувствамъ вкуса, обонянія и осязанія и отдаляясь отъ чувствъ, имѣющихъ болѣе теоретическій характеръ: слуха и зрѣнія,—то тоже преимущество должны мы приписать и душевнымъ ощущеніямъ *эстетическаго вкуса и совѣсти*, изъ которыхъ въ первомъ мы нашли преобладаніе, а во второй—равновѣсіе съ теоретическимъ, *характера практическаго, направленнаго къ различенію въ предметѣ того, что такое онъ не какъ* res in se, *но какъ вещь для чувствующаго субъекта*. При чемъ на этотъ практическій вопросъ и душевное чувство, подобно внутреннему органическому, должно отвѣчать съ наибольшею непререкаемою непогрѣшимостью, что данному предмету принадлежитъ свойство дѣйствовать на чувство извѣстнымъ образомъ.

Если же, при этомъ, въ третьей, спеціально-познавательной, области душевнаго чувства, *сознаніи*, преимуществуетъ характеръ *теоретическій*, направленный къ разрѣшенію вопроса, что такое res inse,— то должно сказать, что вообще душевное чувство имѣетъ наивысшее преимущество предъ чувствами не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ органическимъ; 4) *въ преимущественной непосредственности соприкосновенія чувствующаго субъекта съ чувствуемымъ объектомъ.* Эта преимущественная непосредстеенность открывается изъ того, что а) *въ дѣятельности внѣшняго чувства*, отъ двухъ, самыхъ важныхъ въ теоретическомъ отношеніи, чувствъ: зрѣнія и слуха, предметы отстоятъ, большею частію, далеко. Всѣми пятью внѣшними чувствами душа прикасается къ внѣшнему міру только съ внѣшней его стороны, при чемъ чистому отраженію и этой внѣшней стороны въ чувствѣ и сознаніи часто препятствуетъ среда, чрезъ которую предметы дѣйствуютъ на чувство,—и при томъ для болѣе правильнаго и сильнаго дѣйствованія чувства зрѣнія нужны бываютъ телескопы и микроскопы и разнаго рода увеличительныя и уменьшающія зрительныя стекла съ искусственнымъ освѣщеніемъ,—для слуха нужны слуховыя трубы и другіе акустическіе инструменты,—неточность ощущеній осязанія должно поправлять зрѣніемъ, особенно же усиленнымъ зрительными инструментами, такъ-что гдѣ палецъ не ощущаетъ, да и простой глазъ не видитъ ничего, тамъ, какъ, напр., въ незамѣтной капелькѣ воды, вооруженный глазъ открываетъ цѣлыя семейства инфузорій; тупость указаній вкуса и обонянія необходимо бываетъ изощрять разными чистительными химическими средствами; для возможнаго проникновенія внутрь чувственной природы ее нужно бываетъ анатомировать, разсѣкать, разчленять, разлагать химически, при чемъ чувство опять—таки проникаетъ только до поверхности уже разчлененной природы, которую разчленить до послѣднихъ, уже болѣе недѣлимыхъ, частей ея до сихъ поръ пока не удалось. При этомъ нашему чувству подлежитъ только безконечно малая часть и этой поверхностной стороны вселенной, такъ-какъ и на этой пылинкѣ универса, на землѣ, чувству доступна только поверхность ея; внутренность же, глубже нѣсколькихъ сотъ футовъ, останется навсегда недоступною; а поверхъ земли, за атмосферною ея оболочкою, только чувство зрѣнія ловитъ мелькающую тѣнь исчезающаго въ безпредѣльной дали бытія, для прочихъ же чувствъ вкусы и запахи, температура и упругость веществъ даже ближайшаго къ намъ небеснаго тѣла, луны, гадательно уловляемые только разсудочнымъ

анализомъ, навсегда, останутся неуловимыми—равно-какъ и ухо наше никогда не услышитъ гармоніи небесныхъ, сферъ которую душевнымъ слухомъ слышалъ *Пивагоръ*. Въ этомъ отношеніи душу не безъ основанія сравнивали съ хозяйкою безъисходно пребывающею въ домѣ, въ тѣлѣ, на землѣ, изъ котораго она соприкасается съ внѣшнимъ міромъ не иначе, какъ посредствомъ пяти внѣшнихъ чувствъ, какъбы окошекъ въ домѣ, проводовъ и продушинъ: что и какъ прикоснется къ этимъ проводамъ и продушинамъ, что и какъ видно изъ этихъ окошекъ, то, такъ и въ такой степени становится доступно и сознанію души. А *Платонъ* еще глубже философски сравнивалъ душу съ узницею въ пещерѣ, прикованною цѣпями къ стѣнѣ такъ, что лицемъ она обращена не къ отверстію пещеры, а къ стѣнѣ, при чемъ она видитъ мелькающія на тускло чрезъ отверстіе освѣщаемой стѣнѣ тѣни бытія и по нимъ гадаетъ объ истинно сущемъ. Это глубоко-философское сравненіе совершенно точно не-только относительно свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ о непзмѣнной и непостижимой сущности бытія,—по-отношенію идеямъ, но также и по-отношенію безпредѣльности бытія къ малости того, что доступно нашему внѣшнему чувству. По мелькающему отраженію несущейся мимо насъ количественной и качественной безпредѣльности бытія въ ничтожно малой сферѣ земной атмосферы, внѣ и мимо которой ничто даже зрѣнію нашему,—не говоря о прочихъ внѣшнихъ чувствахъ, — недоступно, въ безмѣрно малѣйшей еще сферѣ нашего тѣла, съ его чувственными органами, узникъ прикованный къ стѣнѣ тускло освѣщенной пещеры, или точнѣе, заключенный въ стеклянный тусклаго матоваго стекла шаръ, или еще точнѣе, въ тѣсную съ тусклыми закоптѣлыми окошечками темницу,—мыслящій духъ гадаетъ о дѣйствительномъ бытіи безграничнаго универса. б) Въ *дѣятельности внутренняго органическаго чувства* оказывается другая своя невыгодная сторона: при непосредственности соприкосновенія съ ощущаемымъ предметомъ, особенная *тусклость и слитность* чувственнаго свидѣтельства, такъ-что всѣ органическіе процессы, возбуждающіе это чувство, подлежатъ ему только самою незначительною своею долею и отраженіемъ своимъ въ чувствѣ даютъ, положимъ, самую важную, но количественно весьма скудную долю матеріала для своего опредѣленія въ области разсудочнаго анализа. Въ чемъ, наприм., состоятъ процессы питанія, пищеваренія, кровотворенія, кровообращенія и выдѣленія изъ крови,—процессы дыханія, окисленія крови кислородомъ, выдѣленія

воздушнаго азота и угля крови въ-видѣ углекислоты и другихъ частей тѣла въ-видѣ испареній кожи,—процессы мускульнаго движенія, плодотворенія, нервнаго ощущенія и т. д., это непосредственному внутреннему ощущенію опредѣлить крайне трудно: можно только весьма немногое, хотя и самое существенное, все же остальное должно опредѣлять по наблюденію, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, надъ строеніемъ органовъ и совершеніемъ аналогичныхъ процессовъ, какъ въ человѣческомъ, такъ и въ другихъ животныхъ тѣлахъ,—по наблюденію, которое раздвигаетъ область познаній о внутреннихъ органическихъ нашихъ процессахъ безмѣрно далѣе предѣловъ, очерчиваемыхъ непосредственнымъ внутреннимъ ощущеніемъ. в) *Въ дѣятельности же душевнаго чувства* эти неудобства чувствъ внѣшняго и внутренняго органическаго не существуютъ: въ этой области *чувствующій субъектъ и чувствуемый объектъ суть единство*, самъ человѣческій духъ съ своими проявленіями и дѣйствіями, силами и законами. Если же здѣсь предметомъ ощущенія бываетъ и то, что проявляется во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ и человѣческомъ обществѣ, то прекрасное, благое и истинное внѣ меня тожественно съ прекраснымъ же, благимъ и истиннымъ внутри меня, а не тожественное не можетъ для меня существовать: внѣ меня отражающаяся идея чувствуется мною настолько, насколько сливается съ моею аналогичною идеею. И потому здѣсь никакая среда, никакое разстояніе не отдѣляетъ субъектъ отъ объекта, не затемняетъ, не окрашиваетъ объекта несвойственнымъ ему свѣтомъ: можетъ окрашивать только разсудочный анализъ, на-основаніи ложно понятаго чувства, но не самое чувство. Субъектъ насквозь пронизываетъ, въ каждомъ пунктѣ проникаетъ и собственнымъ свѣтомъ озаряетъ чувствуемый объектъ: никакіе вспомогательные, увеличивающіе чувствительность, инструменты здѣсь абсолютно не умѣстны,—никакое анатомированіе или химическое разложеніе, никакое разчлененіе души, возможное для разсудочнаго анализа, для чувства невозможно; возможно только развѣ болѣе тщательное и точное чувственное воззрѣніе въ извѣстный, менѣе другихъ освѣщенный сознаніемъ, уголъ души. Но и здѣсь это освѣщеніе опять-же ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть позаимствовано извнѣ, а должно быть нешначе, какъ изъ тогоже чувства, хотя и можетъ быть усилено особымъ, даже искусственнымъ (какъ, напр., въ сомнабулизмѣ) возбужденіемъ чувствъ. Наконецъ, если и возможно въ дѣлѣ изученія душевныхъ процессовъ

вспоможеніе душевному чувству со-стороны чувствъ внѣшняго и внутренняго физіологическаго, посредствомъ наблюденія надъ отраженіемъ моей собственной души въ моемъ тѣлѣ, равно-какъ и надъ проявленіями души въ другихъ людяхъ,—то внѣшнее и внутреннее физіологическое чувство во мнѣ самомъ, какъ неотдѣлимое въ дѣйствительности продолженіе единаго моего чувства, настолько помогаетъ въ познаніи души, какъ и во всякомъ другомъ, чувству специально душевному, насколько отражается въ общемъ фокусѣ чувствъ,—въ сознаніи; а въ наблюденіяхъ надъ проявленіями души другихъ людей помогаетъ настолько, насколько эти проявленія могутъ если не точно-тожественно повториться, то, по закону однородности человѣческихъ душъ, хотя блѣдно отразиться аналогичными ощущеніями въ моемъ собственномъ чувствѣ: безъ этого же отраженія, чуждыя душевныя состоянія были бы абсолютно недоступны и сознанію моему, и разсудочному анализу. — Наконецъ, сверхъ всего этого, внутреннему душевному ощущенію *не полагается никакихъ предѣловъ*: отъ центральнаго фокуса внутренняго субъективно-реальнаго міра въ сознаніи, по распространяющимся во всѣ стороны безконечнымъ радіусамъ, душевное чувство, не стѣсняясь, углубляется до недоступнаго всякому другому чувству центра земли и всякаго атома, пронизываетъ насквозь луну и солнце, звѣзды и туманныя звѣздныя пятна и летитъ, за предѣлы мірозданія, въ идеально-реальную безпредѣльность, съ своимъ непреложнымъ и безконечнымъ математическимъ вычисленіемъ, съ своими непререкаемыми разсудочными категоріями, съ своими неотступными, не уступающими никакому скептицизму идеями, постулятами, ощущеніями единаго безконечнаго, высокаго, прекраснаго-блаженнаго, благаго-праведнаго-святаго, истиннаго идеально и реально всевѣдущаго-всепроницающаго-творческаго, неизмѣннаго-перво-источнаго корня и центральнаго фокуса всякаго бытія, абсолютнаго, — смѣло прикладывая законы бытія субъективнаго къ условіямъ бытія объективнаго и получая, при строгомъ мышленіи, нерѣдко результаты сколько изумительные, столько-же и непреложные, силясь увлечь за собою иногда, быстрѣйшее и обширнѣйшее и изъ внѣшнихъ чувствъ, чувство зрѣнія и, во многихъ случаяхъ, какъ показалъ прогрессъ науки, не безъ успѣха, такъ-что прежде непроглядная для всего человѣчества даль, или малость вселенной, становилась физически прозрачною, открывая изумленному взору неисчислимые, безпредѣльно великіе и безпредѣльно малые, міры, оправ-

дывая объективными открытіями идеальныя гаданія и предчувствія души, и, что всего цѣннѣе,—утверждая вѣру нашей души въ непреложность всѣхъ ея законовъ и основныхъ чаяній.

Такимъ образомъ оказывается, что, *по вопросу объективности своего свидѣтельства, внутреннее душевное чувство совершенно аналогично съ чувствами какъ внутреннимъ органическимъ, такъ и внѣшнимъ, и въ однихъ отношеніяхъ равнозначительно съ ними, а въ другихъ—выше ихъ, выше ихъ уже какъ корень, какъ гнѣздилище, какъ фокусъ всѣхъ отправленій чувства.* Разсудочная же повѣрка достовѣрности душевнаго, равно-какъ и органическаго внутренняго и внѣшняго чувствъ, возможна не-столько въ области объективнаго прикладыванія ощущеній къ предметамъ, сколько въ области общесубъективнаго признанія, что именно извѣстные предметы имѣютъ свойство производить именно извѣстныя душевныя ощущенія.

ГЛАВА IV.

гг) Но *есть ли въ показаніяхъ внутренняго душевнаго чувства что-либо обще-субъективное?*—Есть ли что-либо общепризнанное: 1) *въ сферѣ эстетическаго вкуса, въ области ощущеній собственно сердца?*—Есть, и это доказывается существованіемъ въ родѣ человѣческомъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго, высокаго, дивнаго, осуществленныхъ и осуществляемыхъ въ архитектурѣ, пластикѣ, живописи, поэзіи, вообще въ словѣ, въ снарядѣ всякихъ житейскихъ удобствъ, въ устроеніи общественнаго и въ общемъ частнаго человѣческаго счастія, въ культурномъ эстетическомъ развитіи частныхъ лицъ, народовъ и всего человѣчества, въ религіозныхъ учрежденіяхъ, какъ въ цѣлыхъ церквахъ, такъ и въ особыхъ съ возвышеннѣйшими цѣлями и характерами религіозныхъ общинахъ,—существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго, величественнаго, высокаго, цѣлесообразнаго, приспособленнаго къ обще-человѣческому счастію, созерцаемыхъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ явленіяхъ внѣшней природы, — наконецъ, существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ божественно-прекраснаго, всесовершеннаго, безконечно-блаженнаго, вседовольнаго безболѣзненнаго, безмятежнаго, безпечальнаго, безсмертнаго, вѣчнаго, всѣмъ человѣчествомъ чаемыхъ въ жизни гор-

ней.—2) Есть ли что-либо обще-признанное *въ сферѣ ощущеній, испытываемыхъ человѣческою совѣстію?* Есть больше, чѣмъ въ какой-либо другой сферѣ, или, по крайнѣй мѣрѣ, столько-же, что доказывается основнымъ единствомъ обще-человѣческой морали, поразительнымъ сходствомъ основъ нравоученія и законодательства во всѣ вѣка и у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, — общимъ непререкаемымъ признаніемъ высоко-нравственныхъ идеаловъ, какова, напр., истинно Бого-человѣческая жизнь Искупителя человѣческаго рода, и другихъ менѣе совершенныхъ идеаловъ праведника, подвижника, безстрастнаго, нестяжательнаго, милосердаго, самоотверженнаго, любвеобильнаго, героя, патріота, гуманнаго, честнаго, рыцаря безъ страха и упрека, истиннаго философа — мудреца, не-смотря на различіе въ этихъ идеалахъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ оттѣнковъ, будь это Сократъ, или Наѳанъ мудрецъ, Саладинъ, или Баярдъ, Конфуцій, или Вашингтонъ, Галилей, или Ньютонъ, Сперанскій или Филаретъ, — наконецъ, всеобщимъ возношеніемъ общечеловѣческаго духа къ премірному небесному идеалу всесовершеннаго, всесправедливаго, всеблагаго, безконечнаго милосердія, безпредѣльной любви. 3) *Есть ли, наконецъ, что-либо обще-признанное въ сферѣ сознанія?*—Да,—все, что обще-признано человѣчествомъ за истинное въ сферѣ всѣхъ трехъ чувствъ, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, внутренняго какъ низшаго физіологическаго, такъ и высшаго душевнаго, потому-что признаніе самаго конкретнаго простѣйшаго чувственнаго представленія за истинное составляется, положимъ, при помощи чувства внѣшняго, но не иначе, какъ въ сферѣ чувства высшаго, душевнаго, — въ сознаніи. Но *есть ли что-либо обще-признанное за истинное въ сферѣ именно этого высшаго душевнаго чувства, въ признаніи чего за истинное низшія чувства принимали бы наименьше, или даже нимало не принимали бы участія?*

Здѣсь нужно коснуться спора между матеріалистами и идеалистами, метафизиками и позитивистами о такъ-называемой *априорности понятій, прирожденности идей, о способности* человѣческаго ума имѣть *трансценденттныя, независимыя отъ внѣшняго опыта, познанія.* Это споръ старый, какъ старо въ человѣчествѣ начало философствующей мысли и даже до настоящаго времени неоконченный,—явный знакъ, что—и безплодный. *Сократу* и *Платону* казалось, что основныя понятія, идеи, мы приносимъ съ неба въ высшей части человѣческой души, вселяемой въ вещественное тѣло; а *Аристотелю* уже приписывается, хотя и ложно,

ученіе о tabula rasa и положеніе: nihil est in intellectu, quod non fuerit in sensu. Зная это, какъ и всю предшествующую философію, *Кантъ* допускалъ апріорныя понятія; позитивисты же ихъ отрицаютъ, утверждая, что даже *математическія понятія* человѣкъ пріобрѣтаетъ изъ опыта,—даже *высшія категоріи*, какъ, напр., категорію *причинности*, отвлекаетъ отъ внѣшнихъ явленій,—не говоря уже объ *идеяхъ*, которыя въ нѣкоторыхъ развитыхъ людяхъ суть продуктъ долгаго культурнаго развитія всего человѣчества, а въ большинствѣ человѣческаго рода вовсе не существуютъ,—что, однимъ словомъ, *никакихъ прирожденныхъ идей или понятій въ душѣ человѣка нѣтъ.* Весь этотъ старый безконечный споръ ведется, съ той и другой стороны, не отъ недостатка эрудиціи, наблюденій, данныхъ опыта, но отъ различнаго толкованія непосредственныхъ данныхъ опыта, многочисленныхъ, сдѣланныхъ надъ познавательною силою, непосредственныхъ наблюденій. Но такъ-какъ здѣсь различно толкуются самыя непосредственныя опытныя воззрѣнія, то намъ съ надеждою на безусловную побѣду продолжать этотъ споръ, эту и безъ того безконечную серію опроверженій и доказательствъ, не приходится [1]),—а остается только стать подъ то, или другое, или третье знамя, по непосредственному влеченію нашего личнаго сочувствія,—что мы и сдѣлаемъ. Итакъ наше сочувствіе клонитъ насъ *пройти срединою между крайними идеалистами и позитивистами*, не теряя, однако-же, надежды, что мы и здѣсь останемся на строго позитивной почвѣ. *Есть ли врожденныя представленія у животныхъ?* Вотъ этотъ цыпленокъ, вылупившійся изъ яйца безъ матери, всматривается пристально въ раскрошенныя передъ его клювомъ печоныя яйца, въ ползающую предъ его клювомъ муху, или мелкое насѣкомое, — и вдругъ у него раждается представленіе, что ихъ можно съѣсть, тогда—какъ ничто несъѣдомое, очевидно, не возбуждаетъ въ немъ подобной идеи. Въ первый разъ выпускаютъ его на дворъ и, увидѣвъ соръ, онъ, очевидно, комбинируетъ въ своей головѣ представленіе, что этотъ соръ можно рыть ногами, что тамъ окажется червякъ, котораго можно будетъ съѣсть, котораго онъ дѣйствительно и отыскиваетъ и съѣдаетъ, тогда-какъ о самомъ сорѣ онъ, очевидно, знаетъ, что глотать его не слѣдуетъ. Эта ласточка, оторванная отъ родителей, отъ гнѣзда, осенью, безъ всякаго ученія, комбинируетъ идею, что надо

---

[1]) Впрочемъ, ниже это будетъ разъяснено обстоятельнѣе.

улетѣть на югъ и летитъ по прямой линіи меридіана къ экватору а весною, по той же прямой линіи, возвращается не въ иное мѣсто, какъ именно въ Казань, или въ другую подобную мѣстность. На основаніи безчисленнаго ряда подобныхъ фактовъ, мы своимъ сочувствіемъ располагаемся утверждать, что животнымъ почти всѣ ихъ представленія прирождены и что онѣ, при благопріятныхъ данныхъ, непремѣнно и совершенно правильно у нихъ и развиваются до извѣстной, указанной природою, грани. *Есть ли прирожденныя идеи у растеній?* Эта груша, своевременно на одномъ сучкѣ привитая отросткомъ отъ другой, хорошо во многихъ поколѣніяхъ воспитанной, груши, даетъ, въ благопріятный годъ, съ привитаго сучка груши добраго качества, а съ непривитаго груши же, но дикаго качества,—во всякомъ же случаѣ, никакъ не капусту; а въ другой благопріятный годъ она не даетъ ни того, ни другаго; а вотъ другая груша выросла, отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, совершенно безплодною. На основаніи безчисленнаго ряда подобныхъ фактовъ, мое сочувствіе нудитъ меня утверждать, что грушѣ прирожденъ законъ, вложена въ ея природу предначертанная высшимъ творческимъ разумомъ идея производить, по роду своему, конечно, безсознательно, именно груши, а не капусту, и культированной грушѣ—груши хорошаго качества, а дикой—дикія груши; но тойже самой породы груша, при неблагопріятствующихъ обстоятельствахъ, не приноситъ своихъ плодовъ, несмотря на лежащій въ ея природѣ законъ, несмотря на прирожденную ей творческую идею проноситъ плодъ по роду своему. *Въ этомъ же смыслѣ наше сочувствіе побуждаетъ насъ признать многое прирожденнымъ и человѣку.* Развѣ человѣкъ не есть существо органическое, подобно растенію и животному? На это и самый строгій позитивизмъ долженъ отвѣчать утвердительно. Развѣ нѣтъ въ природѣ человѣка предначертанныхъ Зиждителемъ природы идей, которыя человѣкъ осуществляетъ въ жизни то безсознательно, какъ груша, то полусознательно, какъ цыпленокъ или ласточка, то сознательно, какъ существо высшее всѣхъ существъ видимой природы, существо разумное? Безсознательно въ подробностяхъ развитія осуществляетъ онъ законъ или прирожденную идею плодоприношенія по роду своему, подобно грушѣ, и другіе подобные, — съ чѣмъ и позитивизмъ не можетъ не согласиться. Сначала безсознательно, а потомъ полусознательно ребенокъ,—что очевидно и для позитивиста, — носитъ прирожденную ему творческую идею питательной матерней груди, которую съ великою прирожденною

ловкостью и эксплуатируетъ въ-пользу продолженія своей жизни, а если дадутъ ему въ ротъ что-либо непитательное, онъ кричитъ, выражая ощущеніе неудовольствія, что ему даютъ не то, что слѣдуетъ. И подобныхъ инстинктовъ у человѣка не мало. Безсознательно, полубезсознательно и, наконецъ, сознательно человѣкъ носитъ въ своей прпродѣ и осуществляетъ въ жизни *прирожденные ему законы и формы мышленія*, относительно которыхъ питаетъ прирожденную ему вѣру, что они, при правильномъ прпложеніи, непремѣнно должны совпадать съ прпродными законами и формами объективнаго бытія; прилагая же одни къ другимъ, первые къ послѣднимъ, по прирожденному ему стимулу развивать свое познаніе, подобно прирожденному ласточкѣ стимулу вить гнѣздо, воздвигаетъ въ себѣ громадное зданіе субъективнаго, соотвѣтствующаго объективному бытію, міра, въ основу и расчлененіе котораго, какъ черты основнаго плана, кладутся наиболѣе общія схемы понятій: категоріи разсудка, когда, въ то же время, животворящею душею, основнымъ стимуломъ и верховною цѣлью является въ этомъ умственномъ мірѣ *идея безконечно-истиннаго и вообще безконечно-совершеннаго.* Ясно, что въ этомъ строеніи умственнаго нашего міра есть и прпрожденное, и благопріобрѣтенное изъ опыта; неразрѣшимое же затрудненіе заключается только въ томъ, какъ отличить одно отъ другаго. Пускаясь за разрѣшеніемъ этого неразрѣшимаго затрудненія въ частности, позитивисты утверждаютъ, что и *математическія понятія не суть апріорныя понятія*,—что и онѣ извлекаются не чисто изъ природы человѣческаго ума, а непремѣнно изъ внѣшняго опыта,—съ чѣмъ и мы согласны, но только на половину, полагая, что *эти понятія*, по единству и совпаденію законовъ природы и ума, *суть апріорныя и апостеріорныя*, въ чемъ, мы убѣждаемся тѣмъ, что человѣкъ, въ исторіи развитія своего ума, настроилъ много математическихъ, совершенно непогрѣшимыхъ комбинацій, которыя взялъ чисто изъ своего ума, какъ въ свою пору доказывали еще *Сократъ* и *Платонъ*,—изъ гипотетическаго склада умственныхъ предгаданій, которыя только уже впослѣдствіи и часто не вдругъ блистательно оправдались въ прпложеніи и къ опыту. *Льюису* и другимъ позитивистамъ угодно пропзводить математическія понятія изъ опыта по тому, что человѣкъ научается считать: два, три, четыре, 375 и 375 по сложеніи 750, а не 740; извѣстному же *Кантомъ* доказанному положенію, что всѣ, безъ исключенія, математическія, разумѣется, правильныя положенія

всеобщи и безусловно категоричны, позитивисты противопоставляютъ положеніе, что всякая и опытная истина, напр., что огонь жжетъ человѣческое тѣло, всеобща и категорична также, какъ и математическая. А намъ представляется, что Кантово положеніе позитивными соображеніями не опровергнуто. Это видно изъ того, что не-только простыя и ясныя сами по себѣ математическія положенія, но и самые тонкіе и сложные математическіе выводы, какъ тѣ, какіе уже сдѣланы человѣчествомъ до настоящаго времени, такъ и тѣ, какіе еще будутъ когда-либо вновь сдѣланы, если только были и будутъ сдѣланы, по логическимъ законамъ, математически-правильно, были и будутъ безусловно всеобщи всегда и вездѣ, тогда-какъ объ опытныхъ наиболѣе всеобщихъ положеніяхъ *Кантъ* утверждалъ, что въ отношеніи къ нимъ всегда мыслится возможность исключеній. И это совершенно основательно. Возьмемъ одно изъ наиболѣе всеобщихъ опытныхъ положеній, что огонь жжетъ человѣческое тѣло, а вода топитъ, какъ и воздухъ на себѣ не держитъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь возможны тысячи исключеній въ отношеніяхъ нашего чувства и вообще нашего существа къ предметамъ. Всегда ли огонь жегъ человѣческое тѣло, всегда ли будетъ жечь? Всегда ли у всѣхъ людей ощущеніе жженія было, есть и будетъ тожественно? Ощущеніе жженія есть ощущеніе прикосновенія высокой температуры къ человѣческому тѣлу. Но всегда ли и у всѣхъ ли людей тѣло относилось, относится и будетъ относиться къ степенямъ температуры одинаковымъ образомъ? Извѣстно, что это и прежде бывало, и теперь бываетъ не всегда. Негръ выноситъ свой тропическій жаръ, въ которомъ лапландецъ растаялъ бы, а лапландецъ выноситъ холодъ полюсовъ, въ которомъ негръ замерзъ бы. Ощущеніе температуры извѣстнымъ образомъ относится къ температурѣ крови; но температура крови у всѣхъ ли людей была, есть и будетъ одинакова? Теперь, извѣстно, она неодинакова, хотя разность эта и незначительна, колеблясь между извѣстными, высшимъ и низшимъ, градусами средней температуры. Но позитивисты, утверждая чуть не вѣчное существованіе человѣческаго рода, по крайней мѣрѣ современность его съ мамонтами, въ тоже время утверждаютъ, что на землѣ были періоды и высокаго тропическаго жара и такъ-называемый ледяной. Ужели же оба эти періода,—продолжительность которыхъ позитивисты опредѣляютъ, по меньшей мѣрѣ, десятками тысячъ лѣтъ, — люди, или вообще — животныя, и температуру крови имѣли всегда одинаковую и относились своимъ ощущеніемъ къ тем-

пературѣ внѣшней совершенно одинаково? Ужели вообще, на всемъ пространствѣ органическаго бытія животнаго и человѣческаго царствъ, всегда отношеніе животнаго — человѣческаго чувства къ свойствамъ вещей было не только равнокачественно, но и равномѣрно? Вѣдь *Дарвинъ*, и по принципамъ, и по методу изслѣдованія, хочетъ же быть позитивистомъ, и позитивисты преклоняются же предъ его авторитетомъ. Но если такъ, то ужели сотни тысячь лѣтъ тому назадъ, когда, по Дарвину, природа только еще приспособлялась сдѣлать только первую завязь нервной системы, что и тогда уже первые зачатки человѣческаго организма также относились своимъ чувствомъ къ свойствамъ предметовъ, какъ относятся теперь вполнѣ развитые человѣческіе нервы? Да на этотъ вопросъ впрочемъ, не ходя такъ далеко, за сотни вѣковъ назадъ, приблизительный отвѣтъ мы можемъ получить и изъ современнаго намъ опыта. Растенія въ огнѣ горятъ, но не чувсувуютъ жженія; подобнымъ же образомъ и человѣкъ, если существовалъ на свѣтѣ когда-либо съ крайне слабо развитою нервною системою [1]), безъ сомнѣнія, имѣлъ слабѣйшую воспріимчивость въ-отношеніи къ вліяніямъ внѣшней природы, сравнительно съ воспріимчивостью нервовъ въ настоящемъ состояніи. А дважды два четыре было аксіомою, какъ и всѣ математическія положенія были непреложными категорическими положенія и въ тѣ доисторическіе періоды, и будутъ такими же всегда, даже въ тотъ чаемый позитивистами золотой вѣкъ, когда человѣческій организмъ такъ утончится, что станетъ далеко выше настоящаго вреднаго вліянія стихій, когда и огонь не станетъ такъ жечь и вода, напротивъ того, равно-какъ и воздухъ станутъ носить на себѣ паровидное, свѣтовое человѣческое тѣло.—Крайнимъ позитивистамъ хотѣлось бы также, *чтобы* всѣ такъ-называемыя *категоріи человѣкъ производилъ также изъ опыта*,—чтобы, напримѣръ, *категоріи причинности и цѣлесообразности* опытно пріучался извлекать изъ простѣйшаго природнаго явленія, изъ *простой послѣдовательности явленій одного послѣ другаго* которыя безпрерывнымъ своимъ послѣдовательнымъ учащеніемъ пріучаютъ человѣка впадать въ обольщеніе, будто нѣкоторыя явленія вытекаютъ не-только *послѣ другихъ*, но именно *изъ другихъ и для другихъ* явленій. Мы же опять склоняемся нашимъ сочувствіемъ приписывать и категоріямъ нѣкоторую долю прирожденности по тому, что,

---

[1]) Все подобное говоримъ ad hominem.

не-смотря, напр., на такую простую очевидность—постоянной *послѣдовательности* нѣкоторыхъ явленій *одного за другимъ*, человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ стимула искать именно *причинной и цѣлесообразной связи* явленій, происхожденія *одного изъ другаго и для другаго*,—тѣмъ болѣе, что дѣйствительно, тогда-какъ нѣкоторыя явленія вынуждаютъ его усматривать между ними связь только *послѣдовательности*, другія вынуждаютъ, именно вынуждаютъ, видѣть между ними связь *не только послѣдовательности, но и причинности, и цѣлесообразности*. Напр., птица свила гнѣздо подъ окномъ дома и домъ загорѣлся,—здѣсь только послѣдовательность; птица свила гнѣздо и снесла яйцо, изъ котораго, вывела птенца,—здѣсь и причина, и цѣлесообразность,—еще тѣмъ болѣе, что, послѣ безплодныхъ усилій въ безчисленныхъ случаяхъ связать явленія нитью причинности и цѣлесообразности, человѣкъ, не-смотря на это, испоконъ-вѣка силится связать нитью разумности все міросозерцаніе и міробытіе, въ чемъ успѣть когда-либо и не отчаявается.—Касаясь существованія въ нашемъ сознаніи *идеи безконечно-истиннаго* и вообще *безконечно-совершеннаго*, позитивисты желали бы, чтобы эти идеи были не болѣе, какъ безсодержательнымъ отвлеченіемъ отъ конечнаго и, въ той силѣ, какъ это угодно идеалистамъ, чтобы вовсе не существовали, будучи представленіями чисто отрицательными, т. е. будто бы мы можемъ имѣть представленія только о конечно-великомъ и большемъ и большемъ безъ конца, но всегда и исключительно только о конечномъ; о безконечномъ же не можемъ имѣть будто бы никакого представленія. Но наше сочувствіе клонитъ насъ въ самой сущности этого возраженія видѣть его логическое ниспроверженіе и подтвержденіе нашего-убѣжденія *въ прирожденности идеи безконечнаго, въ возникновеніи ея именно изъ нѣдръ человѣческаго духа, а не изъ отвлеченія отъ опытныхъ наблюденій надъ природою*: въ этомъ убѣждаемся мы соображеніемъ, что дѣйствительно, мысля ли безконечное въ его цѣлости, разчленяя ли его на частнѣйшія понятія *безконечно-истиннаго, безконечно-добраго, безконечно-прекраснаго*, мы получаемъ представленія только большаго и большаго, высшаго и высшаго, совершеннѣйшаго и совершеннѣйшаго, но не безконечнаго, т. е. представленія (въ актѣ самаго мышленія, а не слововыраженія) *отрицательныя не безконечныя*. Однакожъ, при всемъ томъ, въ актѣ составленія такихъ отрицательныхъ представленій большаго и большаго, а не безконечнаго, мы, въ каждый моментъ остановки полета нашей мысли въ разностороннюю безпредѣльность,

сравниваемъ пройденное великое не безконечное съ не пройденнымъ безконечнымъ и *положительно усматриваемъ*, что пройденное еще не безконечно, а не пройденное впереди еще также велико, какъ-будто мы и не начинали идти, т. е. безконечно. Имѣемъ ли мы, послѣ этого, *положительное представленіе о безконечномъ?* Очевидно, имѣемъ, — хотя очевидно и то, что вошедшее въ предѣлы нашего представленія, несмотря на всю свою громадность, которую мы можемъ увеличить безъ конца, не безпредѣльно. Эту коллизію, повидимому, несовмѣстныхъ противорѣчій философы издревле мирили въ человѣческомъ сознаніи тѣмъ, что отдѣляли разсудокъ отъ разума и затѣмъ отличали *разсудочное понятіе о безконечномъ отъ разумной идеи безконечнаго*, считая первое разсудочное отрицательное понятіе отвлеченіемъ отъ опытнаго наблюденія надъ великими и высокими предметами, *а разумную идею прирожденною человѣческому разуму.* И дѣлали это не безъ основанія, такъ-какъ несомнѣнно существующую въ разумѣ положительную идею безконечнаго отвлечь изъ ограниченнаго во всѣхъ отношеніяхъ предѣлами опытнаго міра никакимъ образомъ невозможно,—хотя, въ тоже время, учили и всячески доказывали, что безконечное и конечное неразрывно связаны какъ въ мышленіи, такъ и въ бытіи, что безконечное становится доступнымъ сознанію чрезъ отрицаніе себя, чрезъ постановленіе себѣ предѣла, чрезъ ограниченіе,— что, такимъ образомъ, чрезъ отрицаніе абсолюта, ограниченіе абсолютнаго бытія абсолютнымъ небытіемъ, чрезъ соприкосновеніе безконечнаго съ своимъ ограниченіемъ, чрезъ умноженіе безконечнаго на ничто, происходитъ бытіе ограниченное, что—въ самой крайней глубинѣ человѣческаго мышленія подтверждается, въ нѣкоторомъ родѣ, математически аксіоматическимъ, хотя и непостижимымъ положеніемъ, что какъ $\frac{1}{\infty} = 0$, такъ и $\infty . 0 = 1$, и опять $\frac{1}{0} = \infty$; что, однимъ словомъ, и безконечное становится доступнымъ сознанію чрезъ отрицаніе себя, чрезъ конечное,—и конечное становится бытнымъ, а слѣдовательно и сознанію доступнымъ, не иначе, какъ чрезъ отрицаніе, или, что тоже, чрезъ ограниченіе безконечнаго, какъ учили *древніе неоплатоники*, а изъ новѣйшихъ *Яковъ Бемъ*, *Фихте*, *Шеллингъ*, *Гегель* и разныя древнія религіозныя философемы.—Въ томъ же направленіи, на подобныхъ-же основаніяхъ, философы и всякіе высшіе мыслители учили, что идея *высшаго блага* есть премірная идея, что человѣкъ природою, а не навыкомъ научается цѣнить пзящное, не навыкомъ научается приходить

въ восторгъ при видѣ ночнаго яснаго неба, или прекраснаго весенняго утра, которымъ, очевидно, восторженно сочувствуютъ и безсмысленныя животныя, — что отъ высокой музыки можетъ придти въ восхищеніе развитый человѣкъ, который прежде не слыхалъ никакой музыки,—что голосъ совѣсти есть голосъ Божій,—что глаголъ Божій близокъ природѣ человѣка, что онъ вмѣщенъ во устахъ его и сердцѣ его,—что нравственный законъ начертанъ въ сердцахъ людей, — что нѣкоторыя сочувственныя намъ проявленія міроваго добра возникаютъ и изъ животной природы, гдѣ все не искалѣченное искусственнымъ вліяніемъ человѣка прирождено. Такъ, мы видимъ, что и животнымъ убійство однородныхъ противоестественно, а, напротивъ того, естественно защищать другъ друга въ опасности, естественно питать и беречь дѣтей; въ значительной части животныхъ родовъ естественно цѣломудріе, парность и вѣрность половъ, при чемъ рѣзко проявляющаяся ревность мужскаго пола безсознательно знаетъ физіологическій законъ, что безразборное смѣшеніе съ другимъ поломъ вредитъ не только крѣпости, но и чистотѣ прокреаціи,—что смѣшеніе двухъ половъ есть совокупленіе въ единство существенно-важное не только для взаимнаго вліянія другъ на друга двухъ особей, мужеской и женской, но и для продолженія рода, какъ показываютъ зоологическіе факты, что самка, имѣвшая первый плодъ отъ одного вида, а потомъ понесшая отъ другаго вида, раждаетъ и второй плодъ иногда съ рѣзкимъ отраженіемъ перваго вида, что можно объяснить не иначе, какъ существеннымъ вліяніемъ перваго мужскаго вида на самую природу женскаго, чѣмъ даже въ царствѣ животныхъ подтверждается и выясняется божественное слово, изреченное относительно людей: *будета два въ плоть едину, Богъ сочета*, — со всѣми относящимися сюда предписаніями божественнаго закона, имѣющаго, очевидно, вопреки тенденціямъ современнаго позитивизма, свою основу въ природѣ вещей; равно-какъ очевидно въ природѣ-же человѣка лежатъ заповѣди почитать родителей, не убивать и не обижать ближнихъ, заповѣди относительно умѣренности и обузданія страстей и т. д., со всѣми относящимися сюда развѣтвленіями нравственнаго закона.

Теперь, разлагая на элементы общій выводъ, который мы считаемъ достаточно позитивно обоснованнымъ, изъ всего этого разсужденія *о прирожденности высшему душевному чувству человѣка и вытекающей оттуда общесубъективности высшихъ идей, понятій* и т. п., мы усматриваемъ въ нихъ слѣдующія частнѣйшія положенія: А) какъ въ

природѣ растеній есть прирожденныя творческія идеи или законы, выполняемые ими въ своемъ развитіи безсознательно,—какъ въ природѣ животныхъ есть подобныя-же прирожденныя творческія идеи или законы, выполняемые ими въ своей жизни полу-безсознательно,—такъ и въ природѣ человѣка есть прирожденныя идеи, выполняемыя имъ то безсознательно, то полу-сознательно, то вполнѣ сознательно. Б) Прирождены человѣку коренные законы и формы мышленія, высшія понятія, категоріи разсудка и высшія основныя идеи разума. В) Прирожденность ручается и за всеобщность ихъ, т. е. не только за существованіе ихъ во всѣхъ людяхъ, но и за общеобязательность ихъ для всѣхъ людей. Несуществованіе ихъ, напримѣръ, идеи безконечнаго, или сложныхъ математическихъ понятій, необязательность ихъ, напр., законовъ мышленія, у нѣкоторыхъ людей и для нѣкоторыхъ людей, напр., простецовъ и дикарей, доказывается у новѣйшихъ позитивистовъ такими поверхностными и ребяческими соображеніями, которыя не только послѣ *Канта*, но и послѣ *Платона и Аристотеля*, повторять стыдно, безъ опасенія повергнуть серьезную мысль въ опасеніе, что умъ человѣческій, какъ расплывающаяся вода, ширясь, испаряется и мельчаетъ,—тогда-какъ существованіе идеи безконечнаго у самыхъ неученыхъ людей доказывается невольнымъ напряженіемъ мысли, даже дѣтской, далеко—далеко, высоко—высоко, безъ конца,—доказывается строеніемъ безмѣрно разнообразныхъ воздушныхъ замковъ, къ которому способенъ всякій дикарь,—доказывается безграничною туманностью миѳовъ всѣхъ самыхъ дѣтскихъ народовъ, туманностью, упирающеюся въ безпредѣльныя идеи хаоса, Кроноса, Парки, Рока, Судьбы, Нирваны, Будды, китайскаго неба и т. д.,—тогда-какъ *Кантъ* доказалъ трансцендентную категоричность, безусловную общеобязательность для ума человѣческаго не только законовъ и правильныхъ формъ мышленія, что извѣстно еще со временъ *Аристотеля*, но и безконечнаго ряда математическихъ понятій, все равно, ясно ли онѣ представляются сознанію извѣстнаго человѣка, или не ясно: выясненныя, онѣ безусловно обязываютъ человѣческій разсудокъ, и, что всего важнѣе, категорически исключая всякія исключенія. Г) Вообще можно рѣшительно сказать, что *если бы прирожденные законы и формы мышленія, основныя категоріи разсудка и высшія идеи ризума не были общеобязательны для человѣчества,—то тогда ничего въ нашемъ умѣ не было бы общеобязательнаго, никакого Stand-Punct-a для установки обще-человѣческой мысли, никакой надежды найти*

общепризнанную истину. Д) Будучи же обще-обязательными, прирожденные законы и формы мышленія, коренныя категоріи и идеи, хотя въ цѣлое зданіе умственнаго міра развиваются при помощи какъ внѣшняго, такъ и внутренняго физіологическаго чувства, но сами въ своемъ бытіи и проявленіяхъ обнаруживаются, главнымъ образомъ, если только не исключительно, внутреннему душевному чувству, равно-какъ *тому-же чувству подлежитъ и самый субстратъ* не только всякаго, внѣшняго и внутренняго, чувства, но и всѣхъ душевныхъ силъ, и свойствъ, и законовъ и внутренняго идеальнаго содержанія, т. е. *человѣческая душа.* Е) Не предрѣшая здѣсь вопроса, что такое человѣческая душа, есть ли она особое субстанціальное существо, самостоятельный субстратъ и носитель душевныхъ дѣятельностей и состояній, или только конгрегатъ душевныхъ явленій, субстанціальное сѣдалище которыхъ есть не иное что, какъ человѣческій организмъ, но ставя только вопросъ, *какимъ чувствомъ душа чувствуетъ себя: высшимъ ли душевнымъ, или внутреннимъ органическимъ, или даже внѣшнимъ*, скажемъ положительно, стоя на позитивной точкѣ зрѣнія, что душа чувствуетъ себя и *внѣшнимъ чувствомъ*, въ той мѣрѣ, въ какой она-же—душа видитъ, слышитъ, осязаетъ, обоняетъ и различаетъ вкусы, и *внутреннимъ органическимъ*, въ той мѣрѣ—въ какой она—же ощущаетъ и голодъ, и жажду, потребности дыханія и движенія, здоровье и боль и прочія органическія состоянія. Но какъ сила сознающая, самосознающая, мыслящая, нравственно-дѣятельная, эстетически-чувствующая, душа чувствуетъ себя, безспорно, *внутреннимъ высшимъ душевнымъ чувствомъ.* Слѣдовательно, есть, безспорно, цѣлая и громадная *область мыслимыхъ предметовъ, подлежащая, по главнымъ образомъ, по исключительно, высшему душевному чувству, и въ этой области не только есть весьма много обще-признаннаго всѣмъ человѣчествомъ за истину, но здѣсь покоится послѣднее основаніе того, почему что-либо признается человѣчествомъ за истинное.*

ГЛАВА V.

III) Чтобы теперь освѣтить *отношеніе высшаго душевнаго чувства къ низшимъ*: къ внутреннему органическому и внѣшнему, и чтобы показать общеобязательную и общесубъективную достовѣрность пока-

заній перваго, должно сказать, что а) не внѣшнее и не внутреннее низшее чувство есть носитель высшаго душевнаго, а, наоборотъ, высшее душевное—носитель низшихъ чувствъ. Это открывается изъ того физіологическаго факта, что какъ внѣшнее, такъ и внутреннее физіологическое чувство чувствуетъ не органами, въ которыхъ, повидимому, сосредоточивается чувствительность, не глазомъ свѣтлое, не пальцами шероховатое, не желудкомъ голодъ, даже не сердцемъ радость или печаль, а центральнымъ чувствилищемъ,—мозгомъ. Это доказывается тѣмъ, что когда у животныхъ срѣзывается извѣстная часть мозга, то въ животномъ прекращается всякое ощущеніе и сознаніе, хотя на нѣкоторое время и остается еще жизнь, т. е. кровообращеніе и движеніе организма. Эти опыты показываютъ не только то, что сѣдалище чувствительности находится въ мозгу, но и то, что чувство и сознаніе суть единство, что *сознаніе есть чувство и чувство — сознаніе*, — что какъ чувствительные нервы концентрируются въ мозгу, безъ котораго не могутъ исполнять надлежащихъ отправленій, такъ и разнородныя чувства тѣла концентрируются въ сознаніи, безъ котораго перестаютъ быть чувствами, тогда-какъ сознаніе безъ многихъ, если не безъ всѣхъ, чувствъ, продолжаетъ еще быть сознаніемъ, что подтверждается состояніемъ летаргіи, сомнамбулизма, лунатизма, глубокой задумчивости и т. п.—б) что даже низшія чувства: внѣшнее и внутреннее органическое, болѣе суть душевныя чувства, чѣмъ органическія, такъ-какъ всѣ онѣ показываютъ не столько, даже крайне мало, то, какой при извѣстномъ ощущеніи происходитъ процессъ въ организмѣ (какъ, наприм., при зрѣніи преломляется и отражается видимый лучь въ глазу, какъ при ощущеніи вкуса элементы вкушаемаго химически разлагаются и соединяются съ соками языка, какъ при насыщеніи—пища соединяется съ соками желудка и т. д.), сколько то, какъ извѣстное ощущеніе и воспринимаемое имъ свойство предмета отражаются въ высшемъ душевномъ чувствѣ, которое, въ свою очередь, имѣя своимъ непосредственнымъ органомъ центральное чувствилище, мозгъ, вовсе не интересуется происходящими въ немъ при душевной дѣятельности процессами, даже не особенно способно чувствовать ихъ безконечное разнообразіе, кромѣ развѣ общаго ощущенія возбужденія мозга при началѣ работы пріятной и утомленія при концѣ работы долгой, процессы же собственно душевные, при всемъ безконечномъ разнообразіи и безпрерывной текучести отправленій мышленія, желанія, чувствованія, проникаетъ

всѣ насквозь, осматривая ихъ всесторонне, и въ безпредѣльной дробности, и въ общихъ схемахъ, и въ господствующихъ характерахъ, служащихъ основаніемъ къ различенію въ душѣ главныхъ способностей, и въ основныхъ законахъ и главныхъ цѣляхъ каждой изъ этихъ силъ, какъ-бы внутреннимъ душевнымъ зрѣніемъ. в) Отсюда открывается, *что сознаніе или вообще внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему внутренее зрѣніе, или вообще чувство, —и, въ тоже время, корень, центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ, и производимое ими ощущеніе есть въ собственномъ смыслѣ ощущеніе, воззрѣніе есть чувственное воззрѣніе, наблюденіе есть чувственное непосредственное наблюденіе, а разсудочно скомбинированная совокупность этихъ наблюденій есть внутренній душевный психологическій опытъ. И все, что открывается этимъ внутреннимъ опытомъ, имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, столько же общесубъективнаго, равно-какъ и объективнаго значенія, сколько принадлежитъ его и низшему чувственному, внутреннему органическому и внѣшнему, опыту, или даже еще большее значенія.*

Подведемъ здѣсь нѣсколько итоговъ всему вышесказанному о *сравнительномъ значеніи свидѣтельствъ чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго органическаго и высшаго душевнаго; проведемъ между ними нѣсколько параллелей.* 1) Что внутреннее душевное чувство можетъ открывать въ предметахъ объективныя свойства, въ этомъ мы убѣждаемся невозможностью подвергнуть, посредствомъ разсудочнаго анализа, сомнѣнію принадлежность свойствъ предметамъ, въ которыхъ наше душевное чувство ихъ открываетъ, подобно свойствамъ предметовъ, открываемымъ посредствомъ внутренняго физіологическаго чувства, — тогда — какъ относительно свидѣтельствъ внѣшняго чувства эта возможность есть даже тогда, когда оно дѣйствуетъ совершенно нормально. Это преимущество внутренняго душевнаго чувства предъ внѣшнимъ проистекаетъ изъ преимущественной непосредственности соприкосновенія чувствующаго субъекта съ чувствуемымъ объектомъ, такъ—какъ отъ двухъ, самыхъ важныхъ въ теоретическомъ отношеніи, чувствъ, зрѣнія и слуха, предметы отстоятъ большею частію вдали, при чемъ чистому ихъ дѣйствованію сколько помогаетъ, столько и препятствуетъ среда,—всѣми пятью внѣшними чувствами душа прикасается къ внѣшнему міру только съ внѣшней его стороны, между-тѣмъ—какъ и этой поверхностной стороны вселенной имъ подлежитъ только безконечно малая

часть. Ощущенія внутренняго органическаго чувства, при непосредственности соприкосновенія чувства съ ощущаемымъ предметомъ, тусклы и слитны, такъ-что всѣ органическіе процессы, возбуждающіе это чувство, подлежатъ ему только незначительною, по количеству, своею долею; въ дѣятельности же душевнаго чувства чувствующій субъектъ и чувствуемый объектъ суть единство — самъ человѣческій духъ, внѣшніе возбуждающіе это чувство объекты должны быть тождественны съ такими же внутренними и чувствуются въ такой степени, въ какой—они сливаются въ это тожество:—субъектъ насквозь проникаетъ, въ каждомъ пунктѣ проникаетъ и собственнымъ свѣтомъ озаряетъ чувствуемый объектъ. Сверхъ всего этого, когда прочія чувства, внѣшнія и внутреннее физическое, ограничены опредѣленными, болѣе или менѣе тѣсными, сферами, внутреннее душевное чувство не встрѣчаетъ себѣ окончательнаго предѣла нигдѣ, ни на землѣ въ земномъ, ни выше земли въ небесномъ, ни, наконецъ, въ духѣ и въ сферѣ духовъ, чувствуя въ себѣ аналогичность видимыхъ міровъ съ землею, а относительно міра духовъ аналогичность ихъ съ человѣческимъ духомъ, и непреложность въ приложеніи основныхъ законовъ и формъ, коренныхъ категорій и высшихъ идей человѣческаго разума даже къ самымъ отдаленнымъ и таинственнымъ сферамъ міробытія. 2) Что въ свидѣтельствѣ высшихъ душевныхъ чувствъ есть показанія обще-субъективныя, обще-обязательныя, обще-признанныя, это доказывается существованіемъ обще-признанныхъ идеаловъ прекраснаго и высокаго въ сферѣ эстетическаго вкуса, въ области собственно сердца,—единствомъ основъ морали и законодательства всѣхъ вѣковъ и народовъ, равно какъ и существованіемъ обще-признанныхъ нравственныхъ идеаловъ праведнаго и святаго, — словомъ, всѣмъ, что признано человѣкомъ за истинное въ сферѣ сознанія, въ области всѣхъ трехъ чувствъ внѣшняго и внутренняго, низшаго и высшаго,— доказывается въ сферѣ особенно высшаго душевнаго чувства безспорнымъ существованіемъ прирожденныхъ обще-обязательныхъ законовъ и формъ мышленія, основныхъ категорій разсудка и высшихъ идей разума. 3) При этомъ должно имѣть въ-виду, что, чувствуя себя, и внѣшнимъ чувствомъ и внутреннимъ органическимъ, какъ сила видящая, слышащая, осязающая, ощущающая голодъ и жажду и т. д., душа, какъ сила самосознающая, мыслящая, нравственно дѣятельная, эстетически чувствующая, чувствуетъ себя собственно высшимъ душевнымъ чувствомъ. Это душевное чувство есть носитель низшихъ

чувствъ, внутренняго физическаго и внѣшняго, что доказывается физіологическими опытами отдѣленія чувствующихъ нервовъ отъ мозга и срѣзываніемъ мозга, откуда открывается не только то, что сѣдалище чувствительности находится не въ органахъ чувствъ, а въ мозгу, но и то, что чувство и сознаніе суть единство и что чувства безъ сознанія перестаютъ быть чувствами, тогда-какъ сознаніе безъ многихъ, если только не безъ всѣхъ, внѣшнихъ чувствъ, по крайней мѣрѣ, съ сильнымъ ослабленіемъ ихъ и задержкою, какъ, наприм., въ летаргіи, продолжаетъ еще быть сознаніемъ. Даже и низшія чувства суть болѣе душевныя чувства, чѣмъ органическія, такъ-какъ всѣ три чувства, весьма мало способныя опредѣлять происходящіе при ощущеніяхъ органическіе процессы, безмѣрно способнѣе указывать то, какъ воспринимаемое ими свойство предмета отражается въ высшемъ душевномъ чувствѣ и въ фокусѣ его, сознаніи: откуда открывается, что сознаніе или вообще внутреннее душевное чувство есть совершенно аналогичное внѣшнему внутреннее зрѣніе или вообще чувство и, въ тоже время, есть корень, центръ и душа всѣхъ низшихъ чувствъ. 4) Если въ сферѣ высшаго душевнаго, равно-какъ и въ сферѣ внѣшняго чувства, съ одной стороны, можно сказать, нѣтъ ни одного ощущенія абсолютно-тожественнаго, самому себѣ равнаго у всѣхъ людей,—то и съ другой стороны ,также справедливо сказать о немъ, какъ и о чувствѣ внѣшнемъ, что объективнымъ, въ сферѣ простѣйшихъ душевныхъ ощущеній, должно признавать то, что одинаково чувствовалось и чувствуется всегда и вездѣ большинствомъ здоровыхъ людей, какъ, напр., восхитительность хорошаго весенняго утра, а въ сферѣ болѣе сложныхъ душевныхъ ощущеній—то, что чувствуется большинствомъ болѣе развитыхъ людей (какъ, напр., безусловная обязательность всѣхъ положеній чистой математики), особенно же если оно опирается на свидѣтельство чувствъ лучшей части человѣчества всѣхъ вѣковъ (какъ, наприм., въ признаніи обязательности нравственной идеи вообще, или закона цѣломудрія въ-частности). 5) Въ тоже время справедливо и то сказать о высшемъ душевномъ чувствѣ, какъ сказано о чувствѣ внутреннемъ физіологическомъ, что тожественность высшихъ душевныхъ ощущеній у разныхъ людей можетъ быть, наглядно и принудительно для каждаго личнаго чувства, повѣрена тожественностью явленій предшествующихъ, сопутствующихъ и послѣдующихъ удовлетворенію потребностей чувства, а также особенно рѣзко и принудительно сказывающимся сочувствіемъ одного чувствующаго субъекта съ другимъ

въ тожественномъ или аналогичномъ состоянiи чувства (какъ, наприм., въ состоянiи религiозной экзальтацiи, театральныхъ увлеченiй, народныхъ торжествъ и т. п.). 6) Если, поэтому, въ отправленiяхъ внутренняго органическаго чувства единство законовъ природы сказывается безусловно-принудительнымъ образомъ, какъ явленiе не только субъективное, или болѣе или менѣе обще-субъективное, но и какъ непререкаемо объективное, которое принудительно становится основанiемъ вѣры, что тѣмъ же единствомъ законовъ природы проникнуты отправленiя и внѣшнихъ чувствъ во всемъ человѣческомъ родѣ и что вообще вся природа своимъ бытiемъ и свойствами соотвѣтствуетъ отраженiю ея въ человѣческомъ чувствѣ;—то тѣмъ съ большею настоятельностью должно сказать тоже о высшемъ душевномъ чувствѣ, потому во-первыхъ, что А) именно это чувство, какъ доказано, есть носитель и объединитель, корень и центръ не-только внѣшняго, но и внутренняго органическаго чувства, слѣдовательно, единый основной законъ ихъ общаго дѣйствованiя долженъ имѣть свой источникъ именно въ высшемъ душевномъ чувствѣ;—далѣе по тому, что Б) именно этимъ чувствомъ ощущаются прирожденные человѣку всеобщiе общеобязательные, принудительно дѣйствующiе законы и формы мышленiя, коренныя категорiи разсудка и высшiя идеи разума;—и, наконецъ, по тому, что В) именно этимъ чувствомъ носится наиболѣе ясное, наиболѣе неотступное, наиболѣе тожественное и себѣ равное у всѣхъ людей, наиболѣе коренное—центральное ощущенiе,—это именно ощущенiе Я съ коренными принудительно опредѣляющими дѣятельность этого Я его законами и требованiями, съ возникающими изъ исполненiя этихъ коренныхъ законовъ и потребностей коренными ощущенiями этого Я, изъ которыхъ самымъ первичнымъ ощущенiемъ одинъ великiй мыслитель (*Декартъ*) призналъ: «*Я мыслю, слѣдовательно, существую*»; а другой (*Фихте*): «Я есмь Я,—Я есмь»,—справедливо видя въ этомъ первичномъ положенiи абсолютную истину, основанiе и критерiй всякой истины, а въ основанномъ на немъ законѣ тожества—первичный абсолютной законъ не только познанiя, но и бытiя.

ГЛАВА VI.

Постараемся теперь дать возможно связный, съ строго позитивной точки зрѣнія, отвѣтъ на вопросъ: *все ли чувственное объективно?*

Чувствъ три: *внѣшнее*, область котораго ограничивается, съ одной стороны, туманными звѣздными пятнами, а съ другой—поверхностію человѣческаго тѣла, — *внутреннее органическое*, область котораго ограничивается внѣшнею сферою и центральною осью человѣческаго организма, — и *высшее душевное*, область котораго начинается отъ центра души и теряется въ безпредѣльности. Всю чувственную область, крайнею границею которой можно признать туманныя звѣздныя пятна, мы можемъ раздѣлить на двѣ части, изъ которыхъ *одна лежитъ по сю сторону очерченной нами сферы туманныхъ пятенъ, а другая по ту сторону.*

Начнемъ съ первой, которая по эту сторону. Отдѣлимъ область чувства зрѣнія отъ другихъ чувствъ. Центромъ области зрѣнія будетъ человѣческій глазъ, а крайнею сферою проведенная нами тамъ, гдѣ крайнія туманныя пятна, черта. *Въ этой области зрѣнія все чувствуемое или чувственное, въ объективномъ смыслѣ, есть чувственная фикція.* Прежде всего, въ этомъ геометрически правильномъ шарѣ два центра, два зрачка глаза,—что составляетъ математическій абсурдъ, тогда-какъ чувствуется одинъ центръ; предметы отражаются въ глазахъ вдвойнѣ; если же отображеніе получается одиночное, то это только навыкъ умозаключенія, который нѣкоторымъ людямъ, при безпечности или недостаточной концетраціи глазъ, и измѣняетъ такъ, что предметы представляются вдвойнѣ. Кажется, будто чувствуетъ глазъ и именно его поверхность, тогда-какъ чувствуетъ свѣтчатая оболочка внутри глаза, или лучше-мозгъ. Кажется, будто чувствуется предметъ, тогда-какъ чувствуется отображеніе предмета въ глазу, такъ-что ощущенія разстоянія предмета,—при существованіи отображенія внутри глаза,—величины, при сравнительной малости отображенія,—движенія и положенія, при движеніи и положеніи отображенія внутри глаза обратномъ движенію и положенію предмета, суть чувственныя фикціи. Чувствуется бытіе во вселенной тихаго свѣта, тогда-какъ свѣта, и особенно тихаго стоячаго свѣта, въ природѣ нѣтъ;

есть, или основательно предполагается, только чрезвычайно быстрое движеніе эѳира, возбуждаемое раскаленнымъ состояніемъ свѣтящихъ тѣлъ, происходящимъ отъ высокой температуры веществъ свѣтящаго тѣла, возбуждаемой силою въ большихъ массахъ сконцетрированнаго въ солнцѣ электричества, или магнетизма; тогда-какъ опять магнетизмъ и электричество, будучи тоже, что теплота и свѣтъ, являются чувству нетожественными; тогда-какъ высокое каленіе, высокая температура есть опять нѣчто отличное по природѣ отъ ощущаемаго, есть только извѣстное движеніе частицъ вещества. Чувствуется мгновенное распространеніе свѣта, тогда-какъ ему нужны промежутки времени для прохожденія пространствъ. Чувствуется, что все пространство до солнца и звѣздъ свѣтло, тогда-какъ, на самомъ дѣлѣ, это не такъ: свѣтло только въ области мрака — темныхъ тѣлъ, въ низшихъ слояхъ атмосферы, верстъ до 10 вверхъ, не больше, — а далѣе совершенно темно, и ни солнца, ни звѣздъ не видно. Атмосфера кажется, по большей части, голубою, иногда сѣрою, иногда красною, лиловою и т. д.,—тогда-какъ она сама ни свѣтла, ни сѣра, ни красна, а просто темна,—разность же ея цвѣтовъ есть только различное разложеніе въ ней солнечнаго луча, бѣлаго въ своей цѣльности. Гдѣ съ высоты полета аэростатовъ чувствуется прекращеніе освѣщенной атмосферы, тамъ это не значитъ, что атмосфера прекращается, такъ-какъ тою же атмосферой, только въ болѣе разрѣженномъ видѣ, наполнено все небесное пространство,—даже не значитъ, что тамъ прекращается и свѣтъ, а значитъ только, что въ изрѣженной атмосферѣ небеснаго пространства напъ глазъ не видитъ свѣта равно—какъ и грудь наша въ изрѣженной атмосферѣ не можетъ дышать. Чувствуется, въ концѣ атмосферы и притомъ весьма не далеко, свѣтло-голубая плотная сфера неба, по которой, на одинаковой дальности отъ земли, раскиданы солнце, луна и звѣзды,—тогда-какъ нѣтъ ни плотнаго неба, ни свѣтло-голубой сферы, тогда-какъ небесныя свѣтила свѣтятъ на землю не съ гладкой свѣтло-голубой поверхности неба, а изъ безпредѣльныхъ глубинъ небеснаго мрака, отстоя одно отъ другаго на безмѣрныя разстоянія. Однѣ и тѣ же небесныя свѣтила, въ разныя времена дня и года и въ разныхъ пунктахъ земныхъ поясовъ, кажутся разноцвѣтными, тогда-какъ эта разноцвѣтность происходитъ не отъ нихъ, а отъ состоянія атмосферы;—кажутся самосвѣтящими, тогда-какъ многія изъ нихъ темны. Звѣзды и планеты кажутся только свѣтящими точками, а луна и солнце незначительными и почти оди-

наковой величины кругами, тогда-какъ всѣ онѣ суть шары громадныхъ размѣровъ и крайне различной величины. Звѣзды кажутся почти одноцвѣтными, тогда-какъ онѣ весьма разноцвѣтны,—кажутся одиночными, тогда-какъ между ними много двойныхъ—кажутся по числу весьма исчислимыми, тогда-какъ онѣ безчисленны. Метеоры представляются столь-же, или даже еще болѣе, и блестящими, и большими, чѣмъ звѣзды, тогда-какъ они и свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ, или даже свѣтомъ каленія, происходящаго отъ тренія ихъ въ атмосферѣ, и по размѣрамъ своимъ въ дѣйствительности весьма малы. Кометы кажутся такими же большими, какъ и звѣзды, и столько же, или еще больше яркими, тогда-какъ онѣ и свѣтятъ свѣтомъ заимствованнымъ, и гораздо менѣе по размѣрамъ, равно-какъ и меньшую имѣютъ плотность. Звѣзды кажутся меньшими по размѣрамъ и по свѣтлости не-только въ сравненіе съ солнцемъ, но и съ луною, тогда-какъ всѣ онѣ безмѣрно больше луны, а нѣкоторыя больше и свѣтлѣе и самаго солнца. Туманныя пятна кажутся только блѣдными пятнами свѣта, тогда-какъ онѣ суть цѣлыя миріады міровъ, и такими пятнами застлана, какъ бисернымъ ковромъ, вся крайняя сфера, отдѣляющая чувственную область отъ недосягаемой для тѣлеснаго чувства. Хотя чувству чувствуются, въ голубой сферѣ неба, большіе, ничѣмъ будто бы не наполненные, промежутки, однакожъ, направляясь по безконечнымъ радіусамъ отъ центра нашего глаза, ни на одну точку неба нельзя указать, чтобы не встрѣтить цѣлаго міра въ каждой точкѣ. За крайнюю сферу крайнихъ туманныхъ пятенъ уже не проникаетъ ни зрѣніе, ни другое какое-либо изъ внѣшнихъ чувствъ: тамъ чувствуется пустота; но и это опять несправедливо, такъ-какъ и тамъ должна быть безпредѣльная полнота.... Полетимъ назадъ на землю, остановимся, на-минуту, чтобъ успокоиться. Вотъ всѣ эти миріады свѣтилъ испускаютъ лучи по прямой линіи къ центру моего глаза; но и это опять обманъ: только вотъ эта одна звѣздочка, стоящая прямо надъ головою, пускаетъ свой лучъ по прямой линіи радіуса; всѣ же прочія испускаютъ свои лучи по изогнутой атмосферической аберраціею круговой; но и это только при неподвижномъ состояніи атмосферы, чего не бываетъ почти никогда, такъ-какъ атмосфера волнуется то общими пассатными, то частными и мѣстными теченіями вѣтра, — колебаніе же атмосферы доноситъ лучъ до глаза по линіи спиральной и даже изломанной, чего уже не избѣгаетъ и эта одна, прямо въ зенитѣ стоящая, звѣздочка. Звѣзды, и солнце кажутся съ земли стоящими на опредѣленномъ мѣстѣ; но и это обманъ чувствъ:

онѣ не тамъ, гдѣ видитъ ихъ глазъ. Въ звѣздныхъ разстоянiяхъ эта разстоянiя громадныя, непзмѣримыя даже милiонамп мил. Въ данномъ мѣстѣ эта полярная звѣзда чувствуется въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ зенита, на сѣверномъ полюсѣ, въ зенитѣ у экватора она исчезаетъ, а за экваторомъ не можетъ быть и видима. Равнымъ образомъ и солнце въ Казани въ полдень равноденствiя видится приблизительно на половинѣ прямаго угла, образуемаго линiями вертикальною и горизонтальною, у экватора въ зенитѣ, а у полюсовъ—почти у горизонта. Вотъ съ палубы корабля видится, что солнце взошло; но это обманъ: оно еще за горизонтомъ и по прямой линiи видимо быть не можетъ, —а вечеромъ хотя и видится, что солнце еще не потонуло въ морѣ, но и это опять обманъ: уже нѣсколько минутъ тому назадъ оно потонуло. Луна,или лучше—атмосфера на-счетъ времени восхожденiя и захожденiя луны—обманываетъ также, какъ и видимость солнца. А съ звѣздами она поступаетъ еще хуже, не дозволяя имъ будтобы, какъ видится глазу, доходить и до горизонта, тогда-какъ онѣ доходятъ, но только у горизонта бываютъ слабо или вовсе не видны отъ густоты атмосферы и слабости свѣтовыхъ лучей. Въ небесномъ же звѣздномъ времени и отношенiи его къ звѣзднымъ прсстранствамъ, эта чувствуемая разность времени и мѣста съ временемъ и пространствомъ дѣйствительными ведетъ къ большимъ результатамъ въ-отношенiи даже къ ближайшимъ свѣтиламъ: лунѣ и солнцу; въ-отношенiи же къ дальнѣйшимъ, неподвижнымъ звѣздамъ, ведетъ къ обману едва вообразимому по своимъ размѣрамъ, но тѣмъ не менѣе, однакожъ, несомнѣнному. Такъ-какъ свѣту нужно время для прохожденiя извѣстнаго пространства, между-тѣмъ-какъ чувствуется будто бы онъ распространяется мгновенно, — то вотъ это туманное пятно свѣтитъ моему глазу, точно-также, какъ свѣтятъ и солнце и луна теперь, но это опять обманъ: отъ луны этотъ свѣтлый лучъ отдѣлился, положимъ, теперь, отъ солнца нѣсколько минутъ назадъ, а отъ туманнаго пятна нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Вотъ эта неподвижная звѣзда, загорѣвшись яркимъ свѣтомъ, потухла, — полагаютъ, — отъ великой катастрофы, отъ возгорѣнiя на ней водорода. Случилось это, повидимому, сегодня; но и здѣсь обманъ и притомъ громадный: свѣтъ отъ этой звѣздочки доходитъ до земли въ 3000 лѣтъ; звѣзда эта потухла 3000 лѣтъ тому назадъ, и, потухши, свѣтила человѣческому глазу цѣлыхъ 3000 лѣтъ! Изъ этихъ миріадъ одновременно теперь свѣтящихъ звѣздъ многiя тысячи, безъ со-

мнѣнія, уже цѣлыя тысячи лѣтъ назадъ потухли; вмѣсто ихъ другія тысячи загорѣлись на доступномъ земному зрителю разстояніи, но для нашего глаза еще не горятъ и не будутъ горѣть еще тысячи лѣтъ, потому-что отъ нихъ свѣтъ доходитъ до земли въ тысячи лѣтъ и пока еще не дошелъ! *Итакъ глазъ видитъ то, что не существуетъ, а того, что существуетъ, не видитъ.* Если при этомъ взять безмѣрно разныя разстоянія небесныхъ свѣтилъ отъ земли, то настоящій чувственный видъ звѣзднаго неба есть невообразимый обманъ, въ каждомъ своемъ пунктѣ, въ соотношеніи каждой звѣзды къ каждой другой относительно мѣсть и времени. Что было и исчезло, или перемѣстилось въ каждую изъ минутъ, составляющихъ цѣлыя тысячелѣтія, то наше чувство пригвоздило въ опредѣленный занимаемый будто-бы и до настоящаго времени пунктъ пространства и въ одинъ будто-бы настоящій моментъ времени! Но спустимся опять, изъ этой превыспренней сферы хаотическаго обмана, внизъ, въ атмосферу. Здѣсь, въ атмосферѣ только и видимъ, что эти громады облаковъ, такія грозныя массивныя твердыни; но это обманъ: это туманъ, улетучивающійся по мѣрѣ нашего къ нему приближенія. Больше въ атмосферѣ мы не видимъ ничего; сама она, для нашего зрѣнія, нѣчто не существующее до самой поверхности земли. Намъ кажется, будто мы видимъ предметы въ атмосферѣ; а не атмосферу, но это также обманъ: атмосфера не только существуетъ, но и есть грубо матеріальное тѣло, способное механически производить тѣ ужасныя сокрушительныя дѣйствія, какія мы видимъ въ буряхъ, вихряхъ и ураганахъ; во всякое-же вообще время она обнаруживаетъ страшное давленіе на всѣ находящіеся на землѣ предметы. И всѣ небесные цвѣта суть цвѣта атмосферы, такъ-какъ она преломляетъ и разлагаетъ солнечные лучи, наровнѣ со всѣми прозрачными тѣлами, водою, стекломъ и т. п. Но, что всего поразительнѣе, атмосфера есть тѣло переполненное неизмѣримыми массами воды и землистыхъ веществъ, неисчислимыми мірами растительныхъ и животныхъ споръ, цѣлыми родами летучихъ растеній и инфузорій. Вотъ глазъ опять видитъ и признаетъ за дѣйствительно существующее безмѣрное разнообразіе цвѣтовъ, представляемыхъ безмѣрнымъ разнообразіемъ предметовъ; новый грубѣйшій обманъ: предметы, быть можетъ, и существуютъ, но не для глаза,—а что для глаза въ нихъ существуетъ, т. е. цвѣта, то въ нихъ не существуетъ, то есть аттрибутъ солнечнаго свѣта, только отражаемаго, такъ сказать —отталкиваемаго прочь отъ себя предметами. На поверхности земли все такъ, по-

видимому, мирно, спокойно, довольно неподвижно, — опять обманъ невообразимый. Въ этихъ такъ — называемыхъ твердыхъ, повидимому — наиболѣе неподвижныхъ въ своемъ составѣ, тѣлахъ, въ каждый моментъ времени, миріады частицъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ механически и химически разлагаются, смѣшиваются, улетучиваются, поступаютъ вновь; въ жидкихъ и газообразныхъ тѣлахъ, при общей ихъ текучести, частныя смѣшенія и разложенія совершаются еще съ большею и совершенно невообразимою быстротою и повсюдностію. Эта гладкая неподвижная поверхность моря,—эта обозрѣваемая глазомъ вдаль и вширь волнующаяся даль суши, то зеленая отъ общаго колорита зелени, то желтая отъ массы солнечныхъ лучей, отражающихся на пескѣ, или на созрѣвшей нивѣ, то тускло-сѣрая суглинисто-черноземная, — эта сумрачная глубь нѣдръ земныхъ, освѣщаемая, большею частію, искусственными свѣтильниками, изрѣдка у поверхности земли или въ выносимыхъ на свѣтъ божій своихъ частяхъ освѣщаемая солнечнымъ свѣтомъ,—та, и другая, и третья, во всякомъ случаѣ, довольно однообразная,—какое закрываетъ она отъ глазъ невообразимое количество всякихъ механическихъ измѣненій, химическихъ процессовъ, органическихъ рожденій и смертей, возрастаній и разложеній! Вотъ эта морская поверхность издаетъ по ночамъ сильный сплошной свѣтъ: это миріады инфузорій, изъ которыхъ ни одной нельзя видѣть простымъ глазомъ. Вотъ бѣлая мѣловая гора: это не что иное, какъ миріады панцырей миріадъ инфузорій, нѣкогда жившихъ, которыя и подъ микроскопомъ различаются плохо. Вотъ листья этихъ растеній покрылись красноватымъ отблескомъ: — это, миріады живыхъ сплошною массою залегшихъ микроскопическихъ паразитовъ! На какомъ-нибудь едва замѣтномъ для глаза паразитѣ свои паразиты, едва замѣтные для микроскопа, а на тѣхъ свои паразиты весьма даже замѣтные для сильнаго микроскопа и такъ дальше, безъ конца, и цѣлые міры этихъ существъ съ своею весьма сложною организаціею, съ своимъ размноженіемъ, развитіемъ, моментальною жизнію, исчезновеніемъ. И все это простой невооруженный глазъ давно уже, на предѣлѣ еще весьма крупныхъ сравнительно существъ, пересталъ видѣть; все это для него гладь и небытіе, какъ небытіе начинается для него и съ того предѣла крайней, весьма не глубокой, сравнительно съ длиною земнаго радіуса, глубины, до которой человѣкъ успѣлъ врыться въ землю. Тамъ для глаза преисподній адъ, не имѣющій и тѣней блуждающихъ. Возникая оттуда вверхъ опять, мы

видимъ, что земля стоитъ спокойно и неподвижно, а небесная сфера совершаетъ вокругъ нея свое суточное вращеніе и совершаетъ такъ медленно, что это вращеніе едва едва можетъ быть замѣчено въ-теченіи цѣлыхъ часовъ, по медленному перемѣщенію свѣтилъ въ-отношеніи къ неподвижнымъ пунктамъ на землѣ, причемъ всѣ части небесной сферы хранятъ между собою вѣковѣчно пропорціональное и почти неподвижное положеніе; все это обманъ невообразимо грубый, такъ-какъ земля безпрерывно движется и, качаясь окружностью по меридіану взадъ и впередъ и, въ то же время, вращаясь на своей оси, она бѣжитъ впередъ всею своею массою, со скоростью десятковъ верстъ въ секунду, совершая годичное свое теченіе вокругъ солнца, въ тоже время, со скоростью еще не измѣренною и неизмѣримою, бѣжитъ вслѣдъ за солнцемъ, какъ луна вслѣдъ за землею, вокругъ другаго невѣдомаго средоточнаго свѣтила, или просто вокругъ центральнаго для самаго солнца пункта небеснаго равновѣсія,—вслѣдъ за этимъ центромъ, быть можетъ, опять бѣжитъ около другаго массивнѣйшаго или могущественнѣйшаго безъ массы центра небеснаго тяготѣнія и т. д. И все это, всѣ эти до единаго небесныя тѣла несутся и несутся со скоростію буквально не вообразимою, дѣйствительно даже не мыслимою, не только-что не чувствуемою, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно дѣйствительною, такъ-что для человѣческаго глаза нигдѣ во вселенной нѣтъ пункта стоянія. Если же глазъ такіе пункты указываетъ, то обманываетъ!... И счастье наше, что обманываетъ, что глазъ чувствуетъ то, чего нѣтъ, и не чувствуетъ того, что есть. Иначе у человѣка закружилась бы голова отъ этого всеобщаго, повсюднаго, всесторонняго, неудержимаго движенія, какъ кружится на увлекаемомъ быстрымъ полетомъ аэростатѣ...

Счастливѣе ли въ своей области ухо? — Область чувства слуха простирается отъ уха человѣческаго, какъ центра, до сферической окружности, заканчиваемой высотою разряженія электричества въ громовыхъ тучахъ и разрыва аеролитовъ, а также высотою поднятія аеростатовъ и незначительною высотою надъ ними, съ которой могутъ быть слышны на аеростатахъ рѣдкіе звуки происходящіе въ высшихъ слояхъ атмосферы, которыми можетъ быть только трескъ разрывающихся аеролитовъ. Въ этой звуковой сферѣ фикціи ощущеній весьма аналогичны съ фикціями ощущеній зрѣнія. Во-первыхъ, въ слуховой правильно геометрической сферѣ два центра, два слуховыхъ органа у одного и тогоже человѣка. Если звуки въ слухѣ человѣка не

двоятся, то причина этому не въ двухъ его ушахъ, а наоборотъ, не смотря на два его уха, въ единствѣ центральнаго чувствилища, въ мозгѣ. Тѣмъ не менѣе бываетъ, что звуки двоятся въ ушахъ, при разности одного уха отъ другаго въ чувствительности, что́ случается весьма часто, — а также при рѣдкой, но возможной, разности самаго значенія звуковъ для каждаго изъ ушей одного и того-же человѣка. Вся совокупность звуковъ, почти безъ изключенія, происходитъ на дѣлѣ не такъ, какъ отражается въ нашемъ чувствѣ,—не въ той силѣ, степени, даже значимости. Вотъ раздаются, напр., въ ушахъ, въ одномъ или обоихъ, звуки трубъ и литавръ, тогда-какъ причина всему этому нѣсколько лишнихъ капель крови, беззвучно приливающей къ головѣ. Вотъ раздается трескъ, будтобы медвѣдь въ лѣсу ломаетъ сучья чащи; но это мелкое насѣкомое ворочается, случайно заползши въ ухо. Вотъ раздается выстрѣлъ изъ пушки; но и это опять кто-либо заговорилъ надъ самымъ ухомъ. Не въ одинаковой силѣ звуки чувствуются не только у разныхъ людей, при разной остротѣ слуха, но и у одного и того-же человѣка, при неодинаковой чувствительности того уха и другаго. Мыслимо, хотя и не можетъ быть повѣрено, по недостатку масштаба для подобной повѣрки, что одинъ и тотже звукъ, чувствуется разными людьми не въ одинаковой значимости, наприм., нѣсколько выше, или нѣсколько ниже, что́ можетъ быть ощущаемо и однимъ человѣкомъ, при различной чувствительности одного уха сравнительно съ другимъ. что обнаруживается также и въ томъ фактѣ, что одни и тѣже звуки одному и томуже человѣку кажутся чище и гармоничнѣе въ томъ состояніи его здоровья, когда его собственный голосъ чище, сильнѣе и свободнѣе, и, наоборотъ, менѣе гармоничными и чистыми, когда его собственный голосъ не чистъ и горло затруднено, что зависитъ отъ связи голосовыхъ нервовъ съ слуховыми. Большею частію также звуки чувствуются не въ тоже время, когда происходятъ въ природѣ, такъ-какъ дрожащей волнѣ воздуха нужно извѣстное время, чтобы пройти извѣстное простанство и достигнуть слуха, и не въ томъ соотношеніи звуковъ, какъ устанавливается оно въ природѣ, потому-что правильному отраженію массы звуковъ въ слухѣ мѣшаетъ разность времени, нужнаго для достиженія уха звукамъ не только ближайшимъ и дальнѣйшимъ, но и сильнѣйшимъ и слабѣйшимъ, высшимъ и низшимъ, мѣшаетъ разность и разное состояніе среды, чрезъ которую звукъ проходитъ, такъ-какъ проводящими звукъ средами бываютъ, кромѣ воздуха, вода, земля. металлы, камень. Въ свою очередь, воздухъ можетъ быть чистъ или на-

полненъ парами и пылью, можетъ быть теплый и холодный, спокойно; стоящій или находящійся въ движеніи; а всѣ эти состоянія вліяютъ на разность передачи звука, равно-какъ на тоже вліяютъ и разныя расположенія около нашего уха разныхъ отражателей. Вотъ, напр., послѣдній отчаянный крикъ утопающаго; но вы слышите его лишь тогда, когда человѣкъ уже утонулъ. Вотъ звукъ выстрѣла; но онъ достигаетъ слуха пораженнаго этимъ выстрѣломъ уже тогда лишился жизни послѣдній. Вотъ молнія уже пролетѣла по комнатамъ и только послѣ этого уже громъ потрясаетъ стѣны вашего дома. Вотъ издали долетаетъ до слуха гармонія, но несовсѣмъ ясная именно по тому, что звуки долетаютъ до слуха смѣшанными вліяніемъ среды, которую имъ нужно было проникнуть, чтобы достигнуть уха. Вотъ страшный вопль въ лѣсу, раздающійся хохотомъ лѣшаго; но это разносимый лѣснымъ эхомъ голосъ самой невинной птицы. Наконецъ, звукъ есть величайшая изъ загадокъ природы и науки, потому-что звука въ природѣ нѣтъ; тамъ есть только дрожательное, въ разныя стороны распространяющееся, движеніе частицъ вещества. Въ безвоздушномъ пространствѣ, въ верхнихъ слояхъ атмосферы звукъ ослабѣваетъ, или совсѣмъ даже исчезаетъ, какъ и свѣтъ: на вершинѣ высокихъ горъ выстрѣлъ раздается не слышнѣе хлопанья въ ладоши; подъ воздушнымъ колоколомъ, при вытягиваніи воздуха, звукъ колокольчика ослабѣваетъ, а потомъ почти совсѣмъ исчезаетъ; на аеростатахъ, чтобы одинъ человѣкъ услышалъ другаго, нужно кричать надъ самымъ ухомъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ, царство звука, царство сущаго для человѣческаго слуха оканчивается, оканчивается тамъ, гдѣ въ дѣйствительности, безъ сомнѣнія, не оканчивается,—а, наоборотъ, гдѣ едвали не начинаются двѣ великія гармоніи природы, одна въ маломъ, а другая въ великомъ: съ одной стороны тотъ гармоническій говоръ растущей травы, который слышенъ былъ вѣщему уху *Одина*, который слышенъ и нашему уху въ тихую весеннюю ночь, тогда-какъ днемъ его не слышно, а съ другой стороны, та «божественная гармонія небесныхъ сферъ», которую слышалъ *Пивагоръ*, гармонія не только поэтическая, но и дѣйствительно позитивная, такъ-какъ земля и миріады другихъ громаднѣйшихъ небесныхъ тѣлъ, разсѣкая, невообразимою быстротою своего полета и громадностію массъ, атмосферу, разлитую вездѣ въ небесныхъ пространствахъ, должны производить невообразимую массу дрожательныхъ волнъ не только въ этой атмосферѣ небесныхъ пространствъ, но и въ собственномъ составѣ, подобно летящимъ

бомбамъ,—та радужно-гармоническая музыка солнечныхъ лучей, которая съ восходомъ солнца слышалась въ статуѣ Мемнона, которую могли бы слышать всѣ и вездѣ, если бы люди выучились дѣлать такіе же микроскопы для уха, какіе изобрѣтены дла глаза,—такъ-какъ масса солнечныхъ лучей, распространяясь дрожательными волнами съ необычайною быстротою, пронизывая атмосферу, приводитъ въ движеніе и трепетный восторгъ не-только всякую жизнь на землѣ, но и самую землю, какъ и другія тѣла солнечной системы,—та божественная гармонія, которую поютъ, въ хвалу Богу, солнце и луна, всѣ звѣзды и свѣтъ, какъ и все сотворенное, которую слышалъ вдохновенно-вѣщимъ ухомъ и Давидъ пророкъ. А наше грубо позитивное ухо для этихъ наиболѣе таинственныхъ звуковъ тупо: для него они не существуютъ.

Сфера чувства осязанія, начинаясь поверхностію человѣческаго тѣла, оканчивается тѣми предѣлами, какихъ можетъ достигнуть человѣческая рука съ своими средствами изслѣдованія, т. е. оканчивается извѣстною глубиною морскаго дна и разрытыхъ нѣдръ земли, а съ другой стороны, извѣстною высотою полета аэростатовъ. Подобно чувствамъ зрѣнія и слуха, и это чувство не мало обманываетъ насъ въ указаніи объективныхъ свойствъ предметовъ, такъ-какъ степени температуры въ прпродѣ не существуютъ: тамъ, вмѣсто того, есть только большее или меньшее расширеніе и сжатіе частицъ вещества; да и, кромѣ того, собственно ощущаемое осязаніемъ расширеніе, или сжатіе частицъ вещества происходитъ не въ прикасающемся къ нашему тѣлу предметѣ, но, вслѣдствіе этого прикосновенія, внутри нашего тѣла. Другія производимыя этимъ чувствомъ ощущенія фигуральности предметовъ, шероховатости, или гладкости, даже упругости и мягкости, будучи разнозначущи у разныхъ людей, очень рано оканчиваются у всѣхъ,—такъ что это чувство отказывается служить человѣку тамъ, гдѣ чувство вооруженнаго зрѣнія только-что начинаетъ указывать цѣлые микроскопическіе міры. Такъ, палецъ, напр., едва ощущаетъ на гладкой поверхности сырость, которая кишитъ микроскопическими животными,—рука ощущаетъ только легкое прикосновеніе разбѣгающагося, вдыхаемаго и выдыхаемаго человѣкомъ, воздуха, будучи вовсе неспособна найти въ немъ что-либо осязаемое, тогда-какъ каждый вздохъ несетъ опять миріады микроскопическихъ существъ; даже вообще тупо чувствуется осязаніемъ матеріальность и самое бытіе воздуха, когда онъ тихъ и имѣетъ подходящую къ человѣче-

скому тѣлу температуру, не говоря уже о безконечномъ разнообразіи его содержанія.

Сфера чувствъ обоняніа и вкуса, начинаясь внутренними оболочками носа и рта, какъ центральными пунктами, ограничивается тѣми же крайними предѣлами, какими ограничивается сфера и осязанія. Тогда-какъ въ чувствахъ зрѣнія и слуха преобладаетъ теоретическій характеръ, направленный къ рѣшенію вопросовъ, что такое res in se (вещь въ существѣ своемъ), въ этихъ двухъ чувствахъ вкуса и обоняніа начинаетъ преобладать характеръ практическій, направленный къ рѣшенію вопроса, что такое вещь не столько въ себѣ и для себя, сколько для насъ; между-тѣмъ-какъ въ чувствѣ осязанія видится равновѣсіе обоихъ характеровъ. Но и эти чувства въ-отношеніи къ рѣшенію вопроса: принадлежатъ ли предметамъ тѣ свойства, которыя имъ приписываются, обнаруживаютъ свои неудобства въ томъ, что у различныхъ людей онѣ значительно разностепенны и даже разнозначущи. Кромѣ того, онѣ вводятъ насъ въ обольщеніе тѣмъ, что относятъ къ предметамъ свойства, которыя больше, если только не исключительно, суть *состоянія субъекта*, чѣмъ свойства объекта, — которыя, по крайней мѣрѣ, единственно и исключительно суть *отношенія между субъектомъ* и перестающимъ быть собою *объектомъ*, какъ, напримѣръ, сладость сахара есть свойство не того сахара, который мы держимъ въ рукахъ, но того химическаго соединенія, которое совершилось на языкѣ, съ разрушеніемъ почувствованной нервами языка части сахара.

Такимъ образомъ, объективность показаній внѣшняго чувства, основательно и разносторонне разрушаемая разсудочнымъ анализомъ, который справедливо показываетъ, что это чувство, большею частію, съ предметомъ непосредственно не соприкасается и что приписываемыя имъ свойства предметамъ не принадлежатъ, была бы крайне сомнительна,—если бы дѣятельность этого чувства не была тѣсно связана съ дѣятельностью чувства внутренняго физіологическаго, если бы непререкаемая достовѣрность показаній этого послѣдняго чувства не переносилась, въ нѣкоторой мѣрѣ, и на первое т. е. внѣшнее чувство.

Относительно достовѣрности показаній *внутренняго физіологическаго чувства* сомнѣваться труднѣе, потому-что никакимъ разсудочнымъ анализомъ нельзя подвергнуть сомнѣнію принадлежность предметамъ тѣхъ свойствъ, какія открываются въ нихъ этимъ чувствомъ. Это чувство наиболѣе непосредственно соприкасается съ дѣйствующими на него предметами и, нося въ себѣ, главнымъ образомъ, прак-

тическій характеръ, съ задачею рѣшать о предметѣ не-столько то, что такое онъ самъ въ себѣ, сколько то, какъ онъ относится именно къ чувству, въ самоощущеніи не ошибается тѣмъ болѣе, что дѣйствующій на него предметъ, въ наибольшей части случаевъ, переставая быть самимъ собою, сливается съ чувствующимъ субъектомъ. Въ отправленіяхъ этого чувства единство законовъ природы сказывается безусловно принудительнымъ образомъ, какъ явленіе не только субъективное, или болѣе или менѣе обще-субъективное, но непремѣнно объективное. Оно-то принудительно становится основаніемъ философской вѣры, что тѣмъже единствомъ законовъ природы проникнуты отправленія и внѣшнихъ чувствъ, во всемъ человѣческомъ родѣ, и что вообще вся природа своимъ бытіемъ и свойствами соотвѣтствуетъ отраженію ея въ человѣческомъ чувствѣ. Но, въ то же время, внутреннее физіологическое чувство даетъ показанія о явленіяхъ, внутри человѣческаго организма происходящихъ, тусклыя и слитныя, такъ-что всѣ возбуждающіе его ощущеніе органическіе процессы подлежатъ ему только весьма малою своею долею, узнаются же больше посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Сверхъ того; область этого чувства переполнена такимъ же неисчислимымъ количествомъ бытій и процессовъ, какъ и область внѣшняго чувства: части человѣческаго организма, то существенно къ нему относящіяся, то паразитныя въ неизмѣримомъ количествѣ, ежеминутно мѣняются, вновь поступаютъ, образуются, отлагаются, и исчезаютъ; органическіе, химическіе и механическіе процессы, въ неуловимомъ разнообразіи, безъ остановки несутся чрезъ тѣло человѣка одинъ за другимъ, одинъ въ другомъ и одинъ вопреки другому, рядомъ съ полетомъ самаго времени; общеорганическое человѣческое чувство проносится надъ ними — нельзя сказать—весьма поверхностно, но весьма обще, не имѣя способности даже прикоснуться къ милліонамъ внутреннихъ бытій и совершающихся въ нихъ измѣненій, а не то, что раздѣльно освѣтить ихъ для сознанія. Въ тоже время, при милліонахъ бытій и процессовъ въ области этого чувства, самыя ощущенія его, какъ и прочихъ чувствъ, опять мелькаютъ безпрерывною слитною вереницею, при чемъ даже въ одномъ человѣкѣ одно индивидуальное ощущеніе абсолютно не можетъ быть адекватно другому, — а индивидуальное представленіе о каждомъ отдѣльномъ ощущеніи еще менѣе можетъ быть адекватно представляемому, — а тѣмъ менѣе можетъ быть адекватно цѣлому возбуждающему отдѣльныя ощущенія процессу, какъ необъятной

суммѣ отдѣльныхъ измѣненій, происходящихъ въ необъятной-же суммѣ отдѣльныхъ, участвующихъ въ процессѣ, бытій. Поэтому и внутреннее физіологическое чувство не давало бы намъ не только объективнаго, адекватнаго неуловимой текучести включенныхъ въ нашъ организмъ бытій и процессовъ, но положительно никакого разумнаго познанія, если бы дѣятельность этого чувства не была органически связана съ дѣятельностью высшаго внутренняго, душевнаго чувства.

Но *душевное чувство* въ своей области находитъ уже не одинъ особый міръ души, а цѣлыхъ три міра: подлежащій внѣшнему чувству внѣшній міръ, подлежащій внутреннему физіологическому чувству міръ органическихъ процессовъ и частей человѣческаго тѣла, наконецъ, спеціально подлежащій душевному чувству міръ души, съ взаимными ихъ, т. е. всѣхъ этихъ трехъ міровъ, отношеніями и отраженіемъ въ сознаніи. Но этого мало. Душевному чувству, и ему одному исключительно, подлежитъ особый міръ чувственнаго небытія и бытія абсолютнаго. Область этого чувства, начинаясь отъ центральнаго сѣдалища человѣческой души,— центральной оси человѣческаго тѣла, простираясь далѣе чрезъ внутренность и самый центръ, равно-какъ и внѣшнюю атмосферическую оболочку земнаго шара, чрезъ поверхности, внутренности и центры всѣхъ подлежащихъ и не подлежащихъ внѣшнему зрѣнію міровъ небеснаго пространства, объемля всѣ неорганическія и органическія находящіяся на этихъ мірахъ существа, съ законами и свойствами ихъ бытія, простирается до сферы дальнѣйшихъ доступныхъ зрѣнію туманныхъ пятенъ, но не останавливается и здѣсь, а устремляется въ безбрежную даль безпредѣльности, гдѣ чувство допытывается, что такое тамъ, конецъ ли матеріальнаго міра, или только берегъ новаго безбрежнаго океана матеріальныхъ міровъ,—есть ли что-либо помимо матеріальнаго бытія, т. е. есть ли міры чисто духовные, съ живыми существами аналогичными нашему духу, проходитъ ли по всему этому безконечному разнообразію бытій единство бытія,— царитъ ли надъ множественнымъ бытіемъ единое, надъ измѣняющимся неизмѣнное, надъ ограниченнымъ безпредѣльное, надъ условнымъ безусловное. И что именно чувствуетъ это чувство въ своей безграничной области? Что чувствуетъ *внѣшнею своею стороною*, *внѣшнимъ чувствомъ*? Замѣтимъ, что ощущенія внѣшняго, точно также какъ и внутренняго чувства, будучи внутренними состояніями чувствующаго субъекта, свидѣтельствуютъ, всѣ до одного, о томъ, какъ объектъ дѣйствуетъ на чувство, а не о томъ, что онъ

такое какъ res in se,—что зрѣніе и слухъ не соприкасаются съ самыми предметами,—что осязаніе, подходя къ предмету, повидимому, ближе нѣкоторыхъ чувствъ, касаясь его почти непосредственно, опредѣляетъ тонкости подлежащихъ ему свойствъ хуже даже не вооруженнаго, а не только-что вооруженнаго зрѣнія,—что обоняніе и вкусъ, касаясь предметовъ непосреднственнѣе прочихъ чувствъ, разрушаютъ его механически и химически и ощущаютъ собственно не предметъ, а смѣсь объекта и субъекта,—что свойства, открываемыя внѣшнимъ чувствомъ въ объектахъ, могутъ быть отъ объекта отдѣляемы и оспориваемы, какъ имъ не принадлежащія,—что внутреннее органическое чувство даетъ показанія о предметахъ его области слитныя, тусклыя и общія, весьма мало проникая въ совершающіеся въ человѣческомъ организмѣ процессы, весьма мало прикасаясь къ находящимся въ немъ особымъ бытіямъ. При всѣхъ этихъ ограниченіяхъ, стѣсняющихъ возможность получить внѣшнею своею стороною, т. е. внѣшнимъ чувствомъ, объективную и вообще какую бы то ни было истину, чувство душевное испытываетъ безконечное количество отдѣльныхъ ощущеній, соотвѣтствующихъ безмѣрному количеству отдѣльныхъ бытій внѣшняго міра, съ безпрерывнымъ ихъ и повсюднымъ теченіемъ, такъ-какъ, не стоя ни секунды, луна бѣжитъ около земли, а земля, въ свою очередь, качаясь на полюсахъ, вертясь около оси, бѣжитъ кругомъ солнца,—солнце аналогичнымъ образомъ бѣжитъ около своего центра,—неисчислимыя миріады видимыхъ и невидимыхъ солнцевъ бѣгутъ за своими центрами куда-то въ безбрежную даль, безъ какого бы то ни было пункта стоянія въ универсѣ, — точно также, какъ въ этихъ далекихъ мірахъ, и на нашей землѣ все, равнымъ образомъ, не стоя ни мгновенія, движется; силы земныя: магнитизмъ, теплота, электричество и другія только и знаютъ, что двигаться и двигать; атмосфера во всѣхъ своихъ частяхъ движется; твердыя, жидкія и газообразныя тѣла безпрерывно мимо другъ друга и внутри другъ друга движутся; организація, жизнь потому и есть жизнь, что въ миріадахъ существъ, органическихъ частей и процессовъ происходитъ разнообразное движеніе. *Вездѣ внѣ человѣка головокружащее движеніе.* Но не можетъ ли голова отдохнуть *на самомъ человѣкѣ*, *на человѣческомъ организмѣ*? Нѣтъ. И здѣсь тоже головокружащее движеніе. Въ дыханіи человѣка, въ крови, во всѣхъ жидкостяхъ миріады паразитныхъ живыхъ существъ, какъ рыбъ въ морѣ, — миріады органическихъ особей, принадлежащихъ къ строенію самаго организма,—ми-

ріады особыхъ, и собственныхъ, и паразитныхъ органическихъ процессовъ: во всѣхъ этихъ отправленіяхъ безконечно больше движенія, чѣмъ сколько можно вообразить. *Но нѣтъ ли тишины, покоя, отдохновенія хотя въ глубинѣ человѣческаго духа?*—Нѣтъ, и здѣсь тоже безконечно пестрое и безконечно быстрое мельканіе ощущеній, представленій, образовъ, понятій, желаній, стремленій, и здѣсь вѣчное, безконечное вращеніе, и ни секунды стоянія! При такомъ вѣчномъ и безконечно-пестромъ міровращеніи, при взаимной условности всѣхъ частей міробытія и міросозерцанія, ни одно индивидуальное явленіе, какъ и соотвѣтствующее ему отраженіе его въ нашемъ духѣ, не можетъ быть абсолютно тожественно съ другимъ; ни одно индивидуальное представленіе, соотвѣтствующее индивидуальному ощущенію, по безмѣрному количеству относящихся къ нему въ самомъ изслѣдуемомъ фактѣ признаковъ, не можетъ быть адекватно ощущенію; предметъ несется мимо ощущенія и не точно отражается въ немъ; ощущеніе пропеслось мимо представленія и не точно отразилось въ немъ; на представленіи обосновалось понятіе и опять не во всей точности согласно съ представленіемъ. Духъ человѣческій вѣчно кружится въ сферѣ мелькающихъ тѣней, клубящагося тумана, одуряющаго чувственнаго обмана.... О томъ ли тутъ спрашивать, такъ ли все это существуетъ какъ чувствуется? Не скорѣе ли о томъ, существуетъ ли все это, или только исчезаетъ, какъ спрашивали первые философствующіе мыслители, древніе греки?! Да остановись же исчезающее, не бѣгите тѣни.... Но, увы, *все течетъ*, — плакался еще древній мыслитель *Гераклитъ*. За что же ухватиться, чтобы сдержать неудержимый бѣгъ увлекающей и самого человѣка и человѣческое чувство необъятной вселенной?... За Я. Вотъ центръ моего міросозерцанія, если не міробытія. Все течетъ, но въ моемъ духѣ все течетъ мимо моего Я, — говорятъ, новѣйшія отраженія Гераклита, *Фихте, Шеллингъ и Гегель*. Вотъ наиболѣе центральное, тожественное, наиболѣе само себѣ равное, наиболѣе въ своемъ стержнѣ неизмѣнное, наиболѣе принудительное, для меня лично наиболѣе объективное, въ человѣчествѣ наиболѣе обще-субъективное, наиболѣе безусловно категоричное, наименѣе терпящее ограниченій и исключеній, ощущеніе: это ощущеніе Я, съ первичною завязью концентрирующихся около него ощущеній, понятій и сужденій: «*Я, Я есмъ Я, Я есмъ, Я существую, Я мыслю, Я чувствую, Я стою среди враще-*

нія всего внутри и внѣ меня». Вотъ ощущенія, понятія, сужденія наименѣе пререкаемыя, наиболѣе основныя, непосредственно безусловныя.

Отъ этого центра протянуты, сквозь сумракъ мелькающихъ ощущеній и явленій, неподвижныя нити въ-видѣ прямолинейныхъ радіусовъ, а поперегъ ихъ концентрическіе круги болѣе и болѣе расширяющіеся и теряющіеся въ безбрежной дали міросозерцанія и міробытія. Въ эти круги, въ эти формы мое Я вкладываетъ текучее, исчезающее міробытіе и, такимъ образомъ, созидаетъ свое, по возможности, неподвижное міросозерцаніе. Такая *основная тенденція ума: противопоставить неподвижность міросозерцанія быстротечности бытія*—и отразилась въ исторіи развитія философствующей мысли, ясно сознанная еще первыми греческими мыслителями, какъ сознавалась и до ближайшихъ къ намъ временъ *Гегеля*, какъ сознается и до нашихъ дней самими позитивистами, которые, вслѣдъ за всѣми естественниками, силятся уловить, среди бѣга природы, не иное что, какъ всеобщіе основные законы и нормальныя формы бытія.

Но не удаляется ли, въ этомъ случаѣ, умъ нашъ отъ цѣли, вмѣсто того, чтобы идти къ цѣли? Да. Эта основная тенденція всѣхъ познавательныхъ работъ человѣческаго ума показываетъ, что онъ стремится какъ-будто въ противоположную сторону отъ направленія міроваго бытія: міръ бѣжитъ, а умъ хочетъ хотя внутри себя его остановить. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, въ нашемъ духѣ лежитъ другое основное требованіе, чтобы наше міросозерцаніе было, по возможности, точнымъ отображеніемъ міробытія. Отсюда-то и истекаетъ требованіе истины міросозерцанія и истины именно объективной, по возможности, адекватной объекту, дѣйствительному образу міробытія.

БИБЛІОТЕКА СОВѢТА

ГЛАВА VII.

Возможна ли истина адекватная предмету? Достижима ли она? Рѣшенію этого вопроса мы должны предпослать разрѣшеніе другого, именно: *что служитъ въ духѣ человѣческомъ мѣриломъ истины?* — Не иное что, какъ *душевное* чувство, *чувство истины.* Какъ мѣриломъ объективности основнаго понятія *Я*, равно-какъ и наиболѣе основныхъ, непосредственно безусловныхъ, сужденій о *Я*: «*Я есмь Я, Я есмь, Я*

существую, Я мыслю, Я чувствую», служитъ не иное что, какъ непосредственное ощущеніе моего *Я* и связи его не-только съ самимъ собою въ-видѣ предиката: *Я есмъ Я*, но и съ другими непосредственно ощущаемыми въ немъ предикатами: *Я есмъ, Я существую, Я чувствую, Я мыслю*:—подобнымъ-же образомъ мѣриломъ и всякой другой истины, какъ субъективной (отношенія извѣстнаго предиката къ субъекту), такъ и объективной (отношенія извѣстнаго предиката къ объекту), служитъ наше-же внутреннее душевное чувство. Разница въ приложеніи этого мѣрила къ истинамъ заключается только въ томъ, что къ истинамъ одного рода мѣрило чувства истины прилагается болѣе непосредственно, а къ другимъ болѣе посредственно.

Болѣе непосредственно мѣрило душевнаго чувства истины прилагается именно къ самому чувству, при чемъ опредѣляется отношеніе даннаго предмета къ чувствующему субъекту, иначе сказать,—къ самому чувству. *Это область истинъ субъективныхъ*, истинъ практическихъ, истинъ того разума, который *Кантъ* [1]), а за нимъ *Фихте*, называли *разумомъ практическимъ*. Это область истинъ наиболѣе непогрѣшимыхъ, наиболѣе непосредственныхъ, наиболѣе непререкаемыхъ и принудительно достовѣрныхъ,—и область, по размѣрамъ своимъ, не-только громадная, но безпредѣльная, проникающая дѣятельность всѣхъ трехъ чувствъ души, внутренняго, собственно душевнаго, внутренняго физіологическаго и внѣшняго, область, включающая въ себѣ именно ту сторону дѣятельности всѣхъ трехъ чувствъ, которую мы назвали выше стороною практическою, которая опредѣляетъ не то, какъ предметъ есть въ себѣ, но то, какъ предметъ относится къ нашему чувству. Въ рѣшеніи этой практической задачи принудительно достовѣрны и непогрѣшимы всѣ три чувства, не-только внутреннія: душевное и физіологическое, но и внѣшнее,—и каждое изъ этихъ чувствъ непогрѣшимо во всѣхъ своихъ обособленныхъ проявленіяхъ, именно: въ проявленіяхъ какъ чувства собственно душевнаго, въ сознаніи, совѣсти и въ эстетическомъ вкусѣ,—такъ и въ проявленіяхъ внутренняго физіологическаго чувства, проистекающихъ изъ органическихъ потребностей — питанія, дыханія, движенія и другихъ, — и даже чувства внѣшняго: не только въ обоняніи и вкусѣ, но и въ осязаніи и даже въ слухѣ и зрѣніи. Какъ внутреннія органическія обособленныя чувства и ближайшія къ нимъ, по сродъ

[1]) Впрочемъ Кантъ слишкомъ стѣснялъ область практическаго разума, ограничивая его ощущеніями только высшаго моральнаго чувства.

ству, чувства внѣшнія: вкусъ и обоняніе, непогрѣшимы въ рѣшеніи вопроса, какъ подлежащіе имъ объекты на нихъ дѣйствуютъ, въ опредѣленіи свойствъ этаго дѣйствованія, что именно такой-то предметъ производитъ ощущеніе сладкаго, другой ощущеніе запаха розоваго, третій, четвертый и пятый разнообразныя ощущенія утоленія голода, жажды и т. д., подобнымъ-же образомъ въ рѣшеніи этого практическаго вопроса непогрѣшимы и осязаніе, и слухъ, и зрѣніе, и именно въ опредѣленіи подлежащихъ качествъ дѣйствованія на нихъ подлежащихъ имъ предметовъ. Такъ: наприм., и осязаніе непогрѣшимо въ опредѣленіи подлежащихъ ему качествъ предметовъ: шероховатости, извѣстной фигуральности и т. д., и слухъ въ опредѣленіи качествъ звука, музыкальности, или трескучести, извѣстной тонкости, или грубости, — извѣстной высоты, или низости звука и т. д., и зрѣніе въ опредѣленіи цвѣтовъ, а по цвѣтамъ, — фигуральности предметовъ, прозрачности, плотности, качествъ поверхности предметовъ и т. д. Подобнымъ-же образомъ обособленныя отрасли и внутреннѣйшаго душевнаго чувства, не только эстетическій вкусъ и совѣсть, но и сознаніе, непогрѣшимы въ опредѣленіи тѣхъ качествъ, какими подлежащіе предметы, внѣ ли, или внутри чувствующаго субъекта находящіеся, производятъ подлежащія ощущенія, именно въ опредѣленіи того, что, наприм., извѣстный объектъ производитъ въ эстетическомъ вкусѣ ощущеніе восхитительнаго, въ совѣсти — такое или другое ощущеніе добраго, достойнаго, праведнаго, — въ сознаніи — такое или другое ощущеніе такой, или другой являемости предмета въ сознаніи. Однимъ словомъ, въ опредѣленіи практическихъ свойствъ, какими предметы относятся къ нашему чувству, принудительно-обязательное мѣрило истины есть чувство, — и для каждаго отдѣльнаго субъекта его личное чувство, — для цѣлаго общества одинаково культированныхъ людей одинаковое у нихъ обще-субъективное чувство, — для всего человѣчества обще-субъективное, обще-человѣческое чувство. Но такъ-какъ, при разностепенности во всемъ человѣчествѣ разныхъ чувствъ до безусловной тождественности того или другаго чувства у всѣхъ людей добираться трудно, — то, въ такомъ случаѣ, обще-обязательнымъ показаніемъ должно быть признано общепринудительное ощущеніе лучшей, болѣе нормальной и культированной части человѣчества, у которой извѣстныя чувства находятся на высшей степени нормальнаго развитія, что обыкновенно, большею частію, и признается за обще-обяза-

тельное не только въ сферѣ дѣятельности душевнаго внутрянняго чувства, наприм., въ признаніи общеобязательности законовъ и формъ мышленія, высшихъ нормъ или идей истиннаго, добраго и прекраснаго, — но и въ сферѣ чувства внутренняго органическаго, напр., въ признаніи большей питательности животныхъ питательныхъ веществъ сравнительно съ растительными, что лучше чувствуется утонченными желудками, или въ признаніи большей годности для дыханія воздуха чуждаго животныхъ испареній, сравнительно съ воздухомъ нечистымъ, что опять также лучше чувствуется тонкими нервами, — и даже въ сферѣ дѣятельности такъ-называемаго внѣшняго чувства, наприм., въ признаніи видимости предметовъ, слышимости звуковъ, обоняемости запаховъ, которые могутъ быть чувствуемы только изощреннымъ, близкимъ къ нормальному животному, чувствомъ людей наиболѣе близкихъ къ природѣ, — въ признаніи видимости тонкихъ оттѣнковъ въ сочетаніи фигуръ и цвѣтовъ, слышимости тонкихъ качествъ отдѣльныхъ звуковъ и сочетаній ихъ,—въ ощутимости тонкихъ вкусовъ и запаховъ,—въ осязаемости малѣйше замѣтныхъ шероховатостей на наиболѣе гладкихъ поверхностяхъ, какія могутъ быть ощущаемы только утонченными высшею культурою нервами, — въ признаніи видимости предметовъ и слышимости звуковъ, которые видятся и слышатся экзальтированному, особеннымъ образомъ возбужденному чувству сомнамбулъ, вѣщихъ людей, даже иногда и самыхъ обыкновенныхъ здоровыхъ людей въ особомъ настроеніи и напряженіи чувствительности, когда видимое и слышимое такими людьми подтверждается несомнѣнными свидѣтельствами,—наконецъ, въ признаніи видимости предметовъ и слышимости звуковъ, которые ощутительны зрѣнію и слуху только при содѣйствіи усиленныхъ искусственныхъ средствъ съ помощію зрительныхъ и слуховыхъ инструментовъ. И, обратно, если за обще-обязательную истину признается ощущаемое лучшею, болѣе нормальною и образованною частью человѣчества въ области дѣйствій даже внѣшняго чувства,—то самая справедливая аналогія требуетъ признать за обще-обязательную истину и то, что чувствуется лучшею, болѣе нормальною и по-человѣчески образованною частію человѣчества и въ спеціальной сферѣ дѣйствій высшаго душевнаго чувства, въ признаніи свойствъ истиннаго, добраго и прекраснаго, открываемыхъ въ предметахъ высшимъ вкусомъ, совѣстью и сознаніемъ. Принудительная обязательность практическихъ истинъ проистекаетъ изъ сущности ихъ практическаго характера, по которому чувство, не опре-

дѣляя ни того, что такое объектъ, какъ res in se, ни даже того, что такое субъектъ, какъ res in se, опредѣляетъ только *взаимное отношеніе* субъекта и объекта. Одно это *отношеніе между субъектомъ и объектомъ*, *идею*, *идеальное Гегель* и считалъ сколько истиннымъ, столько-же и реальнымъ, тогда-какъ *Шеллингъ* утверждалъ, что истинное въ субъектѣ должно быть истинно и въ объектѣ, по абсолютному тожеству обѣихъ этихъ реальностей, субъекта и объекта, во всемъ реальномъ и идеальномъ,—тогда-какъ напротивъ того, *Фихте* утверждалъ, что мы не можемъ знать и не знаемъ никакого объекта, который потому для насъ и не существуетъ, какъ по тому-же самому не существуетъ и объективная теоретическая истина, что потому-то именно для насъ существуетъ только истина практическая, субъективная, такъ-какъ несомнѣнно существуетъ только субъектъ,—Я съ своими аттрибутами; тогда-какъ *Кантъ* училъ, что практическая истина истинна для насъ только въ постулятѣ, въ реальномъ же бытіи она, быть можетъ, и не истинна, такъ-какъ и можетъ быть повѣрена чувственнымъ (разумѣется—низшимъ) опытомъ,—истинна же только теоретическая истина, не субъективная и тѣмъ болѣе не объективная, но представляющая химическое соединеніе непремѣнно двухъ факторовъ: чувственныхъ воспріятій и прирожденныхъ разсудочныхъ формъ мышленія; тогда-какъ позитивисты, очевидно, гонятся за объективною истиною, хотя и своеобразно понимаютъ ее, считая всякую настоящую истину продуктомъ здраваго опыта и признавая философскимъ излишествомъ допытываться, почему, на какомъ метафизическомъ основаніи объективная опытная истина признается за такую истину. Въ этомъ, какъ показываетъ предшествующій анализъ, позитивисты, очевидно, сильно заблуждаются: опытное чувственное далеко не всегда истинно.

Итакъ возможна ли объективная истина?:—Вопросъ этотъ выяснится когда выяснимъ себѣ другой вопросъ: въ чемъ заключается *существенное отличіе объективной истины отъ субъективной*,—разница, существующая въ фактѣ, а не основанная только на игрѣ школьныхъ понятій и терминовъ? Мы стоимъ на томъ, что *достижимая для человѣка объективная истина есть также субъективная истина*, только болѣе или менѣе обще-субъективная,—что она измѣряется и принимается за истину *тѣмъ-же послѣднимъ мѣриломъ*,—*внутреннимъ нашимъ душевнымъ чувствомъ истины*, какъ и субъективная истина, съ тою только разницею, что къ субъективнымъ истинамъ это мѣрило прилагается болѣе непосредственно, а къ объективнымъ, и то не всѣмъ, а только

нѣкоторымъ, болѣе посредственно, — что истины изъ области такъ-называемаго *теоретическаго разума*, въ концѣ концевъ, суть истины изъ области *разума практическаго*,—что основательное, правильное отношеніе извѣстнаго предиката къ объекту, требуемое объективною истиною, есть, въ концѣ концевъ, отношеніе того же предиката къ дѣйствованію объекта на субъектъ, иначе сказать, — къ чувству субъекта, при чемъ истина теряетъ искомый теоретическій и пріобрѣтаетъ чисто практическій характеръ. Если же получаетъ она и теоретическій характеръ, то не иначе, какъ въ практическомъ, въ ближайшемъ, возможно непосредственномъ отношеніи предмета къ чувству субъекта, — что *помимо этого чисто-субъективнаго ощущенія возможно-непосредственнаго отношенія субъекта къ объекту нѣтъ другой истины*, какъ доказали *Фихте* и *Гегель*,—или лучше, *истая, существенная истина чувствуется всегда впереди, но въ настоящемъ состояніи человѣка она недостижима*, какъ училъ *Платонъ* и какъ учитъ Божественное Откровеніе. Представимъ позитивныя доказательства тому, что именно всякая объективная истина, въ концѣ концовъ, есть субъективная, и, наоборотъ, обще-субъективная истина есть объективная, что, однимъ словомъ,—*безусловно непререкаемое и единственное мѣрило истины есть чувство человѣка*, но чувство не внѣшнее, а именно внутреннее, котораго само внѣшнее чувство составляетъ, какъ доказано, только внѣшнюю, а вовсе не кореннную, центральную часть. Такъ 1) изъ отраслей спеціальнаго душевнаго чувства, эстетическій вкусъ говоритъ, что весеннее утро прекрасно,—совѣсть говоритъ, что актъ спасенія утопающаго стороннимъ человѣкомъ, съ рискомъ для собственной жизни, есть поступокъ хорошій. Въ этихъ показаніяхъ мое чувство свидѣтельствуетъ о собственныхъ благопріятныхъ, удовлетворяющихъ его состояніяхъ; — эти показанія для моего сознанія суть, конечно, истины субъективныя, но, въ тоже время и по тому же самому, и объективныя, такъ-какъ я самъ не могу, въ данную минуту, сознавать эти предметы такими и не такими. Эти-же самыя показанія, сдѣланныя чувствами другаго, третьяго и четвертаго человѣка, становятся истинами обще-субъективными, а въ тоже время, въ-силу того же признанія, и непререкаемо объективными,—конечно, объективными только въ томъ, а не иномъ смыслѣ, что данный предметъ имѣетъ свойство, въ данныхъ тожественныхъ обстоятельствахъ, производить возможно-тожественное ощущеніе на обще-человѣческое чувство. 2) Объ отношеніи *чувства внутренняго*

органическаго къ признанію истины, по возможности, обще-субъективной объективною должно сказать тоже, что сказано о чувствѣ спеціально душевномъ. 3) Переходя къ анализу *внѣшняго, чувства его отношеній къ другимъ чувствамъ и, частнѣе, къ анализу тѣхъ случаевъ, когда субъективная истина не признается объективною*, здѣсь усматриваемъ мы три рода случайностей: А) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется и поправляется тѣмъ же самымъ чувствомъ, тщательнѣе, непосредственнѣе приложеннымъ къ объекту,—Б) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется свидѣтельствомъ другаго чувства, также непосредственнѣе приложеннаго къ объекту,—В) наконецъ, когда свидѣтельство чувства одного субъекта повѣряется свидѣтельствомъ чувствъ другихъ субъектовъ. Такъ, *въ первомъ родѣ случаевъ, при повѣркѣ одного чувства болѣе тщательнымъ непосредственнымъ приложеніемъ тогоже самаго чувства*, прикладывая, напр., обоняніе къ розѣ, я получаю ощущеніеизвѣстнаго запаха; завтра, послѣ-завтра—тоже, но на четвертый день получаю ощущеніе отсутствія этого запаха, положимъ—отъ разстройства обонянія, на пятый—присутствіе запаха и т. д.;—изъ многихъ случаевъ узнаю, что отсутствіе извѣстнаго запаха въ розѣ есть мое фальшивое, или не точное, не здоровое ощущеніе, откуда получаю субъективное убѣжденіе въ свойствѣ розы производить извѣстное ощущеніе на мое нормально-дѣйствующее чувство,—а отсюда принудительно получаю вѣру и въ объективную принадлежность розѣ этого свойства. Подобнымъ-же образомъ самп собою повѣряются ощущенія и чувствъ вкуса, осязанія, слуха и зрѣнія. Но почему подвергается преимущественному сомнѣнію объективность свойствъ, открываемыхъ именно чувствами слуха и зрѣнія?—Прежде всего, по болѣе тщательному, всестороннѣе приложенному къ объектамъ, ощущенію тѣхъ же чувствъ. Такъ, напримѣръ, слухъ говоритъ, что дрожащій отъ ударовъ колокольчикъ звенитъ; но слухъ-же свидѣтельствуетъ, что тотъ же колокольчикъ, поставленный подъ воздушный колоколъ, или поднятый на аэростатѣ въ разрѣженную атмосферу, дрожа отъ ударовъ по-прежнему, перестаетъ звучать, потому-что ухо не воспринимаетъ его дрожанія въ волнахъ дрожащаго воздуха. Отсюда заключеніе, что колокольчикъ, звуча, дрожитъ, но не всегда, дрожа, звучитъ... Зрѣніе говоритъ, что извѣстное дерево зелено; но тоже зрѣніе говоритъ, что въ пасмурный день дерево выглядываетъ тусклѣе, при ночномъ свѣтѣ кажется такимъ, при ночномъ лунномъ другимъ, а при освѣщеніи темноты огненными свѣ-

тильниками еще инымъ, въ высшихъ же слояхъ атмосферы, гдѣ исчезаетъ солнечный свѣтъ, тускнѣетъ еще особымъ образомъ, — откуда проистекаетъ субъективное убѣжденіе въ томъ, что первичный источникъ цвѣта заключается не въ немъ самомъ, не въ деревѣ, а въ томъ или другомъ самосвѣтящемъ тѣлѣ, свѣтъ котораго извѣстнымъ образомъ въ деревѣ преломленъ, разложенъ и отраженъ. *Во второмъ родѣ случаевъ, при повѣркѣ одного чувства другимъ*, не касаясь слишкомъ извѣстныхъ обыденныхъ обмановъ чувствъ, повѣряемыхъ одно другимъ,— болѣе общія явленія, напр., то, что въ ощущеніяхъ слуховыхъ принадлежность звучащимъ предметамъ, напр., струнѣ, собственно движенія, а не самаго звука, повѣряется чувствомъ зрѣнія,— что точно также чувствомъ зрѣнія исправляются не точныя показанія чувства осязанія, наприм., въ вопросѣ о гладкости, или шероховатости предметовъ, даже о бытіи предметовъ, наприм., инфузорій,—что, въ свою очередь, осязаніе, кромѣ безчисленнаго множества обыденныхъ случаевъ, помогаетъ зрѣнію въ безчисленныхъ тоже случаяхъ миражей, въ опредѣленіи плотности предметовъ и даже бытія ихъ, напр., въ случаяхъ галлюцинацій, — всѣ эти явленія показываютъ, что, въ безчисленныхъ случаяхъ, одно и тоже объективное явленіе, подлежа ощущенію разныхъ чувствъ, къ одному изъ чувствъ можетъ быть приложено непосредственнѣе, чѣмъ къ другому, при чемъ наше внутреннѣйшее чувство истины склоняется болѣе вѣрить чувству, болѣе непосредственному, чѣмъ менѣе близкому къ предмету, напримѣръ, въ явленіяхъ миражей вѣритъ больше чувству осязанія, а въ явленіяхъ микроскопическаго міра, напротивъ того, болѣе чувству зрѣнія. *Третій родъ случаевъ, при повѣркѣ свидѣтельства чувствъ одного человѣка свидѣтельствомъ чувствъ другихъ людей*, когда первый перестаетъ считать свое субъективное убѣжденіе за объективное, на-основаніи субъективныхъ-же убѣжденій другихъ людей, слишкомъ извѣстенъ. Но слѣдуетъ замѣтить, при этомъ, что и здѣсь человѣкъ перестаетъ считать свое субъективное убѣжденіе за объективное не иначе, какъ увѣрившись собственнымъ-же чувствомъ, по-сравненію условій правильнаго его дѣйствованія съ даннымъ случаемъ, въ ненормальности его дѣйствованія въ этомъ случаѣ, т. е. опять-же путемъ субъективнымъ. Если же въ субъективныхъ состояніяхъ собственнаго чувства онъ не находитъ никакого основанія для признанія извѣстныхъ свойствъ въ предметѣ, то эти свойства навсегда остнутся недоступны его сознанію. Такъ человѣкъ ослѣпшій вѣритъ отно-

сительно видимости предметовъ не своему ощущенію, но ощущенію зрячихъ людей, потому-что собственное зрѣніе, нѣкогда здоровое, теперь у него уже не дѣйствуетъ; но люди слѣпые, глухонѣмые, отъ рожденія лишенные обоянія, безсильны даже при усиліяхъ сознанія исправить свое убѣжденіе относительно свойствъ предметовъ, которыя ихъ собственному ощущенію никогда не были доступны. Тѣже три случая повѣрки чувствъ, чрезъ болѣе тщательное непосредственное приложеніе одного чувства другимъ, чрезъ повѣрку чувствъ одного человѣка чувствами другихъ людей, имѣютъ мѣсто въ дѣятельности чувствъ не только внѣшняго, но и внутренняго, внутренняго не только физіологическаго, но и душевнаго. При этомъ скептическій умъ, на всемъ пространствѣ исторіи человѣческаго развитія, обнаруживалъ слабость повѣрять высшія чувства низшими. Ошибка капитальная, указывающая нужду предосторожностей, чтобы относительно высшихъ чувствъ строгій смыслъ поступалъ съ справедливостію аналогичною отношеніямъ его къ чувствамъ низшимъ: именно а) чтобы болѣе тщательное и непосредственное приложеніе одного и тогоже душевнаго чувства было именно такимъ, именно болѣе тщательнымъ и болѣе непосредственнымъ, имѣя въ-виду аналогію, что, напр., глазъ не будетъ непосредственнѣе приложенъ къ подлежащему предмету, если предметъ далѣе извѣстной линіи будетъ придвинутъ къ глазу, или удаленъ,—затемненъ, или фальшиво освѣщенъ, или-же отцвѣченъ; такъ и душевное чувство можетъ быть фальшиво направлено, поставлено и освѣщено; б) чтобы одно чувство повѣрялось другимъ относительно свойствъ, которыя подлежатъ этому послѣднему и подлежатъ болѣе, чѣмъ первому, имѣя въ-виду аналогію, что, напр., слухомъ нельзя опредѣлять питательность извѣстнаго предмета, или изящество картины; точно также несправедливо повѣрять предметы и свойства, подлежащіе душевному чувству, чувствомъ внѣшнимъ; — в) чтобы чувства одного человѣка повѣрялись чувствами другихъ людей нормальнѣе развитыхъ и культированныхъ,— имѣя въ-виду аналогію, что тонкія свойства предметовъ не существуютъ даже для внѣшнихъ чувствъ загрубѣлыхъ людей, наприм., извѣстныя сочетанія цвѣтовъ, формъ и звуковъ, извѣстные тонкіе вкусы и запахи, извѣстная нѣжность поверхностей, объективное существованіе которыхъ, однакожъ, невозможно отрицать; точно также возвышеннѣйшія и тончайшія душевныя ощущенія не всегда бываютъ доступны чувствамъ людей дикихъ, огрубѣлыхъ, оземленившихся, погрязшихъ въ грубой чувственности... Во всякомъ случаѣ ясно,

что *признаніе истины за объективную основывается на субъективномъ признаніи того, что извѣстному предмету принадлежитъ свойство, въ извѣстныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на чувство субъекта,—на субъективномъ признаніи извѣстнаго отношенія объекта къ субъекту; всякое признаніе чего-либо за истину есть извѣстное чувствованіе или, что тоже, извѣстное состояніе моего Я, принудительно дѣйствующее на мое убѣжденіе; усвоеніе извѣстнаго предиката объекту есть не иное что, какъ усвоеніе тогоже предиката чувствующему субъекту.* Напримѣръ, ощущеніе и, вслѣдствіе того, усвоеніе извѣстнаго состоянія блѣднаго свѣта самому дальнему изъ туманныхъ пятенъ есть ощущеніе извѣстнаго состоянія зрительныхъ нервовъ въ глазу, чувствующихъ нервовъ въ мозгу, воспринимающей силы въ сознаніи. Но не умѣстно ли здѣсь различеніе, что объектъ есть дѣятельная, а субъектъ пассивная причина извѣстнаго ощущенія? Нѣтъ, и то излишне, такъ-какъ всякое, самое грубое, ощущеніе есть продуктъ смѣшенія двухъ факторовъ, извѣстныхъ свойствъ объекта и субъекта. Какъ извѣстное ощущеніе обоянія, или вкуса, съ одной стороны, есть продуктъ смѣси изъ частицъ и свойствъ объекта, а съ другой—,извѣстныхъ соковъ и свойствъ чувствующихъ нервовъ въ субъектѣ, такъ и ощущеніе зрѣнія есть продуктъ смѣси изъ дрожанія свѣтовой волны и аналогичнаго дрожанія зрительнаго нерва, — и ощущеніе слуха есть смѣсь изъ дрожанія звучащей воздушной волны и аналогичнаго дрожанія слуховаго нерва, — ощущеніе осязанія есть продуктъ взаимнаго дрожательнаго задѣванія осязательныхъ нервныхъ сосковъ и выпуклостей матеріальныхъ поверхностей,—равно-какъ и всѣ прочія ощущенія. Однимъ словомъ, *всѣ свойства объектовъ суть состоянія субъекта; во всѣхъ, производимыхъ объектами, ощущеніяхъ, субъектъ чувствуетъ самаго себя.* Въ абсолютномъ, широкомъ смыслѣ, *безъ чувствующаго субъекта нѣтъ въ объектѣ никакихъ свойствъ*, безъ зрительнаго нерва, нѣтъ ни цвѣтовъ, ни свѣта, безъ слуховаго нерва нѣтъ звуковъ, безъ осязательнныхъ нервовъ нѣтъ ни твердаго, ни жидкаго, ни газообразнаго, нѣтъ ни гладкяго, ни шероховатаго, — нѣтъ ни теплаго, ни холоднаго; безъ нервовъ обоянія и вкуса нѣтъ ни вкусовъ, ни запаховъ; безъ внутреннихъ органическихъ чувствъ нѣтъ подлежащихъ имъ свойствъ въ предметахъ; безъ чувствъ душевныхъ, безъ сознанія ограниченнаго ли то, или абсолютнаго нѣтъ ни цѣли, ни гармоніи, ни смысла оя вселенной. Если бы было поспѣшностью здѣсь сказать, что безъ разума нѣтъ бытія, то совершенно умѣстно и спра-

ведливо сказать, какъ говорили древніе греки, какъ учили отцы Церкви, что безъ νοῦς-а, безъ λόγος-а, нѣтъ κόσμος-а. Какъ душа есть душа человѣческаго тѣла, такъ человѣкъ, разумное существо, есть, въ извѣстномъ относительномъ смыслѣ, душа міра и міръ есть тѣло человѣка, тѣсно органически связанная съ нимъ его оболочка. Какъ всякій предметъ природы есть продуктъ взаимодѣйствія всѣхъ силъ природы, — такъ еще тѣмъ болѣе человѣкъ: *человѣкъ есть центральный фокусъ отраженія всѣхъ силъ природы.* Какъ самосознаніе нашего *Я* есть центральный фокусъ всѣхъ чувствъ, всѣхъ измѣненій сознанія, такъ и человѣческое разумное сознаніе—есть самоощущеніе міра. *Я* есть центральный фокусъ всего отражающагося въ центральномъ чувствующемъ мозгу; мозгъ есть центральный фокусъ всего отражающагося въ цѣлой системѣ нервовъ, распространенной отъ центральной оси до поверхности человѣческаго тѣла. Система нервовъ, распространенныхъ по поверхности человѣческаго тѣла, есть центральное чувствилище всей жизненности, разлитой на поверхности земнаго шара, до крайнихъ слоевъ земной атмосферы. Между шаро-и-стекловидною атмосферою и человѣческимъ глазомъ есть близкая аналогія: какъ въ томъ, такъ и въ другой лучи свѣта, чтобы быть видимыми, должны преломиться и отразиться; — какъ безъ глаза, такъ и безъ атмосферы нѣтъ свѣта, и свѣтъ мы чувствуемъ сперва чрезъ посредство атмосферы, а потомъ чрезъ посредство глаза. Далѣе шаровидная поверхность земнаго шара есть центральное чувствилище всѣхъ жизненныхъ вліяній, какія только вмѣстѣ съ свѣтомъ доходятъ до земли, отъ самыхъ крайныхъ туманныхъ пятенъ; проведенная нами по отдаленнѣйшимъ видимымъ туманнымъ пятнамъ сфера есть центральное чувствилище всѣхъ матеріальныхъ жизненныхъ вліяній, разлитыхъ въ міровой безграничности. Однимъ словомъ, *мое Я есть центральный фокусъ міросозерцанія: Я созерцаю міръ въ самомъ себѣ.* Все это и сознавалось философами искони. Въ личномъ человѣческомъ *Я* видѣли центральный фокусъ міросозерцанія, высшее отображеніе всѣхъ силъ природы, микрокосмъ, совершеннѣйшій образъ абсолютнаго, всѣ великіе мыслители, отъ *Платона* и до *Фихте, Шеллинга и Гегеля*, что, въ извѣстномъ смыслѣ, не противно и Божественному Откровенію.

ГЛАВА VIII.

Какими же, спрашивается, *пріемами и способами человѣкъ строитъ свое неподвижное міросозерцаніе, среди абсолютной движимости во вселенной?* Какъ онъ устанавливаетъ неподвижность умственнаго міра, среди подвижности міра объективнаго и, въ то же время, достигаетъ, если только достигаетъ, сходства одного съ другимъ? И ни, несмотря на принудительное влеченіе его чувства *вѣрить въ совпаденіе субъективнаго убѣжденія съ объективнымъ бытіемъ, умъ человѣческій находится въ безвыходномъ самообольщеніи и объективная истина ему абсолютно недоступна?* Нѣтъ, объективная истина доступна. Но, чтобы яснѣе представить это, употребимъ здѣсь сравненіе, хотя несовсѣмъ эстетическое, но не негодное къ объясненію кое-чего. Побуждаемый влеченіемъ своей природы, паукъ концентрическими кругами растягиваетъ, извнутри себя самого, свою паутину, для ловли мухъ, и, поймавъ муху, съѣдаетъ ее не всю, по тому, что не можетъ и не хочетъ, такъ-какъ не нуждается въ этомъ, а высасываетъ изъ нея только самую суть, нужную для поддержанія его собственной жизни. Побуждаемый внутренними потребностями своей природы, человѣкъ отъ своего *Я*, какъ неподвижнаго центра, извнутри самаго себя, во всѣ стороны, въ безпредѣльную даль пространства и времени, безконечности и вѣчности, протягиваетъ, для ловли истины, умственныя нити, которыя, на-основаніи прирожденныхъ его уму законовъ и формъ мышленія, онъ ткетъ изъ основныхъ категорій разсудка. Въ эту безпредѣльную, всесторонюю, умственную сѣть несутся искомые предметы, безконечною вереницею. Это безпрерывный рядъ впечатлѣній человѣческаго чувства, получаемыхъ отъ міра какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, эмпирическаго — органическаго и душевнаго. И нами выше раскрыто, и въ Философіи принято, что въ эмпирическомъ мірѣ все течетъ и движется, все бѣжитъ и исчезаетъ. Эмпирическій міръ — это необозримое множество вещей и явленій, ощущеній и воспріятій, ежеминутно происходящихъ, непрестанно измѣняющихся и то исчезающихъ, то убѣгающихъ отъ нашего чувства, чтобы снова и въ новомъ видѣ поразить его въ другое время. Уловить міръ въ его бѣгѣ, въ его измѣнчивости, въ его неуловимомъ разнообразіи, умъ не можетъ. А чтобы въ непрестанной текучести

предметовъ схватить и удержать въ сознаніи хоть что-либо, умъ долженъ поступать такъ, какъ поступаетъ живописецъ, т е. долженъ брать каждый предметъ, или его свойство 1) въ то самое *мгновеніе*, когда усмотрѣнъ объектъ, потому-что въ другое мгновеніе чувству пришлось бы найти его инымъ, — 2) въ томъ самомъ *мѣстѣ*, гдѣ усмотрѣнъ объектъ, потому-что въ другомъ мѣстѣ чувство нашло бы его въ другихъ отношеніяхъ и съ измѣнившимися признаками, — и 3) въ томъ самомъ *образѣ*, въ какомъ усмотрѣнъ объектъ, потому-что объектъ, измѣнившій свою форму, въ-отношеніи къ чувству, есть уже иной объектъ. Такимъ образомъ, уже въ этомъ первичномъ актѣ умственной обработки, выхваченный изъ эмпирическаго міра объектъ является уже инымъ, чѣмъ былъ въ объективномъ бытіи,—является какъ бы мухою безъ свободы и движенія, со спутанными умственною паутиною разсудочныхъ категорій крыльями, начинаетъ подвергаться разсудочной абстракціи, — начинаетъ умирать, переставая быть живымъ. Разсудочная абстракція живыхъ недѣлимыхъ объектовъ есть отвлеченіе жизни. И тѣмъ болѣе объекты удаляются отъ жизни, отъ живыхъ, въ эмпирическомъ мірѣ являющихся, индивидуальныхъ типовъ, чѣмъ болѣе обобщаются въ мышленіи. Но въ разсудочной обработкѣ понятій, построеніе даже наиболѣе конкрентнаго, наиболѣе индивидуальнаго понятія, есть уже абстракція, исключеніе изъ умопредставляемаго объекта безчисленнаго количества свойствъ и принадлежностей эмпирическаго объекта. Возьмемъ наиболѣе конкрентное понятіе—опредѣленнаго человѣка, напр., *Зефирова*. Это понятіе есть уже обобщенная схема, такъ-какъ въ немъ, — будь оно основано даже на самомъ близкомъ знакомствѣ съ предметомъ и обнимай собою даже наиболѣе полное и всестороннее содержаніе предметныхъ признаковъ, — во всякомъ случаѣ, будутъ только нѣкоторые, хотя и весьма многіе, признаки предмета, но не всѣ. А что они будутъ не всѣ—это произойдетъ отъ того, что 1) ограниченный человѣческій умъ абсолютно безсиленъ обнять всѣ признаки индивидуума, такъ-какъ это доступно только уму абсолютному, потому-что количество признаковъ во всякомъ индивидуальномъ предметѣ безпредѣльно, и постигнуть Зефирова во всѣхъ его признакахъ—это значило бы не только проникнуть умственнымъ зрѣніемъ каждый атомъ его тѣлеснаго состава и каждый изгибъ его души, но схватить всевѣдѣніемъ всѣ измѣненія составляющихъ его элементовъ, на пространствѣ цѣлой вѣчности, —

отъ того далѣе, что 2) человѣческій умъ, не имѣя силы, по ограниченности своей, и не хочетъ, не чувствуетъ нужды обнимать индивидуальный предметъ, абсолютно во всѣхъ его проявленіяхъ, — напримѣръ, относительно даннаго индивидуальнаго предмета не чувствуетъ потребности изучать этого человѣка, Зефирова, въ каждомъ атомѣ, въ каждой чертѣ его существа, напримѣръ, въ составѣ только-что выдохнутаго имъ воздуха, который секунду тому назадъ вращался въ крови его, принадлежалъ къ его существу, но силится узнать въ немъ только *существенное.* Это существенное въ индивидуальномъ предметѣ будетъ не общее только, хотя общее, видовое и родовое, въ-отношеніи къ индивидууму, непремѣнно будетъ и существеннымъ, но и частное, характерное, отличающее именно этотъ предметъ, напр., этого Зефирова, отъ всѣхъ другихъ однородныхъ предметовъ, — хотя самыя частности его непремѣнно должны быть больше или меньше обобщены, скомпонированы въ одинъ опредѣленный характерный образъ, напр., извѣстныя болѣе выдающіяся черты лица, звукъ голоса, складъ ума и характера и т. п. Такимъ образомъ,—въ строеніи одного этого понятія мы исключили уже безчисленное множество частнѣйшихъ жизненныхъ признаковъ объекта, какъ для насъ необъятное и непосредственно-ненужное, а оставили въ понятіи только опредѣленное количество признаковъ обобщенныхъ, общихъ и частныхъ, — только *существенное.* Здѣсь само собою очевидно, какъ выше было замѣчено, что это понятіе, какъ и всѣ самыя конкрентныя и недѣлимыя понятія, не адекватно предмету, какъ субъективная абстракція. Но чѣмъ выше обобщеніе предметовъ, тѣмъ опустошительнѣе должна быть абстракція. Въ понятіи — Зефировъ, объемъ понятія заключается въ одномъ индивидуумѣ, а содержаніе признаковъ огромно; въ понятіи видовомъ — студентъ XV (по счету, отъ начала Академіи) курса Казанской Духовной Академіи—объемъ понятія 20-ть индивидуумовъ, а содержаніе общихъ признаковъ будетъ уже меньше; въ понятіи — студентъ Казанской Духовной Академіи — объемъ дойдетъ до нѣсколькихъ сотъ индивидуумовъ, а содержаніе общихъ признаковъ еще сократится; въ понятіи—студентъ—обратно-пропорціональная разность между объемомъ и содержаніемъ раздвинется еще больше; въ понятіи—образованный молодой человѣкъ, затѣмъ,—молодой человѣкъ—еще больше; въ понятіи,—человѣкъ, объемъ будетъ состоять изъ билліоновъ единицъ, а количество признаковъ, еще весьма великое, еще болѣе сократится; въ

понятіяхъ — органическое существо, земное существо, матеріальное существо, реальное существо, а не идеальное, объемъ будетъ разширяться до непсчислимости, а содержаніе будетъ стѣсняться до крайней ограниченности, такъ-какъ, напр., понятіе—существо реальное, а не идеальное, въ объемѣ будетъ содержать всю безчисленность существъ реальныхъ, а въ содержаніи только — существующій реально, а не идеально, и только,—больше этихъ трехъ, или двухъ признаковъ, или даже одного поло-жительнаго признака: существа реальнаго, найти здѣсь ничего нельзя, значитъ, понятіе не даетъ о своемъ предметѣ почти никакого понятія, не приписываетъ объекту никакого предиката, а развѣ только повторяетъ въ опредѣляющемъ предикатѣ значеніе самаго подлежащаго, самаго объекта. А самое высшее общее понятіе *бытія*, бытія, ни реальнаго, ни идеальнаго, при абсолютно-безграничномъ объемѣ, не заключаетъ уже ни одного положительнаго признака, или, точнѣе, заключаетъ одинъ только положительный признакъ — *бытіе есть бытіе*,—который уничтожается въ понятіи равнозначущимъ отрицательнымъ признакомъ, такъ-какъ *бытіе есть и небытіе*, потому-что и небытіе (въ идеальномъ смыслѣ) есть, въ свою очередь, бытіе.

Вотъ значеніе самой строгой, самой правильной, самой логической разсудочной работы! Вотъ что стоитъ въ концѣ строжайшаго позитивнаго метода, самаго правильнаго восхожденія, по лѣстницѣ индукціи, до высшаго понятія бытія! Тамъ ничтожество, тамъ смерть, тамъ бездна не-бытія и лжи, чисто субъективной фикціи, абсолютнаго отсутствія какой бы то ни было объективности, сходства міросозерцанія полнаго смерти и ничтожества съ міробытіемъ полнымъ жизни и жизней!

Здѣсь-то, въ этой прирожденности естественной лживости самому правильному, строго-логическому, мышленію лежитъ тотъ краеугольный камень претыканія и соблазна, о который претыкались и разбивались въ-прахъ, до абсолютнаго скептицизма, самые крѣпкіе умы, со временъ Аристотеля и даже раньше Аристотеля, до нашихъ дней. Въ самой строгой логикѣ гордаго холоднаго разсудка нѣтъ истины! *Разумъ кичитъ, любы созидаетъ. Богъ любы есть. Не любяй Бога, не позна Бога истины*.... Нѣтъ въ такой логикѣ истины не только объективной, но и субъективной, отъ которой въ системѣ *Гегеля* съ отвращеніемъ отвернулись всѣ умы, какъ отъ чего-то сатанински-гордаго и холоднаго, адски-лживаго и пустаго, мертваго и всемертвящаго.... На этомъ камнѣ столкнулись *Аристотель* съ *Платономъ*, средневѣковые номи-

налисты съ реалистами, матеріалисты конца XVIII вѣка съ идеалистами начала XIX вѣка, какъ и нынѣ сталкиваются позитивисты послѣднихъ дней съ метафизиками всѣхъ вѣковъ.

Было бы, конечно, нескромностью, да и поздно, мирить *Аристотеля* съ *Платономъ*, равно-какъ не менѣе безплодною и неумѣстною была бы попытка помирить и номиналистовъ съ реалистами среднихъ вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, съ позитивной точки зрѣнія новѣйшей науки, можно усматривать пунктъ соприкосновенія между этими старыми борцами, какъ и новѣйшими продолжателями ихъ борьбы,—пунктъ, которому прежде, по-видимому, не давали достаточнаго значенія, по недостатку естественно-научныхъ данныхъ. Говоря прямѣе, мы намѣрены утверждать здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что *объекты, соотвѣтствующіе не только индивидуальнымъ, но и общимъ видовымъ и родовымъ понятіямъ, существуютъ реально*, хотя утверждаемъ это и не безъ оговорки: *существуютъ реально, но не въ понятіяхъ отвлекающаго разсудка, а въ идеяхъ созерцающаго въ живомъ цѣломъ разума.* Извѣстно, что, не-смотря на усилія не только позднѣйшихъ историковъ философіи, но и самого *Аристотеля*, представить его систему, особенно въ ученіи объ идеяхъ, какою-то противоположностью системѣ *Платона*, та и другая системы, въ существенныхъ положеніяхъ міросозерцанія, даже относительно значенія идей въ міросозерцаніи, совершенно сходны. 1) у Аристотеля матерія — нѣчто совершенно безкачественное, неопредѣленное, безразличное, субстратъ измѣненія, въ возможности все, въ дѣйствительности—ничто, нѣчто противоположное формѣ (идеѣ); и у Платона тоже; 2) у Аристотеля форма (εἶδος) есть то, что дѣлаетъ матерію различнымъ, опредѣленнымъ, качественнымъ, дѣйствительнымъ, сила, дѣятельность, душа вещи, источникъ движенія и образованія; у Платона тоже — идея (εἶδος); 3) у Аристотеля — лѣстница восхожденія формъ, такъ-что низшая форма бываетъ матеріею формы высшей, а высшая формою формы (εἶδος εἴδους); — у Платона такая же лѣстница идей; 4) у Аристотеля—послѣдняя высшая форма формъ, первое движущее, источникъ всякой дѣйствительности, отрицаніе всякой безкачественной матеріальности и матеріальной безкачественности, высшій абсолютный разумъ, безусловная истина — Богъ;—у Платона тоже идея идей, разумъ, высшее благо, Богъ. Отсюда ясно, что самыя идеи въ системахъ обоихъ философовъ, въ послѣднихъ выводахъ, имѣютъ одинаковое значеніе. Тѣмъ не менѣе, въ гносеологическихъ основаніяхъ

своихъ, эти системы различны. По крайней мѣрѣ, *Аристотель* усиливался отвергать гносеологическія основанія *Платоновой* системы, — ученіе именно объ идеяхъ. У *Платона*, идеи суть реальныя сущности, отражающіяся въ вѣчно текучемъ матеріальномъ бытіи, но не измѣняемыя имъ, вѣчно себѣ равныя; при этомъ Платонъ доказывалъ бытіе особой, отличной отъ чувственнаго измѣнчиваго бытія, идеи не только для всякаго рода, или вида существъ, но и для каждаго индивидуума. *Аристотель* же утверждалъ реальное бытіе чувственныхъ вещей, а Платоновы идеи считалъ общими понятіями, — «увѣковѣченными вещами», которыя не существуютъ. За Аристотелемъ и позднѣйшіе изслѣдователи утверждали, какъ и утверждаютъ, что Платоновы идеи суть тѣ же общія понятія, которыя, при реальномъ существованіи одиночныхъ вещей, реальнаго существованія не имѣютъ, за что такъ долго и упорно ратовали средневѣковые номиналисты,— за что, какъ за наиболѣе очевидную истину, находятъ даже уже излишнимъ ратовать новѣйшіе реалисты, считая всякую погоню человѣческаго ума за идеальнымъ, за и типно сущимъ, за сущностями, абсолютно—безплодною. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы утверждаемъ, что 1) *Платонова идея, въ реальномъ фактѣ, и отдѣльна, и отлична отъ понятія*, — 2) что *всякій предметъ, не-только общій видъ, или родъ предметовъ, но даже индивидуумъ, имѣетъ свою идею*, и 3) что *идеи какъ индивидуумовъ, такъ и видовъ и родовъ, имѣютъ гораздо болѣе объективнаго реальнаго значенія, чѣмъ общія и вообще всякія, какъ общія, такъ и индивидуальныя, понятія.*

Выше уже поставленъ въ-ясность признанный психологическій гносеологическій фактъ, что всякое, самое конкрентное, самое индивидуальное понятіе есть уже болѣе или менѣе обобщенное понятіе, — что оно заключаетъ въ себѣ только нѣкоторые, хотя часто и весьма многіе признаки индивидуальнаго предмета — что быть абсолютно-полнымъ, равнымъ предмету оно абсолютно не можетъ,— что оно не адекватно предмету, и, значитъ, не объективно. Въ тоже время, въ фактѣ мышленія о томъ же предметѣ, наприм., объ этомъ человѣкѣ, Зефировѣ, мы, кромѣ разсудочнаго понятія, имѣемъ другое представленіе, которое отлично отъ понятія и всегда впереди его,— представленіе, съ которымъ мы сравниваемъ наше понятіе и находимъ, что понятіе не достигло до цѣльной полноты этого предшествующаго представленія,—къ которому наше понятіе мы силимся приблизить больше и больше, но, въ каждый моментъ такого прибли-

женія, видимъ, что понятіе, хотя дѣлается полнѣе и полнѣе, ближе и ближе къ объективности, однакожъ такжъ далеко отстоитъ отъ того представленія, какъ и при началѣ своего къ нему приближенія. *Это-то представленіе и есть идея, сущность абсолютно адекватная объекту, абсолютно-объективная.* Этотъ психологическій фактъ еще яснѣе обозначается въ сопоставленіи общаго видоваго или родоваго понятія съ идеею вида, или рода. Извѣстно, что разсудочное логическое понятіе вида, или рода извѣстныхъ предметовъ, включая въ свое содержаніе только общее, должно исключать изъ себя всѣ частные признаки этихъ объектовъ. Такъ, наприм., въ общее родовое понятіе—*человѣкъ* входятъ немногіе родовые признаки, отличающіе этотъ предметъ отъ однородныхъ, соподчиненныхъ высшему родовому понятію, предметовъ: *разумное, животное, извѣстнаго органическаго строенія*; но не могутъ войти въ это понятіе признаки частные, наприм., цвѣтъ кожи, или волосъ, даже самые волоса на головѣ по тому, что человѣкъ бываетъ и лысъ и т. д. Такое понятіе, какъ абстракція отъ жизни, существуетъ только въ логическомъ построеніи мышленія, но не въ реальной дѣйствительности, и, значитъ, какъ такое, оно не адекватно предмету, не объективно. Таковъ уже всеобщій законъ міробытія, что всякое отраженіе должно быть слабѣе, блѣдиѣе отражаемаго предмета: мышленіе, какъ отраженіе міробытія, должно быть блѣднѣе дѣйствительности, а слово, составляющее отраженіе мышленія, блѣднѣе и мертвѣе самаго мышленія. Отсюда-то и проистекаетъ та печальная неизбѣжность, что совокупность словъ человѣческаго языка не можетъ быть адекватна своему первообразу, совокупности логическихъ понятій, а совокупность логическихъ понятій, въ свою очередь, безспльна быть адекватною своему первообразу, системѣ міробытія. Такимъ-то образомъ и по этому именно, словесное опредѣленіе человѣка, какъ выраженіе общаго понятія: *человѣкъ, разумное животное извѣстнаго органическаго строенія*, есть не болѣе, какъ скудное отраженіе понятія, показывающее скорѣе, что такое человѣкъ не есть, т. е. его отрицательную сторону, чѣмъ положительную, т. е. что онъ такое есть, какъ и принято въ логикѣ и метафизикѣ признавать, что *всякое опредѣленіе есть отрицаніе*; а понятіе въ умѣ, въ мысли есть крайне блѣдное и скудное отраженіе предмета въ дѣйствительности. Точнѣе же нужно сказать, что точно соотвѣтствующій этому понятію живой предметъ въ дѣйствительности не существуетъ, даже болѣе,—*живое представленіе такого отвлечен-*

наго общаго предмета въ психическомъ фактѣ невозможно. Въ фактѣ единственно возможно только конкретированное представленіе всякаго самаго отвлеченнаго, наиболѣе общаго понятія. Возьмемъ тоже понятіе—*человѣкъ.* Человѣка я вынуждаюсь представлять съ головою, ногами, руками и т. д. и притомъ съ извѣстнаго рода головою, руками, ногами;—могу также представить его и безъ головы, и безъ рукъ, и безъ ногъ, но опять не иначе какъ въ конкретированномъ очертаніи не другаго какого-нибудь предмета, а именно человѣка. Возьмемъ совсѣмъ абстрактное понятіе: *слышимость.* Это понятіе я опять вынуждаюсь представлять въ видѣ ли то какого-либо конкретнаго предмета звучащаго, прикладываемаго конкретнымъ образомъ къ извѣстному конкретному уху, или въ видѣ конкретной литеральности этого слова, отраженія его въ извѣстной формѣ буквъ, или иначе какъ-нибудь,—но непремѣнно подъ конкретною формою. Самыя высшія абстрактныя понятія: *бытіе и небытіе* мы представляемъ опять-таки не иначе, какъ подъ дѣйствительно существующею какою-либо конкретною формою, наприм., цѣлаго міра, или мрачной пустоты опредѣленныхъ очертаній. Въ тоже время, въ каждый моментъ мышленія объ извѣстномъ видѣ или родѣ объектовъ, мы сравниваемъ какъ самое логическое понятіе объ объектѣ, такъ и это образное фантастическое представленіе понятія или объекта съ другимъ, присущимъ нашей душѣ, *внутреннимъ представленіемъ объекта,* и усматриваемъ, что и то, и другое,—и логическое понятіе, и образное представленіе объекта,—безконечно далеко отстоятъ отъ этого послѣдняго внутреннѣйшаго представленія. *Оно-то и есть платоновская идея, сущность вида, или рода.* И эта идея, сущность рода, или вида, адекватна объекту, объективна, тогда-какъ общее логическое понятіе, какъ мертвая абстракція, не объективно, не адекватно объекту, и тѣмъ менѣе адекватно объективности, чѣмъ абстрактнѣе. Этого мало. Тогда-какъ родовое или видовое понятіе въ дѣйствительности не существуетъ, *идея, сущность вида, или рода, реальна точно также, какъ идея, сущность, и всякаго индивидуальнаго предмета.*

Нѣсколько новой и достаточно основательной постановкѣ этого рѣшенія помогла новѣйшая естественная наука, раскрывъ, теоріею происхожденія видовъ, что каждая *видовая или родовая особь,* происходя изъ одного корня, существуетъ отдѣльною реальною жизнію, какъ и *индивидуальная особь,*—что индивидуальная особь можетъ жить не иначе, какъ жизнію особи родовой, и не для чего иного,

какъ для поддержанія этой родовой жизни, — индивидуальная особь иногда бываетъ такъ тѣсно привязана къ видовой или родовой особи, что трудно указать предѣлъ, гдѣ оканчивается одна — индивидуальная, видовая или родовая, особь—и начинается другая,—что есть поразительные случаи, въ которыхъ индивидуальная особь является не инымъ чѣмъ, какъ не отдѣлимымъ чле́номъ видовой или родовой особи, — что, въ подобныхъ случаяхъ, какъ обособленные члены имѣютъ свой источникъ въ общемъ стволѣ и корнѣ ихъ семьи, такъ и обособленные индивидуумы всѣхъ видовъ и родовъ, прикрѣпляясь къ общему стволу, имѣютъ свой жизненный источникъ въ общемъ корнѣ вида, или рода, — что между видовыми и родовыми особями, даже между царствами природы, невозможно положить точной грани,— что всякая обособленная жизнь и сила восходятъ къ единству жизни и силы, къ единой міровой сущности.—Вотъ, напр., относящееся сюда самое обыденное явленіе: самое обыкновенное зерно, лопнувъ въ нѣдрахъ почвы, выпускаетъ два ростка, одинъ вверхъ, а другой — внизъ. Наукою дознано, что эти два ростка въ строеніи своемъ совершенно аналогичны, откуда слѣдуетъ, что корни растенія аналогичны по своему строенію съ вѣтвями; вышедшій изъ почвы ростокъ выглядываетъ на Божій свѣтъ первымъ листкомъ, а за нимъ вторымъ, третьимъ и т. д., изъ которыхъ каждый будетъ тожественъ съ первымъ листкомъ, при чемъ изъ наслоенія ихъ будетъ образовываться главный стволъ дерева, аналогичный по своему строенію съ первымъ, вторымъ и т. д. листками, изъ которыхъ, аналогичнымъ-же образомъ, развиваются вѣтви, изъ вѣтвей новые тожественные съ первыми листки, изъ листковъ аналогичные со всѣми цвѣты и плоды, чѣмъ и завершается годичный, а иногда и весь вообще циклъ жизни растенія; многолѣтнія же растенія продолжаютъ тотъ-же процессъ образованія новыхъ листьевъ, стволовъ, вѣтвей, цвѣтовъ и плодовъ въ другой, третій и т. д. годы. Спрашивается теперь: это упавшее съ дерева яблоко есть ли индивидуумъ? Есть, и притомъ индивидуумъ аналогичный всей этой яблони. А это висячее на деревѣ яблоко? Тоже. А этотъ отпавшій листъ? Тоже. А этотъ висячій на деревѣ листъ? Тоже. А эта отломанная вѣтка? Тоже. А эта не отломанная? Тоже. А этотъ стволъ? Тоже. А этотъ корень? Тоже. Выходитъ, что эта яблонь есть совокупность совершенно аналогичныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый живетъ своею индивидуальною жизнію,—есть цѣльное обобщеніе аналогичныхъ индивидуальностей.

А сама эта яблонь есть ли индивидуумъ? Безъ сомнѣнія. Есть ли реальный предметъ? Безъ сомнѣнія. Представимъ примѣръ болѣе поразительный, — сдѣлаемъ *выписку изъ одной самой современной естественно-научной статьи* [1]). «Теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что *понятіе о животномъ и растительномъ царствахъ не соотвѣтствуетъ какому-нибудь рѣзко очерченному кругу явленій.* Въ настоящее время всюду проникло убѣжденіе, что *границы между животными и растеніями не существуетъ*, — что эти два такъ-называемыя царства связаны другъ съ другомъ множествомъ переходныхъ формъ, которыя, въ однихъ случаяхъ, носятъ на себѣ нѣсколько болѣе растительный, авъ другихъ нѣсколько болѣе животный характеръ. Нѣкоторыя низшія растенія (наприм., водоросли) имѣютъ подвижное состояніе, когда онѣ быстро плаваютъ въ водѣ, съ помощію мерцательныхъ волосковъ. Но, въ то время, какъ эти самыя растенія большую часть жизни проводятъ въ неподвижномъ вегетативномъ состояніи, цѣлый рядъ другихъ переходныхъ организмовъ превращается изъ подвижнаго въ вегетативное состояніе сравнительно очень на короткій срокъ. Тоже самое мы видимъ и у нѣкоторыхъ простѣйшихъ животныхъ, изъ класса инфузорій. У нихъ также есть подвижное и вегетативное состояніе, но у нихъ преобладаетъ первое, а у растеній — второе. Различіе, въ этомъ отношеніи, является только количественнымъ, и, подобно всѣмъ количественнымъ отличіямъ, постепенно сглаживается... *Къ сходному результату приходитъ наука и относительно отношенія неорганическаго міра къ органическому.* Въ настоящее время извѣстно нѣсколько кристаллическихъ веществъ, которыя образуются внутри клѣточекъ и которыя состоятъ изъ бѣлковинныхъ веществъ, сходныхъ съ *жизненной матеріей, протоплазмой.* Извѣстно также, что неорганическія вещества (наприм., известь) могутъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, получать строеніе, сходное съ строеніемъ крахмальныхъ зеренъ... Современная наука показываетъ, что не-только *такія общія понятія, какъ понятія объ органическомъ мірѣ, о животномъ и растительномъ царствахъ, связаны переходами,* но что и понятія, повидимому, гораздо болѣе опредѣленныя также не имѣютъ рѣзкихъ границъ.. Сначала *понятіе—видъ* казалось чѣмъ-то очень опредѣленнымъ, но потомъ мало по-малу обнаружилось, что всѣ въ-отдѣльности взятые

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1871, апрѣль: *Задачи современной біологіи*, стр. 765—770.

аттрибуты его не представляютъ ничего специфическаго. Оказалось, что понятіе о видѣ, съ одной стороны, непосредственно переходитъ *въ понятіе о родъ*, тогда-какъ, съ другой стороны, столь-же незамѣтно переходитъ *въ понятіе разновидности*. Научное изслѣдованіе убѣждаетъ и въ томъ, что *понятіе объ индивидуумѣ не представляетъ рѣзкихъ границъ, непосредственно переходя, съ одной стороны, въ понятіе о двойнѣ и колоніи, а съ другой—въ понятіе объ органѣ.* Между низшими животными существуетъ множество *колоніальныхъ формъ*, размножающихся продольнымъ дѣленіемъ тѣла, которое, въ различныхъ случаяхъ, останавливается на болѣе или менѣе поздней *стадіи развитія*. Такое размноженіе представляютъ намъ полипы, живущіе (за немногими исключеніями) цѣлыми колоніями, имѣющими всегда *общее нераздѣльное основаніе. Въ такихъ случаяхъ отдѣльные члены колоніи почти ничѣмъ не отличаются отъ настоящихъ индивидуумовъ особняковыхъ полиповъ.* Но дѣло совершенно измѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда члены колоніи соединяются другъ съ другомъ не-только *общимъ основаніемъ*, но еще и *частью туловища:* при этомъ только верхнія половины тѣла каждаго члена остаются свободными, *все же остальное составляетъ общее достояніе*. Наконецъ, въ третьяго рода примѣрахъ, мы видимъ, что дѣленіе остановилось еще на болѣе *ранней стадіи*, вслѣдствіе чего только *верхніе концы членовъ колоніи представляютъ намъ нѣкоторую индивидуальность.* Очевидно, что всѣ эти примѣры полиповъ указываютъ намъ на существованіе переходовъ между настоящими особями, или настоящими колоніями. Тоже самое доказывается и многими уродствами различныхъ высшихъ животныхъ и, между прочимъ, человѣка. Постепенное увеличеніе частей зародыша ведетъ къ тому, что у него сначала появляются лишніе пальцы, потомъ лишнія конечности (руки и ноги); при дальнѣйшемъ развитіи уродства, развиваются голова и нѣкоторыя части туловища. Вслѣдствіе такихъ процессовъ, мы получаемъ такого рода *двойниковыя уродства*, какъ, напр., *сіамскіе близнецы*. Если же въ этомъ случаѣ мы можемъ говорить о двухъ особяхъ,—то мы не имѣемъ никакого права смотрѣть, какъ на *двойню*, на такихъ уродовъ, у которыхъ существуютъ одно туловище и двѣ головы, или одна голова и двойное туловище и проч. Послѣдніе примѣры будутъ, очевидно, *переходными формами между особью и двойнею, соотвѣтственно нормальнымъ явленіямъ у полиповъ*. Подобно тому, какъ *особь* можетъ переходить, съ одной стороны, въ

двойню (т.е. *въ колонію, состоящую изъ двухъ членовъ*), также точно она, съ другой стороны, связана *переходными формами съ органами*. Наиболѣе ясные примѣры подобныхъ переходовъ представляютъ намъ низшіе организмы, называемые *гидрополипами*. Эти животныя образуютъ почки, которыя, въ однихъ случаяхъ, превращаются *въ самостоятельныя особи*, въ *медузы*, а въ другихъ — *въ бугорки, похожіе по устройству на медузъ*, но не имѣющіе всѣхъ аттрибутовъ ихъ; въ третьихъ случаяхъ почки *еще ранѣе останавливаются въ развитіи и соотвѣтствуютъ раннимъ стадіямъ медузы*; наконецъ, въ четвертыхъ, *сходныя почки имѣютъ видъ простыхъ бугорковъ, представляющихъ настоящіе половые органы*. Собственно говоря, гидрополипы представляютъ даже не четыре, а гораздо болѣе различныхъ формъ, показывающихъ, со всею очевидностію, что *между полною особью (медузою) и пузыреобразнымъ органомъ (половымъ органомъ) существуетъ неразрывная цѣпь переходныхъ состояній*. Тоже самое доказывается такого рода уродствами, когда зародышъ, вслѣдствіе усиленной деградаціи, превращается въ безформенную массу, похожую на нѣкоторыя опухоли. Въ результатѣ выходитъ, что *въ-сущности понятіе объ особи отличается только количественно, а не качественно, отъ сосѣднихъ понятій о колоніи и объ органѣ*, также точно, какъ количественно отличаются другъ отъ друга тепло и холодъ, свѣтъ и тьма и проч... Современная біологія должна быть полнымъ рядомъ доказательствъ, что *всѣ наши понятія соединены другъ съ другомъ неразрывной цѣпью переходовъ, которые только могутъ дать надлежащее представленіе объ общемъ развитіи*».—Это именно и нужно для нашей цѣли,—именно, что современная наука показываетъ, что понятіе о родѣ существъ иногда незамѣтно переходитъ въ понятіе о видѣ, или о разновидности, далѣе — въ понятіе колоніи, двойни, развитой особи, недоразвитой особи и, наконецъ, даже въ понятіе объ органѣ, откуда слѣдуетъ обратное, совершенно позитивное, заключеніе, что какъ отдѣльный членъ и недоразвитая и развитая особь суть предметы реальные, живущіе своею обособленною жизнію, какъ каждая двойня и каждая колонія есть предметъ не-только реальный, но и индивидуальный, живущій своею обособленною жизнію, — такъ и семейство каждой разновидности и видъ, или даже родъ, есть предметъ нетолько реальный, но и индивидуальный, живущій своею обособленною жизнію. Такъ, органъ медузы есть предметъ реальный и индивидуальный, недоразвитая медуза тоже, развитая медуза тоже, колонія поли-

повъ, соединненыхъ нижними концами въ общее туловище, — тоже, — колонія цѣлыхъ полиповъ, имѣющихъ одно общее основаніе,—тоже. Каждый видъ, каждый родъ, имѣющій, въ концѣ концевъ, общій корень происхожденія, есть точно также — предметъ не только реальный, но даже индивидуальный, живущій обособленною жизнію. Листъ кактуса есть объектъ реальный и индивидуальный, кустъ кактуса тоже, дерево кактуса тоже, лѣсъ кактуса тоже, видъ или родъ кактуса тоже — предметъ реальный и индивидуальный, живущій обособленною жизнію. Тоже видимъ и въ человѣкѣ: листъ кактуса, раздваяющійся на два кактуса, есть точная аналогія матери, носящей и износящей плодъ своего чрева. Родъ человѣческій есть тоже предметъ не-только реальный, но и индивидуальный, развивающійся родословнымъ деревомъ изъ одного корня, изъ одной пары прародителей, сплетающійся единою общею жизнію не-только въ этомъ корнѣ, въ прародителяхъ, но и въ главныхъ вѣтвяхъ, въ смѣшеніи крови народовъ, и въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ, семейныхъ родословныхъ деревахъ, наконецъ, въ листьяхъ и въ плодахъ, отдѣльныхъ лицахъ, въ которыхъ одна и таже кровь, одна и таже жизнь переливается милліонами каналовъ, перепутывается милліонами узловъ, во всѣхъ индивидуальныхъ единицахъ, какъ и въ цѣломъ человѣческомъ родѣ, направляясь къ единой цѣли: поддержанію единой во всѣхъ, общей всѣмъ, родовой жизни. Такъ связуются между собою индивидуальные члены и виды и прочихъ животныхъ родовъ, — прежде всего и непзбѣжно, въ единствѣ сѣмени и корня, а потомъ въ половомъ скрещиваньи и т. п. Отдѣльные роды животныхъ, сходясь въ единствѣ корня, сближаясь въ переходныхъ граняхъ, замыкаютъ собою единое царство животныхъ. Это царство, въ свою очередь, сближаясь въ переходныхъ граняхъ, сходясь въ единствѣ сѣмени и корня съ царствомъ растительнымъ, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ замыкаютъ собою единое царство органическое. Органическій міръ, сближаясь переходными гранями съ міромъ неорганическимъ, снова сближается съ этимъ міромъ въ общемъ источникѣ физико-химическихъ, міровыхъ планетныхъ силъ: притяженія, отталкиванія, свѣта, теплоты, электричества, магнетизма и т. д. Различно проявляясь для нашего чувства, эти міровыя силы, въ свою очередь, опять, какъ показываетъ естественная наука, сближаются переходными гранями въ единство, исходя разными руслами или вѣтвями изъ единаго корня или источника единой планетной силы, которая, въ свою очередь, снова слагаясь изъ планетной земной, планетной—

лунной, марсовой, венериной, солнечной и т. д. силъ, представляетъ въ источникѣ единую міровую силу, которая движетъ, организуя и воодушевляя, всю матеріальную вселенную.

Это реально-идеальное восхожденіе отъ единичныхъ жизней къ единству жизни универсальной будетъ, съ одной стороны, весьма аналогично разсудочно-логичному индуктивно-позитивному восхожденію отъ понятій конкретныхъ и индивидуальныхъ къ общимъ—абстрактнымъ видовымъ и родовымъ, а съ другой—, и отлично отъ него, до противоположности. Именно, какъ въ разсудочно-логическомъ восхожденіи отъ низшихъ частныхъ къ высшимъ общимъ понятіямъ больше и больше исключаются абстракціею признаки наиболѣе случайные, измѣнчивые, частные, и оставляются только признаки болѣе и болѣе обобщающіеся, постоянные, существенные, такъ и въ идеально-разумномъ восхожденіи отъ жизней наиболѣе частныхъ къ жизнямъ болѣе и болѣе обобщающимся, до слитія ихъ въ единствѣ универсальной жизни, всякая индивидуальная пестрота, всякая измѣнчивость, всякая кажущаяся случайность сливаются въ единство универсальнаго закона проявленій единой универсальной силы. Это—сходство одного восхожденія съ другимъ,—логическаго съ идеальнымъ. Но вотъ и различіе, простирающееся до противоположности. Уже въ первичномъ разсудочномъ обобщеніи отдѣльныхъ чувственныхъ воспріятій,—понятіи индивидуальномъ, оставляются только болѣе постоянные признаки, тогда-какъ безконечное множество другихъ, кажущихся болѣе случайными, исключается изъ понятія; въ видовомъ же понятіи оставляются только видовые признаки, а частные исключаются, всѣ до одного; точно также въ родовомъ — оставляются только родовые, а всѣ даже видовые признаки должны быть исключены; наконецъ, эта абстракція, восходя выше и выше, дѣлается опустошительною до того, что высшее родовое понятіе: понятіе *бытія* исключаетъ совершенно все, такъ-что это бытіе равняется ничтожеству: *бытіе есть бытіе*, т е. *ничто*, — какъ доказалъ *Гегель* и какъ показано выше. Въ идеальномъ же восхожденіи мы видимъ совершенно обратное. Но раскрытіе этой тонкости лучше начать съ совершенно близкаго сравненія. Міровую жизнь можно представить подъ видомъ единой равнодѣйствующей силы, разложенной, по извѣстному физико-математическому механическому закону разложенія силъ, на безконечное множество и разнообразіе частныхъ жизней. Идеальное восхожденіе слагаетъ всю совокупность этихъ силъ, по закону сложенія разложенныхъ силъ, въ единство,—

при чемъ двѣ силы, будучи сложены, равняются, съ математическою точностію, своей равнодѣйствующей, — двѣ другія, сложенныя точно такимъ-же образомъ, равняются своей равнодѣйствующей, — каждыя двѣ другія, изъ всей этой непзчислимости силъ, своей равнодѣйствующей, — равняются, опять повторимъ, съ точностію математическою. Далѣе идетъ сложеніе первой градаціи равнодѣйствующихъ въ слѣдующую высшую градацію равнодѣйствующихъ; за-тѣмъ продолжается сложеніе этой второй градаціи снова въ высшую градацію равнодѣйствующихъ, пока не дойдемъ до единой универсальной равнодѣйствующей, съ безусловною математическою точностію равняющейся всему безконечному разнообразію всѣхъ міровыхъ силъ и жизней, законовъ и проявленій. Здѣсь, при такомъ восхожденіи отъ множества къ единству, отъ разнообразія къ постоянпству, отъ измѣнчиваго къ неизмѣнному, въ идеальномъ созерцаніи единой универсальной силы останутся только наиболѣе близкія къ абсолютности свойства единой, постоянной, непзмѣнной перво-причины, перво-силы, перво-цѣли и т. п.; но, въ тоже время, эта непзмѣнная единая перво-цѣль, перво-сила, перво-причина будетъ съ математическою точностію равняться всей совокупности міроваго разнообразія и условности, съ метафизическою необходимостію будетъ обнимать и содержать въ себѣ все бытное, все происходящее, все случайное, будетъ абсолютно равнодѣйствующею всему абсолютно, безъ всякихъ исключеній.

Намъ кажется, что здѣсь-то именно скрывается и открывается *ключъ къ разгадкѣ совершенно естественныхъ коллизій, искони обнаруживавшихся между позитивною логикою и истинною метафизикою, между разсудочною индуктивно-дедуктивно абстракціею и идеальнымъ созерцаніемъ.* Абстракція, съ каждымъ шагомъ впередъ, подъ ногами теряетъ почву объективности, хотя представляетъ въ себѣ непзбѣжное средство къ обстоятельному изученію законовъ объективнаго бытія, подобно анатоміи, мертвящей живое, но, въ тоже время, представляющей важный способъ къ изученію жизненныхъ отправленій живаго организма; идеальное же созерцаніе, насколько оно доступно ограниченному уму, при всей своей большей или меньшей тусклости, адекватно объективному бытію, такъ-что высшая идея высочайшаго разума, высочайшей истины, высочайшаго блага всегда представлялась всѣмъ высшимъ умамъ содержащею подъ собою и объемлющею собою всю совокупность преходящаго условнаго бытія, при чемъ безусловное свѣтится сквозь условное, и условное созер-

цается, какъ истинное бытіе, а не фикція, не исчезаніе, не ничтожество, не иначе, какъ только въ безусловномъ [1]). Такъ учили *Платонъ*, *Аристотель*, *Декартъ* и *Мальбранчъ*, *Беркелей* и *Лейбницъ*, а подъ старость также *Фихте* и *Шеллингъ*. Туже идею даетъ и Божественное откровеніе. *Азъ есмь истина, алфа и омега, начатокъ и конецъ, сый, и иже бѣ и грядый Вседержитель...* *Невидимая Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество.*

Такимъ образомъ оказывается, что объективная истина вовсе не тамъ, гдѣ хотятъ искать ее позитивисты, а, напротивъ того, чуть-ли не на противоположномъ концѣ. Посмотримъ далѣе, *счастливье ли они въ своихъ поискахъ за знаніемъ реальнымъ* или вообще *за реальнымъ*. Рѣшеніе этого вопроса — *о реальномъ* подведетъ насъ къ рѣшенію нашего главнаго вопроса *о реальномъ бытіи чего-либо сверхчувственнаго.*

---

[1]) Здѣсь считаемъ нужнымъ оговориться, что мы далеки отъ того, чтобы въ универсальной міровой планетной силѣ видѣть абсолютное. Нѣтъ, въ ней мы видимъ только одну изъ двухъ предпослѣднихъ стадій предъ послѣднею ступенью въ восхожденіи къ высшему единству истинно-абсолютнаго, которое, по нашему мнѣнію, въ разсудочномъ мышленіи есть совершенно отличное отъ всѣхъ и отъ всего понятіе, по объему безусловно-единичное, а по содержанію безпредѣльное, съ безусловнымъ исключеніемъ всякаго не-только ограниченія, но и различенія, даже мыслимаго, почему и въ откровеніи даются понятію Богъ опредѣленія: «*Богъ любы есть, Азъ есмь истина*» и под., которыя въ высшей абстракціи могутъ мыслиться не иначе, какъ безусловною единицею, въ которой одно свойство неотдѣлимо отъ другаго, а всѣ въ-совокупности свойства, какъ предикаты, неотдѣлимы отъ своего предмета, подлежащаго: *слыши Израиле: Господь (Сый) единъ есть*. Въ разумномъ же созерцаніи абсолютное есть единая, живая равнодѣйствующая всего идеальнаго и реальнаго, вещественнаго и духовнаго, мыслимаго и непостижимаго, при чемъ если Богъ и является единымъ сущимъ, все проникающею жизнью, то съ рѣшительнымъ устраненіемъ пантеистическаго взгляда и не иначе, какъ въ созерцаніи строго теистическомъ, строго согласномъ съ богооткровеннымъ: *Азъ есмь сый... Азъ есмь жизнь... И будетъ Богъ всяческая во всѣхъ.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О РЕАЛЬНОМЪ ВООБЩЕ И, ВЪ-ЧАСТНОСТИ, О РЕАЛЬНОМЪ ЗНАНІИ.

ВСЕ ЛИ ЧУВСТВЕННОЕ РЕАЛЬНО И ВСЕ ЛИ РЕАЛЬНОЕ ЧУВСТВЕННО?

Вопросъ этотъ, по видимому, такъ простъ и рѣшеніе его, по-видимому, такъ не трудно и такъ наглядно. Все чувственное, что только дѣйствуетъ на чувства, конечно, реально, конечно, существуетъ въ дѣйствительности, — и, обратно, все реальное, все, что существуетъ въ дѣйствительности, конечно, дѣйствуетъ на чувство; а еслибы оно лежало внѣ нашего ощущенія, то, конечно, и не существовало бы, по крайней мѣрѣ, для человѣка. Такъ просто этотъ вопросъ, въ новѣйшее время, дѣйствительно и рѣшается, во-первыхъ, современными намъ матеріалистами, а за-тѣмъ отчасти и позитивистами. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, онъ, даже съ позитивной точки современнаго естествовѣденія, представляетъ невыразимыя затрудненія, какія представлялъ и всегда, въ-продолженіи не-только вѣковъ, но и цѣлыхъ тысячелѣтій развитія философствующаго ума.

Предварительно замѣтимъ здѣсь, что этотъ вопросъ тѣсно граничитъ съ вопросомъ о томъ: *все ли чувственное объективно*, — вопросомъ, который отчасти уже разъясненъ нами. Но, съ другой стороны, въ вопросѣ *о реальномъ*, и въ-частности *о реальномъ знаніи*, есть и особенности, разъясненіе которыхъ приблизитъ насъ, на-сколько то возможно, къ разрѣшенію и разъясненнаго уже вопроса *объ объективномъ знаніи*. За тѣмъ утверждаемъ, что *вопросъ о реальномъ, о реальномъ знаніи, о томъ, что есть реальное, знаемъ ли мы что-либо реальное*, составлялъ и составляетъ *главную тему изысканій*

всѣхъ философскихъ умовъ и школъ, начиная отъ древне-греческихъ іонійцевъ и оканчивая новѣйшими позитивистами. Чтобъ оцѣнить его значеніе и освѣтить стороны, съ какихъ слѣдуетъ къ нему подступить, мы представимъ его въ историческомъ его раскрытіи, хотя и съ возможною краткостію.

ГЛАВА IX.

Вопросъ: *что именно реально, что дѣйствительно существуетъ, что есть сущее* (το ὄν), *въ-противоположность только бывающему и являющемуся* (το γινομενον, το φαινομενον), — *что есть* (τι ἐςὶ), *а не-только бываетъ, становится, возникаетъ и исчезаетъ* (γίνεται), *или является, кажется* (φαίνεται), *что есть первое, среди измѣненій, постоянное начало, основа существованія вещей*,—этотъ вопросъ былъ не-только первымъ по времени, но и во всѣ времена основнымъ вопросомъ философствующаго ума. На него отвѣчали: I) *Гилики* [1]) *Іонійцы, Θалесъ, Анаксимандръ* и *Анаксименъ* слѣдующимъ образомъ: начало (основа) всего есть вода, изъ которой все произошло и въ которую все возвращается,—вѣчное, безконечное, неопредѣленное, το ἀπειρον,—безпредѣльный, всеобъемлющій, постоянно движущійся воздухъ,—абсолютно-общая сущность, субстратъ матеріальнаго вещества, - вѣчное безконечное неопредѣленное всеобъемлющее, всепроникающее, вѣчно живое, вѣчно движущееся, всепоглощающее.—II) По ученію *Пивагорейцевъ*: сущность вещей есть число и все есть число, основная идея мѣры и гармоніи, законъ вселенной, гармоническаго сочетанія различій и противоположностей, а основа чиселъ — 1, число совершенное, Богъ.—III) *Елейцы* утверждали: есть только бытіе, а небытія, измѣненія нѣтъ,—бытіе чистое, чуждое всякаго измѣненія, исчезновенія и опредѣленія, временности, пространственности, дѣлимости, разнообразія и движенія, бытіе себѣ равное и совершенное, тожественное съ мыслью, Божество.—IV) *Гераклитъ*: есть самое измѣненіе, постоянное теченіе («все течетъ»), единство бытія и небытія, цѣлое и не цѣлое, сходящееся и расходящееся, изъ всего одно и изъ одного все, раздоръ— отецъ всѣхъ вещей, вѣчный огонь, то, воспламеняясь, все по-

---

[1]) Это слово происходитъ отъ греческаго слова ὕλη, вещество, матерія.

жирающій, то, потухая, все созидающій, въ вѣчномъ круговомъ движеніи.—V) *Эмпедоклъ*: отъ вѣка существуютъ четыре самосущія вещества: огонь, воздухъ, вода и земля; надъ ними двѣ движущія силы: любовь и вражда, состоящія въ вѣчной борьбѣ, связующіяся въ сферосѣ, совокупности всего сущаго.—VI) *По Демокриту*: отъ вѣка существуютъ атомы, недѣлимые, непзмѣняемые, безкачественные, различающіеся только величиною, фигурою и тяжестію, составляющіе *бытіе и полноту*, движущіеся въ пространствѣ, которое есть *небытіе и пустота*, движимые нуждою-случаемъ, при чемъ небытіе также реально, какъ и бытіе, и истиннаго нѣтъ ничего, или оно намъ непзвѣстно.—VII) *Анаксагоръ*: отъ вѣка существуютъ безконечно-разнообразныя сѣмена всѣхъ вещей: оміомеріи, которыя изъ хаотическаго неподвижнаго смѣшенія привелъ въ круговое образующее движеніе Νοῦς, самъ въ себѣ недвижимый, но все движущій, душа всего живаго, растеній, животныхъ и людей, принадлежащая имъ въ разной степени.—VIII) *Софисты*, наприм. *Горгіасъ*, говорили: οὐδὲν ἐστί, ничто не существуетъ,—а еслибы что-нибудь и существовало, то его нельзя было бы познать,—а еслибы и можно было познать, то нельзя было бы передать этого знанія другимъ; человѣкъ есть мѣра всего существующаго; ощущенія и воззрѣнія безконечно различны у безконечнаго числа наблюдателей, даже измѣняются у одного и тогоже лица; не можетъ быть никакихъ предметныхъ сужденій и опредѣленій.—IX) *Платонъ*: чувственный міръ есть вѣчный потокъ; все, называемое у людей бытіемъ, есть постоянное теченіе, нѣчто постоянно дѣлающееся (γινόμενον); эти переходящія явленія недѣйствительныя существованія, а только образы дѣйствительныхъ существованій; время есть только волнующійся образъ вѣчности; свидѣтельства чувствъ запечатлѣны характеромъ непостоянства и непрочности: усматриваемыя ими свойства и состоянія предметовъ никогда не бываютъ продолжительно равны сами себѣ, но измѣняются въ каждое мгновеніе; чувственное знаніе, какъ знаніе явленій, возникновенія и исчезанія, нельзя назвать и знаніемъ; явленія, составляющія все, что мы знаемъ въ мірѣ, суть только подобія не вѣрныя, мало-причастныя сущности своихъ первообразовъ, мелькающія тѣни ихъ; τὸ ὄν—τὰ ὄντα, истина, истинное бытіе созерцаются сквозь вѣчно мелькающее теченіе вещественныхъ явленій; — истина, истинное подлинное бытіе,—τὰ ὄντα, τὸ ὄν, суть идеи, νοούμενα, мыслимые вѣчные первообразы какъ всего міра, такъ и всѣхъ индивидуальныхъ существъ; въ основѣ чувственнаго міробытія лежитъ

міръ идей, рядъ ступеней, въ которомъ всякая высшая идея относится къ низшей, какъ ея основа и условіе, который оканчивается идеей, не требующей для своего оправданія никакой высшей идеи: эта высочайшая идея, послѣдняя въ познаваемомъ, безусловная основа всѣхъ идей, знанія и бытія, есть идея блага,—Богъ Творецъ, которому, съ одной стороны, соприсутствуетъ Νοῦς, Λόγος, міръ идей, всегда равный самому себѣ и вѣчный первообразъ, а съ другой ὕλη, нѣчто неопредѣленное, невидимое и безкачественное, нѣчто не сущее и сущее, ничто. Соединяя эти два элемента (идею и отрицаніе ея, матерію), Творецъ созидаетъ міровую душу, принципъ порядка и гармоніи въ мірѣ, и разбрасываетъ ее по пространству, какъ огромную сѣть, или подмостки, на которыхъ устанавливаетъ вещественный міръ, божественно прекрасный образъ разума, красоты и блага. Съ *Платономъ*, въ общихъ чертахъ міросозерцанія, сходенъ X) и *Аристотель*. И по его воззрѣнію, матерія есть нѣчто совершенно безкачественное, неопредѣленное, безразличное, субстратъ измѣнчивости, въ возможности все, въ дѣйствительности ничто, нѣчто противоположное формѣ; форма (εἶδος) есть то, что дѣлаетъ матерію качественнымъ (реальнымъ), сила, дѣятельность, душа вещи, источникъ движенія и образованія; въ основѣ міробытія лежитъ лѣстница формъ, такъ—что форма низшая бываетъ матеріею формы высшей, а высшая при этомъ становится формою формы (εἶδος εἴδους); послѣдняя высшая форма, первое движущее, источникъ всякой дѣйствительности, высшій абсолютный разумъ, безусловная истина, мысль мысли (νόησις νοήσεως), личное единство мысли и мыслимаго, абсолютное совпаденіе субъекта и объекта есть Богъ. Развитіе греческой языческой философіи завершилось, предъ явленіемъ христіанства,— XII) *Скептицизмомъ*, который училъ, что познаніе того, что есть на самомъ дѣлѣ, лежитъ внѣ круга нашего вѣденія, такъ-какъ мы видимъ вещи, не какъ онѣ существуютъ, но какъ являются; наши представленія о вещахъ ни истинны, ни ложны; нельзя ни о чемъ утверждать что-либо опредѣленное, и истинная философія состоитъ въ совершенномъ воздержаніи отъ всякаго положительнаго мнѣнія о бытіи вещей.

Въ христіанской философіи, не средневѣковой, которую мы опускаемъ, а въ новѣйшей, въ рѣшеніи вопроса о реальномъ, мы усматриваемъ два направленія: одно съ преобладающимъ характеромъ *идеализма*, а другое *эмпиризма*.

А) Въ первомъ изъ этихъ направленій, подъ преобладающимъ ха

рактеромъ *идеализма*,—XIII) отецъ новой христіанской философіи, *Декартъ*, высказавъ требованіе отреченія отъ всѣхъ предзанятыхъ предубѣжденій, поставивъ на первое мѣсто принципъ самосознанія, выставивъ противоположность между мышленіемъ и бытіемъ и указавъ задачу философіи въ примиреніи этой противоположности, нашелъ въ нашемъ сознаніи три непосредственныя данныя: идею о Богѣ и двѣ субстанціи, изъ которыхъ, однакожъ, Богъ есть единственная, въ высшемъ смыслѣ слова, субстанція, субстанція безконечная, основаніе и причина самаго себя, основаніе бытія двухъ другихъ субстанцій:—мыслящаго духа и матеріи, основаніе всякой достовѣрности въ человѣческомъ духѣ, такъ-какъ Богъ, создатель человѣческаго разума, есть абсолютная истина.—XIV) По *Мальбраншу*, Богъ есть абсолютная субстанція, содержащая и созерцающая въ себѣ самомъ всѣ вещи и идеи,—лице, стоящее безпредѣльно выше субстанціальныхъ противоположностей духа и матеріи, и въ немъ-то человѣческій духъ созерцаетъ вещи, въ немъ связь субъективной и объективной истины.—XV) По *Лейбницу*, Богъ есть первоначальная простая субстанція, единственная первобытная монада, чистая, свободная отъ всякой матеріальности дѣятельность, абсолютное всевидѣніе и всевѣдѣніе, первовиновникъ предуставленной въ мірѣ гармоніи, абсолютная причина и первообразъ всей градаціи монадъ, произведеній монады первобытной и образовъ, изъ которыхъ каждая монада имѣетъ большее или меньшее съ нею, первобытною монадою, сходство, есть parvus in suo genere Deus. Разница только въ томъ, что Богъ знаетъ все совершенно ясно, между-тѣмъ-какъ всякая ограниченная монада все представляетъ смутно, одна болѣе, другая менѣе.—XVI) По *Беркелею*, Богъ есть вмѣстилище архетиповъ всего внѣ насъ существующаго бытія и, какъ чистый духъ, производитъ въ нашемъ духѣ чувственныя ощущенія, представленія, понятія и идеи, такъ-что природа, быть можетъ, и реальная внѣ насъ, для насъ и въ насъ есть только теченіе и связь идей, производимыхъ въ нашемъ духѣ Богомъ, абсолютнымъ духомъ.—XVII) По ученію *Спинозы*, можетъ существовать только одна и притомъ абсолютно-безконечная субстанція; данная конечная дѣйствительность необходимо предполагаетъ такуюже безконечную, существующую отъ самой себя, субстанцію; было бы противорѣчіе, еслибы только конечное существовало, а безконечное не существовало, — еслибы существовали только вещи условныя и зависящія отъ другихъ и не было бы того, что существуетъ само чрезъ

себя; напротивъ того, абсолютная субстанція есть реальная причина всего и каждаго существованія; она одна есть дѣйствительное безусловное бытіе и единственная сила бытія, и не-только причина бытія, но сама—все бытіе, причемъ каждое отдѣльное бытіе есть только ея модификація, причемъ сама она, эта суботанція, проявляется въ двухъ основныхъ аттрибутахъ—мышленія (мыслящаго духа) и протяженія (міра матеріальнаго), которые, въ свою очередь, видоизмѣняются во множествѣ частнѣйшихъ модусовъ.—XVIII) По ученію *Канта*, человѣкъ, какъ личность *теоретическая, по разуму теоретическому* ограниченъ міромъ опытовъ, впрочемъ такъ, что всякое познаніе есть продуктъ двухъ факторовъ,—познающаго субъекта и внѣшняго міра: внѣшній міръ даетъ матеріалъ опытовъ, а субъектъ сообщаетъ матеріалу форму; къ доставляемому опытомъ матеріалу разсудокъ присоединяетъ общія формы чувственнаго воззрѣнія,— пространство и время, а также основныя понятія или категоріи разума. Но, привнося къ матеріалу опыта эти субъективныя примѣси, человѣкъ познаетъ только явленія, а не вещи сами по себѣ, о которыхъ, такимъ образомъ, *реальнаго познанія онъ не имѣетъ*; тѣмъ не менѣе только опытъ есть область нашего познанія, и *нѣтъ знанія о безусловномъ*, а трансцендентальныя идеи разума, психологическая, космологическая и теологическая, суть только формальные, а не реальные принципы, не имѣющіе соотвѣтствующаго объекта въ чувственномъ опытѣ. Но какъ личность *практическая, въ области практическаго разума*, человѣкъ опредѣляетъ свои отношенія не къ внѣшнему міру, а къ внутреннему,—къ волѣ, и здѣсь-то трансцендентныя идеи Божества, свободы, безсмертія, безусловнаго блага, высшей цѣлесообразности, становятся непосредственно истинными, имманентнымъ образомъ, не выходя изъ области самосознанія внутренняго опыта, т. е. изъ области *разумной вѣры*, которую XIX) *Якоби* считаетъ единственнымъ источникомъ познанія не-только сверхчувственнаго, но и чувственнаго, тогда-какъ рефлектирующій разсудокъ движется въ цѣпи условныхъ условій, такъ-какъ понять вещь значитъ объяснить ее изъ чего-либо другаго, вывести изъ ближайшихъ причинъ, найти къ дѣйствительному возможность, къ условному условіе, и эта цѣпь условныхъ условій образуетъ механизмъ природы и замыкается безусловнымъ, безконечнымъ, божественнымъ, которое подлежитъ уже не изъясняющему разсудку, но положительно открывающему и безусловно рѣшающему разуму, или разумной вѣрѣ. Считать же истиннымъ только то, что можно доказать дважды: въ чувственномъ воззрѣніи и въ поня-

тіи, въ вещи и ея копіи, — словѣ, видѣть въ этомъ словѣ реальную сущность вещи значитъ отказаться отъ познанія и впасть въ нигилизмъ. — XX) И по *Фихте*, органъ, посредствомъ котораго мы познаемъ реальность, есть не разумъ, не знаніе, предполагающее другое высшее знаніе, на которомъ оно основано, и такъ безъ конца, а вѣра, добровольно почившая на воззрѣніяхъ, естественно намъ представляющихся; мы ничего не знаемъ о Не — Я; мы можемъ знать только то, что сознаемъ, но *въ сознаніи не заключается никакого объекта, ничего кромѣ идеи. Не — Я* есть ни болѣе ни менѣе; какъ постулятъ нашего разума, т. е. продуктъ нашего Я; само Я сознаетъ необходимость Не—Я и создаетъ требуемое Не—Я для удовлетворенія этой необходимости. Если сознаніе, производя образы, вынуждается законами своей природы предположить, что образы имѣютъ субстратъ, — то самое это предположеніе есть новый продуктъ нашего Я. Если Я, сознавая въ себѣ перемѣны, вынуждается приписывать эти перемѣны внѣшней причинѣ,—то это признаніе внѣшней причины есть новый актъ нашего Я, новое измѣненіе въ сознаніи. Всякая субстанція случайностей, ноуменъ феноменовъ, основа свойствъ, которую можно только предполагать, но нельзя познать, есть актъ нашего Я, умственный спитезъ. Мысль и бытіе, сознаніе и существованіе, субъектъ и объектъ тожественны. Съ одной стороны, наше Я даетъ бытіе Не—Я, съ другой—существованіе самаго Я обусловливается бытіемъ Не — Я, такъ-какъ бытіе Я обусловливается сознательностію этого Я; но сознавать свое Я значитъ, въ тоже время, сознавать и Не—Я. Какъ нашему Я, такъ и Не—я, мы приписываемъ реальность актомъ сознанія: Не—я заключается въ актѣ сознанія, какъ реальность, и потому мы не можемъ принимать его за призракъ. Міръ реаленъ, но нельзя сказать, что независимъ отъ ума. Существуютъ *не двѣ отдѣльныя реальности, міръ и духъ, но одна реальность, подъ двойственнымъ видомъ объекта и субъекта.* Внѣ меня существующій объектъ есть только феноменъ, или собраніе феноменовъ, представленій внутри меня, какъ и всѣ отдѣльныя черты феномена, какъ-то: форма, цвѣтъ, плотность, запахъ, суть только ощущенія, находящіяся внутри меня. Если кажется, будто сознаніе говоритъ, что эти внутреннія состоянія произведены чѣмъ-то находящимся внѣ меня, то это только кажется, такъ-какъ сознаніе не можетъ выйдти за предѣлы самого себя, чтобы сказать что-нибудь о томъ, что производятъ эти измѣненія; неодолимая вѣра, будто существуютъ предметы внѣ меня,

справедливая въ томъ отношеніи, что предметы существуютъ, есть только не вѣрный выводъ въ другомъ отношеніи, что они существуютъ именно внѣ меня, вслѣдствіе объективности, придаваемой умомъ чисто внутреннимъ, субъективнымъ ощущеніемъ. Если невозможно представить качества безъ сущности, безъ субстрата, — то эта невозможность опять кажущаяся: качества не нуждаются въ объективномъ субстратѣ, когда у нихъ есть субстратъ субъективный;—онѣ суть измѣненія ощущающаго субъекта, и синтезъ этихъ измѣненій есть единственный субстратъ, въ которомъ онѣ нуждаются. Наше *Я*, по существу своему, есть дѣятельность свободная; но она потерялась бы въ безконечности и осталась бы безъ сознанія, еслибы не реализировала себѣ своего отрицанія, Не—я, какъ объекта, какъ внѣшняго міра, чрезъ реализацію мысли въ бытіе. Самое *Я*, только какъ субъектъ, не существуетъ. Чтобъ существовать, оно должно реализоваться, стать субъектомъ и объектомъ. XXI) По *Шеллингу*, послѣднее основаніе нашего знанія лежитъ въ нашемъ *Я*; но чтобы знаніе было *реально*, необходимъ пунктъ, въ которомъ идеальное и реальное, мышленіе и бытіе совпадаютъ; первое начало какъ понятія, такъ и матеріи, заключается въ свойствѣ и въ возрѣніи человѣческаго духа. Именно духъ есть единство неограниченной и ограничивающей силы, такъ-какъ безграничность дѣлала бы сознаніе невозможнымъ, какъ и безусловная ограниченность. Духъ есть антагонизмъ обѣихъ силъ, переходящій въ единство. Матерія—не масса грубая и инертная, а непрерывно происходящій продуктъ притяженія и отторженія, продуктъ силы не матеріальной, уподобляющейся духу. Духъ и матерія, какъ единство противоположныхъ силъ, соединяются въ высшемъ единствѣ, въ единомъ абсолютномъ,— такъ-что одно и тоже абсолютное проявляется въ природѣ и въ духѣ; природа есть видимый духъ, духъ невидимая природа; — природа двойникъ духа, производимый самимъ духомъ, въ духѣ возвращающійся къ самосознанію, посредствомъ ряда ступеней, чрезъ которыя развивается разумно-организующая міровая душа или разумъ, который есть всецѣлое безразличіе субъективнаго и объективнаго, абсолютное тожество реальнаго и идеальнаго, мышленія и бытія. Бытіе абсолютнаго разума—Бога есть эмпирическая истина и основа всякаго знанія, равно-какъ и бытія. Наконецъ, XXII) по *Гегелю*, *сущность всего состоитъ въ отношеніи*, въ тожествѣ положенія и отрицанія. Такъ, въ фактѣ: «*я вижу дерево*», по психологіи здраваго

смысла, заключаются три данныя: дерево, образъ дерева и умъ,—по субъективному идеализму *Фихте*,—одно бытіе, *Я*,—а дерево и образъ его—модификація нашего *Я*;—по объективному идеализму *Шеллинга*, и дерево и *Я*—проявленіе абсолюта,—по абсолютному же идеализму *Гегеля*, въ этомъ фактѣ реальна только *идея отношенія*, а дерево и *Я* суть лишь два термина отношенія. По мнѣнію *Гегеля*, понятіе *Шеллинга*, который допускалъ реальность субъекта и объекта, а тожество называлъ точкою безразличія между ними,—не точно, такъ-какъ сущность всякаго отношенія — не два относящіеся термина (субъектъ и объектъ), но самое отношеніе, идея; понятіе *Спинозы* о субстанціи грубо: субстанція только одинъ изъ терминовъ отношенія; неправильно и *Кантъ* утверждалъ, будто предметы суть простыя видимости *для насъ*, а реальная природа ихъ недоступна намъ; — нѣтъ, *предметы не-только видимости для насъ*, но и *сами по себѣ суть только видимости*. Міръ есть *міръ идей*; субъектъ и объектъ не существуютъ, а существуетъ только ихъ отношеніе (по крайней мѣрѣ, для насъ существуютъ на столько, насколько чувствуется нами ихъ взаимное отношеніе). Наша мысль — реальность предметовъ: истинное бытіе заключается въ научномъ знаніи; философія есть самосозерцаніе саморазвитія абсолюта. Абсолютное есть не реально-объективное бытіе (въ смыслѣ ученія Спинозы), не отрицательное исчезновеніе бытія и мышленія, реальнаго и идеальнаго въ нейтральномъ третьемъ (согласно съ ученіемъ Шеллинга), — но всеобщее, лежащее въ основаніи всего, есть *идея*, и все дѣйствительное есть только реализація идеи. Ни выше идеи, ни внѣ ея, нѣтъ ничего; все реальное есть развивающаяся въ разныя формы идея, — не теряющаяся въ реальности, но возвращающаяся къ себѣ въ мыслящемъ духѣ, чтобы существовать, въ адекватной своему существу формѣ — *сознательной идеи*, въ духѣ, который не есть одна изъ формъ абсолютнаго, но само абсолютное, какъ бытіе для себя. Само абсолютное есть не бытіе, но развитіе, обнаруженіе различій и противоположностей — внутренняго саморазвитія абсолюта,— не есть нѣчто простое, но система понятій, происходящихъ вслѣдствіе отрицанія то всеобщаго, посредствомъ болѣе конкретной опредѣленности, то частнаго, возводимаго къ высшему единству.

Такимъ образомъ, это идеальное направленіе философіи, начавшись *идеальнымъ теизмомъ Декарта*, проходя, на пути своего развитія, наиболѣе характерныя фазы Беркелеева идеализма, реальнаго пан-

тензма Спинозы, критицизма Канта, субъективнаго идеализма Фихте и объективнаго идеализма Шеллинга, кончилось *абсолютнымъ идеализмомъ Гегеля*, который завершилъ рядъ идеалистическихъ философскихъ системъ *отрицаніемъ реальности не-только объекта, но и субъекта, установивъ, вмѣсто этого, реальность только отношенія между ними, реальность идеи.*

Б) Отцемъ *эмпирическаго*, въ развитіи *раціоналистическаго*, а затѣмъ и *отрицательнаго* направленія новой философіи былъ — XXIII) *Бэконъ*, который, подобно современнымъ намъ позитивистамъ, поставилъ основаніемъ научнаго знанія *эмпирическое наблюденіе и индуктивное умозаключеніе*, стараясь очистить разумъ отъ всѣхъ отвлеченныхъ теорій и перешедшихъ по преданію предразсудковъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія, онъ отвергъ знаніе *первой причины* и начала всѣхъ вещей, утверждая, что естественнымъ путемъ мы ничего не можемъ знать объ абсолютномъ, о Богѣ, хотя и допускалъ познаніе о немъ сверхъ-естественное, откровенное— субботу (шабашъ) человѣческаго знанія.—XXIV) За нимъ *Локкъ*, поставивъ *началомъ познанія чувственное, опытъ* (nihil fit in intellectu, quod non ante fuerit in sensu), хотя и допускалъ знаніе о Богѣ, какъ обще-субъективную, обще-человѣческую истину, но отрицалъ *возможность познанія какой бы то ни было субстанціи*, ограничивая наше знаніе только аттрибутами субстанціи.— XXV) *Юмъ* отрицалъ знаніе не-только субстанціи, но и *причинной связи*, допуская знаніе только *послѣдовательности* фактовъ во времени.—XXVI) *Аббатъ Кондильякъ*, сводя Локковы чувство и рефлексъ *къ одному ощущенію*, не рѣшаясь признать матеріальность души и отвергнуть бытіе Бога, низводилъ уже человѣка на степень высшаго животнаго, приближаясь къ основному положенію матеріализма, что только *чувственное существуетъ, и что нѣтъ другаго бытія, кромѣ бытія матеріальнаго.*— XXV) *Гельвецій*, *Дидро*, *Ля-Метри*, *Даламберъ* съ безпощадною рѣзкостію высказали уже самые крайніе выводы матеріализма, провозгласивъ мѣрою истины только чувство (низшее), *единственнымъ реальнымъ бытіемъ только матеріальное*, а принципомъ морали только чувственное удовольствіе и эгоизмъ, отвергнувъ законы, свободу, бытіе души и Бога. — XXVI) За ними, будто-бы съ послѣднимъ словомъ науки, выступили *Фейербахъ*, *Фохтъ*, *Молешоттъ*, *Бюхнеръ*, повторяя зады не-только своихъ ближайшихъ предмѣстниковъ, французскихъ энциклопедистовъ и англійскихъ скептиковъ XVIII вѣка,

но даже древнихъ греческихъ Скептиковъ, Епикурейцевъ, Софистовъ и Атомистовъ, которые, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и во всѣхъ тонкостяхъ, развили матеріальную доктрину, которую выдаютъ намъ нынѣ опять за послѣднее слово науки XIX вѣка, провозглашая, что сотни разъ провозглашалось и тысячи разъ опровергнуто еще древними греками, будто — «подлинно истиннымъ можно признавать только чувственное, т. е. все подлежащее чувствамъ, въ-слѣдствіе чего, будто бы, *истинное, дѣйствительное и чувственное суть одно и тоже*, — будто-бы только чувственное ясно какъ день, и только тамъ, гдѣ начинается чувственное, кончаются (будто бы?) всѣ споры и сомнѣнія. По ложному взляду этого ученія, самъ человѣкъ есть не что иное, какъ явленіе природы, продуктъ и моментъ жизненнаго круговорота, съ минуты своего рожденія, исчезающій въ морѣ вращающагося вещества; самое сознаніе или самосознаніе есть только свойство матеріи, есть только ощущеніе движеній матеріи, соединяющихся съ нервными электрическими токами и воспринимаемыхъ въ мозгу. Основное положеніе этой системы: нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы; однимъ словомъ, — существуетъ только матерія, которой принадлежатъ абсолютныя свойства вѣчности, безпредѣльности, неизмѣняемости въ существѣ, при измѣняемости формъ. Впрочемъ, въ крайнихъ выводахъ, крайними матеріалистами, въ-родѣ *Цольбе и геолога Моря*, и эта послѣдняя измѣняемость формъ, по крайней мѣрѣ, главныхъ, отрицается и провозглашается вѣчность уже не только матеріи вообще или частнѣе—всего міра, но и земли, со всѣми главными формами, какъ неорганическихъ образованій, такъ и органическихъ родовъ, существующихъ на ней. —

XXVII) Наконецъ, новѣйшій, современный намъ, *позитивизмъ*, отказываясь отъ всякой метафизической погони за всякими сверхъестественными дѣятелями въ природѣ, *за сущностями, за субстанціями, даже за причинами, объявляетъ* единственнымъ предметомъ знанія, достойнымъ человѣческаго изученія, только *явленія и ихъ законы*, т. е. на предоставленный нами вопросъ: *что реально?* — отвѣчаетъ, что *реальны не метафизическіе, сверхъ-естественные дѣятели въ природѣ,—не сущности, не субстанціи, не причины (по крайней мѣрѣ, о реальности ихъ намъ ничего неизвѣстно), а явленія, т. е. чувственные предметы, съ ихъ свойствами.*

Такимъ образомъ оказывается, что на вопросъ: *что философы разныхъ временъ считали реальнымъ*, отвѣчать не легко; они имѣли

весьма различныя понятія о реальномъ, на разнообразныхъ философскихъ основаніяхъ. Впрочемъ, всѣ эти понятія вращаются въ предѣлахъ двухъ крайностей, *древне-греческаго и новѣйшаго атомистическаго матеріализма*, съ одной стороны, а съ другой —, *субъективнаго и абсолютнаго идеализма Фихте и Гегеля*, къ которымъ, по основамъ своего міровоззрѣнія, примыкаютъ *древне-греческіе Софисты и Скептики*. Крайній *абсолютный идеализмъ Гегеля* разсуждаетъ такъ: *это* — дерево, *а то* — домъ; но если я пойду къ дому, то домъ будетъ *это*, а дерево будетъ *то*; или въ полдень я говорю: *теперь* день, а 12 часовъ спустя я скажу: *теперь* ночь. Итакъ первое мое утвержденіе ложно относительно втораго, а второе ложно относительно перваго. Отсюда ясно, что представленіе даетъ намъ идеи о *теперь*, о *здѣсь*, *это* и т. д.: *это*, *здѣсь*, *теперь* есть общая идея, *реальное бытіе*, независимое отъ всѣхъ частныхъ теперь, здѣсь, это и т. д. *Единственная реальность есть отношеніе*, существующее всегда, при всѣхъ измѣненіяхъ въ терминахъ, будетъ ли то въ объектѣ, или въ субъектѣ, такъ-что, собственно говоря, *не реальны ни субъектъ, ни объектъ; реально только отношеніе между ними, идея.* — Субъективный идеализмъ *Фихте* учитъ, что *реаленъ только субъектъ, наше я,—а объектъ, если имѣетъ реальность, то не иначе, какъ въ субъектѣ.* Такъ, *это дерево*, по Фихте, есть только феноменъ, субъективное представленіе, тожественное съ объектомъ, только названіе нашего внутренняго представленія, такъ-какъ всѣ атрибуты дерева: форма, цвѣтъ, плотность, запахъ, какъ ощущенія субъекта, находятся внутри насъ и не нуждаются въ объективномъ субстратѣ, имѣя субстратъ субъективный въ синтезѣ измѣненій, или, что тоже, ощущеній субъекта, и хотя приписываются внѣшнимъ объектамъ, но существованіе свое имѣютъ только въ субъектѣ. — Полярная же противоположность идеализма, *атомистическій матеріализмъ* учитъ, что реальны не разрушимыя сущности матеріальнаго бытія, атомы, съ своими неизмѣнными свойствами,—что матеріальные предметы это только реальные контрегаты истинно-реальныхъ сущностей, носителей всегда неотъемлемо принадлежащихъ имъ свойствъ; представленія же предметовъ въ человѣческомъ умѣ это только реальныя воздѣйствія внѣ существующихъ, реальныхъ предметовъ, на нервную систему человѣка и организма, реально отображающую на себѣ реальное бытіе внѣшняго міра.

Отвергнутыя всѣми, системы *Фихте и Гегеля*, конечно, не могутъ

найти себѣ мѣста и въ нашемъ убѣжденіи, хотя и нельзя не сознаться, что обѣ эти системы, при всѣхъ своихъ крайностяхъ и странностяхъ, заключаютъ въ себѣ, кромѣ глубомыслія въ цѣльности своего построенія, нѣчто глубоко-истинное въ рѣшеніи даже даннаго вопроса *о реальномъ*. «Въ фактѣ: *я вижу дерево*,—говоритъ представитель позитивнаго ученія *Льюисъ*, — «по обыкновенной психологіи, заключаются три вещи: дерево, образъ дерева и умъ, воспринимающій этотъ образъ. *Фихте* говоритъ, что въ этомъ фактѣ есть только одно бытіе: *Ego*,—дерево же и образъ есть одно и тоже и составляетъ модификацію моего ума. Вотъ объективный идеализмъ. *Шеллингъ* говоритъ, что и дерево, и *Ego* суть два бытія, равно реальныя и идеальныя, и оба они ни болѣе ни менѣе, какъ проявленія абсолюта. Вотъ объективный идеализмъ. По ученію *Гегеля*, всѣ эти объясненія ложны. Единственная вещь, реально существующая въ этомъ фактѣ видѣнія дерева, есть *идея*, отношеніе. А *Ego* и *дерево* это лишь два термина отношенія и только отношенію обязаны своею реальностію. Вотъ абсолютный идеализмъ. Изъ всѣхъ трехъ видовъ идеализма, произноситъ о нихъ *Льюисъ* свой позитивный приговоръ,—«послѣдній (Гегелевскій), безъ сомнѣнія, есть самый нелѣпый. Можно ли было хоть на минуту повѣрить въ правильность логики, приводившей къ такому исходу, — можно ли было сразу не отвергнуть посылокъ, изъ которыхъ вытекали такіе выводы»?—Мы, съ своей стороны, утверждаемъ рѣшительно, что нельзя, въ-противность здравому смыслу, утверждать, что въ фактѣ: *я вижу дерево*—реально *только отношеніе* между субъектомъ и объектомъ, то гда-какъ самые объектъ и субъектъ не реальны. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать нѣчто истинное и въ этомъ утвержденіи *Гегеля*. Именно, мы признаемъ въ немъ за истину положительную его сторону, что истинное отношеніе между субъектомъ и объектомъ дѣйствительно реально, какъ реальный фактъ,—но отвергаемъ, какъ нелѣпость, какъ очевидное противорѣчіе здравому смыслу, отрицательную сторону этого утвержденія, именно, что, не-смотря на дѣйствительную реальность отношенія между субъектомъ и объектомъ, самые субъектъ и объектъ тѣмъ не менѣе не реальны. Подобнымъ-же образомъ, и въ утвержденіи Фихте, что въ фактѣ: «я вижу дерево» реально — *Я*, субъектъ, а дерево есть представленіе въ субъектѣ, положительная сторона истинна; но ложно дальнѣйшее въ этомъ субъективномъ идеализмѣ, то именно, что такъ-какъ наше *Я* лишено будтобы способовъ увѣриться въ существованіи объекта, дерева, внѣ меня, то по этому

объектъ, дерево, внѣ меня и не существуетъ, не имѣетъ реальнаго бытія, а обязано имъ мнѣ, существуетъ только въ субъектѣ. Считая, съ своей стороны, излишнимъ раскрывать нелѣпость и этого субъективнаго идеализма, замѣтимъ, однакожъ внутреннее, ясное до очевидности, логически-реальное противорѣчіе въ этой будтобы строго логической системѣ: именно, если всѣ объекты, всякое *Не—Я* обязаны реальнымъ бытіемъ моему *Я*, то и другія личныя *Я* другихъ людей обязаны своею реальностію моему же *Я*. Въ свою очередь, и мое *Я*, для всякаго другаго человѣческаго *Я*, есть *Не—Я*, и, значитъ, реальнымъ своимъ бытіемъ обязано этому другому *Я*. Итакъ, мое *Я* есть причина реальнаго бытія всѣхъ другихъ личныхъ *Я* и, въ тоже время, есть продуктъ, дѣйствіе и слѣдствіе этихъ другихъ *Я*, которыя, въ свою очередь, обязаны своею реальностію моему *Я*, какъ причинѣ. И опять, мое *Я*, отрѣшающееся отъ самаго себя и дѣлающее себя предметомъ своего мышленія, становится субъектомъ въ-отношеніи къ себѣ, какъ объекту, такъ-что *Я* бываетъ и объектомъ, и субъектомъ для себя—же самаго, и, слѣдовательно, по системѣ Фихте, *Я*, какъ объектъ, обязано своимъ реальнымъ бытіемъ себѣ-же самому, т. е. тому же *Я*, какъ субъекту, тогда-какъ здравый смыслъ, на-основаніи опыта, говоритъ противное, именно: что такъ-какъ въ насъ сознаніе послѣдуетъ, а не предшествуетъ реальному нашему бытію, т. е. *Я* сознательное возникаетъ изъ напередъ уже существующаго *Я* безсознательнаго, или полу-сознательнаго, то, значитъ, *Я*, какъ субъектъ, обязано своею реальностію тому же *Я*, какъ напередъ данному объекту, а не на-оборотъ [1]). По этому, и къ *Фихте* мы можемъ обратить тѣже слова *Льюиса*, которыя онъ обращаетъ къ *Гегелю*: «можно ли было хоть на минуту повѣрить въ правильность логики, приводившей къ такому исходу,— можно ли было сразу не отвергнуть посылокъ, изъ которыхъ вытекали такіе выводы?»

Нѣтъ сомнѣнія, что хотя Фихтевская система и отличается необыкновенною глубиною и тонкостію мысли, хотя она и вводитъ насъ въ самую темную глубину человѣческой гносеологіи, освѣщая, въ этой области, многое, что до Фихте человѣчество не съ такою ясностію усматривало,— тѣмъ не менѣе, однако-жъ, въ своихъ выводахъ, эта система фальшива, и коренная погрѣшность ея, по нашему сужденію, заключается именно въ

---

[1]) Обстоятельнѣйшее, возможно всестороннее разсмотрѣніе этого предмета можно видѣть ниже, въ оцѣнкѣ гносеологической теоріи *Д. С. Милля*.

смѣшеніи объективнаго знанія съ реальнымъ бытіемъ. Несомнѣнно, что умъ нашъ знаетъ вещи только въ себѣ самомъ и чрезъ себя. Пусть даже для себя онъ и творитъ вещи въ себѣ самомъ,—тѣмъ неменѣе, однакожъ, вещи существуютъ реально внѣ его, сами по себѣ и, законами своего реальнаго бытія, вынуждаютъ его творить ихъ для себя, по законамъ его познанія, такъ, а неиначе, такъ-что субъективное познаніе весьма много условливается объективнымъ реальнымъ бытіемъ;—*реальное бытіе есть условіе субъективнаго знанія*, хотя, конечно, нельзя всецѣло отрицать и противнаго, что, въ свою очередь, *субъективное мышленіе есть отчасти условіе реальнаго бытія*. Но, во всякомъ случаѣ, воевать, въ настоящее время, съ давно признанными крайностями системъ *Фихте* и *Гегеля* значило бы донкихотствовать,—что не входитъ въ наши намѣренія,—тогда-какъ, на оборотъ, задачею для себя мы поставили сопоставить, по возможности, свой такъ-называемый супранатуральный, метафизическій взглядъ съ взглядомъ новѣйшихъ позитивистовъ, который, переходя къ крайностямъ такъ—называемаго натурализма, въ рѣшеніи вопроса о реальномъ, бытіи и знаніи, гораздо ближе подходитъ къ матеріализму, даже атомистическому, далеко еще не всѣми естествовѣдами отвергнутому, чѣмъ къ противоположной крайности *субъективнаго Фихтевскаго и абсолютнаго Гегелевскаго идеализма*. Такимъ образомъ, и здѣсь, *по вопросу о реальномъ*, предстоитъ намъ вести, какъ и прежде, по вопросу объ объективномъ знаніи мы вели, борьбу съ тѣмиже противниками:—позитивистами и возможно—позитивнымъ философскимъ методомъ.

ГЛАВА X.

Реальны, учитъ позитивизмъ, не метафизическіе *сверхъестественные дѣятели въ природѣ, не сущности, не субстаніи*, о которыхъ никто ничего не знаетъ и знать не можетъ, *не причины, а явленія, т. е. чувственные предметы, съ ихъ свойствами*. Значеніе этого положенія, при видимой своей простотѣ и ясности, требуетъ, однакожъ, разъясненія. Когда оно будетъ выяснено, окажется, что оно далеко не просто. Беремъ тотъ-же, вышеприведенный, облюбленный философами, примѣръ: *это дерево*, и спрашиваемъ: *реально ли это дерево, и что въ немъ реально? Что въ немъ самомъ реально, независимо отъ нашего*

чувства, отъ нашего субъективнаго воззрѣнія на него? О какихъ проявленіяхъ его можно рѣшительно сказать, что онъ принадлежатъ ему какъ его части, или качества, или дѣйствія, а не нашему чувству и вообще не субъективному воззрѣнію, какъ видоизмѣненія субъективнаго чувства и воззрѣнія, какъ неотступному и неустранимому ингредіенту, во всякое вступающее въ наше сознаніе явленіе? Въ разъясненіи себѣ этого вопроса мы должны основаться *на выше изложенномъ нами анализѣ объективности чувственнаго свидѣтельства.*

Прежде всего, остановимся насвойствахъ *этого дерева*, открываемыхъ: *1) чувствомъ зрѣнія.*—Принадлежитъ ли *этому дереву* извѣстная, въ данный моментъ являющаяся моему зрѣнію, *фигура*? Древніе греческіе философы отвѣчали, что нѣтъ,—не принадлежитъ, и отвѣчали не безъ основавія. Стоитъ лишь перемѣнить мнѣ точку зрѣнія въ пространствѣ, чтобы фигура дерева была иная; стоитъ пройти моменту времени отъ перваго воззрѣнія, чтобы фигура, открывающаяся при второмъ воззрѣніи, абсолютно не могла быть тожественнымъ повтореніемъ фигуры дерева при первомъ на него воззрѣніи. Несомнѣнно, что, въ каждый данный моментъ, какая-либо фигура дереву принадлежитъ; но какая именно, такая ли, какъ видится моему зрѣнію, или иная, это знать нельзя,—вѣрнѣе же, что не такая. Это древніе греки и называли безпрерывнымъ «теченіемъ», неуловимымъ «исчезаніемъ» чувственнаго. Чтобъ уловить фигуру этого дерева, во всѣхъ тысячеобразныхъ отношеніяхъ его ко времени и пространству, къ окружающей его средѣ, для этого нужно было бы ни болѣе ни менѣе, какъ остановить бѣгъ міра, не только въ цѣломъ его объемѣ, но и во всѣхъ само-малѣйшихъ частяхъ. Однакожъ, тогда мы еще не достигли бы своей цѣли: для этого нужно имѣть абсолютное всевидѣніе.—Принадлежитъ ли дереву извѣстный *цвѣтъ*? Вопросъ объ отношеніи цвѣтовъ къ глазу, къ предмету цвѣтному не свѣтящему, къ предмету источающему свѣтъ, выше проанализированъ нами достаточно. Цвѣтъ, свѣтъ, это возбужденіе зрительнаго нерва какимъ-то дѣйствіемъ, которое названо свѣтомъ, дѣйствіемъ извѣстныхъ тѣлъ, которыя названы свѣтящими,—свѣтомъ принятымъ, разложеннымъ, преломленнымъ и отраженнымъ другими не свѣтящими предметами, напр., этимъ деревомъ. Безъ свѣтящихъ тѣлъ нѣтъ свѣта, внѣ атмосферы нѣтъ свѣта; безъ зрительнаго нерва нѣтъ свѣта; свѣтъ, равно-какъ и цвѣтъ предмета, есть состояніе нашего зрительнаго нерва,—а этому дереву въявленіи свѣта или цвѣта принадлежитъ только извѣстное разположеніе частицъ древеснаго

состава, которое извѣстнымъ образомъ разлагаетъ, преломляетъ и отражаетъ то, измѣненное состояніемъ атмосферы, дѣйствіе свѣтящихъ тѣлъ, которое въ нашемъ зрительномъ нервѣ производитъ состояніе, сопровождающееся въ центральномъ чувствилищѣ ощущеніемъ свѣта и цвѣта. Другія открываемыя нашимъ зрѣніемъ свойства тѣлъ, какъ-то: твердость, шероховатость, плотность, жидкое состояніе, газообразность, суть только видимости и составляютъ въ-сущности не непосредственныя воспріятія зрѣнія, но посредственный выводъ умозаключенія отъ привычнаго, чрезъ частое повтореніе, совпаденія извѣстныхъ ощущеній зрѣнія съ ощущеніями другихъ чувствъ и, по-преимуществу, осязанія. Итакъ, чтоже реально *въ этомъ деревѣ*, изъ свойствъ, открываемыхъ зрѣніемъ? *Реально присущее ему, какъ и всѣмъ видимымъ предметамъ, свойство, измѣняемымъ и направляемымъ въ немъ, по свойству и расположенію частицъ его состава, движеніемъ свѣтоваго эѳира, возбуждать зрительный нервъ.* — 2) Что реально *въ этомъ деревѣ* изъ свойствъ, открываемыхъ *чувствомъ слуха?* — Звуки, всѣ безъ исключенія, суть извѣстныя состоянія не дерева, не звучащаго предмета, но слуховаго нерва, производимыя дрожательнымъ движеніемъ частицъ дерева, какъ и всякаго другаго изъ звучащихъ предметовъ, движеніемъ, передаваемымъ какою-либо проводящею звукъ средою, такъ-какъ чрезъ пустоту звукъ не передается: *внѣ слуховаго нерва есть въ деревѣ только движеніе частицъ, производящихъ въ ухѣ звукъ,—но нѣтъ звука.* Кромѣ того, для разныхъ слуховъ (людей, животныхъ, и т. д.) одинъ и тотъ же звукъ имѣетъ разное значеніе, даже до положительнаго несуществованія звука для тѣхъ чувствующихъ существъ, которыя имѣютъ слабо развитой слухъ, или вовсе его не имѣютъ. Что же такое извѣстный звукъ самъ въ себѣ,—равно-какъ, что такое извѣстный цвѣтъ самъ въ себѣ? Что такое извѣстный вкусъ, извѣстная плотность (какъ ощущается она разными осязаніями) сами въ себѣ?... 3) Извѣстный запахъ *этого дерева* есть дѣйствіе отдѣлившихся отъ него частицъ, механически и химически соединяющихся съ влагами слизистой оболочки носа и въ этомъ соединеніи прикасающихся къ обонятельному нерву;—это-то возбужденіе обонятельнаго нерва и есть извѣстный запахъ.—4) Извѣстный вкусъ есть также нѣчто аналогичное: это дѣйствіе отдѣлившихся отъ *этого дерева* частицъ, механически и химически соединившихся съ соками слизистой оболочки рта и въ этомъ соединеніи

прикасающихся къ нервамъ, выстилающимъ полость зѣва; извѣстное возбужденіе этихъ нервовъ есть извѣстный вкусъ. — 5) Извѣстныя свойства *этого дерева*, ощущаемыя *осязаніемъ*, какъ-то: извѣстная гладкость, кажущаяся одному осязанію именно гладкостію, а другому шероховатостію,—извѣстная упругость, кажущаяся одному усилію неодолимою твердостію, а другому твердостію такъ себѣ, удобо-сгибаемою, или сжимаемою, или растягиваемою,—что такое всѣ эти свойства сами въ себѣ? Что о нихъ опредѣленнаго можно сказать кромѣ того, что онѣ сами въ себѣ суть извѣстное *движеніе или состояніе частицъ* дерева, дѣйствующаго на ощущеніе нашего тѣла? Но какое именно это движеніе, или состояніе,—чувство лишено средствъ дать на это хотя какой-либо, близкій къ абсолютной, всеобъемлющей данное явленіе, объективной истинѣ, отвѣтъ. *Несомнѣнно только, что, по мѣрѣ развитія чувства и сознанія, расширяются не-только объективность міросозерцанія, но и реальность міробытія.* Для безчувственнаго, безсознательнаго, растенія міръ, со всѣмъ своимъ разнообразіемъ, не существуетъ. Для животно-растенія, лишеннаго всѣхъ внѣшнихъ чувствъ, при неуловимости и внутреннихъ его ощущеній для нашего сознанія, міръ съ своимъ проявленіемъ опять-таки существуетъ весьма мало, даже, можно сказать, почти вовсе не существуетъ. Напоенное влагою, въ засуху, дерево веселѣетъ не столько въ собственномъ ощущеніи, сколько въ нашемъ сознаніи; вся безчувственная природа, въ прекрасное весеннее утро, дышетъ жизнью и радостью также почти только въ нашемъ ощущеніи и сознаніи. Это можно сказать объ отношеніи всего безчувственнаго къ чувствующему и сознающему. Для животнаго, лишеннаго чувствъ зрѣнія и слуха, обонянія и осязанія, не существуютъ всѣ проявленія міра, подлежащія этимъ чувствамъ. Даже для высшаго животнаго весьма многія свойства не существуютъ, въ-особенности свойства подлежащія осязанію, когда у животныхъ нѣтъ особаго чувствилища осязанія въ-родѣ нашихъ пальцевъ. Вообразимъ себѣ человѣка, у котораго отъ природы не было бы ни зрѣнія, ни слуха, ни обонянія, ни осязанія, по крайней мѣрѣ, тонкаго. Что для такого урода было бы реально въ мірѣ? Что реально въ мірѣ для человѣка, находящагося въ глубокомъ, безсознательномъ тифѣ?—Сравнимъ общечеловѣческій умъ въ первобытномъ его состояніи невѣденія предѣловъ природы въ великомъ и въ маломъ съ состояніемъ обще-человѣческаго ума въ наши дни и съ тою невообразимою для насъ теперь широтою его развитія, какую, при правильномъ, прогрессивномъ движе-

ніи впередъ онъ пріобрѣтетъ чрезъ тысячелѣтія. Какъ широко уже раздвинулась и еще раздвинется, для обще-человѣческаго сознанія, область не только объективнаго, но и реальнаго! И при этомъ не то мы хочемъ сказать, что существующее отъ начала съ теченіемъ вѣковъ становилось только доступнымъ сознанію. Нѣтъ, самыя свойства бытія возникали съ раскрытіемъ чувствилища и сознанія, такъ-какъ свѣтъ существуетъ только въ зрительномъ нервѣ и вмѣстѣ съ нимъ возникъ въ настоящемъ своемъ видѣ: еслибы не было зрительнаго нерва, то не было бы и свѣта, еслибы существовали только совы и нетопыри, или только рыбы, то въ природѣ существовало бы только то возбужденіе зрительнаго нерва и то освѣщеніе, къ какому способны только эти животныя. Вообразимъ также, что вдругъ возникло бы зрѣніе въ милліонъ разъ болѣе сильное настоящаго человѣческаго зрѣнія; — тогда для, такого зрѣнія, Сиріусъ на землѣ засвѣтилъ бы ярче нашего солнца и вселенная озарилась бы невообразимымъ для насъ блескомъ. Представимъ, въ концѣ концовъ, абсолютное зрѣніе и сознаніе: для такого зрѣнія атомъ существуетъ столько же, сколько и самое крайнее солнце, въ самомъ крайнемъ изъ туманныхъ пятенъ. Для всевидящаго ока видимость міровой дисгармоніи, сплетаясь съ невидимыми для ограниченности предѣлами обще-міроваго-плана, является безконечною гармоніею и все видится *добро зѣло*; для абсолютнаго творческаго сознанія, все, что только есть въ Его умѣ, въ Его мысляхъ, все это есть дѣйствительно существующее; по выраженію *Св. писанія, Богъ не сущее нарицаетъ яко сущее.* Съ этой точки зрѣнія, до *наглядности очевидна зависимость свойства бытія отъ чувствъ и сознанія, такъ-что безъ чувствъ и сознанія (по крайней мѣрѣ, абсолютнаго) нѣтъ свойствъ міробытія.* Къ этому предмету мы еще будемъ имѣть случай воротиться и нужду раскрыть его обстоятельнѣе, какъ уже отчасти и раскрывали; а теперь мы выясняемъ и, надѣемся, достаточно выяснили только то, что *крайне трудно опредѣлить, какія именно свойства въ міробытіи существуютъ сами по себѣ, а не происходятъ отъ нашего чувства, какъ неотступнаго и неустранимаго ингрендіента во всякое явленіе, даже есть ли на самомъ дѣлѣ такія свойства.* Продолжимъ еще нашъ анализъ. 6) Какое реальное свойство открываютъ въ предметѣ, напр., въ плодѣ *этого дерева*, ощущенія утоляемаго имъ *голода*, причиняемой имъ *боли*, проводимаго имъ, чрезъ прикосновеніе къ нашему тѣлу, *тепла*, или *холода?* Ощущеніе утоленія голода производится превращеніемъ

даннаго предмета въ извѣстный желудочный сокъ;—ощущеніе причиняемой боли производится прикосновеніемъ даннаго предмета, разрушающимъ нормальный строй тканей нашего организма; ощущеніе передаваемаго тепла, или холода, производится расширеніемъ, или сжатіемъ частицъ даннаго предмета, производящимъ въ нашемъ организмѣ аналогичное-же движеніе,—расширеніе или сжатіе частицъ организма. Ясно, такимъ образомъ, что *всѣ наши ощущенія, будучи совокупнымъ продуктомъ двухъ причинъ: нашего нерва и даннаго внѣшняго предмета, открываютъ въ этомъ послѣднемъ независимо, реально существующимъ отъ нашего нерва только одно свойство, движеніе частицъ предмета*, при чемъ *всѣ прочія свойства* этого предмета, напр., этого дерева, какъ-то: тепло, или холодъ, питательность, вкусъ и запахъ, шероховатость, шумъ и зелень, *будутъ имѣть мѣсто только въ нервахъ чувства, и, притомъ, въ данномъ качествѣ только, именно* въ нервахъ *человѣческаго чувства, а внѣ ихъ перестанутъ существовать.* Зависимость большей части свойствъ предметовъ отъ разнаго устройства чувствующихъ нервовъ открывается особенно ясно изъ того факта, что движеніе частицъ извѣстной матеріи, часто въ существѣ своемъ единое и цѣльное, какъ это въ настоящее время дознано физиками и физіологами, прикасаясь къ разнымъ ощущающимъ нервамъ, обнаруживаетъ въ себѣ будтобы разныя свойства. Такъ, напр., въ одномъ и томъ-же движеніи электричества, въ которомъ глазъ чувствуетъ свѣтъ, слухъ—трескъ, вкусъ — кислоту, въ немъже обоняніе поражается иногда извѣстнымъ запахомъ, а осязаніе извѣстнымъ болѣзненнымъ ощущеніемъ. Этотъ, давно извѣстный по опыту, но недавно выясненный современною наукою, поразительный фактъ дѣлаетъ довольно вѣроятнымъ и нѣсколько наглядным сравненіе человѣческаго тѣла съ калейдоскопомъ, посредствомъ котораго духъ смотритъ на міръ. Быть можетъ, не-только крайне ограниченное, въ-сравненіи съ кажущеюся безчисленностію, количество реальныхъ если не объектовъ, то ихъ свойствъ, но даже, что всего вѣроятнѣе, и совершенное тожество истинно-объективнаго бытія, абсолютное единство истинно сущаго является нашему сознанію безконечнымъ разнообразіемъ, если не единственно только, то очень много по тому, что это основное единство, кореннымъ, тожественнымъ движеніемъ своимъ, прикасается къ миріадамъ нитей нашего чувствилища, которыя, по природѣ своей собственной разновидной воспріимчивости, издаютъ гармонію, или дисгармонію необъятнаго разнообразія, неисчислимаго содержанія... Впрочемъ, къ этому вопросу: какъ единое основное истинно-сущее является без-

предѣльнымъ разнообразіемъ, отражаясь, съ одной стороны, въ ограниченномъ сознаніи, а съ другой—въ ограниченномъ бытіи, мы еще будемъ имѣть нужду воротиться въ-послѣдствіи. Точно также и къ вопросу: въ какой мѣрѣ независимо отъ нашего ощущенія это послѣднее убѣжище независимой отъ человѣческаго сознанія реальности природы, *коренное свойство всѣхъ свойствъ міробытія, движеніе частицъ вещества*, — мы еще воротимся въ-послѣдствіи. — Теперь же только устанавливаемъ фактъ, что, *во всѣхъ проявленіяхъ нормально дѣйствующаго ощущенія, коренная причина всѣхъ измѣненій нашего чувствилища, какъ наиболѣе независимая отъ него реальность, есть только движеніе частицъ вещества.* Это, въ настоящее время, аподиктическій приговоръ современнаго естествовѣденія, приговоръ, впрочемъ, хотя и обоснованный многими новѣйшими открытіями науки, но въ выводѣ заключающій, очевидно, не болѣе того, что высказано, слишкомъ 2,000 лѣтъ тому назадъ, греческими атомистами. Такимъ образомъ, позитивизмъ, если хочетъ быть естественно—научнымъ, т. е. наиболѣе позитивнымъ, долженъ, волею неволею, спуститься въ ту таинственную область бытія и знанія, въ ту химическую лабораторію природы, въ которой вырабатываются всѣ явленія, съ ихъ свойствами и законами, гдѣ, отрѣшившись отъ всего проявляющагося, преломляющагося и разлагающагося въ призмѣ нашихъ чувствъ, а вмѣсто того, вооруживъ наше умственное око самымъ точнымъ и чистымъ микроскопомъ разсудочнаго анализа, мы стоимъ лицемъ къ лицу только *съ частицами вещества, древними атомами и ихъ движеніемъ.* Только эти два момента всякаго явленія реальны и болѣе или менѣе независимы отъ нашего чувства,—именно: *вещество* и *движеніе.*

Но здѣсь открывается логическая неизбѣжность дальнѣйшаго вопроса, вопроса не только метафизики, но и физики: *что же здѣсь далѣе реально, вещество, или движеніе,—что существуетъ, какъ res, или ens, или субстанція, или субстратъ, и что какъ дѣйствіе, или качество, или проявленіе?*—Простымъ на этотъ вопросъ отвѣтомъ атомистической физики и метафизики испоконъ-вѣку было, что реально существуетъ какъ вещь только вещество, состоящее изъ атомовъ, а движеніе существуетъ только какъ дѣйствіе вещества, совокупности атомовъ, его причины. Такимъ образомъ, открывается дальнѣйшая логическая неизбѣжность вопроса: *реально ли вещество, есть ли оно причина, носитель движенія, какъ своего слѣдствія, а ни подъ какимъ видомъ не*

слѣдствіе, не продуктъ, не обнаруженіе движенія, силы? Существуютъ ли атомы, какъ субстратъ самаго вещества?

ОТДѢЛЪ I.

СУЩЕСТВУЮТЪ ЛИ АТОМЫ, КАКЪ СУБСТРАТЪ САМАГО БЕЩЕСТВА?

ГЛАВА XI.

Въ разъясненіи этого радикальнаго вопроса всякой, какъ метафизической, такъ и позитивной, философіи мы постараемся обосноваться не на идеальныхъ теоріяхъ величайшихъ мыслителей древности: *Платона и Аристотеля*, которые, на основаніяхъ, выработанныхъ всею предшествовавшею имъ греческою философіею, утверждали, что матерія есть нѣчто хаотическое, безформенное, безкачественное, неопредѣленное, не дѣйствительное, не бытное, не реальное, въ возможности все, а въ дѣйствительности ничто, нѣчто не сущее и сущее ничто; — точно также не будемъ основываться и на какихъ бы то ни было старыхъ метафизическихъ теоріяхъ, даже, напр., на теоріи *Канта*, который, отвергая атомистическую теорію вещества, силился установить динамизмъ. Остановимся только на относящихся къ поставленному вопросу выводахъ новѣйшей естественной науки, какъ наиболѣе близкой къ самому ригористическому позитивизму и вполнѣ обязательной для него. При этомъ признаемъ нужнымъ напередъ заявить, что, блуждая въ этихъ наиболѣе глубокихъ, закрытыхъ и мрачныхъ тайникахъ міроваго бытія и человѣческаго знанія, мы будемъ идти не иначе какъ ощупью, на каждомъ шагѣ стараясь держаться за признанные естественно-научные выводы, чтобъ не сбиться съ позитивно-философской точки зрѣнія и не заблудиться въ трущобахъ ультра-метафизической мечтательности, выдающей галлюцинацію сновидѣній за лучезарное созерцаніе тайнъ истиннаго бытія. И эту оговорку считаемъ тѣмъ болѣе умѣстною, что, въ заключеніи своего изслѣдованія, мы предвидимъ выводъ для общаго смысла странный, хотя и выясняемый новѣйшею наукою съ каждымъ днемъ больше и больше, такъ-какъ онъ выте-

кается изъ данныхъ, основанныхъ на научномъ опытѣ, посылокъ съ строго-логическою, ультрапозитивною точностію.

Вотъ результаты одной, строго-научной, статьи, составленной подъ вліяніемъ высшихъ авторитетовъ естествовѣдѣнія, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ за 1860 годъ* (т. *XXVII*), подъ названіемъ: *объ атомистической теоріи вещества.*

Что такое вещество—вопросъ до такой степени общій, что неизбѣжно встрѣчался каждому физіологу, физику, или химику, и былъ постоянно разбираемъ ими, отъ первой эпохи существованія наукъ и до нашихъ дней. Если же около этого вопроса постоянно вращаются эмпирическія изслѣдованія, то не въ-правѣ ли мы ожидать, что онъ постепенно разъяснится? Кому, кажется, лучше знать, что такое вещество, какъ не химику, или физику?—Эмпирическія науки постоянно представляютъ стремленіе рѣшать этотъ вопросъ въ извѣстную сторону: всѣмъ извѣстно, что *въ-отношеніи къ веществу, въ физикѣ и химіи, все больше и больше начинаетъ господствовать атомистическая теорія* [1]). — На самомъ же дѣлѣ легко доказать, что существенный вопросъ этотъ не подвинутъ ни на шагъ, тогда-какъ его рѣшеніе въ извѣстную сторону сдѣлано уже давно, матеріалисты и атомисты существовали уже въ древней Греціи. *Шеллингъ* разсказываетъ, что когда, во время консульства, философъ *Якоби* былъ въ Парижѣ и вмѣстѣ съ другими представлялся первому консулу, Наполеонъ быстро обратился къ нему съ вопросомъ: что такое вещество? Якоби не нашелся что сказать, и Наполеонъ заговорилъ съ другими. Отвѣчать дѣйствительно не легко. Но Наполеонъ едва ли бы не былъ въ большемъ затрудненіи, чѣмъ философъ, если-бы *Якоби* спросилъ его, что собственно онъ хочетъ отъ него узнать? Въ вопросахъ такого рода дѣло идетъ о сущности предмета. Но натуралисты не могутъ рѣшать вопросы о сущности явленій, т. е. именно о томъ, что всего болѣе хотѣлось бы намъ знать. Физики и химики почти единогласно утверждаютъ, что они не знаютъ, что такое матерія. *Грове* выражается: что касается вопроса о *внутреннемъ устройствѣ* вещества, т. е. атомисты ли правы, или ихъ противники, то, вѣроятно, всѣ усилія человѣческаго ума никогда не доведутъ насъ до удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ.

Впрочемъ, *многіе изъ естественниковъ считаютъ вопросы о сущности явленій чѣмъ-то безполезнымъ и мелочнымъ, слишкомъ отвлеченнымъ и пустымъ.* Всѣ держатся атомистической теоріи, не подвергая критикѣ ея основаній. Вся масса натуралистовъ убѣждена непоколебимо въ существованіи *атомовъ.* Но если бы *Якоби* на вопросъ Наполеона отвѣчалъ: *вещество есть совокупность атомовъ,* то великій полководецъ едвали бы остался доволенъ. Вѣдь и *атомы состоятъ изъ вещества,* а о немъ-то и спрашивается. Такимъ образомъ, *таинственная сущность, какъ ей и слѣдуетъ, остается при этомъ недостижимою, и весь*

---

[1]) Такъ было въ 1860 году, еще такъ недавно. Теперь же атомистическая теорія рѣшительно изгоняется изъ области эмпирическихъ изслѣдованій.

вопросъ сводится только на то: дѣлимо ли вещество до безконечности, или это дѣленіе имѣетъ предѣлы.

На чемъ основывается допущеніе атомовъ?—Гипотеза атомовъ придумана греками, *Левкиппомъ и Демокритомъ*, но получила особенное развитіе со времени ученія о химическихъ пропо́рціяхъ, подтверждаемаго точными опытами. Легко показать однако же, что *атомистическая теорія есть предположеніе, опирающееся не на опытахъ, а на метафизическихъ основаніяхъ.* 1) Тѣла состоятъ изъ частей и дѣлятся на части; тѣло не есть что-либо самостоятельное, а только совокупность частей; тѣло, какъ цѣлое, въ собственномъ смыслѣ, не существуетъ, а существуютъ только части; значитъ, эти части не должны уже состоять изъ частей, должны существовать сами по себѣ, должны быть самостоятельными цѣлыми атомами. 2) Тѣло раздѣлено на части; въ частяхъ его есть все, что было въ цѣломъ; въ тѣлѣ есть нѣчто неизмѣнное, постоянно пребывающее; тѣло должно состоять изъ неизмѣнныхъ частицъ, неизмѣнной величины и формы, — *изъ атомовъ. Ньютонъ* говоритъ: такъ-какъ частицы вещества остаются во всемъ недѣлимыми, то онѣ и образуютъ, во всѣ времена, тѣла одинаковаго свойства и строенія. Еслибъ онѣ раздробились, то и природа вещей, зависящая отъ нихъ, измѣнилась бы». *Біо* туже мысль выражаетъ такъ: «результаты показываютъ, что на земномъ шарѣ частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются однѣ въ другія, потому-что какой бы химической операціи мы ни подвергали ихъ, въ какое бы соединеніе онѣ ни вошли, онѣ всегда получаются потомъ изъ него съ первоначальными своими свойствами. Безконечное число вліяній, дѣйствовавшихъ на частицы отъ начала міра, кажется, не произвело никакого измѣненія въ ихъ свойствахъ».

Между-тѣмъ *атомистическая теорія*, опираясь на метафизическія основанія, противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. 1) *Атомы* представляютъ *неизмѣнную* сущность вещества; никакія перемѣны въ мірѣ явленій до нихъ не касаются; а между тѣмъ сами атомы вещественны: слѣдовательно, вещество не претерпѣваетъ перемѣнъ.—2) Тѣла *дѣлимы*; дѣленіе есть чистая видимость; оно состоитъ только въ удаленіи частей, раздѣльныхъ отъ вѣчности; заключающееся же въ атомахъ вещество не дѣлимо.—3) Тѣла *соединяются*,—двѣ капли ртути сливаются; но сліяніе здѣсь только видимое; атомы не могутъ сливаться, а могутъ только помѣститься возлѣ другъ друга.—4) Тѣла *сжимаются и расширяются*; но вещество собственно не сжимается и не расширяется: сжатіе и расширеніе зависитъ только отъ сближенія и взаимнаго отдаленія атомовъ.—5) Тѣла *измѣняютъ форму*; но въ-сущности вещество не способно измѣнять форму:—атомы имѣютъ одну и туже форму отъ вѣчности.— 6) Тѣла *соединяются химически*; вода не есть только *механическое* смѣшеніе кислорода и водорода,—но предполагаютъ что атомы кислорода находятся въ ней только возлѣ атомовъ водорода, не соединенные, не слитые, а только сближенные. — 7) Вездѣ, какое бы глубокое *измѣненіе* ни происходило въ веществѣ, атомистами оно объясняется такъ, что *его въ-сущности нѣтъ*, что измѣняются только пространственныя отношенія атомовъ, а не самое вещество, не атомы. Ясно, что атомистическая теорія отрицаетъ явленія, наблюдаемыя въ тѣлахъ, и полагаетъ, что въ сущности, т. е. въ атомахъ, эти явленія не происходятъ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что *никакой*

опытъ не можетъ [1]) *ни опровергнуть этой теоріи, ни доказать ея справедливость.* И обратно, такъ-какъ *свойства атомовъ находятся въ прямомъ противорѣчіи съ свойствами тѣлъ,* то мы, очевидно, никогда не можемъ найти такія маленькія тѣла, какими представляются атомы, и не встрѣтимъ ни одного опыта, въ которомъ тѣла дѣйствовали бы такъ, какъ еслибъ онѣ состояли изъ атомовъ. Атомы намъ нужны для того, чтобъ олицетворить неизмѣнную сущность вещества, и, слѣдовательно, съ ними нельзя встрѣтиться въ мірѣ явленій, въ мірѣ безпрерывныхъ перемѣнъ. Поэтому, какъ бы мы ни дѣлили вещество, въ малѣйшей его части мы все будемъ предполагать атомы, потому-что и малѣйшая часть вещества есть все-таки вещество, измѣнчивое, дѣлимое и проч., такъ-что, по сущности дѣла, мы должны представлять атомы *безконечно малыми,* т. е. *меньше всякой данной величины*; иначе сказать, *мы не можемъ придать имъ ни какой, даже самой малой величины.*

Тѣмъ не менѣе этому *отрицанію всякой величины, всякаго реальнаго бытія* положительно приписываютъ опредѣленныя и самыя реальныя, хотя и не встрѣчающіяся въ природѣ свойства: атомы абсолютно недѣлимы, абсолютно отдѣльны, неизмѣнны, химически не соединимы, не проницаемы, однородны, вопреки свойствамъ всѣхъ тѣлъ. Предъ нами цѣлый міръ необъясненныхъ и необъяснимыхъ свойствъ. Чѣмъ соединены части атома? Почему атомы не сливаются? Почему имѣютъ неизмѣнную форму? и т. д. Всѣ эти вопросы совершенно законны. Атомистамъ остается одно—признать, что на нѣкоторые вопросы, правильные, разумные, нѣтъ и не можетъ быть отвѣта, или, другими словами,—что есть явленія, не имѣющія никакой причины. Такъ и дѣлаютъ они, когда говорятъ, что свойства атомовъ принадлежатъ имъ отъ вѣчности. Такіе отвѣты прямо противны духу научныхъ естественныхъ изслѣдованій. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о *недѣлимости атомовъ,* вѣчный камень преткновенія *атомистовъ.* Такъ-какъ *атомы протяженны* (суть *тѣла, а не точки математическія*), то они мысленно могутъ быть дѣлимы. Спрашивается, отчего въ дѣйствительности они не дѣлятся? *Либихъ* разсуждаетъ объ этомъ такъ: *для ума совершенно не возможно представить себѣ маленькія частицы вещества, которыя были бы совершенно недѣлимы....* Какъ бы ни была мала частица, мы не можемъ считать невозможнымъ раздробленіе ея на двѣ половины, на три, на сто частей. Но мы можемъ представить себѣ, что эти атомы только физически недѣлимы, что они только въ нашихъ опытахъ являются такъ, какъ будто бы они были неспособны ни къ какому дальнѣйшему дѣленію. *Физическій атомъ,* въ этомъ смыслѣ, представляетъ группу гораздо меньшихъ частицъ, которыя соединены нѣкоторыми силами, болѣе крѣпкими, чѣмъ всѣ силы, какія на земномъ шарѣ могли бы мы употребить для ихъ раздѣленія. Такимъ образомъ, *не отвергая безконечной дѣлимости вещества,* химикъ только признаетъ твердое основаніе, крѣпкую почву своей науки, когда считаетъ существованіе физическихъ атомовъ за неоспоримую истину». И такъ, сохраняя безконечную дѣлимость матеріи, *Либихъ* допускаетъ *Физическіе атомы.* Но какое же различіе между физическими и абсолютными атомами? Очевидно,

---

[1]) Такъ казалось въ 1860 г. Теперь атомистическая теорія опровергается фактически.

никакого. *Физическій атомъ есть группа гораздо меньшихъ частицъ*; въ этихъ частицахъ, очевидно, опять являются только-что изгнанные абсолютные атомы. Таково самое представленіе атомовъ: чуть мы остановимся на атомѣ, какъ онъ уже распадается на частицы; остановитесь на частицахъ, и вы увидите, что онѣ сами состоятъ изъ частицъ еще болѣе мелкихъ и т. д., безъ конца. Если же мы рѣшимся, наконецъ, остановиться, то не избѣжимъ вопроса: отчего же послѣдніе наши атомы недѣлимы? На этотъ вопросъ у атомистовъ нѣтъ отвѣта. Не говоримъ здѣсь о множествѣ другихъ свойствъ, почти каждодневно вновь приписываемыхъ *атомамъ* физиками и химиками: имъ приписываются и двуполярное электричество, и химическое сродство, и множество другихъ свойствъ, а о причинѣ присутствія ихъ въ атомахъ атомисты знаютъ столь-же мало, какъ и о причинѣ недѣлимости ихъ. Чѣмъ подробнѣе разсказываютъ намъ атомисты о расположеніи атомовъ, объ ихъ различныхъ силахъ, о вращательныхъ, колебательныхъ и всякихъ другихъ движеніяхъ, тѣмъ менѣе должны мы этому вѣрить, потому-что каждая черта этого разсказа есть гипотеза, а совокупность множества гипотезъ несравненно менѣе вѣроятна, чѣмъ каждая изъ нихъ взятая въ-отдѣльности. *Ни физика, ни химія не представляютъ ни одного, хотя сколько-нибудь твердаго, доказательства въ-пользу существованія атомовъ.* Атомистика противорѣчитъ опыту и свои неизмѣнныя частицы принуждена сдѣлать невидимыми, неосязаемыми, недостижимыми никакими способами. Атомистика не можетъ объяснить ни одного явленія, потому-что пустая игра атомовъ, простое ихъ передвиженіе не представляетъ никакой возможности вполнѣ исчерпать даже самое простое явленіе. Атомы суть созданія нашего воображенія, нашего мышленія, удаляющія насъ отъ прямаго факта, отъ очевиднаго явленія, останавливающія насъ тамъ, гдѣ именно мы хотѣли бы идти дальше. *Физики и химики-идеалисты*: атомы не изъ опыта, а изъ умозрѣнія, явились у первыхъ греческихъ философовъ, даже раньше, у финикіянъ и индусовъ. Основателемъ новой атомистики должно считать *Декарта*: онъ раздѣлилъ непроходимою бездною духъ и вещество и призналъ особое существованіе вещества. Полное и совершенное опроверженіе атомистики возможно только въ томъ случаѣ, если уничтожить бездну разстоянія между веществомъ и духомъ и слить міръ въ одно цѣлое, такъ, чтобы самостоятельность частей зависѣла отъ самостоятельности цѣлаго, а не на-оборотъ,—чтобы существенно существовали только атомы, чтобы только частное было самостоятельно, цѣлое же и общее чтобы было только случайною, преходящею и исчезающею совокупностью частей и качествъ. Чтобы видѣть, къ чему ведетъ подобный атомистическій взглядъ, стоитъ только вспомнить міросозерцаніе *Епикура и Лукреція*, у которыхъ онъ былъ раскрытъ совершенно послѣдовательно. Въ философіи, какъ и въ высшихъ сферахъ жизни, такой взглядъ односторонень, ничтоженъ, скользитъ только по поверхности вещей, ведетъ къ матеріализму, убійству духа, и фетишизму, убійству жизни.

Ясно, что *атомы не существуютъ*. Что же существуетъ? Вещество съ его превращеніями и законами,—вещество не атомистическое, твердое и неизмѣнное, но гибкое, живое, дѣйствительно сущее. «Тѣмъ, говоритъ *Гегель*, которые убѣждены въ истинѣ и достовѣрности реализма чувственныхъ предметовъ, можно сказать, что они должны пройти самую низшую школу мудрости, а именно древнія

Елевзинскія мистеріи цереры, должны сперва проникнуть въ таинство ѣды хлѣба и питья вина, потому-что тотъ, кто посвященъ въ эти тайны, не-только начинаетъ *сомнѣваться въ бытіи чувственныхъ вещей, но даже совершенно отчаявается въ этомъ бытіи*, и отчасти самъ производитъ ихъ *ничтожество*, отчасти видитъ, какъ они сами производятъ его. Впрочемъ, самыя животныя не лишены этой мудрости; оказывается даже, что они глубочайшимъ образомъ посвящены въ нее, потому-что они не останавливаются предъ бытіемъ чувственныхъ предметовъ, но, вполнѣ *сомнѣвансь въ ихъ реальности и въ полномъ убѣжденіи въ ихъ ничтожествѣ*, прямо хватаютъ ихъ и пожираютъ. Да и вся природа, подобно этимъ животнымъ, празднуетъ эти открытыя мистеріи, научающія насъ тому, *что есть истиннаго въ чувственныхъ вещахъ*». Дѣйствительно, что въ чувственныхъ вещахъ есть истиннаго и очевидно яснаго для всѣхъ и каждаго, *это безпрерывная измѣнчивость вещества, его сліянія и превращенія, его метаморфоза изъ мертвыхъ тѣлъ въ живыя растенія, изъ растеній въ одушевленныхъ животныхъ, метаморфоза хлѣба и вина въ человѣка и такъ далѣе, до-безконечности.*

Это, повторяемъ, не наше соображеніе, а выводы изъ статьи (г. *Страхова*), напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1860 годъ, Т. XXVII. И относительно этихъ выводовъ мы пока не произносимъ отъ себя ни да, ни нѣтъ. Обращаемъ же вниманіе только на то обстоятельство, что, по этимъ выводамъ, *атомистическая теорія признается несостоятельною и существованіе атомовъ невозможнымъ.*

Вотъ разсужденія, по тому же капитальному вопросу, одного *метафизика матеріалиста* [1]). Безконечная во времени, матерія не имѣетъ ни начала, ни конца и въ пространствѣ. Привитыя нашему понятію понятія о времени и пространствѣ не прививаются къ матеріи. Къ какому бы протяженію матеріи мы ни обратились, *къ самому ли меньшему, или самому большему, мы никогда не найдемъ конца или послѣдней матеріальной формы.* Какъ только изобрѣтеніе микроскопа открыло намъ неизвѣстныя прежде мѣры, показало глазу наблюдателя до того времени не предполагаемую тонкость формъ органическихъ элементовъ, то *начали питать смѣлую надежду прослѣдить органическую конечную форму и, можетъ быть, даже начало зарожденія.* Надежда эта пропала съ усовершенствованіемъ инструментовъ. Въ сотой долѣ капли воды микроскопъ показываетъ намъ цѣлый міръ мельчайшихъ животныхъ, часто въ рѣзко очерченныхъ формахъ, и эти животныя движутся, ѣдятъ; въ нихъ совершается пищевареніе; онѣ живутъ какъ и другія большія животныя, снабжены органами, которыхъ точное и отчетливое устройство превышаетъ наши догадки. Мельчайшія изъ нихъ, при самомъ сильномъ увеличеніи, видны только по своимъ наружнымъ очертаніямъ; ихъ внутренняя организація совершенно неизвѣстна, но еще менѣе извѣстна организація тѣхъ, которыя могутъ заявить свое существованіе еще въ меньшихъ формахъ. Кружалки, величиной около 10, или 20 части линіи, имѣютъ

---

[1]) *Бюхнера*, въ извѣстность его матеріалистическомъ катихизисѣ: *сила и матерія.*

глотку, зубчатыя жабры, желудокъ, кишечный каналъ, желѣзы, сосуды и нервы. И въ каплѣ воды такихъ существъ милліоны. Въ водѣ есть инфузоріи, которыя и вооруженному глазу кажутся едва замѣтною блестящею точкою; онѣ такъ малы, что ихъ можетъ умѣститься въ одной кубической линіи болѣе 4000 милліоновъ; тѣмъ не менѣе это животное должно имѣть орудія движенія, и образъ движенія его несомнѣнно доказываетъ, что оно имѣетъ ощущеніе и волю, для чего должны быть также органы, какъ посредники между ощущеніемъ и волею. Какъ эти органы устроены, какія матеріальныя начала лежатъ въ ихъ основаніяхъ, объ этомъ нашъ глазъ до сихъ поръ никакого понятія дать еще не можетъ. Въ Италіи иногда нападаетъ на виноградъ грибовидная болѣзнь, сѣмена которой такъ малы, что шарикъ человѣческой крови въ-сравненіи съ ними кажется подъ микроскопомъ громадою, а между-тѣмъ самый шарикъ такъ не великъ, что въ каплѣ крови заключается ихъ болѣе пяти милліоновъ. Въ каждомъ сѣменномъ зернѣ живетъ органическая сила размноженія, особенное расположеніе матеріальныхъ элементовъ, о которомъ мы не можемъ имѣть никакого понятія, потому-что это выходитъ за предѣлы силы нашего зрѣнія. Тѣмъ менѣе подлежатъ нашему ощущенію самые атомы. Атомомъ мы называемъ *малѣйшую матеріальную частицу, которой дальнѣйшую дѣлимость мы представить не можемъ*, и потому полагаемъ, что матерія состоитъ изъ такихъ атомовъ и что взаимнымъ притяженіемъ и отталкиваніемъ этихъ частицъ условливаются существованіе матеріи и ея свойства. *Но слово атомъ есть только выраженіе наши-же къ матеріи приспособленнаго представленія*, въ которомъ мы нуждаемся для извѣстныхъ внѣшнихъ цѣлей. *Настоящаго же понятія о веществѣ, которое мы называемъ атомомъ, у насъ нѣтъ*: мы не знаемъ ни величины его, ни формы, ни взаимнаго соединенія ихъ другъ съ другомъ. *Никто не видалъ атома.* И глубокомысленные философы отрицаютъ существованіе атомовъ, потому-что не допускаютъ, чтобы существовало какое-либо вещество, которое не могло бы дѣлиться. И такъ *ни наблюденія, ни разсужденія относительно матеріи не доводятъ насъ, въ безконечно маломъ, до конечной точки, на которой можно бы остановиться, да и надежды нѣтъ, чтобы когда-нибудь это осуществилось.* Самый сильный микроскопъ,—говоритъ *Валентинъ* (авторъ физіологіи),—никогда не откроетъ формы и положенія молекулярныхъ частицъ матеріи. Крупинка соли, которую мы едва ощущаемъ, содержитъ тысячи милліоновъ атомовъ, которые совершенно недоступны нашему глазу.—И такъ намъ не остается ничего болѣе, какъ только заключить, что *матерія*, а вмѣстѣ съ нею и міръ, безконечны въ безконечно маломъ.

Открывается опять, по взгляду и этого Философа — матеріалиста, что *атомовъ нѣтъ и быть не можетъ, что матерія въ маломъ безпредѣльна.*

Послушаемъ рѣчей на ту же тему геологіи, для чего возьмемъ результаты статьи: *молекулярныя явленія при образованіи горъ*, изъ исторіи земли *Фридриха Мора* (Москва 1868). «Молекулярными явленіями», читаемъ мы тамъ, «называютъ сумму фактовъ, относящихся къ взаимнодѣйствію малѣйшихъ частицъ тѣла». *Фридрихъ Моръ* или вовсе избѣгаетъ слова атомъ, или употребляетъ его

не въ первичномъ его метафизическомъ смыслѣ—частицы абсолютно недѣлимой, а только въ-смыслѣ малѣйшей частицы, хотя, безъ сомнѣнія, дѣлимой. *Значеніе слова молекула въ высшей степени неопредѣленно.* Лишь только мы оставляемъ микроскопъ, мы ничего уже не замѣчаемъ, *да и съ микроскопомъ мы до сихъ поръ ничего не открыли. Мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о величинѣ, ни о твердости этихъ молекулъ,* и стоимъ на той границѣ, гдѣ *Галлеръ* взываетъ: въ тайны природы умъ человѣческій не можетъ проникнуть. Къ молекулярнымъ явленіямъ относятся явленія сцѣпленія, при тѣсномъ сближеніи твердыхъ тѣлъ. *Настоящая причина сцѣпленія намъ неизвѣстна.* Извѣстнымъ тѣламъ присуще свойство принимать кристаллическую форму; всякій видъ подвижности частей, вслѣдствіе ли плавленія, или обращенія въ газообразное состояніе, или растворенія въ жидкостяхъ, способенъ вызвать кристаллизацію; но нѣкоторая подвижность частицъ, способная также вызвать кристаллизацію, существуетъ въ твердыхъ тѣлахъ и безъ перехода ихъ въ жидкое состояніе вслѣдствіе теплоты. *О процессѣ кристаллизаціи мы не имѣемъ опять никакого понятія; самые факты согласить между собою необыкновенно трудно.* Единственное, на этотъ счетъ, выраженное мнѣніе полагаетъ, что *малѣйшія частицы тѣла имѣютъ опредѣленную форму.* Такъ, когда мы видимъ, что поваренная соль, свинцовый блескъ и проч. кристаллизуются кубами и эти кубы легко колются на все меньшіе и меньшіе кубики, то приходимъ къ заключенію, что малѣйшія частицы этихъ тѣлъ, въ свою очередь, кубики, изъ правильнаго соединенія которыхъ происходятъ кубы большаго размѣра. Но въ приложеніи ко всѣмъ фактамъ это заключеніе не рѣдко бываетъ ошибочно: *невозможно составить себѣ никакого понятія, по какимъ побудительнымъ причинамъ природа приняла такой или иной счотъ молекулъ.* Если *кристаллографія* разсматриваетъ только внѣшнія формы кристалловъ, то она, какъ чисто математическая наука, имѣетъ свое основаніе и свои права; но, относительно строенія кристалловъ, она *ничему насъ не научила:* многочисленныя наблюденія кристаллизаціи подъ микроскопомъ не подвинули насъ ни на шагъ впередъ, а скорѣе только сбили съ настоящаго пути. *Понятіе о коренной формѣ молекулъ не можетъ быть согласовано съ диморфизмомъ, или триморфизмомъ,* такъ-какъ нѣкоторыя тѣла, при одинаковомъ составѣ, являются въ двухъ различныхъ формахъ, которыя не переходятъ одна въ другую, напр., гранатъ и одокразъ, известковый шпатъ и аррагонитъ, титановая кислота, сѣра и проч. *Изоморфія обманула надежды,* которыя подавала: замѣчено, что нѣкоторыя тѣла, сходныя по составу, кристаллизовались въ одну и ту же форму; найдено далѣе, что атомическіе объемы такихъ веществъ были равно велики; такія вещества признаны эквивалентными. Ожидалось, что эти тѣла всегда могутъ замѣщать другъ друга въ соединеніяхъ, безъ измѣненія формы; но оказалось, что въ-отношеніи къ однимъ изоморфнымъ тѣламъ это справедливо, а въ-отношеніи къ другимъ нѣтъ. Многія заключенія, выведенныя такимъ путемъ, оказались ложными: отсюда слѣдуетъ, что воззрѣніе на изоморфизмъ, основанное на одинаковомъ видѣ и на одинаковомъ объемѣ элементовъ и соединеній, *въ самомъ существѣ своемъ ложно, и что здѣсь, вѣроятно, существуетъ другая, до сихъ поръ еще неоткрытая, причина, почему природа можетъ обходиться столь бѣднымъ числомъ формъ для такого громаднаго количества соединеній.*

*

Краткій итогъ всего этого тотъ, что *объ атомѣ, какъ абсолютно недѣлимой частицѣ, и толковать нечего,* — *что мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о твердости, ни о величинѣ молекулъ,* — *факты сцѣпленія и кристаллизаціи согласить между собою чрезвычайно трудно,*—*понятіе о коренной формѣ молекулъ не можетъ быть согласовано съ фактами: оно ложно въ самомъ существѣ своемъ,* иначе сказать, что придуманные древними философами *атомы не устояли предъ фактами, разъясненными новѣйшимъ естествовѣдѣніемъ.*

Послушаемъ рѣчей на ту же тему современной *химіи.* Раскрываемъ (впрочемъ, совершенно случайно) нашъ ученый журналъ (Кіевскія университетскія извѣстія, 1871 года, апрѣль) и въ немъ новѣйшаго издѣлія статью по части химіи (*Бизарови*): *о строеніи нѣкоторыхъ азотистыхъ соединеній.* Здѣсь нашъ глазъ падаетъ какъ-разъ на слова: «*атомистическая гипотеза не доказана; понятіе объ атомности шатко.*

Что касается до атомистической гипотезы, то вопросъ заключается въ томъ, представляютъ ли атомы кислорода, водорода и другихъ тѣлъ, называемыхъ нами элементами, *частицы абсолютно недѣлимыя.* Элементы отличаются отъ сложныхъ тѣлъ только тѣмъ, что намъ еще до сихъ поръ не удалось разложить ихъ на болѣе простые элементы. Нѣкоторыя тѣла, считавшіяся простыми, были впослѣдствіи разложены. Существуютъ указанія на то, что нѣкоторые элементы, по всей вѣроятности, суть не простыя тѣла. Съ большою вѣроятностію можно предсказать, что со временемъ всѣ наши элементы будутъ разложены и мы, *вмѣсто 65 различныхъ матерій, будемъ признавать только одну матерію,* подобно тому, какъ *физики уже теперь начинаютъ сводить всѣ явленія къ одной общей причинѣ, считая ихъ проявленіемъ одной силы движенія.* Что же касается до *атомности,* то понятіе объ этомъ довольно шатко и неопредѣленно, чему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что *химики на-счетъ этого держатся весьма различнаго мнѣнія.* Одни полагаютъ, что каждому элементу соотвѣтствуетъ только одна степень соединенія съ другими элементами, и всѣ соединенія, противорѣчащія такой неизмѣнной атомности, причисляютъ или къ разряду такъ-называемыхъ молекулярныхъ соединеній, или къ ненасыщеннымъ, принимая въ нихъ свободныя единицы сродства. Другіе полагаютъ, что *атомность можетъ мѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ,* что углеродъ можетъ быть то двухъ, то четырехъ-атомнымъ,—азотъ то трехъ, то пяти-атомнымъ. Но *ни то, ни другое представленіе объ атомности не можетъ объяснить намъ строеніе всѣхъ химическихъ соединеній* уже по тому, что ни одно изъ нихъ непримѣнимо къ такъ-называемымъ молекулярнымъ соединеніямъ. Лучше всего строже придерживаться фактовъ и понятіе объ атомности, напр., углерода, или азота выражать такимъ образомъ: углеродъ обыкновенно дѣйствуетъ четырьмя единицами сродства, рѣдко двумя; азотъ обыкновенно тремя, но часто и пятью. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ

фактовъ, которые бы заставляли насъ принять какое-либо различіе между отдѣльными единицами сродства какого-нибудь элемента. Напротивъ, нѣкоторые опыты, произведенные для рѣшенія этого вопроса, убѣждаютъ насъ въ совершенномъ тожествѣ ихъ. Но, въ этомъ отношеніи, еще далеко не всѣ элементы изслѣдованы съ достаточною тщательностію. На-основаніи предположенія о сложности элементовъ, можно заключить, что *различіе единицъ сродства не только возможно, но и вѣроятно.* Дѣйствительно, существуютъ нѣкоторыя указанія на это, примѣромъ чему можетъ служить азотъ, одна изъ пяти единицъ сродства котораго, повидимому, представляетъ нѣкоторыя отличія отъ остальныхъ четырехъ.

Не вникая въ химическія тонкости, мы получаемъ изъ вышеприведеннаго ученаго отрывка слѣдующіе, ходячіе въ современной химіи, выводы, что *атомистическая гипотеза не доказана, — понятіе объ атомности шатко,—самые элементы, вѣроятно, будутъ разложены, вмѣсто 65 элементовъ мы, вѣроятно, получимъ одну матерію, всѣ проявленія которой происходятъ отъ одной силы движенія, — вѣроятно, что атомность, самое коренное свойство сродства атомовъ извѣстнаго элемента съ атомами другихъ элементовъ, можетъ мѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, т. е. свойства атомовъ не абсолютно неизмѣнны,—вѣроятно даже, что есть разница свойствъ между атомами одного и того же элемента, напр., азота.*

ГЛАВА XII.

Ужели, наконецъ, эмпирическая истина то, что *атомы не существуютъ*? — Всматриваемся пристально въ химію (*Менделѣева* 1869—1871 г. С.П.б.). Въ этомъ сочиненіи мы читаемъ, что «одно собраніе химическихъ фактовъ, даже очень обширное, одно накопленіе ихъ не даетъ еще обладанія наукою, не даетъ ни ручательства за дальнѣйшіе успѣхи химіи, ни даже права на имя науки», — что «въ лабиринтѣ фактовъ, безъ плана, безъ общаго міросозерцанія на предметъ химіи, легко заблудиться»,—что «природа элементовъ намъ еще вовсе неизвѣстна» и что вообще «построенія теоріи химіи нужно ждать еще отъ будущаго; нынѣ же кругозоръ химиковъ ограничивается только понятіемъ объ элементахъ, какъ о послѣднихъ граняхъ научнаго анализа».

Конечно, если самому химику, хозяину своего предмета, въ настоящее время, трудно установить общее міросозерцаніе на изслѣду-

емый въ химіи предметъ, въ самомъ основаніи котораго скрываются вопросы о природѣ вещества, объ атомахъ, объ атомности, — если достигнутые до сихъ поръ наукою выводы эмпирическаго рѣшенія этихъ вопросовъ исполнены пока неразрѣшимыхъ противорѣчій, — то тѣмъ труднѣе установить общее эмпирикохимическое воззрѣніе на этотъ предметъ намъ, какъ не спеціалистамъ дѣла. Тѣмъ не менѣе, для уясненія предмета, попытаемся представить выводы эмпирической химіи (взятые нами изъ вышеуказанной химіи Менделѣева), относительно занимающаго насъ вопроса объ атомахъ, въ возможно краткой логической связи.— Вотъ эти выводы:

1) Всѣ тѣла раздѣляются на простыя и сложныя. Ва настоящее время, простыхъ тѣлъ считается 63 — 70. Возможно, что тѣла, считаемыя нынѣ за простыя, современемъ будутъ разложены. Разнородности простыхъ тѣлъ нѣтъ возможности подтвердить, по недостатку данныхъ.—2) Ни одного чистаго элементарнаго тѣла въ опытѣ получить нельзя: чистое элементарное тѣло есть не болѣе, какъ отвлеченное понятіе. Такъ, напр., углеродъ является въ формѣ угля, алмаза, графита и т. д., но никогда не получается въ чистомъ видѣ простаго элемента; такъ и кислородъ, какъ кислородный газъ и какъ озонъ, есть тѣло, а кислородъ—элементъ, подобно углероду, есть скорѣе отвлеченное понятіе о веществѣ. Въ опытѣ мы получаемъ только измѣненія элементарныхъ тѣлъ. 3) Природа тѣла, даже простаго, видоизмѣняется безъ измѣненія его состава, и это химическое превращеніе называется *изомеріею*, какъ, напр., въ озонѣ и кислородѣ, или въ углѣ, алмазѣ и графитѣ. При этомъ одно и тоже элементарное тѣло претерпѣваетъ измѣненіе въ цвѣтѣ, въ полярности (въ-отношеніи къ дѣйствію электричества), въ степеняхъ температуры, переходитъ въ состоянія газообразныя, жидкія и твердыя, твердыя,—то мягкія—тягучія, то крѣпкія,—пріобрѣтаетъ то кристаллическую форму, то аморфный видъ,—въ кристаллической формѣ является тѣломъ диморфнымъ и даже триморфнымъ, вообще претерпѣваетъ измѣненія не только въ физическихъ, но и въ химическихъ свойствахъ.—4) Такія измѣненія въ элементахъ происходятъ отъ степени нагрѣванія, отъ вліянія гальванизма—электричества и отъ дѣйствія свѣта. Всѣ явленія суть разныя формы движенія: нагрѣваніе есть извѣстная напряженность колебанія частей тѣла; явленія свѣта и тепла суть движеніе частицъ; вліяніе электричества—гальванизма есть особый видъ частичнаго движенія; теплотное состояніе матеріи—опредѣленное состояніе движенія; *теплородъ не матерія, а явленіе,—не вѣсомое начало, а различное напряженіе и различное время колебаній частицъ матеріи*; перемѣна температуры мѣняетъ частичное устройство, физическое строеніе, состоящее то *въ различномъ распредѣленіи молекулъ, то въ распредѣленіи атомовъ въ молекулѣ.* — 5) Химія заставляетъ допустить непремѣнное существованіе атомныхъ группъ, имѣющихъ извѣстную степень постоянства: такія группы атомовъ, недѣлимыя механически и раздѣляющіяся только при химическихъ процессахъ, называются частицами, *молекулами.* Понятіе сложности, дѣлимости, измѣняемости входятъ въ самое понятіе молекулы. Но подтверждается ли эмпирическими

наблюденіями несложность, недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ *атомовъ*, которые такими должны бы быть по отвлеченному понятію объ атомахъ? — 6) Нѣтъ. Емпирическія наблюденія показываютъ, напротивъ, что хотя вещество атомовъ простыхъ тѣлъ и одинаково, но атомы могутъ быть и не одинаковы, какъ, напр., въ озонѣ, въ которомъ только одинъ изъ трехъ атомовъ кислорода дѣйствуетъ окислительно, и въ азотной кислотѣ три атома кислорода едвали одинаковы между собою, и два атома въ частицѣ водорода едвали обладаютъ одинаковыми свойствами. Молекулы измѣняются, когда атомы внутри молекулы принимаютъ иное положеніе, или иную форму движенія (что называется *метамерностію*),—или когда число атомовъ, образующихъ молекулу, перемѣняется, (*полимерность*),—или котда атомы распредѣляются въ новыя молекулы, не тожественныя съ прежними (*химическія превращенія: соединенія, распаденія, двойное разложеніе*). Тѣмъ не менѣе, всѣ эти гипотезы не исчерпываютъ и не объясняютъ всѣхъ родовъ частичныхъ измѣненій, вынуждая предполагать, что «атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя нѣкоторымъ сложеніемъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),—что называемое нами недѣлимымъ, (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами, какъ молекулы недѣлимы, въ обычныхъ условіяхъ, физическими силами. Къ такому предположенію невольно склоняется умъ, т. е. измѣнчивость и дѣлимость не только молекулъ, но и атомовъ невольно навязывается на признаніе, вынуждая въ основѣ самыхъ атомовъ искать еще какихъ-то «ультиматовъ». — 7) Когда молекулы однородны, получается простое тѣло, а когда разнородны — сложное. Элементарныя тѣла соединяются между собою по *Дальтонову закону кратныхъ отношеній*, по которому 1 атомъ вещества можетъ соединяться только цѣлымъ своимъ составомъ съ 1, 2, 3-мя атомами другаго тѣла, но не съ $^1/_3$, въ другой разъ съ $^1/_5$, въ третій съ $^1/_8$ и т. д.; вытѣсненіе же одного элемента другимъ слѣдуетъ *закону эквивалентовъ*, по которому 1, или нѣсколько атомовъ даннаго тѣла становятся на мѣсто 1, или нѣсколькихъ атомовъ другаго элемента. — 8) Каждому элементу свойственъ свой предѣлъ атомности. Такъ углеродъ, котораго 1 атомъ соединяется съ 4 атомами водорода, называется *4-хъ атомнымъ элементомъ*; кислородъ, соединяющійся съ 2 атомами водорода, есть элементъ *2-хъ—атомный*; хлоръ, соединяющійся съ 1 атомомъ водорода (1 на 1), есть элементъ *1—атомный*; азотъ есть элементъ *3-хъ* и *5-ти атомный*, самый водородъ считается элементомъ *1—атомнымъ*.—Такой послѣдовательности *въ атомности* аналогична послѣдовательность и *въ атомномъ вѣсѣ*: водородный атомъ принимаютъ вѣсящимъ 1, а водороднаго газа частица содержитъ 2 атома водорода; кислородъ, элементъ, представляетъ атомный вѣсъ 16, кислороднаго газа частица вѣситъ 32, а частица озона вѣситъ 48; вѣсъ атома углерода принимается за 12, а вѣсъ частицы угля долженъ быть весьма великъ.— 9) Въ элементахъ, сходственныхъ между собою по своему химическому характеру, эквивалентность слѣдуетъ *закону кратныхъ отношеній или атомности*; сходственныя соединенія отличаются между собою физическими свойствами въ томъже самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ отличаются и *атомнымъ вѣсомъ*. — Но 10) вообще установлять атомность элемента, т. е. опредѣлять количество сродствъ, которыми онъ обладаетъ, и тѣмъ предугадывать его опредѣленныя аналогіи, не только невозможно, но, вѣроятно, и совершенно ошибочно. Кромѣ опредѣленныхъ

химическихъ соединеній, существуетъ рядъ другихъ химическихъ явленій, именно *соединенія тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ*. Если въ одномъ ряду химическихъ явленій (по закону *Дальтона*) нельзя прибавлять одной изъ составныхъ частей въ любомъ количествѣ, то въ другомъ ряду—можно (вопреки закону *Дальтона*) прибавлять одного изъ составныхъ веществъ по-немногу, по произволу. Вслѣдствіе этого, дѣленію тѣлъ по атомности не придаютъ большаго значенія; представленіе объ атомности не во всѣхъ своихъ выводахъ достовѣрно: 1 и 2-хъ хлористый водородъ есть вещество уже замкнутое, *насыщенное*, однакожъ, между образующими его элементами можно втиснуть еще значительное количество кислорода; марганецъ есть элементъ не только 1 или 2-хъ атомный, но и 3, 4 и 6-й атомный; мѣдь элементъ 1 и 2-хъ атомный; хромъ 2, 3, 4, 5 и 6-ти атомный; сѣра 2 и 6-ти атомна. Наблюденія заставляютъ отрицать и неизмѣнную полярность элементовъ и постоянную атомность. Даже для углерода постоянную атомность (C=4) принять нельзя (въ CO углеродъ 2—атоменъ); можно допустить, что сѣра имѣетъ шесть сродствъ неодинаковыхъ между собою. Соединенія ванадія представляютъ разительный примѣръ *измѣненія атомности*. Въ соединеніяхъ платины несомнѣнно *правильное и постоянное измѣненіе въ величинѣ атомнаго вѣса*, которое влечетъ за собою правильное и постоянное измѣненіе какъ въ качественной, такъ и въ количественной способности элементовъ къ соединеніямъ, и притомъ здѣсь есть *періодическая повторяемость и качественныхъ, и количественныхъ признаковъ, согласная съ постояннымъ возрастаніемъ атомнаго вѣса*. Это есть выводъ всѣхъ сличеній, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи, открывающій новую точку зрѣнія на элементы. Этотъ-то по-преимуществу выводъ, при знакомствѣ съ химіею, «невольно склоняетъ умъ къ предположенію, что *атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя сложеніемъ нѣкоторыхъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),—что называемое нами недѣлимымъ (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами*, какъ молекулы недѣлимы въ обычныхъ условіяхъ химическими силами. Выставленная здѣсь періодическая зависимость между свойствами и вѣсомъ потверждаетъ эту гипотезу. Эта періодичность есть пока самое таинственное явленіе: кажется, что *объясненіе здѣсь возможно только въ-смыслѣ динамическаго представленія*. По духу ученія объ атомности элементовъ, нужно предполагать, что въ водѣ и другихъ *насыщенныхъ тѣлахъ* есть еще сродства, которыя надо предполагать связанными въ соединяющихся частицахъ. Но допустить, что есть *свободныя сродства* въ водѣ и въ другихъ насыщенныхъ соединеніяхъ, значитъ разрушить всѣ представленія объ атомности. Если же сдѣлать это, то гдѣ, спрашивается, тогда остановиться въ установленіи безграничнаго числа сродствъ? И если оно въ самомъ дѣлѣ безгранично, то какое право имѣемъ мы устанавливать опредѣленныя сродства въ тѣхъ, или другихъ случаяхъ? Вообще если допустить измѣнчивую атомность, то нѣтъ границы для этой измѣнчивости. Тогда основныя понятія о томъ, что соединенія совершаются посредствомъ насыщенія сродствъ соединяющихся между собою атомовъ, совершенно рушатся и отъ ученія объ атомности элементовъ не останется ничего. И дѣйствительно, ученіе объ атомности рѣзко вредитъ въ пониманіи неразрывной связи между соединеніями, изъ которыхъ однѣ считаются за атомныя, а другія за молекулярныя. Искуственно полагаемыя между молеку-

лярными и атомными соединеніями границы положительно вредятъ правильному ходу науки. — Отвергая справедливость того, что въ елементахъ замѣчается ограниченное и опредѣленное число сродствъ, какъ полагаютъ послѣдователи ученія объ атомности, мы утверждаемъ,—гласитъ наша химія,—«что есть цѣлыя группы тѣлъ одного и того же простаго тѣла, которыя заставляютъ признавать въ элементахъ большее число сродствъ, чѣмъ общепринято». Даже иногда нужно бываетъ «согласиться, что *число сродствъ элемента можетъ сильно мѣняться. Измѣнчивость же числа сродствъ показываетъ, что это число не составляетъ коренного свойства атомовъ.* Образованіе» нѣкоторыхъ «тѣлъ заставляетъ или въ H (водородѣ) предположить болѣе одного сродства (это тѣло избирается для сравненія и есть условная единица), или въ O (кислородѣ) принять болѣе общепринятыхъ 2-хъ сродствъ (а тогда даже вода не есть тѣло предѣльное,—значитъ, гдѣ же искать и найти предѣлъ?), или-же допустить, что въ *соединеніи могутъ развиваться сродства помимо тѣхъ, которыя принадлежатъ образующимъ его элементамъ. Всѣ эти и еще нѣкоторыя подобныя допущенія рушатъ все строеніе, основанное на допущеніи атомности элементовъ. Это безъисходной кругъ...* 10) Отсюда слѣдуетъ, что хотя атомность атомовъ вообще принято предполагать неизмѣнною, такъ-какъ предполагается, что въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, должно допускать только прочныя постоянныя свойства,—однако же *химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ-частицъ, но и атомовъ, и химическія наблюденія до сихъ поръ не открыли въ нихъ ни одного коренного неизмѣннаго свойства.* — 11) Эмпирическое наблюденіе надъ химическими процессами ведетъ даже къ признанію того, что химическія явленія сопровождаются полнымъ измѣненіемъ природы тѣлъ, такъ-что трудно рѣшить, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны? Существуетъ ли вѣчное безконечное превращеніе одной матеріи во всѣ другія, или кругъ этихъ превращеній ограниченъ? На-основаніи нѣкоторыхъ соображеній можно допустить возможность подобнаго превращенія,—и химія стремится къ постиженію того однообразія, которое кроется во множествѣ сложныхъ тѣлъ. Химикъ видитъ на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по закону вѣчности силъ и матеріи. Во всѣхъ случаяхъ химическаго соединенія, составныя части (наприм., въ водѣ) никогда не входятъ со всѣми своими свойствами; напротивъ, составная часть теряетъ часть своего существованія, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была. Такъ, наприм., чистый водородъ ни подъ какимъ давленіемъ не превращается въ жидкость, между-тѣмъ чрезъ соединеніе съ другимъ газомъ,—кислородомъ, образуетъ воду, а что еще страннѣе, самъ по себѣ есть металлъ. Такъ, въ изомерныхъ тѣлахъ природа тѣла, даже простаго, видоизмѣняется безъ измѣненія его состава; причина изомеріи лежитъ глубоко въ сущности природы вещества и ея изслѣдованіе приводитъ къ множеству результатовъ огромнаго теоретическаго значенія. Быть можетъ, *простыя тѣла суть только изомерныя видоизмѣненія другъ друга*; можно представить себѣ, что изомерныя тѣла отличаются другъ отъ друга только кратностію паевъ (что, наприм., H = 1, а O = 8). Такъ озонъ болѣе сгущенъ, чѣмъ кислородъ, а именно 3 объема кислорода сгущенные даютъ два объема озона. Всѣ тѣла представляютъ нѣсколько аналогич-

ныхъ группъ, между которыми мы видимъ большое сходство. — Такъ А) Озонъ показываетъ великое сходство съ цѣлымъ рядомъ другихъ окисляющихъ веществъ. Б) Съ перекисью водорода есть много аналогичныхъ веществъ, точно также какъ и водѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ металлическихъ соединеній. В) Есть тѣла совершенно различныя по свойствамъ, при одномъ и томъ же составѣ, и, обратно, совершенно сходныя по свойствамъ, при различномъ составѣ, при чемъ характеръ вещества измѣняется по степени сжатія, отъ количества тепла, отъ дѣйствія электричества, отъ вліянія свѣта, котораго дѣйствія особенно благопріятствуютъ такъ-называемой *металепсіи*, замѣщенію одного тѣла другимъ, каково замѣщеніе водорода хлоромъ, который и соединяется съ водородомъ, и замѣщаетъ его. — Г) Натрій, представитель цѣлаго ряда простыхъ тѣлъ, значительно распространенъ во вселенной, какъ и водородъ. — Д) Мѣдь, въ своихъ соединеніяхъ, представляетъ поразительное сходство съ серебромъ. — Е) Отъ желѣза и мѣди представляютъ переходъ кобальтъ и никкель. — Ж) Какъ натрій есть представитель особаго самобытнаго ряда простыхъ тѣлъ, такъ и желѣзо. З) Сѣра предсгавляетъ качественное и количественное сходство съ кислородомъ и съ разнообразными другими элементами; — И) Силицій или кремній весьма близко стоитъ къ углероду;—составъ кремнезема едва ли не полимерная форма углекислаго газа и т. п. 12) На-основаніи цѣлаго ряда подобныхъ аналоговъ и превращеній, развилась *знаменитая гипотеза Прута*, по которой всѣ элементы, при всемъ своемъ матеріальномъ различіи, образованы одною матеріею, различнымъ образомъ сгущенною, или сгруппированною *въ постоянныя, не разрушающіяся въ нашихъ условіяхъ группы, которыя мы называемъ атомами простыхъ тѣлъ*; существуетъ какая-то матерія, изъ которой составлены и водородъ, и всѣ другія простыя тѣла, всѣ простыя тѣла сложны,—гипотеза, которую однакоже нельзя пока ни отрицать, ни подтвердить, по недостатку данныхъ, хотя и обратное заключеніе, о коренной разнородности и неизмѣнности простыхъ тѣлъ, нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить.

Вообще же атомное ученіе, по взляду разсматриваемой нами химіи, нужно принимать только какъ пріемъ, подобный тому, какой употребляетъ математикъ, когда сплошную кривую, или круговую линію разбиваетъ на множество прямыхъ.

Присоединимъ къ этому разсужденіе *Медика-Біолога, знаменитаго Вирхова, объ атомахъ и недѣлимыхъ.*—«Слова *атомъ* и *индивидуумъ* значатъ одно и тоже, но имѣютъ совершенно различный смыслъ. Греческое слово *атомъ* означаетъ вещь, которую нельзя уже болѣе разрѣзать, которую ни рука, ни умъ не могутъ подвергать дальнѣйшему анатомическому разложенію. Латинское слово —*индивидуумъ*, въ буквальномъ смыслѣ, означаетъ то, что не можетъ быть раздѣлено. Слово *индивидуумъ* на греческій языкъ можно перевести только словомъ—*атомъ* въ значеніи *индивидуума*. Оба слова означаютъ: *недѣлимое, единое, единицу*. Съ древнѣйшихъ временъ греческой философіи, слово —*атомъ* означаетъ малѣйшую послѣднюю единицу матеріи, *которая, на самомъ дѣлѣ, никогда не можетъ быть получена, потому-что эти единицы находились бы за предѣлами чувственнаго воспріятія.* Но атомы не составляютъ послѣднихъ частей тѣла; — они суть по-

слѣднія части элементовъ, составляющихъ тѣла. Единица есть *монада*; но много нужно къ этому выраженію прибавить, чтобъ обозначить ту особую монаду, которую называютъ—*атомъ*. Новѣйшая наука приписала монадамъ новыя особенности, и философскія *монады Лейбница* далеки отъ *тѣлесныхъ монадъ Эренберга*. Между-тѣмъ-какъ монады философовъ примыкаютъ къ *идеальнымъ атомамъ* химиковъ и физиковъ, монады естествоиспытателей примыкаютъ къ индивидууму. Что такое *индивидуумъ?* Индивидуумы не суть послѣднія, не разлагаемыя части, находящіяся внѣ области чувственнаго воспріятія, напротивъ, они могутъ считаться составленными изъ многочисленныхъ атомовъ; индивидуумы—не единицы дѣленія, но не дѣлимыя единицы; индивидуумъ, недѣлимое, есть единица, которую *не должно* дѣлить, тогда-какъ атомъ *невозможно* дѣлить. Недѣлимое есть единое цѣлое, въ которомъ всѣ части дѣйствуютъ съобща, для одной цѣли, по опредѣленному плану,—нѣчто измѣнчивое, временное, тогда-какъ атомъ—неизмѣнное, постоянное; *недѣлимое* составляетъ само для себя цѣль и мѣру *и составляетъ единицу дѣйствительную, въ-противоположность атому, единицѣ только мысленной*. Понятіе объ атомѣ, какъ о послѣдней *мысленной* части, прочно и неизмѣнно; *но за-то* оно *не выведено изъ непосредственнаго опыта*, какъ понятіе о недѣлимомъ, сдѣлавшееся, съ расширеніемъ опыта, слишкомъ шаткимъ и обширнымъ.

Отсюда слѣдуетъ, что *атомъ есть понятіе идеальное, не выведенное изъ опыта,—единица, которая, на самомъ дѣлѣ, никогда не можетъ быть получена по тому, что находится за предѣлами чувственнаго воспріятія,—единица только мысленная, въ-противоположность индивидууму, единицѣ дѣйствительной.*

ГЛАВА XIII.

Перейдемъ далѣе къ *метафизику—атомисту Ульрици* [1]) и постараемся вникнуть, какъ онъ смотритъ на разсматриваемый нами предметъ бытія и небытія атомовъ. — Этотъ замѣчательный новѣйшій мыслитель Германіи допускаетъ реальное бытіе атомовъ;—но въ какомъ смыслѣ?

1) Всеобщій субстратъ явленій природы—всего подлежащаго чувствамъ, и прежде всѣхъ—чувству осязанія, матерія дѣлится механически на части, а химически на молекулы и атомы.—2) На дробныя части дѣлится матерія не только вѣсомая, но и невѣсомая, эѳиръ.—3) Ни о формѣ атомовъ, ни о разстояніи между ними ни физика, ни химія не знаютъ ничего, такъ-какъ молекулы существуютъ въ свободномъ состояніи и при химическихъ превращеніяхъ измѣняются, атомовъ же въ изолированномъ состояніи не можетъ быть; они могутъ существовать только въ соединеніи, не менѣе какъ попарно.—4) Такимъ образомъ *субстратъ суб-*

---

[1]) Его сочиненія: 1., Богъ и природа и 2., Тѣло и душа. Оба эти сочиненія есть въ русскомъ переводѣ.

страта вещей, матеріи, истинно-сущее, въ физическомъ смыслѣ, *атомы недоступны для воспріятія*; такимъ образомъ осязаемое въ природѣ состоитъ изъ неосязаемаго, или лучше, само въ себѣ есть нѣчто неосязаемое,—воспринимаемое есть нѣчто невоспринимаемое, являющееся—нѣчто не являющееся, дѣлимое—нѣчто недѣлимое, *чувственное—существенно нечувственное или сверх-чувственное*: понятія—матерія и атомъ—совершенно противоположны: одно есть отрицаніе другаго. — 5) Какъ же связываются противоположности атома и матеріи? — *Матерія сама проявляется только какъ сила или обнаруженіе силы.* Всѣ извѣстныя опредѣленія матеріи, что она есть «абсолютно самое общее, бытіе или сущее, условіе всякой силы и дѣятельности, нѣчто покоющееся, причина силы, сопротивленіе инерціи, нѣчто непроницаемое, наполняющее пространство, сѣдалище силы, то на чемъ сила держится, откуда исходитъ дѣятельность», — суть тавтологія, отожествленіе силы и матеріи, потому-что вещество въ себѣ, особенно внѣ силы, мы не можемъ ни мыслить, ни наглядно видѣть, а то, что мы знаемъ о различныхъ веществахъ посредствомъ опыта, то повсемѣстно является только какъ *разность присущихъ имъ силъ, дѣятельностей, движеній, процессовъ.* — 6) Такимъ образомъ матерія не отлична отъ силы, а есть только обнаруженіе одной силы, центральной и сопротивленія, которая дѣйствуетъ не какъ безразличное общее, но во многихъ центрахъ, въ которыхъ много-различныя силы одною силою удерживаются вмѣстѣ и поддерживаются въ своемъ бытіи. — 7) Существуетъ ли атомъ, безусловно недѣлимая, непроницаемая и неизмѣнная реальность? Имѣютъ ли атомы какую-либо величину и протяженность, или тожественны съ математическою точкою? Если атомъ—величина, то можетъ быть дѣлимъ до безконечности; если же—математическая точка, то изъ атомовъ не могла бы образоваться протяженная масса. 8) Думать ли, что атомы суть простыя бытія, занимающія мѣсто, но не имѣющія протяженія, изъ которыхъ, вслѣдствіе разстоянія между ними, образуются системы, имѣющія протяженіе? Но непротяженное, нуль протяженности, помѣщаемое въ протяженность, есть противорѣчіе; незамѣтные, какъ непротяженныя точки, атомы не могутъ быть замѣтными и съ разстояніями своими, пустымъ пространствомъ.—9) Или полагать, что атомы, простыя бытія, наполняютъ пространство и время, абсолютную пустоту, не сами собою, *но движеніемъ своимъ*? Но миріады непротяженныхъ точекъ не могутъ наполнить пространство, какъ и одна точка;—способныя слиться въ одну точку, онѣ неспособны оказать сопротивленіе ни сами по себѣ, ни чрезъ свое соединеніе. Въ подобныхъ рѣшеніяхъ, заключающихъ неизбѣжное логическое противорѣчіе, заключается и смѣшеніе понятій.—10) Не будетъ никакого противорѣчія въ допущеніи существованія предметовъ, которые, хотя какъ простыя количества и дѣлимы до безконечности, но качественность которыхъ дѣлаетъ невозможною эту, только повидимому возможную. дѣлимость, или ограничиваетъ ее такимъ образомъ, что она, на извѣстномъ пунктѣ, становится дѣйствительною недѣлимостью; можно представить атомы такъ: что онѣ, какъ простыя количества, должны бы считаться дѣлимыми, но какъ они составляютъ не количества только, а единицы извѣстнаго качества, то на самомъ дѣлѣ недѣлимы,—тѣмъ болѣе, что 11) предполагаемая дѣлимость до безконечности даже сама вызываетъ необходимость того, чтобы, если уже существуетъ протяженное, было принято и продолженіе существованія его до безконечности, т.

е. всегда вслѣдствіе безконечной дѣлимости могутъ произойти только безконечно малыя частицы, протяженное безконечно-малой протяженности, но никогда не могутъ уничтожиться всякія части, всякая протяженность. — 12) Каждый атомъ проявляется какъ точка соединенія многихъ силъ, какъ центръ, окруженный перифеpіею дѣйствій, отличаясь отъ всѣхъ этихъ силъ, какъ *сила ихъ связующая и удерживающая*, которую можно назвать *субстанціею атома*, которая, дѣйствуя только внутри, является во-внѣ *покоемъ*, *косностію*, *неподвижностію* и, въ тоже время, *сопротивленіемъ и отталкиваніемъ* въ-отношеніи къ другимъ подобнымъ центрамъ (атомамъ), соединяющимъ въ себѣ иныя силы и инымъ образомъ, отъ чего всѣ атомы и являются *опредѣленными и различными веществами*.—Но 13) никакъ нельзя принять за аксіому, что атомы совершен о неизмѣнны; измѣненіе формы въ нихъ (открывающееся изъ нѣкоторыхъ опытовъ) есть измѣненіе и силы; атомы не могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе, ни претерпѣвать какое-либо вліяніе, такъ, чтобы не измѣниться въ немъ и съ нимъ, по крайней мѣрѣ временно, какъ, напримѣръ, въ кислородѣ и водородѣ, соединяющихся въ воду, особенно же въ органическихъ соединеніяхъ, въ которыхъ химическая сила переходитъ въ жизненную.

Выслушаемъ мнѣнія біолога нозитивиста *Герберта Спенсера* по тому же вопросу:—*Существуютъ ли атомы?* — 1) По природѣ своей матерія абсолютно непонятна; реально понять безконечную дѣлимость матеріи значило бы умственно прослѣдить дѣленіе до безконечности, а для этого потребовалось бы безконечное время; съ другой стороны, немыслимо и существованіе атомовъ по тому, что каждая изъ такихъ недѣлимыхъ частей должна бы имѣть верхнюю и нижнюю поверхность, правую и лѣвую стороны, и могла бы разсѣкаться плоскостію дѣленія.—Абсолютно-твердая матерія была бы не сжимаема; а такъ-какъ она сжимаема, то, по теоріи *Ньютона*, она состоитъ изъ атомовъ не соприкасающихся, окруженныхъ атмосферою силъ. Но при этомъ остается вопросъ: каковъ составъ этихъ единицъ? Если смотрѣть на нихъ чрезъ умственный микроскопъ, то каждый атомъ явится массою, субстанціею, способною къ дальнѣйшему дѣленію. По теоріи *Босковича*, составныя части матеріи суть центры силъ, точки безъ протяженія; но предположить центральныя силы пребывающими въ точкахъ не безконечно малыхъ, хотя и не занимающихъ пространства, имѣющихъ только положеніе и не различающихся отъ точекъ, которыя не суть центры силъ, — предположить это выше человѣческихъ силъ. По гипотезѣ *Ньютона*, атомы дѣйствуютъ другъ на друга чрезъ пространство абсолютно пустое, почему и вводятся между атомами гипотетическая жидкость эѳира; но и эѳиръ должно представлять не иначе, какъ состоящимъ изъ атомовъ, между которыми должны быть тѣ же непроходимые промежутки пустоты, при чемъ сила должна дѣйствовять чрезъ пространство абсолютно пустое,—что немыслимо. Если атомы, согласно теоріи *Босковича*, суть центры силъ, измѣняющихся по квадратамъ разстоянія,—то, находясь въ равновѣсіи, атомы должны бы всегда оставаться на ихъ настоящихъ разстояніяхъ; матерія не могла бы ни расширяться, ни сжиматься, ни оказывать сопротивленіе,—что опять нелѣпо.—2) Чтоже, послѣ этого, лежитъ въ основѣ бытія, что существуетъ?—Что значитъ слово *реально*? *Подъ реальностію мы разумѣемъ устойчивость сознанія*: въ-случаѣ сомнѣнія о дѣйствительности, или обманчивости того или другаго впечатлѣнія, дѣло рѣшается тѣмъ, что

мы стараемся убѣдиться, *устоитъ* ли впечатлѣніе при ближайшемъ наблюденіи, и при полной устойчивости впечатлѣнія мы утверждаемъ его дѣйствительность или реальность.—3) Когда критика доказала, что существующее реальное, какъ мы сознаемъ его, не есть объективно-реальное,—то понятіе объ объективно-реальномъ является понятіемъ о чемъ-то абсолютно-устойчивомъ, при всевозможныхъ измѣненіяхъ рода, формы, или проявленія. Мы имѣемъ неопредѣленное сознаніе объ абсолютной реальности, стоящей внѣ всякихъ отношеній и измѣненій, и въ тоже время имѣемъ опредѣленное сознаніе объ относительной, безпрерывно-мѣняющей свои формы, реальности и можемъ понимать ее только въ-связи съ абсолютною реальностію.—4) Матерія есть относительная реальность, которая мыслится (а мыслится все не иначе, какъ отношеніями) нами подъ отношеніями двоякаго рода: послѣдовательности, и сосуществованія, причемъ абстрактъ всѣхъ послѣдовательностей есть время, а всѣхъ сосуществованій пространство: понятіе о матеріи есть понятіе о сосуществующихъ положеніяхъ, представляющихъ сопротивленіе, въ-противоположность понятію о пространствѣ, въ которомъ сосуществующія положенія не представляютъ сопротивленія; понятіе о тѣлѣ есть понятіе о чемъ-то ограниченномъ *сопротивляющимися поверхностями* и состоящемъ сплошь изъ такихъ частей; универсальная форма чувственнаго опыта заставляетъ насъ мыслять конечные элементы матеріи протяженными и сопротивляющимися: атомистическая гипотеза есть просто необходимое развитіе тѣхъ универсальныхъ формъ, которыя выработались въ насъ дѣйствіями непознаваемаго абсолютнаго.—5) Итакъ, сопротивленіе и протяженіе суть неразлучные элементы понятія о матеріи, — и такъ-какъ матерія, сопротивляясь нашимъ мускульнымъ усиліямъ, непосредственно представляется сознанію въ опредѣленныхъ выраженіяхъ силы, — то силы, состоящія между собою въ извѣстныхъ соотношеніяхъ, составляютъ все содержаніе нашей идеи о матеріи: въ окончательномъ результатѣ мы приходимъ къ силѣ, какъ концу всѣхъ концовъ между научными идеями; какъ мы знаемъ ихъ, матерія и движеніе суть различнымъ образомъ обусловленныя проявленія силы, суть конкреты различныхъ умственныхъ отношеній, а пространство и время суть абстракты формъ этихъ отношеній, суть условія проявленій силы.—6) Относительная реальность, которую мы называемъ движеніемъ, никогда не начинаетъ и не перестаетъ существовать;—это истина, заключающаяся въ самой природѣ нашего сознанія. Мыслить о движеніи, какъ о чемъ-то могущемъ быть созданнымъ, или уничтоженнымъ,—мыслить, будто ничто можетъ перейти въ нѣчто, а нѣчто стать ничѣмъ, значитъ устанавливать въ сознаніи отношеніе между двумя членами, изъ которыхъ одного нѣтъ въ сознаніи,—а это невозможно. Непрерывность движенія, какъ и неуничтожаемость матеріи, извѣстны намъ въ выраженіяхъ силы, которую нѣтъ возможности уничтожить въ мышленіи: намъ нетрудно вообразить себѣ замедленіе и остановку движенія, какъ результатъ дѣйствія посторонихъ силъ; но эту силу мы принуждены представить себѣ вліяющею въ-виду противодѣйствія. А неуничтожаемость силы есть неуничтожаемость вещества, которая оказывается абсолютнымъ единообразіемъ въ сферѣ нашего опыта, при чемъ *абсолютнымъ единообразіемъ опыта порождается абсолютное единообразіе мышленія.* Конечная несжимаемость матеріи, непрерывность движенія и постоянство силы есть признанный законъ мышленія.—7) Если въ различныхъ группахъ кон-

кретныхъ явленій: механическихъ, химическихъ, термическихъ, электрическихъ и проч., мы замѣчаемъ нѣкоторыя единообразія дѣйствія, общія всѣмъ имъ, то мы имѣемъ важное основаніе для заключенія, что единообразіе дѣйствія обнимаетъ всю природу. Силы же природы дѣйствительно эквивалентны: такъ, всякое начинающееся движеніе существовало прежде подъ видомъ силы, а задержанное движеніе производитъ силу: теплоту, электричество, магнитизмъ, свѣтъ и т. п., теплота бываетъ пропорціональна утраченному движенію; гдѣ есть треніе, тамъ однимъ изъ результовъ бываетъ электрическое раздраженіе; магнетизмъ получается изъ электрическихъ токовъ, добытыхъ чрезъ движеніе; теплота есть молекулярное движеніе; сама она переходитъ въ механическое движеніе, наприм., въ паровой машинѣ, въ электричество, въ химическихъ соединеніяхъ—въ свѣтъ, въ каленіе и т. д. Очевидно, что физическія силы стоятъ нетолько въ качественномъ соотношеніи, но и въ количественномъ; силы обнаруживающіяся вытекаютъ изъ существовавшихъ прежде и даютъ бытіе другимъ преобразованнымъ; силы существующія находятся въ-связи съ предшествующими и послѣдующими; силы органическія зависятъ отъ силы химической и, обратно, реагируютъ на нее. Однимъ словомъ, знакомство, какого достигли люди съ проявленіями электричества, теплоты и всякой другой силы, заставляетъ предполагать, что если найдется болѣе глубокое объясненіе этихъ явленій,—то оно будетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ обнаруженіи нѣкотораго, въ высшей степени общаго, факта касательно состава матеріи,—факта, по-отношенію къ которому химическіе, электрическіе и всякіе другіе факты будутъ только различными проявленіями единства.—8) Сила, постоянство которой мы утверждаемъ, есть та абсолютная сила, о которой мы имѣемъ неопредѣленное сознаніе, какъ о необходимомъ соотносительномъ силы извѣстной намъ. Подъ постоянствомъ силы мы разумѣемъ въ-сущности постоянство нѣкоторой силы, превышающей наше знаніе и пониманіе: ея проявленія, какъ онѣ происходятъ въ насъ и внѣ насъ, непостоянны; постоянна только неизвѣстная причина означенныхъ проявленій. Утверждать постоянство силы значитъ, иными словами, утверждать существованіе не обусловленной реальности безъ начала и конца. Обѣ стороны, обусловленную и не обусловленную реальность, мы обязаны считать одинаково реальными. Сила, какъ мы понимаемъ ее, можетъ быть разсматриваема только какъ извѣстное обусловленное дѣйствіе безусловной причины, какъ относительная реальность, указывающая намъ на реальность абсолютную, о которой мы въ-состояніи сказать только, что она есть нѣкоторый видъ не познаваемаго, который относится къ матеріи доступной нашему знанію, какъ причина относится къ дѣйствію. Постоянство вселенной есть постоянство тойже неизвѣстной Причины, Власти или Силы, которая обнаруживается намъ во всѣхъ явленіяхъ.—Таково, по словамъ Г. Спенсера, основаніе всякой возможной системы положительнаго знанія: единственная истина, превосходящая данныя опыта, тѣмъ самымъ, что она лежитъ въ основѣ ихъ, есть постоянство силы.

ГЛАВА XIV.

Выслушаемъ по тому-же вопросу, о существованіи атомовъ и вообще о существующемъ, т. е. о томъ, что именно существуетъ, мнѣніе другаго, самаго крайняго позитивиста, *Джона Стюарта Милля*. Чтобы въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ представить возможно-вѣрный отчетъ относительно весьма широкой и, въ оттѣнкахъ, весьма тонкой, крайне позитивной системы *Д. С. Милля*, относительно философскаго воззрѣнія его на существующее вообще и въ-частности на существованіе матеріальной основы, атомовъ, постараемся стать, сколько то возможно, на точку его міросозерцанія, и потому, не выхватывая изъ его твореній частныхъ положеній, наиболѣе годныхъ для нашего воззрѣнія, послѣдуемъ, въ нижеслѣдующемъ краткомъ очеркѣ его системы, логическому развитію главнаго философскаго его сочиненія: *Обзоръ философіи С. В. Гамильтона* [1]), подкрѣпляя, гдѣ нужно, его выводы положеніями его *Логики* [2]).

1) Высокими философскими авторитетами освящено положеніе, что *знаніе человѣческое относительно*. Это значитъ, что мы знаемъ только нѣчто, зная это нѣчто какъ отличное отъ чего-то другаго, — что всякое сознаніе есть сознаніе разницы,—что вещь считается тѣмъ, что она есть, только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть. Это общее значеніе положенія объ относительности человѣческаго знанія.

2) Но вотъ *другое, частнѣйшее* значеніе. Когда говорятъ (какъ, наприм., С. В. *Гамильтонъ*), что человѣческое знаніе относительно, то разумѣютъ отношеніе не между познаваемой вещью и какими бы то ни было другими предметами, *но между познаваемой вещью и познающимъ духомъ*. Каждый языкъ признаетъ различіе между *я* и *міромъ*, и самый основной въ философіи вопросъ касается того: *что именно мы способны знать о внѣшнихъ объектахъ и въ-силу какой очевидности мы знаемъ это?*

3) Всѣ мыслители согласны въ томъ, что матеріальные обьекты извѣстны намъ чрезъ чувства; безъ посредства чувствъ мы не знали бы и не подозрѣвали бы ихъ существованія; мы ничего не знаемъ о томъ, что они суть, болѣе того, что говорятъ намъ чувства, и природа не представляетъ намъ какихъ-либо иныхъ средствъ знать болѣе.

4) Но далѣе, касательно того, *что это такое, что чувства говорятъ намъ объ объектахъ*, мнѣнія уже сталкиваются. Нѣтъ спора относительно одной части извѣщенія, которое даютъ намъ чувства, именно: что *они передаютъ намъ*

---

[1]) Переводъ *Хмьлевскаго*, 1869 г. С.-П.-Б.

[2]) Переводъ *Резенера*, подъ редакц. *Лаврова*, С.-П.-Б. и Москва, 1867 г.

наши ощущенія; по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть того, что мы знаемъ объ объектахъ, составляютъ пораждаемыя ими чувствованія. То, что мы называемъ свойствами какого-либо объекта, суть силы, обнаруживаемыя имъ въ произведеніи ощущеній въ нашемъ сознаніи. Вообще наше знаніе объектовъ и даже воображаемые образы ихъ состоятъ не изъ чего иного, какъ изъ ощущеній, которыя возбуждаются этими объектами, или которыя мы воображаемъ возбуждаемыми чрезъ нихъ въ насъ самихъ.

5) Существуютъ, однакожъ, *двѣ формы* этого ученія, которыя разнятся одна отъ другой.

6) По *одной изъ этихъ формъ*, ощущенія не-только составляютъ все, что мы, вѣроятно, можемъ знать о предметахъ внѣшняго міра, но и суть все, существованію чего мы имѣемъ нѣкоторое право довѣрять; объектъ есть только сложное представленіе, по законамъ содружества образовавшееся изъ идей разнообразныхъ ощущеній, получаемыхъ одновременно; въ этомъ процессѣ реальны только ощущенія, являющіяся въ постоянныхъ группахъ и постоянной послѣдовательности; мы не имѣемъ никакой достовѣрной очевидности того, чтобы что-нибудь, не будучи само ощущеніемъ, было субстратомъ или тайной причиной ощущенія, — чтобы существовала какая-либо соотвѣтствующая субстрату реальность, внѣшняя нашимъ умамъ. Все, что мы имѣемъ возможность знать о чемъ-либо, есть только образъ, какимъ вліяетъ это нѣчто на человѣческія способности, и ничего иного не существуетъ для познанія. Впечатлѣнія человѣческихъ или нѣкоторыхъ другихъ умовъ суть все, что мы можемъ знать, какъ существующее; вещество не существуетъ. Такъ учатъ идеалисты и скептики, послѣдователи *Берклея и Юма*.

7) *Другая форма* ученія объ относительности человѣческаго знанія: разница между *Я* и *Не-Я* обозначаетъ двѣ реальности, самосуществующія и независимыя одна отъ другой. Есть реальный міръ вещей въ себѣ; всякому впечатлѣнію на наши чувства соотвѣтствуетъ какая-либо вещь въ себѣ, находящаяся за феноменомъ. Но *что такое* эта *вещь въ себѣ*, мы, за неимѣніемъ никакого иного органа для сообщенія съ ней, кромѣ нашихъ чувствъ, можемъ знать о ней только то, что говорятъ намъ наши чувства,—и какъ они говорятъ намъ только о впечатлѣніяхъ, производимыхъ вещью на насъ, и больше ничего, — то мы вовсе не знаемъ, что такое вещь въ себѣ, но все извѣстное о ней есть только относительное къ намъ, состоящее въ способности вещи извѣстными путями вліять на насъ, или, какъ это называется технически, производить феномены. Внѣшнія вещи существуютъ и имѣютъ внутреннюю природу; — но она недоступна для нашихъ способностей.

8) Но сторонники и этой доктрины подраздѣляются *на нѣсколько школъ*.

9) По *Канту*, которому слѣдовали многіе позднѣйшіе германскіе, англійскіе и французскіе мыслители, одни только наши ощущенія и невѣдомая, производящая ихъ, внѣшняя причина не составляютъ всего въ относительномъ нашемъ знаніи. Приписываемые внѣшнимъ вещамъ аттрибуты содержатъ, кромѣ ощущеній и непознаваемой ихъ причины, еще другіе элементы, которые добавляются познающимъ духомъ, и принадлежатъ не вещамъ, а нашимъ воспріятіямъ и, представленіямъ вещей. Однѣ свойства, безъ которыхъ мы можемъ представить себѣ объекты, какъ-

напр., сладость или горечь, твердость или мягкость, теплота или холодность, бѣлизна или краснота, существуютъ только въ нашихъ ощущеніяхъ; но такіе аттрибуты, какъ занятіе пространства или существованіе во времени, не суть свойства нашихъ ощущеній въ ихъ сыромъ видѣ, но опять и не свойсгва объектовъ. Кромѣ того, когда мы утверждаемъ о вещи, что она одно или многое, цѣлое или часть, субстанція или акциденція, причина или дѣйствіе, — то это суть свойства не ощущеній и не вещей, но нашего способа представлять ихъ. Эти аттрибуты суть законы нашей интеллектуальной, а не чувствующей способности, и технически обозначаются *категоріями разсудка.*

10) Но, по доктринѣ *Джемса Милля*, *Бэна* и другихъ, нѣтъ необходимости приписывать духу извѣстныя врожденныя формы, въ которыхъ объекты выливаются въ извѣстныя видимости; такъ-называемыя категоріи мѣста, протяженія, субстанціи, причины и остальныя суть представленія, совокупно истекающія изъ идей ощущенія, по извѣстнымъ законамъ содружества,

11) Между этими двумя воззрѣніями существуетъ *немало промежуточныхъ системъ*, изъ которыхъ каждая приближается болѣе или менѣе къ тому или другому воззрѣнію, смотря—по тому, болѣе или менѣе приписываетъ первоначальному врожденному содержанію нашего духа, съ одной стороны, или-же содружествамъ, порождаемымъ чрезъ опытъ, съ другой.—Всѣ же эти воззрѣнія утверждаютъ совершенную недосягаемость для нашихъ способностей какого-либо иного познанія вещей, кромѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя порождаются ими въ нашемъ умственномъ сознаніи. Можно при этомъ статъ и на такую точку зрѣнія, что мы можемъ смотрѣть на вещи въ себѣ, но лишь чрезъ несовершенныя очки. То, что мы видимъ, можетъ быть подлинною вещью;—но краски и формы, которыя стекло среды ощущенія и представленія передаетъ намъ, могутъ быть отчасти оптическимъ обманомъ. Во всякомъ же случаѣ, наше знаніе естъ только феноменальное знаніе явленій, знаніе относительное.

12) Но по доктринѣ *С. В. Гамильтона*, согласнаго въ этомъ случаѣ съ большинствомъ метафизиковъ, мы можемъ знать извѣстныя свойства вещей, какъ онѣ существуютъ въ самыхъ вещахъ, не-только по непосредственному сознанію, или воспріятію, но можемъ познать эти свойства въ вещахъ и по доказательству a priori. Такъ познаемъ мы *первичныя качества вещей*, тогда—какъ качества вторичныя суть только впечатлѣнія, производимыя объектами на человѣческій духъ. Когда дано понятіе вещества, то каждое первичное свойство можетъ быть раскрыто изъ этого понятія, какъ необходимо заключающееся въ немъ, совершенно независимо отъ какого-либо чувственнаго опыта. Наше довѣріе къ первичнымъ качествамъ необходимо въ себѣ, по конституціи нашего духа; *первичныя качества* понимаются, какъ онѣ суть въ тѣлахъ,—*вторичныя* же, какъ онѣ суть въ насъ,—и, наконецъ, *вторично-первичныя* (которыя обнимаютъ механическія свойства тѣла, въ-отличіе отъ геометрическихъ), какъ онѣ суть въ тѣлахъ и въ насъ. Мы знаемъ первичныя качества непосредственно, какъ объекты воспріятія,—вторично—первичныя знаемъ и непосредственно, какъ объекты воспріятія, и посредственно, какъ причины ощущенія, — вторичныя же только посредственно, какъ причины ощущенія; первичныя познаются въ себѣ, вторично-первичныя и въ себѣ, и въ дѣйствіяхъ на насъ,—а вторичныя лишь въ дѣйствіяхъ на насъ. Въ первичныхъ мы соз-

наемъ, какъ обьекты, модусы не себя,—во вторичныхъ модусы себя, а во вторично-первичныхъ модусы себя и не себя вмѣстѣ.

13) Эту теорію *В. Гамильтона о непосредственномъ сознаніи или воспріятіи первичныхъ качествъ*, *Д. С. Милль* опровергаетъ егоже собственными ученіемъ и выраженіями объ относительности человѣческаго знанія вообще,—такъ-какъ, по словамъ Гамильтона, «вещество есть для насъ то, что является намъ подъ формами протяженности, твердости, дѣлимости, фигуры, движенія, цвѣта, холода и т. д. Но какъ эти феномены представляются только въ-связи одинъ съ другимъ,—то мы вынуждены мыслить ихъ связанными въ чемъ-либо и чѣмъ-либо, и не можемъ мыслить ихъ проявленіями ничего, напротивъ должны смотрѣть на нихъ, какъ на свойства чего-то, что протяженно, твердо и т. п. Но это нѣчто, разсматриваемое абсолютно и въ себѣ, есть для насъ *нуль*, *ничто:* оно познаваемо или постижимо *единственно въ качествахъ*, только въ производимыхъ. имъ впечатлѣніяхъ, *въ его феноменальномъ или относительномъ существованіи;* И только по закону мышленія, заставляющему насъ мыслить нѣчто абсолютное и неизвѣстное какъ основу и условіе относительнаго извѣстнаго, это нѣчто получаетъ *для насъ родъ непонятной реальности.* То, что обнаруживаетъ свои свойства, называется ихъ *субъектомъ или субстанціей или субстратомъ.* Этому субъекту явленій протяженности, твердости и т. д. придаютъ терминъ *матеріи или матеріальной субстанціи».* Такое ученіе *В. Гамильтона* объ относительности человѣческаго знанія, оказывается такимъ образомъ, несогласнымъ съ его же собственнымъ ученіемъ о познаваемости внѣшнихъ вещей, въ нѣкоторыхъ ихъ сторонахъ, каковы онѣ суть въ себѣ абсолютно.

14) За тѣмъ *Д. С. Милль* строитъ слѣдующую, *свою собственную, крайне позитивную теорію познанія.* Согласно всѣмъ философамъ, свидѣтельство сознанія, если только мы можемъ пріобрѣсть его чистымъ, убѣдительно. Сознаніе утверждаетъ, что мы чувствуемъ, и въ моментъ чувствованія мы знаемъ, что чувствуемъ, мы имѣемъ нѣкоторый родъ увѣренности или убѣжденія въ томъ, что имѣемъ это чувствованіе. *Эта-то увѣренность или убѣжденіе и есть то, что подразумѣвается подъ знаніемъ; — это критерій, по которому мы судимъ о всѣхъ нашихъ другихъ убѣжденіяхъ. Приговоръ сознанія, или наше непосредственное и внутренне усматриваемое убѣжденіе, принимается, со всѣхъ сторонъ, рѣшеніемъ безапелляціоннымъ.*

15) *Въ чемъ же, или о чемъ должно свидѣтельствовать сознаніе?* Въ числѣ фактовъ, разсматриваемыхъ въ-качествѣ откровеній сознанія, есть *одинъ родъ* (фактовъ), *въ которомъ никто не сомнѣвается, или не можетъ сомнѣваться, и другой родъ, въ которомъ можно сомнѣваться и сомнѣваются.*

16) Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, суть *факты внутренняго сознанія,—собственные акты и настроенія духа.* Для насъ невозможно чувствовать и думать, что, быть можетъ, мы и не чувствуемъ, или не чувствовать и думать, что, быть можетъ, мы чувствуемъ; сознанію, въ томъ смыслѣ, который обыкновенно философы соединяютъ съ этимъ словомъ,—сознанію собственныхъ чувствованій и процессовъ духа, нельзя не довѣрять.

17) Но когда сознаніе подразумѣваетъ силу, заявляющую о вещахъ, не составляющихъ феноменовъ нашего духа,—то тотчасъ-же открывается разладъ мнѣній касательно того, *что такое суть тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ со-*

знаніе? Этотъ вопросъ разрѣшается въ философіи *двумя методами*: (*1 интроспективнымъ* и 2) *психологическимъ.*

18) Представители *интроспективнаго метода*: *Гамилтонъ*, *Ридъ*, *Стоартъ*, *Кузэнъ*, *Уэвель*, *Гербертъ Спенсеръ*, *Кантъ и друг.* приписываютъ принадлежность какого-либо довѣрія нашему первобытному сознанію, *первоначальному внутреннему усмотрѣнію духа, по признаку необходимости мыслить его: ихъ доказательство въ подтвержденіе того, что мы должны были всегда съ-изначала имѣть это довѣріе, есть невозможность отдѣлаться отъ него теперь.* Правда, такая невозможность можетъ быть необходимымъ довѣріемъ для тѣхъ, которые мыслятъ его такимъ; но если бы даже она распространилась на весь человѣческій родъ,—то и тогда она могла бы быть просто только слѣдствіемъ сильнаго содружества, подобно невозможности довѣрія къ антиподамъ. Исторія науки изобилуетъ непостижимостями, которыя были побѣждены, и аксіомами, которыя предполагались необходимыми истинами, но которыя сначала перестали считаться необходимыми, потомъ перестали мыслиться истинными, а наконецъ, стали считаться и вовсе невозможными.

19) По теоріи же *психологической, по собственной теоріи Д. С. Милля*, довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренне усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ. Эта теорія принимаетъ за основаніе слѣдующія психологическія истины, какъ подтвержденныя опытомъ и неоспоримыя: 1) Человѣческій *духъ способенъ къ ожиданію*,—т. е. когда мы имѣли ощущенія дѣйствительныя, то мы способны составить представленіе *объ ощущеніяхъ возможныхъ*, которыя мы должны бы чувствовать, если бы предстояли извѣстныя,изученныя во многихъ другихъ случаяхъ по опыту, условія.—II) Духу человѣческому присущи *законы ассоціаціи или содружества идей, и именно* слѣдующіе: А) подобные феномены склонны быть мыслимы вмѣстѣ; Б) феномены, постигнутые или испытанные въ смежности, имѣютъ тенденцію быть мыслимы вмѣстѣ: такая смежность бываетъ двоякаго вида: одновременность и непосредственная преемственность; В) содружества, порождаемыя смежностію, становятся болѣе несомнѣнны и быстры отъ повторенія; Г) когда содружество идей пріобрѣтаетъ характеръ нераздѣльности, когда скрѣпляется узелъ между двумя идеями,—тогда не-только идея вызываемая становится въ сознаніи нераздѣльною отъ идеи вызывающей,но и отзвѣчающіе идеямъ феномены кажутся нераздѣльными въ существованіи, и довѣріе къ ихъ сосуществованію кажется непосредственно усматриваемымъ, хотя на самомъ дѣлѣ это довѣріе есть продуктъ опыта, каково, наприм., воспріятіе разстоянія предмета глазомъ. Такимъ образомъ, *существуютъ содружества идей, естественно и даже необходимо порождаемыя порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, которыя неизбѣжно порождаютъ довѣріе къ внѣшнему міру и бываютъ причиною того, что на нихъ смотрятъ, какъ на внутреннее усмотрѣніе.*

20) Это разъясняется слѣдующимъ психологическимъ анализомъ.—А) *Чѣмъ отличается наше ощущеніе отъ внѣшняго по-отношенію къ намъ объекта, или субстанціи?* Наша идея объекта, или субстанціи, есть идея о *нѣчто*, отличающемся отъ нашихъ скоротечныхъ впечатлѣній тѣмъ, что, на языкѣ *Канта*, названо *прочностью*,—о нѣчто, что неизмѣнно остается тѣмъже самымъ и въ то время, какъ наши впечатлѣнія мѣняются,—что существуетъ несмотря-на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ,—что *можетъ* производить на насъ извѣстныя впечатлѣнія, если мы поставимъ себя въ извѣстныя условія. *Мое представленіе о существующемъ мірѣ*

въ данный моментъ, содержитъ, вмѣстѣ съ чуствуемыми мною ощущеніями, безчисленное разнообразіе возможностей ощущенія, при чемъ ощущенія оказываются бѣглыми, а возможности ощущеній постоянными. Это первый признакъ различія между ощущеніемъ и объектомъ.—Б) *Другая особенность между ними заключается въ томъ, что постоянныя возможности ощущеній относятся не къ единичнымъ ощущеніямъ, но къ ощущеніямъ соединеннымъ вмѣстѣ, въ группы.* Понятіе о внѣшней субстанціи или тѣлѣ предполагаетъ, что мы имѣли или должны имѣть не одно какое-либо ощущеніе, но неопредѣленное число ощущеній, принадлежащихъ разнымъ чувствамъ. Эта группа ощущеній, въ контрастѣ съ временностію моего тѣлеснаго присутствія и каждаго изъ ощущеній, представляется духу, какъ родъ постояннаго субстрата подъ слоемъ преходящихъ опытовъ или проявленій: *ощущеніе, при скоротечной временности, единично, а субстанція есть постоянная группа ощущеній.* В) Третій признакъ отличія состоитъ въ томъ, что идея субстанціи или вещества предполагаетъ *опредѣленный порядокъ въ нашихъ ощущеніяхъ, порядокъ послѣдовательности, порождающей идею причины и дѣйствія*, именно, порядокъ постояннаго предшествованія и послѣдовательности, существующій *не между ощущеніями, но между группами*, принадлежащій только въ самой малой долѣ настоящему ощущенію, въ наибольшей же части, постояннымъ возможностямъ ощущенія. Отсюда *природа мыслится какъ составленная изъ такихъ группъ возможностей, изъ которыхъ одни группы видоизмѣняются другими, представляясь подлинными реальностями, по-отношенію къ которымъ дѣйствительныя наши ощущенія суть только воспроизведенія, феномены или дѣйствія.* Возможный порядокъ ощущеній образуетъ постоянный фонъ для одного или нѣсколькихъ, въ данный моментъ дѣйствительныхъ, ощущеній: *возможности представляются стоящими къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ въ-отношеніи причины къ дѣйствіямъ, или полотна къ рисуемымъ на немъ фигурамъ, или корня къ стволу, листьямъ и цвѣтамъ, или въ-отношеніи нѣкоторой сущности и субстрата къ тому, что служитъ выраженіемъ этой сущности, или, выражаясь трансцендентально, въ-отношеніи матеріи къ формѣ.* Г) Затѣмъ, постоянныя возможности принимаютъ такое несходство отъ дѣйствительныхъ ощущеній по виду, и такую разницу положенія въ-отношеніи къ намъ, что представляются, и притомъ съ довѣріемъ, разнящимися отъ ощущенія, по меньшей мѣрѣ, такъ-же, какъ одно ощущеніе разнится отъ другаго; ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается и онѣ предполагаются чѣмъ-то, въ самой ихъ природѣ отличнымъ отъ него; онѣ независимы отъ нашей воли и нашего присутствія; на нихъ-же, какъ мы видимъ, и другіе люди основываютъ свои ожиданія и свое поведеніе, хотя далеко не всегда испытываютъ дѣйствительныя, одинаковыя съ нами, ощущенія, такъ-что постоянныя возможности ощущенія оказываются у насъ общими съ нашими ближними, а дѣйствительныя ощущенія не общими. Отсюда-*міръ возможныхъ ощущеній, смѣняющихъ другъ друга согласно законамъ, существуетъ на-столько же въ другихъ чувствующихъ существахъ, на-сколько и во мнѣ;—онъ имѣетъ, слѣдовательно, существованіе внѣ меня,—есть внѣшній міръ.* Д) И—такъ, вещество, матерія можетъ быть опредѣлено, какъ постоянная возможность ощущенія; довѣрчивость людей къ реальному существованію видимыхъ и осязаемыхъ предметовъ подразумѣваетъ собою довѣрчивость къ реальности и постоянству возможностей зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній,—и, такъ-какъ посто-

янныя возможности упорно держатся въ навязчивомъ контрастѣ съ дѣйствительными ощущеніями, — такъ-какъ идея причины уже пріобрѣтена и, по обобщенію, распространена отъ частей нашего опыта къ цѣлому его аггрегату,—то *постоянныя возможности естественно представляются какъ существованія, которыя генерически отличны отъ нашихъ ощущеній и которыхъ наши ощущенія суть дѣйствія.*

21) Послѣ этого, *отличается ли чѣмъ-либо объектъ отъ субъекта? И какимъ путемъ приходимъ мы къ знанію о нашемъ Я?*—А) По всей вѣроятности, мы не имѣемъ никакого прирожденнаго поонятія о *Не — я* пока не пріобрѣтемъ значительнаго опыта въ возвращеніи ощущеній въ группахъ, согласно опредѣленнымъ законамъ. Безъ понятія же о *Не—я*, мы не можемъ имѣть и противоположнаго ему понятія о *Я*. Неимовѣрно, чтобъ первое испытываемое нами ощущеніе пробуждало въ насъ какое-нибудь понятіе о нѣкоторомъ *Я* или *о себѣ*; познаніе о *Я* образуется отожествленіемъ нѣкотораго настоящаго состоянія съ нѣкоторымъ воспоминаемымъ состояніемъ, познаваемымъ какъ прошлое. *Никакое ощущеніе не можетъ внушить личнаго тожества: сознаніе личнаго тожества требуетъ нѣкоторой серіи ощущеній, которая мыслится какъ образующая нѣкоторую линію преемственности и суммированная въ нѣкоторое единство.*—Б) Какъ-скоро я сформировалъ, съ одной стороны, понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія, а съ другой—,*понятіе непрерывной серіи чувствованій, которую я называю моею жизнію*, то оба эти понятія, въ-силу неодолимаго содружества, возраждаются въ памяти каждымъ получаемымъ мною ощущеніемъ и воспроизводятъ двѣ вещи, съ которыми каждое ощущеніе находится въ соотношеніи, и я не могу сознать ощущеніе, не сознавая его въ соотношеніи съ этими *двумя вещами: именно нить сознанія, частью которой я усматриваю ощущеніе, есть субъектъ ощущенія, а группа постоянныхъ возможностей ощущенія, къ которой я отношу эту нить сознанія, есть объектъ ощущенія.* — В) Самое ощущеніе также должно бы имѣть *соотносительное* названіе, или скорѣе, *два такихъ названія: одно, обозначающее ощущеніе по противоположенію его субъекту, а другое, обозначающее его по противоположенію его объекту*, — такъ-какъ объектъ и субъектъ находятся во взаимномъ отношеніи только чрезъ ощущеніе: ихъ отношеніе одного къ другому состоитъ изъ особаго и различнаго отношенія, въ которомъ они, каждый отдѣльно, стоятъ къ ощущенію. — Г) По всему этому, *субъектъ или объектъ, духъ или вещество, мы не можемъ представлять себѣ иначе, какъ нѣчто, къ чему мы относимъ наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. Истинное существованіе ихъ обоихъ, насколько оно познается нами, состоитъ лишь въ томъ отношеніи, которое каждый изъ нихъ соотвѣтственно сохраняетъ къ состояніямъ нашего чувствованія. Ихъ взаимное отношеніе есть только отношеніе между двумя отношеніями: непосредственно соотносящіеся не суть пара, объектъ и субъектъ, но двѣ пары,—объектъ и ощущеніе, объективно разсматриваемое,—субъектъ и ощущеніе, субъективно разсматриваемое.* —Д) Существуютъ однѣ извѣстныя ощущенія, которыя мы привыкли разсматривать по-преимуществу объективно, и другія, которыя мы привыкли разсматривать по-преимуществу объективно. Въ-случаѣ первыхъ ощущеній, отношеніе, въ которомъ мы наиболѣе обычно, часто и легко разсматри-

ваемъ ихъ, есть отношеніе ихъ *къ серіямъ чувствованій, которыхъ онъ составляютъ часть и которыя, собранныя мыслью въ одно представленіе, мы называемъ субъектомъ.*—Такія ощущенія (наприм., наши наслажденія и страданія), по своей интенсивности, заставляютъ насъ сосредоточивать на нихъ вниманіе и порождаютъ *тенденцію относить ихъ къ субъекту.* Въ-случаѣ же вторыхъ ощущеній, отношеніе, въ которомъ мы по-преимуществу обозрѣваемъ ихъ, есть отношеніе *ихъ къ нѣкоторой группѣ постоянныхъ возможностей ощущенія, въ предлежащемъ существованіи которыхъ удостовѣряетъ насъ ощущеніе, чувствуемое нами въ данный моментъ, и которыя мы называемъ объектомъ.* — Такія ощущенія, сами по себѣ почти безразличныя для органическаго нашего состоянія, моментально относятся къ означаемымъ ими *постояннымъ возможностямъ* и тонутъ въ своемъ чисто умственномъ значеніи для насъ, такъ-что ощущеніе кажется какъ-бы вычеркнутымъ и на его мѣсто поставленнымъ какъ-бы непосредственное воспріятіе.

22) *Разница между этими двумя (объективными и субъектными) классами* нашихъ ощущеній *отвѣчаетъ различію*, дѣлаемому большинствомъ философовъ *между первичными и вторичными качествами вещества*: обыкновенно мы придаемъ большую объективность, равно-какъ и большую реальность *первичнымъ качествамъ тѣлъ, чѣмъ вторичнымъ.* А почему? По тому, что А) ощущенія, соотвѣтствующія тому, что называется первичными качествами, всегда предлежатъ, когда предлежитъ какая-нибудь часть группы первичныхъ качествъ,—тогда-какъ цвѣта, вкусы, запахи и тому подобныя ощущенія, будучи сравнительно бѣглыми, не оказываются въ тойже степени всегда предлежащими, даже въ томъ случаѣ, когда никого нѣтъ, чтобъ воспріять ихъ; ощущенія, отвѣчающія вторичнымъ качествамъ, только случайны, отвѣчающія же первичнымъ качествамъ—постоянны. Б) Сверхъ того, вторичныя качества измѣняются вмѣстѣ съ разными личностями и съ временною чувствительностію нашихъ органовъ,—первичныя же суть однѣ и тѣже для всѣхъ личностей и во всѣ времена.

23) *Какъ относятся первичныя и вторичныя качества между собою? Ощущенія обонянія, вкуса и слуха,* а также (согласно почти всѣмъ философамъ) ощущенія и *зрѣнія*, группируются вмѣстѣ не непосредственно, но чрезъ связь, которую всѣ онѣ имѣютъ, по законамъ сосуществованія или причинной связи, съ ощущеніями, относимыми *къ чувству осязанія и къ мускуламъ,—съ тѣми ощущеніями, которыя отвѣчаютъ терминамъ. сопротивленіе, протяженіе и фигура.* По тому А) эти послѣднія ощущенія (осязаніе и мускульное чувство) становятся руководящими и выдающимися элементами во всѣхъ группахъ. — Б) Постоянныя возможности ощущеній осязанія и мускуловъ образуютъ нѣкоторую группу внутри группы, — родъ внутренняго зерна или сердцевины, кажущейся *чѣмъ-то болѣе фундаментальнымъ*, нежели все остальное, отъ чего какъ-бы зависятъ всѣ другія возможности ощущенія, входящія въ группу. В) Эти послѣднія являются, съ одной точки зрѣнія, какъ дѣйствія, которыхъ то зерно есть причина, а съ другой—,какъ аттрибуты, которыхъ оно есть субстратъ или субстанція.

24) Такимъ образомъ, *наше понятіе о веществѣ*, въ концѣ концевъ, *является состоящимъ изъ сопротивленія, протяженія и фигуры, вмѣстѣ съ смѣшанными силами, способными возбуждать другія ощущенія.* Эти аттрибуты становятся

существенными его ингредіентами, и тамъ, гдѣ ихъ не находится, мы колеблемся употребить названіе вещества.

25) Которое же изъ этихъ трехъ фундаментальныхъ свойствъ есть самое коренное? — Изъ свойствъ, которыя, въ-силу указаннаго ихъ значенія, названы первичными качествами вещества, *самое фундаментальное есть сопротивленіе, какъ это утверждено многочисленными научными спорами: чувство сопротивленія, или задержаннаго мышечнаго движенія, есть фундаментальный элементъ въ понятіи вещества.* Съ чувствованіемъ сопротивленія одновременно соединяются ощущенія *пассивнаго соприкосновенія* съ тѣлами, безъ мышечнаго дѣйствія, и неразрывное содружество между ними образуетъ *первую фундаментальную группу постоянныхъ возможностей ощущенія и первую основную идею вещества, какъ нѣкоторой сопротивляющейся причины смѣшанныхъ ощущеній.* По содружеству и сосуществованію, ощущенія сопротивленія представляются ощущеніями осязательнымъ и мускульнымъ, а эти послѣднія, осязательное и мускульное ощущенія, переходятъ въ глазахъ, въ чувствѣ зрѣнія, *въ ощущенія цвѣтовыхъ тѣней и растояній.*

26) *О всемъ же, что касается ноуменовъ, послѣднимъ приговоромъ философіи должно быть, что мы совершенно ничего не знаемъ о нихъ. Самое различеніе феноменовъ отъ ноуменовъ праздно:* мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать чего-либо иного о ноуменѣ, кромѣ феноменальныхъ аттрибутовъ; самое *существованіе, какъ мы понимаемъ его, есть не болье, какъ сила производить феномены. Всякое существованіе доказывается свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ;* ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ помимо ощущеній. Опредѣленный связывающій законъ, заставляющій ощущенія наступать совокупно, группами, въ извѣстномъ порядкѣ, не требуетъ непремѣнно того, *что называется поддерживающимъ ощущенія субстратомъ:* еслибы былъ такой субстратъ и, предположимъ, мгновенно уничтожился какимъ-нибудь чудомъ, между-тѣмъ-какъ ощущенія продолжали бы наступать въ прежнемъ порядкѣ,—то какъ сознали бы мы отсутствіе субстрата? Не имѣли ли бы мы столькоже основанія вѣрить, что онъ существуетъ, сколько имѣемъ теперь? А если мы тогда не имѣли бы основанія вѣрить, то какое имѣемъ теперь? Безопасно признать за истину, очевидную по себѣ и не отвергаемую никѣмъ, что о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ получаемыхъ нами отъ него ощущеній.

27) Несомнѣнный фактъ, что наше *понятіе о тѣлѣ* состоитъ изъ понятія о нѣкоторомъ числѣ ощущеній, испытанныхъ нами самими, или другими чувствующими существами, и обыкновенно наступающихъ одновременно. Тѣло не есть что-либо существенно-отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но совокупность ощущеній, соединенныхъ въ сложную идею, по опредѣленному закону. Какъ тѣло мы понимаемъ неизвѣстною возбуждающею причиною ощущеній, такъ духъ понимаемъ пріемникомъ или воспріимателемъ ихъ, и нетолько ихъ, но и всѣхъ другихъ нашихъ чувствъ. Какъ вещество есть таинственное нѣчто, возбуждающее въ духѣ чувства, — такъ духъ есть таинственное нѣчто, которое чувствуетъ и думаетъ. Какъ тѣла проявляются мнѣ только посредствомъ ощущеній, причину которыхъ я въ нихъ вижу,—такъ мыслящее начало или духъ, въ мо-

ей собственной природѣ, обнаруживается мнѣ только сознаваемыми мною чувствами. *Но о природѣ тѣлъ и духа далѣе чувствъ, возбуждаемыхъ первыми и испытываемыхъ вторымъ, мы не знаемъ ничего, согласно лучшему изъ существующихъ ученій.*

28) Всѣ метафизики, до Локка, и многіе позднѣйшіе, придавали большую таинственность существеннымъ свойствамъ. *Сущность вещи*, говорили они, *есть то, безъ чего вещь не можетъ ни существовать, ни быть мыслима существующею.* Свойства, составляющія сущность вещи, назывались ея *существенными свойствами*, а не входящія въ сущность вещи назывались *ея случайностями (акциденталми)*. Это ученіе унаслѣдовано отъ *Аристотеля*, послѣдователи котораго думали, что всякій предметъ заимствуетъ часть своихъ свойствъ отъ общей сущности (особо реально существующей сущности) классовъ, а остальныя свойства принадлежатъ ему въ-отдѣльности. Отсюда развились схоластическія теоріи о существованіи дѣйствительныхъ бытій (entitates, substantiae, subtantiae secundae, субстанціальныя формы, эссенціи классовъ), соотвѣтствующихъ общимъ названіямъ. Въ XVII столѣтіи, *Локкъ* доказалъ, что эти предполагаемыя сущности (эссенціи классовъ) суть не что иное, какъ значеніе названій этихъ классовъ, а сущности особей суть лишенный значенія вымыселъ, порожденный ложнымъ пониманіемъ сущностей классовъ. *Локкъ* различалъ два рода сущностей предметовъ: *номинальныя и реальныя*; номинальныя были сущности классовъ, реальныя же были сущности отдѣльныхъ предметовъ: это тѣ, которыя онъ признавалъ причинами ощутимыхъ свойствъ этихъ предметовъ. Съ развитіемъ же естественныхъ наукъ, *сущность предметовъ, именно тѣлъ, стала пониматься почти тожественною съ ихъ частичнымъ строеніемъ.* Предложеніе о сущности вещи есть пустое слово, такъ-какъ оно утверждаетъ о предметѣ лишь то, что утверждается за нимъ самымъ фактомъ обозначенія его такимъ, или другимъ, общимъ названіемъ, и потому не сообщаетъ никакого свѣдѣнія, поясняя названіе, а не предметъ, какъ, напр., человѣкъ есть существо разумное; напротивъ, предложенія о случайностяхъ вещи, въ-противоположность словеснымъ, реальны и обогащаютъ наше ....знаніе, сообщая свѣдѣнія о вещи, не заключающіяся въ ея названіи.

29) *Можно ли какія-либо вещи признать дѣйствительно существующими, независимо отъ нашихъ ощущеній? Доступное нашему знанію существованіе касается только явленій, дѣйствительныхъ, или возможныхъ состояній внѣшняго, или внутренняго сознанія, въ насъ самихъ, или въ другихъ.* Мы называемъ вещь существующею даже тогда, когда она отсутствуетъ и потому не воспринимается и не можетъ быть воспринята,—но *не иначе, какъ по убѣжденію, что мы восприняли бы ее, при извѣстныхъ условіяхъ.* Когда явленіе находится внѣ предѣловъ теперешняго наблюденія, — мы заключаемъ объ его существованіи по признакамъ или доказательствамъ. *Но каковы могутъ быть эти доказательства? — Это другія явленія, относительно которыхъ мы увѣрились наведеніемъ, что они связаны съ даннымъ явленіемъ, либо послѣдовательностію, либо сосуществованіемъ*; все противорѣчущее полному наведенію не заслуживаетъ вѣры. Нельзя придумать опредѣленія невозможности чего бы то ни было, довольно пространнаго на-столько, чтобы оно обняло всѣ виды ея, кромѣ слѣдующаго: *невозможность есть то, истинность чего противорѣчила бы полному наведенію, т. е. наиболѣе убѣди-*

тельному доказательству всеобщей истины, какимъ мы обладаемъ. Единообразія, истинныя относительно всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещей, именно законы чиселъ и протяженія, а также законъ связи причины съ слѣдствіемъ, суть, вѣроятно, единственныя, исключеніе изъ которыхъ постоянно и безусловно невозможно.

30) *Возможна ли безконечная дѣлимость вещества?* Что вещество должно или представлять предѣлъ дѣлимости, или быть дѣлимо до безконечности, это превышаетъ даже возможную мѣру нашихъ знаній. Во-первыхъ, *вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать*, и едвали кто скажетъ, что небытіе должно или быть дѣлимо до безконечности, или имѣть предѣлъ дѣлимости. Во-вторыхъ, хотя *вещество, какъ скрытая причина нашихъ ощущеній, дѣйствительно существуетъ*,—однако то, что мы называемъ дѣлимостью, можетъ быть аттрибутомъ лишь нашихъ ощущеній зрѣнія и осязанія, а не ихъ непзслѣдимой причины. Предполагаемая необходимость безконечной или конечной дѣлимости можетъ быть альтернативой, къ веществу самому въ себѣ непримѣнимою. Впрочемъ, *Д. С. Миллъ* утверждаетъ, что мы имѣемъ *положительное представленіе о безконечномъ, какъ въ маломъ, такъ и въ великомъ.* Безконечное и абсолютное непознаваемы по тому, что единственныя понятія, которыя мы можемъ имѣть о нихъ, суть чисто отрицательныя: представленіе, составленное изъ отрицанія, есть представленіе ничтожества и вовсе не есть представленіе. Нѣчто же безконечное есть представленіе, которое, подобно большей части нашихъ сложныхъ идей, содержитъ и отрицательный, и положительный елементы: напр., положительный элементъ безконечнаго времени, или пространства, заключается въ томъ, что они больше всякаго даннаго времени и пространства. Это представленіе не адекватно вещи,—но *мы никогда не имѣемъ адекватнаго представленія какой-бы то ни было реальной вещи.* Какъ минимумъ дѣлимости, такъ и дѣлимость безъ предѣла постижимы: *безпредѣльная малость есть на столькоже положительное прставленіе, какъ и безпредѣльная великость*; минимумъ видимости мы можемъ неопредѣленно увеличивать посредствомъ дѣйствительныхъ ли то, или чуственныхъ микроскоповъ.

Наконецъ, 31) *Д. С. Миллъ* признаетъ *переходящею изъ состоянія гипотезы* (относящейся къ первичной сущности того, что мы называемъ силами, разсматривая ихъ, какъ вещи сами въ себѣ) *въ состояніе философскаго положенія* теорію, которая признаетъ силу одинаково неуничтожимою съ веществомъ,—которая провозглашаетъ, что всѣ *факторы природы, какъ-то: механическая сила, электричество, магнитизмъ, теплота, свѣтъ, химическое дѣйствіе, жизненная сила суть не столько причины одна другой, сколько обратимы одна въ другую, и что всѣ онѣ суть формы одной и тойже силы, лишь видоизмѣняющейся въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ.*

Въ заключеніе этого ряда разныхъ, по своимъ источникамъ и характерамъ, теорій *о бытіи или небытіи атомовъ*, замѣтивъ, что *Д. С. Миллъ* (во II части своей логики) называетъ «доктрину о безконечной дѣлимости вещества потерявшею теперь свою популярность», выпишемъ здѣсь отрывокъ изъ рѣчи *Сэра Вильяма Томсона*, президента одного

изъ послѣднихъ съѣздовъ британскихъ естествоиспытателей (Русск. Вѣстникъ 1871 года, августъ), какъ образецъ самаго новѣйшаго воззрѣнія на разсматриваемый нами вопросъ, какъ авторитетнѣйшее слово знаменитаго естествовѣда, произнесенное въ собраніи знаменитѣйшихъ представителей естественной науки, авторитетнѣе котораго, по данному вопросу, въ самое новѣйшее время, нельзя найти.

«Превосходная теорія *Гельмгольца*», говоритъ, между прочимъ, въ своей рѣчи, въ своемъ обзорѣ послѣднихъ успѣховъ науки, *Сэръ Вильямъ Томсонъ*,—«теорія Гельмгольца о круговоротныхъ движеніяхъ, можетъ быть, приведетъ къ *полному пониманію свойствъ атомовъ*, осуществляя тѣмъ великую мысль *Лукреція*, который не допускаетъ ни тонкаго эѳира, ни разнообразія элементовъ съ огненными, или водяными, или свѣтовыми, или тяжелыми свойствами,—который не предполагаетъ, что свѣтъ есть одна вещь, огонь другая, электричество-жидкость, магнетизмъ-жизненный принципъ, *но считаетъ всѣ явленія только свойствами или проявленіями простой матеріи*. Существованіе *химическаго атома*, который *самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ*, весьма вѣроятно, и къ нему удивительно примѣнимо Лукреціево описаніе атома... Химики и другіе естествоиспытатели, въ ученіи *о молекулярномъ строеніи* матеріи, имѣли обыкновеніе обходить вопросы относительно твердости или *недѣлимости атомовъ* тѣмъ, что допускали ихъ безконечно малыми и безконечно многочисленными. Теперь *мы не должны болѣе смотрѣть на атомъ, какъ на мистическій пунктъ, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры*, съ силою, зависящею отъ разстоянія, и *не можемъ мы* также *согласиться съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство съ безконечною твердостію и силою (невтрсятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ)*; *но мы должны представлять его себѣ, какъ часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, которая имѣетъ форму*, движеніе и законы дѣйствій,—предметы, доступные для научнаго изслѣдованія».

ГЛАВА XV.

Приступимъ теперь къ критическому обзору вышеизложенныхъ ученій *о бытіи атомовъ, какъ реальной основы сущаго*. Начнемъ не съ философскихъ, а съ химическихъ теорій, какъ болѣе эмпирическихъ и потому наиболѣе позитивныхъ.

Сущность атомистическаго ученія состоитъ въ томъ, что вещество предполагается состоящимъ изъ совокупности безконечно малыхъ недѣлимыхъ частей,—атомовъ, которые не могутъ не только дѣлиться, но и вообще измѣняться въ своей формѣ и свойствахъ, такъ какъ всякое измѣненіе въ атомѣ предполагало бы въ немъ отсутствіе

абсолютной простоты, проницаемость, частичность, а слѣдовательно, и дѣлимость. Предполагается, что формы и свойства веществъ опредѣляются только движеніемъ и расположеніемъ атомовъ въ пространствѣ; а явленія понимаются, какъ перемѣна въ движеніи и взаимномъ положеніи атомовъ, при чемъ всѣ частичныя явленія, совершающіяся на безконечно малыхъ разстояніяхъ, суть только *механическія*, такъ-какъ атомы предполагаются абсолютно простыми и неизмѣнными.

Для ясности, сравнимъ это новѣйшее атомистическое ученіе съ глубоко продуманнымъ древнимъ атомизмомъ *Демокрита*. Истинно и вѣчно сущее, по Демокриту, суть атомы, недѣлимые, неизмѣняемые, протяженные (по современной теоріи, атомы предполагаются безконечно малыми, почему изъ нихъ не можетъ сложиться ничто пространственное), безкачественные, но различающіеся только величиною, фигурою и тяжестію, составляющіе бытіе и полноту (современные безконечно малые атомы не могутъ составить бытіе и полноту), движущіеся въ пространствѣ, которое есть небытіе и пустота, при чемъ бытіе никакъ не реальнѣе небытія (такъ просто разрѣшается вопросъ о реальности пространства: оно хоть и пустота, но тѣмъ не мѣнѣе и реальное бытіе, при чемъ дѣлается не нужнымъ въ теоріи бытіе не вмѣщающагося ни въ какую систему средо-проводнаго частичнаго эѳира), движимые нуждою,—случаемъ. Такимъ образомъ, эта древнегреческая теорія оказывается гораздо замкнутѣе и законченнѣе современнаго намъ своего отродья, какъ это еще яснѣе увидимъ ниже.

Атомъ, безконечно-малую частицу вещества, въ опытѣ получить нельзя. «Къ какому бы протяженію матеріи мы ни обратились»,—пишетъ *Бюхнеръ*,—«къ самому ли меньшему, или къ самому большему, мы никогда не найдемъ конца или послѣдней матеріальной формы. Какъ только изобрѣтеніе микроскопа открыло намъ непзвѣстные прежде міры и показало глазу наблюдателя до того времени не предполагаемую тонкость формъ органическихъ элементовъ, то начали было питать *смѣлую надежду прослѣдить органическую конечную форму и, можетъ быть, даже начало зарожденія; но надежда эта пропала* съ усовершенствованіемъ инструментовъ». А химическая неорганическая конечная форма должна лежать глубже всякой органической, въ существѣ своемъ сложной, конечной формы. Какъ же, послѣ этого, доказать бытіе безпредѣльно великаго количества атомовъ, когда и одинъ атомъ въ опытѣ получить невозможно, когда невозможны здѣсь никакія ни наведеніе, ни аналогія? Можно доказывать не наблюденіемъ

собственно надъ атомами, а не иначе, какъ *дедукціею* отъ наблюденія надъ тѣлами и надъ ихъ строеніемъ, такъ-какъ тѣла предполагаются построенными изъ атомовъ. Дедуктивное доказательство важно здѣсь тѣмъ болѣе, что самъ *Д. С. Миллъ* утверждаетъ не-только равный, но даже преимущественный авторитетъ дедукціи предъ индукціею, и дедуктивному методу пророчествуетъ въ будущемъ даже господство. «На нынѣшней ступени знанія»,—говоритъ *Д. С. Миллъ* [1]),—«ему (дедуктивному методу) предназначено неизмѣнно господствовать въ научныхъ изслѣдованіяхъ. Въ философіи мирно, быстрѣе и быстрѣе, совершается революція, обратная перевороту, связанному съ именемъ *Бэкона*; этотъ великій человѣкъ *превратилъ методъ наукъ изъ дедуктивнаго въ опытный, а теперь этотъ методъ быстро превращается изъ опытнаго въ дедуктивный*». Такимъ образомъ, далѣе предлежитъ разсмотрѣнію вопросъ: *доказы-вается ли бытіе атомовъ дедукціею отъ строенія тѣлъ?*

Тѣла раздѣляются на простыя и сложныя,—отвѣчаетъ химія. Простыя тѣла составлены изъ атомовъ однородныхъ, а сложныя изъ атомовъ разнородныхъ. Атомистическая теорія полагаетъ, что простыя тѣла, какъ сложныя изъ однородныхъ и неизмѣнныхъ въ себѣ атомовъ, неспособны превращаться другъ въ друга и заставляетъ допускать коренное различіе въ простыхъ тѣлахъ, не позволяя думать, что, въ разныхъ случаяхъ, простое элементарное тѣло перемѣняется, такъ-какъ въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, можно допустить только прочныя постоянныя свойства. По этому, далѣе предстоитъ рѣшенію вопросъ: *дѣйствительно ли «вся совокупность химическихъ знаній нашего времени заставляетъ допускать коренное различіе и неизмѣнность простыхъ тѣлъ, неизмѣнность ихъ свойствъ и, по дедукціи, неизмѣнность самыхъ атомовъ»?*

Въ настоящее время, простыхъ тѣлъ считается 63—70. Но возможно, что простыя тѣла будутъ современемъ разложены. Нѣкоторыя тѣла, признаваемыя теперь за простыя, въ соединеніяхъ своихъ до того сходны между собою, что нельзя имѣть увѣренности въ отсутствіи тожества между ними. Не должно думать, что безконечное превращеніе вещества однихъ, повидимому, простыхъ тѣлъ въ другія, которое предполагали алхимики, подобно фантазіямъ старыхъ философовъ, вытекало только изъ воображенія. До сихъ поръ не замѣчено ни одного случая подобнаго превращенія; но на-основаніи нѣкото-

---

[1]) Логика 1, стр. 552.

рыхъ соображеній можно допустить его возможность. Современная химія также, какъ и позитивная философія, не считаетъ мечтою мысль дѣлать золото. Самъ *Д. С. Миллъ* [1]) говоритъ: ежедневный опытъ показываетъ, что почти каждое изъ отличительныхъ свойствъ всякаго предмета: его твердость, цвѣтъ, вкусъ, запахъ, форма, можетъ быть вполнѣ измѣнено огнемъ, водой, или какимъ-либо другимъ химическимъ дѣятелемъ,—что когда во власти человѣка оказалось произвести, или уничтожить формы всѣхъ этихъ свойствъ, то представляется не только отвлеченно, но и практически возможнымъ преобразованіе веществъ, и мы вовсе не намѣрены отвергать, въ неопредѣленномъ будущемъ, возможность дѣлать золото, открывъ въ немъ сперва сложное тѣло, а за тѣмъ сложивъ его различныя начала или составныя части. А въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* [2]) «съ большою вѣроятностію предсказывается, что современемъ всѣ наши элементы будутъ разложены и мы, вмѣсто 65-ти различныхъ матерій, будемъ признавать только *одну матерію, подобно тому, какъ физики уже теперь начинаютъ сводить всѣ явленія къ одной общей причинѣ, считая ихъ проявленіемъ одной силы движенія*». Есть ли однако-же такія тѣла, о которыхъ можно было бы рѣшительно утверждать, что онѣ суть чистые элементы, дѣйствительно простыя тѣла, *которыя не могутъ быть разложены?*—Хотя въ настоящее время,—отвѣчаетъ химія,—мы должны отказаться отъ увѣренности въ сложности простыхъ тѣлъ,—однакожъ такую сложность нельзя ни допускать, ни отрицать, по недостатку данныхъ; равно-какъ, и обратно, не должно думать, что простыя тѣла совершенно разнородны и никакой соизмѣрности не имѣютъ; такое заключеніе нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить. Но этого мало, что каждое простое тѣло можно пока мыслить сложнымъ; приходится сдѣлать еще шагъ далѣе.

Чистое элементарное тѣло есть не иное что, какъ отвлеченное понятіе: ни одного чистаго элементарнаго тѣла въ опытѣ получить нельзя. Такъ, во всѣхъ углеродныхъ соединеніяхъ нѣтъ угля: то, что въ нихъ содержится, называютъ *углеродомъ*, который въ опытѣ никогда не получается. Углеродъ есть элементъ общій углю, также веществамъ получаемымъ изъ угля (графиту, алмазу), равно-какъ и веществамъ содержащимъ уголь. Углеродъ, такимъ образомъ, *есть понятіе, а не тѣло*, есть вещество

---

[1]) Въ Логикѣ II, стр. 323.

[2]) Апрѣль 1871 г.

могущее принять форму угля и другіе виды (угля, алмаза, графита). Точно также понятіе *о кислородѣ элементѣ* нужно отличать отъ понятій о кислородѣ—газѣ и озонѣ. Кислородъ, какъ газъ и озонъ, есть тѣло, а кислородъ элементъ, подобно углероду, *есть скорѣе отвлеченное понятіе о веществѣ.* Относительно водорода и другихъ тѣлъ должно всегда существовать тоже различіе въ понятіяхъ, т. е. что всѣ чистые элементы суть отвлеченныя понятія, а не тѣла, и въ опытѣ получить ихъ нельзя. Въ опытѣ мы получаемъ только измѣненіе элементарныхъ тѣлъ, но не можемъ получить ни одного чистаго элемента, съ неизмѣнными свойствами.

По и отсюда приходится сдѣлать шагъ еще далѣе и глубже. Природа элементарнаго тѣла, какъ мы получаемъ его въ опытѣ, *видоизмѣняется безъ измѣненія его состава.* И такихъ случаевъ много. Общее названіе для такихъ случаевъ химическаго превращенія есть *изомерія.* Изомерностью называется различіе въ свойствахъ, при одномъ и томъ же составѣ. Такъ одно и тоже элементарное тѣло является въ двухъ состояніяхъ: въ-видѣ озона и кислорода; такъ, углеродъ является въ формѣ чистаго угля, алмаза и графита, которые химически не различаются между собою, въ физическомъ же отношеніи различіе между ними весьма рѣзко.

Какъ же далеко можетъ простираться видоизмѣненіе одного и того-же элемента и какихъ качествъ элемента оно можетъ касаться? При изомеріи, тѣла претерпѣваютъ измѣненія въ цвѣтѣ, въ полярности—въ отношеніи къ дѣйствію электричества, въ степеняхъ температуры, переходятъ въ состоянія газообразныя, жидкія и твердыя, твердыя—то мягкія, тягучія, то крѣпкія; пріобрѣтаютъ то кристаллическую форму, то аморфное строеніе; въ кристаллической формѣ являются диморфными и даже триморфными, вообще претерпѣваютъ глубокія и рѣзкія измѣненія не-только въ физическихъ, но и въ химическихъ свойствахъ. Одно уже то, что «нѣкоторыя тѣла», какъ заявляетъ геологъ *Моръ*, — «при одинаковомъ составѣ, являются въ двухъ, или даже болѣе различныхъ формахъ, которыя не переходятъ одна въ другую, напр., гранатъ и идокразъ, известковый шпатъ и аррагонитъ, титановая кислота, сѣра и проч., — этотъ, такъ-называемый, *диморфизмъ*, или *триморфизмъ*, *не можетъ быть согласованъ съ понятіемъ о коренной (неизмѣнной) формѣ молекулъ*», — вообще малѣйшихъ частицъ. Точно также, и обратно, «изомерія»,—жалуется геологъ *Моръ*, — «обманула надежды, которыя пода-

вала. Замѣчено, что нѣкоторыя тѣла, сходныя по составу, кристаллизовались въ одну и туже форму; найдено далѣе, что атомическіе объемы такихъ веществъ были равно велики. Такія вещества признаны эквивалентными. Ожидалось, что эти тѣла всегда могутъ замѣщать другъ друга въ соединеніяхъ, безъ измѣненія формы; но оказалось, что въ-отношеніи къ однимъ изомернымъ тѣламъ это справедливо, а въ-отношеніи къ другимъ нѣтъ. Многія заключенія, выведеныя такимъ путемъ, оказались ложными. Отсюда слѣдуетъ, что воззрѣніе на изоморфизмъ, основанное на одинаковомъ видѣ и на одинаковомъ объемѣ элементовъ и соединеній, *въ самомъ существѣ своемъ ложно и что здѣсь, вѣроятно, существуетъ другая, до сихъ поръ еще не открытая, причина, почему природа можетъ обходиться столь бѣднымъ числомъ формъ, для такого громаднаго количества соединеній».*

Отъ какихъ причинъ происходятъ столь существенныя видоизмѣненія въ тѣлахъ элементарныхъ?—Такія измѣненія въ элементахъ происходятъ отъ степени нагрѣванія, отъ вліянія гальванизма, электричества и отъ дѣйствія свѣта. Такъ, на прим., озонъ образуется изъ кислорода черезъ электролизъ. Такъ, можно выразиться, что уголь есть соединеніе углерода съ теплородомъ; переходя въ соединеніе, углеродъ отдаетъ, или принимаетъ, часть теплорода. Такъ, хлоръ подвергается химическому измѣненію отъ дѣйствія свѣта, и т. п.

Какое именно непосредственное дѣйствіе эти дѣятели производятъ въ элементахъ, — дѣйствіе, которымъ посредствуются и условливаются вышесказанныя видоизмѣненія въ простыхъ тѣлахъ? Химія на это умѣетъ отвѣчать только, что нагрѣваніе состоитъ въ извѣстной напряженности колебанія частицъ тѣла; между свѣтовыми и теплотными явленіями существуетъ аналогія, выражающаяся тѣмъ, что явленія того и другаго (свѣта и тепла) признаются за движеніе частичекъ; теплотное состояніе матеріи мы не можемъ представить себѣ иначе, какъ опредѣленнымъ состояніемъ движенія; можно думать, что всѣ явленія суть разныя формы движенія. Видоизмѣняясь, углеродъ (какъ и другіе элементы) отдаетъ часть теплорода, или принимаетъ. Конечно, это представленіе есть чисто формальное, потому-что *теплородъ нельзя понимать, какъ матерію: это есть извѣстное состояніе, движеніе, явленіе, а не матерія.* Разсматривая теплоту, какъ колебательное состояніе матеріи, мы можемъ сказать, что углеродъ есть то матеріальное вещество, то вѣсомое начало, которое находится во всѣхъ углеродныхъ соединеніяхъ, которое въ нихъ

имѣетъ *различное напряженіе и различное время колебаній; углеродъ можно представить себѣ, какъ атомъ угольной матеріи, а уголь, какъ собраніе такихъ атомовъ въ мелекулу.* Вліяніемъ невѣсомыхъ силъ производится, въ элементарныхъ тѣлахъ, различіе не-только *въ физическомъ строеніи, т. е. въ распредѣленіи молекулъ въ тѣлѣ,* но *даже несомнѣнное видоизмѣненіе и внутри молекулъ.*

Такимъ образомъ, эмпирическимъ, повидимому, путемъ мы дошли до признанія существованія не-только частицъ, *молекулъ, но и атомовъ.* Вмѣстѣ *съ тѣмъ, дошли до «несомнѣннаго»,*—по взгляду химическому,—«признанія видоизмѣненій внутри частицъ, до признанія *видоизмѣненій въ распредѣленіи не-только молекулъ въ элементѣ, но и атомовъ внутри молекулъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что понятіе сложности, дѣлимости, измѣняемости входитъ въ самое понятіе молекулы. *Что такое молекула?* Молекулы это группы атомовъ, недѣлимыя механически и раздѣляющіяся только при химическихъ процессахъ. Химія заставляетъ предполагать непремѣнное существованіе такихъ атомныхъ группъ, имѣющихъ извѣстную форму постоянства, хотя и измѣняемыхъ. Въ «нынѣшнемъ своемъ видѣ атомистическая теорія,»—по словамъ сэръ *Вильяма Томсона,*—«допускаетъ существованіе химическаго атома, который *самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ.* Теперь мы не должны болѣе смотрѣть на атомъ, какъ на *мистическій пунктъ,* одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры, и не можемъ также согласиться съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство, съ безконечною твердостью и сплою *(невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ),* но должны представлять его себѣ, какъ *часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, которая имѣетъ форму, движеніе и законы дѣйствій».*

Спрашивать ли, послѣ этого, о бытіи не молекулъ, а атомовъ, частицъ абсолютно недѣлимыхъ, неизмѣняемыхъ? Но такъ-какъ мы не дошли и до половины пути, то пойдемъ далѣе и, по возможности, до конца.

Подтверждается ли эмпирическими наблюденіями, при дознанной дѣлимости молекулъ, недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ атомовъ, которые должны бы быть такими, по отвлеченному понятію объ атомѣ? Нѣтъ. Эмпирическія наблюденія разбиваютъ эту гипозу шагъ за шагомъ.

Казалось бы, вопервыхъ, что атомы одного и тогоже елементар-

наго тѣла должны быть однородны и во всемъ однокачественны? Но на дѣлѣ это, прежде всего, оказывается не такъ. Емпирическія наблюденія показываютъ, что хотя вещество атомовъ простыхъ тѣлъ и одинаково, но *атомы могутъ быть и не одинаковы*, что можно видѣть въ озонѣ, въ которомъ только одинъ изъ трехъ атомовъ кислорода дѣйствуетъ окислительно, при обыкновенной температурѣ. Быть можетъ, и три атома кислорода въ азотной кислотѣ не одинаковы между собою; даже два атома въ частицѣ водорода едва ли обладаютъ одинаковыми свойствами, и т. п.

Вообще химія указываетъ слѣдующіе роды измѣненій атомовъ въ молекулѣ: 1) *метамерность*, когда атомы внутри молекулы принимаютъ иное положеніе, или иную форму движенія, — 2) *полимерность*, когда измѣняется число атомовъ, образующихъ молекулу,—3) *химическія превращенія: соединеніе, распаденіе, двойное разложеніе*, когда атомы распредѣляются въ новыя молекулы, не тожественныя съ прежними. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти гипотезы не исчерпываютъ и не объясняютъ всѣхъ родовъ частичныхъ измѣненій, вынуждая предполагать, что «*атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя нѣкоторымъ сложеніемъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),— что то, что мы называемъ недѣлимымъ (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами, какъ молекулы недѣлимы въ обычныхъ условіяхъ физическими силами. Къ такому предположенію невольно склоняется умъ*», т. е. измѣнчивость и дѣлимость не-только молекулъ, но и атомовъ, невольно навязываются на признаніе, вынуждая въ основѣ самихъ атомовъ искать еще какихъ-то «*ультиматовъ*». Химическій атомъ, по словамъ *Сэра Вильяма Томсона*, «самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ, а не мистическій пунктъ, одаренный безконечною твердостію, есть часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, имѣющая форму».—«Вообще», по словамъ *Ульриці*, новѣйшая химія пришла къ тому взгляду, что отдѣльныхъ атомовъ, въ изолированномъ состояніи, не можетъ быть, что атомы могутъ существовать только въ соединеніи, по-крайней-мѣрѣ, по-парно». Это значитъ, что, насколько доступна химическому наблюденію глубочайшая основа матеріальнаго бытія, и тамъ сложность этого бытія есть неизбѣжное условіе, а несложность—гипотеза, мало того, что не имѣющая ни малѣйшаго фактическаго основанія, но и несогласимая съ наблюдаемыми химіею фактами.

ГЛАВА XVI.

Справедливость послѣдняго положенія обнаружится еще безспорнѣе, когда мы разсмотримъ *распредѣленіе молекулъ и атомовъ въ тѣлахъ сложныхъ.*

Соединеніе или образованіе сложныхъ тѣлъ есть не иное что, какъ, образованіе группы атомовъ изъ разнородныхъ веществъ, при чемъ атомистической теоріи нужно, чтобы *полное сліяніе атомовъ не имѣло мѣста* (такъ-какъ сліяніемъ предполагается измѣненіе абсолютно неизмѣнныхъ атомовъ), *а происходило бы только механическое сопоставленіе.*

И дѣйствительно, атомизмъ нашелъ было для себя подтвержденіе въ такъ-называемомъ *Дальтоновомъ законѣ кратныхъ отношеній.* Этотъ законъ оказался было въ-пользу атомистическаго ученія, по слѣдующему съ нимъ совпаденію. Если дѣлимость каждаго простаго тѣла имѣетъ предѣломъ *атомъ*, то образованіе сложнаго тѣла изъ простыхъ должно состоять въ совокупленіи нѣсколькихъ, именно цѣлыхъ, атомовъ въ одно цѣлое, и такъ-какъ атомы (по своей теоретически предполагаемой абсолютной недѣлимости) могутъ соединяться только цѣлыми своими массами,—то, очевидно, къ соединеніямъ атомовъ между собою долженъ примѣняться законъ не-только постояннаго состава, но и кратныхъ отношеній, т. е. 1 атомъ вещества можетъ соединяться съ 1, 2 и 3-мя атомами другаго тѣла, но не съ $^1/_3$, въ другой разъ — $^1/_5$, въ третій — $^1/_8$ и т. п. Это на самомъ дѣлѣ и оказалось, по открытію *Дальтона.* Оказалось также, что вытѣсненіе одного элемента другимъ слѣдуетъ *закону эквивалентовъ*, при чемъ одинъ или нѣсколько атомовъ даннаго тѣла становятся на мѣсто 1 или нѣсколькихъ атомовъ (непремѣнно въ опредѣленныхъ цѣлыхъ числахъ, а не произвольныхъ дробяхъ) другаго элемента, въ его соединеніяхъ, такъ-что къ опредѣленному химическому соединенію нельзя (такъ сначала казалось) прибавить одной изъ составныхъ частей въ любомъ количествѣ, а можно прибавлять только скачками, извѣстнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ, количествомъ атомовъ. Оказалось, что каждому элементу свойственъ свой *предѣлъ атомности.* Такъ, 1 атомъ углерода соединяется съ 4 атомами водорода, почему углеродъ и называется 4-хъ *атомнымъ элементомъ*; кислородъ,

соединяющійся съ 2 атомами водорода, есть *элементъ 2—атомный*: хлоръ, соединяющійся съ 1 атомомъ водорода (1 на 1), есть *элементъ 1—атомный*; азотъ есть элементъ 3 и 5—атомный; самый водородъ считается элементомъ 1—атомнымъ. Такой послѣдовательности въ такъ-называемой *атомности* оказалась *аналогичною* послѣдовательность и *въ атомномъ вѣсѣ*. Водородный атомъ принимается вѣсящимъ 1, а водороднаго газа частица содержитъ уже 2 атома водорода (*одно изъ основаній, почему химія пришла къ выводу, что атомы могутъ существовать только въ соединеніи, по меньшей мѣрѣ—попарно*). Кислородъ элементъ представляетъ атомный вѣсъ 16, кислороднаго же газа частица вѣситъ 32, а частица озона вѣситъ 48; вѣсъ атома угля долженъ быть весьма великъ. Здѣсь-то скрывается главное основаніе, почему химія пришла къ выводу, что какъ чистое элементарное тѣло есть скорѣе отвлеченное понятіе, чѣмъ фактически данное тѣло, такъ и каждый атомъ, въ чистомъ видѣ, есть отвлеченное понятіе, а не фактически данное нѣчто; и атомъ можетъ существовать только въ соединеніи, не менѣе какъ съ однимъ, другимъ атомомъ, откуда, впрочемъ, не слѣдуетъ, что въ опытѣ можно получить молекулу водорода именно изъ 2-хъ атомовъ соединенныхъ, но слѣдуетъ только, что существованіе молекулы водорода условливается непремѣннымъ соединеніемъ равнаго съ равнымъ количествомъ атомовъ, т. е. 10 съ 10, 20 съ 20, 100 съ 100 и т. д. Оказалось, что *атомности* или *закону кратныхъ отношеній* слѣдуетъ и эквивалентность въ элементахъ, сходственныхъ между собою по химическому характеру: сходственныя соединенія отличаются между собою физическими свойствами въ томъ-же самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ отличаются *и атомнымъ вѣсомъ*. Атомистическая теорія, послѣ *Дальтонова* открытія, казалось, была подтверждена; но такъ казалось только до послѣдующихъ открытій.

Дальнѣйшія наблюденія показали, что *законъ Дальтона допускаетъ очень много исключеній, до того много, что едва ли даже можетъ считаться общимъ правиломъ*,—что вообще установлять атомность элемента, т. е. опредѣлять количество сродствъ, которыми онъ обладаетъ, и тѣмъ предугадывать его опредѣленныя аналогіи, не-только не возможно, но, вѣроятно, и совершенно ошибочно. Кромѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, существуетъ рядъ другихъ химическихъ явленій, именно, *соединенія тѣлъ въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ*. Если въ одномъ ряду химическихъ явленій (по зако-

ну *Дальтона)* нельзя прибавлять одной изъ составныхъ частей, въ любомъ количествѣ, то въ другомъ ряду можно (вопреки закону *Дальтона)* прибавлять одного изъ составныхъ веществъ понемному, по произволу. Вслѣдствіе этого, дѣленію тѣлъ по атомности не придаютъ большаго значенія. Представленіе атомности не во всѣхъ своихъ выводахъ достовѣрно: 1 и 2-хъ хлористый водородъ есть вещество уже замкнутое, *насыщенное*, между-тѣмъ между образующими его элементами можно втиснуть еще значительное количество кислорода. Марганецъ есть элементъ не-только 1 или 2-хъ атомный, но и 3, и 4, и 6-ти атомный, а хромъ 2, и 3, и 4, и 5 и 6—атомный; сѣра 2 и 6—атомна. Наблюденія заставляютъ отрицать и неизмѣнную полярность элементовъ и постоянную атомность. Даже для углерода постоянную атомность (C=4) принять нельзя (въ CO углеродъ 2-атоменъ). Можно также допустить, что сѣра имѣетъ шесть сродствъ, неодинаковыхъ между собою. Соединенія ванадія представляютъ разительный примѣръ *измѣненія атомности*. Въ соединеніяхъ платины несомнѣнно *правильное и постоянное измѣненіе въ величинѣ атомнаго вѣса*, которое влечетъ за собою правильное и постоянное измѣненіе какъ въ качественной, такъ и въ количественной способности элементовъ къ соединеніямъ; и притомъ здѣсь есть *періодическая повторяемость и качественныхъ и количественныхъ признаковъ*, согласная съ постояннымъ *возрастаніемъ атомнаго вѣса*. Это выводъ всѣхъ сличеній, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи, открывающій новую точку зрѣнія на элементы. Этотъ-то, по преимуществу, выводъ, при знакомствѣ съ химіею, «невольно склоняетъ умъ къ предположенію, что *атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя сложеніемъ нѣкоторыхъ, еще меньшихъ, частей (ультимматовъ), — что называемое нами недѣлимымъ (атомъ) не дѣлимо только обычными химическими силами*, какъ молекулы не дѣлимы, въ обычныхъ условіяхъ, физическими силами. Эта періодичность есть пока самое таинственное явленіе. Кажется, что *объясненіе здѣсь возможно только въ-смыслѣ динамическаго представленія*. По духу ученія объ атомности элементовъ, нужно предполагать, что въ водѣ и другихъ *насыщенныхъ тѣлахъ* есть еще сродства, которыя надо предполагать связанными въ соединяющихся частицахъ. Но допустить, что есть *свободныя сродства* въ водѣ и другихъ насыщенныхъ соединеніяхъ, значитъ разрушить всѣ представленія объ атомности. Если же сдѣлать это, то гдѣ, спрашивается, тогда остано-

виться въ установленіи безграничнаго числа сродствъ? И если оно въ самомъ дѣлѣ безгранично, то какое имѣемъ мы право устанавливать опредѣленныя сродства въ тѣхъ, или другихъ, случаяхъ? Вообще, если допустить измѣнчивую атомность, то нѣтъ границъ для этой измѣнчивости. Тогда основныя понятія о томъ, что соединенія совершаются посредствомъ насыщенія сродства соединяющихся между собою атомовъ, совершенно рушатся и отъ ученія объ атомности элементовъ не останется ничего. И дѣйствительно, ученіе объ атомности рѣзко вредитъ въ пониманіи неразрывной связи между соединеніями, изъ которыхъ одни считаются за атомныя, а другія за молекулярныя. Искусственно полагаемыя между молекулярными и атомными соединеніями границы положительно вредятъ правильному ходу науки. Есть цѣлыя группы тѣлъ одного и того же простаго тѣла, которыя заставляютъ признавать въ элементахъ большее число сродствъ, чѣмъ общепринято». Даже иногда нужно бываетъ «согласиться, что *число сродствъ элемента можетъ сильно мѣняться; измѣнчивость же числа сродствъ показываетъ, что это число не составляетъ коренного свойства атомовъ.* Образованіе «нѣкоторыхъ» тѣлъ заставляетъ или въ H (водородѣ) предположить болѣе одного сродства (а это тѣло избирается для сравненія, какъ условная единица), или въ O (кислородѣ) принять болѣе общепринятыхъ 2-хъ сродствъ (а тогда даже вода не есть тѣло предѣльное,—значитъ, гдѣ же искать и найти предѣлъ?), или-же допустить, что въ соединеніи могутъ развиваться сродства помимо тѣхъ, которыя принадлежатъ образующимъ его элементамъ. Всѣ эти и еще нѣкоторыя подобныя допущенія разрушаютъ все строеніе, основанное на допущеніи атомности элементовъ. Это безъисходный кругъ»... Подобнымъ-же образомъ и *Кіевскія университетскія извѣстія* (апрѣль 1871 г.) заявляютъ, что «*понятіе объ атомности шатко и неопредѣленно*, чему яснымъ доказательствомъ служитъ то, что *химики на-счетъ этого держатся весьма различнаго мнѣнія.* Одни полагаютъ, что каждому элементу соотвѣтствуетъ только одна степень соединенія съ другими элементами, и всѣ соединенія, противорѣчащія такой неизмѣнной атомности, причисляютъ или къ разряду такъ-называемыхъ *молекулярныхъ соединеній, или къ ненасыщеннымъ, принимая въ нихъ свободныя единицы сродства.* Другіе полагаютъ, *что атомность можетъ мѣняться, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но ни то, ни другое представленіе объ атомности не можетъ объяснить намъ строеніе всѣхъ химическихъ соединеній*, уже потому, что ни одно изъ-

нихъ непримѣнимо къ такъ-называемымъ молекулярнымъ соединеніямъ. На-основаніи предположенія о сложности простыхъ элементарныхъ тѣлъ, можно заключать, что различіе единицъ сродства не-только возможно, но и вѣроятно».— Отсюда слѣдуетъ, что хотя атомность атомовъ вообще принято предполагать неизмѣнною, такъ-какъ предполагается, что въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, должно допускать только прочныя постоянныя свойства, — однакожъ *химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ, но и атомовъ, и химическія наблюденія до сихъ поръ не открыли въ нихъ ни одного коренного неизмѣннаго свойства.*

Эмпирическое наблюденіе надъ химическими процессами ведетъ даже къ признанію того, что *химическія явленія сопровождаются полнымъ измѣненіемъ природы тѣлъ*, такъ-что трудно рѣшить, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны,—существуетъ ли вѣчное безконечное превращеніе одной матеріи во всѣ другія, или кругъ этихъ превращеній ограниченъ? На-основаніи нѣкоторыхъ соображеній, можно допустить возможность подобнаго превращенія, и *химія стремится къ постиженію того однообразія, которое кроется во множествѣ сложныхъ тѣлъ.* Химикъ видитъ, на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по закону вѣчности силъ и матеріи. Во всѣхъ случаяхъ химическаго соединенія, составныя части (наприм., въ водѣ) никогда не входятъ со всѣми своими свойствами, напротивъ того, составная часть теряетъ часть своего существованія, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была. Такъ, наприм., чистый водородъ, ни подъ какимъ давленіемъ, не превращается въ жидкость, между-тѣмъ чрезъ соединеніе съ другимъ газомъ, кислородомъ, образуетъ воду, а что еще страннѣе,—самъ по себѣ есть металлъ. Такъ, въ изомерныхъ тѣлахъ природа тѣла, даже простаго, видоизмѣняется безъ измѣненія его состава. Причина изомеріи лежитъ глубоко въ сущности природы вещества,—и ея изслѣдованіе приводитъ къ множеству результатовъ весьма важнаго теоретическаго значенія. Быть можетъ, *простыя тѣла суть только изомерныя видоизмѣненія другъ друга.* Можно представить себѣ, что изомерныя тѣла отличаются другъ отъ друга только кратностію паевъ (что, наприм., H=1, а O=8). Такъ озонъ болѣе сгущенъ, чѣмъ кислородъ, а именно 3 объема кис. орода, сгущенные, даютъ 2 объема озона. Всѣ тѣла представляютъ нѣсколько аналогичныхъ группъ, между которыми

мы видимъ большое сходство. Такъ, А) озонъ показываетъ великое сходство съ цѣлымъ рядомъ другихъ окисляющихся веществъ; Б) съ перекисью водорода есть много аналогичныхъ веществъ, точно также, какъ и водѣ соотвѣтствуетъ цѣлый рядъ металлическихъ соединеній; В) есть тѣла совершенно различныя по свойствамъ, при одномъ и томъ же составѣ, и, обратно, совершенно сходныя по свойствамъ, при различномъ составѣ,—при чемъ характеръ вещества измѣняется отъ степени сжатія, отъ количества тепла, отъ дѣйствія электричества, отъ вліянія свѣта, котораго дѣйствіе особенно благопріятствуетъ такъ-называемой *металепсіи*, замѣщенію одного тѣла другимъ, каково, напр., замѣщеніе водорода хлоромъ, который и соединяется съ водородомъ, и замѣщаетъ его;—Г) натрій, представитель цѣлаго ряда простыхъ тѣлъ, значительно распространенъ во вселенной, какъ и водородъ; Д) мѣдь, въ своихъ соединеніяхъ, представляетъ поразительное сходство съ серебромъ;—Е) отъ желѣза и мѣди представляютъ переходъ кобальтъ и никкель;—Ж) какъ натрій есть представитель особаго, самобытнаго, ряда простыхъ тѣлъ, такъ и желѣзо;—З) сѣра представляетъ качественное и количественное сходство съ кислородомъ и съ разнообразными другими элементами;—И) силицій или кремній весьма близко стоитъ къ углероду;—составъ кремнезема едва ли не полимерная форма углекислаго газа и. т. п.

На-основаніи цѣлаго ряда подобныхъ аналогій и превращеній, развилась *знаменитая гипотеза Прута*, по которой всѣ элементы, при всемъ своемъ матеріальномъ различіи, образованы одною матеріею, различнымъ образомъ сгущенною или сгруппированною *въ постоянныя неразрушающіяся въ нашихъ условіяхъ группы, которыя мы называемъ атомами простыхъ тѣлъ*,—существуетъ какая-то матерія, изъ которой составлены и водородъ, и всѣ другія простыя тѣла,—всѣ простыя тѣла сложны,—гипотеза, которую, однакожъ нельзя пока ни отрицать, ни подтвердить, по недостатку данныхъ, хотя и обратное заключеніе, о коренной разнородности простыхъ тѣлъ, пѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить. Химія предсказываетъ, что «со временемъ всѣ наши элементы будутъ разложены, и, вмѣсто 65 различныхъ матерій, мы будемъ признавать только одну матерію, подобно тому, какъ физика уже теперь начинаетъ сводить всѣ явленія къ одной общей причинѣ, считая ихъ проявленіемъ одной силы движенія»; равно-какъ и *Д. С. Миллъ* признается, что «преобразованіе всѣхъ веществъ представляется, не-только отвлеченно, но и практически, возможнымъ». Точно

также и біологъ *Спенсеръ* пророчествуетъ, что «если въ различныхъ группахъ конкретныхъ явленій, механическихъ, химическихъ, термическихъ, электрическихъ и проч., мы замѣчаемъ нѣкоторыя единообразія дѣйствія, общія всѣмъ имъ, то мы имѣемъ новое и важное основаніе *для заключенія, что единообразіе дѣйствія обнимаетъ всю природу.* Знакомство, какого люди достигли съ явленіями химическаго соединенія, теплоты, электричества и проч., заставляетъ предполагать, что *если найдется болѣе глубокое объясненіе* этихъ явленій,—то оно будетъ состоять не въ чемъ иномъ, какъ *въ обнаруженіи нѣкотораго, въ высшей степени общаго, факта касательно состава матеріи,*— факта, по-отношенію къ которому химическіе, электрическіе и термическіе факты будутъ представлять только различныя проявленія». *Д. С. Миллъ* даже увѣренъ, что такое, болѣе глубокое, общее объясненіе явленій найдется,—что, въ болѣе или менѣе отдаленный отъ насъ періодъ, великія обобщенія, въ-родѣ Ньютоновой теоріи тяготѣнія небесныхъ тѣхъ, будутъ сдѣланы,—что многіе изъ самыхъ общихъ законовъ природы еще не приходили никому въ голову и что многіе другіе, которые должны пріобрѣсти тоже значеніе, если и извѣстны, то единственно какъ законы, или свойства какого-либо ограниченнаго класса явленій.

На-основаніи изложенныхъ соображеній, эмпирическая химія заявляетъ, что атомное ученіе должно быть принимаемо только какъ пріемъ, подобный пріему, который употребляетъ математикъ, когда сплошную кривую раздѣляетъ на множество прямыхъ линій, для того, чтобъ этимъ путемъ дойти до выводовъ свойствъ самой кривой,—послѣ чего оставляетъ эту гипотезу, какъ существенно невозможную, такъ-какъ кривая круговая линія не можетъ состоять изъ прямыхъ: эти два понятія: прямая линія и кривая, взаимно себя исключаютъ. Такъ и химикъ прибѣгаетъ къ атомистическому представленію о строеніи вещества, представляя себѣ матерію составленною изъ безконечно малыхъ недѣлимыхъ частей; съ этимъ предположеніемъ рѣшаетъ онъ многіе вопросы сравнительно простымъ способомъ и затѣмъ можетъ оставить эту гипотезу, не дѣлая ошибки, *и даже долженъ оставить, чтобы не сдѣлать ошибки. Геологъ Моръ* провозглашаетъ объясненія, доведенныя до послѣднихъ выводовъ, на-основаніи атомистической теоріи, *въ самомъ существѣ своемъ ложными*, и предполагаетъ другую причину, до сихъ поръ еще не открытую, почему природа можетъ обходиться столь бѣднымъ числомъ формъ, для та-

кого громаднаго количества соединеній. Вообще же, по его мнѣнію, объ атомѣ, какъ абсолютно недѣлимой частицѣ, и толковать нечего; мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о твердости, ни о величинѣ молекулъ; — факты сцѣпленія и кристаллизаціи, съ атомистической точки зрѣнія, согласить между собою невозможно; — точно также не можетъ быть согласовано съ фактами понятіе и о коренной неизмѣнной формѣ молекулъ: оно ложно въ самомъ существѣ своемъ. А по приговору, изложенному *въ Кіевскихъ университетскихъ извѣстіяхъ*, который можетъ быть итогомъ всего нашего, до этого предѣла доведеннаго изслѣдованія, *атомистическая гипотеза не-только не доказана, но даже отвергнута,—понятіе объ атомности шатко,—самые элементы, вѣроятно, будутъ разложены и мы получимъ одну матерію, всѣ проявленія которой происходятъ отъ одной силы движенія, — есть разница свойствъ между атомами одного и того же элемента, — свойства элементовъ, какъ, напримѣръ, самое коренное свойство атомности и сродства, могутъ мѣняться въ неопредѣленныхъ границахъ.*

ГЛАВА XVII.

Здѣсь можно было бы и кончить изслѣдованіе о бытіи атомовъ, которые на дѣлѣ не оказываются, если бы мы смотрѣли на предметъ только съ естественно-научной точки зрѣнія. Но мы рѣшаемъ философскую задачу и на философскихъ основаніяхъ. Поэтому, съ философской точки зрѣнія, мы обязаны, прослѣдить теорію бытія, или небытія атомовъ до послѣднихъ основаній, до крайнихъ глубинъ, до какихъ только можетъ спуститься, въ этомъ пунктѣ, человѣческая мысль. Но чтобы въ этой наиболѣе таинственной области знанія не сбиться съ дороги строго позитивной дедукціи и чтобъ имѣть право предъявить свои воззрѣнія на выводы именно позитивные, замѣтимъ, что даже такой крайній позитивистъ, какъ *Д. С. Миллъ*, признаетъ цѣлые классы категорическихъ сужденій, не допускающіе исключеній. Истинныя «однообразія о всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещахъ,»—говоритъ онъ,—«именно законы чиселъ и протяженія, а также *законъ связи причины съ слѣдствіемъ*, суть, вѣроятно, единственныя, *исключеніе изъ которыхъ постоянно и безусловно немыслимо*». На этихъ-то законахъ чиселъ и протяженія, равно-какъ на законѣ связи причины съ слѣдствіемъ мы и

постараемся обосновать дальнѣйшія гаданія свои о бытіи атомовъ. Такія категорическія сужденія, какъ означенные законы, могутъ быть, безъ всякаго опасенія, приняты за аксіомы, за основаніе для совершенно-благонадежной, строго-позитивной дедукціи.

Мы должны коснуться здѣсь теорій *Ньютона*, *Босковича*, *Фехнера*, *Ульрици и Либиха*, а затѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ультра-позитивной теоріи *Д. С. Милля*.

Ньютонъ говоритъ, что «такъ-какъ частицы вещества остаются во всемъ недѣлимыми, то онѣ и образуютъ, во всѣ времена, тѣла одинаковаго свойства и строенія; иначе, еслибъ онѣ раздробились, то и природа вещей, зависящая отъ нихъ, измѣнилась бы». *Біо* ту же мысль выражаетъ такъ: «результаты показываютъ, что на земномъ шарѣ *частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются одни въ другія*, потому-что какой бы химической операціи мы ни подвергали ихъ, въ какое бы соединеніе онѣ ни вошли, онѣ всегда потомъ получатся изъ него, съ первоначальными своими свойствами; безконечное число вліяній, дѣйствовавшихъ на частицы отъ начала міра, *кажется*, не произвело никакого измѣненія въ ихъ свойствахъ».—Далѣе *Ньютонъ* предполагалъ, что твердые атомы, изъ которыхъ состоитъ матерія, не соприкасаются другъ съ другомъ, а дѣйствуютъ другъ на друга посредствомъ силы притяженія и отталкиванія, измѣняющейся по разстояніямъ. При этомъ *Ньютонъ* признавалъ себя неспособнымъ представить, чтобы притяженіе одного тѣла другимъ, на томъ или другомъ разстояніи, могло дѣйствовать чрезъ абсолютную пустоту, безъ всякой посредствующей среды. Поэтому и введена посредствующая между атомами, передающая взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, *гипотетическая жидкость*, *эѳиръ*, которая кажется даже осуществленною въ томъ, что считается невѣсомыми веществами: въ свѣтѣ, въ электричествѣ и т. п.

Изъ этого оказывается, что *Ньютонъ* заключаетъ отъ недѣлимости частицъ, атомовъ, къ тому, что они образуютъ во всѣ времена тѣла одинаковаго свойства и строенія,»—и, обратно, отъ того, что «природа вещей, зависящая отъ атомовъ, не измѣняется», заключаетъ къ тому, что, значитъ, «атомы не раздробляются». Но, при такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, въ какія великій астрономъ облекаетъ свою химическую мысль, эта мысль, и въ подробностяхъ, и въ общемъ итогѣ, оказывается несостоятельною. Вѣрно ли, что атомы недѣлимы? — Это нужно еще доказывать. Вѣрно ли, что «атомы образуютъ, во всѣ

времена, тѣла *одинаковаго свойства и строенія?»* Но какое разумѣется здѣсь свойство и строеніе, механическое ли, химическое, или органическое? Если первое и третье, т. е. механическое и органическое свойство и строеніе, то геологія и философія, ботаника и зоологія, всею совокупностію фактовъ, подтверждаютъ, что, на пространствѣ многихъ геологическихъ періодовъ, свойство и строеніе вещей, атмосферы, морей, пластовъ, организмовъ животнаго и растительнаго царствъ было не одинаково, а, напротивъ того, измѣнялось, и многократно, и глубоко. Значитъ, вѣрно ли, что» *природа* вещей, зависящая отъ атомовъ, *не измѣняется?»* Но отъ атомовъ зависитъ вся природа, между-тѣмъ вся совокупность опытовъ показываетъ, что природа вещей во многомъ измѣняется.

Мысль *Ньютона* точнѣе выражена въ вышеприведенныхъ словахъ *Біо: «на земномъ шарѣ частицы* (молекулы) *не распадаются, не измѣняются и не превращаются одни въ другія»* Но вѣрно ли и это?— «Природа даже простаго тѣла можетъ измѣняться безъ измѣненія его состава», возражаетъ на это самая новѣйшая химія. Видоизмѣненіе несомнѣнно внутри молекулъ:—молекулы распадаются. Неподвижной связи атомовъ въ молекулѣ представить нельзя. При знакомствѣ съ химіею, умъ невольно склоняется къ предположенію, что атомы простыхъ тѣлъ суть сложные предметы, образованные нѣкоторымъ сложеніемъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ). Атомность атомовъ измѣнчива до неизвѣстнаго предѣла. Въ измѣнчивости сродствъ атомовъ замѣчается періодичность. Раздѣленіе атомныхъ и молекулярныхъ соединеній положительно вредятъ правильному ходу науки и затемняетъ взглядъ химиковъ. Всѣ элементы, вѣроятно, будутъ разложены,—вѣроятно, могутъ превращаться одни въ другіе и образуютъ единую основную матерію. Всѣ элементы, вѣроятно, изомерныя превращенія одни другихъ». Такимъ образомъ, о химической неизмѣнности частицъ и толковать нечего. Поэтому, самъ *Біо* къ утвержденію своему о неизмѣнности частицъ относится не безъ сомнѣнія; ему только *кажется*, «будто безконечное число вліяній, дѣйствовавшихъ на частицы отъ начала міра, не произвело никакого измѣненія въ ихъ свойствахъ».

Другимъ мыслителямъ это даже не *кажется*, а на-вѣрное, конечно, ни одному изъ смертныхъ неизвѣстно, измѣнились ли, или нѣтъ, свойства элементовъ, отъ начала міра и до настоящаго времени. *Ульрици*, напр., на-основаніи химическихъ опытовъ, утверждаетъ даже, что «атомы *не*

могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе, ни претерпѣвать какое-либо вліяніе, такъ, *чтобы не измѣниться* въ немъ и съ нимъ, по крайней мѣрѣ, временно, какъ, наприм., въ кислородѣ и водородѣ, соединяющихся въ воду, особенно-же въ органическихъ соединеніяхъ, въ которыхъ химическая сила переходитъ въ жизненную». *Ульрици* предполагаетъ даже, что подобно тому, какъ химическіе атомы, въ органическихъ образованіяхъ, переходятъ въ жизненные, такъ эти послѣдніе, т. е органическіе атомы, могутъ переходить въ психическіе, чувствующіе и сознательные. Новѣйшая химія, по крайней мѣрѣ, положительно утверждаетъ, что настоящее состояніе химіи опредѣляется почти положительнымъ отсутствіемъ примѣненій закона вѣчности силъ къ изученію отдѣльныхъ химическихъ явленій. Химикъ видитъ, на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по этому закону, — что т. е. свойства элементовъ въ химическихъ превращеніяхъ измѣняются. *Геологъ Моръ* [1]) утверждаетъ даже не-только то, что, въ древніе геологическіе періоды, количество бывшей въ круговоротѣ углекислоты было больше, чѣмъ теперь, но и то, что сродство угля съ кислородомъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Поэтому, утвержденіе *Ньютона и Біо*, что атомы не распадаются и вообще не измѣняются, оказывается гипотезою не-только висящею въ воздухѣ, но положительно рухнувшею. *Сэръ Вильямъ Томсонъ* положительно увѣряетъ, что «*химическій атомъ, самъ по себѣ, есть уже сложный маленькій міръ, часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, имѣющая форму*». А что сложно, то само въ себѣ и частично.

Искони вѣковъ извѣстно затрудненіе, какъ философовъ, такъ и физиковъ, въ рѣшеніи вопроса, какимъ бы способомъ изъ атомовъ слѣпить матерію, со всѣми ея проявленіями. Рѣшенію этого вопроса мало помогъ и великій умъ *Ньютона*, введеніемъ между атомами, какъ, изстари извѣстныхъ, притягательной и отталкивающей силъ, такъ и новоизобрѣтеннаго эѳира. Въ пополненіе своей атомистической теоріи, *Ньютонъ* предполагалъ, что атомы не соприкасаются другъ съ другомъ, а дѣйствуютъ другъ на друга посредствомъ *силы притяженія и отталкиванія, измѣняющейся по разстояніямъ*? Дѣйствительно, въ подтвержденіе этой теоріи *механическаго строенія матеріи*, физики предполагаютъ,—пишетъ *Гербертъ Спенсеръ*,—что единицы

---

[1]) Стр. 88.

матеріи дѣйствуютъ другъ на друга по тому самому закону, по которому свѣтъ, теплота, тяготѣніе и всѣ центральныя силы измѣняются обратно пропорціонально *квадратамъ разстоянія.* Да онѣ и принуждены это дѣлать, такъ-какъ это законъ не эмпирическій только, но выводимый и математически изъ отношеній пространства, законъ, отрицаніе котораго не понятно. *Но что должно произойти въ какой-нибудь массѣ матеріи, находящейся во внутреннемъ равновѣсіи?* Притяженіе и отталкиваніе составляющихъ ея атомовъ должно бы уравновѣситься; находясь же въ равновѣсіи, атомы должны бы остаться на ихъ настоящихъ разстояніяхъ,—и масса матеріи потеряла бы способность какъ расширяться, такъ и сжиматься. Отсюда слѣдовало бы, что матерія не въ-состояніи была бы принять какую-либо другую плотность, ни оказать сопротивленіе какимъ-нибудь сторонним дѣятелямъ,—что нелѣпо. Дѣйствительно, при такомъ равновѣсіи, давно прекратилась бы всякая жизнь и всякое движеніе въ природѣ.

Выясняя свою теорію дѣйствованія атомовъ другъ на друга, присущими имъ силами, чрезъ разстояніе, *Ньютонъ* признавалъ себя неспособнымъ представить, чтобы притяженіе одного атома другимъ, на томъ или другомъ разстояніи, могло дѣйствовать *безъ всякой посредствующей среды, чрезъ пустоту.* Относя эту великую мысль величайшаго мыслителя къ апріорическимъ заблужденіямъ, отважный, но далеко не всегда основательный, мыслитель новѣйшаго времени, *Д. С. Миллъ* [1]), смѣется надъ нею, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «немногимъ болѣе полутора столѣтія до нашего времени, никто не опровергалъ и не считалъ требующею доказательства тогдашнюю научную аксіому, что *вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ.* Это ложное предположеніе обмануло самаго *Ньютона*, который выдумалъ тонкій эѳиръ, наполняющій пространство между солнцемъ и землею. «Немыслимо, говоритъ *Ньютонъ*, чтобы неодушевленная грубая матерія могла, безъ посредства чего-либо нематеріальнаго, дѣйствовать и вліять на другую матерію, *безъ взаимнаго соприкосновенія.* Мысль, что тяготѣніе прирождено и присуще матеріи такъ, что одно тѣло можетъ дѣйствовать на другое *на разстояніи, чрезъ пустоту, безъ посредства чего-либо инаго, чьимъ дѣйствіе и сила тяла могли бы быть передаваемы отъ него другому тѣлу*, кажется мнѣ (Ньютону) такою нелѣпостію, что, по моему мнѣ-

---

[1]) Логика 11, 309, 310.

нію, въ нее никогда не впадетъ человѣкъ способный разсуждать о философскихъ предметахъ. Но въ наше время, — продолжаетъ *Д. С. Миллъ*,—соблазнительнѣе обратное заключеніе: *усмотрѣніе нелѣпости въ вещи, столь простой и естественной, скорѣе можно принять за признакъ неспособности правильно разсуждать.* Теперь никто не находитъ невѣроятнымъ, чтобы небесныя тѣла могли дѣйствовать тамъ, гдѣ онѣ тѣлесно не присутствуютъ». Не-смотря на такое отважное увѣреніе *Д. С. Милля*, всѣ, однакожъ, серьезные мыслители, *отъ Демокрита и до Ульрици и Герберта Спенсера*, раздѣляли убѣжденіе *Ньютона*, что одна вещь не можетъ вліять на другую *чрезъ абсолютную пустоту.* Подвергая же посмѣянію эту аксіому, *Д. С. Милль* идетъ на-перекоръ не-только общему мнѣнію величайшихъ мыслителей всѣхъ вѣковъ, но и основоположенію своего собственнаго, ультрапозитивнаго, и всякаго другаго позитивнаго міросозерцанія, именно основоположенію, что «*единообразіемъ опыта порождается единообразіе мышленія*». Вѣдь въ опытѣ не можетъ же быть явленія, чтобы одно тѣло дѣйствовало на другое чрезъ абсолютную пустоту, такъ-какъ *природа дѣйствительно не терпитъ пустоты.* Во-первыхъ, никакимъ, ни физическимъ, ни химическимъ, экспериментомъ, нельзя произвести искусственную пустоту, совершенно освобожденную отъ присутствія какого-либо, хотя бы то самаго утонченнаго, газа, или отъ вліянія безусловно неустранимыхъ планетныхъ факторовъ: свѣта, теплоты, электричества, магнитизма и т. п. А, во-вторыхъ, сколько намъ извѣстно, вездѣ въ природѣ, за предѣлами даже самыхъ дальнихъ туманныхъ пятенъ, распространено вліяніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ этихъ факторовъ, свѣта, а съ нимъ, конечно, и всѣхъ другихъ міровыхъ факторовъ, группирующихся въ универсальномъ явленіи всеобщаго тяготѣнія. Сверхъ этого, распространеніе даже того самаго, конечно, крайне утонченнаго атмосфернаго газа, которымъ окружена поверхность земнаго шара, до безвѣстной дали звѣздной системы млечнаго пути, не лишено своего рода доказательствъ. «Нельзя отвергать существованія атмосферы на лунѣ»,—читаемъ въ химіи *Менделѣева* [1]), — «можно думать, что она тамъ существуетъ,—и вслѣдствіе того допускать, *что воздухъ распространенъ повсюду въ небесномъ пространствѣ.* Существованіе атмосферы около солнца и планетъ, судя по астрономическимъ наблюденіямъ, можно считать вполнѣ доказаннымъ. Упругость воздуха въ

[1]) I 354.

нашихъ наблюденіяхъ кажется безконечною: воздухъ долженъ быть газообразенъ и при тѣхъ низкихъ давленіяхъ, которыя онъ долженъ имѣть въ небесномъ пространствѣ. Границы между атмосферами различныхъ небесныхъ тѣлъ, по всей вѣроятности, не существуетъ. Этому всеобщему распространенію воздуха въ пространствѣ, можетъ быть, принадлежитъ и то замедленіе, которое испытываютъ планеты и кометы съ своими движеніями». А геологъ *Фридрихъ Моръ* категорически утверждаетъ [1]), что «міровое пространство должно быть наполнено вѣсомою матеріею. Мы принимаемъ, что это тѣже вещества, изъ которыхъ состоитъ наша атмосфера; въ противномъ случаѣ, давно бы уже въ нашемъ воздухѣ оказалась примѣсь посторонняго тѣла. *Для возможности прямолинейнаго распространенія свѣта и теплоты и для передачи явленій тяготѣнія между небесными тѣлами должно существовать вѣсомое вещество.* О степени разрѣженія воздуха мы не имѣемъ никакого понятія. Распространеніе звуковъ мы можемъ уничтожить въ пустотѣ воздушнаго насоса; даже водородъ значительно его ослабляетъ. *Чрезъ Торичелліеву пустоту не проходитъ электричество*; если же впустить туда самое ничтожное количество газа, то свѣтовые пояса *Румкорфова* снаряда дѣлаются видимыми. *Свѣтъ еще можетъ проникать сквозь эту пустоту. Подобнымъ образомъ сила тяжести и магнетизма нуждаются въ промежуточномъ веществѣ, чтобы дѣйствовать на разстояніи. Въ абсолютной пустотѣ ни одна сила не проявляетъ своего дѣйствія.* Наполненіе міроваго пространства разрѣженною матеріею есть необходимое условіе притяженія». — Итакъ, положеніе, что *въ природѣ нѣтъ пустоты*, что *природа не любитъ пустоты*, можно признать за одно изъ самыхъ непререкаемыхъ единообразій опыта; слѣдовательно, это положеніе должно быть признано также за одну изъ самыхъ непререкаемыхъ аксіомъ. А это показываетъ, что напрасно и неосновательно *Д. С. Миллъ* глумится надъ непреложнымъ приговоромъ истинно великаго Ньютонова ума, что «невозможно, чтобы вещь дѣйствовала на другую на разстояніи, чрезъ абсолютную пустоту, безъ посредства чего-либо, чѣмъ это дѣйствіе могло бы быть передано». Въ-силу этой-то непререкаемой невозможности, *Ньютонъ* не выдумалъ эѳиръ, а призналъ его необходимо существующимъ, какъ между великими міровыми тѣлами: солнцами, планетами и ко-

---

[1]) Стр. 1.

метами, такъ и между атомами, между которыми эѳиръ посредствуетъ въ передачѣ взаимнаго вліянія ихъ одного на другой. Но введеніе эѳира между атомами помогло атомистической гипотезѣ, опять-таки, весьма мало. «Спрашивается», говоритъ *Гербертъ Спенсеръ*, «какова организація этого эѳира, колебанія котораго, сообразно съ принятой гипотезой, порождаютъ теплоту и свѣтъ и который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ проводникомъ тяготѣнія? *Мы должны считать его состоящимъ изъ атомовъ*, притягивающихъ и отталкивающихъ другъ друга, безконечно малыхъ, правда, въ-сравненіи съ атомами обыкновенной матеріи, но все-таки атомовъ».—«Да,—подтверждаетъ *Ульрици*,— физика приводитъ насъ къ принятію *вѣсомой* матеріи, раздѣленной на дробныя части, *между которыми находится невѣсомая субстанція (эѳиръ)*, которую, тѣмъ не менѣе, нужно помѣщать въ пространствѣ и мыслить также раздѣленною на дробныя части». «Помня же, что этотъ эѳиръ есть тѣло невѣсомое»,—продолжаетъ разсуждать *Гербартъ Спенсеръ*,—«мы принуждены будемъ заключить, что отношеніе между промежутками его атомовъ и атомовъ обыкновенныхъ несравненно больше, нежели подобное-же отношеніе въ матеріи вѣсомой,—что безконечно малыя частицы эѳира *дѣйствуютъ другъ на друга опять чрезъ пространства абсолютно—пустыя,—что тѣло дѣйствуетъ тамъ, гдѣ его нѣтъ и гдѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы передать его дѣйствіе.* Мы видимъ, слѣдовательно, что дѣйствіе силы между атомами совершенно непостижимо; мы принуждены заключить, что матерія, вѣсомая, или невѣсомая, взятая въ ея совокупности, или въ ея гипотетическихъ единицахъ, дѣйствуетъ (по атомистической теоріи) на матерію чрезъ пространство абсолютно пустое; а такое заключеніе положительно не мыслимо». Древніе греческіе атомисты, болѣе современныхъ отважные и менѣе стѣсненные законами естествовѣденія, разсѣкали этотъ гордіевъ узелъ простымъ утвержденіемъ, что пространство, пустота, небытіе, при своей противоположности бытію, полнотѣ атомовъ, не менѣе реальны, какъ и эти послѣдніе. Но у современныхъ атомистовъ нѣтъ уже отваги соединять подъ понятіемъ реальности двѣ прямыя, отрицающія другъ друга, противуположности: бытіе и небытіе, абсолютную полноту и такуюже пустоту. Отъ этого современные атомы и остались безъ всякой между собою связи, не слѣпивъ изъ себя, въ Демокритовомъ рѣшетѣ, ровно ничего дѣйствительнаго, а, напротивъ того, просѣявшись сквозь него въ бездну ничтожества, всѣ безъ остатка.

«*Грове* утверждаетъ», — пишетъ *Страховъ* [1]), — «что касательно вопроса о внутреннемъ устройствѣ вещества, вѣроятно, всѣ усилія человѣческаго ума никогда не доведутъ насъ до удовлетворительнаго отвѣта. Естественники держутся атомистической теоріи, не подвергая критикѣ ея основаній. Но сказать, что *вещество есть совокупность атомовъ*, значитъ не сказать ничего, такъ-какъ вѣдь и атомы состоятъ изъ вещества, — а о немъ-то и спрашивается. Такимъ образомъ, таинственная сущность, какъ ей и слѣдуетъ, остается при этомъ недостижимою, — и весь вопросъ сводится только на то: *дѣлимо ли вещество до безконечности, или это дѣленіе имѣетъ предѣлъ. Легко показать, однакожъ, что атомистическая теорія есть предположеніе, опирающееся не на опыты, а на метафизическія основанія.* 1) Тѣла состоятъ изъ частей, дѣлятся на части, тѣло не есть что-либо самостоятельное, а только совокупность частей; тѣло, какъ цѣлое, въ собственномъ смыслѣ, не существуетъ, а существуютъ только части; значитъ, эти части не должны уже состоять изъ частей, должны существовать сами по себѣ, должны быть самостоятельными цѣлыми атомами.—2) Тѣло раздѣлено на части; въ частяхъ есть все, что было въ цѣломъ; въ тѣлѣ есть нѣчто неизмѣнное, постоянно пребывающее; тѣло должно состоять изъ неизмѣнныхъ частицъ неизмѣнной величины и формы, изъ атомовъ».— *Вирховъ* также подтверждаетъ «метафизическое происхожденіе понятія: *атома*, малѣйшей послѣдней единицы матеріи, которая, на самомъ дѣлѣ, никогда не можетъ быть получена, потому-что эти единицы находились бы за предѣлами чувственнаго воспріятія. Атомы не составляютъ послѣднихъ частей тѣла; они суть послѣдніе части элементовъ, составляющихъ тѣло. *Индивидуумы* могутъ считаться составленными изъ многочисленныхъ атомовъ: индивидуумы не единицы дѣленія, но дѣлимыя единицы; индивидуумъ, недѣлимое есть единица, которую *не должно* дѣлить, тогда-какъ атомъ *невозможно* дѣлить; недѣлимое есть единое цѣлое, измѣнчивое, временное, тогда-какъ атомъ неизмѣнное, постоянное; *недѣлимое составляетъ единицу дѣйствительную, въ-противоположность атому, единицѣ только мысленной: понятіе объ атомѣ, какъ о послѣдней мыслимой части,* прочно и неизмѣнно, *но за-то оно не выведено изъ непосредственнаго опыта*».—Тоже метафизическое происхожденіе понятія атома

---

[1]) Русскій Вѣстникъ XXVII, 1860.

подтверждаетъ и *Ульрици*. «Физика»,—говоритъ онъ,—«продолжаетъ въ міровыхъ тѣлахъ малаго размѣра видѣть туже самую дѣлимость, какую фактически наблюдаетъ между большими міровыми тѣлами. Но какимъ образомъ образуется эта дѣлимость въ послѣдней инстанціи, этого не могутъ рѣшить ни физика, ни химія, обращаясь въ этомъ случаѣ къ философіи. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что *вещество есть нѣчто доступное чувству*, во-первыхъ, *осязанія*: то, изъ чего состоитъ матерія, субстратъ этого субстрата вещей, истинно сущее въ физическомъ смыслѣ, атомы совершенно недоступны для воспріятія».—Тоже подтверждаетъ *и Г. Спенсеръ*. «Являясь универсальной формой нашего чувственнаго опыта относительно матеріи,—говоритъ онъ,—этотъ родъ представленія матеріи, составленной изъ конечныхъ элементовъ, протяженныхъ и сопротивляющихся, оказывается формою, обойти которую наше понятіе о матеріи не въ-состояніи, какъ бы ни были мелки доли, на какія *мы можемъ умственно подраздѣлить ее*. Атомистическая гипотеза, равно-какъ и сродная ей гипотеза всепроникающаго эѳира, состоящаго изъ молекулъ, суть просто *необходимое развитіе тѣхъ универсальныхъ формъ, которыя выработались въ насъ дѣйствіями непознаваемаго абсолютнаго*». Тоже подтверждаетъ *и Бюхнеръ*. «Атомомъ, говоритъ онъ, мы называемъ малѣйшую матеріальную частицу, которой *дальнѣйшую дѣлимость мы представить не можемъ, и потому полагаемъ, что матерія состоитъ изъ такихъ атомовъ*. Но слово *атомъ* есть только выраженіе нами-же приспособленнаго къ матеріи *представленія, въ которомъ мы нуждаемся для извѣстныхъ внѣшнихъ цѣлей*. Настоящаго же понятія о веществѣ, которое мы называемъ атомомъ, у насъ нѣтъ: мы не знаемъ ни величины его, ни формы, ни взаимнаго ихъ соединенія другъ съ другомъ. Никто не видалъ атома. Ни наблюденія, ни разсужденія относительно матеріи, не доводятъ насъ въ безконечно-маломъ до конечной точки, на которой можно бы остановиться, да и надежды нѣтъ, чтобы когда-нибудь это осуществилось.» — *Фридрихъ Моръ*, въ-качествѣ геолога, а не метафизика, уже вовсе избѣгая слова атомъ, или употребляя его не въ первичномъ метафизическомъ смыслѣ частицы абсолютно недѣлимой, а только въ-смыслѣ малѣйшей частицы, хотя, безъ сомнѣнія, и дѣлимой, говоритъ: «лишь только мы оставляемъ микроскопъ, мы ничего уже не замѣчаемъ. Но и съ микроскопомъ мы до сихъ поръ ничего не открыли относительно молекулъ; мы ничего не знаемъ ни о формѣ, ни о величинѣ, ни о твердости этихъ молекулъ и стоимъ на

гой границѣ, гдѣ *Галлеръ* взываетъ: въ тайны природы умъ человѣческій не можетъ проникнуть».

«Между тѣмъ»,—продолжаетъ *Страховъ*,— «*опираясь на метафизическія основанія*, атомистическая теорія *противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума*. 1) Атомы представляютъ *неизмѣнную* сущность вещества; никакія перемѣны въ мірѣ до нихъ не касаются, а между-тѣмъ сами атомы вещественны: слѣдовательно, вещество не претерпѣваетъ перемѣнъ.—2) Тѣла *дѣлимы*; но дѣленіе есть чистая видимость; оно состоитъ только въ удаленіи частей раздѣльныхъ отъ вѣчности; заключающееся же въ атомахъ вещество недѣлимо.—3) Тѣла *соединяются*; двѣ капли ртути сливаются; но сліяніе здѣсь только видимость; атомы не могутъ слиться, а могутъ только помѣститься возлѣ другъ друга.—4) Тѣла *сжимаются* и *расширяются*; но вещество собственно несжимаемо и нерасширяемо; сжатіе и расширеніе зависитъ только отъ сближенія и взаимнаго отдаленія атомовъ.—5) Тѣла *измѣняютъ форму*; но въ-сущности вещество неспособно измѣнять форму, атомы имѣютъ одну и туже форму, отъ вѣчности.—6) *Тѣла соединяются химически*:—вода не есть только механическое смѣшеніе кислорода и водорода; но въ-сущности предполагается, что атомы кислорода находятся въ ней только возлѣ атомовъ водорода, несоединимые, не слитые, а только сближенные. 7) Вездѣ, какое бы глубокое *измѣненіе* ни происходило въ веществѣ, атомистами оно объясняется такъ, что *его въ-сущности нѣтъ*, что измѣняются только пространственныя отношенія атомовъ, а не самое вещество, не атомы. Ясно, что *атомистическая теорія отрицаетъ явленія, наблюдаемыя въ тѣлахъ, и полагаетъ, что въ-сущности, т. е. въ атомахъ они не происходятъ*».—И въ этомъ опять многіе мыслители согласны, что собственно метафизическая, а не эмпирическая, теорія атомизма противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. *Сэръ Вильямъ Томсонъ* говоритъ: «мы не должны смотрѣть на атомъ, какъ на *мистическій пунктъ*, одаренный энерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры, и не можемъ согласиться съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство съ безконечною твердостію и силою, *невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ*». *Г. Спенсеръ* утверждаетъ, что «матерія, по природѣ своей, абсолютно непонятна. Сколько бы мы ни строили предположеній, мы найдемъ, разобравъ ихъ посылки, что предположенія эти не оставляютъ намъ ничего, кромѣ выбора между противоположными

нелѣпостями». Въ свою очередь, *Ульриці* рѣшительно утверждаетъ, что «*понятія: матерія и атомъ совершенно противоположны и одно всегда служитъ отрицаніемъ другаго; въ понятіи атома отрицается понятіе матеріи. По атомистической теоріи, осязаемое въ природѣ состоитъ изъ неосязаемаго, или лучше, само въ себѣ есть ничто неосязаемое,—воспринимаемое—ничто въ себѣ не воспринимаемое,—являющееся—ничто не являющееся,—дѣлимое—ничто въ себѣ недѣлимое,—чувственное—существенно—нечувственное или сверхъ-чувственное.* Такимъ образомъ, то, изъ чего состоитъ матерія, субстратъ субстрата вещей, истинно существующее въ физическомъ смыслѣ (ὄντως ὄν реальнаго матеріальнаго бытія) составляютъ совершенно неосязаемые и неподлежащіе чувственному воспріятію атомы. Матеріальный атомъ, въ своей абсолютной малости, представляется чѣмъ-то стянутымъ до точечнаго minimum пространства, чѣмъ-то исчезающимъ.... Понимая же атомъ только какъ простѣйшую, малѣйшую, совершенно незамѣтную, часть тѣла, естествознаніе уже этимъ говоритъ, что *атомъ просто не мыслимъ!* Атомъ, вслѣдствіе своей несложности, можетъ быть только созерцаемъ умомъ. А созерцаніе это не можетъ постигнуть того, что опредѣляется только, какъ самое малое и самое простое, такъ-что не можетъ быть уже ничего болѣе малаго и простаго. Слѣдовательно, *неощущаемое совпадаетъ здѣсь съ немыслимымъ.* Кромѣ того, въ понятіи объ атомѣ является противорѣчіе, какъ-скоро оно будетъ приложено къ объясненію явленій. Всѣ вещественные продметы являются протяженными, т. е. имѣютъ пространственную величину, объемъ. Спрашивается, имѣютъ ли атомы также какую-нибудь величину и протяженность, или-же тожественны съ математическою точкою? И то и другое ведетъ къ противорѣчіямъ».

«Если атомъ, продолжаетъ тотъже мыслитель, какъ бы ни былъ малъ, *имѣетъ пространственную величину*, то его нельзя представить чѣмъ-то недѣлимымъ, но слѣдуетъ приписать ему возможность дѣленія, потому-что въ понятіи всякаго количества необходимо заключается возможность дѣленія до безконечности. *Если же атомъ не имѣетъ никакой величины, никакой протяжности*,—то оказывается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ скопленіе не имѣющихъ протяженія точекъ можетъ являться протяженною массою». Матерія, *по Г. Спенсеру*,—*или дѣлима до безконечности, или нѣтъ*. Если мы скажемъ, что матерія дѣлима до-безконечности, то мы вдадимся въ предположеніе, которое мы не въ-состояніи осуществить въ мысли. При

дѣленіп какого-нибудь тѣла на двое, мы можемъ вести процессъ такъ, чтобы, дойдя до частей тѣла, недѣлимыхъ физически, умственно повторять процессъ безъ конца. Но сдѣлать это еще не значитъ реально понять безконечную дѣлимость матеріи, такъ-какъ *реально понять это значило бы умственно прослѣдить дѣленіе до безконечности, а для этого потребовалось бы безконечное время.* Съ другой стороны, утверждать, что *матерія недѣлима до безконечности*, значитъ утверждать, что матерія можетъ быть раздроблена на части, которыхъ уже никакая мыслимая сила раздѣлить далѣе не можетъ. А это предположеніе не болѣе можетъ быть представлено въ мысли, какъ и предыдущее, потому-что каждая изъ такихъ конечныхъ частей, еслибъ она существовала, должна бы имѣть верхнюю и нижнюю поверхность, правую и лѣвую сторону. Но намъ невозможно вообразить себѣ стороны ея столь близкими, чтобы нельзя было представить между ними плоскости дѣленія. Если смотрѣть на атомы какъ-бы чрезъ умственный микроскопъ, —то каждый атомъ явится частью матеріальной субстанціи. Но совершенно тѣже изслѣдованія могутъ быть сдѣланы и относительно частей, изъ которыхъ состоитъ атомъ, и тѣже самыя трудности стоятъ на пути каждаго отвѣта. Если предположить, что эти гипотетическіе атомы состоятъ изъ атомовъ еще меньшихъ, то затрудненіе, очевидно, явится снова на первомъ-же шагу; отъ затрудненія этого нельзя освободиться даже безконечнымъ рядомъ такихъ предположеній».

«Поэтому, продолжаетъ *Страховъ*, какъ бы мы ни дѣлили вещество, въ малѣйшей его части мы всегда будемъ предполагать атомы, потому-что и малѣйшая часть вещества есть все-таки вещество измѣнчивое, дѣлимое и проч., такъ-что, по сущности, мы должны представить атомы безконечно малыми, т. е. *меньше всякой данной величины; иначе сказать, мы не можемъ придать имъ никакой, даже самой малой, величины*, т. е. должны признать пхъ=0. Тѣмъ не менѣе *этому отрицанію всякой величины, всякаго реальнаго бытія*, положительно приписываются опредѣленныя и самыя реальныя, хотя и не встрѣчающіяся въ природѣ, свойства: атомы абсолютно недѣлимы, неизмѣнны, химически несоединимы, непроницаемы, однородны, вопреки свойствамъ всѣхъ тѣлъ. Предъ нами цѣлый міръ необъясненныхъ и необъяснимыхъ свойствъ. Чѣмъ соединены части атома? Почему атомы не сливаются? Почему они имѣютъ неизмѣнную форму и т. п.? Всѣ эти вопросы совершенно законны. Атомистамъ остается одно:

признать, что на нѣкоторые вопросы, правильные, разумные, нѣтъ и не можетъ быть отвѣта,—или, другими словами, что есть явленія, не имѣющія никакой причины. Такъ и дѣлаютъ они, когда говорятъ, что свойства атомовъ принадлежатъ имъ отъ вѣчности. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ *о недѣлимости атомовъ*, вѣчный камень преткновенія атомистовъ. Такъ-какъ *атомы протяженны* (*суть тѣла, а не математическія точки*),—то они мысленно могутъ быть дѣлимы. Спрашивается, отчего-же въ дѣйствительности они не дѣлятся? *Либихъ* разсуждаетъ объ этомъ такъ: *для ума совершенно невозможно представить себѣ маленькія частицы вещества, которыя были бы совершенно недѣлимы.* Какъ бы ни была мала частица, мы не можемъ считать невозможнымъ раздробленіе ея на двѣ половины, на три, на сто частей. Но мы можемъ представить себѣ, что эти атомы только физически недѣлимы, что они только въ нашихъ опытахъ являются такъ, какъ будтобы они неспособны ни къ какому дальнѣйшему дѣленію. *Физическій атомъ*, въ этомъ смыслѣ, представляетъ группу гораздо меньшихъ частицъ, которыя соединены нѣкоторыми *силами, болѣе крѣпкими, чѣмъ всѣ силы, какія на земномъ шарѣ могли бы мы употребить для ихъ раздѣленія.* Такимъ образомъ, *не отвергая безконечной дѣлимости вещества*, химикъ только признаетъ твердое основаніе, крѣпкую почву своей науки, когда считаетъ существованіе физическихъ атомовъ за неоспоримую истину». *Г Спенсеръ*, однакожъ, не находитъ возможнымъ допустить *Либиховы физическіе атомы.* Намъ невозможно, говоритъ онъ, «вообразить себѣ стороны атома столь близкими, чтобы нельзя было представить между ними плоскости дѣленія,—и какъ бы ни была велика предполагаемая сила сцѣпленія, невозможно исключить идею еще большей силы, способной побѣдить ее». — Что *Либихъ* разумѣетъ подъ именемъ *физическаго атома*, то *Вильямъ Томсонъ*, очевидно, называетъ именемъ *атома химическаго.* Но этотъ атомъ, по его мнѣнію, «самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ, неспособный занимать пространство съ безконечною твердостію и силою, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ,—есть часть матеріи измѣримыхъ размѣровъ, имѣющая форму». Самоновѣйшая химія, какъ мы неоднократно уже видѣли, намѣчаетъ силы, способныя раздѣлять не-только молекулы, но и атомы, отодвигая неизмѣнную сущность вещества уже до какихъ-то ультиматовъ. «Итакъ, продолжаетъ *Страховъ*, *Либихъ* допускаетъ *физическіе атомы*, сохраняя безконечную дѣлимость матеріи. Но ка-

коеже различіе между физическими и абсолютными атомами? Очевидно, никакого. Физическій атомъ есть группа гораздо меньшихъ частицъ: въ этихъ частицахъ, очевидно, опять являются только-что изгнанные абсолютные атомы. Таково самое представленіе атомовъ. Чуть мы остановимся на атомѣ, какъ онъ уже распадается на частицы; остановитесь на этихъ частицахъ, и вы увидите, что онѣ сами состоятъ изъ частицъ (новоизобрѣтенныхъ ультиматовъ) и т. д., безъ конца.»

ГЛАВА XVIII.

Фехнеръ говоритъ, что физическая атомистика, въ концѣ концевъ, сводится *къ простымъ бытіямъ, которыя не имѣютъ уже протяженія, однакожъ занимаютъ еще мѣсто*; но, въ тоже время, онъ утверждаетъ, что, *вслѣдствіе существующаго между ними разстоянія, состоящія изъ нихъ системы имѣютъ протяженіе.* Однако, возражаетъ на это *Ульрици*, «болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы можно было говорить о мѣстѣ, о разстояніи совершенно не имѣющихъ протяженія бытій: само непротяженное, ни чего, по своей непротяженности, не наполняя въ пустомъ пространствѣ, слѣдовательно, и не занимая никакого пространства, какъ нѣчто непространственное, не можетъ быть и мыслимо въ пространствѣ. Помѣщать непротяженное въ протяженное, въ пространство, значитъ допускать contradictio in adjecto: *непротяженное, т. е. отрицаніе, нуль протяженности, которое, однакожъ, было бы въ протяженности, было бы очевиднымъ противорѣчіемъ.* Странно предполагать, что пустое пространство, какъ такое, можетъ проявляться, или вызывать явленіе (ощущеніе), становиться замѣтнымъ; слѣдовательно, *если самые атомы, какъ непротяженныя точки, не могутъ быть замѣтными, то, очевидно, они не могутъ быть замѣтными и вмѣстѣ съ пространственными разстояніями между ними, потому-что послѣднія точно также не могутъ быть ощутимыми.* Допуская, что всѣ простыя бытія, взятыя вмѣстѣ, какъ точки, всегда снова соединяются только въ одну точку и потому неспособны сами собою наполнять ни время, ни пространство, *Фехнеръ*, говоритъ, однакожъ, *о наполненіи пространства и времени не самими простыми бытіями, а движеніемъ ихъ.* Но движеніе въ пространствѣ, возража-

етъ *Ульрици*, «вѣдь есть только перемѣна мѣста; а въ какомъ бы мѣстѣ ни находилось представляемое движущимся простое бытіе, оно, *какъ совершенно не имѣющее протяженности*, не можетъ наполнить пространства, потому его движеніе не имѣетъ здѣсь никакого значенія. Если всѣ простыя бытія, какъ точки, *всегда снова соединяются въ одну точку*, то можно говорить только *о движеніи одной точки*, и такое движеніе можетъ описывать различныя линіи,—но никогда не можетъ наполнить пространство. Вѣдь всѣ эти линіи не суть что-либо устойчивое, реальное, и потому оставляютъ пространство такимъже пустымъ, какимъ оно было и безъ нихъ. *Въ указанномъ смыслѣ, атомы совершенно неспособны оказывать сопротивленіе ни сами по себѣ, ни чрезъ свое соединеніе*: 1) *сами по себѣ* по тому, что чрезъ непротяжное, чрезъ математическую точку, всякое движеніе проходило бы насквозь, и вся міровая матерія, еслибы она состояла только изъ точекъ, могла бы быть сжата въ одну точку,—2) *чрезъ свое соединеніе*—по тому, что если мы вообразимъ себѣ хотя бы огромное количество точекъ, то онѣ всегда найдутъ довольно пустаго пространства между собою, въ которомъ могли бы пройти, не касаясь другъ друга,—могли бы пройти даже другъ чрезъ друга такъ же легко, какъ двѣ линіи пересѣкаются въ одной точкѣ. Еслиже, какъ утверждаетъ *Фехнеръ*, *въ атомистическомъ мірѣ невозможно соприкосновеніе, то, очевидно, атомы не могутъ оказать и сопротивленія другъ другу*: точки не суть массы и не образуютъ массы; исчезаетъ самая возможность представить дѣйствующія между ними силы и вывести изъ нихъ движеніе.

Затѣмъ *Ульрици* строитъ свою глубокомысленную теорію атомистики, однакожъ совпадающую если не съ отвергнутою имъ теоріею *Фехнера*, то съ давно оставленною, хотя и не вовсе еще забытою теоріею *Босковича*, или даже съ монадологіею *Лейбница*.

Изложимъ сначала теорію *Босковича*.—По мнѣнію *Босковича*, пишетъ *Д. С. Миллъ*, «конечными элементами матеріи и тѣлъ будутъ *недълимые и непротяженные пункты*, находящіеся на взаимномъ другъ отъ друга разстояніи и одаренные двоякою силой притяженія и отталкиванія. Раздѣляющій ихъ промежутокъ можетъ увеличиваться или уменьшаться ad infinitum, но не исчезаетъ совершенно; по мѣрѣ его уменьшенія, возрастаетъ отталкиваніе; по мѣрѣ его увеличенія, отталкиваніе ослабѣваетъ, а притяженіе стремится приблизить частицы одну къ другой. Протяженность и непроницаемость, относимыя ме-

тафизиками къ числу первичныхъ качествъ вещества, не-только не имѣютъ, по мнѣнію *Босковича*, ничего абсолютнаго, но не суть даже свойства матеріальной субстанціи, на которую мы должны смотрѣть единственно, какъ на силу сопротивленія, способную противодѣйствовать проявляемой нами силѣ сжатія. Но отсюда, — характеризуетъ эту теорію *Д. С. Миллъ*,—одинъ шагъ до сомнѣнія въ существованіи». *И Г. Спенсеръ* соглашается съ этимъ отзывомъ *Милля*, утверждая даже, что *центръ силы, совершенно не имѣющій протяженія, не мыслимъ*. Предположить, что центральныя силы могутъ пребывать въ точкахъ, не занимающихъ никакого пространства, имѣющихъ только положеніе и ничего такого, что обозначало бы ихъ положеніе,— въ точкахъ, ни въ какомъ отношеніи не различающихся отъ окружающихъ ихъ точекъ, которыя не суть центры силъ, — предположить это выше силъ человѣческихъ».

Что атомы суть именно центры силъ, въ эту теорію *Ульрици* всматривается глубже и всестороннѣе. Спрашивается, говоритъ онъ, «можно ли вообще говорить *о матеріальныхъ точкахъ, т. е. непротяженныхъ веществахъ, или вещественныхъ частицахъ и объ ихъ безконечно малыхъ массахъ? Возможно ли принимать тѣло, имѣющее извѣстное конечное протяженіе, за собраніе безконечнаго множества не имѣющихъ протяженія точекъ? Можно ли представить себѣ, что непротяженные атомы одного тѣла обнаруживаютъ на атомы другаго отталкиваніе и что этимъ объясняется сопротивленіе тѣла*? — Нельзя представить себѣ, отвѣчаетъ *Ульрици*, чтобы 1) сила отталкиванія могла обнаруживаться, если атомы (по Фехнеру) никогда не сходятся, если всегда между ними находится пустое пространство, или сами они—простыя непротяжныя точки; нельзя представить, что 2) масса тѣла содержитъ нѣсколько такихъ точекъ и представляется числомъ ихъ, такъ-какъ непротяженныя точки не могутъ соединиться въ массу и, не замѣтныя сами, сдѣлать что-либо чрезъ свое соединеніе замѣтнымъ. Отсюда неизбѣжно признаніе, что *атомы могутъ быть понимаемы, не какъ простые недѣлимые элементы, но какъ дѣлимые и, слѣдовательно, не какъ атомы*».

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, *Ульрици* стоитъ *за недѣлимость атомовъ*. Однакожъ, продолжаетъ онъ, какъ ни правдоподобно положеніе, что все, имѣющее величину, протяженіе, дѣлимо до безконечности, но это *положеніе, направленное противъ естествознательнаго атомизма, основывается только на смѣшеніи понятій*. Дѣйствительно,

понятіе величины, чисто какъ величины, чистаго количества, чистой протяженности, заключаетъ въ себѣ признакъ безконечной дѣлимости. Но, на самомъ дѣлѣ, *нѣтъ никакого простаго, чистаго количества; величина всегда принадлежитъ качеству; въ дѣйствительности нѣтъ никакой чистой протяженности.* Поэтому, и атомъ не есть одна пустая величина. Предѣлъ дѣлимости качества зависитъ отъ его качественности,—почему не будетъ никакого противорѣчія въ томъ, если мы будемъ допускать существованіе предметовъ, *которые, хотя какъ простыя количества и дѣлимы до безконечности, но качественность которыхъ дѣлаетъ невозможною эту, только повидимому возможную, дѣлимость,*—если будемъ представлять, что *атомы, какъ простыя количества, должны бы считаться дѣлимыми дальше, но такъ-какъ они составляютъ не количества только, то на самомъ дѣлѣ недѣлимы».*

Но атомы, по мнѣнію *Ульрици, недѣлимы до безконечности и при понятіи чистой протяженности.* «Такъ-называемое дѣленіе до безконечности, еслибъ оно было продолжено даже въ вѣчность, можетъ только уменьшать величину протяженнаго, но никогда не можетъ уничтожить самое протяженіе. Только ничто, чистый 0, не можетъ дѣлиться. Слѣдовательно, предполагаемая дѣлимость до безконечности, сама вызываетъ и показываетъ необходимость того, чтобы, *если уже существуетъ протяженное, было принято и продолженіе его существованія до безконечности, т. е. всегда, вслѣдствіе безконечной дѣлимости, могутъ произойти только безконечно малыя частицы, протяженное безконечно малой протяженности, но никогда не могутъ уничтожиться всякія части, всякая протяженность».*

Какъ же, въ концѣ концовъ, нужно понимать каждый атомъ?—«Каждый атомъ,» — отвѣчаетъ *Ульрици,* — «обнаруживаетъ не-только сопротивленіе, но обладаетъ еще другими силами, и потому является, какъ точка, въ которой соединяются многія силы,—какъ *центръ, окруженный периферіею дѣйствій,*—какъ нѣчто дѣятельное, какъ исходная точка дѣятельности, какъ особая, отличная отъ другихъ сходящихся въ немъ силъ, сила, соединяющая и удерживающая ихъ вмѣстѣ. *Эту силу можно назвать субстанціею атома. Дѣйствуя только внутри, она вовнѣ* обнаруживается *бездѣйственнымъ покоемъ, косностію, неподвижностью, сопротивленіемъ* всякой другой силѣ, угрожающей объединенію силъ въ атомѣ, и, слѣдовательно, существованію самаго атома, — сопротивленіемъ, которое въ своемъ дѣйствіи обнаруживается *отталкивательною силою».*

Такимъ образомъ, въ анализѣ *Ульрици* мы пришли къ усмотрѣнію въ атомѣ не абсолютнаго единства, но *единства и множества вмѣстѣ*, — къ усмотрѣнію въ атомѣ, во-первыхъ, *единой силы, объединяющей прочія*, составляющей субстанцію атома, обнаруживающейся покоемъ, косностію, неподвижностію, сопротивленіемъ, отталкиваніемъ, и, затѣмъ, къ усмотрѣнію *многихъ другихъ силъ*, объединяемыхъ въ атомѣ этою единою; однимъ словомъ, мы пришли *къ единой и цѣльной идеѣ атома, какъ объединяющаго многія другія силы центра.* Ясно, что идея *Ульрици* совпадаетъ, съ одной стороны, съ идеею *Босковича*, а съ другой —, съ идеею *Либиха*, соединяя ихъ въ одно смѣшанное представленіе,—съ идеею *Босковича* совпадаетъ тѣмъ, что атомъ есть объединяющій центръ силъ, а съ идеею *Либиха* тѣмъ, что атомъ, какъ центръ, окруженный периферіею силъ, не есть математическая точка, но живая пространственная величина.

Но этимъ теорія *Ульрици* не исчерпывается, — и если въ томъ, что выше изложено, она болѣе или менѣе совпадаетъ съ существовавшими уже прежде теоріями атомистики, то въ нижеслѣдующемъ пунктѣ она почти совершенно оригинальна, или если и напоминаетъ какую-либо изъ преждесуществовавшихъ теорій, то только *монадологію Лейбница.* Такъ, по мнѣнію *Ульрици*, «хотя естествознаніе и говоритъ, что вѣсомые атомы, при разложеніи химическихъ соединеній, освобождаются изъ нихъ съ тѣмиже свойствами, въ томъже количествѣ и въ тойже пропорціи, какъ и вступили въ соединеніе, —однакожъ еще не доказано, что тоже самое происходитъ и въ органическихъ соединеніяхъ. Еще менѣе доказано, что это всеобщій законъ, относящійся ко всѣмъ веществамъ и даже къ невѣсомымъ. Напротивъ того, *неизмѣняемость атомовъ*, кажется, *нельзя считать рѣшеннойдаже у вѣсомыхъ веществъ.* По *Муанье*, ей противорѣчитъ тотъ замѣченный *Мичерлихомъ* фактъ, что кристаллы, подъ вліяніемъ теплоты, показываютъ неодинаковое расширеніе, изъ чего французскій физикъ выводитъ заключеніе, что, подъ вліяніемъ теплоты, основныя части атома измѣняютъ свою форму. *Въ атомахъ измѣненіе формы необходимо есть измѣненіе силы: какъ простые центры силъ, атомы не могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе, ни претерпѣвать какое-либо вліяніе такъ, чтобы не измѣнялись въ немъ и съ нимъ, хотя временно.* Сила, бывшая въ покоѣ и начинающая дѣйствовать, переходитъ изъ одного существованія въ другое, что мы называемъ измѣненіемъ. Но если атомы мо-

гутъ измѣняться временно, то, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ произойти и *продолжающееся измѣненіе ихъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя признать за аксіому, что атомы неизмѣнны.* Не-только логически, но и фактически можно представить, что 1) атомы въ жизни міра пріобрѣтаютъ силы, которыми прежде не обладали,—что 2) совокупное дѣйствованіе различныхъ силъ не всегда производитъ дѣйствованіе внутренне неизмѣнное, а измѣняющееся только внѣшнимъ образомъ,—что это дѣйствіе есть новая сила, которая, присоединяясь своимъ дѣйствованіемъ къ прочимъ силамъ, можетъ быть причиною дальнѣйшаго измѣненія, — что 3) атомы, какъ центры силъ, въ-продолженіи мірового развитія, могутъ производить новыя силы такимъ образомъ, что, вслѣдствіе особыхъ сочетаній (комбинацій), обстоятельствъ и условій, возникаютъ дѣйствія или силы, которыя соединяются съ извѣстнымъ центромъ силы сопротивленія, — что 4) при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстныхъ химически сродныхъ атомахъ, сродство преобразуется въ жизненную силу. Затѣмъ 5) если допустить (вмѣстѣ съ Фехнеромъ), что растенія обладаютъ нѣкотораго рода ощущеніемъ и что, по этому, на нихъ должно смотрѣть, какъ на одушевленныя существа,— то жизненная сила будетъ представлять первую форму или низшую степень *психической силы* и, при близкомъ сродствѣ той и другой формы бытія, удобно представить, что, *подъ вліяніемъ обстоятельствъ, жизненная сила становится психическою*».

Итакъ, чтоже мы получаемъ въ итогѣ анализа *Ульрици*? – Есть ли, по анализу *Ульрици*, атомъ-единство? — Есть: «атомы недѣлимыя единства». — Есть ли атомъ — множество? Есть: «атомы недѣлимыя единства, которыя связываютъ двѣ силы, или болѣе». — Есть ли атомъ центръ, точка,—не болѣе? Есть: «атомы—суть простые центры силъ». — Есть ли атомъ шаръ, имѣетъ ли онъ периферію? Есть и имѣетъ: «каждый атомъ является какъ точка, въ которой соединяются многія силы, какъ мѣсто, отъ котораго исходятъ различныя проявленія силы,—слѣдовательно, какъ *центръ, окруженный периферіею дѣйствій*».—Чтоже такое атомъ, только ли центръ, точка, или шаръ? Оказывается и то, и другое; но скорѣе послѣднее, скорѣе шаръ. А почему? По тому, что *Ульрици* хочетъ свой недѣлимый, по качественности, атомъ отличить отъ Фехнерова атома,—только непротяженной точки, хотя, въ тоже время, отличаетъ и отъ «такъ-называемой матеріи». Значитъ, по *Ульрици*, атомъ, не будучи точкою, въ тоже время, не есть, и тѣло.—Есть

ли атомъ *Ульрици* величина недѣлимая? Есть: «атомы суть недѣлимыя единства». Есть ли атомъ величина сложная? Есть: «атомы суть недѣлимыя единства, которыя связываютъ двѣ и болѣе, словомъ, многія и разныя силы».—Составляютъ ли эти силы существенное единство съ атомомъ?—Составляютъ: «атомъ есть центръ, объединяющій многія силы».—Составляютъ ли силы, о которыхъ рѣчь, нѣчто разное съ атомомъ? Составляютъ: «объ-единяющая многія, разныя силы и удерживающая ихъ вмѣстѣ сила, сила покоя, косности, неподвижности, сопротивленія, отталкиванія,—эта сила есть собственно субстанція атома. Какъ точка соединенія силъ, атомъ дѣйствительно отличается не-только отъ каждой отдѣльной силы, но и отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, не по тому, чтобъ онъ былъ чѣмъ-либо противоположнымъ силѣ (*такъ-называемою матеріею)*, а скорѣе отъ того, что онъ есть особенная, отъ всѣхъ другихъ отличная, сила».—Однакожъ, привязаны-ль эти силы къ субстанціи атома? Привязаны такъ, что составляютъ въ атомѣ недѣлимое единство: «атомъ—центръ силъ, недѣлимое единство, въ которомъ силою сопротивленія, пунктомъ ихъ посредства и соединенія, связаны многія и разныя силы».—Отдѣлимы ли эти силы отъ субстанціи атома? Отдѣлимы: «не-только логически, но и фактически легко представить, что атомы, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могутъ пріобрѣтать себѣ силы, которыми прежде не обладали»; значитъ, при неблагопріятствующихъ обстоятельствахъ, могутъ и терять, тѣмъ болѣе, что «существуютъ различные подобные центры,—атомы, въ которыхъ соединены другія силы и инымъ образомъ, и субстанція даннаго атома, объединяя и удерживая свои силы, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо оказываетъ сопротивленіе всякой другой силѣ, которая стала бы угрожать соединенію въ немъ этихъ силъ и, слѣдовательно, существованію самаго атома,—а поддерживая это соединеніе, поддерживаетъ существованіе самаго атома».—Куда же поступаютъ потерянныя силы? И обратно, откуда берутся вновь пріобрѣтаемыя силы? Берутся ли пріобрѣтаемыя силы изъ ничтожества и поступаютъ ли теряемыя силы опять въ ничтоженство? Или онѣ переходятъ отъ одного атома къ другому? Или сами онѣ суть субстанціи, подобныя субстанціи атома, т. е. силѣ сопротивленія? На это у *Ульрици* нѣтъ отвѣта.—Не могутъ ли, наконецъ, вновь нарождаться самые атомы? По-видимому могутъ: «эти центры силъ (атомы) могутъ производить новыя силы такимъ образомъ, что, вслѣдствіе особыхъ благопріятствующихъ сочетаній (комбинацій), обстоятельствъ и условій, возникаютъ дѣйствія, которыя, въ свою оче-

редь, сами суть силы и которыя соединяются съ извѣстнымъ центромъ силы сопротивленія», т. е. образуютъ новые атомы, новый, отъ старыхъ роевъ, около новой матки, какъ центра, рой пчелъ.—А могутъ ли атомы умирать? Повидимому, при стѣснительныхъ, не благопріятствующихъ обстоятельствахъ, могутъ и умирать: именно, когда «объединяющая и удерживающая вмѣстѣ» свои «силы, сила сопротивленія» даннаго атома оказывается безсильною сопротивляться «всякой другой силѣ, угрожающей соединенію силъ этого атома и, слѣдовательно, существованію самаго атома», когда оказывается она безсильною поддержать «существованіе самаго атома, поддерживая соединеніе его силъ»,—тогда его силы, побораемыя напоромъ силъ чуждыхъ, мало по малу теряются и разлетаются,—тогда коренной объединяющей силѣ атома, его субстанціи, не-чего становится объединять, и атомъ умираетъ, существованіе его потухаетъ. А какъ далеко могутъ атомы восходить при обстоятельствахъ благопріятныхъ? — О! очень далеко! Неорганическіе атомы могутъ развиться въ органическіе, далѣе въ психическіе, а эти послѣдніе могутъ усовершаться уже до безконечности....

Итакъ, слѣдуя, шагъ за шагомъ, за знаменитѣйшимъ мыслителемъ новой Германіи, за новѣйшимъ апологетомъ стараго атомизма, мы очутились въ области не-только безъисходныхъ противорѣчій на каждомъ шагу, но въ области и вовсе уже не позитивныхъ, чисто фантантическихъ, иллюзій.

Остается перейти къ разсмотрѣнію послѣдней, извѣстной намъ и уже крайне позитивной, доктрины *Д. С. Милля*, по тому же вопросу, относительно *бытія, или небытія* атомовъ, доктрины, съ которою въ недоразвитыхъ своихъ основоположеніяхъ довольно сходна не доношенная философски доктрина и *Герберта Спенсера*.

Во-первыхъ, по словамъ *Д. С. Милля*, «доктрина о безконечной дѣлимости вещества теперь уже потеряла популярность». Итакъ, что-же, *дѣлимость вещества безконечна, или не безконечна?* — «Какъ доказательство въ-пользу уже потерявшей теперь свою популярность доктрины о безконечной дѣлимости вещества»,—разсуждаетъ *Д. С. Милль*, —«приводили прежде аргументъ, что *каждая часть вещества, какъ бы мала она ни была, должна же имѣть верхнюю и нижнюю поверхность*» [1]). Этотъ аргументъ дѣйствительно, какъ мы выше видѣли, приводится у *Герберта Спенсера*. Каковъ же этотъ аргументъ, по мнѣнію *Д. С. Милля*? — «Прибѣгавшіе къ этому ар-

[1]) Логика, II, 394.

гументу»,—отвѣчаетъ онъ,—«не замѣчали, что онъ предполагалъ именно то, въ чемъ состоялъ вопросъ, т. е. невозможность достигнуть minimum—а толщины. Если существуетъ minimum, то верхняя и нижняя поверхности будутъ одною и тоюже поверхностью, да и само *minimum* будетъ плоскостію и ничѣмъ болѣе. Аргументъ ссылается на неспособность человѣческаго воображенія представить себѣ minimum и становится *заблужденіемъ предразсудка, что все то, чего нельзя понять, не можетъ существовать*». Итакъ что-же? Безконечная дѣлимость вещества есть *заблужденіе*? Да, по буквальному выраженію *Д. С. Милля,—заблужденіе.*

Но онъже *Д. С. Милль*, въ другомъ мѣстѣ, выражается, какъ мы выше видѣли, буквально и слѣдующимъ образомъ: «*какъ минимумъ дѣлимости, такъ и дѣлимость безъ предѣла постижимы; безпредѣльная малость есть настолькоже положительное представленіе, насколько и безпредѣльная великость*». Это свое положеніе онъ доказываетъ тѣмъ, что «въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто извѣстная доля протяженія, которая невооруженному глазу представляется недѣлимою точкой, которая была названа философами *минимумомъ видимости*. Но, при помощи оптическихъ инструментовъ, мы можемъ неопредѣленно увеличивать этотъ минимумъ, сдѣлавъ видимыми значительно меньшія составляющія его части; въ каждомъ послѣдовательномъ опытѣ все еще будетъ *минимумъ видимости, ньчто меньшее прежняго минимума, что, въ свою очередь, можетъ быть увеличено нькоторымъ болѣе могущественнымъ инструментомъ*». Этотъ-же аргументъ приводится и у *Герберта Спенсера*. Что-же оказывается? Оказывается именно то, что *Д. С. Милль* противорѣчитъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ называетъ *заблужденіемъ* одинъ аргументъ *Г. Спенсера*, именно что minimum видимости долженъ имѣть верхнюю и нижнюю стороны, которыя могутъ дѣлиться среднею плоскостію,—утверждая, что «само minimum будетъ плоскостію, или точкою, и ничѣмъ болѣе»,—а въ другомъ мѣстѣ онъже *Д. С. Милль* признаетъ истиннымъ другой аргументъ *Г. Спенсера* о безконечномъ увеличеніи, посредствомъ дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ, оптическихъ инструментовъ, минимума видимости, отъ размѣровъ точки до размѣровъ замѣтной протяженности, при чемъ минимумъ изъ плоскости, или точки, необходимо превратится въ тѣло. Но мало того, что для *Д. С. Милля* «какъ минимумъ дѣлимости, такъ и дѣлимость безъ предѣла постижимы»; для него «безпредѣльная малость, какъ и безпредѣльная великость», есть еще *положительное представленіе*», и съ этимъ названіемъ—*положитель-*

ное представленіе онъ соединяетъ представленіе весьма своеобразное. Нельзя не согласиться съ нимъ въ томъ, что «нѣчто безконечное» есть представленіе, которое содержитъ не-только отрицательный, но и положительный элементъ,—что существованіе отрицательнаго элемента въ представленіи не дѣлаетъ самаго представленія отрицательнымъ и не бытіемъ, — что если это представленіе не адекватно предмету, то и всякое наше представленіе, какой бы то ни было реальности, никогда не бываетъ адекватно ей,—что *представленіе о безконечномъ, какъ о не имѣющемъ ничего большаго себя, отрицательно,—но какъ представленіе о величайшемъ всякаго другаго реальнаго, или доступнаго воображенію, существованія, оно положительно*». Но нельзя согласиться съ дальнѣйшимъ разъясненіемъ у него этой мысли. Онъ самъ себѣ возражаетъ: «говорятъ, что мы не можемъ постигнуть чего-либо безконечнаго, напр., пространства, потому-что для этого потребовалось бы безконечное время»?—«Натурально»,—отвѣчаетъ онъ на это возраженіе ,«натурально потребовалось бы, для того, чтобы провести нашу мысль надъ каждой частью безконечнаго пространства. Но испытаемъ эту доктрину надъ нѣкоторымъ небольшимъ безконечнымъ, наприм., надъ числомъ 695,788. Сколько времени надобно было бы употребить, чтобы пройти мысленно каждую отдѣльно единицу этого цѣлаго»!? *Д. С. Миллъ* хочетъ сказать, что небольшое безконечное число, напр. 695,788 необъятно для нашей мысли также какъ и настоящее бесконечное (∞). Но принять это сравненіе за истинное уже никакъ нельзя, потому-что между всякимъ конечнымъ и безконечнымъ есть безконечная разница, потому-что 695,788, какъ и всякое великое число, истощить по единицамъ можно, особенно если истощать его увеличенными числовыми единицами, десятками, сотнями и т. д., и ускоренными временными единицами, напримѣръ, $^1/_{10}$, $^1/_{100}$ секунды и т. д.. Напротивъ того, безконечную величину, какими бы то ни было пространственными и временными числовыми, единицами, истощить невозможно,—невозможно, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, въ безконечной дѣлимости. «Такъ-называемое дѣленіе до безконечности»,—говоритъ *Ульрици*,—«еслибъ оно было даже продолжено въ вѣчность, можетъ только постоянно уменьшать величину протяженнаго, но никогда не можетъ истощить, истребить, уничтожить протяженное». И Г. *Спенсеръ* полагаетъ, что «положеніе: *матерія дѣлима до безконечности* мы не въ-состояніи осуществить въ мысли: понять безконечную дѣлимость значило бы умственно прослѣдить дѣленіе до безконечности,—а для

этого потребовалось бы безконечное время». Такимъ образомъ, другимъ серьёзнымъ мыслителямъ «безконечная дѣлимость, безпредѣльная малость, какъ и безпредѣльная великость», вовсе не кажутся столько удобопостижимыми, сколько кажутся *Д. С. Миллю.*

Однакожъ вопросъ: *допускаетъ ли Д. С. Милль безконечную дѣлимость вещества?* остается пока безъ отвѣта.—Допускаетъ онъ безконечную дѣлимость всякой конкретной реальности, напр., всякой протяжности пространства, или продолжительности времени. Но «*что касается вещества*»,—разсуждаетъ онъ,—«то, не зная, что оно такое въ себѣ, *мы не знаемъ, будетъ ли слово: дѣлимый имѣть какой-либо смыслъ въ утвержденіи о веществѣ въ себѣ.* Считая дѣлимость пріобрѣтеннымъ понятіемъ, составившимся изъ элементовъ нашего чувственнаго опыта, я не могу допустить, что *ноуменъ вещество должно быть или безконечно, или конечно дѣлимымъ.* Единственная противорѣчивая альтернатива, отрицательная сторона которой не содержитъ ничего положительнаго, имѣетъ мѣсто *между бытіемъ и небытіемъ, существующимъ и не существующимъ* и, на-сколько касается этого различія, должно прилагать къ ноуменамъ законъ исключеннаго средняго: *они должны или существовать, или не существовать.* Но что вещество должно или представлять предѣлъ дѣлимости, или быть дѣлимо до безконечности, это даже превышаетъ возможную мѣру нашихъ знаній. Во-первыхъ, *вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать;* а едвали кто скажетъ, что небытіе или должно быть дѣлимо до безконечности, или имѣть предѣлъ дѣлимости. Во-вторыхъ, хотя вещество, разсматриваемое какъ скрытая причина нашихъ ощущеній, дѣйствительно существуетъ, однако то, что мы называемъ дѣлимостью, можетъ быть свойствомъ (аттрибутомъ) лишь нашихъ ощущеній зрѣнія и осязанія, а не ихъ неизслѣдимой причины. Можетъ быть, дѣлимость вовсе нельзя приписывать, въ какомъ-либо понятномъ смыслѣ, вещамъ самимъ въ себѣ, а слѣдовательно, и веществу въ себѣ самомъ, и предполагаемая необходимость безконечной или конечной дѣлимости можетъ быть альтернативою непримѣнимой».

Но здѣсь уже, чтобы понять, что такое *Д. С. Милль* разумѣетъ подъ выраженіями: «вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать, — дѣлимость можетъ быть свойствомъ (аттрибутомъ) лишь нашихъ ощущеній, а не вещества, скрытой ихъ причины, — говоря же яснѣе, вещество не-

сомнѣнно существуетъ только въ явленіяхъ, — дѣлимость есть аттрибутъ нашихъ ощущеній, т. е. явленій, а не вещества самаго въ себѣ, — вещество въ себѣ превышаетъ возможную мѣру нашихъ знаній», мы должны опредѣлить и критически повѣрить: *какую мѣру нашихъ знаній Д. С. Миллъ считаетъ возможною, — существуетъ ли вещество само въ себѣ и — существуетъ ли внѣшній міръ?*

ОТДѢЛЪ II.

СУЩЕСТВУЕТЪ ЛИ ВЕЩЕСТВО САМО ВЪ СЕБѢ? СУЩЕСТВУЕТЪ ЛИ ВНѢШНІЙ МІРЪ?

ГЛАВА XIX.

Опредѣляя *возможную мѣру человѣческихъ знаній*, *Д. С. Миллъ* предпосылаетъ, какъ мы видѣли, своей собственной теоріи *историческій очеркъ новѣйшихъ философскихъ ученій объ относительности человѣческаго знанія.*

Этотъ очеркъ мы уже изложили; теперь же сдѣлаемъ свои критическія замѣчанія на представленныя въ немъ философскія ученія, чтобъ отличить свою точку зрѣнія отъ точки зрѣнія *Д. С. Милля* и другихъ философовъ, которымъ онъ сочувствуетъ, и чтобы, такимъ образомъ, приблизиться къ усмотрѣнію того, что есть истиннаго въ ходячемъ современномъ ученіи *объотносительности человѣческаго знанія.*

«Высокими авторитетами», говоритъ *Д. С. Миллъ*, «освящено положеніе, что *знаніе человѣческое относительно.* Это значитъ, что мы знаемъ только нѣчто, зная это нѣчто, какъ отличное отъ чего-то другаго,—что всякое сознаніе есть сознаніе разницы,—что вещь считается тѣмъ, что она есть, только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть».

По нашему сужденію, это *опредѣленіе относительности человѣческаго знанія* и согласно, и не согласно, съ психологическими фактами. Справедливо, что мы знаемъ по опыту только нѣчто; но, въ этомъ случаѣ, опущено изъ виду, что мы имѣемъ идею знанія абсолютнаго и въ-силу того, что эта идея всегда носится предъ нами, стремимся познать абсолютную полноту бытія.

*

Сомнительно также, что всякое сознаніе есть только сознаніе разницы,—что мы знаемъ вещь, что она есть, только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть. Нѣтъ, всякая вещь познается *не-только по различію, но и по сходству*. Изъ абсолютной полноты бытія познавая по опыту только нѣчто, мы познаемъ всякое нѣчто съ двухъ противоположныхъ сторонъ, вопервыхъ, какъ сходное не-только со многимъ другимъ, но и со всѣмъ, и во-вторыхъ какъ отличное и отъ всего, и отъ многаго другаго. Всякое сознаніе чего-либо есть сознаніе, съ одной стороны, этого сходства, а съ другой—,этой разницы; вещь считается тѣмъ, что она есть, не-только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть, отъ чего она разнится, но и по логическому, также, какъ и реальному, единству (въ родѣ и корнѣ) со всѣмъ себѣ подобнымъ. Таково должно быть возможно полное опредѣленіе относительности человѣческаго знанія.

Но вотъ, по *Миллю*, другое, *частнѣйшее значеніе относительности знанія*: «когда говорятъ, что человѣческое знаніе относительно, то разумѣютъ отношеніе не между познаваемою вещью и какими бы то ни было другими предметами, *но между познаваемою вещью и познающимъ духомъ*. Каждый языкъ признаетъ различіе между *я* и *міромъ*,— и самый основной въ философіи вопросъ состоитъ въ томъ: *что именно мы способны знать о внѣшнихъ объектахъ и въ-силу какой очевидности знаемъ это*»?

Намъ кажется, что эти два значенія относительности знанія, какъ первое, такъ и второе, близки одно къ другому, если не до тожественности, то до нераздѣльности. Это очевидно изъ того, что основанный на сравненіи разности между *я* и *внѣшнимъ міромъ* вопросъ: *что и почему я знаю о внѣшнемъ мірѣ*, равняется вопросу: *что и почему для меня, какъ субъекта, существуетъ? Что и почему существуетъ для меня, во-первыхъ, во мнѣ самомъ, и, во-вторыхъ, что и почему существуетъ для меня во внѣшнемъ мірѣ*? Какое сходство и различіе существуетъ во мнѣ съ внѣшнимъ міромъ, который, со включеніемъ какъ моего, такъ и другихъ человѣческихъ *я*, является мнѣ, съ одной стороны, нераздѣльнымъ цѣльнымъ единствомъ, а съ другой—, безпредѣльно разнообразнымъ множествомъ? Этотъ же вопросъ, въ свою очередь, нераздѣленъ и почти тожественъ съ вопросомъ: часть ли я только, или половина, или даже абсолютное цѣлое въ-отношеніи къ внѣшнему міру? А весь этотъ міръ, со всею разнообразною полнотою бытія, есть ли только зависимое отъ меня мое порожденіе, не отдѣльное отъ мо-

его ощущенія, или равный мнѣ противоположный полюсъ бытія, или, наконецъ, абсолютное цѣлое, безусловно опредѣляющее не-только бытіе, но и чувствующую дѣятельность этой ничтожнѣйшей песчинки въ мірѣ, которую я называю моимъ *я*, гордо противополагая это *я* всему внѣ меня? Нераздѣльность этихъ вопросовъ фактически и исторически подтверждается тѣмъ, что для рѣшенія кореннаго философскаго вопроса: *что и почему для меня существуетъ?* умъ человѣческій, на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, стремился соотнести не-только *все бытіе къ человѣческому Я, но и себя, какъ и все разнообразіе бытія, ко всему, къ цѣлому, къ абсолютному.* Безъ этого же двойственнаго соотношенія невозможны ни мысль, ни наука, ни, въ-частности, философія, ни, еще частнѣе, разрѣшеніе кореннаго въ философіи вопроса: *что и почему для меня существуетъ,—что и почему я знаю о сущемъ?* Эту двойственную относительность: 1) именно, съ одной стороны, относительность бытія къ человѣческому *Я* къ знанію, а 2) съ другой стороны, относительность человѣческаго знанія и *Я*, равнокакъ и всякаго отдѣльнаго бытія ко всему, къ цѣлому и единому, къ абсолюту, намъ необходимо будетъ имѣть въ-виду, при рѣшеніи нашей главной задачи: *существуетъ ли матерія и что въ ней существуетъ?* *Д. С. Миллъ* имѣетъ въ-виду, по преимуществу, если только неисключительно, первую относительность нашего знанія, отъ чего все міровоззрѣніе у него вышло не-только одностороннимъ, но даже скептическимъ, нигилистическимъ, и міръ оказался у него не-только въ-сущности безъ духа, безъ ноуменовъ, безъ всякихъ субстратовъ, но даже безъ вещества, съ однимъ только, напоминающимъ древнее гераклитовское: «все течетъ», *теченіемъ ощущеній и разнообразнымъ ихъ взаимоотношеніемъ.*

«Всѣ мыслители», — продолжаетъ *Д. С. Миллъ*, раскрывая свой взглядъ на относительность знанія, — «всѣ мыслители согласны въ томъ, что *матеріальные объекты* извѣстны намъ *чрезъ чувства;* безъ посредства чувствъ мы не подозрѣвали бы ихъ существованія; мы ничего не знаемъ о томъ, что они суть, болѣе того, что говорятъ намъ чувства, и природа не представляетъ намъ какихъ-либо иныхъ средствъ знать болѣе; существованіе внѣшнихъ предметовъ доказывается свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ, и ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ помимо ощущеній».

Это справедливо, но съ ограниченіемъ. Нужно замѣтить, что подъ терминомъ — *матеріальные объекты Д. С. Миллъ* разумѣетъ единст-

венные, дѣйствительно существующіе объекты, а подъ терминомъ — *чувства* разумѣетъ чувства *только внѣшнія* [1]). Но если разумѣть

---

1) Такъ, по крайней мѣрѣ, нужно заключать по духу и складу всей его системы, въ-слѣдствіе чего онъ, употребляя слишкомъ часто слово *чувства и ощущенія*, избѣгаетъ опредѣленія того, что онъ подъ ними разумѣетъ, но почти всегда даетъ разумѣть, что имѣетъ въ-виду исключительно только *чувства внѣшнія* и происходящія отъ нихъ, посредственно, или непосредственно, ощущенія. Но разъ что пришлось ему въ Логикѣ высказать опредѣленно, что именно онъ разумѣетъ подъ словомъ—*чувства* (и ужели только въ показаніяхъ *внѣшняго чувства* онъ видитъ единственный источникъ познанія о вещахъ!), онъ вдругъ заговорилъ нѣчто несладное, противорѣчущее и общему складу его системы, и сряду же слѣдующимъ частнымъ, его же собственнымъ, выраженіямъ. Такъ, на 92 стр. ч. 1 Логики, онъ говоритъ: «подобно тому, какъ мы приписываемъ духовнымъ сущностямъ свойства на-основаніи идей и душевныхъ движеній, мы можемъ приписывать свойства и тѣламъ, на тѣхъже основаніяхъ, а не вслѣдствіе только ощущеній». Значитъ, мы судимъ о тѣлахъ не-только по *ощущеніямъ*, но и по идеямъ, и по душевнымъ движеніямъ, которыя не суть *ощущенія*. На тойже 92-й страницѣ, *Д. С. Миллъ* подтверждаетъ такое толкованіе, продолжая: «когда мы говоримъ о красотѣ статуи, это свойство красоты основывается на особомъ *чувствѣ удовольствія*, производимомъ статуею въ нашемъ духѣ; но *чувство это—не ощущеніе, а душевное движеніе*. Ясно, что это *чувство есть чувство удовольствія*, но, въ тоже время, *не ощущеніе удовольствія*, а душевное движеніе. Такъ угодно утверждать *Д. С. Миллю*. —«*Чувства* бываютъ»,—продолжаетъ онъ здѣсь-же,—«четырехъ родовъ: *ощущенія, мысли, душевныя движенія и хотѣнія*». Значитъ, *душевныя движенія*, какъ и мысли, и хотѣнія суть чувства, и вмѣстѣ какъ съ мыслями, такъ и съ ощущеніями, служатъ источникомъ познанія о вещахъ, но не суть ощущенія. Но на слѣдующей 93 стр., *Д. С. Миллъ* противорѣчитъ себѣ, утверждая, что «о веществѣ, о тѣлахъ, намъ извѣстны *лишь производимыя ими въ насъ ощущенія* и порядокъ наступленія ощущеній, и подобно тому, какъ тѣлесная сущность есть непзвѣстная причина нашихъ *ощущеній*, сущность духовная есть непзвѣстный пріемникъ ихъ». Значитъ, вещество, тѣла извѣстны намъ лишь только по *ощущеніямъ* и производятъ въ насъ только *ощущенія*. Отсюда должно заключить одно изъ двухъ, что или тѣла не производятъ въ насъ душевныхъ движеній, или душевныя движенія суть ощущенія. Но тотъ и другой выводъ буквально противорѣчитъ *вышеприведеннымъ* буквальнымъ выраженіямъ *Д. С. Милля*: 1) «подобно тому, какъ духовнымъ сущностямъ мы приписываемъ свойства *на-основаніи идей и душевныхъ движеній*, мы можемъ *приписывать свойства и тѣламъ на тѣхъ-же основаніяхъ*, а не-только вслѣдствіе ощущеній, 2) *чувство это—не ощущеніе, но душевное движеніе*».—Нужно, впрочемъ, замѣтить, что таковъ онъ вездѣ, во всѣхъ своихъ философскихъ сочиненіяхъ: многословіе самое фельетонное, а точности философской никакой; за нею онъ не гоняется, это презрѣнная схоластика! — «Итакъ»,—продолжаетъ онъ здѣсь-же,—«всѣ свойства вещей суть для насъ не что иное, какъ либо *наши ощущенія и другія состоянія чувства, либо нѣчто нераздѣльно съ нимъ связанное*». Опять буквальное противорѣчіе.

эти термины въ такомъ именно смыслѣ, то явно, что *Д. С. Миллъ* взводитъ клевету на мыслителей, увѣряя, будто всѣ они, безъ исключенія, согласны съ нимъ касательно этого предмета. Нѣтъ, далеко не всѣ мыслители согласны въ томъ, будто дѣйствительно реальны только такъ-называемые матеріальные объекты, будто единственный источникъ всякаго знанія есть именно только внѣшнее чувство. Ему извѣстно, что многіе мыслители допускали, кромѣ матеріальныхъ, бытіе и спиритуальныхъ объектовъ. Правда, низшій источникъ знанія они видѣли во внѣшнемъ чувствѣ, но высшимъ источникомъ признавали духовное чувство, созерцаніе, идеи и т. д. Что же касается до насъ, то, не касаясь теперь пока перваго предмета: бытія или небытія какихъ-либо объектовъ сверхъ матеріальныхъ, соглашаемся, что *источникъ всякаго знанія есть чувство*, но не исключительно внѣшнее, а *вообще человѣческое чувство*, что мы достаточно раскрыли въ первой части нашего изслѣдованія и подтвердимъ фактами и наиболѣе позитивными соображеніями въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи.

«Мнѣнія философовъ»,—продолжаетъ *Д. С. Миллъ*,—«сталкиваются касательно того, что *это такое, что чувства говорятъ намъ объ объектахъ*». *Это, положимъ, вѣрно.*

«Нѣтъ спора»,—продолжаетъ онъ,—«касательно одной части свидѣтельства чувствъ, именно касательно того, что *чувства передаютъ намъ наши ощущенія*, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть того, что мы знаемъ объ объектахъ, составляютъ порождаемыя ими чувствованія». Это, дѣйствительно, безспорно. Мы готовы, хотя и не безъ ограниченія, согласиться далѣе даже съ тѣмъ, что «*свойства объекта суть силы, обнаруживаемыя имъ въ произведеніи ощущеній въ нашемъ сознаніи*»,—что «вообще наше знаніе объектовъ и даже воображаемые образы объектовъ состоятъ не изъ чего иного, какъ *изъ ощущеній, которыя возбуждаются этими объектами, или которыя мы воображаемъ возбуждаемыми чрезъ нихъ въ насъ*». Соглашаясь съ этимъ, мы, однакожъ,

---

Выше сказано: «о веществѣ намъ извѣстны *лишь производимыя имъ въ насъ ощущенія*»; здѣсь же дается разумѣть уже, что намъ извѣстны, какъ свойства вещей, не одни только ощущенія, но «*ощущенія, другія состоянія чувства*» (которыя не суть ощущенія) и «*нѣчто нераздѣльно съ ними связанное*». Или нужно заключить опять, что эти «*другія состоянія чувства*», какъ и все «*нераздѣльно связанное съ дѣятельностію чувствъ*», суть ощущенія. Таковъ-то этотъ всесвѣтный учитель! И на такихъ-то шаткихъ основаніяхъ, этими ново-явленными учителями человѣчества весь міръ сбивается съ вѣковѣчныхъ основъ здраваго смысла!

разумѣемъ подъ объектами все внѣшнее субъекту, а не одни такъ-называемые матеріальные предметы; подъ ощущеніями же разумѣемъ ощущенія общаго человѣческаго, а не одного только внѣшняго чувства, ощущенія, возбуждаемыя въ насъ *сколько внѣшнимъ опытомъ, столько-же и внутреннею склонностью нашей природы*,—что мы раскроемъ и подтвердимъ въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи.

«Разногласіе же мнѣній», по *Миллю*, «касается другой стороны нашего знанія» *(чисто теоретической, объективной, опредѣляющей, какъ вещь существуетъ въ себѣ)*, «сосредоточиваясь на рѣшеніи вопроса: можемъ ли мы, помимо нашихъ чувствъ, непосредственно умомъ, познавать объективныя свойства вещей,—*можемъ ли и какъ* именно можемъ *увѣриться, что внѣ нашего чувства существуютъ объекты, какъ реальные субстраты феноменовъ, отожествляющихся въ субъектѣ съ субъективными ощущеніями*»? — Здѣсь нужно замѣтить, что въ самой постановкѣ этого вопроса допускается чуждое точной психологической раздѣльности смѣшеніе понятій: именно 1) не опредѣлено, какое чувство здѣсь разумѣется, внѣшнее ли только или внутреннее, или-же то и другое вмѣстѣ,—2) не указано, имѣетъ ли умъ какое-либо тожество, или хоть родство съ чувствомъ, или въ своемъ существѣ и дѣятельности есть нѣчто отдѣльное отъ чувства, такъ-что способенъ совершать свои отправленія внѣ всякаго, не-только внѣшняго, но и внутренняго чувства. При фальшивой же постановкѣ самаго вопроса не могло не оказаться фальшивымъ и рѣшеніе его.

За тѣмъ слѣдуютъ у *Д. С. Милля* различныя формы, въ какія вылилось въ новѣйшей философіи рѣшеніе вопроса объ относительности нашего знанія. 1) Первая форма есть *идеально-скептическая, Берклея и Юма*, которые, выходя съ разныхъ точекъ зрѣнія, сходятся между собою въ томъ, что «*ощущенія внѣшняго чувства суть все, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять*», *а вещи въ себѣ и непознаваемы и потому, можно сказать, не существуютъ*. 2) Другая форма, которую, въ-противоположность идеально-скептической, можно назвать *реалистическою*, провозглашаетъ, что «*вещи въ себѣ существуютъ, но находятся за феноменомъ и потому не познаваемы*». Эта форма, по различію воззрѣнія на значеніе основнымъ схемъ мышленія, именно формъ времени и пространства и такъ-называемыхъ категорій разсудка, распадается на двѣ формы ученій: а) *Канта* съ послѣдователями и б) *Джемса Милля, Вундта* и другихъ,—а в) третья форма, представителемъ которой, въ новѣйшее

время, служитъ *сэръ Вильямъ Гамильтонъ, провозглашаетъ, что «вещи въ себѣ не-только существуютъ, но даже познаваемы въ своихъ первичныхъ качествахъ».*

1) «Ощущенія составляютъ все, что мы, вѣроятно, можемъ знать о предметахъ внѣшняго міра»,—гласитъ основное положеніе идеально-скептическихъ системъ *Берклея и Юма.* По нашему же мнѣнію, это не-только *вѣроятно*, а даже безспорно, если только подъ *ощущеніями* разумѣть ощущенія не одного внѣшняго, но цѣльнаго человѣческаго чувства. И на-оборотъ, не только не вѣроятно, но даже прямо ложно положеніе, будто *ощущенія внѣшняго чувства суть все*, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять. Нѣтъ; ощущенія не одного внѣшняго, а цѣльнаго человѣческаго чувства, не суть все, а непререкаемо свидѣтельствуютъ о томъ, что существуетъ, — и о чемъ онѣ непререкаемо свидѣтельствуютъ, существованію того мы не имѣемъ не-только права, но даже психической возможности не довѣрять. Можно согласиться, что «объектъ есть сложное представленіе, образовавшееся изъ идей разнообразныхъ ощущеній», однакожъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что объектъ, не отдѣльный отъ представленія въ нашемъ сознаніи и тожественный съ нимъ въ сознаніи абсолютномъ, не тожественъ съ нимъ для нашего сознанія въ реальномъ бытіи, какъ непререкаемо свидѣтельствуетъ намъ наше-же сознаніе или чувство. И, напротивъ того, совершенно не вѣрно, будто «въ процессѣ образованія объекта *реальны только ощущенія*»; нѣтъ, по непререкаемому свидѣтельству нашего чувства, внутри насъ реальны ощущенія, а внѣ насъ реаленъ объектъ. А то совершенно ложно, будто «мы не имѣемъ никакой достовѣрной очевидности того, чтобы что-нибудь, не будучи само ощущеніемъ, было субстратомъ или тайною причиною ощущеній». Нѣтъ, по непререкаемому голосу нашего чувства, ощущеніе реально какъ дѣйствіе, а субстратъ реаленъ какъ причина ощущенія. Нельзя сказать, будто «не существуетъ реальность, соотвѣтствующая субстрату, внѣшняя нашимъ умамъ»;— нѣтъ, по непререкаемому голосу нашего сознанія, реальность существуетъ, и нужно бы съ ума сойти, чтобы вообразить, наприм., человѣка, который разговариваетъ со мною, существующимъ только въ звукахъ моего слуха и въ прочихъ впечатлѣніяхъ моихъ чувствъ, а внѣ ихъ вовсе не существующимъ, потому-что тогда съ равною силою слѣдовало бы, что и я существую только въ ощущеніяхъ моего собесѣдника, но никакъ не самъ собою. Нельзя сказать, будто «впечатлѣнія человѣческихъ умовъ суть все, что мы можемъ знать

какъ существующее»; нѣтъ, существуютъ впечатлѣнія, какъ дѣйствіе, и производящій ихъ объектъ и воспринимающій субъектъ, какъ двойственная ихъ причина. Можно было бы принять, хотя и трудно было бы понять, основоположенія этой философской школы въ-отношеніи къ чувству, къ сознанію, къ разуму только абсолютному: ощущенія только этого чувства, впечатлѣнія только этого сознанія, идеи только этого разума дѣйствительно суть все, что существуетъ и внѣ ихъ не существуетъ ничто, никакой внѣшній субстратъ, никакая реальность, никакая сторонняя причина. Къ человѣку же все это можетъ быть отнесено только въ той степени, въ какой его умъ, его сознаніе, его чувство есть отраженіе этого абсолютнаго, универсальнаго чувства, сознанія и разума. Пройти между этою сциллою и харибдою двухъ разныхъ міросозерцаній могъ бы, въ новѣйшее время, развѣ только величайшій и тончайшій умъ *Платона*. Узкая же мысль нашего времени, отрицая въ глубинѣ природы лежащую двойственность нашего духа, отрицая въ немъ бытіе высшаго разума, отражающаго въ себѣ разумъ абсолютный, и относя его созерцанія къ узкимъ опредѣленнымъ отвлеченіямъ разсудка, къ ограниченному свидѣтельству внѣшняго чувства,—современная мысль логически-естественно увлекается въ абсурдъ отрицанія не-только материальнаго, но и всякаго бытія, при чемъ, между прочимъ, другія человѣческія *я* оказываются не существующими внѣ меня, какъ и мое *я* не существуетъ внѣ чужихъ *я*... Казалось бы, этимъ нелѣпостямъ стопло только одинъ разъ быть названными, чтобы навсегда быть отвергнутыми. Но на дѣлѣ не то: самъ *Д. С. Миллъ*, какъ мы видѣли и увидимъ, охотно приближается къ воззрѣнію *Юма*.

2) Школа, которую мы назвали *реалистическою*, допускаетъ, что *разница между Я и Не-я означаетъ двѣ реальности, существующія независимо одна отъ другой*, что, съ своей стороны, мы также допускаемъ, но въ томъ ограниченномъ философскомъ смыслѣ, что ни одна изъ этихъ двухъ реальностей не есть субстратъ или субстанція другой, какъ акциденція, и если какую-нибудь изъ этихъ двухъ реальностей должно признать болѣе акциденціею, чѣмъ субстратомъ другой, то, конечно, наше *я*. Допускаемъ, согласно съ этою доктриною, и то, что *есть реальный міръ вещей въ себѣ*, и что всякому впечатлѣнію на наши чувства соотвѣтствуетъ какая-либо вещь въ себѣ. Тѣмъ не менѣе, нельзя безъ ограниченія принять отличительное основоположеніе этой доктрины, будто *вещь въ себѣ находится за феноменомъ*». Нѣтъ; непререкаемый голосъ общечеловѣческаго чувства свидѣтельствуетъ,

что вещь *въ себѣ находится за феноменомъ только частью, хотя и большею, лучше же сказать,—безконечно-великою частью, а частью и въ феноменѣ*: за феноменомъ находится на-столько, на-сколько она намъ въ данный моментъ не извѣстна, и въ феноменѣ, на-сколько она намъ въ феноменѣ обнаруживается. Открытая и, въ тоже время, закрытая отъ насъ, она одна и таже, только относится къ нашему сознанію, или даже не къ сознанію, какъ верховному узлу всѣхъ чувствъ, а къ болѣе внѣшней нашей сторонѣ нашего чувства и вообще къ низшей части нашей познавательной способности, двумя своими сторонами, болѣе открытою и болѣе прикрытою, которая, въ свою очередь, прикрыта для нашего сознанія не на-столько, чтобы подъ нею для насъ было голое небытіе. Объяснимся, хотя и въ коротцѣ, такъ-какъ въ первой части нашего изслѣдованія мы объяснили и ниже будемъ еще имѣть нужду объяснить эту свою мысль обстоятельнѣе. Слѣдуя глубочайшему созерцанію величайшаго изъ созерцателей, *Платона*, мы полагаемъ, что всякая реальность есть вмѣстѣ и продуктъ, и отраженіе абсолютнаго, что, какъ ограниченное, отраженіе абсолютнаго, она заключаетъ въ себѣ, кромѣ ограниченныхъ, и абсолютныя свойства,—что все, отъ подлежащаго нашему внѣшнему чувству универса, отъ солнца и земли и до этого дерева, и до каждой молекулы, все корнями своего бытія упирается въ безконечное, и адекватное познаніе этой молекулы, или этого дерева, требовало бы прослѣдить бытіе ихъ состава и силъ въ безпредѣльности назади и впереди,—что совокупность ограниченныхъ качествъ данной реальности открыта нашему разсудку, да и то не вполнѣ, такъ-какъ и она упирается въ безпредѣльность,—цѣльность же ея абсолютныхъ качествъ доступна только созерцанію разума, который накладываетъ на нее свою идею и въ идеѣ созерцаетъ ее,—что, наконецъ, въ этой идеѣ мы обнимаемъ необъятное и постигаемъ непостижимое.... *Видимъ нынѣ яко зерцаломъ въ гаданіи*.... Такимъ образомъ, даже абсолютная, идеальная сторона не совершенно сокрыта отъ насъ, не на-столько, по крайней мѣрѣ, сокрыта, чтобъ мы подъ нею не видѣли ничего, кромѣ небытія, напротивъ того, открыта на-столько, что мы видимъ въ ней бытіе неразрывно связанное съ бытіемъ абсолютнымъ — Далѣе мы согласны съ реалистическою доктриною и въ томъ, «что о вещи въ себѣ мы, за неимѣніемъ никакого иного органа для сообщенія съ нею, кромѣ нашихъ чувствъ» (т. е. всей совокупности человѣческихъ чувствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ),» можемъ знать толь-

ко то, что говорятъ намъ наши чувства, и что чувство ничего иного не говоритъ намъ, кромѣ впечатлѣній, производимыхъ вещью на насъ»; но коренное изъ впечатлѣній, производимыхъ вещью на насъ, внушаетъ намъ не-только то, что она существуетъ, но и то, что она существуетъ такъ, какъ отражается въ цѣльномъ человѣческомъ чувствѣ. Поэтому страннымъ представляется дальнѣйшій, дѣлаемый школою, выводъ, будто *мы вовсе не знаемъ, что такое есть вещь въ себѣ*; нѣтъ,—мы знаемъ, что такое эта вещь и въ себѣ и въ насъ, на-сколько она открыта намъ по непререкаемымъ впечатлѣніямъ разносторонняго обще-человѣческаго чувства, зная, въ тоже время, непреложно и то, что въ этой вещи безпредѣльно много есть и такого, что пока отъ насъ сокрыто, но несомнѣнно въ ней есть,—это, съ одной стороны, по-истинѣ безпредѣльное количество ея индивидуальныхъ, отличительныхъ, ограниченныхъ свойствъ, а съ другой—, цѣльное единство ея абсолютныхъ свойствъ. Такъ, наприм., новѣйшая наука утверждаетъ, что ни вещество, ни сила, сгруппированныя въ извѣстной реальности, во вѣки вѣчные не пропадаютъ; между-тѣмъ по опыту мы этого не знаемъ, и внѣшнимъ нашимъ чувствомъ не познаемъ никогда.—Согласны мы также со школою и въ томъ, что «все, извѣстное намъ о вещи въ себѣ, есть *относительное* къ намъ, состоящее въ способности вещи, извѣстными путями, вліять на насъ, или, какъ это называется технически, *производить феномены*», — и самое коренное дѣйствіе реальности на насъ оказывается въ томъ, что она, вліяя на насъ извѣстными путями, производитъ въ насъ непререкаемое убѣжденіе, что она не-только существуетъ, но существуетъ для насъ именно такъ, какъ вліяетъ на насъ, а для другихъ чувствующихъ существъ, какъ и для всѣхъ вещей, существуетъ такъ, какъ вліяетъ на нихъ, и, наконецъ, относится къ абсолютному такъ, какъ это отражается неотразимо въ нашемъ сознаніи. Съ подобнымъ-же анализомъ допускаемъ и то утвержденіе школы, что «внѣшнія вещи существуютъ, но внутренняя природа ихъ недоступна для нашихъ способностей»! Да, существуютъ, и усомниться въ ихъ существованіи значило бы усомниться и въ собственномъ существованіи. Что же касается внутренней природы ихъ, то въ каждой вещи есть, какъ мы уже объяснились, болѣе или менѣе, и доступное, и недоступное,—причемъ недоступное не всегда относится къ внутренней природѣ вещи (наприм., самыя малыя, находящіяся въ человѣческомъ организмѣ, паразитныя инфузоріи, которыя навсегда останутся не недоступны для нашего зрѣнія), и доступное не всегда только случайно, а, напротивъ того, нерѣдко от-

постится къ существеннѣйшей сторонѣ природы вещей, какъ, наприм., то доступное нашему пониманію свойство вещей, что каждая вещь происходитъ изъ примитивной матеріи. Вообще же утверждать, будто внутренняя природа вещей совсѣмъ недоступна для нашихъ способностей, значитъ утверждать противный общечеловѣческому чувству абсурдъ. Потому совершенно уже излишнею мы считаемъ гипотезу этой школы, «что, можетъ быть, вещи и имѣютъ внутреннюю природу, отличную не-только отъ производимыхъ ими впечатлѣній, но и отъ всего того, что онѣ способны производить на какое-либо чувствующее существо, но, по этойже самой причинѣ, эта сокрытая природа непостижима не-только для насъ, но и для каждаго другаго созданія, даже для какой бы то ни было самой высшей интеллигенціи» Мы утверждаемъ, что и человѣческій умъ постигаетъ природу вещей и постигаетъ двояко: въ расширяющемся понятіи разсудка, и въ безпредѣльной идеѣ разума; а у болѣе чистыхъ умовъ, высшихъ безплотныхъ духовъ, ограниченное уразумѣніе природы вещей, конечно, далеко уже ближе подвинулось къ неподвижной въ своей безпредѣльности идеѣ. До полнаго же, всецѣлаго единства и природа вещи, и снятіе природы въ абсолютно-полной идеѣ, чрезъ всевидѣніе, достигаютъ только въ умѣ абсолютномъ.

а) Первая изъ двухъ главныхъ формъ этой философской доктрины объ относительности человѣческаго знанія, именно доктрина *Канта*, полагаетъ въ нашемъ знаніи объ объектѣ три элемента, именно: 1) *кромѣ скрытой непознаваемой причины ощущеній* (т. е. кромѣ *вещи въ себѣ*), — 2) такія *свойства нашихъ ощущеній*, безъ которыхъ объекты представить себѣ возможно, наприм., сладость, или горечь,— твердость, или мягкость,—бѣлизна, или краснота и т. п., которыя существуютъ только въ нашихъ ощущеніяхъ, и 3) сверхъ этого, еще такіе *аттрибуты*, которые суть *свойства и не вещей въ себѣ, и не ощущеній нашихъ, а нашего способа представлять ихъ*, каковы аттрибуты занятія извѣстнаго пространства и времени, равно-какъ аттрибуты, что вещь есть одно, или многое,—цѣлое, или часть,—субстанція, или акциденція,—причина, или дѣйствіе,—которыя суть прирожденныя формы нашей интеллектуальной, а не чувствующей, способности и технически обозначены *названіемъ категорій разсудка.* Противъ этого воззрѣнія мы должны сказать, что оно дѣлаетъ коренную погрѣшность именно школьнымъ, педантическимъ, *раздробленіемъ единой и цѣльной человѣческой души* на отдѣльныя, взаимно не сопроникающіяся, области; частнѣе, эта школа погрѣшаетъ рѣшительнымъ

отдѣленіемъ интеллектуальной отъ чувствующей способности души, тогда-какъ *чувство есть коренная способность*, относительно которой самый интеллектъ есть только одно изъ трехъ главныхъ проявленій (что обстоятельнѣе раскрыто нами въ первой части нашего изслѣдованія). При такомъ основномъ взглядѣ нашемъ на воззрѣніе *Канта*, мы полагаемъ, что вещь въ себѣ не есть нѣчто рѣшительно и безусловно отъ насъ сокрытое; напротивъ того, она открыта намъ на-столько, на-сколько мы постигаемъ ее цѣльнымъ человѣческимъ чувствомъ, въ разсудочномъ познаніи и въ идеѣ. Утверждаемъ далѣе (согласносъ предыдущимъ нашимъ изслѣдованіемъ), что свойства сладости или горечи, твердости или мягкости, бѣлизны или красноты, вообще-же *простѣйшія свойства, доставляемыя нашему сознанію внѣшнимъ или внутреннимъ физіологическимъ чувствомъ*, суть не исключительно только свойства ощущеній, но смѣшанный продуктъ чувствующихъ нервовъ и дѣйствующихъ на нервы объектовъ, и потому, принадлежа частію чувствующему нерву, принадлежатъ и объекту, какъ извѣстная способность его, при извѣстныхъ условіяхъ, вліять на чувствующіе нервы, производить извѣстныя особыя ощущенія. Утверждаемъ также, что тѣмъ неотъемлемѣе принадлежатъ, не-только нашему чувству, но и объектамъ, аттрибуты, подходящіе подъ формы *временности, или пространственности, или подъ такъ-называемыя категоріи разсудка.* Такъ, было бы пустымъ, бесплоднымъ и нескончаемымъ вычерпываньемъ воды изъ рѣки посредствомъ рѣшета, продолженіе вѣковыхъ усилій педантическихъ, схоластическихъ умовъ доказать, будто вещи только представляются намъ существующими, на самомъ же дѣлѣ не существуютъ во времени и пространствѣ, тогда-какъ самое бытіе ограниченное, т. е. движеніе и измѣненіе, есть не иное что, какъ обозначеніе въ дѣйствительности и начертаніе въ нашемъ сознаніи времени и пространства. Точно также безцѣльно было бы усиліе доказать и то, что вещь въ себѣ, наприм., дерево, не есть, а только мыслится, какъ одно (одно дерево) и многое (состоящее изъ многихъ частей и аттрибутовъ), какъ цѣлое (дерево), или часть (царства растительнаго, извѣстнаго вида деревъ,— разновидности, класса, под-класса и т. п.) какъ субстанція (единое индивидуальное цѣлое, въ единой цѣлостной жизни котораго развивается необозримое множество аттрибутовъ: зелени, или бѣлизны, крѣпости, гибкости и т. д.,—и частей: корней, вѣтвей, листьевъ, цвѣтовъ, плодовъ, паразитовъ и т. п.), или акциденція (такъ-какъ и дерево есть такая же акциденція въ-отношеніи

къ своему роду, какъ и каждый отдѣльный листъ на немъ самомъ въ-отношеніи къ нему),—какъ причина (наприм., причина всасыванія извѣстныхъ соковъ, выдыханія извѣстныхъ газовъ и т. п.), или дѣйствіе (продуктъ жизненной силы и извѣстныхъ элементовъ, землистыхъ, водныхъ, атмосферныхъ и т. д.); тогда какъ, и въ этихъ отношеніяхъ. ограниченное бытіе есть не иное что, какъ движеніе и измѣненіе, слитіе и раздробленіе, производительный процессъ и происхожденіе и т. д. Конечно, для такого отдѣленія разсудочныхъ формъ нашего мышленія отъ дѣйствительнаго бытія есть свое основаніе; но оно лежитъ крайне глубоко въ метафизической темени: отыскать его можно только въ забытомъ новѣйшею философіею разграниченіи разсудочнаго познанія объ ограниченномъ бытіи отъ разумнаго созерцанія бытія абсолютнаго,—въ томъ забытомъ психологическомъ фактѣ, что, съ каждымъ шагомъ нашимъ, отъ разнообразія ограниченнаго бытія, впередъ или назадъ, къ единству бытія абсолютнаго, — бытія, постигаемаго не въ мертвомъ гегелевскомъ отвлеченіи послѣдняго, высшаго и совершенно безсодержательнаго, разсудочнаго понятія о бытіи, но въ разумной идеѣ единаго и послѣдняго корня, источника, причины, правила, цѣли и устья всякаго бытія,—съ каждымъ шагомъ нашимъ впередъ, или назадъ, по направленію къ этому бытію, исчезаютъ всѣ разсудочныя формы пространственности и временности, всякой случайности и измѣняемости, частичности, разнообразія и всякой ограниченности. Въ ограниченномъ же, измѣнчивомъ, частичномъ, текучемъ бытіи возводитъ умственное отвлеченіе подобныхъ свойствъ отъ бытія вещей въ рѣшительное отрицаніе ихъ реальности — это была и есть радикальная погрѣшность философствующихъ умовъ, погрѣшность, которая, сбивъ послѣдованіе вещей съ прямого экспериментальнаго пути, породивъ множество странныхъ и взаимно противорѣчивыхъ системъ, ведетъ, какъ и приводила уже много разъ, къ отрицанію самаго бытія вещей, къ сомнѣнію въ самомъ существованіи, къ сведенію всего сущаго на отношеніе отношеній, безъ чего либо взаимно соотносящагося, безъ всякихъ точекъ стоянія не-только въ бытіи, но и въ мышленіи.

б) Потому-то вторая форма этой доктрины касательно относительности нашего знанія, представители которой суть *Гертли*, *Джемсъ Миллъ*, *Вундтъ* и другіе, дѣлаетъ шагъ впередъ навстрѣчу уже болѣе экспериментальному возрѣнію: провозглашая, вслѣдъ за *Кантомъ*, «совершенную недосягаемость для нашихъ способностей какого-либо иного поз-

нанія вещей въ себѣ, кромѣ тѣхъ впечатлѣній, которыя онѣ порождаютъ въ нашемъ сознаніи», и полагая, что «мы умственно облекаемъ объекты нашихъ воспріятій свойствами, которыя построяваются законами нашего духа», эта школа не признаетъ, однакожъ, необходимымъ приписывать духу извѣстныя *врожденныя формы*, въ которыхъ объекты выливаются въ видимости, но полагаетъ, что «*мѣсто, протяженіе, субстанція, причина и прочее суть представленія, совокупно истекающія изъ идеи ощущенія*», т. е. изъ отраженій дѣйствительнаго бытія въ нашемъ сознаніи, «по извѣстнымъ законамъ содружества и сосуществованія вещей». Эту теорію, съ строго-позитивной фактической точки зрѣнія, принять нѣсколько удобнѣе, чѣмъ теорію *Канта*; но должно прибавить, что такъ-называемыхъ категорій мышленія нельзя не признать не только *наиболѣе общими отраженіями бытія, получаемыми въ нашемъ сознаніи чрезъ непосредственный личный нашъ опытъ, но въ тоже время совокупно и прирожденными формами нашего мышленія.*

ГЛАВА XX.

III) Продолжая отдѣлять, не-только въ умственномъ отвлеченіи, но и въ дѣйствительномъ бытіи, свойства или проявленія отъ вещей самихъ въ себѣ, *третья форма* философскаго ученія объ относительности нашего знанія, *съ Сэръ Вильямомъ Гамильтономъ* во главѣ, допускаетъ не-только *существованіе вещей самихъ въ себѣ*, но и *познаваемость ихъ въ такъ-называемыхъ первичныхъ свойствахъ*. *С. В. Гамильтонъ* считаетъ первичными свойствами вещества *протяженность, непроницаемость, численность, величину, фигуру* и т. п., отдѣляя отъ первичныхъ качествъ не-только вторичныя, но даже еще вторично-первичныя, полагая, что первичныя свойства мы можемъ не-только познать по непосредственному сознанію или воспріятію, какъ онѣ существуютъ въ самихъ, вещахъ но и вывести ихъ изъ априорическаго понятія о веществѣ, независимо отъ чувственнаго опыта. Эту теорію *С. В. Гамильтона*, раздѣляемую съ нимъ, вирочемъ, многими философами не только прежняго, но и новѣйшаго времени, — *теорію познаваемости первичныхъ качествъ непосредственно въ вещахъ самихъ въ себѣ*, *Д. С. Миллъ* отвергаетъ, допуская различіе между первичными и вторичными свой-

ствами, хотя, конечно, только съ своей собственной точки зрѣнія, *Д. С. Миллъ* опровергаетъ основанія этой теоріи, находя ее несообразною съ ученіемъ самаго *С. В. Гамильтона* объ относительности человѣческаго знанія вообще, несообразною съ слѣдующими, наприм., собственными его выраженіями, что «вещество есть для насъ то, что является намъ подъ формами *протяженности, твердости, дѣлимости, фигуры, движенія*» (*такъ-называемыхъ первичныхъ качествъ*), «цвѣта, холода и т. д. Эти феномены мы не можемъ мыслить явленіями ничего, напротивъ того, должны смотрѣть на нихъ какъ на свойства чего-то, чтопротяженно, твердо и т. п.; но *это ничто, разсматриваемое абсолютно и въ себѣ, есть для насъ нуль, ничто*». Отсюда открывается, что въ этихъ собственныхъ-же выраженіяхъ С. *В. Гамильтона*, какъ познаваемость первичныхъ качествъ поставлена рядомъ съ познаваемостью качествъ вторичныхъ, такъ и вещество въ себѣ сведено на нуль, въ которомъ непосредственно мы не усматриваемъ ровно ничего. Таково опроверженіе этойтеоріи *С. В. Гамильтона*, съ точки зрѣнія *Д. С. Милля*. Но мы надѣемся опровергнуть эту теорію основательнѣе съ точки зрѣнія болѣе позитивной, болѣе близкой къ психологическому опыту.

Такъ, не болѣе какъ словами безъ фактическаго значенія мы считаемъ всѣ опредѣленія, данныя В. Гамильтономъ этимъ, будтобы различнымъ въ родѣ отъ вторичныхъ, первичнымъ качествамъ.

1) «*Первичныя* качества», по *В. Гамильтону*,—«понимаются, какъ онѣ суть въ насъ».—Но можно ли утверждать, что первичное свойство тѣла, напр., *извѣстная фигура, или сопротивленіе, извѣстной степени и извѣстнаго качества*, есть только въ тѣлѣ, но нѣтъ его во мнѣ, въ моемъ чувствѣ? Можно ли сказать также наоборотъ, что вторичныя свойства, наприм., *вкусъ*, или *цвѣтъ* того или другаго тѣла, находятся только во мнѣ, въ моемъ чувствѣ, но нѣтъ ихъ въ тѣлахъ? Можно ли представить вещества абсолютно безцвѣтныя, безвкусныя, не пахучія, абсолютно покоющіяся и потому неспособныя, возвышеннымъ до степени дрожанія своимъ движеніемъ, производить звуковое ощущеніе, тогда, какъ въ природѣ все однороднымъ, хотя и не одно-степеннымъ образомъ сжимается, расширяется, разлагается, соединяется, движется, дрожитъ, и потому всегда неукоснительно производитъ то дѣйствіе, которое, будучи доведено до извѣстной степени напряженности въ веществѣ, производитъ извѣстныя ощущенія въ нашихъ нервахъ,—ощущенія свѣта, звука, запаха, вкуса, извѣстной степени сопротивле-

нія, извѣстной протяженности, извѣстной фигуры и. т. п? Вѣдь газообразнымъ, тонко изрѣженнымъ, веществамъ, присутствія которыхъ около себя мы глазомъ не видимъ и руками не ощущаемъ, такимъ веществамъ нельзя приписать и фигуру какую-либо, самое по видимому первичное качество, тѣмъ не менѣе, однакожъ, это не значитъ, будто и на всякой степени сжатія эти вещества также не имѣютъ никакой фигуры, будто вообще фигуральность не принадлежитъ имъ, какъ неотъемлемое свойство. Аналогичнымъ-же образомъ и освѣщеніе въ высшихъ слояхъ атмосферы исчезаетъ, что однакожъ не значитъ, будто тамъ оказывается абсолютное отсутствіе свѣта и цвѣта, а значитъ только то, что крайне изрѣженная, хотя и освѣщенная, атмосфера теряетъ тамъ способность раздражать нашъ зрительный нервъ. Отсюда очевидно, что вторичныя свойства, какова, наприм., цвѣтность, въ однородномъ смыслѣ, и отъемлемы, и не отъемлемы отъ тѣлъ, какъ и первичныя свойства, какъ, наприм., фигуральность. А съ другой стороны, и до нашего сознанія доходятъ онѣ однороднымъ-же образомъ,—именно не иначе, какъ чрезъ чувства; слѣд., и тѣ и другія, и вторичныя и первичныя качества, одинаково находятся и въ тѣлахъ, и въ насъ.

2) Справедливо ли, что мы знаемъ первичныя *качества непосредственно, какъ объекты воспріятія*, а вторичныя только *посредственно, какъ причины ощущенія*,—что первичныя познаются въ себѣ, а вторичныя лишь *посредственно, въ ихъ дѣйствіяхъ на насъ?* Но трудно установить фактическую, соотвѣтственную дѣйствительности, точку зрѣнія, чтобы даже опредѣлить для себя значеніе этихъ фразъ *С. В. Гамильтона*. Развѣ извѣстную фигуру тѣла, или извѣсткую степень его непроницаемости, мы познаемъ непосредственно умомъ, а никакъ не посредствомъ чувствъ? Или не допустить ли развѣ того, что извѣстную *частную фигуру*, извѣстную частную степень сопротивленія даннаго тѣла, мы познаемъ посредствомъ чувствъ; но *общія схемы*, именно, что всякому тѣлу принадлежатъ фигуральность, непроницаемость и т. п.,это мы знаемъ непосредственно умомъ? А въ такомъ случаѣ правда ли и это, что эти *общія схемы* суть чистыя созерцанія ума, а не, въ тоже время, и обобщенія опыта? Съ другой стороны, нельзя ли тогоже самаго сказать и о вторичныхъ качествахъ, если только можно сказать о первичныхъ, именно, что *извѣстный* вкусъ, *извѣстный* запахъ, *извѣстный* цвѣтъ даннаго тѣла мы познаемъ посредствомъ чувствъ, но *общую схему*, именно, что всякому веществу, при извѣстной напряженности сочетанія матеріальныхъ частицъ, дол-

жна принадлежать способность производить вкусовыя, обонятельныя, цвѣтовыя ощущенія и т. п., — *эти общіе аттрибуты* вещества мы знаемъ непосредственно? И точно также можно ли сказать, что запахъ, вкусъ, цвѣтъ *дѣйствуютъ на насъ*, а фигура, непроницаемость, протяжность тѣла *не дѣйствуютъ на насъ*?

3) Можно ли сказать далѣе, что «въ первичныхъ качествахъ мы сознаемъ, какъ объекты, *модусы не себя*, а во вторичныхъ *модусы себя*», т. е. что во вторичныхъ качествахъ, какъ единственнаго видоизмѣняющагося фактора, я сознаю только себя, а первичнымъ качествамъ будтобы я непричастенъ, будтобы онѣ нимало не обязаны мнѣ бытіемъ своимъ и видоизмѣненіями? Въ первой части нашего изслѣдованія мы достаточно уже показали большую или меньшую *зависимость всѣхъ свойствъ объектовъ отъ нашихъ чувствъ*. Нужно ли, послѣ того, здѣсь снова доказывать, что протяженность, фигуральность, непроницаемость (т. е. въ дѣйствительномъ фактѣ, а не въ разсудочномъ отвлеченіи, болѣе или менѣе ощутительная твердость, или упругость тѣлъ), измѣнчивы-если не столькоже, сколько такъ, называемыя вторичныя качества, то однороднымъ съ ними образомъ, и видоизмѣняются не-только отъ присущихъ самимъ тѣламъ причинъ, но и отъ измѣнчивости нашего чувства? Въ тѣлахъ реальныхъ, а не воображаемыхъ геометрическихъ, фигура, протяженность, твердость, упругость измѣняются также моментально-быстро и непрерывно, какъ и матеріальный составъ тѣлъ. Но этого мало; эти свойства измѣняются и въ чувствахъ не-только разныхъ чувствующихъ особей, но даже одного и тогоже человѣка, что подтверждается *фактами разности отраженія размѣровъ въ глазахъ, привыкшихъ къ большимъ размѣрамъ, когда тѣже самые глаза быстро переходятъ къ малымъ размѣрамъ,—а также фактами разности отраженія въ нашемъ чувствѣ размѣровъ, фигуральности, плотности, предметовъ, при дневномъ и ночномъ освѣщеніи, при солнечномъ затменіи, при варіаціи физіологическихъ или психическихъ состояній, при разныхъ профессіяхъ, изощряющихъ, или притупляющихъ чувствительность* и т. п. Напримѣръ, извѣстенъ фактъ, что глазу, привыкшему къ объемистымъ размѣрамъ столичныхъ зданій, но вдругъ перенесенному въ провинцію, все представляется сперва такъ приземисто, такъ жалко, мизерабильно; но томуже глазу стоитъ лишь обжиться въ провинціи, какъ размѣры новой обстановки мало-помалу вырастаютъ для него, сравнительно съ первымъ впечатлѣніемъ по

прибытіи изъ столицы. А перенесенный,чрезъ болѣе или менѣе продолжительное время отъ провинціальной приземистости, опять въ столицу онъ, къ изумленію своему, не вѣря самъ себѣ, усматриваетъ, что тѣже столичныя зданія, которыя, до переѣзда на жительство въ провинцію, казались ему столь обыкновенными, теперь вдругъ выросли до грандіозной величавости, какой, слишкомъ приглядѣвшись къ нимъ прежде, онъ вовсе не подозрѣвалъ въ нихъ. Вдругъ фигура какого-нибудь массивнаго зданія, которая этомуже глазу, въ деталяхъ, прежде приглядѣлась было до того, что онѣ были для него почти вовсе непримѣтны, теперь, по возвратѣ изъ провинціи, бросается въ глаза крупными очертаніями каждаго карниза, каждой колонны, каждой отдѣльной фигуры, какъ и общимъ ихъ сочетаніемъ. Тѣже предметы, въ дѣйствительности, остались безъ всякаго измѣненія, развѣ только болѣе обвѣтрились и въ дѣйствительности, вросли въ землю однакожъ, въ отражающемся теперь въ сознаніи образѣ, они выросли въ исполина, котораго прежде, приглядѣвшись къ нему, какъ и ко многимъ окружающимъ его чудесамъ, мы, за малостью его, не примѣчали. И дѣйствительно, Исакіевскій Соборъ, поставленный среди исполинскихъ зданій сенатской площади, привычному глазу петербургскаго жителя вовсе не кажется чудомъ, а памятникъ Петру I кажется даже едва замѣтной точкою. Но какъ бы они выросли, какое возбудили бы они удивленіе зрителей, если-бы вдругъ были поставлены среди какого-либо обыкновеннаго селенія! Тоже бываетъ и съ непроницаемостью тѣлъ. И это свойство весьма относительно, не только къ разнымъфакторамъ природы, но и къ человѣческой чувствительности. Желѣзо непроницаемо; но ударъ исполинскаго молота цѣлую массу его сразу расплющиваетъ въ листъ; даже воздухъ въ ураганѣ свиваетъ его въ веревку, а на корабляхъ рветъ какъ нитку. Съ другой стороны, сжимаемость этого самаго воздуха, оказывающаго такое громадное, иногда сокрушительное, давленіе, наука признаетъ безпредѣльною. Если же сжимаемость безпредѣльна, то гдѣ же тогда окажется непроницаемость вещества? Слабый вѣтеръ валитъ съ ногъ слабосильнаго, хвораго человѣка, — вѣтеръ, котораго богатырь человѣкъ даже не замѣчаетъ; а будь крѣпость человѣка крѣпостью утеса, тогда и напряженіе самой свирѣпой бури для него было бы также мало чувствительно, какъ теперь комнатное теченіе воздуха, которое въ каждомъ пунктѣ, въ каждое мгновеніе, совершается непрерывно. Для богатыря, который разгибаетъ подковы и свертываетъ въ трубку металическія тарелки, или монеты, непроницаемость ме-

талловъ кажется не столь не-одолимою, какъ для ребенка. Подобнымъ-же образомъ обще-извѣстно явленіе, что при лунномъ освѣщеніи размѣры предметовъ, наприм., деревьевъ лѣса, выростаютъ и измѣняются нерѣдко такъ, что человѣкъ, слишкомъ хорошо знакомый съ извѣстною мѣстностью, съ трудомъ узнаетъ ее и убѣждается, что это таже самая знакомая ему мѣстность, только по какимъ-либо особенно врѣзавшимся въ памяти примѣтамъ. Такоеже измѣненіе отношеній нашего зрѣнія къ фигурѣ и протяженію предметовъ можно наблюдать и днемъ, при солнечномъ затменіи. Да и при обыкновенномъ дневномъ освѣщеніи, какъ извѣстно изъ многихъ наблюденій, размѣры предметовъ разнымъ зрѣніямъ представляются различными, наприм., съ одной стороны, опытнымъ мореплавателямъ, стрѣлкамъ, пейзажистамъ, а съ другой—неопытнымъ наблюдателямъ морской или насушной дали и выси. Такъ, наприм., иной островъ на морѣ представляется неопытному зрителю такимъ близкимъ, что вотъ только руку подать и достать его, тогда-какъ опытный мореходецъ простымъ взглядомъ опредѣляетъ разстояніе острова десятками миль и многими часами пути. Подобнымъ-же образомъ, простой зритель въ извѣстомъ пейзажѣ природы увидитъ разстояніе какихъ-нибудь пяти верстъ, въ которомъ опытный съемщикъ отличитъ глазомѣромъ, въ натурѣ, и дастъ въ живописномъ пейзажѣ этой же самой дали размѣры нѣсколькихъ десятковъ верстъ. При измѣненіи условій чувственнаго воспріятія, подобныеже факты и относительно и измѣненія качествъ непроницаемости, твердости, плотности и упругости. Не говоримъ уже о слишкомъ извѣстномъ фактѣ, что облака, носясь по землѣ, являются туманомъ, а поднимаясь въ небесную высь оказываются для зрѣнія такими крѣпкими, тяжелыми массами, съ столь измѣнчивыми причудливыми формами; и, на оборотъ, высокія горы, или нѣкоторыя артистическихъ очертаній зданія, когда смотришь на нихъ вблизи, представляются такими тяжолыми массами, тогда-какъ издали выглядываютъ какими-то летящими въ облака воздушными фантазіями. Но вотъ факты болѣе рѣдкіе, хотя стольже несомнѣнные. Одному и тому же пловцу плотность воды не всегда кажется одинаковою, смотря по собственному его физіологическому состоянію; иной человѣкъ, въ физически болѣзненномъ, или душевно экзальтированномъ, состояніи, способенъ разстерзать желѣзные цѣпи; ощущеніе непроницаемости воздуха, т. е. большей или меньшей густоты его, должно быть весьма разностепенно для жителя высокихъ горъ, наприм., швейцарскихъ Альповъ, и для труженика

сибирскихъ рудниковъ, или англійскихъ угольныхъ копей. Извѣстны также факты, характеризуемые русскою поговоркою: «у страха глаза велики», и можно къ этому прибавить: не только у страха, но и у суевѣрія и у невѣжества и т. д. глаза велики, при чемъ многія вещи являются въ измѣненныхъ уродливыхъ условіяхъ плотности, въ неестественныхъ размѣрахъ и съ измѣненными прочими самыми первичными своими качествами. Въ-слѣдствіе этого лучь луннаго свѣта чудится мертвецомъ въ бѣломъ саванѣ, съ жесткими костями, — тѣнь принимается за осязаемое тѣло, лѣсной пень представляется бѣгущимъ сзади громаднымъ медвѣдемъ, или чудовищнымъ лѣшимъ и т. п.

4) *Д. С. Миллъ*, отвергнувъ *непосредственную познаваемость* первичныхъ качествъ, тѣмъ неменѣе, однакожъ, принимаетъ подъ свою защиту ихъ *существованіе*, увѣряя будто «ощущенія, соотвѣтствующія тому, что называется первичными качествами, *предлежатъ всегда*, когда предлежитъ какая-нибудь часть группы первичныхъ качествъ». — Допустимъ это, на время, чтобы понять, что такое хочетъ сказать *Д. С. Миллъ* дальше.—Но «цвѣта, вкусы, запахи и тому подобныя ощущенія, продолжаетъ *Миллъ*,—будучи совершенно бѣглыми, не оказываются въ той-же степени *всегда предлежащими даже тогда, когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ*». Здѣсь, очевидно, странная игра словъ, которую трудно соединить съ означаемыми ими понятіями: во вторичныхъ качествахъ «ощущенія не предлежатъ, когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ». Понятно, что ощущеній не можетъ быть въ реальномъ фактѣ, когда не имѣется на-лицо ощущающаго субъекта. Но какъ-же понять дальше, что *въ первичныхъ качествахъ*, на оборотъ, «ощущенія предлежатъ всегда, даже когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ»? По нашему мнѣнію, ощущеніе въ реальномъ фактѣ не существуетъ, ни тамъ, ни здѣсь,—тогда-какъ возможность ощущенія, для соотвѣтствующихъ нервовъ, существуетъ одинаково какъ тамъ, такъ и здѣсь. Окиньте предметъ глазомъ, и вы замѣтите цвѣтъ, фигуру; прикоснитесь рукою, опять замѣтите извѣстную степень непроницаемости, температуры, гладкости, или шероховатости; глазомъ или осязаніемъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, прослѣдите протяженность, фигуральность. Приблизивъ органъ обонянія, вы втянете въ себя слабо или сильно отдѣляющіяся отъ предмета частицы, дающія безъхарактерный или характерный запахъ; приложивъ языкъ, вы почувствуете опредѣленный или неопредѣленный, слабый или рѣзкій, вкусъ, и такъ-какъ всякій вещественный

метъ есть всегда безусловно и движеніе, то для приближеннаго уха онъ-же всегда безусловно есть и причина происхожденія звука.

5) Не знаемъ, какое понятіе соединить дальше, съ слѣдующимъ у *Д. С. Милля* различеніемъ этихъ качествъ: «ощущенія, отвѣчающія вторичнымъ качествамъ, только *случайны*, отвѣчающія же первичнымъ качествамъ *постоянны*». Ощущенія постоянны, ощущенія случайны;— что это такое? Если это значитъ, что *одни ощущенія бываютъ всегда, а другія не всегда*,—то, какъ это уже сейчасъ разъяснено и само по себѣ очевидно, всякія ощущенія бываютъ только въ томъ случаѣ, когда есть ощущающій субъектъ, слѣд., не всегда. Значитъ ли это, что первичныя ощущенія *всегда возможны*, когда есть вещественный предметъ, а вторичныя не всегда возможны? Но едвали нужно повторять, что во всякомъ подлинномъ веществѣ должна заключаться возможность производить не-только первичныя, но и вторичныя ощущенія, такъ-какъ всякое подлинное вещество, при извѣстной степени напряженія въ его частицахъ и надлежащемъ нормальномъ состояніи чувствительности въ субъектѣ, можетъ быть не-только осязаемо, но и видимо, и обоняемо и т. п., и, на оборотъ, тоже самое вещество бываетъ не-только не обоняемо и не видимо, но и не осязаемо, при извѣстныхъ условіяхъ, наприм., при изрѣженномъ газообразномъ состояніи самаго вещества и паралитическомъ, или погруженномъ въ сонъ, въ тифъ, въ самоуглубленіе, въ экзальтацію состояніи осязательныхъ нервовъ. Увлеченнаго въ бою воина пронзаетъ желѣзо, а онъ ничего не чувствуетъ и т. п. Нужно полагать, что *въ веществѣ есть даже свойства нами не воспринимаемыя, бытія которыхъ мы и не подозрѣваемъ*. Еслибъ у насъ вмѣсто пяти внѣшнихъ чувствъ оказалось десять, или еслибъ изъ настоящихъ пяти чувствъ каждое разложилось въ своемъ качествѣ на-двое и на-трое, или увеличилось въ силѣ въ два, три и болѣе разъ, — то мы открыли бы въ веществѣ не отторгаемо принадлежащимъ ему безмѣрное количество новыхъ свойствъ, нами въ немъ не предполагаемыхъ. Такое предположеніе отчасти подтвердилось и фактически устройствомъ телескоповъ и микроскоповъ. *Дарвинъ*, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, подозрѣваетъ, что всякій ощущающій нервъ можетъ сдѣлаться чувствительнымъ къ свѣту, а тѣмъ болѣе къ грубымъ колебаніямъ воздуха, которыя производятъ звукъ; — значитъ, всякій чувствующій нервъ способенъ пріобрѣсти способность къ ощущеніямъ, какой теперь не имѣетъ [1]).

[1]) *Дарвинъ*, «О происхожденіи видовъ». Пер. *Рачинскаго*, Москва, 1865 года, стр. 151.

Если же это такъ, то можно сказать, что постоянство, или случайность, возможность быть всегда и не быть иногда, прилагаемыя къ понятіямъ первычныхъ и вторичныхъ качествъ вещества, зависятъ не-столько отъ реальнаго бытія вещества, сколько отъ отношенія къ нему чувствующихъ субъектовъ. Еслибы на свѣтѣ существовали только кроты безъ глазъ и съ своимъ настоящимъ, слабо развитымъ въ лапкахъ и когтяхъ, осязаніемъ,—то тогда первичными ощущеніями и качествами вещей было бы то, что теперь называется вторичными ощущеніями и качествами; а настоящія такъ-называемыя первичныя ощущенія и качества почти вовсе не существовали бы, такъ-какъ кроты разсматривали бы всякій объектъ не-столько состороны его протяженности, или фигуральности, сколько со стороны его обоняемости и съѣдобности [1]). И обратно, если бы явились на землѣ существа съ большимъ количествомъ чувствъ, или съ высшею степенью развитія чувствъ сравнительно съ настоящими человѣческими, то снова вышла бы перестановка ощущеній и качествъ вещества постоянныхъ и случайныхъ, первичныхъ и вторичныхъ. Впрочемъ, и безъ этого предположенія, что когда-либо появятся на землѣ существа высшія человѣка, *Д. С. Миллъ* не безъ-основательно увѣряетъ (Лог. 1,553), «что многіе изъ самыхъ общихъ законовъ природы», т. е. изъ самыхъ первичныхъ качествъ бытія вещей, «еще не приходили никому въ голову, и что многіе другіе, которые должны пріобрѣсти это значеніе—самыхъ общихъ законовъ природы, если и извѣстны, то единственно какъ законы и свойства какого-либо ограниченнаго класса явленій», т. е. какъ частныя, случайныя и вторичныя свойства вещей,—съ чѣмъ трудно не согласиться.

6) Сверхъ того,—увѣряетъ *Д. С. Миллъ*,—«вторичныя качества *измѣняются* вмѣстѣ съ разными личностями и вмѣстѣ съ временною чувствительностью нашихъ органовъ; первичныя же суть *одни и тѣже*

---

[1]) «Чувствительность есть общее свойство всякаго животнаго организма»,—пишетъ *Льюисъ* въ своей физіологіи (Москва, 1866 г. Т. II, стр. 255);—«это общее свойство спеціализируется по мѣрѣ того, какъ обособляется и осложняется въ своемъ строеніи самъ организмъ. Моллюскъ чувствуетъ, но очень сомнительно, чувствуетъ ли онъ боль; еще сомнительнѣе, чувствуетъ ли онъ щекотанье. Его чувство зрѣнія, вѣроятно, недалеко ушло отъ простаго различенія свѣта отъ темноты; его чувство слуха, вѣроятно, немногимъ выше способности ощущать колебанія воздуха и т. д. А способенъ ли моллюскъ ощутить размѣры, фигуру, плотность тѣла?...

для всѣхъ личностей и во всѣ времена». Но распространяться объ этой мнимой разности, послѣ вышесказаннаго, мы находимъ излишнимъ. Мы сказали и показали уже, что первичныя качества, съ разными личностями, съ временною чувствительностію нашихъ органовъ и, сверхъ того, кромѣ условій нашего воспріятія, еще съ разными измѣненіями въ состояніи самыхъ тѣлъ варіируютъ также, какъ и вторичныя [1]).—Въ первой части нашего изслѣдованія, мы замѣчали, что, впрочемъ, и само собою очевидно, что почти вовсе не имѣется масштаба для измѣренія равенства, или разности у разныхъ людей, ощущеній, соотвѣтствующихъ особенно первичнымъ, да и вообще всякимъ качествамъ, напр., для опредѣленія того, выше или ниже представляются мнѣ извѣстная гора или извѣстный домъ, чѣмъ другому человѣку. Скорѣе можно подмѣтить *разность* между ощущеніями одного и другаго человѣка, чѣмъ найти точный критерій для аподиктическаго подтвержденія ихъ *равенства* [2]). Какъ-же, послѣ этого, увѣриться, что первичныя качества и

---

[1]) Въ Русскомъ Вѣстникѣ 1872 г., за мартъ, въ приложеніи, въ сочиненіи *Вильки Коллинза: Миссъ Финчъ*, Ч. 11, гл. XXXIX, представленъ остроумный и въ общихъ чертахъ правдивый разсказъ о томъ, какъ слѣпорожденный, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ получившій зрѣніе, человѣкъ учится видѣть, при чемъ не умѣетъ зрѣніемъ опредѣлить не-только разстояніе, или цвѣтъ, но и фигуру предметовъ, наприм., не умѣетъ отличить фигуру круглую отъ квадратной, тогда-какъ по осязанію и слуху опредѣляетъ безошибочно не-только фигуру предметовъ, но и разстояніе, и даже цвѣта. Фактическое доказательство того, что отъ варіаціи человѣческаго чувства варіируютъ не только вторичныя, но и первичныя качества.

[2]) *Льюисъ*, въ своей физіологіи, пишетъ (Т. 11, ст. 261): «ухо можетъ быть чувствительно къ простому напряженію звука, къ шуму, и очень мало къ высотѣ и качеству его. Не музыкальное ухо, кажется, почти неспособно различать два звука, разнящіяся между собою только въ высотѣ: существуютъ очень значительныя индивидуальныя разницы въ воспріимчивости къ высотѣ тона. Напр., крикъ летучей мыши такъ высокъ и рѣзокъ, что для многихъ особъ не слышенъ; онъ лежитъ внѣ ихъ звуковыхъ предѣловъ... Мы съ удивленіемъ (стр. 307) слышимъ, что существуетъ много людей, владѣющихъ, повидимому, столь-же хорошими и вѣрными глазами, какъ наши собственные, которые никогда не подозрѣвали, чтобъ они могли ошибаться въ своемъ сужденіи о цвѣтахъ, но которые, по испытаніи, оказываются совершенно неспособными отличить красный цвѣтъ отъ зеленаго, или чернаго, когда предметы этихъ трехъ цвѣтовъ положены рядомъ. Изъ наблюденій надъ 1154 лицами въ одномъ Единбургѣ оказалось, что на каждыхъ 18 человѣкъ приходится по одному болѣе или менѣе страдающему этою цвѣтовою слѣпотою. Изъ нихъ одинъ на 55 смѣшивалъ красное съ зеленымъ; 1 на 60—коричневое съ зеленымъ, и 1 на 46-ть смѣшивалъ голубой цвѣтъ съ зеленымъ».—Ясно, значитъ, что у этихъ здорово—больныхъ людей были пред-

ощущенія суть однѣ и тѣже не-только для всѣхъ личностей, но и во всѣ времена? А съ другой стороны, если позволительно утверждать это о первичныхъ качествахъ, то ужели нельзя утверждать, съ подобною-же основательностію, тогоже и о вторичныхъ, т. е. что и вторичныя качества тожественны во всѣ времена? Ужели радуга казалась Ною и сыновьямъ его составленною не изъ тѣхъ-же семи елементарныхъ цвѣтовъ, какъ это кажется и намъ? Ужели медъ производилъ не тоже ощущеніе сладости и роза не тоже ощущеніе аромата въ органахъ вкуса и обоняніи Соломона и современниковъ его, какія чувствуются въ тѣхъ-же органахъ и современныхъ намъ людей? Если же, на оборотъ, въ Соломоновомъ храмѣ, этомъ чудѣ свѣта для всего человѣчества, не подозрѣвалъ чуда величавости какой-либо приглядѣвшійся къ нему тупымъ окомъ левитъ, прислужникъ храма,—то тѣже, или аналогичныя, варіаціи въ самыхъ первичныхъ ощущеніяхъ чувствуются и въ наши дни. Безъ сомнѣнія, наразвитый до способности воспринимать изящное, чернорабочій, служащій при Исакіевскомъ соборѣ, не ощущаетъ того величія этого святилища, которое поражаетъ болѣе тонкое чувство развитаго жителя провинціи, которому изрѣдка приходится видѣть эту художественно взгроможденную громаду. Зато томуже чернорабочему провинціальные храмы показались бы уже совсѣмъ незначительными, тогда-какъ жители провинціи находятъ ихъ еще не чуждыми нѣкоторой величественности.

7) Нѣсколько основательнѣе соображено съ дѣйствительными фактами другое различеніе между первичными и вторичными качествами, предлагаемое *Д. С. Миллемъ*, именно, что «это различеніе отвѣчаетъ различію *между двумя классами нашихъ ощущеній, болье объективными, или больс субъективными.* Есть у насъ ощущенія, отнесеніе которыхъ въ нашемъ сознаніи къ ихъ объекту не играетъ такой видной роли, какъ въ другихъ ощущеніяхъ. Таковы тѣ ощущенія, которыя по своей интенсивности заставляютъ сосредочивать на нихъ наше вниманіе, именно: *наши наслажденія и печали.* При этомъ наше вниманіе отдается больше ощущеніямъ, чѣмъ тому, чего онѣ суть знаки. Мы имѣемъ наибольшую *тенденцію относить ихъ къ субъекту.* Напротивъ того, на тѣхъ ощущеніяхъ, которыя сами по себѣ почти безразличны, наше вниманіе почти не останавливается; сознаніе ихъ слиш-

---

ставленія о цвѣтахъ иныя, чѣмъ у всѣхъ прочихъ людей; а какія именно, для указанія этой разности нѣтъ никакого масштаба.

комъ моментально, чтобы быть различаемымъ, и *мы быстро переходимъ отъ нихъ къ постояннымъ возможностямъ ощущенія*, которыхъ онѣ суть знаки, и которыя однѣ въ этомъ случаѣ важны для насъ. *Непроизводящее впечатлѣнія* (болѣзненнаго или радостнаго) *органическое ощущеніе тонетъ въ чисто умственномъ внушеніи, и намъ кажется, будто мы непосредственно познаемъ то, что мы мыслимъ только по содружеству»* (по содружеству идей ощущенія и бытія) «и знаемъ только по выводу... Обыкновенно»,—увѣряетъ *Д. С. Миллъ*,—«мы придаемъ большую объективность, какъ и большую реальность, первичнымъ качествамъ тѣлъ, чѣмъ вторичнымъ».—Но и это различеніе едвали строго соотвѣтствуетъ ежедневному опыту. Ужели, наприм., *въ этомъ яблокѣ* для меня болѣе реальны и даже объективны его фигура, размѣръ, плотность, чѣмъ привлекательный цвѣтъ, возбуждающій запахъ и ласкающій вкусъ, а въ-особенности его способность удовлетворить потребности моего желудка, при чемъ бывшее и изчезнувшее яблоко, сразу потерявъ, при жеваніи его, свои первичныя качества, своими вторичными, сосредоточивающимися въ одно, наиболѣе реальное для меня, свойство питательности, на-долго входитъ въ составъ моего собственнаго организма? Да и дѣйствительно, крайне трудно рѣшить, что чего реальнѣе и объективнѣе, гдѣ оканчивается одно и начинается другое, что основаніе чего, что причина и что дѣйствіе,—первичное, или, вторичное качество? Освѣщеніе ли причина фигуры, того, или другаго строенія тѣла, или фигура,—причина освѣщенія, цвѣта тѣла? Есть химическіе факты, въ которыхъ химическое строеніе тѣла оказывается зависящимъ отъ измѣненія свѣта, отъ вліянія разнокачественныхъ лучей свѣта. Температура ли тѣла, или, что тоже, ощущаемое въ немъ присутствіе большей или меньшей степени тепла, или холода, есть основаніе большей или меньшей непроницаемости тѣла, или наоборотъ? Звукъ ли, т. е. до извѣстной степени напряженное движеніе тѣла, отражающееся въ слуховомъ нервѣ, есть причина протяженности, большей или меньшей ширины слышимой звуковой волны, и, слѣд., принимаемой, въ этомъ случаѣ, тѣломъ формы, или, на-оборотъ, величина размаха звуковой волны есть причина ея движенія, т. е. звука въ нашемъ ухѣ?.. Выходитъ, что какъ ни переставляй эти кажущіяся разнообразныя основанія всякаго знанія и относительнаго бытія, — онѣ тѣмъ цѣльнѣе сливаются въ тожество, чѣмъ ближе подходятъ ко всеобъемлющему океану универсальнаго абсолютнаго единства.

ГЛАВА XXI.

Подведемъ теперь *итогъ нашему анализу*, представленныхъ въ краткомъ очеркѣ у Д. С. Милля, *новѣйшихъ философскихъ ученій объ относительности человѣческаго знанія.*

1) *Знаніе человѣческое относительно. Эта относительность* состоитъ въ томъ, что хотя мы и стремимся познать абсолютную полноту бытія, однакожъ, по опыту знаемъ только нѣчто, зная это нѣчто *съ двухъ противоположныхъ сторонъ*, во-первыхъ, *какъ сходное не-только съ многимъ другимъ, но и со всѣмъ, а во-вторыхъ, какъ отличное и отъ всего, и отъ многаго другаго.* Всякое сознаніе чего либо есть сознаніе, съ одной стороны, этого сходства, а съ другой стороны, — этой разницы. Вещь считается тѣмъ, что она есть, не-только по контрасту съ тѣмъ, что она не есть, отъ чего она разнится, но и по логическому, такъ же, какъ и реальному, единству (въ родѣ и корнѣ) со всѣмъ себѣ подобнымъ.

2) Такъ-какъ первый предметъ, корень и факторъ знанія есть наше собственное Я, то *чтобъ имѣть какое-либо знаніе*, чтобы познать, *что и почему для меня существуетъ*, умъ человѣческій, на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, силится познать, *съ одной стороны, себя, а съ другой—, внѣшній міръ, опредѣляя между ними взаимное соотношеніе сходства и различія*, рѣшая вопросы: какое сходство и различіе существуетъ во мнѣ съ внѣшнимъ міромъ, который, со включеніемъ моего, какъ и другихъ человѣческихъ, *я*, является, съ одной стороны, нераздѣльнымъ единствомъ, а съ другой—,безпредѣльнымъ множествомъ? Часть ли я только, или половина, или даже цѣлое абсолютное въ-отношеніи къ внѣшнему міру, а весь этотъ міръ, со всею разнообразною полнотою бытія, есть ли только зависимое отъ меня порожденіе мое, не отдѣльное отъ моего ощущенія, или равный мнѣ противоположный полюсъ бытія, или, наконецъ, абсолютное универсальное цѣлое, безусловно опредѣляющее не-только бытіе, но и чувствующую дѣятельность моего *я*, противополагаемаго всему внѣ меня? Однимъ словомъ, умъ всегда стремился и стремится соотнести не-только все бытіе къ человѣческому *я*, но и себя, какъ и все разнообразіе бытія, ко всему, къ цѣлому и единому, къ абсолюту.

3) *Д. С. Миллъ* имѣетъ въ-виду по-преимуществу, если только не

исключительно, первую относительность нашего знанія, по которой все бытіе относится къ человѣческому *Я*, отъ чего все міровоззрѣніе у него вышло не-только одностороннимъ, но даже скептическимъ и нигилистическимъ.

4) Разъясняя относительность знанія, а съ нимъ и бытія, къ человѣческому *Я*, всѣ мыслители дѣйствительно согласны въ томъ, что *внѣшніе* по-отношенію *ко мнѣ, какъ субъекту, объекты извѣстны мнѣ чрезъ чувство.* При этомъ большинство мыслителей, къ которому и мы примыкаемъ, разумѣютъ подъ чувствомъ всю совокупность человѣческихъ чувствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, внутреннихъ, какъ физіологическихъ, такъ и собственно душевныхъ. Сталкиваются же мнѣнія философовъ только въ рѣшеніи вопроса: *что такое говорятъ намъ чувства о внѣшнихъ по-отношеніи ко мнѣ, какъ субъекту, объектахъ?*

5) Нѣтъ спора касательно одной части свидѣтельства чувствъ (*части субъективной-практической, опредѣляющей не то, какъ вещь существуетъ въ себѣ, но какъ относится къ нашему чувству*), именно касательно того, что чувства передаютъ намъ наши ощущенія, что нѣкоторую и даже огромную часть того, что мы знаемъ объ объектахъ, составляютъ порождаемыя ими чувствованія,— что *огромную часть свойствъ, приписываемыхъ объекту, составляютъ силы, которыя обнаруживаетъ объектъ въ произведеніи ощущеній въ субъектѣ.*

6) Разногласіе же мнѣній касается другой стороны нашего знанія (*чисто теоретической, объективной, опредѣляющей, какъ вещь существуетъ въ себѣ*), сосредоточиваясь на рѣшеніи вопроса о томъ: *можемъ ли мы, помимо нашихъ чувствъ, непосредственно умомъ, познавать объективныя свойства вещей,—можемъ ли и какъ* именно можемъ *увѣриться, что внѣ нашего чувствія существуютъ объекты, какъ реальные субстраты феноменовъ, отожествляющіеся въ субъектѣ съ субъективными ощущеніями?*—Здѣсь нужно замѣтить, что въ самой постановкѣ этого вопроса *у Д. С. Милля* допускается чуждое точной психологической дистинкціи смѣшеніе понятій: 1) не опредѣлено, какое чувство здѣсь разумѣется, внѣшнее ли только или внутреннее, или-же то и другое вмѣстѣ; 2) не указано, имѣетъ ли умъ какое-либо тожество, или хоть родство съ чувствомъ, или въ существѣ своемъ и дѣятельности есть нѣчто отдѣльное отъ чувства, такъ-что способенъ совершать свои отправленія внѣ всякаго, не-только внѣш-

няго́, но и внутренняго чувства. При фальшивой же постановкѣ самаго вопроса, не могло не оказаться фальшивымъ и рѣшеніе его.

7) На этотъ коренной, въ ученіи объ относительности нашего знанія, вопросъ въ новѣйшей философіи предлагаются слѣдующія главныя формы рѣшенія: 1) первая форма, *идеально-скептическая, Берклея и Юма*, которые согласны между собою въ основоположеніи своихъ системъ именно въ томъ, *что ощущенія внѣшняго чувства суть все, существованію чего мы имѣемъ право довѣрять*, а вещи въ себѣ и не познаваемы, и не существуютъ; 2) вторая форма, *реалистическая*, по которой вещи въ себѣ существуютъ, но находятся за феноменами, и потому не познаваемы, которая, по различію воззрѣнія на значеніе основныхъ схемъ нашего мышленія, именно формъ времени и пространства и такъ-называемыхъ категорій разсудка, распадается на двѣ формы: на ученіе *Канта*, съ послѣдователями, и *Джемса Милля*, съ послѣдователями; и 3) третья форма, *Сэръ Вильяма Гамильтона*, по которой *вещи въ себѣ не только существуютъ, но даже познаваемы въ своихъ первичныхъ качествахъ.*

8) Съ одной стороны, согласно, а съ другой, вопреки идеально-скептической школѣ *Берклея и Юма*, можно и должно признать, что ощущенія не одного внѣшняго, въ отдѣльности, но общаго, цѣльнаго человѣческаго чувства составляютъ все, что мы можемъ знать о предметахъ внѣшняго міра, что ощущенія не *суть* все, а непререкаемо *свидѣтельствуютъ* о томъ, что существуетъ, существованію чего мы не имѣемъ возможности не довѣрять, что реальны не-только ощущенія, но, по непреложному свидѣтельству нашего-же чувства, внутри насъ реальны ощущенія, а внѣ насъ реаленъ объектъ, что существуетъ реальность, соотвѣтствующая субстрату, внѣшняя по-отношенію къ нашимъ умамъ, существуетъ ощущеніе, какъ дѣйствіе, и объектъ съ субъектомъ, какъ двойственная причина,—что ощущенія даже суть все, что существуетъ, но на-столько, на-сколько наши ощущенія, впечатлѣнія и идеи служатъ отраженіемъ ощущеній, впечатлѣній и идей (если можно такъ выразиться) абсолютнаго разума, абсолютнаго сознанія, абсолютнаго чувства; отожествленіе же съ бытіемъ узкихъ, мертвыхъ отвлеченій разсудка и ограниченныхъ воспріятій ничтожнаго психическаго чувства ведетъ къ отрицанію всякаго дѣйствительнаго бытія.

9) Основоположеніе *школы реалистической*, что разница между *Я* и *Не-я* означаетъ двѣ особыя реальности и что есть реальный міръ вещей въ себѣ, вѣрно. Но нельзя безъ ограниченія сказать, будто

вещь въ себѣ находится за феноменомъ. Нѣтъ, вещь въ себѣ находится за феноменомъ только частію, хотя и большею, лучше же сказать, безконечно великою частію, а частію и въ феноменѣ: въ феноменѣ находится на-столько, на-сколько она въ феноменѣ обнаруживается, а за феноменомъ, на-сколько она неизвѣстна. Однако-жъ и эта послѣдняя сторона одной и той же вещи закрыта для нашего сознанія не на-столько, чтобы подъ нею было для насъ голое небытіе. Несправедливо, будто мы вовсе не знаемъ, что такое вещь въ себѣ; нѣтъ, мы знаемъ, что такое эта вещь и въ себѣ, и въ насъ, на-сколько она открыта намъ по непререкаемымъ впечатлѣніямъ разносторонняго обще-человѣческаго чувства, зная, въ тоже время, непреложно, что безпредѣльно много есть въ этой вещи и такого, что пока отъ насъ сокрыто: это — поистинѣ безпредѣльное количество ея индивидуальныхъ, отличительныхъ, ограниченныхъ свойствъ, съ одной стороны, а съ другой—, цѣльное единство ея абсолютныхъ свойствъ, которыми она сливается въ единство съ абсолютнымъ универсальнымъ. Утверждать же, будто внутренняя природа вещей недоступна для нашихъ способностей, значитъ — утверждать противный обще-человѣческому чувству абсурдъ. Умъ человѣческій постигаетъ природу вещи двояко: и въ расширяющемся понятіи разсудка, и въ безпредѣльной, адекватной бытію, идеѣ разума.

10) Отчасти согласно, отчасти вопреки теоріи *Канта*, который въ знаніи объекта признавалъ три елемента: скрытую вещь саму въ себѣ, свойства нашихъ ощущеній и свойства нашего способа представлять вещи,—признавая коренною погрѣшностью этой теоріи *раздробленіе единой, цѣльной, человѣческой души на отдѣльныя, взаимно несопроникающіяся области*, мы полагали и полагаемъ, что вещь въ себѣ открыта обще-человѣческому чувству и въ разсудочномъ познаніи, и въ идеѣ, — что простѣйшія свойства, доставляемыя нашему сознанію внѣшнимъ или внутреннимъ физіологическимъ чувствомъ, суть не исключительно только свойства ощущеній, но смѣшанный продуктъ нашихъ чувствъ и объектовъ, — что тѣмъ неотъемлемѣе принадлежатъ не-только нашему чувству, но и объектамъ, аттрибуты, подходящіе подъ формы временности, или пространственности, или подъ такъ-называемыя категоріи разсудка, такъ-какъ эти коренныя схемы представленія суть только обозначенія отражающагося въ нашемъ сознаніи ограниченнаго бытія, которое состоитъ въ движеніи, измѣненіи, дробленіи, слитіи, произведеніи, происхожденіи

и т. д., — что для такого отдѣленія разсудочныхъ формъ мышленія отъ дѣйствительнаго бытія основаніе можно находить только въ томъ психологическомъ фактѣ, что, съ приближеніемъ нашего ума къ созерцанію бытія абсолютнаго, исчезаютъ всѣ разсудочныя формы пространственности и временности, случайности и измѣняемости, частичности, разнообразія и всякой ограниченности; въ ограниченномъ же бытіи возведеніе разсудочнаго отвлеченія подобныхъ свойствъ въ реальное отрицаніе ихъ ведетъ, какъ не разъ и приводило, къ сомнѣнію въ существованіи всего.

11) Отчасти согласно, отчасти вопреки ученію *Джемса Милля* и другихъ, мы признаемъ общія схемы нашего мышленія, формы времени и пространства, равно-какъ и категоріи разсудка, смѣшаннымъ продуктомъ нашей природы и нашего личнаго опыта, т. е. нетолько наиболѣе общими отраженіями бытія, получаемыми въ нашемъ сознаніи, чрезъ непосредственный, личный нашъ, опытъ, но, въ тоже время, совокупно и прирожденными формами нашего мышленія.

12) Отчасти согласно, а отчасти вопреки теоріи *С. В. Гамильтона*, допуская бытіе вещей въ себѣ, мы отвергаемъ его теорію *познаваемости первичныхъ свойствъ вещества непосредственно умомъ, помимо чувства*, отвергаемъ на слѣдующихъ основаніяхъ. 1) Нельзя сказать, что первичныя качества понимаются, какъ онѣ суть *въ насъ*, а вторичныя, какъ онѣ суть *въ тѣлахъ*, такъ-какъ факты показываютъ, что и вторичныя свойства, какова, наприм., цвѣтность, въ однородномъ смыслѣ, и отъемлемы и неотъемлемы отъ тѣлъ, какъ и первичныя свойства, какова, наприм., фигуральность; а съ другой стороны, какъ тѣ, такъ и другія свойства, однородньмъ-же образомъ, доходятъ до нашего сознанія, слѣдовательно, тѣ и другія одинаково существуютъ какъ въ тѣлахъ, такъ и въ насъ. 2) Нельзя сказать, будто первичныя качества познаются *непосредственно умомъ*, будто фигура, непроницаемость, протяженность тѣла *не дѣйствуютъ на насъ*, на наше чувство, тогда-какъ вторичныя качества познаются только посредствомъ ощущеній, въ своихъ *дѣйствіяхъ на насъ*. Нѣтъ; и тѣ и другія, какъ показываетъ опытъ, познаются посредствомъ опыта, или частнаго, или обобщеннаго, слѣдовательно, посредствомъ чувства, въ своихъ дѣйствіяхъ на насъ. 3) Нельзя сказать, будто въ первичныхъ качествахъ мы сознаемъ *модусы не себя*, тогда-какъ во вторичныхъ сознаемъ *модусы себя*. Факты показываютъ, что первичныя качества измѣнчивы одинаковымъ образомъ съ вторичными, и видоизмѣняются въ

только отъ присущихъ веществу причинъ, но и отъ измѣнчивости нашего чувства, измѣняются въ чувствахъ не-только разныхъ чувствующихъ особей, но даже одного и тогоже человѣка, что подтверждается фактами а) разности отраженія размѣровъ въ глазахъ, привыкшихъ къ большимъ размѣрамъ, когда тѣже самые глаза быстро переходятъ къ малымъ размѣрамъ, и б) разности отраженій въ нашемъ чувствѣ размѣровъ, фигуральности, плотности предметовъ при дневномъ и ночномъ освѣщеніи, при солнечномъ затменіи, при варіаціи физіологическихъ, или психическихъ, состояній, при разныхъ возбуждающихъ, или притупляющихъ нашу чувствительность профессіяхъ и т. п. — 4) Нельзя сказать, вслѣдъ за *Д. С. Миллемъ*, будто ощущенія, соотвѣтствующія первичнымъ качествамъ, *предлежатъ всегда*, когда предлежитъ какая-нибудь часть группы первичныхъ качествъ, тогда-какъ ощущенія, отвѣчающія вторичнымъ качествамъ, не предлежатъ, когда никого нѣтъ, чтобы воспріять ихъ». Ощущеніе, въ реальномъ фактѣ, когда нѣтъ чувствующаго субъекта, ни тамъ, ни здѣсь, не существуетъ, а возможность ощущеній для соотвѣтствующихъ нервовъ существуетъ одинаково и тамъ, и здѣсь, такъ-какъ всякое подлинное вещество, при извѣстной степени напряженія въ его частицахъ, должно заключать въ себѣ не только первичныя, но и вторичныя качества, можетъ быть не-только осязаемо, но и видимо, и обоняемо и т. п. Наоборотъ, оно-же бываетъ не-только не обоняемо и не видимо, но и не осязаемо, при извѣстныхъ условіяхъ, въ состояніи какъ самого вещества, такъ и чувствующаго субъекта. 5) Нужно полагать, что веществу неотторгаемо принадлежитъ множество свойствъ даже не воспринимаемыхъ нашимъ чувствомъ и что потому *постоянство*, *или случайность*, *возможность быть всегда*; *или не быть никогда*, прилагаемыя къ понятіямъ первичныхъ и вторичныхъ качествъ вещества, зависятъ не-столько отъ реальнаго бытія вещества, сколько отъ отношенія къ нему чувствующихъ субъектовъ. — 6) Первичныя качества, *вмѣстѣ съ разными личностями и временною чувствительностью нашихъ органовъ*, *варіируютъ* аналогичнымъ-же образомъ, какъ и свойства вторичныя, а съ другой стороны, если позволительно утверждать нѣкоторое, хотя и относительное, постоянство, во всѣ времена, первичныхъ качествъ, то тоже самое сказать должно объ относительномъ постоянствѣ и вторичныхъ качествъ, во всѣ времена, наприм., цвѣтовъ радуги, сладости меда, ароматичности розы и т. п. — 7) Даже съ тѣмъ

вполнѣ согласиться нельзя, будто первичнымъ качествамъ мы придаемъ большую реальность и объективность, чѣмъ вторичнымъ, потому-что, наприм., въ этомъ яблокѣ его питательность для меня чуть ли не реальнѣе, чѣмъ его фигура. Да и вообще трудно рѣшить, что чего реальнѣе и объективнѣе, гдѣ оканчивается одно и начинается другое, что основаніе чего, что причина и что дѣйствіе, первичное ли, вторичное или качество.

ГЛАВА XXII.

Обозрѣвъ представленныя здѣсь теоріи относительности человѣческаго знанія и не раздѣляя вполнѣ ни одной изъ нихъ, точно также, какъ не раздѣляемъ ихъ и мы, *Д. С. Миллъ* усиливается опредѣлить *возможную міру нашихъ знаній и строитъ свою теорію.* Эту теорію мы видѣли уже; теперь же прослѣдимъ ее критическимъ анализомъ.

Нельзя не согласиться съ теоріею *Д. С. Милля* въ томъ, что «*свидѣтельство сознанія, если только мы можемъ пріобрѣсть его чистымъ, убѣдительно*,—что когда мы имѣемъ какое-либо чувствованіе, мы имѣемъ, въ тоже время, и нѣкоторый родъ *увѣренности или убѣжденія* въ томъ, что имѣемъ это чувствованіе,— что *эта увѣренность есть критерій, по которому мы судимъ о всѣхъ нашихъ другихъ убѣжденіяхъ, что приговоръ сознанія, или наше непосредственное и внутренно-усматриваемое убѣжденіе принимается со всѣхъ сторонъ рѣшеніемъ безъапелляціоннымъ*», какъ говоритъ Д. С. Милль. Все это и мы согласны допустить. Но не можемъ не замѣтить при этомъ, что *въ этомъ опредѣленіи критерія всякой истины, всякой нашей увѣренности*, допущены неопредѣленность, неточность и смѣшеніе понятій,— именно: не указано, *какое сознаніе должно назвать чистымъ и что должно назвать чувствомъ: одно ли внѣшнее, или, вмѣстѣ съ нимъ, и внутреннее чувство? Какое убѣжденіе должно назвать непосредственнымъ и внутренно-усматриваемымъ: исходящее ли только отъ внѣшняго чувства, или отъ внутренняго, или отъ того и другаго вмѣстѣ? Однимъ словомъ, гдѣ послѣдній, радикальный критерій убѣжденія*, или увѣренности, *во внѣшнемъ ли чувствѣ, во внутреннемъ ли, или въ цѣломъ общечеловѣческомъ чувствѣ?*

«*Въ чемъ или о чемъ должно свидѣтельствовать сознаніе?* — спрашиваетъ, выясняя свою мысль, *Д. С. Миллъ*,—и, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, говоритъ: «въ числѣ фактовъ, разсматриваемыхъ въ-качествѣ откровеній сознанія, есть одинъ родъ, въ которомъ никто не сомнѣвается, и другой родъ, въ которомъ можно сомнѣваться и сомнѣваются». Все это извѣстно и безспорно.

«*Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться*», продолжаетъ *Д. С. Миллъ*, «*суть факты внутренняго сознанія, собственные акты и настроенія духа.* Что мы ни чувствуемъ, мы не можемъ сомнѣваться въ актѣ и состояніи чувствованія: сознанію собственныхъ чувствованій и процессовъ духа нельзя не довѣрять».— Это также извѣстно и безспорно.

«Но», продолжаетъ *Д. С. Миллъ*, «если подъ словомъ сознаніе разумѣть силу, которая можетъ заявлять мнѣ *о вещахъ, не составляющихъ феноменовъ моего собственнаго духа*,—то, въ этомъ случаѣ, открывается разладъ мнѣній касательно того, что такое суть тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ сознаніе»? — И насчетъ этого нужно сказать, что это также извѣстно.

Эта философская проблемма рѣшается, въ двухъ различныхъ школахъ, двумя различными методами: *интроспективнымъ и психологическимъ*. Себя самаго *Д. С. Миллъ* причисляетъ къ школѣ *психологической*, называя такъ свою школу въ-отличіе отъ интроспективной, конечно, на томъ, предполагаемомъ, основаніи, будто *психологическая школа опирается на психологическіе факты, тогда-какъ школа интроспективная невѣрна выводимъ эмпирической психологіи.* А намъ кажется, что здѣсь *Д. С. Миллъ* впадаетъ въ самомнительное недоразумѣніе; намъ думается, что *здраво—позитивная интроспективная школа есть истинная психологическая*, такъ-какъ она-то и опирается на истинно-психологическіе факты, а *поддерживаемая Д. С. Миллемъ школа есть, допустимъ, и психологическая, но психологическая не доношенная, основанная на односторонне понятыхъ психологическихъ фактахъ и на крайне односторонихъ выводахъ, упирающихся въ безъисходный абсурдъ.* Это мы и намѣрены доказать.

По психологической теоріи,—утверждаетъ Д. С. Миллъ [1]),—«*довѣ-*

---

[1]) Не одинъ *Д. С. Миллъ* такъ учитъ. Согласно съ нимъ учитъ и съ рѣдкимъ въ исторіи философіи единодушіемъ поддерживаетъ такое ученіе почти вся Англійско-Шотландская школа послѣдователей *Локка*, за исключеніемъ развѣ *Рида*,

ріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ». Это сущность его теоріи, тема, которую онъ развиваетъ и доказываетъ. Нельзя не отдать справедливости этому пресловутому позитивисту въ томъ, что, гоняясь за предзанятыми предрѣшенными выводами и, въ этомъ стремленіи, поражая противниковъ будтобы громаднымъ множествомъ доводовъ, фактовъ, разнообразныхъ свѣдѣній, онъ не удостоиваетъ большаго вниманія схоластическое требованіе, чтобы философскій языкъ былъ, какъ можно болѣе, точенъ. Напримѣръ, *точноль выражена эта тема его системы, составляющая краеугольный камень его міровоззрѣнія, сущность его теоріи: «довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое»?*—Такъ какое-же оно? Естественно ждать, что *второю* половиною предложенія будетъ: «но есть внѣшне усматриваемое, тѣмъ болѣе, что этими словами *Д. С. Милль* характеризуетъ *противоположность* между своею психологическою и, отвергаемою имъ, *интроспективною* теоріею. Ожиданіе, однакожъ, напрасное, такъ-какъ у него, вмѣсто выраженія «*внѣшне — усматриваемое*», стоитъ другое: «но пріобрѣтенный продуктъ». Или выраженія: «довѣріе внѣшне-усматриваемое и пріобрѣтенный продуктъ», у него тожественны. Но если тожественны, то вѣрно ли ихъ тожество, соотвѣтствуетъ ли оно психологическимъ фактамъ?

Прослѣдимъ развитіе представляемыхъ у Д. С. Милля *доказательствъ на тему, что «довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ»*, и посмотримъ, куда онъ насъ приведетъ.

Согласимся принять, какъ основанія его теоріи, «слѣдующія психологическія истины, что человѣческій духъ, получивъ *ощущенія дѣйствительныя*, способенъ составить себѣ *представленія ощущеній возможныхъ*, которыхъ мы не чувствуемъ въ настоящій моментъ, но которыя мы могли бы и должны бы чувствовать, еслибы предстояли извѣстныя условія,—что, по законамъ *ассоціаціи или содружества идей*, подобные сложные феномены склонны быть мыслимы вмѣ-

---

С. В. Гамильтона и немногихъ другихъ. Исключительное же вниманіе на теорію *Д. С. Милля* мы обращаемъ по тому, что почти всѣ его сочиненія переведены на русскій языкъ и, сверхъ того, многократно разобранныя, конечно, съ крайнимъ подобострастіемъ и рабскимъ удивленіемъ, въ русскихъ журналахъ, онѣ, болѣе другихъ подобныхъ, доступны не-только намъ, но и всѣмъ русскимъ. Другихъ же философовъ тойже школы коснемся вкороткѣ, впослѣдствіи.

стѣ,—что порождаемыя смежностію содружества становятся болѣе несомнѣнными отъ повторенія,—что не-только вызываемая содружествомъ идея становится нераздѣльною съ идеею вызывавшею, но и отвѣчающіе идеямъ факты кажутся нераздѣльными въ существованіи».

Допустимъ далѣе, *что «нашу идею внѣшней субстанціи* образуетъ идея о чемъ-то такомъ, что отличается отъ нашихъ скоротечныхъ впечатлѣній *прочностію*, что неизмѣнно остается тѣмъже самымъ и въ то время, какъ наши впечатлѣнія мѣняются, что существуетъ, несмотря на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ, и сохраняетъ свои свойства, несмотря на то, воспринимаются ли онѣ въ данный моментъ, или нѣтъ, даже восприняты ли когда-нибудь нашимъ ощущеніемъ; допустимъ, что представленіе существующаго міра содержитъ, съ одной стороны, ощущенія, получаемыя мною въ настоящій моментъ, а съ другой стороны содержитъ *безчисленное разнообразіе возможностей ощущенія*,—что эти возможности ощущеній постоянны, тогда-какъ мои настоящія ощущенія бѣглы,—что возможности ощущенія относятся не къ единичнымъ ощущеніямъ, но къ *ощущеніямъ соединеннымъ въ группы*,—что *субстанція* или *тѣло* предполагаетъ *не одно какое-либо настоящее, мимолетное ощущеніе, но группу постоянныхъ возможностей разныхъ ощущеній*,—что эта группа возможностей ощущеній въ цѣломъ представляется моему духу, какъ *постоянная*, въ контрастѣ не-только съ временностію моего тѣлеснаго присутствія, но и съ временнымъ характеромъ каждаго изъ моихъ ощущеній, какъ *родъ постояннаго субстрата, подъ слоемъ преходящихъ опытовъ, или проявленій*,—что эти группы возможностей ощущеній существуютъ *въ извѣстномъ порядкѣ предшествованія и послѣдовательности*, съ которымъ связывается наша идея *причинной связи, силы, дѣятельности*,—что отсюда мы научаемся мыслить природу состоящею изъ группъ возможностей, а дѣятельную силу природы проявляющеюся въ видоизмѣненіи однихъ группъ другими,—что ощущенія, *хотя и первоначальная основа всего*, представляются чѣмъ-то отъ насъ зависящимъ, а возможности *подлинными реальностями*, по-отношенію къ которымъ дѣйствительныя ощущенія суть только *воспроизведенія, феномены или дѣйствія*,—что присутствіемъ дѣйствительнаго ощущенія доказывается присутствіе группы возможностей разныхъ ощущеній,—возможныя ощущенія представляются стоящими къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ въ-отношеніи причины къ ея дѣйствіямъ, или полотна къ рисуемымъ на немъ фигуралъ, или корня къ стволу, листьямъ и цвѣтамъ, или въ-отношеніи

сущности (субстрата) къ тому, что простерто на ней,—въ-отношеніи матеріи къ формѣ. За тѣмъ»,—объясняется *Д. С. Милль*,—«постоянныя возможности принимаютъ отъ данныхъ ощущеній такое несходство по виду и такую разницу положенія по-отношенію къ намъ, что представляются намъ, и притомъ съ довѣріемъ, разнящимися отъ ощущенія, по меньшей мѣрѣ, также, какъ одно ощущеніе разнится отъ другаго: *ихъ фундаментъ* въ ощущеніи забывается и ихъ *предполагаютъ* чѣмъ-то, въ самой ихъ природѣ отличнымъ отъ ощущеній». Не предрѣшая здѣсь загадки, скрывающейся въ этой смутной аргументаціи, замѣтимъ, однакожъ, что подобная аргументація представляетъ рѣдкій образецъ неуловимости философской мысли. Дѣйствительно, еслибъ мы не имѣли въ-виду другихъ, многочисленныхъ и гораздо болѣе опредѣленныхъ, мѣстъ въ обширныхъ сочиненіяхъ *Д. С. Милля*,—то на-основаніи только-что приведеннаго мѣста, составляющаго, однакожъ, ключъ къ его системѣ, трудно было бы рѣшить, къ какой школѣ онъ принадлежитъ, къ *строго ли позитивной, или крайне скептической?* Оказывается, что крайности соприкасаются. Какъ мы видѣли, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «группа возможностей ощущеній представляется, какъ родъ субстрата подъ слоемъ ощущеній; ощущенія, хотя и первоначальная основа всего, представляются чѣмъ-то отъ насъ зависящимъ, а возможности—подлинными реальностями и причинами нашихъ ощущеній; постоянныя возможности ощущеній принимаютъ отъ данныхъ ощущеній такое несходство по виду и отношенію къ намъ, что съ довѣріемъ представляются намъ разнящимися отъ ощущенія: ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается и онѣ предполагаются чѣмъ-то, въ самой природѣ отличнымъ отъ ощущенія». Спрашивается теперь: вѣритъ ли *Д. С. Милль*, что группа возможностей ощущеній дѣйствительно *есть субстратъ* своихъ проявленій, а *не представляется только, какъ родъ субстрата* подъ слоемъ своихъ проявленій, тожественныхъ съ нашими ощущеніями? Существуютъ ли реальности внѣ нашихъ ощущеній? Составляютъ ли реальности причину нашихъ ощущеній, или наше ощущеніе есть основа, причина всѣхъ реальностей, но только, по необъяснимой иллюзіи и *притомъ съ довѣріемъ*, реальность представляется нашему духу причиною, а ощущеніе дѣйствіемъ? Постоянныя возможности ощущеній, иначе сказать, реальности отличны ли отъ нашихъ ощущеній, или только, по необъяснимой иллюзіи *и притомъ съ довѣріемъ*, представляются намъ отличными

отъ ощущенія? По необъяснимой иллюзіи, фундаментъ реальностей въ ощущеніи забывается и реальности предполагаются въ самой природѣ своей отличными отъ ощущеній, тогда-какъ реальности въ самой природѣ своей не отличны отъ ощущеній? Однимъ словомъ вѣритъ ли *Д. С. Миллъ*, или не вѣритъ тому, что *реальности отличны въ природѣ своей отъ нашихъ ощущеній и относятся къ нимъ, какъ причина къ дѣйствію?* — Оказывается удивительная странность, что у него можно найти положительный отвѣтъ почти на каждый изъ этихъ противоположныхъ вопросовъ. Такъ, наприм., вотъ его собственныя слова: «внѣшняя субстанція есть нѣчто, что существуетъ несмотря на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ, и что сохраняетъ свои свойства не-смотря на то, воспринимаются ли онѣ въ данный моментъ, даже восприняты ли когда-нибудь нашимъ ощущеніемъ». Казалось бы, по этому, что внѣшнія субстанціи существуютъ и сохраняютъ свои свойства независимо отъ нашего воспріятія? Такъ нѣтъ-же; вотъ опять собственныя слова *Д. С. Милля*: «ощущенія, хотя *и первоначальная основа всего*, въ-отношеніи къ подлиннымъ реальностямъ, *суть только воспроизведенія, феномены или дѣйствія.*» Такимъ образомъ, чтоже такое, спрашивается, ощущенія, — «*первоначальная ли основа* всего», или «*только воспроизведенія, феномены или дѣйствія реальностей*»? — «Постоянныя возможности ощущеній,» — объясняетъ *Д. С. Миллъ*, — т. е. реальности «представляются стоящими къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ *въ отношеніи причины къ дѣйствіямъ*; *ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается* и ихъ предполагаютъ, *и притомъ съ довѣріемъ*, чѣмъ-то въ самой природѣ отличнымъ отъ ощущенія». — Итакъ, что же чего, — спрашивается опять, — причина и основа: реальности ли причина и основа ощущеній, или ощущенія — причина и основа реальностей? На-основаніи его словъ, и то и другое. Въ своей Логикѣ (1,93) *Д. С. Миллъ* прямо говоритъ: «вещество производитъ въ насъ наши ощущенія,—*тѣлесная сущность есть причина нашихъ ощущеній*», или: «*вещество, разсматриваемое, какъ скрытая причина нашихъ ощущеній, дѣйствительно существуетъ*»; *а здѣсь* выражается на-оборотъ: «*ощущенія—первоначальная основа всего*,—фундаментъ подлинныхъ реальностей въ ощущеніяхъ», хотя это и «забывается»... Уже-ли, поэтому, довѣріе къ бытію внѣшнихъ реальностей есть не болѣе, какъ *иллюзія. а иллюзія есть то довѣріе*, которое *Д. С. Миллъ* взялся позитивно объяснить и доказать?...

Если же *довѣріе* къ бытію внѣшнихъ реальностей есть только ил-

люзія, если эти реальности суть не причина, а продуктъ моихъ ощущеній, не отличный отъ нихъ, — то естественно задаться вопросомъ: *отличны ли отъ моего ощущенія другіе люди?* Или люди также, какъ и всѣ прочія дѣйствительныя бытія, имѣютъ фундаментъ своей реальности только въ моемъ ощущеніи и только предполагаются отличными отъ моего ощущенія, тогда-какъ въ самой природѣ своей они не отличны отъ него, тогда-какъ мое ощущеніе дѣйствительно есть фундаментъ, причина реальности прочихъ людей? По предыдущимъ выраженіямъ *Д. С. Милля*, слѣдуетъ отвѣтить на этотъ послѣдній вопросъ *положительно*, т. е. что другіе люди, какъ и всѣ прочія реальности, не отличны отъ моего ощущенія, а по нижеслѣдующему выраженію приходится отвѣчать *отрицательно*, т. е. что всѣ другіе люди какъ-будто отличны и существуютъ независимо отъ моего ощущенія: «я приписываю»,—говоритъ *Д. С. Миллъ*,—«нѣкоторымъ другимъ существамъ жизнь подобную моей по тому, что онѣ обнаруживаютъ ее тѣмъже родомъ признаковъ, какимъ обнаруживается и моя жизнь: *на этомъ основаніи я убѣжденъ, что тѣ и другія явленія (въ нихъ и во мнѣ) возникаютъ изъ одинаковой причины*». Итакъ, чтоже, спрашиваемъ мы опять, существуютъ ли люди? Существуютъ, очевидно, на-столько же, на-сколько и я самъ существую. Но этого мало, что сами они существуютъ; нѣтъ, своимъ бытіемъ, аналогичнымъ съ моимъ, они дѣлаютъ мнѣ еще ту громадную услугу, что помогаютъ мнѣ увѣриться *въ существованіи внѣшняго міра* вообще. «Мы находимъ,»—разсуждаетъ *Д. С. Миллъ*, — «что постоянныя возможности ощущеній» (т. е. реальности) «настолькоже принадлежатъ другимъ человѣческимъ чувствующимъ существамъ, настолько и намъ самимъ. Міръ возможныхъ ощущеній» (внѣшній міръ), «смѣняющихъ одно другое, согласно опредѣленнымъ законамъ, существуетъ настолькоже *въ другихъ существахъ, на-сколько и во мнѣ; слѣдовательно, онъ имѣетъ существованіе внѣ меня,—онъ есть внѣшній міръ*».

Чтоже это такое? Какъ это понять?—По прежнимъ выраженіямъ *Д. С. Милля* выходило, что всякая внѣшняя реальность имѣетъ свой фундаментъ въ моемъ ощущеніи и по прпродѣ своей не отлична отъ моего ощущенія, хотя и представляется отличною. Всякій другой человѣкъ, какъ внѣшняя реальность, долженъ бы также имѣть фундаментъ своей реальности въ моемъ ощущеніи и по природѣ своей быть не отличнымъ отъ моего ощущенія, хотя и представляется отличнымъ. Въ свою очередь, и *я*, какъ внѣшняя реальность для всякаго другаго человѣка, имѣю фундаментъ своей реальности въ ощущеніи другаго человѣка и не отличенъ, по своей природѣ, отъ его ощущенія, хотя

и представляюсь ему отличнымъ; реальность всего міра имѣетъ свой фундаментъ *въ ощущеніи моемъ, какъ въ ощущеніи и другихъ людей*, и при этомъ міръ не отличенъ отъ ощущеній человѣческихъ, хотя и представляется отличнымъ по своей природѣ; слѣдовательно.... Но чтоже слѣдуетъ отсюда? Казалось бы то, что міръ, неотличный, по природѣ своей, хотя и представляющійся отличнымъ, отъ моего ощущенія, существуетъ не иначе, какъ только *въ ощущеніи моемъ и другихъ людей, слѣдовательно, есть внутренній міръ, а ни какъ не внѣшній?* Если же представляется внѣшнимъ, то это — *иллюзія, фальшь, обманъ, а не довѣріе?* Нѣтъ, по *Д. С. Миллю*, онъ есть *внѣшній міръ, а не внутренній, и это есть довѣріе, а не обманъ.* Какже такъ? Это непостижимо, удивляемся мы!—Вникните и постигнете. «Нѣкоторыя другія существа,—объясняется *Д. С. Милль*, — обнаруживаютъ свою жизнь тѣмъже родомъ признаковъ, какимъ обнаруживается и *моя жизнь; на этомъ основаніи я и убѣжденъ*, что тѣ и другія явленія (въ нихъ и во мнѣ) возникаютъ изъ одинаковой причины; на этомъ основаніи я приписываю другимъ *людямъ жизнь подобную моей».* Такъ существуютъ ли другіе люди? *Существуютъ, какъ существую и я, если только я существую.* Подобнымъже образомъ убѣждаюсь я въ бытіи и внѣшняго міра. «Постоянныя возможности ощущеній,—объясняется *Д. С. Милль*, — настолькоже принадлежатъ другимъ людямъ, насколько и мнѣ,—міръ существуетъ настолькоже и *въ другихъ людяхъ, на-сколько и во мнѣ.* Такимъ образомъ, насколько міръ существуетъ во мнѣ, онъ есть внѣшній для другихъ людей,—а насколько существуетъ въ другихъ людяхъ, *онъ есть внѣшній для меня?* Такъ, отвѣчаемъ мы, хотя и съ крайнимъ удивленіемъ.... Почему же я знаю,—мы спрашиваемъ,—что міръ существуетъ внѣ меня? По тому отвѣчаютъ намъ, что онъ существуетъ въ другихъ людяхъ такъже, какъ и во мнѣ. Почему я знаю, что міръ существуетъ въ другихъ людяхъ такъже, какъ и во мнѣ? По тому, что я приписываю имъ жизнь, подобную моей. На какомъ же основаніи я приписываю имъ жизнь подобную моей? На-основаніи сходственнаго съ моею жизнію обнаруженія ихъ жизни. Но обнаруженіе ихъ жизни тождественно ли съ моимъ ощущеніемъ? Тождественно. Оно существуетъ только въ моемъ ощущеніи, а не внѣ его? Въ немъ, а не внѣ его. Существованіе же міра въ другихъ людяхъ есть только одно изъ обнаруженій ихъ жизни, нераздѣльное отъ моего ощущенія, существующее въ моемъ ощущеніи? Такъ, а не иначе. Значитъ, міръ и въ томъ своемъ проявленіи, по которому бытіе его обнаруживается для меня и въ другихъ,

людяхъ, существуетъ собственно въ моемъ ощущеніи, во мнѣ? Конечно, такъ. И группы возможностей ощущеній, которыя представляются мнѣ людьми, существуютъ собственно во мнѣ, въ моемъ ощущеніи? Конечно. Значитъ, внѣ меня не существуютъ? Да, для васъ, внѣ вашего ощущенія, не существуютъ. А между-тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, онѣ существуютъ, какъ существую и я,—имѣютъ жизнь подобную моей? Да. Такъ какъже разгадать все это? Мы не понимаемъ!—А вотъ какъ,—отвѣчаютъ намъ. Спрашивается: существуете ли вы? Этотъ вопросъ разрѣшается тѣмъ, что для другихъ людей вы существуете въ ихъ ощущеніи, а никакъ не внѣ; для себя же вы существуете въ собственномъ ощущеніи, а никакъ не внѣ, какъ и всякая реальность. Такъ чтоже, спрашивается, фундаментъ чего, *я* ли фундаментъ моего ощущенія, или *ощущеніе* фундаментъ моего я? Именно послѣднее: *ощущеніе*—фундаментъ нашего я, ощущеніе есть бытіе, ощущеніе существуетъ.... Но это, вѣдь, сумасшествіе!? — Нисколько. Слушайте и вникайте.

Съ изумленіемъ слѣдуемъ мы дальше за развитіемъ мысли *Д. С. Милля*. «*По всей вѣроятности*, разсуждаетъ онъ, мы не имѣемъ *никакого прирожденнаго понятія о не-я*». Болѣе всего боится онъ чего бы то ни было прирожденнаго въ нашемъ сознаніи [1])! Мы не имѣемъ прирожденнаго понятія о *не—я*, продолжаетъ онъ, пока не пріобрѣтемъ значительнаго опыта въ возвращеніи ощущеній, согласно опредѣленнымъ законамъ, и въ возвращеніи именно въ группахъ. Безъ понятія же о *не-я* мы не можемъ имѣть и противоположнаго ему понятія о—*я*. *Неловѣрно*, чтобы первое испытываемое нами ощущеніе пробуждало въ насъ какоенибудь понятіе о нѣкоторомъ *я*. Познаніе о *я* образуется отождествленіемъ состоянія ощущенія настоящаго съ воспоминаемымъ состояніемъ ощущеній прежнихъ. Никакое ощущеніе не можетъ (?) внушать личнаго тожества: это требуетъ *нькоторой серіи ощущеній, которая образуетъ въ мышленіи нькоторую линію (?) преемственности и которая суммирована въ нькоторое единство». Оказывается, по Миллю, будто сначала я* формирую, съ одной стороны, *понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія*, а съ другой—*непрерывную серію чувствованій, называемую моею жизнію*. Затѣмъ уже оба эти понятія, въ-силу необходимаго

---

[1]) Замѣтить нужно, однакожъ, что въ самое послѣднее время (въ 1872 г.) *Д. С. Милль* нашелся вынужденнымъ признать и прирожденность идей, какъ это будетъ ниже показано.

содружества, возраждаются въ моей памяти каждымъ моимъ ощущеніемъ, такъ-что каждое мое ощущеніе сознается не иначе, какъ въ соотношеніи съ ними, и оба эти понятія воспроизводятъ во мнѣ двѣ вещи: 1) *именно, нить сознанія, которою я усматриваю ощущеніе, оказывается субъектомъ ощущенія (!), а* 2) *група постоянныхъ возможностей ощущенія, къ которой я отношу эту нить сознанія, оказывается объектомъ ощущенія».*

Что же это такое? Кажется вотъ что: душа человѣка—tabula rasa: нѣтъ въ ней ни *я*, ни *не-я*, какъ нѣтъ и ея самой. Но вотъ получено первое ощущеніе, второе, третье; первое, второе и т. д. ощущенія, по содружеству, вырабатываютъ *понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія*; онѣ — же, первое, второе и т. д. ощущенія, сравниваемыя, какъ настоящее и прошлыя, и суммируемыя въ единство, вырабатываютъ *понятіе серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнію.* По образованіи этихъ двухъ понятій, всякое новое чувствованіе сознается только въ-связи съ ними: нить сознанія, серія чувствованій моей жизни, которою я усматриваю ощущеніе, есть *субъектъ ощущенія*, а група постоянныхъ возможностей, къ которой я отношу эту нить сознанія, т. е. отношу какъ настоящее, такъ и всѣ прежнія мои ощущенія, *есть объектъ ощущенія.* «Самое ощущеніе, — умствуетъ далѣе *Д. С. Миллъ*, — должно бы имѣть соотносительное названіе, или скорѣе — должно бы имѣть два такихъ названія, одно, означающее ощущеніе по противоположенію его субъекту, а другое, обозначающее его по противоположенію его объекту. Объектъ и субъектъ находятся *во взаимномъ отношеніи*, но только чрезъ ощущеніе: ихъ *отношеніе* другъ къ другу состоитъ *изъ особаго и различнаго отношенія, въ которомъ они, каждый отдѣльно, стоятъ къ ощущенію: мы не можемъ иначе представить себѣ субъектъ или объектъ, духъ или вещество, развѣ только какъ нѣчто, къ чему мы относимъ наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. Ихъ истинное существованіе*, насколько оно познаваемо нами, *состоитъ лишь въ томъ отношеніи, которое каждый изъ нихъ*, (субъектъ и объектъ) *соотвѣтственно, сохраняетъ къ состояніямъ нашего чувствованія: ихъ* (духа и вещества) *отношеніе есть только отношеніе между двумя отношеніями*; непосредственно соотносящіеся не суть пара, объектъ и субъектъ, но двѣ пары: объектъ и ощущеніе объективно разсматриваемое, — субъектъ и ощущеніе субъективно разсматриваемое».

ГЛАВА XXIII.

Изъ предыдущаго открывается, что сущность ученія *Д. С. Милля* такова: *несомнѣнно существуетъ только ощущеніе*; есть ощущеніе первое, второе, третье и т. д. Второе, третье и т. д. ощущунія соотносятся къ первому,—но соотносятся двумя особыми, удобосознаваемыми, но неудобовыражаемыми образами. Соотносимыя однимъ образомъ, онѣ, своимъ взаимнымъ *соотношеніемъ*, образуютъ, по содружеству, *понятіе* постоянной возможности ощущеній, а соотносимыя другимъ образомъ, онѣ, своимъ *соотношеніемъ*, образуютъ *понятіе* суммированной серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнію. Первое понятіе есть объектъ (*не—я*), а второе понятіе есть субъектъ (*я*). Какъ-скоро эти два понятія образованы, тогда каждое настоящее чувствованіе неизбѣжно *относится* и къ тому и къ другому понятію, къ объекту и субъекту, къ *я* и *не-я*, но относится особымъ двоякимъ образомъ, такъ, что иначе относится къ субъекту, къ *я*, и иначе къ объекту, къ *не-я*. При этомъ субъектъ и объектъ, *я* и *не—я*, соотносятся другъ къ другу не иначе, какъ чрезъ чувствованіе, относящееся, однакожъ, къ тому и другому двоякимъ различнымъ образомъ, такъ-что соотносящіеся не суть пара: субъектъ и объектъ, по двѣ пары: субъектъ и ощущеніе, субъективно разсматриваемое, объектъ и ощущеніе, объективно разсматриваемое, а въ итогѣ, субъектъ и объектъ (*я* и *не—я*, духъ и вещество) суть только нѣчто, къ чему относятся чувствованія: *ихъ истинное существованіе* состоитъ только *въ соотношеніи* къ чувствованію и чрезъ чувствованіе другъ къ другу, а взаимное ихъ соотношеніе есть *отношеніе между двумя отношеніями*.

Ясно ли все это?—Ясно до очевидности то, что, сбившаяся съ пути истины, западно—европейская мысль тѣмъ неизбѣжнѣе, чѣмъ она утонченнѣе и, повидимому, логичнѣе, въ концѣ концовъ, приходитъ къ выводу безъисходному, который въ *Гегелѣ* признанъ всѣми за крайній радикальный абсурдъ. Казалось бы, за чѣмъ-же и итти въ ту сторону? Такъ нѣтъ-же, идутъ, даже стремительно рвутся, какъ-будто гонимые рокомъ... *Осуетишася помышленіи своими и омрачися неразумное ихъ сердце. Глаголющеся быти мудри обнародѣша. Затвори бо Богъ всѣхъ въ противленіе.*

Приговоръ о такомъ исходѣ ультра-позитивной теоріи пусть произнесетъ *Льюисъ*, самъ также крайній позитивистъ. Объяснивъ методъ философіи Гегеля, Льюисъ спрашиваетъ: «что это такое? Переходъ ли въ область истины, или *въ пучину нельпости*? Это мы рѣшимъ, какъ-скоро прослѣдимъ, куда приводитъ Гегеля его методъ. Такъ какъ, по ученію Гегеля, все заключаетъ въ себѣ отрицаніе себя и сущность всего состоитъ въ тожествѣ положенія и отрицанія, то, слѣдовательно, Шеллингово понятіе *субъекта и объекта* неточно. *Шеллингъ* признавалъ реальность обоихъ этихъ полюсовъ магнита, а тожество называлъ точкою безразличія между ними. *Гегель* же признаетъ, что *сущность всякаго отношенія, истинное и положительное въ каждомъ отношеніи, состоитъ не въ двухъ соотносящихся терминахъ, а въ самомъ отношеніи.* Для примѣра возмемъ фактъ: я вижу дерево. *Психологи* говорятъ, что въ этомъ фактѣ заключаются *три вещи: дерево, образъ дерева и умъ*, воспринимающій этотъ образъ. *Фихте* говоритъ, что въ этомъ фактѣ есть только *одно бытіе, его (я)*, а дерево и образъ дерева суть одно и тоже и составляютъ модификацію моего ума: таковъ *субъективный идеализмъ. Шеллингъ говоритъ*, что и дерево и *его* суть *два бытія*, равно реальныя, или идеальныя, и оба суть только проявленія абсолюта: это *объективный идеализмъ.* По ученію же *Гегеля, единственная вещь, реально существующая* въ этомъ фактѣ впдѣнія, *есть отношеніе, а его (я) и дерево суть лишь два термина отношенія, и отношенію обязаны своею реальностію: вотъ абсолютный аделизмъ*». — Если сравнить теорію *Гегеля* съ теоріею *Д. С. Милля*, то не окажутся ли онѣ тожественными не-только по своей сущности, не только въ мысляхъ, но даже въ выраженіяхъ? «*Объектъ и субъектъ*,» — выражается *Д. С. Милль*, «находятся во взаимномъ отношеніи и соотносятся только чрезъ ощущеніе; ихъ *отношеніе* другъ къ другу состоитъ изъ особаго и отличнаго *отношенія* къ ощущенію. Мы не можемъ представлять себѣ *субъектъ и объектъ, духъ и вещество ничче*, развѣ только какъ нѣчто, къ чему мы *относимъ* наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. *Истинное существованіе ихъ обоихъ состоитъ лишь въ томъ отношеніи*, которое каждый изъ нихъ соотвѣтственно сохраняетъ къ состояніямъ нашего чувствованія. *Ихъ взаимное отношеніе есть только отношеніе между двумя отношеніями*». — И вотъ, какой приговоръ позитивистъ *Льюисъ* произноситъ надъ подобною теоріею: «изъ всѣхъ трехъ видовъ иде-

ализма, послѣдній» (Гегелевскій, совпадающій съ quasi — позитивизмомъ Д. С. Милля), «*безъ сомнѣнія, есть самый нелѣпый.* Можно ли было хоть на минуту повѣрить въ правильность логики, приводившей къ такому исходу,—можно ли было сразу не отвергнуть посылокъ, изъ которыхъ вытекали такіе выводы? Этотъ фактъ всегда будетъ приводить въ изумленіе всѣхъ здоровыхъ мыслителей и навсегда останется разительнымъ примѣромъ того, до чего можетъ довести довѣріе къ дурной логикѣ». Дурною логику Гегеля Льюисъ называетъ, однакожъ, не по тому, чтобъ она была непослѣдовательна. Нѣтъ; по словамъ Льюиса, «Гегель чрезвычайно послѣдователенъ, послѣдователенъ до дерзости, до нелѣпости; разъ согласясь съ его посылками, вы неудержимо влечетесь къ его выводамъ». Гегелевская логика дурна по тому, что, туманная въ посылкахъ, она ведетъ къ выводамъ совершенно нелѣпымъ, которые поэтому и отвергнуты всѣмъ мыслящимъ человѣчествомъ. «Къ чему приводитъ насъ»,—продолжаетъ *Льюисъ*,—«этотъ абсолютный идеализмъ? *Къ міру отношеній!* Спинозовское понятіе о субстанціи слишкомъ грубо: говорить о субстанціи значитъ говорить объ одномъ лишь терминѣ *отношенія. Міръ есть міръ идей*, которыя, въ одно и тоже время, *и субъективны, и объективны*, такъ-какъ *сущность ихъ заключается въ ихъ взаимномъ отношеніи.* Этотъ абсолютный идеализмъ есть тотъже скептицизмъ Юма. *Юмъ* отрицалъ существованіе *духа и матеріи* и говорилъ, что существуютъ однѣ лишь идеи. *Гегель* отрицаетъ существованіе *субъекта и объекта*» (а *Д. С. Миллъ*, замѣтимъ, за-одно уже отрицаетъ существованіе какъ духа и матеріи, такъ и субъекта и объекта) «и говоритъ, что *существуютъ только ихъ отношенія*» (равно-какъ и *Д. С. Миллъ*). «Гегель порицаетъ *Канта* за то, что тотъ утверждалъ, будто предметы суть только простыя *видимости* для насъ, а реальная природа ихъ недоступна намъ. Нѣтъ; по ученію *Гегеля*, реальное отношеніе таково: познаваемые нами предметы *нетолько суть видимости для насъ, но и сами по себѣ суть не что иное, какъ только видимости*; реальная же объективность такова: *наши мысли суть нетолько мысли, но и реальность предметовъ*». Если и есть разница въ этомъ послѣднемъ пунктѣ между *Гегелемъ* и *Д. С. Миллемъ*, то развѣ только въ томъ, что *Миллъ* на мѣсто Гегелевыхъ *мыслей* или *идей* поставилъ *ощущенія*, которыя однакожъ онъ нерѣдко называетъ и *идеями*. По его ученію, реальная объективность нетолько объекта, но и субъекта, заключается только въ соотношеніи ощущеній; и ощущенія суть нетолько ощущенія (вос-

пріятія, представленія, идеи), но и реальность не только объекта, но и субъекта.—«Грустно подумать»,—заключаетъ позитивистъ *Льюисъ*. «что нетолько одинъ человѣкъ, и притомъ человѣкъ замѣчательно тонкаго ума, но и множество другихъ людей, сотни умовъ, высоко стоящихъ надъ общимъ уровнемъ, могли сдѣлать цѣлью своей жизни занятіе наукой, которая руководится такимъ методомъ. Утверждая, что *единственное реальное положительное бытіе есть отношеніе двухъ терминовъ, духа и матеріи*, такая система не заслуживаетъ вниманія серьезныхъ умовъ, трудящихся на-пользу человѣчества. Она не только безполезна, но она вредна.»—заключаетъ позитивистъ *Льюисъ*. Замѣтимъ кстати, что теорію *Д. С. Милля*, которую самъ онъ провозглашаетъ *психологическою*, въ-контрастъ интроспективной, какъ-будто невѣрной психологическимъ фактамъ, эту теорію позитивистъ *Льюисъ* считаетъ *контрастомъ именно теоріи психологовъ*, такъ-какъ по *Льюису*, въ фактѣ: я вижу дерево, *психологи* допускаютъ три реальности: я, дерево и образъ дерева, какъ отношеніе между субъектомъ и объектомъ, между тѣмъ *Д. С. Миллъ* допускаетъ здѣсь одну только реальность: отношеніе субъекта и объекта къ ощущенію, или группѣ возможностей ощущеній, называемой деревомъ.

Въ-виду такого страннаго исхода quasi—позитивной теоріи Милля, въ-виду рѣшительнаго совпаденія ея съ отвергнутою всѣми, и прежде всего самимиже позитивистами и даже самимъ *Д. С. Миллемъ*, теоріею *Гегеля*, котораго *Миллъ* очень не жалуетъ, называя въ своей Логикѣ (II, 313) его теорію мистическою и поставляя ее наряду съ ученіемъ индійскихъ Вѣдъ и греческихъ Платониковъ, при чемъ сущность общаго имъ, т. е. индійскимъ Вѣдамъ, греческимъ Платоникамъ и новѣйшимъ Гегельянцамъ, мистицизма Миллъ указываетъ въ *приписываніи объективнаго существованія субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей: идеямъ и чувствамъ нашего духа*, т. е. указываетъ въ томъ самомъ, что дѣлаетъ и онъ самъ Д. С. Миль, *приписывая объективное* (реальное) *существованіе субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей: ощущеніямъ и идеямъ нашего духа*,—въ-виду такого совпаденія и оборотнаго самообличенія, мы можемъ оставить безъ особаго вниманія дальнѣйшее, предлагаемое Миллемъ, развитіе понятія о субъектѣ и объектѣ. «Существуютъ однѣ ощущенія, объясняется онъ, которыя мы привыкли разсматривать, по-преимуществу, субъективно, и другія ощущенія, которыя мы привыкли разсматривать, по преимуществу, объективно. Въ случаѣ

первыхъ ощущеній, *отношеніе*, въ которомъ мы наболѣе часто, обычно и легко разсматриваемъ ихъ, *есть отношеніе ихъ къ серіямъ чувствованій*, которыхъ онѣ составляютъ часть и *которыя, сгруппированныя мыслію въ одно представленіе, мы называемъ субъектомъ*. Въ случаѣ вторыхъ ощущеній, отношеніе, въ которомъ мы по-преимуществу обозрѣваемъ ихъ, *есть отношеніе къ нѣкоторой группѣ, или къ цѣлому роду группъ постоянныхъ возможностей ощущенія*, въ предлежащемъ существованіи которыхъ удостовѣряетъ насъ то ощущеніе, которое мы чувствуемъ въ данный моментъ и которое называемъ *объектомъ*». Это значитъ, что реально существуютъ чувствованія; одно взаимно соотносительное между ними отношеніе, въ которомъ мы обычно разсматриваемъ ихъ, называется субъектомъ, — а другое взаимно соотносительное между ними отношеніе, въ которомъ мы обычно разсматриваемъ ихъ, называется объектомъ: объектъ есть одно, одного извѣстнаго качества, взаимно соотносительное отношеніе чувствованій настоящихъ съ прошедшими, а субъектъ есть другое, другаго извѣстнаго качества, взаимно соотносительное отношеніе чувствованій настоящихъ съ прошедшими. Но какъ субъектъ и объектъ, въ свою очередь, сознаются не иначе, какъ во взаимномъ отношеніи къ чувствованію и, чрезъ чувствованіе, между собою,—то ихъ истинное существованіе, ихъ реальность есть взаимное соотношеніе между этими парными, двойными соотношеніями, *и внѣ этого соотношенія, какимъ-либо инымъ образомъ, субъектъ и объектъ не существуютъ.*

Въ-виду такого страннаго понятія *о субъектѣ и объектѣ*, мы не можемъ дать серьезнаго значенія и предложенному въ Логикѣ *Д. С. Милля опредѣленію матеріи и духа*. «Тѣло,»—увѣряетъ онъ,—«не есть чтолибо существенно отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но есть *совокупность ощущеній*, соединенныхъ въ сложную идею; а духъ есть только рядъ ощущеній, *нить сознанія*, проявляющаяся въ сознаваемыхъ мною ощущеніяхъ». По совѣту и приговору *Льюиса*, мы не можемъ ни на минуту повѣрить въ правильность логики, приводящей къ такому исходу,—а, напротивъ того, должны сразу отвергнуть посылки, изъ которыхъ вытекаютъ такіе выводы, не-смотря на нѣкоторую ихъ благовидную, въ логическомъ отношеніи, обстановку, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстахъ своихъ твореній самъ *С. Д. Милль* даетъ болѣе солидную постановку ученію о существованіи тѣлесной и духовной сущности, выражаясь, что «*вещество*, разсматриваемое *какъ скрытая причина нашихъ*

ощущеній, дѣйствительно существуетъ; тѣлесная сущность есть неизвѣстная причина нашихъ ощущеній, а сущность духовная есть неизвѣстный пріемникъ ихъ». При этомъ, однакожъ, нужно имѣть въ виду, что сущность духовная *не есть только пріемникъ, но и производитель ощущеній.* Самъ Миль выражается [1]), что, «говоря о духовной сущности, мы должны» имѣть въ-виду не-только «ея собственныя состоянія, *но и производимыя ею въ другихъ духовныхъ сущностяхъ.* Каждое свойство духа состоитъ въ томъ, что онъ или самъ подвергается извѣстному дѣйствію, *или дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на другія духовныя сущности.* Въ дополненіе къ тѣмъ свойствамъ духа, которыя основаны на состояніяхъ его собственныхъ чувствъ, ему, *такимъже образомъ, какъ и тѣламъ, могутъ быть приписаны свойства, основанныя на чувствахъ, которыя онъ возбуждаетъ въ другихъ духовныхъ существахъ.* Правда, духовная сущность, по мнѣнію *Милля*, будтобы «не возбуждаетъ ощущеній подобно тѣламъ, но она можетъ возбудить мысли или идеи и душевныя движенія, или хотѣнія», которыя, не будучи *ощущеніями*, по Миллю, суть однакожъ *чувства.* Слѣдовательно, по собственнымъ буквальнымъ мыраженіямъ *Милля*, «*духовная сущность оказывается дѣйствующею на другія духовныя сущности, возбуждая въ нихъ чувства. и вещество дѣйствительно существуетъ, какъ скрытая причина нашихъ ощущеній*». Значитъ и духовныя сущности, и вещество существуютъ внѣ нашихъ ощущеній и предшествуютъ имъ, какъ внѣшняя ихъ причина.

Что же касается до умствованія *Д. С. Милля о несуществованіи какихъ бы то ни было субстратовъ*, то, по нашему сужденію, оно изъ страннаго переходитъ даже въ забавное. «Всякое существованіе доказывается свидѣтельствомъ *внѣшнихъ чувствъ.* Ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ помимо ощущеній. Эти ощущенія связаны нѣкоторымъ закономъ, соединяются не случайно, но въ систематическомъ порядкѣ. Этотъ *опредѣленный связывающій законъ*»,—умствуетъ *Д. С. Милль* въ своей Логикѣ [2]),—заставляющій ощущенія наступать совокупно, *не требуетъ того, что называется поддерживающимъ ощущенія субстратомъ.* Понятіе о субстратѣ есть лишь одна изъ многихъ возможныхъ формъ, въ которыхъ эта связь представляется нашему воображенію, есть какъбы способъ *воплотить идею. Если бы* былъ

---

[1]) Логика I, 91. [2]) I, 72.

такой субстратъ и, предположимъ, мгновенно уничтожился какимъ-нибудь чудомъ, между-тѣмъ-какъ ощущенія продолжали бы наступать въ прежнемъ порядкѣ, то *какъ сознали бы мы отсутствіе субстрата? Какой знакъ далъ бы намъ возможность открыть его уничтоженіе?* Не имѣли-ль бы мы столькоже основанія вѣрить, что онъ существуетъ, сколько имѣемъ теперь? А еслибы мы не имѣли основанія вѣрить въ его существованіе тогда, то какое имѣемъ теперь»?—Не пускаясь пока въ опроверженіе этой нелѣпости, замѣтимъ, однакожъ, что сущность доказательства, которымъ она подтверждается, заключается въ гипотезѣ, что субстратъ уничтожился, между-тѣмъ-какъ ощущенія отъ него продолжаютъ наступать; т. е. гипотетически предполагается непостижимая невозможность, иначе сказать, берется явный абсурдъ, котораго допущеніе ни подъ какимъ видомъ не возможно, и кладется въ основаніе силлогизма, доказывающаго небытіе субстратовъ. Правда, мы знаемъ факты отдѣленія, въ нашемъ сознаніи, проявленій субстрата отъ дѣйствительнаго его бытія; такъ, наприм., 1) на безмѣрномъ разстояніи звѣзда потухла для нашего зрѣнія навсегда, но субстратъ звѣзды, можетъ быть, и не уничтожился, а только превратился изъ свѣтящаго солнца въ темное тѣло, или загражденъ отъ нашего зрѣнія какой-либо непрозрачною средою; 2) звѣзда для нашего зрѣнія еще горитъ, но она въ реальномъ фактѣ уже 1000 лѣтъ назадъ потухла; горитъ же для насъ только по тому, что свѣтъ отъ нея доходитъ до нашего зрѣнія, примѣрно, въ 1500 лѣтъ; 3) человѣкъ стоялъ, человѣкъ ушелъ, а для нашего зрѣнія (въ галлюцинаціи или экзальтаціи) все еще стоитъ тамъже, гдѣ еще за минуту стоялъ и фактически уже не стоитъ. Но всѣ эти и подобные исключительные факты, имѣющіе для себя натуральное объясненіе, слишкомъ далеки отъ того небывалаго, фактически невозможнаго и немыслимаго чуда, какое угодно *Д. С. Миллю* предполагать возможнымъ, чуда исчезновенія субстрата, при существованіи его проявленій, чуда совершенно тождественнаго съ тѣмъ, еслибъ мы предположили возможными слѣдующія невозможныя чудеса, наприм., положимъ, что 2+2=5, или положимъ, что дѣйствіе существуетъ прежде причины. Да и самъ Д. С. Милль, изгоняя субстратъ, какъ причину ощущеній, или явленій, всеже не можетъ отдѣлаться отъ *опредѣленнаго связывающаго закона, который заставляетъ ощущенія, или явленія наступать совокупно: а этотъ связывающій законъ Милля и есть требуемый общечеловѣческимъ не искалѣченнымъ смысломъ субстратъ.*

Поэтому также мало основательно увѣреніе *Д. С. Милля* касательно и *ноуменовъ*, будтобы они также вовсе не существуютъ, будто «о всемъ, что касается *ноуменовъ*, послѣднимъ приговоромъ философіи должно быть, *что мы совершенно ничего не знаемъ о нихъ*», будто «*самое различеніе феноменовъ отъ ноуменовъ праздно*», будто «мы не можемъ ни утверждать, ни отрицать чего-либо иного о ноуменѣ, кромѣ феноменальныхъ его аттрибутовъ». Такъ-какъ у Милля ноумены тождественны съ субстратомъ, съ вещами въ себѣ, съ реальностями внѣ насъ, съ существующими внѣ насъ объектами, равно-какъ и съ субъектомъ, какъ субстратомъ своихъ чувствованій, то всѣ ноумены должны бы дѣйствительно рухнуть, въ-случаѣ устойчивости всей этой системы. Но какъ на дѣлѣ оказалось противное, т. е. что система Милля рушилась, осужденная имъ самимъ за фальшивое *усвоеніе объективнаго* (реальнаго) *существованія субъективнымъ созданіямъ нашихъ собственныхъ способностей: ощущеніямъ и идеямъ нашего духа*, то ноумены и остаются въ томъже устойчивомъ положеніи, какое имѣли въ человѣческомъ сознаніи всегда, во всѣ вѣка. А что такое ноумены, какъ правильно понимать ихъ, насчетъ этого мы объяснимся ниже.

ГЛАВА XXIV.

Доказалъ ли, однакожъ, Д. С. Милль то, что имѣлъ въ-виду доказать, именно, что *довѣріе къ внѣшнему міру не есть внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ?* Намъ представляется, что онъ доказалъ нѣчто совершенно обратное, именно, что 1) *довѣріе къ бытію внѣшняго міра, къ существованію людей внѣ меня, къ существованію даже моего собственнаго я, въ-сущности есть не довѣріе, но иллюзія, фальшь, обманъ*; 2) *если же это довѣріе есть дѣйствительно довѣріе*, т. е. *увѣренность въ истинѣ нашего представленія, то оно пріобрѣтается не иначе, какъ чрезъ внутреннее усмотрѣніе.* Это отчасти уже выяснено въ предъидущемъ нашемъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе, для безспорности вывода, мы представимъ здѣсь серію основоположеній и теоріи *Д. С. Милля*. Вотъ логическій ходъ его мыслей:

1) Свидѣтельство сознанія, если только мы можемъ пріобрѣсть его чистымъ, убѣдительно; приговоръ сознанія, или наше непосред-

ственное и внутренно усматриваемое убѣжденіе принимается со всѣхъ сторонъ рѣшеніемъ безъаппеляціоннымъ.

2) Въ числѣ фактовъ, разсматриваемыхъ въ-качествѣ откровеній сознанія, есть одинъ родъ, въ которомъ никто не сомнѣвается, и другой родъ, въ которомъ можно сомнѣваться и сомнѣваются.

3) Факты, въ которыхъ нельзя сомнѣваться, суть факты внутренняго сознанія, собственные акты и настроенія духа; сознанію собственныхъ чувствованій и процессовъ духа нельзя не довѣрять.

4) Разладъ мнѣній касается вещей, которыя уже не составляютъ феноменовъ моего собственнаго духа,—касается вопроса, что такое тѣ вещи, о которыхъ свидѣтельствуетъ сознаніе.

5) По теоріи *Д. С. Милля*, *довѣріе къ внѣшнему міру не есть нѣчто внутренно усматриваемое, но пріобрѣтенный продуктъ*,—*тема, которую требуется еще доказать.*

6) Мы не имѣемъ никакого прирожденнаго понятія о *не-я*, пока не пріобрѣтемъ значительнаго опыта въ возвращеніи ощущеній, согласно опредѣленнымъ законамъ. Безъ понятія же о *не-я* мы не можемъ имѣть и противоположнаго понятія о *я*. Немовѣрно, чтобы первое испытываемое нами ощущеніе пробуждало въ насъ какое-нибудь понятіе о нѣкоторомъ *я*; познаніе о *я* образуется отожествленіемъ состоянія ощущенія настоящаго съ воспоминаемымъ состояніемъ ощущеній прежнихъ; никакое ощущеніе не можетъ внушать личнаго тожества.

7) Душа человѣка — tabula rasa; нѣтъ въ ней ни *я*, ни *не-я*, ни сознанія, ни ея самой, но есть только ощущеніе.

8) Вотъ ощущеніе начинаетъ быть: получается первое, второе, третье и т. д. ощущенія.... Когда получены ощущенія *дѣйствительныя*, то возбуждается способность составить представленіе *ощущеній возможныхъ*, которыя не чувствуются въ настоящій моментъ, но которыя могли бы и должны бы чувствоваться, еслибы предстояли извѣстныя условія. По *закону ассоціаціи или содружества идей*, подобныя, какъ дѣйствительныя, такъ и возможныя, чувствованія, или, что тоже, феномены, мыслятся нераздѣльно въ существованіи.

9) По закону ассоціаціи, полученныя ощущенія, первое, второе, третье и т. д., начинаютъ соотноситься между собою.

10) Соотносятся онѣ двумя особыми, удобосознаваемыми, но не опредѣлимыми образами. Соотносимыя однимъ образомъ, онѣ своимъ взаимнымъ соотношеніемъ образуютъ, по закону содружества, понятіе

постоянной возможности ощущеній, — а соотносимыя другимъ образомъ, онѣ своимъ соотношеніемъ образуютъ понятіе *суммированной серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнью.* Первое понятіе есть *объектъ* (*не-я*), а второе понятіе есть *субъектъ* (*я*).

11) Какъ-скоро эти два понятія образованы, тогда каждое новое чувствованіе неизбѣжно относится къ тому и другому понятію, къ объекту и субъекту, къ *не-я* и къ *я*, — но относится особымъ двоякимъ образомъ, такъ-что иначе относится къ субъекту — *я*, и иначе къ объекту—*не-я*. При этомъ субъектъ и объектъ, *я* и *не-я* соотносятся другъ къ другу не иначе, какъ чрезъ чувствованіе, относящееся къ тому и другому двоякимъ различнымъ образомъ, такъ-что соотносящіеся не суть пара: субъектъ и объектъ, но двѣ пары: субъектъ и ощущеніе субъективно разсматриваемое. объектъ и ощущеніе объективно разсматриваемое.

12) Въ-случаѣ перваго (*субъективнаго*) отношенія, данное ощущеніе относится къ серіи чувствованій, которыя, отвержденныя, по закону ассоціаціи идей, въ одно представленіе моей жизни, называются *субъектомъ*, и данное (*субъективное*) ощущеніе составляетъ часть этихъ чувствованій. Въ-случаѣ втораго (*объективнаго*) отношенія, тоже данное ощущеніе относится къ составленной, по закону ассоціаціи, группѣ или цѣлой серіи группъ постоянныхъ возможностей ощущеній, которыя мы называемъ *объектомъ*, и въ этомъ случаѣ къ роду ихъ относится (объективною своею стороною) ощущеніе и даннаго момента. Въ томъ и другомъ случаѣ соотносится одно и тоже данное чувствованіе. но соотносимое двояко — различно, къ субъекту и объекту, оно принимаетъ *двояко различный, субъективный и объективный характеръ.*

13) Объективныя, равно-какъ и субъективныя ощущенія мимолетны. Но безпрерывнымъ повтореніемъ своимъ, по закону ассоціаціи, ощущенія, разсматриваемыя по-преимуществу объективно, образуютъ *идею чего-то*, что отличается отъ нашихъ скоротечныхъ впечатленій *прочностію*, что неизмѣнно и остается тѣмъ же самымъ въ то время, какъ наши впечатлѣнія мѣняются,—что существуетъ несмотря на то, извѣстно-ль оно мнѣ, или нѣтъ, и сохраняетъ свои свойтва не-смотря на то, воспринимаются ли онѣ въ данный моментъ, или нѣтъ,—даже восприняты ли когда-нибудь моимъ ощущеніемъ,—что предполагаетъ не одно какое-либо настоящее мимолетное ощущеніе, но цѣлую *группу ощущеній*,—ощущеній, нетолько получаемыхъ мною въ настоящій моментъ, но и полученныхъ прежде, и нетолько дѣйствительныхъ

ощущеній, настоящихъ, или прошедшихъ, но и возможныхъ, которыхъ я не получалъ, не получаю и, быть можетъ, никогда не получу, но которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ бы и долженъ бы получить.

14) Такимъ образомъ, изъ ощущеній, по закону ассоціаціи, составляется *идея внѣшней субстанціи или тѣла, какъ группы постоянныхъ возможностей разныхъ ощущеній.* А изъ серіи такихъ группъ образуется *идея внѣшняго міра.*

15) Эта группа или серія группъ постоянныхъ возможностей ощущеній представляется какъ *постоянная*, въ контрастѣ не-только съ временностію моего тѣлеснаго присутствія, но и съ временнымъ характеромъ каждаго изъ моихъ ощущеній,—2) представляется какъ *родъ постояннаго субстрата, подъ слоемъ преходящихъ ощущеній, проявленій, опытовъ*, — 3) представляется существующею въ извѣстномъ *порядкѣ предшествованія и послѣдовательности*, который образуетъ мою *идею причиной связи, силы, дѣятельности*,—4) откуда я научаюсь мыслить природу состоящею изъ группъ возможностей ощущенія, а дѣятельную силу природы состоящею въ видоизмѣненіи однихъ группъ другими.

16) Отсюда происходитъ, что ощущенія, *хотя и первоначальная основа всего*, представляются мнѣ чѣмъ-то отъ меня зависящимъ, а возможности ощущеній *подлинными реальностями*, по-отношенію къ которымъ *дѣйствительныя ощущенія* суть только *воспроизведенія, феномены или дѣйствія*,—что присутствіемъ дѣйствительнаго ощущенія (какъ дѣйствія) доказывается присутствіе группы возможностей разныхъ ощущеній (какъ причины),—что возможныя ощущенія состоятъ къ дѣйствительнымъ ощущеніямъ въ отношеніи *причины къ ея дѣйствіямъ, корня къ стволу и вѣтвямъ, сущности или субстрата къ акциденціямъ, матеріи къ формѣ.*

17) Затѣмъ постоянныя возможности ощущеній принимаютъ отъ данныхъ ощущеній такое несходство по виду и такую разницу положенія по-отношенію къ намъ, что *представляются намъ, и притомъ съ довѣріемъ*, разнящимися отъ ощущенія, по меньшей мѣрѣ, также, какъ одно ощущеніе разнится отъ другаго: *ихъ фундаментъ въ ощущеніи забывается, и предполагаютъ ихъ чѣмъ-то, въ самой природѣ ихъ, отличнымъ отъ ощущенія.*

18) Это значитъ, что вотъ начинаетъ быть и дѣйствовать *первоосновная реальность, ощущеніе.* Къ первому ощущенію соотносимыя второе и третье и т. д. ощущенія, по закону ассоціаціи, образуютъ группу ощущеній дѣйствительныхъ; онѣ-же, дѣйствительныя ощущенія, по спо-

собности духа къ ожиданію, образуютъ группу ощущеній возможныхъ; беспрерывно повторяющіяся ощущенія образуютъ цѣлую серію группъ постоянныхъ возможностей ощущенія. Эту серію группъ, по томуже закону ассоціаціи, наши ощущенія представляютъ существующею въ извѣстномъ порядкѣ предшествованія и послѣдовательности, который порождаетъ идею причины и дѣйствія. *Ясно, что наши ощущенія суть фундаментъ, первоначальная основа всего*, но онѣже, наши ощущенія, представляютъ намъ себя чѣмъ-то отъ насъ зависимымъ, а серію группъ постоянныхъ возможностей подлинными, *будтобы независимыми отъ насъ реальностями*. Мало этого; наши же ощущенія представляютъ намъ себя *будтобы воспроизведеніемъ, феноменомъ или дѣйствіемъ серіи постоянныхъ возможностей, а ее, эту серію, представляютъ причиною, корнемъ, сущностію или субстратомъ, матеріею нашихъ ощущеній, какъ дѣйствій, какъ вытвей и листьевъ, какъ акциденцій и формы*. Онѣже, наши ощущенія, въ тоже время *порождаютъ довѣріе*, будто *постоянныя возможности отличны отъ нашихъ ощущеній по виду, по положенію, по отношенію къ намъ, вообще по своей природѣ,—будтобы постоянныя возможности суть даже причина нашихъ ощущеній, тогда-какъ онѣ не отличны по своей природѣ отъ ощущеній, а, напротивъ, свой фундаментъ, свою первоначальную основу онѣ имѣютъ въ нашихъ ощущеніяхъ.*

Ясно ли, что *наши ощущенія представляютъ намъ всю систему бытія совершенно въ превратномъ смыслѣ?* Ясно ли, что *обычное Д. С. Миллемъ довѣріе есть очевиднѣйшій обманъ, фальшь, иллюзія?*— Но пойдемъ дальше.

19) Обманывая меня, мои ощущенія представляютъ *мнѣ, собственно внутри меня состоявшуюся, серію постоянныхъ возможностей ощущеній чѣмъ-то мнѣ внѣшнимъ, подлинными внѣшними реальностями, внѣшнимъ міромъ*. Онѣже, мои ощущенія, представляютъ мнѣ, будто внѣ меня существуютъ нѣкоторыя другія существа, имѣющія жизнь подобную моей. На этомъ основаніи, по закону ассоціаціи и созданному имъ закону причинности, я убѣждаюсь, что тѣ и другія явленія, явленія жизни какъ моей, такъ и другихъ чувствующихъ существъ возникаютъ изъ одинаковой причины. Мои-же ощущенія представляютъ, будто постоянныя возможности ощущеній (т. е. внѣшнія реальности) на-столько-же принадлежатъ другимъ чувствующимъ человѣческимъ существамъ на-сколько и мнѣ,—будто міръ возможныхъ ощущеній существуетъ на-столько же въ другихъ существахъ, на-сколько и во мнѣ; откуда я

и заключаю, будто міръ имѣетъ существованіе внѣ меня,—будто онъ есть внѣшній міръ. Но что и въ этомъ случаѣ мои ощущенія представляютъ мнѣ, въ-качествѣ довѣрія, собственно иллюзію, это очевидно изъ того, что всякая внѣшняя реальность имѣетъ свой фундаментъ въ моемъ ощущеніи и по природѣ своей не-отлична отъ моего ощущенія, хотя чувству моему и представляется отличною; другой человѣкъ, какъ внѣшняя реальность, имѣетъ фундаментъ своей реальности въ моемъ ощущеніи и по природѣ своей не отличенъ отъ него, хотя чувству моему и представляется отличнымъ. Въ свою очередь, и я, какъ внѣшняя реальность для всякаго другаго человѣка, имѣю фундаментъ своей реальности въ его ощущеніи, хотя и представляюсь ему отличнымъ; реальность всего міра имѣетъ свой фундаментъ въ ощущеніи моемъ, какъ и другихъ людей, и неотлична отъ него по природѣ, хотя и представляется обще-человѣческому ощущенію отличною. Я знаю о существованіи внѣшняго міра, между прочимъ, по тому, что онъ существуетъ въ другихъ людяхъ также, какъ и во мнѣ. Что міръ существуетъ въ другихъ людяхъ, это я знаю по тому, что другіе люди имѣютъ жизнь подобную моей; что другіе люди имѣютъ жизнь подобную моей, это я знаю по тому, что такую жизнь ихъ обнаруживается въ моемъ ощущеніи, такое обнаруженіе ихъ жизни тожественно съ моимъ ощущеніемъ,—существуетъ только въ моемъ ощущеніи, а не внѣ его. Значитъ, и существованіе міра въ другихъ людяхъ, какъ обнаруженіе ихъ жизни, имѣетъ мѣсто только въ моемъ ощущеніи,—и міръ, насколько онъ существуетъ даже въ другихъ людяхъ, существуетъ собственно въ моемъ ощущеніи; равно-какъ и группы возможностей ощущеній, которыя представляются мнѣ людьми, существуютъ собственно во мнѣ, въ моемъ ощущеніи. Значитъ, внѣ моего ощущенія, внѣ меня, не существуетъ ничто. *А когда ощущенія мои внушаютъ мнѣ довѣріе къ существованію чего-либо внѣ меня, то это довѣріе есть не болѣе, какъ иллюзія.*

20) Этого мало. Я самъ не существую... И это значитъ не-только то, что *я* не существую внѣ моего ощущенія, но что существую не иначе, какъ только въ ощущеніи,—что существованіе мое не отдѣльно отъ моего ощущенія. Даже болѣе того: нельзя сказать, что существованіе моего *я* тожественно съ ощущеніемъ; нѣтъ, *ощущеніе есть фундаментъ существованія моего я, есть первоначальная основа моего я, причина предшествующая бытію моего я.* Такъ у человѣка только-что родившагося уже есть множество ощущеній; но *я* изъ нихъ еще пока не возникло; а у

человѣка умирающаго еще остается серія ощущеній, но *я* у него уже исчезло. Тоже замѣчается не-только при рожденіи и смерти, но и въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ жизни человѣка, наприм., во снѣ, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, въ состояніяхъ глубокой экзальтаціи и т. п.

21) Однимъ словомъ, ощущеніе есть фундаментъ, первоначальная основа всего. Внѣ ощущенія нѣтъ ничего, ни субъекта, ни объекта, которые существуютъ не иначе, какъ въ ощущеніи и чрезъ ощущеніе. Мы не можемъ иначе представить себѣ субъектъ, или объектъ, духъ, или вещество, развѣ какъ только нѣчто, къ чему мы относимъ наши ощущенія и въ чемъ мы сознаемъ всякія другія чувствованія. Истинное существованіе субъекта и объекта состоитъ лишь въ томъ отношеніи, которое каждый изъ нихъ соотвѣтственно сохраняетъ къ состояніямъ нашего чувствованія. Первая и послѣдняя основа всякаго бытія, какъ объекта, такъ и субъекта, всякаго знанія и сознанія, есть ощущеніе; существуетъ одно только ощущеніе.

Если же съ довѣріемъ представляется что-либо существующимъ внѣ ощущенія, какъ внѣшняя реальность, причина, фонъ, корень, матерія, субстратъ, сущность, ноуменъ ощущенія, какъ дѣйствія, отраженія, воспроизведенія, формы, оболочки, случайности, феномена, *то это довѣріе есть разрушительная иллюзія... Но представимъ теперь дальше и обратный ходъ этого доказательства.*

22) Наши ощущенія связаны нѣкоторымъ закономъ. Онѣ соединяются не случайно, но въ систематическомъ порядкѣ. Этотъ порядокъ составляетъ часть универсальнаго порядка, установленнаго во вселенной, которому не подчиняться человѣкъ не можетъ. *Порядокъ природы однообразенъ и составляетъ основной законъ, или общую аксіому* [1]). Принципъ единообразія порядка природы оказывается конечною большею посылкою всѣхъ наведеній [2]). Выраженіе: «законъ природы»—не означаетъ ничего, кромѣ существующихъ между естественными явленіями единообразій [3]). *Одни виды единообразій найдены совершенно неизмѣнными, проникающими всю природу*, а другіе оказываются измѣняющимися по различію времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ [4]). *Открыто нѣсколько единообразій, которыя въ мѣрѣ достовѣрности, требуемой всѣми человѣческими цѣлями, могутъ быть признаны совершенно достовѣрными и вполнѣ всеобщими* [5]). Такъ, въ законахъ чиселъ и въ законахъ пространства, мы, самымъ

---

[1]) Лог. 1, 357. [2]) Стр. 358. [3]) Стр. 369. [4]). Стр. 371. [5]) Стр. 373.

несомнѣннымъ образомъ, признаемъ искомую нами всеобщность. Во всѣ времена, эти законы были типомъ достовѣрности; ихъ непзмѣнность до того совершенна, что дѣлаетъ насъ неспособными даже представить себѣ какое-либо исключеніе изъ этихъ законовъ [1]). Точно также, въ единообразіяхъ въ послѣдовательности явленій, всеобщъ законъ связи причины съ слѣдствіемъ: онъ распространяется *на всю человѣческую опытность*, на все поле послѣдовательныхъ явленій, на всѣ, какіе бы то ни было, случаи послѣдовательности [2]). Между явленіями, существующими въ каждое мгновеніе. и явленіями, существующими въ наступающее за тѣмъ мгновеніе. есть непзмѣнный порядокъ послѣдовательности. Непзмѣнно—предшествующій фактъ называется причиной, непзмѣнно-наступающій за нимъ называется слѣдствіемъ. Каковъ бы ни былъ фактъ, если онъ началъ существовать, то былъ предшествуемъ какимъ-либо фактомъ, съ которымъ онъ непзмѣнно-связанъ; *въ этомъ состоитъ всеобщность закона связи причины съ дѣйствіемъ* [3]). Кромѣ того, явленія жизни представляютъ безчисленные примѣры составленія причинъ, соединенія условій; этотъ законъ оказывается одпнаково истиннымъ и по-отношенію къ явленіямъ духа [4]). При такомъ совпаденіи, причины бываютъ дѣятельныя и страдательныя, напр., въ зрѣніи является дѣятелемъ не-только свѣтъ, но свѣтъ въ соединеніи съ дѣйствующими свойствами какъ глаза, такъ и видимаго предмета [5]); хотя, впрочемъ, различіе между дѣятельнымъ началомъ и страдательнымъ чисто словесно, такъ-какъ и страдательныя начала всегда дѣятельны. Вообще же, *единообразія о всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещахъ, именно: законы чиселъ и протяженія, также законъ связи причины съ слѣдствіемъ, суть, вѣроятно, единственныя, исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно невозможно* [6]).

23) Отправляясь отъ этихъ *посылокъ*, *психологическая теорія* утверждаетъ, что существуютъ содружества идей, *естественно и даже необходимо порождаемыя порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, которыя неизбѣжно порождаютъ довѣріе къ внѣшнему міру и бываютъ причиной того, что на нихъ смотрятъ, какъ на внутреннее усмотрѣніе; да и нельзя иначе смотрѣть на нихъ* по тому, что ощущенія наши происходятъ внутри, а не внѣ насъ.

24) И, во-первыхъ, содружество идей, порождаемое естественно и необходимо порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія.

---

[1]) Стр. 375. [2]) Стр. 377. [3]) 179). [4]) Стр. 428. [5]) 190. [6]) Іог. 11, 175—166.

порождаетъ въ насъ естественное и необходимое довѣріе къ тому, что. «въ-продолженіи всей нашей жизни, за исключеніемъ первыхъ ея начатковъ, мы неоспоримо относимъ всѣ наши ощущенія къ нѣкоторому *я* и нѣкоторому *не я*», — что, «какъ-скоро *я сформировалъ*,»— употребляемъ подлинное выраженіе Д. С. Милля,—«какъ-скоро *я* сформировалъ, съ одной стороны, понятіе постоянныхъ возможностей ощущенія, а съ другой — понятіе *непрерывной серіи чувствованій, называемыхъ моею жизнію*» (т. е. *я* сформировалъ *я*!), то оба эти понятія. *въ-силу необходимаго содружества, возрождаются въ памяти каждымъ полученнымъ мною ощущеніемъ*», — что «мопмъ *я*, субъектомъ, нитью сознанія моей жизни, я *усматриваю* каждое ощущеніе; къ объекту же, къ группѣ постоянныхъ возможностей ощущенія, я *отношу* каждое мое ощущеніе, какъ и всю нить моихъ ощущеній, нить сознанія: *къ я и не-я, къ субъекту и объекту, я отношу всѣ мои ощущенія. сознаю въ нихъ, и не иначе какъ въ нихъ, всякія мои чувствованія*».

25) Это вѣрно. Но спрашивается, что же здѣсь чему предшествуетъ? — *Я ли, въ нераздѣльной совокупности съ не-я, предшествуетъ каждому изъ нихъ, и ощущеніе уже послѣдуетъ возникновенію я съ не-я, или наоборотъ?* Что—начало и что продолженіе чего? Что причина и что слѣдствіе? Что производитель и что произведеніе? Что носитель и что носимое, что — субстратъ (хотя, положимъ пока, въ логическомъ, а не въ метафизическомъ смыслѣ) и что аттрибутъ? Что субстанція и что акциденція? Очевидно, что *я* есть субстанція, субстратъ, носитель, производитель, причина, начало каждаго *сознаваемаго* мною ощущенія. А ощущеніе, на-оборотъ, есть произведеніе, носимое, аттрибутъ, акциденція моего *я*, такъ-какъ, въ дѣлѣ сознанія и знанія, *я* безусловно, безъисключительно, всегда предшествуетъ всякому другому *сознаваемому* мною чувствованію, а чувствованіе также безусловно, безъ-исключительно, всегда послѣдуетъ, въ моемъ сознаніи, сознанію *я*. Точно также *не-я*, совокупность всего мнѣ внѣшняго, есть начало, причина, производитель, носитель, субстратъ, субстанція всякаго отражающагося въ моемъ ощущеніи явленія, потому-что въ моемъ сознаніи бытіе универсальной цѣльности всего мнѣ внѣшняго, всего, что есть *не-я*, всегда безусловно и безъ-исключительно предшествуетъ отраженію, въ моемъ ощущеніи и сознаніи, всякаго частнаго явленія.

26) Если же въ этихъ, необходимо вытекающихъ изъ посылокъ системы самого *Д. С. Милля*, выводахъ онъ часто сбивается такъ, что заходитъ отъ прямой дороги въ-сторону, даже прямо противополож-

ную,—то это зависитъ отъ того, что онъ вообще выглядитъ больше физіологомъ и естествовѣдомъ, чѣмъ психологомъ и философомъ. Дѣйствительно, еслибы онъ сказалъ, что. въ опытѣ пробужденія сознанія въ каждомъ дитяти, мы видимъ сначала безсознательныя ощущенія, которыя только съ теченіемъ времени группируются въ сознательное *я*, то нельзя было бы не согласиться, что это дѣйствительно такъ по взгляду физіологическому; но мы прибавили бы, что это далеко не такъ по взгляду *строго психологическому*, который онъ, *Д. С. Миллъ*, взялся объяснить и защитить. Такъ, вообще антропологическое естествовѣденіе свидѣтельствуетъ намъ, что, по зачатіи человѣка, возникновенію въ немъ нетолько сознанія, но и всякаго ощущенія, предшествуетъ субстратъ того и другаго, т. е. и ощущенія и сознанія, затѣмъ возникаетъ рядъ безсчисленныхъ, хотя и не сознаваемыхъ ощущеній, а наконецъ уже возникаетъ и сознаніе *я*. Но эта строго эмпирическая система развитія нашего сознанія, хотя и подтверждаетъ одну изъ посылокъ quasi—психологической теоріи *Д. С. Милля*, именно возникновеніе сознанія послѣ ощущенія, однакожъ всѣмъ своимъ строемъ радикально противоположна всему строю системы *Милля*,—потому-что указываетъ предшествующіе не-только человѣческому сознанію, но и всякому бытію въ его проявленіи, субстраты, субстанціи, законъ развитія, идею бытія, ноумены... Если же *Д. С. Миллъ* взялся быть строжайшимъ всѣхъ предшествующихъ философовъ психологомъ, то и долженъ быть психологомъ. Психологія же, отрѣшенная отъ физіологіи, непререкаемо свидѣтельствуетъ, что въ строѣ нашего умственнаго міра сознаніе моего *я*, отличнаго отъ всего *не-я*, предшествуетъ всякому другому частному сознанію, всякому сознаваемому ощущенію, всякому проникающему въ сознаніе явленію. Психологія свидѣтельствуетъ, что предварившій происхожденіе нашего сознанія, рядъ соприкасавшихся съ нашими нервами явленій, которыя даже отражались въ возникавшемъ ощущеніи, весь этотъ рядъ явленій и ощущеній для моего *я* не существуетъ на-столько, на-сколько не отразился въ сознаніи и не сохранился въ личномъ моемъ воспоминаніи; а какъ-скоро моя природа освѣтилась внутреннимъ свѣточемъ, на которомъ загорѣлось личное сознаніе моего *я*, съ тѣхъ, и только съ тѣхъ, поръ началось для моего *я* бытіе не-только универсально общаго *не — я*, но и всѣхъ частныхъ *не-я*, всѣхъ явленій міра, отражающихся въ моемъ ощущеніи. Психологія свидѣтельствуетъ также, что для моего *я*, подобнымъ-же образомъ, не

существуютъ всѣ ощущенія, которыя я получилъ уже и по пробужденіи сознанія, но не созналь по обстоятельствамъ, наприм., въ состояніи глубокаго сна, въ болѣзни, въ летаргіи и т. п. Всѣ, прикасающіяся, въ подобныхъ состояніяхъ, къ моимъ нервамъ раздраженія начинаютъ для меня существовать не иначе, какъ вслѣдствіе и по мѣрѣ пробужденія возвращающагося во мнѣ сознанія.

27) Эту *дистинкцію воззрѣній, чисто психологическаго отъ физіологическаго и общаго антропологическаго*, которую *Д. С. Миль* не съумѣлъ, или лучше, какъ матеріалистъ, нигилистъ и скептикъ, не захотѣлъ выяснить себѣ,—эту дистанкцію нужно имѣть въ виду, при взвѣшиваніи каждаго изъ его утвержденій, повидимому, строго позитивныхъ и будтобы согласныхъ какъ съ психологическимъ, такъ и со всякимъ другимъ опытомъ, а въ-сущности вносящихъ путаницу въ истинное міросозерцаніе. Напримѣръ, онъ спрашиваетъ: «что подразумѣваемъ мы, когда говоримъ, что воспринимаемый нами объектъ внѣшенъ намъ»?— И отвѣчаетъ такъ: «мы подразумѣваемъ подъ этимъ, что *въ нашихъ восприятіяхъ содержится нѣчто*, что существуетъ, когда мы не думаемъ о немъ, что существовало прежде, чѣмъ мы даже помыслили о немъ, и будетъ существовать, еслибы мы даже уничтожились, — что существуютъ вещи, которыхъ мы не видали, не трогали, *не воспринимали иными образомъ*, вещи, которыя даже *никогда не были восприняты человѣкомъ*». Еслибы было прилично, то такое выраженіе, — а изъ такихъ выраженій составлено построеніе всей системы *Д. С. Милля*,— такое выраженіе можно бы назвать философскимъ фокусомъ, благовидной западнею, прикрытымъ капканомъ. Вѣдь кажется вѣрно? А между-тѣмъ въ этомъ выраженіи содержится прямое, даже вербальное логическое противорѣчіе: *«въ нашихъ воспріятіяхъ содержится нѣчто, никогда даже не воспринятое человѣкомъ»*! Нѣтъ, въ нашихъ воспріятіяхъ не содержится то, чего мы не воспринимали, о чемъ не думаемъ, о чемъ не мыслили, что не содержалось, когда мы не существовали, и не будетъ содержаться, когда и если мы уничтожимся; тѣмъ болѣе не содержится то, чего нетолько мы сами никогда не видали, не трогали, не воспринимали инымъ образомъ, но что даже никогда не было воспринято какимъ бы то ни было человѣкомъ. Не такъ бы должно отвѣтить на предложенный вопросъ: *что мы подразумѣваемъ, когда говоримъ, что объектъ внѣшенъ намъ*?—Должно бы отвѣчать: подразумѣваемъ, на-основаніи *непререкаемаго свидѣтельства естественнаго и необходимаго содружества всѣхъ нашихъ воспріятій*, что *внѣ насъ*

существуетъ, (а не въ воспріятіяхъ нашихъ содержится, какъ выражается *Д. С. Миллъ*) нѣчто, что существуетъ, когда мы не думаемъ о немъ, что существовало прежде, чѣмъ мы помыслили о немъ, и будетъ существовать, еслибы мы даже уничтожились,—что существуютъ вещи, которыхъ мы никогда не видали, не трогали, не воспринимали инымъ образомъ,—даже вещи, которыя никогда не были восприняты человѣкомъ. Такая постановка отвѣта была бы строго позитивна, строго согласна съ воззрѣніемъ нетолько психологическимъ, или физіологическимъ, но и со всякимъ строго эмприческимъ, а въ тоже время и истинно-философскимъ. Продолжимъ далѣе подобную строго-позитивную перестановку системы *Д. С. Милля*, въ собственныхъ, только нѣсколько переставленныхъ его выраженіяхъ: внѣшній предметъ есть то, съ чѣмъ, по *непререкаемому свидѣтельству естественнаго и необходимаго содружества*, связывается идея «чего-то, что отличается отъ нашихъ скоротечныхъ впечатлѣній *прочностію*, — что болѣе или менѣе неизмѣнно и всегда остается тѣмъже самымъ, тогда-какъ наши впечатлѣнія мѣняются, — что существуетъ, не-смотря на то, извѣстно ли оно намъ, или нѣтъ». *Естественное и необходимое содружество идей* свидѣтельствуетъ далѣе, что «мои настоящія ощущенія и маловажны, и бѣглы, *а то, что внѣ меня, что имѣетъ возможность возбуждать находящуюся внутри меня возможность ощущенія, то постоянно*, — что *возможности* явленій внѣ меня связаны закономъ универсальной жизни, какъ и *внутри меня возможности ощущенія* связаны непреложными законами моего бытія,—связаны въ извѣстныя *группы явленій* и *ощущеній*,—что внѣ меня эти законы, которыми возможности явленій связываются въ опредѣленныя группы, суть то, что мы называемъ субстанціями или субстратами, носителями и причинами подлежащихъ явленій, какъ акциденцій и произведеній, равно-какъ и внутри меня законъ, связывающій всѣ мои ощущенія въ опредѣленную нить моего сознанія, есть субстанція и субстратъ нетолько каждаго изъ моихъ ощущеній, но и самого сознанія, какъ предшественникъ, какъ первоначальникъ и носитель моего сознанія, всѣхъ моихъ дѣйствительныхъ ощущеній и всѣхъ моихъ способностей къ ощущеніямъ возможнымъ. Вслѣдствіе этого, мы научаемся мыслить природу цѣлымъ, составленнымъ изъ такихъ группъ возможностей, а лежащіе въ основѣ этихъ группъ связывающіе законы научаемся мыслить субстратами, дѣятельную силу въ природѣ, проявляющеюся въ видоизмѣненіи однѣхъ изъ этихъ группъ другими, а въ-отношеніи

къ нашимъ ощущеніямъ научаемся мыслить эти группы возможностей подлинными реальностями. по-отношенію къ которымъ ощущенія суть воспроизведенія. феномены или дѣйствія. *Естественное и необходимое содружество идей* убѣждаетъ насъ, что хотя ощущенія и прекращаются, но возможности ощущеній остаются въ существованіи; онѣ независимы отъ нашей воли. нашего присутствія, — что онѣ настолько-же принадлежатъ другимъ человѣческимъ существамъ, насколько и намъ. — міръ возможныхъ ощущеній. смѣняющихъ одно другое согласно универсальнымъ законамъ, настолькоже существуетъ въ другихъ существахъ. насколько и во мнѣ. Слѣдовательно. онъ имѣетъ существованіе внѣ меня. онъ есть внѣшній міръ. *Довѣріе людей къ реальному существованію видимыхъ и осязаемыхъ предметовъ подразумѣваетъ собою и имѣетъ основаніемъ для себя общую довѣренность къ реальности и постоянству зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, когда никакія подобныя ощущенія въ дѣйствительности не были испытаны* (т. е. *довѣріе это, предшествуя опыту, глубоко лежитъ въ природѣ человѣка*). Куда бы мы ни шли, мы уносимъ съ собою наши ощущенія и онѣ никогда не существуютъ тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. Но, перемѣняя наше мѣсто, мы не уносимъ съ собою постоянныя возможности ощущенія: онѣ остаются, пока мы не возвратимся: онѣ возникаютъ подъ условіями. по-отношенію къ которымъ *наше присутствіе не имѣетъ никакого значенія: онѣ существуютъ и останутся* и послѣ того, какъ мы перестали чувствовать, постоянными возможностями ощущенія для другихъ существъ. Вообще *постоянныя возможности суть существованія, генерически отличныя отъ нашихъ ощущеній, по-отношенію къ которымъ наши ощущенія суть дѣйствія*».

28) Всѣ эти положенія суть свидѣтельства нашего сознанія, напменѣе пререкаемыя, суть содружества идей самыя естественныя, порождаемыя порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній нашего ощущенія, наиболѣе необходимо порождающія довѣріе къ существованію внѣшняго міра, наиболѣе непзбѣжное. Это суть факты внутренняго сознанія, собственные акты и настроенія нашего духа; это— сознаніе собственныхъ процессовъ нашего духа, которымъ нельзя не довѣрять, въ которыхъ нельзя сомнѣваться; это—свидѣтельство сознанія наиболѣе всеобщее и безъисключительное, наиболѣе чистое и убѣдительное; *это—приговоръ сознанія наиболѣе непосредственный,*

наиболѣе внутренній, который потому и долженъ быть принятъ со всѣхъ сторонъ, какъ рѣшеніе безъапелляціонное.

И этотъ выводъ, нетолько нашъ собственный, но и самого *Д. С. Милля*, составленный изъ собственныхъ его выраженій, тѣмъ болѣе достоинъ вѣры, что на-сторонѣ его истинности стоитъ вся школа философовъ, которую *Миллю* угодно было назвать, въ-отличіе отъ психологической, *интроспективною*: на-сторонѣ его, по словамъ самаго *Милля*, стоятъ *Кантъ, Гамильтонъ, Ридъ, Стюартъ, Кузенъ, Уэвель, Гербертъ Спенсеръ и другіе, которые принадлежность довѣрія къ нашему первобытному сознанію*, первоначальному усмотрѣнію духа, опредѣляютъ по признаку *необходимости мыслить его.* Но если самъ *Миллъ*, въ-сущности дѣла, такойже интроспективистъ, какъ и всѣ вышеозначенные мыслители, если и посылки, и выводы его системы согласны съ кореннымъ воззрѣніемъ прочихъ интроспективистовъ,—то въ чемъже разница?

Разница между такъ-называемою психологическою теоріею самаго Милля и философіею интроспективною заключается въ томъ, что интроспективисты, по словамъ *Милля*, считаютъ *довѣріе* къ *существованію міра самымъ кореннымъ свидѣтельствомъ сознанія, самымъ начальнымъ внутреннимъ усмотрѣніемъ, самою непререкаемою аксіомою, которую необходимо мыслить такъ и нельзя мыслить* иначе,—тогда-какъ *Д. С. Миллю* угодно провозглашать *самое неизбѣжное свидѣтельство внутренняго сознанія, самое естественное содружество идей, наиболѣе необходимо порождаемое законно-универсальнымъ порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія довѣріе къ существованію внѣшняго міра, не инымъ чѣмъ, какъ посредственнымъ продуктомъ опыта.* «*Довѣріе къ существованію*»,—по словамъ *Милля*,—«*только кажется непосредственно усматриваемымъ, на самомъ же дѣлѣ есть продуктъ опыта*».

По словамъ *Милля*, то, что мы должны были *всегда изначала имѣть довѣріе къ существованію внѣшняго міра*, вышеназванные интроспективисты доказываютъ тѣмъ, что *мы не можемъ отдѣлаться отъ него теперь.* Но этотъ *крайній послѣдній критерій истины*, заключающійся *въ необходимости мыслить что-либо такъ, а не иначе, Д. С. Миллю* крайне не нравится и опроверженію его Миль посвящаетъ много страницъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ. Сущность же всѣхъ этихъ опроверженій заключается въ томъ его соображеніи, что «такая невозможность дѣйствительно можетъ быть необходимымъ довѣріемъ для тѣхъ, которые мыслятъ его такимъ; лично они могутъ

быть совершенно неспособны не мыслить такъ». По нашему мнѣнію, и этотъ критерій, — *критерій необходимости этого довѣрія для тѣхъ, которые не могутъ мыслить его не необходимымъ*, — какъ ни кажется онъ шаткимъ *Д. С. Миллю*, весьма важенъ, даже болѣе, безусловно обще—обязателенъ, потому-что не только мы лично, не только какіе-либо философы интроспективисты лично, но всѣ, безъ исключенія, люди здраваго ума лично неспособны мыслить довѣріе къ бытію внѣшняго міра обманомъ, фальшью: для всѣхъ здравыхъ умовъ это довѣріе есть необходимость настоящая, теперешняя, но была необходимостью и искони, какою, конечно, пребудетъ и всегда. Самъ Милль въ этомъ случаѣ не представляетъ исключенія, такъ-какъ и ему самому это довѣріе кажется «содружествомъ идей, нераздѣльнымъ съ бытіемъ, содружествомъ, внутренно усматриваемымъ, которое *естественно и даже необходимо порождается порядкомъ* нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, которое неизбѣжно порождаетъ довѣріе къ внѣшнему міру». Казалось бы, чего-же больше. Но нѣтъ; для *Д. С. Милля* этого мало. Если бы даже эта неспособность мыслить это довѣріе обманомъ чувства распространялась, какъ и дѣйствительно распространяется, «на весь человѣческій родъ, то и тогда», по словамъ *Милля*, «она могла бы быть просто слѣдствіемъ *сильнаго содружества*, подобно *невозможности довѣрія къ антиподамъ*». Не важно для этого мыслителя то, что самъ-же онъ считаетъ это довѣріе содружествомъ нетолько сильнымъ, но и порождаемымъ естественно и даже необходимо, неизбѣжно. Наоборотъ, этотъ-то именно примѣръ *невозможности довѣрія къ антиподамъ*», оказавшейся возможностію, важенъ для него въ такой степени, что въ сочиненіяхъ его приводится десятки разъ въ опроверженіе интроспективнаго критерія истины, состоящаго *въ необходимости мыслить такъ и въ невозможности мыслить иначе*. При этомъ *Д. С. Милль* забываетъ, однакожъ, что слово — *антиподы* древне-греческое и что, значитъ, понятіе объ антиподахъ существовало въ древней Греціи болѣе, чѣмъ за полторы тысячи лѣтъ до открытія Америки,—забываетъ, что антиподы являлись возможностію въ греческихъ мѳахъ о загробной жизни, равно-какъ въ мѳахъ и прочихъ первобытныхъ народовъ; въ вѣрованіяхъ же христіанскихъ, да и всѣхъ прочихъ сколько-либо развитыхъ народовъ, представленіе премірнаго пребыванія горнихъ духовъ и отшедшихъ изъ этого міра человѣческихъ душъ стояло, какъ и стоитъ, беспредѣльно выше представленія какихъ-либо какъ антиподовъ, такъ и прямо вертикально стоящихъ существъ,

такъ-какъ ни одинъ сколько-либо развитой умъ никогда не смѣлъ, какъ и не смѣетъ, переносить представленія такого или другаго пространственнаго положенія въ условія премірнаго духовнаго существованія. Даже забавно, что пользующійся такою всесвѣтною извѣстностію мыслитель, каковъ *Д. С. Миллъ*, вводитъ такой пустѣйшій примѣръ, какъ главное, если только не единственное фактическое доказательство, въ опроверженіе обще-человѣческаго убѣжденія въ необходимости довѣрія къ бытію внѣшняго міра. «Исторія науки»,— продолжаетъ *Д. С. Миллъ*,—«изобилуетъ непостижимостями, которыя были побѣждены, которыя предполагались сначала необходимыми истинами, но потомъ перестали считаться необходимыми, далѣе перестали мыслиться истинными, а, наконецъ, стали считаться и вовсе невозможными». Пусть и были подобныя заблужденія человѣческаго разума въ области опыта; относительно эмпирической области это вопросъ рѣшенный, не-только со времени Канта, но и искони-вѣковъ, что опытъ не доставляетъ намъ категорическихъ, безусловно-всеобщихъ, безусловно-отрицающихъ всякое исключеніе сужденій. И самъ *Миллъ* съ этимъ согласенъ, утверждая въ своей Логикѣ [1]), «что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ *всеобщаго признака истины*», что т. е. для всякихъ опытныхъ единообразій могутъ найтись, или, по крайнѣй мѣрѣ, могутъ мыслиться и исключенія. Это безспорно. Но объ этомъ ли рѣчь? Вопросъ въ томъ, *есть ли, не въ опытѣ, а въ разумѣ, такія основоположенія мышленія, которыя мыслятся необходимо и безусловно, которыя ни подъ какими условіями не допускаютъ ни измѣненій, ни исключеній?* Отъ *Аристотеля* до *Гегеля* наиболѣе строгая логическая мысль видѣла такія безусловныя основоположенія въ законахъ и формахъ логическаго мышленія. Самъ *Д. С. Миллъ* хотя и съ пренебреженіемъ отнесся къ подобной обще-человѣческой старинѣ до того, что даже не помѣстилъ въ свою Логику ученія объ извѣстныхъ основныхъ законахъ мышленія, тѣмъ не менѣе и онъ удостоилъ, какъ мы видѣли уже, провозгласить, что «*порядокъ природы единообразенъ и составляетъ основной законъ или общую аксіому*»,— что «нѣкоторые виды единообразій найдены *совершенно неизмѣнными, проникающими всю природу*»,—что «нѣкоторыя единообразія, въ мѣрѣ достовѣрности, требуемой всѣми человѣческими цѣлями, могутъ

---

[1]) Ч. I. 316.

быть признаны *совершенно достовѣрными и вполнѣ всеобщими*»,—что «законы чиселъ и протяженія, также законъ связи причины съ слѣдствіемъ, суть единообразія, которыя простираются *на всю человѣческую опытность, исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно*». Значитъ, *Д. С. Милль* допускаетъ «*истины необходимыя*», которыя *никогда не перестанутъ мыслиться истинными, а тѣмъ болѣе никогда не станутъ считаться невозможными.* Такъ въ томъ ли вопросъ: *принадлежитъ ли довѣріе къ бытію внѣшняго міра къ числу истинъ необходимыхъ?* И не въ томъ опять сущность разнорѣчія между интраспективистами и позитивистами, такъ-какъ относительно этого *Д. С. Милль* выразился положительно, что это довѣріе порождается нетолько естественно, но и необходимо, неизбѣжно. «Интроспективисты,—по его словамъ,—ошибаются въ истинныхъ условіяхъ психологическаго изслѣдованія, когда, вмѣсто того, чтобъ доказывать, что какое-нибудь довѣріе есть первоначальный фактъ сознанія, указаніемъ, что оно не могло быть пріобрѣтено, они заключаютъ, что оно не было пріобрѣтено по той, часто ложной и никогда не подтвержденной достаточно, причинѣ, что наше сознаніе не можетъ отдѣлаться отъ него теперь». Итакъ, по мнѣнію *Д. С. Милля*, интроспективисты должны доказывать, что «*довѣріе къ бытію внѣшняго міра есть первоначальный фактъ сознанія*»,—что «*оно не пріобрѣтено*»; а самъ *Милль* стоитъ на томъ, что «*довѣріе къ существованію только кажется непосредственно усматриваемымъ, на самомъ же дѣлѣ есть продуктъ опыта*». Коренная фактическая основа его міровоззрѣнія состоитъ въ томъ, что «*всякое вѣдѣніе въ человѣкѣ, даже въ своихъ основахъ, даже въ такъ-называемыхъ законахъ и формахъ мышленія, даже въ математическихъ аксіомахъ, даже въ довѣріи къ существованію внѣшняго міра, есть продуктъ опыта*».

ГЛАВА XXV.

Это предметъ уже стократно исчерпанный философами всѣхъ школъ и вѣковъ, раскрытый, полагаемъ, достаточно для непредупрежденнаго убѣжденія и нами, какъ въ предъидущемъ отдѣлѣ этой второй, такъ и въ первой части нашего изслѣдованія, гдѣ мы высказали и общій взглядъ свой на такъ-называемую *апріорность понятій, на прирожденность идей*, на *способность* человѣческаго ума имѣть *трансцен-*

дентныя, въ извѣстномъ смыслѣ, независимыя отъ внѣшняго опыта познанія, и гдѣ показали несостоятельность положительнаго доказательства теоріи *Д. С. Милля*, несостоятельность даннаго имъ изъясненія, какъ изъ ряда ощущеній возникаютъ сознаніе *я* и *не—я*, понятіе субъекта и объекта, довѣріе къ бытію внѣшняго міра и внутренней нашей личности. Возвращаться къ новому положительному раскрытію вопроса *о прирожденности основъ нашего мышленія и познанія*, съ опроверженіемъ частностей теоріи *Д. С. Милля*, было бы непростительнымъ плеоназмомъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы основательно покончить съ этимъ вопросомъ и показать непозитивность, или даже скорѣе скептицизмъ этой quasi-позитивной теоріи, сдѣлаемъ нѣсколько относящихся къ разсматриваемому предмету выписокъ изъ сочиненій болѣе или менѣе строгихъ, даже крайнихъ позитивистовъ-физіологовъ *XVIII вѣка: Кабаниса, и XIX вѣка:—Дарвина, Дрэпера и Льюиса.* Наше идеалистическаго направленія утвержденіе будетъ стоять крѣпче, когда опрется на такіе, уважаемые въ сферѣ позитивнаго естествовѣдѣнія, авторитеты. Да и скептицизмъ теоріи *Милля* выставится рѣзче въ контрастѣ съ ученіемъ естественно-научныхъ авторитетовъ,—скептицизмъ, которому смертный приговоръ произнесенъ самимъ *Миллемъ*, въ его словахъ, что «абсолютный скептицизмъ, если еще существуетъ такая вещь, можетъ быть оставленъ безъ изслѣдованія, какъ дающій, въ концѣ концовъ, не идущій къ дѣлу результатъ, такъ-какъ, отрицая всякое знаніе, онъ не отрицаетъ никакого» [1]).

Кабанисъ [2]), какъ натуралистъ-матеріалистъ, доказываетъ ту же самую главную тему, что и *Д. С. Миллъ*, т. е. что «*душа есть свойство, а не существо*» [3]); слѣдовательно, въ пристрастіи къ нашей коренной идеѣ заподозрить *Кабаниса* никакъ нельзя. Тѣмъ не менѣе, приводимые имъ естественно-научные факты, для нашей цѣли, въ высшей степени важны.

«Жизнь есть рядъ движеній», пишетъ онъ, «вызываемыхъ *впечатлѣніями*, которыя получаются разными органами. *Отправленія души, или разума*, вытекаютъ изъ движеній, производимыхъ головнымъ органомъ, а движенія послѣдняго происходятъ или *отъ впечатлѣній, полученныхъ и переданныхъ въ него чувствующими оконечностями нервовъ различныхъ органовъ, или отъ впечатлѣній,*

---

[1]) Обзоръ философіи *С. В. Гамильтона*, стр. 120.

[2]) Отношенія между физическою и нравственною природою человѣка, перев. *Бибикова*, Спб. 1865 г.

[3]) Ч. I, стр. 93.

возбужденныхъ въ немъ самомъ, повидимому, непосредственно дѣйствующими на него причинами».

«Безъ чувствительности мы не могли бы составить себѣ понятія о существованіи предметовъ внѣ насъ, не могли бы отличить и нашего собственнаго существованія, т. е. мы и не существовали бы. Но съ той минуты, какъ мы чувствуемъ, мы существуемъ. А съ тѣхъ поръ, какъ сравненіемъ ощущеній, производимыхъ однимъ и тѣмъ-же предметомъ на различные наши органы, или вѣрнѣе — сопротивленій, которыя онъ оказываетъ нашимъ побужденіямъ, мы убѣдились, что причина этихъ ощущеній лежитъ внѣ насъ, мы уже составили себѣ понятіе о томъ, что не—мы: это нашъ первый шагъ при изученіи природы». Впослѣдствіи мы разберемъ точнѣе, что въ этомъ, весьма близкомъ къ истиному психологическому, взглядѣ на пробужденіе нашего сознанія, вполнѣ и что менѣе точно соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ психической жизни.

«Если бы мы испытывали одно только ощущеніе»,—продолжаетъ *Кабанисъ*, «то и получили бы одно только понятіе; а если-бы съ этимъ ощущеніемъ соединено было какое-нибудь побужденіе, исполненіе котораго встрѣтило бы сопротивленіе, то мы узнали бы, что существуетъ что-то независимо отъ насъ; мы ничего не могли бы узнать больше. Но такъ-какъ ощущенія наши отличаются одно отъ другаго и, сверхъ того, такъ-какъ различнымъ ощущеніямъ, полученнымъ въ одномъ нашемъ органѣ, соотвѣтствуютъ, *по неизмѣннымъ законамъ*, различныя ощущенія въ другомъ, или во многихъ другихъ органахъ,—то мы убѣждаемся, что между внѣшними причинами, покрайней мѣрѣ, по-отношенію къ намъ, существуетъ такое-же различіе, какъ между нашими ощущеніями; а такъ-какъ понятія наши (стр. 95) составляютъ только *результатъ сравниваемыхъ нами ощущеній*, то *и полученныя истины могутъ быть только относительныя*, въ-зависимости отъ общаго свойства человѣческой природы воспринимать впечатлѣнія. *Притязаніе узнать самую сущность вещей есть нелѣпость, очевидная при сколько-нибудь внимательномъ наблюденіи».*

Очевидно, такимъ образомъ, что, въ общихъ выводахъ, *Кабанисъ*, столѣтіе тому назадъ, утверждалъ тоже, что въ наши дни пропагандируетъ *Д. С. Миллъ*. Но когда отъ общихъ выводовъ мы переходимъ къ фактамъ, на которыхъ *Кабанисъ* думаетъ утвердить свою теорію, то, съ первыхъ-же словъ его, видимъ, что онъ стоитъ на сторонѣ мысли, что *человѣческому уму многое прирождено.*

«Люди несомѣнно отличаются другъ отъ друга»,—пишетъ онъ (стр. 95)—,«*способностью чувствовать*: возрастъ, полъ, темпераментъ, болѣзни производятъ въ нихъ замѣчательныя различія. Ясно, что нѣкоторыя понятія могутъ въ разныхъ людяхъ, по-очередно, то вовсе отсутствовать, то становиться господствующими; одинъ человѣкъ можетъ быть подчиненъ впечатлѣніямъ, которыя другой едва ощущаетъ, или даже вовсе не чувствуетъ; изъ-мало сходныхъ, у различныхъ людей, впечатлѣній вытекаютъ совершенно различный образъ мыслей и неодинаковое душевное состояніе (стр. 96). Впечатлительность у людей не-только бываетъ различна, вслѣдствіе первоначальной ихъ организаціи и условій возраста

и пола, *зависящихъ исключительно отъ природы*, но еще могущественно измѣняется климатомъ и другими сколько физическими, столько же и соціальными условіями».

Развитію этой общей мысли посвящено все сочиненіе *Кабаниса*.—«Еще древніе,—пишетъ онъ—[1]), замѣтили, что *извѣстнымъ природнымъ признакамъ*, т. е. извѣстной физіогноміи, росту, тѣлосложенію, цвѣту кожи, свойствамъ тѣла, состоянію кровеносныхъ сосудовъ, *соотвѣтствуютъ*, съ нѣкоторымъ постоянствомъ, *извѣстное направленіе ума, или нѣкоторыя страсти*. Различныя системы органовъ одарены не одинаковою степенью силы, или вліянія у различныхъ людей (стр. 106): у однихъ все привлекаетъ къ себѣ мускульная система, у другихъ главную роль играютъ мозговая и нервная системы; отъ этого проистекаютъ различія не-только въ физической организаціи, но и въ нравственномъ состояніи.

«*Природа создаетъ человѣка съ опредѣленными органами и способностями* (118 стр). Если принять во вниманіе, что физическая организація передается по наслѣдству, — то всѣ аналогіи и множество фактовъ [2]) доказываютъ, что, во многихъ отношеніяхъ, *передается по наслѣдству и извѣстное направленіе мыслей, побужденій и склонностей*. Первоначальнымъ различіямъ, установленнымъ природою, какъ и видоизмѣненіямъ, вносимымъ условіями жизни въ расположеніе органовъ, соотвѣтствуютъ постоянно *различія и аналогическія видоизмѣненія въ образѣ мыслей и въ направленіи страстей*. Одни [3]) изъ мыслителей могутъ принимать, что всѣ побужденія животныхъ *составляютъ результатъ сознательнаго выбора и, слѣд., плодъ опытности*,—другіе могутъ думать, *вслѣдъ за естествоиспытателями всѣхъ вѣковъ*, что многіе изъ этихъ побужденій не могутъ быть отнесены *ни къ какому сознанію, а чаще всего образуются безъ участія воли, по инстинкту*. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что однѣ изъ впечатлѣній вызываются внѣшними предметами, *а другія, зарождающіяся во внутреннихъ органахъ, составляютъ результатъ внутреннихъ жизненныхъ отправленій* [4]). Многія наблюденія доказываютъ, что представленія, склонности, побужденія зависятъ не-только отъ того, что называютъ *ощущеніями, т. е. отъ раздѣльныхъ впечатлѣній, получаемыхъ собственно органами чувствъ*, но что въ нихъ принимаютъ большее, или меньшее участіе впечатлѣнія, производимыя *отправленіями многихъ внутреннихъ органовъ, а иногда, повидимому, они только и зависятъ что отъ внутреннихъ органовъ*» [5]). При этомъ *Кабанисъ*, согласно со всѣми физіологами, учитъ, что «головной мозгъ и хребтовый продолговатый, равно-какъ и нервы, суть истинные или, по крайней мѣрѣ, главные органы чувства [6]). Опыты доказали, что *ощущеніе*, или, по крайней мѣрѣ, *сознаніе о немъ, происходитъ не въ оконечности нерва и не въ органѣ*, на который подѣйствовала причина, вызвавшая ощущеніе, *а въ средоточіи, служащемъ источникомъ для всѣхъ нервовъ*, въ которое приходятъ всѣ впечатлѣнія. Несомнѣнно, что мы сознаемъ ощущенія въ головномъ мозгѣ, а вѣроятно также и въ хребтовомъ.

«Въ утробѣ матери [7]), животныя не получаютъ никакого ощущенія, т. е. никакого раздѣльнаго *ощущенія*, которое могло бы вызвать первое *сужденіе*. Окруженныя со всѣхъ сторонъ жидкостію, онѣ привыкаютъ къ впечатлѣнію, пропз-

---

[1]) Стр. 97. [2]) Стр. 120. [3]) Стр. 124. [4]) Стр. 135. [5]) Стр. 142. [6]) Стр. 109—110. [7]) Стр. 144.

водимому ею, и не могутъ ее чувствовать. Если при движеніяхъ имъ случается быть сдавленными, то изъ этого, вѣроятно, не вытекаетъ для нихъ никакого понятія, никакого точнаго и раздѣльнаго представленія о внѣшнихъ предметахъ. Во-время [1]) этой первой эпохи, собственное существованіе дитяти ограничивается впечатлѣніями, производимыми развитіемъ органовъ, — *впечатлѣніями, которыя можно разсматривать, какъ внутреннія. Зрѣніе, слухъ, обоняніе и вкусъ еще не вышли въ немъ изъ оцѣпенѣнія, а отправленія внѣшняго сознанія, должно быть, не отличаются отъ осязанія внутренняго общаго. Тѣмъ не менѣе, уже тогда существуютъ въ животномъ побужденія и зараждаются склонности.*—Если ребенокъ бьется, въ послѣднюю эпоху беременности, если онъ двигается тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ и постоянствомъ, чѣмъ онъ живѣе и сильнѣе,—то это происходитъ не потому только, что ему тѣсно и неловко, но потому, что члены его пріобрѣли извѣстную степень силы и онъ чувствуетъ необходимость въ упражненіи ихъ. Его легкія приняли значительное развитіе: количество кислорода, получаемаго съ кровью матери, уже недостаточно ему болѣе; ему необходимъ воздухъ, и онъ ищетъ его съ жаднымъ безпокойствомъ [2]). Нѣкоторые факты показываютъ, что это *внутреннее существованіе, независимое отъ впечатлѣній, производимыхъ внѣшними предметами*, необходимо для плодотворнаго развитія органовъ, для пріобрѣтенія ими наибольшей чувствительности. Случалось сохранять жизнь преждевременно рожденнаго ребенка, окружая его условіями, приближающимися къ условіямъ природы, т. е. завертывая его въ мягкія пеленки, поддерживая въ нихъ температуру, равную температурѣ человѣческаго тѣла, и необходимую степень влажности и пропуская ему въ ротъ по нѣскольку капель студенистой жидкости. Дѣти, жизнь которыхъ сохранена была такимъ образомъ, оставались въ нѣкотораго рода оцѣпенѣніи до девятаго мѣсяца; по наступленіи же его, къ общему удивленію, онѣ начинали дѣлать движенія, какъ-будто имъ дѣйствительно предстояло родиться». Здѣсь-же у *Кабаниса* [3]) представлены и примѣры подобныхъ искусственныхъ рожденій, чѣмъ доказывается, что въ самой природѣ, при отсутствіи личнаго сознанія, лежитъ *знаніе* того, что рождающемуся существу нужно дѣлать.

«Когда ребенокъ появится на свѣтъ, когда онъ дышетъ, когда дѣйствіе внѣшняго воздуха доставляетъ его органамъ болѣе энергіи, дѣятельности и правильности, то онъ начинаетъ настоящую новую жизнь. *Съ этой уже минуты явственно выражаются въ немъ склонности, зависящія отъ его личной природы, т. е. отъ его организаціи и отъ свойствъ его чувствительности.* Эти склонности обнаруживаютъ въ себѣ *явное послѣдствіе тѣхъ таинственныхъ отправленій*, которыя воспитывались *въ глубокой тишинѣ* (еще въ матерней утробѣ), *направляющими ихъ законами.* Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ ребенокъ началъ сравнивать новыя, осаждающія его толпою, впечатлѣнія, *онъ имѣетъ уже вкусы, побужденія, склонности*, онъ употребляетъ всѣ свои крошечныя средства, чтобы выразить ихъ и удовлетворить имъ. Онъ ищетъ грудь матери, онъ тискаетъ ее своими слабыми ручонками, чтобы выдавить питательную жидкость, онъ умѣетъ уже схватить и сосать ее. Въ глазахъ естествоиспытателя, всегда будетъ достойно удивленія то, что *существо, совершающее такія сложныя движенія, никогда не училось и не пробовало ихъ*

---

[1]) Стр. 145. [2]) Стр. 146. [3]) Стр. 146, 147.

дѣлать. Но что заслуживаетъ еще большаго удивленія, такъ это *существованіе всѣхъ* [1]) *этихъ душевныхъ движеній, которыя такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ и выражаются съ такимъ простодушіемъ на лицѣ ребенка*. Между-тѣмъ-какъ слабые мускулы рукъ и ногъ его едва умѣютъ еще дѣлать нѣсколько неопредѣленныхъ движеній, мускулы лица уже выражаютъ раздѣльными движеніями, не смотря на ихъ несравненно большую сложность, почти *весь строй общихъ душевныхъ движеній, свойственныхъ человѣческой природѣ; — и внимательный наблюдатель легко отличитъ, по этой картинѣ, характеристическія черты будущаго человѣка*».

«*Гдѣ искать причинъ* этого сложнаго умѣнья, этихъ склонностей, слагающихся изъ столькихъ различныхъ побужденій? *Гдѣ искать источника* этихъ душевныхъ движеній? *Разумѣется, не въ новыхъ, столь смутныхъ, впечатлѣніяхъ, производимыхъ внѣшними предметами. Извѣстно, что обоянія, собственно говоря, еще не бываетъ у новорожденныхъ, — что вкусъ ихъ, хотя и развитъ нѣсколько болѣе, едва существуетъ у нихъ, — что ухо ихъ почти ничего не слышитъ, — что зрѣніе ихъ неопредѣленно и не имѣетъ ни малѣйшей точности*. Доказано самыми несомнѣнными фактами, что нѣсколько мѣсяцевъ они не имѣютъ [2]) еще никакого понятія о разстояніи. Осязаніе есть единственное чувство, доставляющее имъ раздѣльныя представленія, вѣроятно, вслѣдствіе того, что оно хотя сколько-нибудь упражнялось ими въ утробѣ матери. Но *понятія*, доставляемыя этими неопредѣленными отправленіями единственнаго чувства, весьма ограниченны и весьма смутны. Разумѣется, онѣ не могутъ вызвать внезапно цѣлый рядъ такихъ разнообразныхъ и сложныхъ выраженій, какія мы читаемъ въ лицѣ ребенка. Мы имѣемъ, стало быть, право утверждать, что *во внутреннихъ впечатлѣніяхъ, въ ихъ симпатическихъ сочетаніяхъ, въ ихъ непрерывающемся дѣйствіи во все время беременности, слѣдуетъ искать источника какъ побужденій, обнаруживающихся въ самую минуту рожденія, такъ и этой игры физіогноміи, которою ребенокъ умѣетъ уже выражать ихъ, равно-какъ, наконецъ, и вызываемыхъ ими склонностей. Въ этомъ основномъ положеніи не можетъ быть никакого сомнѣнія*».

Въ жизни новорожденныхъ животныхъ *Кабанисъ* указываетъ «другіе психическіе факты, которые точно такъ же объясняются ихъ особенною организаціею. Птицы большаго семейства *куриныхъ* ходятъ тотчасъ по выходѣ изъ яйца; онѣ проворно бѣгутъ за зерномъ и клюютъ, не дѣлая ошибокъ относительно зрѣнія: это доказываетъ, что онѣ не-только умѣютъ управлять мускулами ногъ, но *имѣютъ и вѣрное сознаніе о каждомъ своемъ движеніи*, — что онѣ также хорошо пользуются своими глазами, какъ точно судятъ и о разстояніи [3]). Многія четвероногія рождаются съ закрытыми глазами; онѣ не могутъ отыскать себѣ пищу, т. е. сосцы своей матери, иначе, какъ при содѣйствіи обоянія и осязанія. Но эти чувства одарены у нихъ необыкновенною остротою. Щенки и котята чувствуютъ издали приближеніе матери и никогда не смѣшиваютъ ее съ другимъ животнымъ той-же породы и того-же пола. Случается, что *котенокъ вытягиваетъ уже шею и тянется къ соску, между-тѣмъ-какъ задъ его и ноги не успѣли еще освободиться изъ рукава матки*», чему *Кабанисъ* самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Всѣ эти

---

[1]) Стр. 148. [2]) Стр. 149. [3]) 150.

факты въ высшей степени заслуживаютъ удивленія [1]). Дѣлая наблюденія надъ различными породами животныхъ, *Галлеръ* много разъ замѣчалъ, что новорожденныя овцы и козы, тотчасъ по выходѣ изъ утробы, отправляются за матерью на значительное разстояніе, *прежде чѣмъ опытъ могъ научить ихъ употребленію ногъ, или дать имъ сознаніе, что только мать въ-состояніи удовлетворить ихъ первымъ потребностямъ.* *Галліенъ*, извлекши козленка, вскрытіемъ, изъ утробы матери, положилъ предъ нимъ различныя травы, между которыми случайно былъ и ракитникъ. Обнюхавъ травы, козленокъ презрительно отворачивался отъ нихъ, пока не наткнулся на ракитникъ, который немедленно сталъ жевать своими слабыми челюстями. Количество фактовъ, которые не подлежатъ сомнѣнію и даютъ тотъже результатъ, почти также велико, какъ количество видовъ низшихъ животныхъ: животныя огромнаго числа этихъ видовъ, особенно въ классѣ насѣкомыхъ, производятъ множество сложныхъ движеній, которымъ *никто не училъ ихъ и примѣра которыхъ они никогда не видѣли.* Весьма часто онѣ порываются къ нѣкоторымъ движеніямъ прежде, чѣмъ послѣднія вызваны ихъ потребностями [2]). Эти результаты *внутреннихъ впечатлѣній, получаемыхъ животными въ періодъ ихъ утробной жизни,* совершенно рѣшительны и убѣдительны: *они не составляютъ результата ни опыта, ни сознанія, ни выбора, основанныхъ на системѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ».*

«По мѣрѣ того, какъ животныя [3]) развиваются, *природа научаетъ* ихъ употребленію новыхъ органовъ. Животное нерѣдко пытается воспользоваться услугами даже такой части тѣла, которая не получила еще надлежащей степени развитія, а иногда даже прежде ея существованія: молодыя птицы шевелятъ своими крыльями, лишенными еще перьевъ и едва покрытыми нѣжнымъ пухомъ. И *нельзя сказать, чтобы они дѣлали это только слѣдуя наставленію или примѣру матери, потому-что* и *выведенныя искусственно обнаруживаютъ тотъ-же самый инстинктъ.* Козлята и ягнята, играя, стараются ударить другъ друга рогами, которыхъ еще не имѣютъ. *Всѣ эти склонности, разумѣется, нельзя объяснить ни опытностію, ни сознаніемъ.* Время [4]), предшествующее воспроизведенію, открываетъ намъ въ животныхъ рядъ дѣйствій, еще болѣе непостижимыхъ. Птицы и четвероногія, въ періодъ оплодотворенія, уже приготовляютъ гнѣзда для будущихъ новорожденныхъ. Тогда птицы приступаютъ сами собою къ самымъ хитрымъ сооруженіямъ, *никогда не учившись ни у кого,*—потому-что птенцы, выведенные искусственно и воспитанные въ клѣткахъ, тоже вьютъ гнѣзда въ періодъ любви. Во всѣ [5]) времена и во всѣхъ странахъ, форма этихъ построекъ неизмѣнна для каждой породы; она наилучшимъ образомъ приспособлена къ сохраненію и удобствамъ птенцовъ, къ климату и къ различнымъ опасностямъ, которыя могутъ угрожать. Ясно, такимъ образомъ [5]), что *побужденія,* совокупность которыхъ обозначается словомъ: *инстинктъ,* точно также какъ и *вызываемыя ими представленія, должны быть приписаны внутреннимъ впечатлѣніямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе различныхъ животныхъ отправленій.* Ясно, что одушевленныя существа [6]) получаютъ *впечатлѣнія, не-только вызываемыя внѣшними предметами, дѣйствующими на органы чувствъ,* но, по ходу жизни, по развитію поддерживающихъ ее отправленій [7]), по разнымъ причинамъ, дѣйству-

[1]) 151. [2]) Стр. 152. [3]) Стр. 153. [4]) 154. [5]) 155. [6]) 172. [7]) 173.

ющимъ *на чувствительность внутреннихъ частей, получаютъ еще другія впечатлѣнія, на которыя внѣшній міръ не оказываетъ непосредственнаго вліянія.*

На-основаніи такихъ соображеній, *Кабанисъ* дѣлитъ впечатлѣнія чувства [1]): *1) на впечатлѣнія, получаемыя внѣшними органами чувствъ, 2) на впечатлѣнія, свойственныя внутреннимъ органамъ, и 3) впечатлѣнія, раждающіяся непосредственно въ глубинѣ самой нервной системы.* Подъ *внутреннимъ чувствомъ Кабанисъ* разумѣетъ всѣ отправленія чувства, не принадлежащія собственно такъ-называемымъ внѣшнимъ органамъ чувствъ [2]). И затѣмъ, многими соображеніями, *Кабанисъ* доказываетъ, что, «еще прежде своего появленія на свѣтъ, зародышъ получаетъ уже въ утробѣ матери [3]) *множество впечатлѣній*, изъ которыхъ уже тамъ образовались въ немъ *цѣлые ряды стремленій;* тамъ уже онъ усвояетъ *привычки*, испытываетъ *позывы*, имѣетъ уже *побужденія.* Эти впечатлѣнія и эти стремленія вовсе не ограничены узкою сферою одного или нѣсколькихъ органовъ. Образовавшись мало-по малу въ общихъ системахъ органовъ, онѣ дѣлаются общими для всего организма. Изъ нихъ-то и вытекаютъ привычки, склонности, побужденія, появленіе которыхъ можетъ быть объяснено только дѣятельностію всего нервнаго аппарата и совокупность которыхъ составляетъ *первональный инстинктъ. Въ минуту рожденія, мозговое средоточіе ребенка заключаетъ въ себѣ уже множество впечатлѣній:* оно вовсе не *tabula rasa. Правда, эти впечатлѣнія почти всѣ внутреннія, и, разумѣется, головной мозгъ есть tabula rasa относительно внѣшняго міра. Но не можетъ быть, чтобы ощущенія, побужденія и сужденія, появляющіяся послѣ рожденія, были внѣ зависимости отъ предшествовавшаго состоянія зародыша.* Достаточно немногихъ соображеній, чтобы убѣдиться въ этомъ. 1) *Характеръ и даже родъ ощущеній находится* [4]) *въ-зависимости отъ общаго состоянія нервной системы. 2) Частныя привычки различныхъ органовъ, или составъ органовъ, связанныхъ тѣсною симпатіей съ головнымъ мозгомъ, не могутъ не оказывать вліянія на его отправленіе. 3) Направленіе мыслей и даже характеръ ихъ, до нѣкоторой степени, всегда обусловливаются предшествовавшими побужденіями,—и огромное число сужденій исключительно зависитъ отъ склонностей».* *Кабанисъ* доказываетъ, что «зародышъ въ утробѣ матери уже [5]) получаетъ понятіе *о сопротивленіи, о посторонникъ тѣлахъ и о себѣ самомъ*, потому-что онъ производитъ движенія, ограничиваемыя облекающими его оболочками; онъ имѣетъ потребность и желаніе, т. е. волю производить эти движенія. Для пріобрѣтенія же *сознанія* зародышу достаточно уже ощущеній благосостоянія и неловкости, попытокъ продлить первое и прекратить вторую». Согласно съ *Д. С. Миллемъ* и другими естествовѣдами новѣйшаго времени, *Кабанисъ* полагаетъ, что «для полученія ощущенія отъ встрѣченнаго сопротивленія присутствіе посторонникъ тѣлъ вовсе не необходимо, потому-что всѣ нашихъ собственныхъ членовъ и необходимая для приведенія ихъ въ движеніе мускульная сила должны неизбѣжно привести *самосознаніе* въ то положеніе, *изъ котораго вытекаетъ понятіе о посторонникъ предметахъ.* Такимъ образомъ, по мнѣнію *Кабаниса*, *въ головномъ мозгу зародыша существуютъ уже первые слѣды основныхъ поня-*

---

[1]) 217. [2]) 218. [3]) Ч. II, стр. 287. [4]) 288. [5]) 279.

тій, которыя должны, мало-по-малу, развиваться отношеніями его ко всему видимому міру и дѣйствіемъ предметовъ на нервныя его оконечности. *Головному мозгу новорожденнаго знакомы уже сознаніе и воля: въ немъ*, стало быть, *существуютъ уже слабыя понятія*, а возвращеніе ихъ и повтореніе уже вызвало побужденія. *Съ этой точки зрѣнія*,» —утверждаетъ *Кабанисъ*,—«слѣдуетъ отправляться для аналитическаго изслѣдованія разсудочныхъ отправленій, съ цѣлію захватить ихъ дѣйствительное первоначальное происхожденіе. Зародышное состояніе и развитіе, во многихъ отношеніяхъ, общее для цѣлыхъ классовъ животныхъ, видоизмѣняется въ породахъ *общими различіями въ организаціи*, а въ недѣлимыхъ—особенностями, *зависящими отъ организаціи отца и матери. Отъ этихъ вліяній находятся и во всю жизнь будутъ находиться въ зависимости способъ отправленія чувствительности, возникающія сужденія, привычки и стремленія*. Тѣмъ не менѣе, таинственные и первоначальные законы, созидающіе, еще въ утробѣ матерней, эти стремленія нарождающагося человѣка», по мнѣнію Кабаниса, «*останутся на вѣчныя времена предметомъ размышленія для мудреца* [1]).

Такимъ образомъ, у *Кабаниса* мы находимъ слѣдующіе выводы, основанные на физіологическихъ фактахъ: 1) что ощущеніе и сознаніе о немъ происходитъ не въ оконечности нерва и не въ органѣ внѣшняго чувства, на который подѣйствовала причина, вызвавшая ощущеніе, а въ средоточіи, которое служитъ источникомъ для всѣхъ нервовъ, въ которые приходятъ всѣ впечатлѣнія, — 2) что мы чувствуемъ и сознаемъ ощущенія въ головномъ и въ хребтовомъ мозгу, — 3) что впечатлѣнія чувствъ дѣлятся на три рода: а) на впечатлѣнія, получаемыя внѣшними органами чувствъ, б) впечатлѣнія свойственныя внутреннимъ органамъ и в) впечатлѣнія раждающіяся непосредственно въ глубинѣ самой первной системы, — 4) что отправленія чувствительности, возникающія склонности и сужденія человѣка организуются подъ вліяніями общей организаціи рода и частной организаціи отца и матери, — 5) что, въ минуту рожденія, мозгъ ребенка заключаетъ въ себѣ уже множество впечатлѣній, — и не можетъ быть, чтобы ощущенія, побужденія и сужденія, появляющіяся послѣ рожденія, были внѣ зависимости отъ предшествовавшаго состоянія зародыша, — 6) что въ головномъ мозгу зародыша существуютъ уже первые слѣды основныхъ понятій, слѣды сознанія и воли, хотя и смутныхъ, — 7) проявленія же такъ-называемаго инстинкта въ ребенкѣ, а особенно въ новорожденныхъ животныхъ, обнаруживаютъ въ нихъ знанія, которыя получены ни какъ не изъ опыта, — 8) что,

---

[1]) 284.

еще въ матерней утробѣ, у зародыша составляются понятія о сопротивленіи, о посторонних̀ъ тѣлахъ, о себѣ самомъ,—9) что первичныя основныя понятія, инстинктивныя побужденія и вызываемыя ими представленія должны быть приписаны внутреннимъ впечатлѣніямъ, составляющимъ необходимое послѣдствіе различныхъ жизненныхъ отправленій,—10) что результаты внутреннихъ впечатлѣній, получаемыхъ еще въ періодѣ утробной жизни, совершенно рѣшительны и убѣдительны, не составляя результата ни сознанія, ни выбора, ни опыта, основанныхъ на системѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ,—что 11) вообще одушевленныя существа получаютъ впечатлѣнія, которыя вызываются не-только внѣшними предметами, дѣйствующими на органы чувствъ, но, по ходу жизни, по развитію поддерживающихъ ее отправленій, по разнымъ причинамъ, дѣйствующимъ на чувствительность внутреннихъ частей, получаютъ еще другія впечатлѣнія, на которыя внѣшній міръ не оказываетъ непосредственнаго вліянія.—Оказывается, такимъ образомъ, по *Кабанису*, что *человѣкъ получаетъ, кромѣ внѣшнихъ впечатлѣній, и внутреннія и носитъ въ себѣ представленія прирожденныя.*

Нужны ли, послѣ этихъ, сколько простыхъ, столько-же и глубокомысленныхъ, хотя и односторонне гилозоистическихъ [1]), соображеній естествовѣда-позитивиста прошлаго, XVIII вѣка, выписки изъ соображеній *Дарвина*, подобнаго-же естествовѣда-позитивиста нашего времени?

Извѣстно, что вся система *Дарвина* основана на наслѣдственной передачѣ потомкамъ выработанныхъ, милліонами вѣковъ, способностей и склонностей въ предкахъ. Его теорію развитія цѣлаго аппарата нервной системы, въ главныхъ чертахъ, можно прослѣдить въ изложеніи его соображеній относительно спеціальнаго развитія зрительнаго нерва и глаза. По мнѣнію *Дарвина* [2]), «глазъ съ его неподражаемыми аппаратами [3]) для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической аберрацій, могъ сложиться *въ-силу естественнаго подбора*». *Дарвинъ* [4]) подозрѣваетъ, что всякій ощущающій нервъ можетъ сдѣлаться чувствительнымъ къ свѣту, а тѣмъ болѣе къ тѣмъ грубымъ,

---

[1]) Это слово сложное изъ двухъ греческихъ словъ: υλη, вещество, и ζωη, жизнь.
[2]) *Дарвина*, О происхожденіи видовъ перев. *Рачинскаго*, Москва, 1865 года.
[3]) Стр. 150. [4]) Стр. 151.

колебаніямъ воздуха, которыя производятъ звукъ. Устроеніе глаза въ рукахъ творческой природы *Дарвинъ* смѣло сравниваетъ съ устроеніемъ телескопа руками разумнаго человѣка. «Если сравнивать», — пишетъ онъ [1]), — «глазъ съ оптическимъ инструментомъ, то мы должны представить себѣ толстый слой прозрачной ткани, съ полостями, наполненными жидкостію, и подъ ними нервъ, чувствительный къ свѣту. Далѣе мы должны представить себѣ силу (*естественный подборъ*), тщательно подбирающую въ глазахъ всякое видоизмѣненіе, могущее, при разныхъ обстоятельствахъ, въ какой-либо мѣрѣ, служить къ произведенію болѣе яснаго изображенія. Должны представить себѣ, что каждое новое состояніе инструмента *воспроизводится въ милліонъ экземпляровъ* и что каждый изъ нихъ сохраняется, пока не возникнетъ лучшій инструментъ, при чемъ всѣ старые уничтожаются. *Въ живыхъ организмахъ уклоненіе производитъ видоизмѣненія, зарожденіе размножаетъ ихъ до безконечности, а естественный подборъ* выхватываетъ, съ безошибочною точностію, всякое улучшеніе. *Пустъ этотъ процессъ продлится милліоны и билліоны лѣтъ*»... и т. д.—Подобнымъ-же образомъ, по теоріи *Дарвина*, объясняется развитіе и другихъ органовъ чувствъ, равно-какъ и всей нервной системы. По словамъ его, «*психологія пріобрѣла теперь новое основаніе въ необходимости постепеннаго, путемъ естественнаго подбора и наслѣдственной передачи, пріобрѣтенія всякой умственной силы или способности*» [2]). По его теоріи, основные законы бытія вещей суть: «развитіе и воспроизведеніе, необходимо связанная съ воспроизведеніемъ наслѣдственность, измѣнчивость, обусловленная прямымъ или косвеннымъ дѣйствіемъ жизненныхъ условій, а также дѣятельностію и бездѣйствіемъ органовъ, и прогрессія размноженія, которая ведетъ къ борьбѣ за существованіе, а, слѣд., и *къ естественному подбору*, съ которымъ неразрывно расхожденіе признаковъ» и т. д.

Мы не раздѣляемъ убѣжденій *Дарвина* относительно сущности его теоріи. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать дѣйствительными нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ имъ фактовъ и уважительными очевидныхъ изъ нихъ выводовъ. А къ такимъ фактамъ и выводамъ нельзя не отнести, разумѣется, съ осмотрительными ограниченіями, основоположенія его ученія, именно, что: 1) воспроизведеніе и необходимо связанная съ нимъ наслѣдственность есть законъ бытія,—что 2) не-только въ об-

---

[1]) Стр. 153. [2]) Стр. 168.

ласти всякаго органическаго бытія, но и въ кругѣ явленій психическихъ, путемъ наслѣственной передачи пріобрѣтается умственная сила или способность, и что 3) эта сила наслѣдственно передается не въ-видѣ только не формулированной способности къ умственной дѣятельности, но въ-видѣ способности, уже обставленной готовыми, не только основными, но нерѣдко даже развитыми до подробностей, формулами этой дѣятельности, какъ въ животномъ царствѣ, такъ и въ человѣческомъ родѣ.

Такъ, касаясь умственныхъ способностей животныхъ, *Дарвинъ* подъ именемъ *инстинкта* разумѣетъ «дѣйствіе, которое совершается животнымъ, въ-особенности молодымъ, *безъ всякаго предварительнаго опыта*, и притомъ совершается многими особями *безъ всякаго знанія его цѣли* [1])! Метафизики сравнивали инстинктъ съ привычкою. Это сравненіе, по мнѣнію *Дарвина*, даетъ очень вѣрное понятіе объ умственномъ настроеніи, въ которомъ совершаются инстинктивныя дѣйствія. Если предположимъ, что привычка передалась *наслѣдственно*, — *а можно доказать, что это случается*, — тогда сходство между инстинктомъ и тѣмъ, что первоначально было привычкою, станетъ столь близкимъ, что провести раздѣляющую черту невозможно. Но мы впали бы въ значительное заблужденіе, предположивъ, что большая часть инстинктовъ пріобрѣтена въ-видѣ привычекъ, въ-теченіи одного поколѣнія, и затѣмъ передалась наслѣдственно поколѣніямъ послѣдующимъ [2]). Никакой сложный инстинктъ не можетъ сложиться, путемъ естественнаго подбора, иначе, какъ чрезъ *медленное и постепенное накопленіе* многочисленныхъ, легкихъ, но полезныхъ, уклоненій». *Дарвинъ* приводитъ [3]) «множество любопытныхъ и достовѣрныхъ примѣровъ *наслѣдственности всѣхъ оттѣнковъ въ нравѣ и вкусахъ, а также самыхъ странныхъ повадокъ*. Молодыми животными, по наблюденію *Дарвина*, инстинктивныя дѣйствія совершаются [4]) *безъ всякаго предварительнаго опыта* и почти одинаково каждою особью, — совершаются каждою породою охотно, безъ всякаго понятія объ ихъ цѣли». Въ подтвержденіе этого *Дарвинъ* проводитъ множество примѣровъ. «Молодой терьеръ (особенная порода собаки), — пишетъ онъ, — также мало можетъ знать, что онъ помогаетъ своему хозяину, дѣлая стойку, какъ и бѣлая бабочка, почему она кладетъ яйца на капусту. Волки одной породы, еще молодые и не пріученые, останавливаются какъ вкопан-

---

[1]) Стр. 169. [2]) Стр. 172. [3]) 386. [4]) Стр. 173.

ные, почуявъ добычу, а затѣмъ медленно ползутъ впередъ съ особыми ухватками; а волки другой породы обѣгаютъ стадо. Никто бы никогда не вздумалъ, да и не смогъ бы, выучить турмана (особенная порода голубя) кувыркаться,—дѣйствіе, которое совершается и молодыми птицами, отъ-роду не видавшими кувыркающагося голубя [1]). Молодые цыплята утратили совершенно, въ-силу наслѣдственной привычки, тотъ страхъ собакъ и кошекъ, который первоначально, безъ сомнѣнія, былъ въ нихъ инстинктивенъ, точно также, какъ онъ, очевидно, инстинктивенъ въ молодыхъ фазанахъ, хотябы выспѣвшихъ курицею. Можно заключить, что инстинкты домашнихъ животныхъ сложились отчасти по упаслѣдованной привычкѣ, отчасти чрезъ подборъ и накопленіе человѣкомъ, въ-теченіи многихъ послѣдовательныхъ поколѣній, особаго умственнаго склада и повадокъ». Есть инстинкты и у человѣка, хотя «у человѣка,» — по словамъ *Дарвина* [2]),— «инстинктовъ менѣе, чѣмъ у ближайшихъ къ нему животныхъ [3]). Многіе изъ простѣйшихъ инстинктовъ граничатъ съ рефлективными движеніями и съ трудомъ могутъ быть отдѣлены отъ нихъ, наприм., сосаніе дѣтей; болѣе же сложные инстинкты зараждаются, кажется, независимо отъ ума. Касательно [4]) наслѣдственной передачи умственныхъ качествъ мы имѣемъ множество примѣровъ между собаками, лошадьми и другими животными: несомнѣнно, переда̀ются между ними понятливость, храбрость, добрый и дурный нравъ, и т. д. У людей мы видимъ подобные-же факты почти въ каждомъ семействѣ; даже геніальность, которая есть не иное что, какъ богатое сочетаніе *высшихъ способностей, способна передаваться потомству,—а съ другой стороны, достовѣрно, что бываютъ наслѣдственны въ семействахъ безуміе и различныя помраченія умственныхъ способостей.* И, очевидно, такое измѣненіе способностей находится въ-зависимости отъ условій, которымъ видъ, или родъ, подвергался въ-продолженіи нѣсколькихъ поколѣній».

---

[1]) Стр. 174. [2]) Происхожденіе человѣка, соч. *Дарвина*, перев. *Благосвѣтлова*, Спб. 1871 г. [3]) Стр. 44. [4]) Стр. 155.

ГЛАВА XXVI.

Прирожденность или, что тоже, наслѣдственная передача между людьми не-только инстинктивныхъ знаній, но и умственнаго склада, полнѣе, шире и ближе къ здравой психологіи раскрывается въ Физіологіи человѣка Д. В. Дрэпера.

«Нѣтъ сомнѣнія», разсуждаетъ въ своей Физіологіи человѣка *Д. В. Дрэперъ* [1]), «что оба родителя принимаютъ участіе въ сообщеніи своему ребенку тѣхъ, или другихъ, отличительныхъ качествъ [2]). Это вліяніе .родителей проявляется въ сообщеніи ребенку *и болѣе утонченныхъ, свойственныхъ имъ, особенностей*, производя сходство въ походкѣ, фигурѣ, тѣлодвиженіяхъ и даже *въ умственныхъ качествахъ* и фамильныхъ чертахъ,—сходство, которое встрѣчается намъ ежедневно. Отпечатокъ вліянія родителей гораздо болѣе глубокъ, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго раза. Это доказывается и тѣмъ фактомъ, что въ третьемъ поколѣніи проявляются такія особенности, которыя принадлежатъ прародителямъ, хотя во второмъ и не встрѣчаются. Мы замѣчаемъ тѣсную *связь умственныхъ способностей* [3]) *съ тою, или другою степенью тѣлеснаго развитія*. Нужна очень небольшая опытность, чтобы, съ перваго взгляда, отличить человѣка умнаго отъ глупаго и опредѣлить самые незначительные оттѣнки характера, по выраженію лица. Мы постоянно обращаемся къ началамъ френологіи и физіогномики и составляемъ заключенія о характерѣ человѣка, по выраженію глазъ, по очертанію всей фигуры, по внѣшнему виду головы. Въ-теченіи процесса *умственнаго развитія человѣка* [4]), въ немъ постепенно возникаютъ различныя *убѣжденія и вѣрованія, которыя часто приписываются воспитанію и преданію, дошедшему до человѣка отъ его родителей, но истинное начало которыхъ, безъ сомнѣнія, должно искать въ человѣческой организаціи. Тѣ общія идеи, которыя распространены по цѣлому свѣту, между всѣми человѣческими племенами*,—каковъ бы ни былъ климатъ, въ которомъ живутъ люди, каковы бы ни были ихъ соціальное положеніе или религіозныя мнѣнія,—*идеи о добрѣ и злѣ, о добродѣтели, о дѣйствительности раскаянія и молитвы, о наградахъ и наказаніяхъ въ загробной жизни*,—такія идеи, одинаково существующія во всѣхъ вѣка и во всякой странѣ, *составляютъ слѣдствіе самыхъ свойствъ нашей мозговой организаціи*. Такъ, напримѣръ, противъ ученія [5]) объ уничтоженіи души всегда возставалъ весь родъ человѣческій, и если *подобныя всеобщія впечатлѣнія происходятъ болѣе отъ физической организаціи человѣка*, чѣмъ путемъ преданія, то не будетъ несправедливо сказать, что *ученіе о смерти души несовмѣстно съ самой организаціей человѣка*. Каково бы ни было соціальное положеніе человѣка,—варварское, или цивилизованное,—каковы бы ни были образъ жизни,

---

[1]) Переводъ подъ редак. *Дедюлина*, Спб. 1868.
[2]) Ч. III стр. 147. [3]) 163. [4]) 166. [5]) 147.

форма религіи, наконецъ, климатъ,—признаніе посмертнаго существованія души столь всеобще, что *оно можетъ быть названо однимъ изъ органическихъ догматовъ нашей природы.* Мы можемъ утвердительно сказать, что умъ человѣческій должно много пріучать, обольщать и принуждать для того, чтобъ онъ усвоилъ себѣ противоположное воззрѣніе; но и тогда сомнительно, чтобъ оно удержалось налолго. Нельзя не признать здраваго [1]) основанія въ заключеніи, къ которому родъ человѣческій пришелъ *путемъ простаго инстинктивнаго впечатлѣнія.* Для вѣрованія въ существованіе безсмертнаго духа мы [2]) имѣемъ тоже самое основаніе, какое и для убѣжденія въ существованіи внѣшняго міра. Оба эти явленія принадлежатъ къ одному порядку. Что видимый міръ будетъ существовать, какъ и существовалъ, независимо отъ насъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся».

Посвятивъ много страницъ разсужденію о томъ, что вліяніе внѣшнихъ физическихъ агентовъ [3]) дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на характеръ людей, даже на развитіе анатомическихъ особенностей у разныхъ народовъ [4]), *Дрэперъ* затѣмъ доказываетъ, что самыя «*умственныя особенности народовъ происходятъ въ-сущности отъ особенностей анатомическихъ*». Нѣтъ сомнѣнія»,—утверждаетъ онъ,—«что интеллектуальныя качества проявляются въ выраженіи лица и вмѣстительности черепа. Нельзя читать исторію Европы и Азіи, нельзя разсматривать настоящее положеніе этихъ материковъ, не придя къ заключенію [5]), что народы, населяющіе ихъ, обладаютъ различными складами ума. Дѣйствія человѣка имѣютъ такую *связь съ его организаціей, что всеобщую исторію можно признать только главою физіологіи. Признано всѣми,* что между тѣлеснымъ развитіемъ и историческою жизнію существуетъ связь,—что какъ тѣ расы, которыя шли впереди по пути цивилизаціи, такъ и тѣ, которыя остаются еще въ дикомъ состояніи, характеризуются рѣзкими анатомическими особенностями, касающимися преимущественно величины и степени развитія ихъ мозговыхъ полушарій. Такіе общіе выводы подтверждаются наблюденіями и надъ животными породами. Животный инстинктъ есть способность, которая не можетъ развиваться [6]) и которою, однакожъ, обладаетъ каждый индивидуумъ *не вслѣдствіе опыта и подражанія. Строеніе, отправленіе организма и теченіе исторической жизни неразрывно между собою связаны.* Перемѣнѣ въ жизненныхъ привычкахъ у животныхъ всегда предшествуетъ перемѣна въ нервной системѣ [7]). Прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ сопровождался абсолютной физіологической перемѣной въ ея обитателяхъ» [8]). Въ тоже время, *Дрэперъ* утверждаетъ, что «человѣкъ вездѣ сформированъ по одному и томуже существенному типу, и потому, съ одной стороны, онъ дѣйствуетъ по неизмѣннымъ правиламъ; но этотъ типъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, переходитъ много различныхъ формъ, *и потому*, съ другой стороны, *человѣкъ проявляетъ различія въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ*». *Дрэперъ* многими соображеніями доказываетъ, что «умственныя способности человѣка измѣняются съ формой и величиной его мозга. Видоизмѣненія физическихъ обстоятельствъ должны соотвѣтственно видоизмѣнять *и умственныя наши операціи, образъ нашего мышленія и нашего дѣйствія.*

---

[1]) 177. [2]) 178. [3]) 209. [4]) 252. [5]) 253. [6]) 274. [7]) 282. [8]) 286.

Эти обстоятельства [1]) имѣли видимое значеніе относительно образованія спеціально мозговой и, слѣд., умственной организаціи у цѣлыхъ расъ и націй, въ-теченіи многихъ поколѣній. При этомъ не должно, однакожъ, забывать, что существуетъ *общій принципъ, вездѣ служащій подкладкою разнообразныхъ человѣческихъ стремленій и рѣшеній,—принципъ, отъ котораго никто не можетъ освободиться.* Его можно различить въ глубинѣ даже самыхъ несходныхъ между собою дѣйствій, подобно тому, какъ мы можемъ открыть основной типъ нашей организаціи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Такъ-какъ, *вслѣдствіе сходства въ устройствѣ мозговаго аппарата, дѣйствія людей представляютъ однообразіе,* когда совершаются подъ вліяніемъ одинаковыхъ причинъ или побужденій,—то существуетъ сходство между такими дѣйствіями не-только у различныхъ лицъ, но оно замѣчается при сравненіи и націи съ націей, и расы съ расой [2]). *Логика истины вѣчна по тому, что она выражаетъ собою способъ дѣйствія нашего мозговаго аппарата, типъ котораго никогда не измѣняется».*

Такія заявленія физіолога *Дрэпера* о зависимости инстинктовъ, склонностей и даже основныхъ убѣжденій человѣка отъ организаціи, передаваемой по наслѣдству, сколько ясны, столькоже и рѣшительны. За-тѣмъ прослѣдимъ *взгляды на тотъ-же епредметъ Льюиса,* который принадлежитъ на-столькоже къ числу физіологовъ, на-сколько и философовъ, защищая въ философіи крайнія ультра-позитивныя, или, лучше сказать, ультра-эмпирическія воззрѣнія.

«Мозгъ вообще считается единственнымъ органомъ души», пишетъ *Льюисъ* [3]), «единственнымъ центромъ ощущенія и мышленія,—что не вполнѣ основательно. Между-тѣмъ чувствительность [4]) есть свойство, присущее узловой системѣ нервовъ, вообще есть сила, принадлежащая всѣмъ нервнымъ центрамъ, какъ нервность принадлежитъ всѣмъ нервамъ. Чувствилищу или мѣсту чувствительности мы даемъ такое-же большое [5]) пространство, какъ нервнымъ центрамъ. Душа не ограничивается недѣлимою точкою, но *присутствуетъ* [6]), въ одно и тоже время, *во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нервы берутъ свое начало, т. е. въ большей части головнаго и спиннаго мозга.* Всѣ нервные центры одарены чувствительностію [7]). Чувства сами не чувствуютъ, потому-что не замѣчаютъ; только *головной мозгъ имѣетъ это преимущество* [8]), потому-что онъ замѣчаетъ. Имѣть ощущеніе и сознавать его—одно и тоже [9]); но имѣть ощущеніе и обратить на него вниманіе—двѣ вещи разныя. Вниманіе есть только направленіе сознанія, но не само сознаніе. Никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ: оно должно разрѣшить свое возбужденіе или во вторичное ощущеніе, или въ импульсъ движенія; большею частію, то и другое появляется вмѣстѣ. Одно чувство возбу-

---

[1]) 288. [2]) 289.

[3]) Физіологія обыденной жизни, *Льюиса,* перев. *Трейтера и Смирнова,* Москва, 1866 г., (Т. II, стр. 40).

[4]) 53. [5]) 69. [6]) 70. [7]) 74. [8]) 78. [9]) 79.

ждаетъ посредствомъ рефлекса другое, одна идея вызывается другою [1]). *Привычки, idées fixes и всѣ такъ-называемыя автоматическія дѣйствія основаны на стремленіи всякаго ощущенія разрѣшиться легчайшимъ путемъ.* Когда мы учимся говорить на какомъ-нибудь новомъ языкѣ, или играть на какомъ-нибудь новомъ иструментѣ, или производить какія-нибудь непривычныя [2]) движенія, мы чувствуемъ большія затрудненія, потому-что путь, чрезъ который должны проходить ощущенія, еще не проложенъ; но какъ-скоро частое повтореніе проложитъ дорогу, то препятствія устраняются; дѣйствія будутъ тогда такъ машинальны, что будутъ выполнены, если даже духъ нашъ занятъ чѣмъ-нибудь другимъ, и тогда, разъ начатыя, онѣ продолжаются уже сами собою. Этоже самое можно наблюдать и въ области идей: кто-нибудь можетъ сегодня совершенно убѣдиться въ логикѣ противника, а завтра онъ-же будетъ проводить старыя убѣжденія,—его духъ можетъ двигаться только по старому пути. *Сознаніе* [3]), въ общемъ смыслѣ слова, есть общая сумма всѣхъ нашихъ чувствованій, стокъ многихъ потоковъ ощущенія; сознаніе, въ особенномъ смыслѣ, есть только другое названіе чувствительности,—при чемъ нѣкоторые изъ стекающихся потоковъ такъ слабы, что ихъ даже трудно замѣтить, какъ звѣзды при дневномъ свѣтѣ,—а другіе такъ равномѣрны и постоянны, что привлекаютъ наше вниманіе не ранѣе, какъ нарушится этотъ потокъ. Всѣ ощущенія, добытыя какъ внѣшними чувствами, такъ и внутренностями, группируются въ мозгу, соединяются, измѣняются и переработываются, какимъ-то таинственнымъ образомъ, въ идеи [4]). Опыты показали, что *ощущенія возбуждаются въ центрахъ, къ которымъ принадлежатъ нервы чувства; эти центры снова возбуждаютъ чувствительность большаго центра (большаго мозга), съ которымъ они состоятъ въ связи.* Эти *рефлективныя* или вторичныя ощущенія вызываютъ другія ощущенія (рядъ представленій) и рефлективно дѣйствуютъ на органы движенія [5]). Ощущеніе представляетъ исходную точку впечатлѣній и представленій, инстинктовъ и душевныхъ движеній, умственной и нравственной дѣятельности [6]). Писатели, которые не понимаютъ разности между чувствительностью и особливыми ея формами, признаютъ за ощущенія только *ощущенія пяти органовъ* чувствъ, да ощущенія боли [7]). *Но должно помнить, что есть разнаго рода ощущенія, которыя раздѣляются на двѣ, ясно различныя, группы: 1) ощущенія внѣшняго чувства и 2) системныя (внутреннія). Старая философская поговорка, что въ умѣ нѣтъ ничего, что не было бы прежде въ чувствахъ, можетъ быть, не точна вслѣдствіе неточнаго употребленія слова «чувства». Мышленіе можно считать формою мозговой чувствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами специальныхъ чувствъ,—а душевныя движенія разсматриваются, какъ форма мозговой чувствительности, которая опредѣляется соотношеніями съ узлами внутреннихъ ощущеній* [8]). Внутренности суть главнѣйшій источникъ душевныхъ возбужденій также, какъ органы чувства считаются главнѣйшимъ источникомъ представленій. *Весь организмъ есть сложный органъ, который служитъ* [9]) *душѣ подобно внѣшнимъ чувствамъ, т. е. подобно тому, какъ органы пяти чувствъ*

---

[1]) 82. [2]) 83. [3]) 91, [4]) 113. [5]) Стр. 123. [6]) Стр. 128—129. [7]) Стр. 97. [8]) Стр. 130. [9]) Стр. 149.

служатъ для доставленія идей, такъ и организмъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служитъ для развитія извѣстныхъ состояній души.

Вмѣстѣ съ *Кабанисомъ* и *Льюисъ* учитъ, что «произвольныя [1]) движенія существуютъ уже у зародыша прежде, чѣмъ возможно представленіе о томъ, что совершается вслѣдствіе произвольнаго движенія. Зародышъ двигаетъ свои члены не для достиженія какой-нибуть цѣли, но по тому, что можетъ ихъ двигать. *Свѣдѣнія* о перемѣнахъ положенія, вызываемыхъ извѣстными движеніями, *пріобрѣтаются мало-по-малу, чрезъ посредство самыхъ-же движеній. Чрезъ это происходитъ соединеніе извѣстныхъ ощущеній съ извѣстными движеніями въ темномъ сознаніи.* Въ чувствилищѣ [2]) новорожденнаго дитяти есть побужденіе къ сосанію; дитя начинаетъ сосать, когда сосокъ кладется между губами. Это, можетъ быть, совершается вслѣдствіе рефлективной дѣятельности; но что дитя продолжаетъ сосать, пока чувствуетъ ощущеніе голода, и перестаетъ только тогда, когда ощущеніе исчезло, это уже дѣйствіе произвольное. По всей животной жизни, начиная съ самой низшей ступени ощущающихъ существъ, проводится это свойство сознательности и дѣйствуетъ какъ средство упрочить свое существованіе.

«Чувствительность [3]) есть общее свойство всякаго животнаго организма. Это общее свойство спеціализируется по мѣрѣ того, какъ обособляется и осложняется въ своемъ строеніи самъ организмъ. Моллюскъ чувствуетъ; но очень сомнительно, чувствуетъ ли онъ боль; еще сомнительнѣе, чувстуетъ ли онъ щекотанье. Его чувство зрѣнія, вѣроятно, недалеко ушло отъ простаго различенія свѣта отъ темноты; его чувство слуха, вѣроятно, не слишкомъ выше способности ощущать колебанія воздуха. Да и между людьми есть многіе, которые не могутъ отличить красный цвѣтъ отъ голубаго; другіе не могутъ явственно различать запахъ и вкусъ; иные едва могутъ прослѣдить мелодію; одни чрезвычайно щекотливы, другіе нисколько; многіе крайне чувствительны къ боли, другіе очень мало.

«*Не легко точно отвѣтить на вопросъ: сколько у насъ чувствъ?* Всмотрѣвшись въ дѣло, убѣждаемся, что число *пять* для чувствъ или слишкомъ мало, или слишкомъ велико: одинъ и тотъ-же органъ представляетъ большое различіе ощущеній, если на него дѣйствуютъ разнородные стимулы. Если мы спросимъ: сколько имѣемъ мы различныхъ, спеціальныхъ ощущеній?,—то отвѣтъ будетъ, что ихъ *не пять*, а, вѣроятно, *пять дюжинъ* [4]). Каждый знаетъ, что мы чувствуемъ впечатлѣніе въ чувствилищѣ, которому передаетъ это впечатлѣніе нервъ; тѣмъ не менѣе, мы относимъ это впечатлѣніе къ опредѣленному мѣсту на кожѣ [5]). Ощущенія, которыя фактически чувстеуются въ центрѣ, непремѣнно относятся къ поверхности. Дитя учится локализировать впечатлѣнія [6]). Ощущенія *нашихъ внутренностей* отдѣляются отъ нервныхъ центровъ и представляются внѣшними для чувствующаго организма. Когда мы прижмемъ зрительный нервъ, то является лучъ свѣта *предъ* глазомъ; если прижмемъ слуховой нервъ, то слышимъ звуки *извнѣ*; пацiентъ постоянно чувствуетъ ощущенія *въ пальцахъ отнятой руки, или ноги.* Для объясненія такихъ явленій, *вмѣсто всякой анатомической причины, здѣсь нужно искать причину психологическую* [7]). Хотя то [8]) *объективное нѣчто*, что мы назы-

---

[1]) Стр. 199. [2]) Стр. 200. [3]) Стр. 259. [4]) Стр. 233. [5]) Стр. 268. [6]) Стр. 270. Стр. 505. [7]) Стр. 293. [8]) Стр. 296.

ваемъ *свѣтомъ*, касается всей поверхности тѣла и производитъ въ ней, у многихъ животныхъ, очень замѣтные признаки чувствительности, однакожъ оно только въ сѣтчатой оболочкѣ глаза можетъ возбудить то *специфическое ощущеніе*, которое мы называемъ *зрѣніемъ*. Впрочемъ, и эти изображенія на сѣтчатой оболочкѣ *не могутъ передаваться душѣ какъ изображенія: передается ощущеніе, а не изображеніе.* Происхожденіе изображенія на сѣтчатой оболочкѣ [1]) есть предшественникъ ощущенія зрѣнія, между-тѣмъ само изображеніе не передается головному мозгу; окисленіе летучаго вещества предшествуетъ ощущенію обоянія,— но это окисленіе не передается головному мозгу; разрушеніе ткани, предшествующее ощущенію жженія, не передается мозгу: во всѣхъ этихъ случаяхъ передается только возбужденное ощущеніе. Первоначальное [2]) дѣйствіе лучей солнца на черный пигментъ состоитъ въ томъ, чтобы возвысить его температуру до такой степени, которая находилась бы въ соотвѣтственномъ отношеніи къ ихъ напряженности и цвѣту; этимъ мѣстнымъ нарушеніемъ температуры начинается актъ зрѣнія. Мы не можемъ [3]) полагать, что видимъ самые предметы; наши ощущенія зрѣнія суть просто возбужденныя состоянія нашего чувствующаго организма. Почему двумя глазами, направленными на одинъ предметъ, мы видимъ только одно изображеніе, а не два? Если у насъ два глаза и не двойное зрѣніе, то у насъ также два уха и двѣ ноздри, а все-же одинъ [4]) слухъ и одно обоняніе. Достаточно простой ссылки на такіе факты, чтобы *оставить въ-сторонѣ всѣ анатомическія и оптическія объясненія; причина должна быть здѣсь психологическая* и притомъ общая всѣмъ чувствамъ. Также психологическій, а не оптическій, вопросъ: почему предметы не представляются нашему зрѣнію [5]) въ обратномъ видѣ, когда изображеніе предмета на сѣтчатой оболочкѣ получается въ обратномъ видѣ? Къ тому-же роду явленій [6]) относится и то, что нѣкоторые люди оказываются совершенно *неспособными отличить красный цвѣтъ отъ зеленаго, или чернаго, когда предметы этихъ трехъ цвѣтовъ положены рядомъ.* На каждые 18 человѣкъ приходится по одному, болѣе или менѣе страдающему этою цвѣтовою слѣпотою; а нѣкоторые неспособны къ воспріятію извѣстныхъ звуковъ. Какая разница между музыкальнымъ и немузыкальнымъ ухомъ? Немузыкальное ухо почти неспособно [7]) различать два звука, разнящіеся между собою только въ высотѣ: крикъ летучей мыши такъ высокъ и рѣзокъ, что для многихъ особъ не слышенъ и лежитъ внѣ ихъ звуковыхъ предѣловъ; нижайшій тонъ, слышный еще человѣческому уху, тотъ, при которомъ дѣлаются 32 колебанія въ секунду; высшій слышный тонъ тотъ, при которомъ совершается 48000 колебаній въ секунду.

«Физіологи и психологи странно пренебрегали обширнымъ классомъ ощущеній *системнаго сознанія* [8]), *говоря о душѣ, какъ о простомъ результатѣ дѣятельности пяти чувствъ.* Самый поразительный примѣръ этого можно видѣть въ пресловутой статуѣ *Кондильяка*, которая одаряется пятью чувствами послѣдовательно, при чемъ съ каждымъ чувствомъ постепенно развивается болѣе и болѣе совершенная душа. Въ этой уродливой гипотетической статуѣ представлено только наглядное развитіе понятія, что душа есть комбинація пяти чувствъ.

---

[1]) Стр. 300. [2]) Стр. 301. [3]) 305. [4]) 306. [5]) 307. [6]) 261. [7]) 309.

Но душа есть психическая сторона жизни и на-столько-же сумма всего чувствующаго организма, на-сколько жизнь есть сумма всего живаго организма. *Никто не имѣетъ права отвергнуть тотъ фактъ, что кромѣ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство пяти чувствъ, существуетъ еще обширный классъ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство мускуловъ и внутренностей, ощущеній не менѣе специфичныхъ, не менѣе важныхъ, чѣмъ ощущенія глаза, или уха. Это возможно доказать и притомъ съ такою строгою точностію, какъ существованіе зрѣнія и вкуса.*

Наконецъ, по словамъ *Льюиса*, «физіологія говоритъ намъ [1]), что потомокъ, всегда и необходимо, наслѣдуетъ свою организацію отъ родителей; а если организація передается наслѣдственно, то съ ней должны переходить и ея способности и наклонности. Даже самыя легкія особенности передаются наслѣдственно [2]). Мы знаемъ весьма частые примѣры наслѣдственности *пьянства, или страсти къ игрѣ* [3]). Наклонности къ извѣстнымъ порокамъ, переходя наслѣдственно, проявляются даже въ тѣхъ случахъ, когда ранняя смерть родителей, или отдаленіе отъ нихъ дѣтей, въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ, не допускаютъ предположенія, что эти наклонности привились къ дѣтямъ воспитаніемъ, или вслѣдствіе подражанія родителямъ. Что наклонность къ воровству передается, вмѣстѣ съ организаціей, отъ отца къ сыну, въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, это фактъ. Убійство, какъ и таланты, могутъ быть также ствойственны цѣлымъ семействамъ. Всякому также извѣстно, что предрасположеніе къ сумасшествію и нервнымъ болѣзнямъ передается наслѣдственно [4]). Все, сказанное о наслѣдственности цѣлой организаціи, можетъ быть одинаково приложено и къ отдѣльнымъ ея частямъ, каковы: *нервная система, система питанія* и т. п. [5]). Оба родителя передаютъ свои организаціи, и вліяніе одного изъ нихъ измѣняетъ вліяніе другаго. Поразителенъ примѣръ семейства *Баховъ*, въ которомъ музыкальныя способности были болѣе или менѣе распредѣлены между *тремя стами Баховъ*, сыновьями весьма разнохарактерныхъ матерей. На-основаніи подобныхъ фактовъ, *Льюисъ* выводитъ слѣдующія важныя положенія: *мы наслѣдуемъ отъ нашихъ родителей общія формы и черты, общее строеніе костей, мускуловъ и желѣзъ*, при чемъ наслѣдуемое бываетъ смѣсью, или распредѣленіемъ органовъ обоихъ родителей. *Съ наслѣдованіемъ организаціи, къ намъ переходятъ и ея наклонности: мы наслѣдуемъ расположеніе къ золотухѣ, падучей болѣзни и сумасшествію; мы наслѣдуемъ нервную систему точно также, какъ мускульную и костную; а съ нервною системою къ намъ переходятъ и ея общія и частныя свойства, т. е. общая чувствительность системы, форма мозга и чувствительныхъ узловъ. Слѣд., ясно, что всѣ тѣ наклонности, которыя зависятъ отъ нервной системы, также могутъ быть переданы наслѣдственно; могутъ перейти по наслѣдству даже спеціальныя способности, каковы: способность къ музыкѣ, къ математикѣ, остроуміе и т. п. Понятно, что отъ родителей набожныхъ можетъ перейти, по наслѣдству* [6]), *и склонность къ набожности, потому-что обусловливавшая ее особенность организаціи можетъ быть передана ребенку».*

---

[1]) 335. [2]) 337. [3]) 342. [4]) 345. [5]) 355. [6]) 361.

Такимъ образомъ, у *Льюиса*, какъ одного изъ представителей позитивнаго взгляда на вещи, мы получаемъ очень много выводовъ, совершенно совпадающихъ съ тѣмъ, что сказано нами, въ первой части нашего изслѣдованія, о *прирожденности инстинктовъ, понятій и идей*, какъ и вообще о познавательной способности человѣка. Въ-короткѣ эти выводы суть слѣдующіе: 1) душа присутствуетъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нервы берутъ свое начало, т. е. въ большей части головнаго и спиннаго мозга;—ощущенія возбуждаются въ центрахъ, къ которымъ принадлежатъ нервы чувства; эти центры снова возбуждаютъ чувствительность большаго центра, большаго мозга, съ которымъ они состоятъ въ-связи; эти вторичныя рефлективныя ощущенія вызываютъ другія ощущенія (рядъ представленій) и рефлективно дѣйствуютъ на органы движенія. 2) Хотя всѣ нервные центры одарены чувствительностью, какъ всѣ нервы одарены нервностью, однакожъ чувства сами не чувствуютъ, потому-что не замѣчаютъ;—только головной мозгъ имѣетъ это преимущество замѣчать ощущенія.—3) Имѣть ощущеніе и сознавать его—одно и тоже: сознаніе, въ общемъ смыслѣ слова, есть общая сумма всѣхъ нашихъ чувствованій, стокъ многихъ потоковъ ощущенія; въ особенномъ смыслѣ, сознаніе есть только другое названіе чувствительности.—4) Чувствительность есть общее свойство всякаго животнаго организма; всѣ нервные центры одарены чувствительностью; весь организмъ есть сложный органъ, который служитъ душѣ подобно внѣшнимъ чувствамъ; т. е. подобно тому, какъ органы пяти чувствъ служатъ для доставленія идей, такъ и весь организмъ, при извѣстныхъ условіяхъ, служитъ для развитія извѣстныхъ состояній души.—5) Это общее свойство чувствительности всякаго животнаго организма спеціализируется по мѣрѣ того, какъ обособляется и осложняется въ своемъ строеніи самый организмъ, такъ-что лѣстница животныхъ организмовъ, отъ низшаго до высшаго, представляетъ постепенную градацію развитія чувствъ.—6) Не легко отвѣтить на вопросъ, сколько чувствъ у человѣка; одинъ и тотъ-же органъ представляетъ большое различіе ощущеній, если на него дѣйствуютъ разнородные стимулы; спеціальныхъ ощущеній мы имѣемъ не пять, но гораздо больше.—7) Разнаго рода ощущенія раздѣляются, однакожъ, на двѣ, ясно различаемыя группы: ощущенія внѣшняго чувства и системныя—внутреннія; старая философская поговорка, что *въ умѣ нѣтъ ничего, что не было бы прежде въ чувствахъ*, можетъ быть не

точна, вслѣдствіе неточнаго употребленія слова «чувства»; физіологи и психологи странно пренебрегали обширнымъ классомъ ощущеній системнаго сознанія, говоря о душѣ, какъ о простомъ результатѣ дѣятельности пяти чувствъ; никто не имѣетъ права отвергать тотъ фактъ, что, кромѣ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство пяти чувствъ, существуетъ еще обширный классъ ощущеній, получаемыхъ нами чрезъ посредство мускуловъ и внутренностей, ощущеній не менѣе специфичныхъ, не менѣе важныхъ, чѣмъ ощущенія глаза, или уха.—8) Внутренности суть главнѣйшій источникъ душевныхъ возбужденій для развитія извѣстныхъ состояній души, подобно тому, какъ органы пяти чувствъ служатъ для доставленія идей и представленій. Впрочемъ, всѣ ощущенія, добытыя какъ внѣшними чувствами, такъ и внутренними, группируются въ мозгу, соединяются, измѣняются и переработываются, какимъ-то таинственнымъ образомъ, въ идеи,—такъ-что мышленіе можно считать формою мозговой чувствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами специальныхъ чувствъ, а душевныя движенія суть формы мозговой чувствительности, опредѣляемыя соотношеніями съ узлами внутренностныхъ нервовъ.—9) Самыя внѣшнія чувства больше суть внутреннія, чѣмъ внѣшнія, потому-что чувства сами не чувствуютъ; ощущенія возбуждаются въ центрахъ;—мы чувствуемъ впечатлѣніе въ чувствилищѣ, которому передаетъ это впечатлѣніе возбуждающій нервъ.—10) То, что мы относимъ собственно внутреннее впечатлѣніе къ опредѣленному мѣсту на кожѣ, локализируемъ ощущеніе,—что внутреннія ощущенія, отдѣляясь отъ нервныхъ центровъ, представляются внѣшними для чувствующаго организма,—что душѣ и головному мозгу передается только специфическое ощущеніе, а не изображеніе предмета въ глазу, не окисленіе летучаго вещества въ обоняніи, не дрожаніе воздушной волны въ звукѣ и т. п.,—что, при двухъ глазахъ, ушахъ, ноздряхъ, у насъ не двойные—зрѣніе, слухъ и обоняніе,—всему этому должно искать причину психологическую, оставивъ всякія объясненія анатомическія, оптическія, акустическія и т. п.—11) Никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ, разрѣшая свое возбужденіе или во вторичное ощущеніе, или въ импульсъ движенія; одно чувство возбуждаетъ посредствомъ рефлекса другое, одна идея вызываетъ другую.—12) Привычки, idées fixes и всѣ такъ-называемыя автоматическія дѣйствія основаны на стремленіи всякаго ощущенія разрѣшиться легчайшимъ путемъ. — 13) Зародышъ, уже во чревѣ

матери, получаетъ множество ощущеній, дѣлаетъ произвольныя движенія и комбинируетъ извѣстныя ощущенія съ извѣстными движеніями въ темномъ сознаніи.—Наконецъ 14), по свидѣтельству физіологіи, потомокъ всегда и необходимо наслѣдуетъ свою организацію отъ родителей; съ унаслѣдованіемъ же организаціи, мы наслѣдуемъ и ея наклонности, наслѣдуемъ нервную систему, а съ нею къ намъ переходятъ и ея какъ общія, такъ даже и частныя свойства, общая чувствительность системы, форма мозга и чувствительность узловъ,—слѣдовательно, всѣ тѣ наклонности, которыя зависятъ отъ нервной системы, даже спеціальныя способности, каковы: способность къ музыкѣ, математикѣ, остроумію, набожности и т. п.,—все это можетъ быть передано наслѣдственно.

ГЛАВА XXVII.

Физіологія не оставляетъ, такимъ образомъ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ рождается на свѣтъ съ наслѣдованнымъ отъ родителей организмомъ, съ наслѣдственною нервною системою, съ прирожденнымъ, въ извѣстную сторону направленнымъ, чувствилищемъ, съ готовымъ снарядомъ душевныхъ, умственныхъ и нравственныхъ, способностей и склонностей, иначе сказать,—*съ прирожденными формами душевной дѣятельности*, съ обильнымъ запасомъ ощущеній, накопившихся уже въ зародышѣ, во чревѣ матернемъ, съ зерномъ сознанія, которое уже тамъ проявило первую стадію своего развитія и пустило, въ опредѣленныхъ законами природы формахъ, свой ростокъ.

Это—безмѣрно странное явленіе, что въ наше время не-только западно-европейскіе скептики матеріалисты и quasi — позитивисты, но и русскіе философствующіе мыслители, даже воспитанные на доктринахъ богословскихъ, склонны мыслить человѣческую душу, въ первоначальномъ ея происхожденіи, какъ tabulam rasam, на которой впослѣдствіи только опытъ чертитъ уже тѣ или другіе образы,—склонны принимать старинное присловіе: in intellectu nihil fit, quod non ante fuerit in sensu, въ самомъ ригористическомъ его смыслѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ проводить и то убѣжденіе, что въ умѣ нашемъ нѣтъ никакихъ прирожденныхъ εἶδος-овъ, никакихъ вложенныхъ въ душу *идей*

или формъ мышленія, какъбы боясь, или скорѣе стыдясь, говорить о прирожденности даже законовъ мышленія. Это—какое-то интеллектуальное повѣтріе нашего времени, общее мозговое пораженіе, какая-то философская мода, обязывающая почти принудительно, но странная почти столькоже, сколько и другія низшихъ сферъ моды, которыя заставляютъ видѣть удобство, красоту и обязательное приличіе въ обычаяхъ, стремленіяхъ и привязанностяхъ, осуждаемыхъ классическимъ вкусомъ и здравою гигіеною, исторіею, а нерѣдко и моралью, такъ-что мыслящимъ людямъ, во всѣ вѣка, приходилось, какъ и въ нашъ вѣкъ особенно приходится, задаваться вопросомъ: къ чему выдумана, для чего общепринята та или другая житейская безсмыслица, вопреки разсудку и наперекоръ стихіямъ»?! Говоря о прирожденности душѣ нашей законовъ и формъ ея бытія и дѣятельности, можно спорить о томъ, *какъ понимать эту прирожденность*, равнокакъ недоумѣвать и о томъ, *что именно нашей душѣ прирождено*; *но отрицать самую прирожденность невозможно*. Самъ *Д. С. Миллъ* только непослѣдователенъ, когда отрицаетъ прирожденность въ нашей душѣ чего бы то ни было, даже законовъ мышленія; на самомъ же дѣлѣ, эту прирожденность онъ implicite допускаетъ, такъ-какъ обойти, минуть ее, ни подъ какимъ видомъ не возможно. «Ничто не обнаруживается внѣшнимъ чувствомъ»,—пишетъ *Д. С. Миллъ* [1]),—«помимо ощущеній; эти ощущенія связаны *нѣкоторымъ законом*ъ». Спрашивается: гдѣ же лежитъ этотъ законъ? *Д. С. Миллъ* отвѣчаетъ: «этотъ связывающій законъ составляетъ *часть порядка, установленнаго во вселенной*». Значитъ ли это, что этотъ законъ лежитъ во внѣшней природѣ? Здравый общечеловѣческій смыслъ отвѣчаетъ: *да*, этотъ законъ начертанъ въ природѣ внѣшней, какъ и въ природѣ человѣческаго духа; но, по теоріи *Д. С. Милля*, должно выходить, что этотъ законъ долженъ быть только *въ природѣ духа*, такъ-какъ о бытіи природы и законахъ ея, внѣ нашего ощущенія, мы не знаемъ ничего. «Тѣло»,—говоритъ *Д. С. Миллъ*,—«не есть что-либо отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но совокупность ощущеній, соединенныхъ *по опредѣленному закону*». А этотъ законъ гдѣ опять? По теоріи *Милля*, нигдѣ бо.льше, какъ въ природѣ нашего духа.—«Предметы суть не что иное, какъ наши ощущенія и *связывающіе ихъ законы*» [2]). Но гдѣ же, спрашивается, эти законы? По теоріи

---

[1]) Логика, I, 72. [2]) 74.

Милля, нигдѣ больше, какъ въ нашихъ ощущеніяхъ.—«Безопасно признать за очевидную истину, что о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ получаемыхъ нами отъ него ощущеній, связанныхъ *извѣстнымъ закономъ*: это зависитъ *отъ природы и законовъ непосредственнаго знанія*» [1]); въ этихъ словахъ уже ясно и буквально допускаются *Миллемъ природные законы непосредственнаго знанія*. Въ своемъ *обзорѣ философіи С. В. Гамильтона*, *Д. С. Миллъ* устанавливаетъ *критерій истины* [2]), говоритъ о законахъ психологіи, провозглашаетъ неоспоримыми «психологическія истины, что человѣческій духъ способенъ къ ожиданію» [3]),—иначе сказать, что въ человѣческомъ духѣ лежитъ этотъ *законъ ожиданія*, равно-какъ въ немъ-же начертаны и *законы ассоціаціи или содружества идей*, которые кладутся въ основу всей нашей умственной дѣятельности; такъ-какъ состоявшіяся на-основаніи этихъ законовъ «содружества идей порождаются порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній, то ощущенія естественно и даже необходимо и неизбѣжно порождаютъ довѣріе къ внѣшнему міру [4])». Въ своей Логикѣ, *Д. С. Миллъ* пространно разсуждаетъ о законахъ природы, которые, по его теоріи, всѣ суть не иное что, какъ прирожденные законы нашего духа.—«Предложеніе: что порядокъ природы однообразенъ», — пишетъ *Д. С. Миллъ* въ Логикѣ [5]),— «составляетъ основной законъ, или общую аксіому»; а единообразіями бытія природы образовались единообразія умственной дѣятельности нашего духа. Если же на вопросъ: «въ чемъ состоитъ основаніе нашей вѣры въ аксіомы», *Д. С. Миллъ* отвѣчаетъ: «*онъ—истины опытныя, обобщенія изъ наблюденія*» [6]), — и затѣмъ продолжаетъ разъяснять свою мысль соображеніями, подобными нижеслѣдующему, что «предложеніе: *двѣ прямыя линіи, встрѣтившіяся однажды, уже не могутъ вновь встрѣтиться*,—предложеніе это есть наведеніе изъ свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ»,—что «если, кромѣ представляемаго наблюденіемъ, мы не найдемъ какого-либо иного доказательства такой невозможности, то у насъ уже *не будетъ никакого основанія вѣрить этой аксіомѣ*», такъ-какъ «непосредственно за послѣднею точкою, до которой мы прослѣдили двѣ встрѣтившіяся, и расходящіяся прямыя линіи, *онѣ могутъ начать сближаться и, наконецъ, встрѣтиться*» [7]),—что «*всѣ числа должны быть числами чего-либо: такихъ вещей, какъ отвлеченныя числа, не существуетъ*» [8]),

---

[1]) 77—78. [2]) 120. [3]) 180 [4]) 182. [5]) Ч. I. 357. [6]) Логика Ч. I, стр. 275. [7]) 278. [8]) 302.

—то, прочитавъ цѣлые томы пера *Д. С. Милля*, наполненные подобными соображеніями его головы, только изумляешься тому, что подобнаго писателя могли признать не-только серьезнымъ мыслителемъ, но и главою философской школы, и даже больше того,—модньшъ вождемъ философскихъ воззрѣній вѣка. А между-тѣмъ и самъ онъ, повидимому, не желаетъ, чтобы мы придавали серьезное значеніе его словамъ, по крайней мѣрѣ, самъ онъ не придаетъ серьезности вышеприведеннымъ своимъ словамъ, что и видно изъ слѣдующихъ, сряду тамъже, строкъ, начертанныхъ егоже собственною рукою: «но хотя числа должны быть числа,—должны быть числами чего-либо, однакожъ, онѣ могутъ быть числами всего; поэтому предложенія относительно чиселъ представляютъ ту *замѣчательную особенность, что* онѣ суть *предложенія относительно всѣхъ, какихъ бы то ни было, вещей, относительно всѣхъ предметовъ, относительно всѣхъ бытій*, какого бы то ни было рода»... Ну и оставиться бы здѣсь,—тогда и было бы вѣрно; нѣтъ, онъ и здѣсь искажаетъ совершенно вѣрную мысль, прибавляя:.. «относительно всѣхъ бытій, какого бы то ни было рода, *извѣстныхъ намъ изъ опыта*». Но развѣ числа не могутъ относиться къ бытіямъ *неизвѣстнымъ намъ изъ опыта*, къ произведеніямъ фантазіи, или къ отвлеченіямъ разсудка? Развѣ нельзя сказать: *одна* бука, *двѣ* буки *три* буки,—*одно* небытіе, *два* небытія, *три* небытія, или *одинъ* нуль, *два* нуля, *три* нуля?.. На стр. 316, онъ пишетъ: «*я утверждаю, что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ всеобщаго признака истины*», т. е. что опытъ не можетъ доставить намъ сужденій категорическихъ, безусловно-всеобщихъ, безусловно-отрицающихъ всякое исключеніе; а на 373 стр. онъ опровергаетъ свою мысль словами: «о нѣкоторыхъ единообразіяхъ, существующихъ въ природѣ, *удостовѣрились*, что, въ мѣрѣ достовѣрности, требуемой всѣми человѣческими цѣлями, онѣ могутъ быть признаны *совершенно достовѣрными и вполнѣ всеобщими*» (какъ же удостовѣрились? Не иначе, какъ посредствомъ опыта? Значитъ, опытъ можетъ доставлять вполнѣ всеобщія истины?); на стр. же 375 говоритъ: «во всѣ времена, законы чиселъ и геометріи были *типомъ достовѣрности: ихъ неизмѣнность до того совершенна, что дѣлаетъ насъ неспособными даже представить себѣ какое-либо исключеніе изъ этихъ законовъ, и вовлекла философовъ въ ошибочное (какъ я старался показать) признаніе ихъ доказательности, лежащей не въ опытѣ, а въ первобытномъ складѣ нашего ума*». Итакъ, по

словамъ Милля, *безусловная доказательность*, *несомнѣнная всеобщность* даже математическихъ законовъ лежитъ *не въ первобытномъ складѣ нашего ума, а въ опытѣ*, не-смотря на то, что онъ-же самъ «*утверждаетъ, что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ всеобщаго признака истины*», и потому полагаетъ, что «непосредственно за послѣднею точкою, до которой мы прослѣдили двѣ встрѣтившіяся и расходящіяся прямыя линіи, *онѣ могутъ начать сближаться и, наконецъ, встрѣтиться*», т. е. могутъ представить исключеніе изъ математической аксіомы,—«что бы ни говорили намъ наши внѣшнія чувства», — и потому, «кромѣ представляемаго наблюденіемъ, у насъ *нѣтъ никакого основанія вѣрить этой аксіомѣ*». Слѣдовательно, и математическія истины не суть всеобщія истины?!. Если же у насъ есть всеобщія истины, то, очевидно, доказательность ихъ лежитъ не въ опытѣ, а въ первобытномъ складѣ нашего ума, такъ-какъ «единообразіе минувшихъ опытовъ не составляетъ всеобщаго признака истины». А всеобщія истины, безспорно, есть: «единообразія истинныя о всѣхъ, какихъ бы то ни было вещахъ»,—пишетъ *Д. С. Миллъ* [1]),—«именно законы чиселъ и протяженія, да законъ связи причины съ слѣдствіемъ суть, вѣроятно, единственныя, *исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно*». Но, въ тоже самое время, *Д. С. Миллъ* вѣритъ въ возможность исключенія опять даже изъ этихъ всеобщихъ законовъ, «исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно», что видно какъ изъ предыдущихъ его разсужденій, такъ и изъ нижеслѣдующаго соображенія, которое у него, кажется, есть ultima ratio въ доказательствахъ небытія «*прирожденныхъ инстинктивныхъ ассоціацій*. Я убѣжденъ»,—пишетъ *Д. С. Миллъ* [2]),—«что всякому будетъ не трудно представить себѣ, что, напримѣръ, въ одной изъ многихъ звѣздныхъ сферъ *событія могутъ слѣдовать одно за другимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона*» (Сопоставимъ кстати эти слова съ его-же словами на стр. 364: «въ истинности того, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, мы не сомнѣваемся даже относительно области неподвижныхъ звѣздъ»; значитъ, и въ звѣздныхъ сферахъ этотъ законъ безусловенъ и отступленіе отъ него не мыслимо, и, слѣдовательно, событія тамъ не могутъ располагаться случайно, *безъ всякаго опредѣленнаго закона*). «*Ни въ нашей опытности*,

---

[1]) Лог. II, 165—6. [2]) Лог. II, 27.

ни въ нашей духовной природѣ, ничто не представляетъ достаточной, или хотя какой-нибудь, причины вѣрить, чтобъ нигдѣ этого не было», *т. е. чтобъ «событія слѣдовали одно за другимъ случайно, безъ всякаго опредѣленнаго закона.* Предположимъ (и это вполнѣ возможно вообразить), что настоящій порядокъ вселенной окончился и что *наступилъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ опредѣленной послѣдовательности событій* и прошедшее не ручается за будущее. Еслибъ какой-либо человѣкъ чудомъ остался живъ и былъ свидѣтелемъ этой перемѣны, *то, навѣрно, скоро пересталъ бы вѣрить въ какое бы то ни было единообразіе*, такъ-какъ *самое единообразіе перестало бы существовать. Если это будетъ допущено*, то или вѣра въ единообразіе не инстинктъ, или она такой инстинктъ, который, подобно всѣмъ прочимъ инстинктамъ, можетъ быть побѣжденъ пріобрѣтеннымъ знаніемъ»... Что сказать на это?! Противъ такой необузданности мысли, противъ такого хаоса сужденій, сказать нечего... Это болѣзнь, это—слѣпота духа, изображаемая священными словами: «*рече безумень въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ... И аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ», не имутъ вѣры*»... Нечего говорить противъ такой слѣпоты ума тѣмъ болѣе, что онъ-же самъ, *Д. С. Миллъ*, утверждаетъ, какъ краеугольный камень своей системы, что «единообразіе порядка природы составляетъ основной законъ или общую аксіому» мышленія и знанія. Такъ къ чему-же толковать о томъ, что вышло бы, еслибъ эта основная аксіома была ниспровергнута?! Изъ немыслимаго и фактически невозможнаго хаоса вышелъ бы хаосъ, не болѣе,—но никакъ не опредѣленное эмпирическое знаніе, которое, будтобы, ниспровергло бы всѣ основныя аксіомы нашего ума. А такъ-какъ такое дикое хаотическое сочетаніе идей, скажемъ мы въ заключеніе, ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущено, то, значитъ, нужно заключить изъ словъ *Д. С. Милля*, что вѣра въ единообразіе законовъ природы «инстинктивна, прирожденна».

Иное дѣло съ нѣкоторымъ прекословіемъ разсуждать о томъ, *въ какомъ смыслѣ приписывается духу нашему прирожденность чего-либо*, наприм., законовъ и формъ мышленія, или категорій и идей, какъ основъ знанія. Нашъ родной русскій философъ-идеалистъ *В. Н. Карповъ*, въ своей Логикѣ, разсуждаетъ объ этомъ предметѣ такъ: «*откуда законы силы мыслящей?* Гдѣ *скрижаль, на которой они начертаны?* Одни предполагаютъ ее *въ насъ*, другіе *внѣ насъ*. Но предполагать законы мышленія *внѣ насъ* — значитъ допускать,

будто люди по тому только мыслятъ такъ, а не иначе, что мыслить такъ, а не иначе, привыкли подъ вліяніемъ *внѣшнихъ* наставленій, ограниченій и примѣровъ. И тѣ, которые принимаютъ это предложеніе, обыкновенно ссылаются на различіе образовъ мышленія, объ одномъ и томъ-же предметѣ, въ различныхъ человѣческихъ обществахъ. Но въ этомъ случаѣ явно смѣшиваются матерія и форма производимыхъ разсудкомъ сочетаній. Если законы мышленія внѣ насъ, если къ извѣстному сочетанію признаковъ мы ограничиваемся (вынуждаемся) не на какихъ-либо подлежательныхъ (субъективныхъ) нашихъ основаніяхъ, а на на чалахъ внѣшнихъ,—то, конечно, не всѣ люди должны сознавать органичительную (обязательную) силу этихъ началъ, а только тѣ, кому они преподаны. Такъ, говорятъ, и бываетъ: едва лепечущія дѣти и цѣлыя общества дикихъ не имѣютъ никакого понятія о законахъ противорѣчія, достаточнаго основанія и проч.; и это именно служитъ отличительною чертою какъ дѣтства, такъ и дикости. *Но отъ несознаванія законовъ мышленія людьми дикими и дѣтьми заключать къ небытію въ нихъ законныхъ ограниченій мыслить такъ, а не иначе, все равно, что, не видя на лозѣ виноградныхъ кистей, полагать, будто виноградья кисти не развиваются изъ самой лозы органически, а прилепляются къ ней извнѣ».*

Посмотримъ теперь, такъ ли, или иначе, объясняетъ аналогичную прирожденность душевныхъ качествъ біологъ позитивистъ *Спенсеръ*. Въ своихъ «Основаніяхъ Біологіи» [1]), въ статьѣ о наслѣдственности, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «лучшіе примѣры наслѣдованія органическихъ видоизмѣненій, происходящихъ отъ видоизмѣненія отправленій, находимъ мы у человѣка. Никакой иной причинѣ нельзя приписать тѣхъ быстрыхъ превращеній, которымъ подвергаются британскія расы, будучи поставлены въ новыя условія мѣста, климата и т. п. Можно привести и нѣкоторыя спеціальныя видоизмѣненія органовъ, причиненныя спеціальными измѣненіями въ ихъ отправленіяхъ. Всѣми признано, что большія руки у мужчинъ и женщинъ составляютъ наслѣдіе предковъ, которые вели трудовую жизнь. Существуютъ нѣкоторыя доказательства того, что и видоизмѣненія глазъ, причиняемыя особеннаго рода ихъ употребленіемъ, передаются *наслѣдственно*. Близорукость, повидимому, рѣдкое явленіе у деревенскихъ жителей; но она часто встрѣчается въ тѣхъ классахъ народа, которые употребляютъ глаза на

---

[1]) Перев. *Герда*, СПб., 1870 г., т. 1, стр. 180—182.

письмо и чтеніе; и въ этихъ слояхъ общества близорукость бываетъ нерѣдко и прирожденною. Одни *изъ лучшихъ примѣровъ наслѣдственности отправленій представляютъ разныя духовныя особенности человѣческихъ расъ.* Нѣкоторыя изъ способностей, пріобрѣтенныхъ человѣкомъ на пути цивилизаціи, никакъ нельзя истолковать, если не допустить наслѣдственной передачи видоизмѣненій. Такова, напримѣръ, *музыкальная способность. Единственное возможное объясненіе этого состоитъ въ томъ, что постоянное ассоціированіе извѣстныхъ кидансовъ человѣческой рѣчи съ извѣстными душевными ощущеніями медленно установили въ нашей расѣ организованную и унаслѣдованную связь между такими кадансами и ощущеніями,*—что болѣе или менѣе идеализированное сочетаніе такихъ кадансовъ, образующее мелодію, имѣло всегда значеніе для человѣческаго ума только въ-силу того значенія, которое пріобрѣли для него кадансы, и что, такимъ образомъ, *вслѣдствіе постояннаго слушанія и произведенія мелодіи, пріобрѣлась и передалась усиленная музыкальная чувствительность.* Подтвержденіемъ этому могутъ служить частные случаи. Какъ объяснить случаи въ-родѣ представляемыхъ *Бахомъ, Моцартомъ и Бетховеномъ,* которые всѣ были дѣтьми родителей съ необыкновенными музыкальными способностями, но далеко превзошли ихъ своими собственными? Что сказать о фактахъ, что *Гайденъ* былъ сынъ органиста, *Гуммель*—сынъ учителя музыки и что отецъ *Вебера* былъ замѣчательный скрипачъ? Стеченіе такого множества случайностей въ какомъ-нибудь одномъ народѣ и въ-теченіе короткаго періода времени не можетъ быть приписано совпаденію произвольныхъ измѣненій. Ихъ нельзя ничему иному приписать, какъ унаслѣдованнымъ развитіямъ строенія, причиненнымъ усиленіемъ отправленія». Подобное-же объясненіе прирожденности и наслѣдственной передачи душевныхъ качествъ представляютъ, какъ мы видѣли, и сочиненія физіологовъ *Кабаниса, Дрэпера и Льюиса,* равно-какъ и философа натуралиста *Дарвина.*

Послѣ этого, на-основаніи физіологическихъ фактовъ и воззрѣній, можно уже точнѣе обозначить, *что мы разумѣемъ подъ прирожденною идеею.* Взявъ сущность познавательной теоріи хотя одного Льюиса,—теоріи, которая, впрочемъ, совершенно согласна съ теоріями *Кабаниса и Дрэпера,* и даже, можно сказать, и *Дарвина,* именно, что всѣ ощущенія, добытыя какъ внѣшними чувствами, такъ и внутренними системными, группируются въ мозгу и тамъ таинственнымъ образомъ переработываются въ идеи,—что мышленіе есть форма мозговой чув-

ствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами спеціальныхъ чувствъ, *а душевныя движенія суть формы мозговой чувствительности*, опредѣляемыя соотношеніями съ узлами внутренностныхъ нервовъ,—что никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ, но возбуждаетъ посредствомъ рефлекса другое, вторичное ощущеніе, одна идея вызываетъ другую,—что привычки, idées fixes и инстинктивныя дѣйствія основаны на стремленіи чувства разрѣшиться легчайшимъ для него путемъ,—что строй ощущеній, склонностей и идей, въ каждомъ человѣкѣ, тѣсно связанъ съ наслѣдственною отъ предковъ организаціею и съ прирожденною организаціею нервной системы,—взявъ все это во вниманіе, *подъ прирожденною идеею нужно мыслить вложенную въ строй нервной системы, какъ и всей организаціи человѣка, форму (Платоновское и Аристотелевское* ἔιδος*), въ которую, при естественныхъ условіяхъ развитія человѣка, естественно развивается его общая, душевная и частная, умственная дѣятельность.* При этомъ нашъ умъ не указываетъ намъ способовъ выдѣлить душевное изъ органическаго. Наше знаніе, наше внутреннее ясновидѣніе безсильны освѣтить ту грань, гдѣ и какъ оканчивается тѣлесное и начинается духовное, равно-какъ и тѣ духовно-тѣлесные приводы, какими органическая машина нашего тѣла приводитъ въ соотвѣтственное своему вращенію движеніе невещественный инструментъ нашей души. При чемъ воображать душевное тѣлеснымъ было бы грубымъ заблужденіемъ, грубою погрѣшностію не-только противъ психологіи, но и противъ физіологіи. Самъ *Д. С. Миллъ* [1]) попытку «свести всѣ жизненныя явленія на механическіе или химическіе процессы,—состоянія сознанія на состоянія нервной системы,—самое ощущеніе на движеніе, какъ и свѣтъ съ теплотою на движеніе», провозглашаетъ «грубѣйшею формою матеріалистической философіи». «Пусть, напримѣръ»,—говоритъ онъ,—«будетъ доказано, что, производя ощущенія свѣта въ глазу и мозгу, чередуются самые сложные ряды физическихъ причинъ и дѣйствій,—именно: лучи свѣта падаютъ на глазъ, преломляются, сближаются, взаимно пересѣкаются, производятъ опрокинутый образъ на сѣтчатой оболочкѣ, а за тѣмъ движеніе (пусть то будетъ дрожаніе, или токъ нервной жидкости, или чего-либо инаго вдоль по зрительному нерву), пусть производятъ передачу этого движенія самому мозгу и сколько вамъ угодно различныхъ движеній,—

---

[1]) Логика, II. стр. 349.

все-же *въ концѣ этихъ движеній есть ничто, что не движеніе, есть чувство или ощущеніе цвѣта*; въ концѣ ряда этихъ движеній мы найдемъ *въ предшествующемъ движеніе, а въ послѣдующемъ ощущеніе цвѣта; и способъ*, которымъ послѣднее движеніе производитъ ощущеніе цвѣта, *не можетъ быть объяснен никакимъ закономъ движенія*». Вообще *Д. С. Милль*, согласно съ физіологомъ *Льюисомъ*, признаетъ душевныя явленія отличными отъ тѣлесныхъ радикально, т. е. въ качествѣ, а не въ степени [1]), и ощущенія даже внѣшнихъ чувствъ относитъ къ явленіямъ душевнымъ. Въ то же время онъ согласенъ съ Льюисомъ и съ другой стороны, именно въ томъ, что «физическія состоянія нервовъ составляютъ условія не-только нашихъ ощущеній или душевныхъ движеній, но и мыслей» [2]), какъ и Льюисъ утверждаетъ, что всѣ ощущенія нашихъ нервовъ, группируясь въ мозгу, *таинственнымъ образомъ преобразуются въ идеи*. А отсюда становится нѣсколько доступною нашему усмотрѣнію зависимость структуры нашего умственнаго міра отъ структуры нервной системы и обратно,—взаимообратная зависимость, аналогичная съ тѣмъ, что въ зернѣ заключается совокупность не-только всѣхъ формъ будущаго растенія, но и частей его. При этомъ трудно опредѣлить, что изъ чего развивается: части ли изъ формъ, или формы изъ частей, но то ясно, что въ зернѣ уже включены прирожденныя формы, въ которыя выльется естественно развивающееся растеніе, какъ несомнѣнно и то, что и въ нервномъ зародышномъ узлѣ младенца уже включены общія прирожденныя формы, въ которыя выльется, въ основномъ своемъ строѣ, умственная и вообще душевная дѣятельность будущаго человѣка.

По этой-же причинѣ позволительно, съ нѣкоторыми недоумѣніями, разсуждать и о томъ, *что именно прирождено человѣческой душѣ и въ-частности нашему уму*? Научно философствовали объ этомъ всѣ вѣка, начиная не позже, какъ съ *Сократа и Аристотеля*, и оканчивая *Гегелемъ* и даже *Дарвиномъ*. Возобновлять эту вѣковѣчную старину излишне, тѣмъ болѣе, что и трудно разграничить въ нашей душѣ прирожденное отъ благопріобрѣтеннаго. Но несомнѣнно то, что *новѣйшіе физіологи признаютъ прирожденными душѣ гораздо большее число формъ душевной дѣятельности*, чѣмъ признавали философы прежняго времени. По соображеніямъ самаго *Д. С. Милля*, выходитъ, что къ области инстинктивной прирожденной вѣры нужно отнести, по мень-

---

[1]) Лог. II. стр. 348 и 350. [2]) Стр. 349.

шей мѣрѣ, *законы чисель и геометріи*, а также и *законы причины и слѣдствія*. Посвятивъ, въ первой части нашего изслѣдованія, разсмотрѣнію этого вопроса не одну страницу, мы пришли къ выводу, что *прирожденнымъ человѣческой душѣ, т. е. ея познавательной способности слѣдуетъ признать все, что въ ней признано обще-обязательнымъ для умственной дѣятельности всего человѣчества, именно: коренные законы и главныя формы мышленія, основныя категоріи разсудка и высшія идеи разума*. Возвращаться къ этому вопросу мы не находимъ нужнымъ, тѣмъ болѣе, что, въ данномъ случаѣ, намъ слѣдуетъ доказать только, что человѣческой душѣ прирождено *довѣріе къ бытію внѣшняго міра*. А доказательство на это мы читали у *Кабаниса* и у *Дрэпера*. По словамъ *Кабаниса*, «уже въ утробѣ матерней зародышъ получаетъ первыя впечатлѣнія *о сопротивленіи, о посторонних тѣлахъ и о себѣ самомъ*», и эти впечатлѣнія «должны привести *сознаніе* въ то положеніе, изъ котораго вытекаетъ понятіе о посторонних предметахъ. Такимъ образомъ, въ головномъ мозгу зародыша уже существуютъ *первые слѣды основныхъ понятій*, которыя должны мало по малу развиваться отношеніями его *ко всему видимому міру* и дѣйствіемъ предметовъ на нервныя его оконечности». По *Дрэперу*, «*тѣ общія идеи, которыя распространены по цѣлому свѣту, между всѣми человѣческими племенами, которыя одинаково существуютъ во всѣ вѣка и во всякой странѣ, — такія идеи составляютъ слѣдствіе самыхъ свойствъ нашей мозговой организаціи,—такія всеобщія впечатлѣнія происходятъ болѣе отъ физической организаціи человѣка, чѣмъ отъ ученія,—такія вѣрованія могутъ быть названы органическими догматами нашей природы*». При этомъ «не должно забывать, что существуетъ *общій принципъ*, служащій подкладкою разнообразныхъ человѣческихъ стремленій и рѣшеній,—принципъ, отъ котораго никто не можетъ освободиться: его можно различить въ глубинѣ самыхъ несходныхъ между собою дѣйствій, подобно тому, какъ мы можемъ открыть *основной типъ нашей организаціи* въ самыхъ разнообразныхъ формахъ». Не должно забывать, что, «вслѣдствіе сходства въ устройствѣ мозговаго аппарата, дѣйствія людей представляютъ *единообразіе*»,—что «логика истины вѣчна, такъ-какъ она выражаетъ собою способъ дѣйствія нашего мозговаго аппарата, типъ котораго никогда не измѣняется». А въ порядкѣ наиболѣе безусловныхъ единообразій человѣческаго знанія, наиболѣе всеобщихъ впечатлѣній мозговаго аппарата, наиболѣе обще-обязательныхъ органическихъ догматовъ

нашей природы, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ *убѣжденію въ существованіи внѣшняго міра.* Если же кто-либо изъ послѣдователей *Д. С. Милля* возразилъ бы противъ этого, согласно съ теоріею *Дарвина*, что подъ вліяніемъ разныхъ физическихъ условій измѣняется самый основной типъ нервной организаціи человѣка и, значитъ,—самыя основныя, самыя типичныя впечатлѣнія нервной системы, каково, наприм., впечатлѣніе всеобщаго довѣрія къ бытію внѣшняго міра, образуются не иначе, какъ подъ вліяніемъ внѣшняго опыта,—то возражатель долженъ былъ бы удовлетвориться отвѣтомъ *ad hominem*, что самъ *Дарвинъ*, для измѣненія основныхъ органическихъ типовъ, требуетъ не-только милліоновъ, но даже билліоновъ лѣтъ. Если же люди въ-продолженіе, предположимъ (говоря *ad hominem*), хотя одного милліона лѣтъ, если не въ себѣ, то въ своихъ обезьяновидныхъ и еще дальнѣйшихъ, менѣе развитыхъ, предкахъ, уже носили и носятъ въ своей природѣ, въ организаціи своей нервной системы, необходимое довѣріе къ бытію внѣшняго міра, какъ и другія основныя идеи и формы мышленія и знанія,—то, по сравненію со счетомъ годовъ жизни не только одного человѣка, или поколѣнія, но даже всего историческаго человѣчества, этотъ предполагаемый милліонъ лѣтъ значитъ, *всегда* значитъ, что довѣріе къ бытію внѣшняго міра, какъ и другія типическія идеи, были и будутъ прирождены человѣку *всегда*... Отраженіе первоосновной абсолютной силы, творческая природа-мать, съ самаго первоначала, созидая человѣка по своему образу и подобію, воспитывая его въ своемъ лонѣ, своими соками, позаботилась, въ самой основѣ природы своего дѣтища, начертать идею, въ каждой клѣточкѣ его организма вкоренить частичное ощущеніе своей исконности, своей необъятности для него, своей всемощности, своихъ родительскихъ правъ на признаніе себя отъ своего сына, въ-качествѣ именно родительницы и кормилицы, въ-качествѣ виновницы, хотя и посредственной, всѣхъ проявленій его бытія и сознанія, такъ-что никакой выродокъ, пасынокъ природы, никакими ухищреніями изощренной мысли, не силенъ убѣдить здраво разумныхъ чадъ природы въ томъ, что онъ, какъ, напримѣръ, *Д. С. Миллъ*, съ крошечнымъ его сознаніемъ и самосознаніемъ, есть истинная основа нетолько себя самаго, но и всей природы, съ ея необъятностію, а природа есть продуктъ его эфемерной ничтожности, въ которую самъ онъ догматически вѣруетъ. Если же *взимающемуся на разумъ Божій* превозношенію зазнавшихся умовъ неотступно навязывается искушеніе мы-

слить эфемерное человѣческое сознаніе основою всего сущаго,—то это искушеніе есть только тысячекратное повтореніе того перваго кореннаго искушенія, которымъ *отецъ гордости и лжи* обольстилъ первыхъ людей: *будете яко бози, вѣдуще*... При этомъ нужно имѣть въ-виду, что коварный искуситель говорилъ это не безъ основанія. Законное естественно-фактическое основаніе этой лести искуситель нашелъ, какъ и до настоящаго времени находитъ, въ томъ, что человѣческое сознаніе, даже искаженное грѣхомъ, представляетъ въ себѣ, особенно въ высшей своей части, отраженіе абсолютнаго творческаго сознанія, которое дѣйствительно, творчески неизбѣжно, предшествуетъ всякому, чувствуемому ограниченнымъ сознаніемъ, бытію. Поэтому-то гордымъ умамъ до умопомраченія замечтавшихся мудрецовъ, въ-родѣ *Фихте*, *Гегелей*, *Миллей*, неотвязчиво и грезится, что они не-только *будутъ яко бози вѣдуще*, но и *суть бози*, боги единственные, такъ-что, помимо ихъ, Богъ единый вовсе и не существуетъ, не нуженъ, излишенъ, стоитъ внѣ человѣческаго сознанія, т. е. собственно нигдѣ... И выходитъ, что *безуменъ рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*. И согласно словамъ св. Писанія, *не только оправдися*, а, наоборотъ, посрамился *премудрость отъ чадъ своихъ*,—отъ заносчивыхъ своихъ служителей. *Глаголющеся быти мудри объюродѣша.*

ГЛАВА XXVIII.

Любопытно и даже удивительно, что даже такой, дѣйствительно глубокій, мыслитель спиритуалистъ, какъ *Ульрици*, какъ-будто *отрицаетъ прирожденность идей.* По крайней мѣрѣ, онъ выражается: «сіяніемъ чудеснаго облекли тотъ процессъ, что новорожденный ребенокъ, безъ обученія и руководства, умѣетъ сосать, или едва вылупившійся цыпленокъ роется, клюетъ и глотаетъ,—безъ околичностей предполагая, что животнымъ присуще *представленіе*, или, покрайней мѣрѣ, *предчувствіе* цѣли, для которой онѣ дѣйствуютъ; но такое предположеніе неосновательно»[1]). «Мы,—продолжаетъ *Ульрици*,—должны возразить и великому *Кювье*, когда онъ полагаетъ, что инстинктивныя явленія

---

[1]) Тѣло и душа, стр. 267.

основываются на *прирожденныхъ идеяхъ*, которыя, подобно *мечтѣ*, позываютъ къ извѣстнымъ движеніямъ, такъ-какъ есть *прирожденныя*, движущія, возбуждающія, позывающія *силы*, которыя дѣйствуютъ по имманентнымъ (внутренно присущимъ) законамъ или нормамъ (какъ выраженію ихъ собственной опредѣленной природы), а потому есть и *прирожденные законы* [1]). Напротивъ того, ничто не даетъ намъ права предположить *прирожденныя, т. е. никакою психическою дѣятельностію не посредствуемыя идеи.* Со временъ *Аристотеля* [2]), психологія утверждала и все опять и опять доказывала, что *всѣ наши представленія, понятія, идеи* и проч., словомъ, *все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ собственномъ существѣ*, опирается, въ послѣдній элементарной основѣ, на ощущеніи, въ-особенности на внѣшне-чувственномъ ощущеніи и внутреннемъ чувствѣ, иначе сказать,—только посредствомъ ихъ входитъ въ наше сознаніе. Даже *Платонъ* и его послѣдователи должны были признать, что такъ-называемыя *апріорическія, прирожденныя души идеи, понятія, начала, законы и нормы* (категоріи), *хотя бы происходили и не изъ опыта*, могутъ однакожъ достигать сознанія [3]) только *посредствомъ опыта*, т. е. при предположеніи уже находящихся на-лицо сознанныхъ ощущеній и чувствъ, воспріятій и воззрѣній. Это значило бы идти *противъ самыхъ несомнѣнныхъ психологическихъ и физіологическихъ фактовъ*, если-бы этимъ элементамъ, въ тоже время, приписывали принадлежность *апріорическаго, непосредственнаго, первичнаго сознанія.* Каждый знаетъ, по своимъ воспоминаніямъ, и можетъ повѣрить на каждомъ ребенкѣ и взросломъ, что о томъ, что со временъ *Платона* подчасъ выдавалось за апріорическое достояніе души, мы *первоначально абсолютно ничего не знаемъ*, да у многихъ оно не входитъ въ сознаніе и во всю жизнь. Чувственное ощущеніе и воспріятіе внутренняго чувства образуютъ средство и элементарное вещество всѣхъ нашихъ представленій, понятій и идей».—Въ другомъ своемъ твореніи (Богъ и природа, II), онъ-же *Ульрици* выражается: «истина имманентна не *какъ понятіе, или идея, и не для нашего сознанія* [4]). Идея добра не дана намъ непосредственно, какъ идея, какъ сознательное представленіе [5]). Категорическое понятіе прекраснаго присуще нашему сознанію *не какъ понятіе*» [6]).—Выраженія, повидимому, очень рѣшительныя, показывающія какъ-будто

---

[1]) 270. [2]) 284. [3]) 285. [4]) 167. [5]) 169. [6]) 170.

явную противоположность взгляда, сравнительно съ нашимъ, на прирожденность понятій и идей.

Но стоитъ лишь приглядѣться къ характернымъ особенностямъ языка самаго *Ульрици*, чтобъ эта кажущаяся противоположность взглядовъ сгладилась не-только до сходства, но чуть-ли даже не до тожества. Это открывается изъ слѣдующаго.

Въ животныхъ [1]) и человѣкѣ *Ульрици* допускаетъ, во-первыхъ, «*потребность и позывъ*, какъ *послѣдніе (которымъ уже нельзя указать причины)* импульсы дѣятельности организма». Послѣдними эти импульсы *Ульрици* называетъ по тому, что затрудняется указать имъ иную причину, кромѣ того, что они вложены въ органическую природу. И этими импульсами *Ульрици* думаетъ удовлетворительно объяснить тѣ общеизвѣстные факты, что «новорожденное дитя не-только ищетъ материнской груди, но и можетъ правильно выполнять движенія сосанія, или что едва вылупившійся изъ яйца цыпленокъ, хотя-бы искусственно высиженный и предоставленный самому себѣ, тотчасъ начинаетъ бродить, высматривая пищу, и умѣетъ найти ее,—при чемъ выполняетъ именно тѣ движенія, которыя необходимы для достиженія цѣли,—для отысканія, овладѣнія и проглатыванія пищи, которыя являются совершенно цѣлесообразными» [2]). Цѣлесообразными эти позывы *Ульрици* признаетъ, однакожъ, только въ-той-же крайне ограниченной степени, какъ цѣлесообразны движенія и сердца, дыхательнаго аппарата, или приспособительныя движенія глаза и т. п Мало этого, по его мнѣнію, эти позывы находятся въ подобномъ-же отношеніи къ своему предмету, какъ *массы тѣлъ, взаимно привлекающіяся тяготѣніемъ, или какъ вещества, предназначенныя одно для другаго химическимъ сродствомъ и движущіяся другъ къ другу, или какъ магнитная стрѣлка, постоянно направляющаяся къ сѣверу.* Такими сравненіями *Ульрици* думаетъ объяснить цѣлесообразность и тѣхъ явленій, что молодыя утки, высиженныя хотя бы то курицей, сами собою поспѣшаютъ къ водѣ,—что молодая черепаха, унесенная отъ моря въ мѣшкѣ, умѣетъ опять найти море по самой короткой дорогѣ,—что перелетныя птицы тянутся на зиму къ югу, нѣкоторыя рыбы скачутъ изъ высыхающихъ водъ, по прямому направленію къ большему водоему,—ослы, лошади, собаки съ дальнихъ разстояній умѣютъ найти свой домъ,—пчелы умѣютъ отыскать свою матку, даже когда она

---

[1]) Тѣло и душа, стр. 258. [2]) 259.

старательно спрятана,—перелетныя птицы, хотя взяты были бы изъ гнѣзда молодыми, становятся безпокойны ко времени перелета на югъ,—молодой быкъ, или баранъ, бьетъ врага лбомъ, на которомъ нѣтъ еще роговъ,—бобръ, поймайный совсѣмъ молодымъ, строитъ въ клѣткѣ свой домикъ.—«Такіе факты»,—по словамъ *Ульрици*,—будто-бы «до-очевидности показываютъ *слѣпоту и непреодолимость позывовъ*», хотя, въ тоже время, «*движенія по позывамъ* онъ разсматриваетъ и какъ *произвольныя*, не только по тому, что они въ существенномъ состоятъ изъ тѣхъ-же актовъ, какіе обыкновенно животное выполняетъ по опредѣленнымъ чувственнымъ ощущеніямъ, воспріятіямъ и представленіямъ, но и особенно по тому, что они нерѣдко измѣняются, при измѣнившихся отношеніяхъ и условіяхъ, и приноравливаются къ измѣнившимся даннымъ».

Кромѣ этихъ позывовъ, *Ульрици* приписываетъ животнымъ организмамъ *инстинкты*, другой рядъ позывовъ, которые возникаютъ *вслѣдствіе предшествующаго ощущенія* и въ проявленіи своемъ опредѣляются какимъ-либо ощущеніемъ,—каковы, наприм., позывы у собакъ ѣсть траву въ шелудивости, зализывать раны и проч.. Такъ, особое ощущеніе, вызываемое созрѣваніемъ яицъ въ яичникѣ, побуждаетъ птицъ къ постройкѣ ихъ гнѣздъ,—живущихъ на берегу улитокъ, раковъ, лягушекъ, жабъ, гонитъ въ воду для кладки яицъ, а морскихъ черепахъ для той-же цѣли гонитъ на берегъ,—при предстоящемъ дождѣ пьявки и гольцы поднимаются къ поверхности воды, жабы днемъ покидаютъ свои норы, пчелы собираются въ свои ульи, муравьи уносятъ свои куколки, пауки прячутся въ свои щели,—инстинкты, которые, по словамъ *Ульрици* [1]), хотя и означаютъ не болѣе, какъ позывы или возбужденіе, однакожъ, изъ сферы органическихъ обнаруженій, уже переносятся въ область познавательной способности.

Кромѣ того, *Ульрици* отличаетъ въ животныхъ *побудки*,—высшіе инстинкты, которые имѣютъ цѣлію *пріисканіе средствъ*, способныхъ удовлетворить господствующей потребности, которыми видоизмѣняются первоначальные позывы, куда онъ отчисляетъ тѣ явленія, что пчелы строятъ соты, для складки въ нихъ пищи на зиму и для заготовленія въ нихъ удобныхъ мѣстъ для кладки яицъ,—муравьи устроиваютъ свои подземные ходы, бобры свои плотины, лисицы свои норы,—

---

[1]) 264.

полевыя мыши выѣдаютъ зародыши изъ хлѣбныхъ зеренъ, чтобы онѣ не проросли,—сибирскій сѣноставъ сушитъ сѣно, складываетъ его въ стоги подъ скалами, для укрытія сѣна отъ дождя и снѣга, и проводитъ къ нимъ изъ норы подземный ходъ [1]),—инстинкты, по которымъ животное направляется *къ изысканію необходимыхъ средствъ для цѣли*». Тѣмъ не менѣе, однакожъ, *Ульрици* «отрицаетъ *представленіе цѣли у животныхъ, даже въ этихъ послѣднихъ случаяхъ,—даже тамъ, гдѣ инстинктивная дѣятельность приноравливается къ обстоятельствамъ и видоизмѣняется сообразно съ ними*,— наприм., если муравьи, при продолжительномъ дождѣ, закрываютъ входъ въ свою постройку кускомъ сланца, или, въ подверженныхъ наводненію странахъ, помѣщаютъ свои постройки на деревьяхъ,—то это, по словамъ *Ульрици*, доказываетъ, что *позывъ направленъ не къ постройкѣ, какъ постройкѣ, а къ продолжительному владѣнію постройкой и къ охраненію владѣнія* [2]).

Это—странное явленіе, что у замѣчательно тонкихъ мыслителей, каковъ *Д. С. Миллъ*, и даже глубокихъ, какъ *Ульрици*, выражаясь пластически по русски, умъ способенъ заходить за разумъ, такъ-что, забываясь въ увлеченіи предзанятою идеею, они допускаютъ, на одной и той-же страницѣ, сряду не-только логическое, но даже вербальное противорѣчіе, и сами того не замѣчаютъ, какъ, наприм., въ въ этомъ выраженіи *Ульрици*: «позывъ муравьевъ (въ данномъ случаѣ) направленъ не къ постройкѣ, какъ постройкѣ, а къ *продолжительному владѣнію и охраненію постройки*», и, однакожъ, «*мы должны здѣсь отрицать представленіе цѣли*»! Въ первой части нашего изслѣдованія, разсуждая о прирожденности нѣкоторыхъ представленій, понятій и идей, мы замѣтили, что многовѣковой споръ по этому предмету ведется не отъ недостатка у той, или другой, изъ спорящихъ сторонъ эрудиціи, наблюденій, данныхъ опыта, но *отъ различнаго толкованія непосредственныхъ данныхъ опыта*. И вотъ тому поразительнѣйшее доказательство. *Дарвинъ*, или *Дрэперъ* и *Ульрици*,—ученѣйшіе наши современники. Однакожъ *Ульрици* видитъ въ дивныхъ инстинктахъ муравьевъ отсутствіе всякаго представленія цѣли, простое тяготѣніе падающаго камня къ землѣ, безсознательное наклоненіе магнитной стрѣлки къ полюсу. Между тѣмъ *Дарвинъ*, именно по этому предмету, выражается такъ: «*умъ высокой степени* вполнѣ можетъ ужи-

---

[1]) 266. [2]) 267.

ваться съ сложными инстинктами, какъ это мы видимъ *въ пчелахъ, муравьяхъ и бобрахъ* [1]). Съ постепеннымъ развитіемъ различныхъ умственныхъ способностей, конечно, долженъ возрастать и объемъ мозга. Я полагаю, никто не сомнѣвается, что величина мозга у человѣка, относительно остальнаго его тѣла, тѣсно связана съ количествомъ его умственныхъ способностей. У насѣкомыхъ мы встрѣчаемъ факты строго аналогичные съ этимъ. *Такъ у муравьевъ мозговые узлы необыкновенно велики.* Съ другой стороны, никто не станетъ утверждать, что *разумъ двухъ животныхъ, или двухъ какихъ-нибудь человѣкъ*, возможно въ-точности сравнить и опредѣлить кубическою вмѣстимостью ихъ череповъ. Неоспоримо, что, *при чрезвычайной дѣятельности ума*, у животнаго бываетъ безконечно малая доза нервнаго вещества. Такъ, наприм., *всѣмъ извѣстно, какъ разнообразны инстинкты муравья, какъ велики его сообразительность и иныя способности, а между тѣмъ мозговой узелъ его ростомъ меньше четверной доли мелкой булавочной головки: съ этой точки зрѣнія муравьиный мозгъ есть одинъ изъ удивительнѣйшихъ атомовъ матеріи въ мірѣ и, пожалуй, даже удивительнѣе человѣческаго мозга»* [2]). Оказываются, такимъ образомъ, на одинъ и тотъже фактъ два воззрѣнія и толкованія рѣзко противоположныя. Но еще рѣзче взглядъ физіолога *Дрэпера* на тотъ-же предметъ [3]). «Насѣкомое, говоритъ онъ, представляетъ намъ дѣйствія изумительныя. Насѣкомыя составляютъ общества, съ цѣлью взаимнаго вспоможенія, защиты, нападенія, перехода, простаго удовольствія,—общества, которыя, безъ сомнѣнія, возникаютъ подъ вліяніемъ страстей, каковы любовь и страхъ. Гусеницы ночныхъ бабочекъ, въ своихъ движеніяхъ, руководятся направленіемъ предводителя; термиты повинуются, въ одно и тоже время, королю и королевѣ. Сладость власти чувствуется не въ одной только человѣческой породѣ: королева пчелъ не успокоивается до тѣхъ поръ, пока не умертвитъ свою соперницу. Всѣ насѣкомыя одинаковой породы не родятся равными и не занимаются однѣми занятіями; однѣ ведутъ жизнь полную удовольствій, другія посвящаютъ себя военному ремеслу, а иныя работаютъ. Когда на столицу термитовъ сдѣлано нападеніе,—то рабочіе, какъ не участвующіе въ сраженіи, удаляются, а воины выходятъ на защиту своей родины. Муравьи, съ

---

[1]) Происхожденіе человѣка, стр. 47). [2]) 207—208. [3]) Физіологія человѣка, III, 277—285.

которыми мы болѣе знакомы, занимаются военными и флибустьерскими экспедиціями, дѣлаютъ реконгосцпровки, ставятъ часовыхъ, идутъ въ стройномъ порядкѣ, авангардъ чередуется съ арріергардомъ, строго поддерживаются у нихъ линіи сообщенія, и, въ-случаѣ необходимости, проворные курьеры командируются за подкрѣпленіями. Въ-случаѣ побѣды, они не-только уносятъ непріятельскіе запасы, но даже обращаютъ побѣжденныхъ въ настоящее рабство, заставляя ихъ работать, какъ невольниковъ. Они имѣютъ понятіе о собственности, и хотя между нѣкоторыми изъ нихъ въ употребленіи каннибализмъ, но вообще они развлекаются и болѣе веселыми занятіями, прыгаютъ и играютъ, какъ котята, или щенки. Руководимая чувствомъ строгой справедливости, оса, по возвращеніи изъ успѣшнаго похода, дѣлитъ свою добычу между самцами, самками и рабочими своего обиталища; при дѣлежѣ не забываютъ и часовыхъ, которые отправляли свои обязанности на стражѣ. Если, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, или просто отъ какой-нибудь несчастной случайности, кто-нибудь потерпѣлъ серьезное увѣчье, то, у нѣкоторыхъ племенъ, раненому оказывается самое горячее сочувствіе: муравей выноситъ своего раненаго друга изъ пыла бытвы. Но другія племена выказываютъ болѣе римской твердости: товарищи страдальца сами избавляютъ его отъ дальнѣйшихъ мученій. Ожидая нападенія, нѣкоторыя породы насѣкомыхъ запираютъ на ночь входъ въ свое жилище и баррикадируютъ его извнутри, или, если опасность продолжительна, строятъ рядъ маскированныхъ воротъ, съ внутренними стѣнами, защищающими ихъ. Они искусные инженеры. Они могутъ строить и поддерживать въ порядкѣ очень длинныя дороги, съ боковыми, выдѣляющимися изъ нихъ вѣтвями, которыя, въ-случаѣ надобности, сами-же и уничтожаютъ. Они переходятъ ручьи, бросаясь въ нихъ сами въ-видѣ подвижныхъ мостовъ, а въ исправленіи вреда, нанесеннаго ихъ землѣ непріятелемъ, выказываютъ весьма замѣчательныя искусство и ловкость. Къ какимъ разнообразнымъ хитростямъ прибѣгаютъ насѣкомыя, для достиженія своихъ цѣлей! Гусеница капустной бабочки дѣлаетъ себѣ лѣстницу и взбирается по ней. Паукъ выпускаетъ изъ себя тонкую нить, чтобы подняться на воздухъ, и, плавая въ немъ, онъ то завертываетъ ее, то распускаетъ и, сообразно съ этимъ, поднимается, или опускается, самъ. Другія насѣкомыя дѣлаютъ водолазные колокола и ныряютъ въ нихъ подъ водой. Ни одна птица не устраиваетъ сѣтей, ни одно животное не ставитъ ловушекъ; люди и на-

сѣкомыя дѣлаютъ то и другое. Толпа матросовъ переноситъ дерево, неся его поперемѣнно на плечахъ; точно также кучка муравьевъ носитъ соломенку, или длиннаго червя. Нѣкоторые пауки выказываютъ такую-же ловкость, какъ индѣйцы, подкрадываясь къ своей добычѣ. Домашнее хозяйство ихъ изумительно. Нѣкоторыя породы строятъ себѣ дома изъ искусственнаго камня, другія изъ папки, которую сами дѣлаютъ. Иныя покрываютъ свои стѣны обоями, другія кладутъ на полу шелковые ковры, привѣшиваютъ на шелковыхъ петляхъ двери такъ, что онѣ закрываются отъ своего собственнаго вѣса. Насѣкомыя дѣлаютъ арки, куполы, колоннады, лѣстницы,—умѣютъ прятать пищу. *Рей*, хорошій наблюдатель и очень честный человѣкъ, разсказываетъ, какъ одна песочная оса притащила гусеницу, въ 15 дюймовъ длины, отодвинула шарикъ, закрывавшій отверстіе ея ямки, сложила туда всю добычу, вышла назадъ, прикатила шарикъ на прежнее мѣсто, наскребла на него пыли, какъ собака, — принесла смолы, чтобъ приклеить его, выровняла почву и положила на это мѣсто двѣ сосновыя иглы, чтобы послѣ снова его найти [1]). Отъ какихъ другихъ органовъ зависятъ, если не отъ головнаго узла, всѣ эти чудные инстинкты, подражающіе въ своемъ дѣйствіи искусству человѣка? Едвали есть какое-нибудь механическое занятіе, въ которомъ бы насѣкомыя не достигли *совершенства*. Они прекрасные ткачи, домостроители, архитекторы. Они обиваютъ свои дома обоями, чистятъ ихъ, вентилируютъ и запираютъ удивительно приспособленными висячими дверями. Они строятъ амбары, запасаютъ въ нихъ пищу, ставятъ самыя разнообразныя западни, — искусно охотятся, разбойничаютъ и грабятъ. Они отравляютъ, рубятъ и наказываютъ своихъ непріятелей. Они имѣютъ свои законы о соціальномъ устройствѣ, общій языкъ, раздѣленіе труда и цѣлую лѣстницу ранговъ. Они содержатъ арміи, ходятъ на войну, высылаютъ на поискъ ведеты, ставятъ часовыхъ, уносятъ съ собою плѣнниковъ, держатъ рабовъ и смотрятъ за домашними животными. Короче, *въ умственномъ отношеніи, это— миніатюрная копія съ человѣка.* Способность воспоминанія у насѣкомыхъ высшихъ породъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если-бы мы не имѣли никакого другаго факта въ-подтвержденіе этого, то совершенно достаточно было бы и того, что они могутъ узнавать

---

[1]) Преосвященный *Платонъ*, архіепископъ Донскій, лично наблюдалъ нѣчто весьма схожее.

свои жилища. Когда потревоженный кѣмъ-нибудь паукъ притворяется мертвымъ, чтобъ избѣгнуть вниманія того, кто причинилъ эту тревогу, то онъ проявляетъ свою способность воспоминанія, точно такъже, какъ и въ томъ случаѣ, когда его выманимаютъ изъ его убѣжища, прикосновеніемъ къ паутинѣ. Узнавъ, въ чемъ состоитъ здѣсь обманъ, паукъ въ другой разъ уже не показывается, несмотря на повтореніе подобнаго-же посторонняго прикосновенія. Нельзя, поэтому, говоритъ тотъже писатель,—по крайней мѣрѣ въ-отношеніи болѣе совершенныхъ изъ этихъ породъ, принять взглядъ *Декарта*, считавшаго всѣхъ насѣкомыхъ простыми автоматами. Психологическія способности ихъ находятся въ строгой соразмѣрности съ усовершенствованіемъ ихъ мозговаго механизма».—Мы, съ своей стороны, не выражаемъ здѣсь ни согласія, ни несогласія нашего съ приведенными взглядами *Дарвина*, или *Дрэпера*,—а только показываемъ, что на одинъ и тотъ-же очевидный фактъ, каковы проявленія животныхъ инстинктовъ, взгляды могутъ быть различны до рѣзкой противоположности. Такъ, по взглядамъ позитивиста *Дарвина* и спиритуалиста-физіолога *Дрэпера*, инстинкты животныхъ высоко разумны, а по *Ульрици* менѣе чѣмъ автоматичны, будучи подчинены такимъ-же законамъ механической, физической и химической необходимости, какъ притяженіе тѣлъ къ землѣ, какъ обращеніе магнитной стрѣлки къ полюсу, или химическое сродство.

Въ тоже время, по взгляду не-только *Дарвина* и *Дрэпера*, но и самаго *Ульрици, инстинкты животныхъ, въ большей своей части, прирождены.* Слѣд., если приписать, возбуждаемымъ инстинктами, актамъ животныхъ хотя мамую долю той разумности и сознательности, которою такъ щедро надѣляютъ ихъ *Дарвинъ* и *Дрэперъ*,—если допустить неизбѣжное требованіе физіологіи, что *огромная часть, если только не вся совокупность, намѣренныхъ животныхъ актовъ посредствуется соотвѣтствующими отправленіями въ мозгу и нервахъ животнаго организма,—то въ наглядномъ результатѣ окажется, что огромная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ представленій у животныхъ несомнѣнно прирождена. А болѣе или менѣе значительная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ движеній, безспорно, принадлежитъ и человѣку;—значитъ, и у человѣка инстинктивныя движенія и связанныя съ ними инстинктивныя представленія нужно считать прирожденными.*

Но послѣдуемъ за *Ульрици*, чтобъ уловить рѣзкое противорѣчіе

въ его собственныхъ словахъ. Тоже самое *отсутствіе представленія о цѣли*, какое усмотрѣлъ у насѣкомыхъ, *Ульрици* видитъ и у птицъ, въ выборѣ матеріала для ихъ гнѣздъ. «Позывъ у нихъ», говоритъ *Ульрици*, «направляется не именно только на этотъ и ни на какой другой матеріалъ, а, напротивъ, *на постройку опредѣленнаго рода гнѣздъ*. Если пчелы перемѣняютъ крышки въ ячейкахъ, сдѣланныхъ для трутней, когда человѣческая рука подмѣняетъ трутней рабочими пчелами,—то это доказываетъ, что *онѣ замѣчаютъ случившееся измѣненіе въ порядкѣ посредственнаго ощущенія*, а вовсе не то, *что у нихъ есть представленіе о цѣли порядка и что онѣ дѣйствуютъ, сообразно съ тѣмъ, для возстановленія его*» [1]). А *Дарвинъ* сказалъ бы именно, что пчелы при этомъ «замѣчаютъ случившееся измѣненіе порядка и дѣйствуютъ съ представленіемъ цѣли для возставленія порядка». «По этому»,—продолжаетъ *Ульрици*,—«можно утверждать, что *здѣсь, какъ и повсюду*, позывъ есть выраженіе той характеризующей живыя существа *самопроизвольности*, которая вызываетъ инстинктивныя движенія животныхъ и *руководитъ* *ими*». И однакожъ, по словамъ его-же, *Ульрици*, «позывъ, будучи выраженіемъ самопроизвольности, находится въ подобномъ-же отношеніи къ своему предмету, какъ массы тѣлъ, взаимно привлекающіяся тяготѣніемъ, или вещества, движимыя одно къ другому химическимъ сродствомъ; самопроизвольность позыва не-только слѣпа, но и непреодолима» [2]).

Утверждая далѣе, вслѣдъ за *Аристотелемъ*, что «всѣ наши представленія, понятія, идеи и проч., словомъ все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ собственномъ существѣ, въ послѣдней основѣ, *опирается на ощущеніи*, на внѣшне—чувственномъ ощущеніи и внутреннемъ чувствѣ,—утверждая, вопреки *Платону*, что такъ-называемыя *апріорическія, прирожденныя душѣ идеи, понятія, начала, законы и нормы (категоріи)* могутъ достигать въ сознаніе только посредствомъ опыта», *Ульрици*, однакожъ, допускаетъ, что не всѣ онѣ происходятъ изъ опыта, и говоритъ прямо: «и мы признаемъ *апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія*; поэтому, по нашему мнѣнію, *значило бы переливать изъ пустаго въ порожнее, если бы мы вздумали снова доказывать, что абсолютно нѣтъ никакого прирожденнаго содержанія сознанія*» [3]). Такимъ образомъ, ока-

---

[1]) Тѣло и душа, 268.

[2]) Тѣло и душа 260—262. [3]) 285.

зывается, что *Ульрици* допускаетъ «*прирожденное содержаніе сознанія, признаетъ апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія*».

Въ какомъ же смыслѣ онъ, *Ульрици*, принимаетъ и въ какомъ отрицаетъ «прирожденное содержаніе сознанія, апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія»?—Это отчасти объясняетъ онъ въ слѣдующихъ своихъ словахъ: [1]) «истина, въ дѣлѣ стремленія къ знанію, служитъ имманентнымъ моментомъ нашего существа, первоначальнымъ, апріоричнымъ элементомъ нашей души». Сказано какъ нельзя больше рѣшительно. Но сряду-же слѣдуетъ и ограниченіе: «*она имманентна не какъ понятіе или идея, и не для сознанія нашего, а только какъ внутренняя норма, какъ этическая категорія*; она руководитъ сначала безсознательно, инстинктивно, нашею познавательною дѣятельностью, т. е. она только даетъ намъ *возможность различать* предметы *относительно истины и неистины*. А какое содержаніе этой *нормы (какъ категорическаго понятія)*, *въ чемъ состоитъ истина*, объ этомъ прямо и непосредственно мы ровно ничего не знаемъ. Но, сообразно съ нею, мы различаемъ предметы и, съ тѣмъ вмѣстѣ, стараемся узнать истинную сущность, причину и цѣль каждаго предмета, что служитъ содержаніемъ понятія истины» [2]). Что же мы здѣсь, въ этихъ словахъ *Ульрици*, получаемъ? Получаемъ рядъ несочетаемыхъ понятій: а) истина—имманентный моментъ нашего существа, первоначальный апріорическій элементъ нашей души; но имманентная нашему существу, нашей душѣ, она имманентна не для сознанія; б) истина имманентна, какъ внутренняя норма, какъ этическая категорія, но не какъ понятіе или идея;—в) она (истина) есть возможность различать предметы относительно истины и неистины; но въ чемъ состоитъ истина, мы ровно ничего не знаемъ; г) не имѣя объ истинѣ никакого понятія, сообразно съ нею, однакожъ, мы различаемъ предметы, т. е. мѣряемъ предметы извѣстнымъ масштабомъ истины, не имѣя ровно никакого представленія о самой мѣркѣ; истина есть норма категорія, но не понятіе или идея.— Спрашивается: какъ-же, какимъ яснымъ признакомъ отличить категорію отъ понятія и норму отъ идеи? Истина—норма внутренняя, этическая, имманентная нашему существу, нашей душѣ, однакожъ не сознанію, хотя сознаніе и употребляетъ ее какъ норму и категорію, какъ основной масштабъ ис-

---

[1]) Богъ и природа II. [2]) 167.

тины и неистины,—какъ связать, какъ поставить въ соотношеніе и понять эти несовмѣстимости?—Тѣже коллизіи встрѣчаемъ мы и дальше, въ разъясненіи идеи добра. «Идея истины»,—пишетъ *Ульрици*,—«имѣетъ непосредственное отношеніе къ идеѣ добра. *Идея* добра *заключаетъ въ себѣ понятіе* высшей, послѣдней цѣли; а *какое содержаніе идеи добра, объ этомъ мы опять прямо и непосредственно не знаемъ ничего.* Идея добра не дана намъ непосредственно, *какъ идея*, какъ *сознательное представленіе*; но она, какъ имманентная норма, какъ нѳическая категорія, сначала только безсознательно и *инстинктивно руководитъ нашею различающею дѣятельностію, и, сообразно съ нею*, мы различаемъ предметы, равно-какъ чужія и свои дѣйствія. Идея добра, какъ нѳическая категорія, хотя мы первоначально ничего не знаемъ о ея содержаніи, *заключаетъ въ самой себѣ именно содержаніе* высшей цѣли всякаго дѣйствія. *Тоже можно сказать объ идеѣ и прекрасномъ.* Намъ нужна особенная норма для того, чтобъ отличать прекрасное отъ добра и истины и чтобъ имѣть возможность *понимать именно прекрасное.* Этою нормою служитъ *категорическое понятіе* прекраснаго, которое *присуще нашему сознанію не какъ понятіе, но какъ норма нашей различающей дѣятельности*,—которое руководитъ ея дѣйствіями и сливаетъ съ ними первоначальную потребность прекраснаго. Въ этой потребности прекрасное даетъ о себѣ знать, какъ объ идеальномъ—*должно*, по-отношенію къ формѣ. Съ помощію этой нормы, которая сначала невольно, безсознательно *руководитъ какъ нашею способностію различать, сравнивать и обсуживать* данныя явленія, такъ и образованіемъ и видомъ нашихъ собственныхъ произведеній въ области прекраснаго,—*съ помощію этой-то нормы мы и пріобрѣтаемъ отдѣльныя представленія о прекрасныхъ предметахъ, возводимъ ихъ въ конкретныя понятія и окончательно соединяемъ въ родовомъ понятіи о прекрасномъ вообще.* Объ идеѣ прекраснаго составляется такое понятіе, на-сколько оно, будучи выведено *изъ категоріи (нормальнаго понятія)*, связывается съ сознаніемъ долга и съ потребностью прекраснаго, какъ съ идеальною формою вещей». Итакъ, изъ словъ самаго *Ульрици* открывается, что идея истины, добра и красоты имманентна нашей душѣ, есть первоначальный апріорическій элементъ нашего существа, есть внутренняя норма, есть категорія, категорическое нормальное понятіе, которое инстинктивно руководитъ нашею различающею дѣятельностію,—идея, которая въ самой себѣ заключаетъ содержаніе высшей истины,

добра и красоты,—норма, которою мы различаемъ истину отъ добра и прекраснаго,—которая руководитъ нашею способностію различать истину отъ не истины, добро отъ не добра, прекрасное отъ не прекраснаго,—способностію сравнивать и обсуждать данныя явленія,—сообразно съ которою мы различаемъ предметы,—съ помощію которой мы пріобрѣтаемъ отдѣльныя представленія объ истинныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ предметахъ, возводимъ эти представленія въ конкретныя понятія и окончательно соединяемъ въ родовомъ понятіи вообще объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ. Спрашивается теперь: эта идея, эта норма, это категорическое нормальное понятіе, этотъ основной масштабъ, съ которымъ мы сравниваемъ всякое частное проявленіе истиннаго, добраго и прекраснаго,—сама она имманентна ли нашему сознанію, или не имманентна? *Ульрици* уже отвѣтилъ, что имманентна нашей душѣ, но не для сознанія. А если сознанію не имманентна,—то какъ-же мы сравниваемъ съ нею въ нашемъ сознаніи всякія частныя наши представленія объ истинномъ, добромъ и прекрасномъ? Здѣсь, по нашему сужденію, является затрудненіе безъисходное... Но если бы *Ульрици* сказалъ, что то и другое имманентно нашему сознанію, но только различнымъ образомъ,—что т. е. и идея, какъ идея, имманентна сознанію только отлично отъ присущихъ сознанію частныхъ и общихъ понятій о всемъ истинномъ, добромъ и прекрасномъ,—какъ всегда, съ глубокой древности, и говорили,—то въ этомъ различеніи принадлежности нашему сознанію идеи и понятія и открылся бы единственный, искони дознанный и провѣренный путь къ выходу изъ логическихъ затрудненій въ разрѣшеніи этой психологической проблеммы. Тогда и оказалась бы искони признанная истина, что аналогичное идеѣ понятіе пріобрѣтается аналитически-синтетическою работою разсудка, а коренная идея истины, добра и красоты есть имманентный моментъ нашего существа, есть первоначальный апріорическій элементъ нашей души, есть категорическая норма, есть основная прирожденная принадлежность нашего сознанія. «Если мы соединимъ всѣ наши толкованія»,—говоритъ самъ *Ульрици* [1]),—«то ихъ можно будетъ выразить въ слѣдующемъ положеніи: *природа*, при точномъ разсматриваніи, *является руководствомъ къ изслѣдованію истины, первоначальною школою нравственнаго содержанія и художественнаго творчества*, а слѣд. *сокровищ-*

---

[1]) 174.

ницею нѳическихъ идей. Мы не можемъ обойтись безъ того, чтобъ не принять нѳическія понятія за масштабъ своего сужденія и классификаціи предметовъ; поэтому и оказывается вездѣ *тѣсная, неразрывная связь между областями природы и нравственности, между естественною и нѳическою (философскою) наукою, между реальнымъ и идеальнымъ.* Это не тожественность, но внутреннее первоначальное отношеніе одного къ другому, которое соединяетъ противоположности, которое возводитъ нѳическое до постулята, дѣлаетъ его цѣлью, концомъ естественнаго, а естественное дѣлаетъ фундаментомъ, исходною точкою нѳическаго. Хотя нѳическіе законы (идеи) сознаются человѣческимъ родомъ только постепенно, а слѣд., односторонне, порознь, однакожъ они являются человѣку *нормою, которую не самъ онъ себѣ создалъ и надъ которою онъ не имѣетъ никакой власти. Разумъ вовсе не производитъ нѳическихъ категорій, а скорѣе только предполагаетъ.* Еслибы мы не различали предметовъ, бытія и явленій, случаевъ и поступковъ, *сообразно главнымъ категоріямъ истины, добра, и красоты,—то не могло бы быть и рѣчи ни о разумномъ познаніи, ни о разумной волѣ и дѣйствіяхъ, ни о теоритическомъ и практическомъ разумѣ.* Разумъ есть сила различенія, которая различаетъ именно сообразно нѳическимъ категоріямъ (идеямъ), которая приводитъ къ сознанію содержаніе нѳическихъ идей. Отличительное свойство и способность его основываются только на нѳическихъ нормахъ: *разумъ есть разумъ, когда будутъ напередъ положены существованіе и знаніе этихъ нормъ,*—а разумъ есть только представитель, посредникъ между этими идеями и нашимъ сознаніемъ». Такимъ образомъ, *Ульрици* даетъ намъ, для нашей цѣли, больше, чѣмъ обѣщалъ, больше, чѣмъ можно было ждать, судя по нѣкоторымъ его отрицаніямъ. Начавъ съ отрицанія всякихъ апріорическихъ, прирожденныхъ душѣ, идей, понятій, началъ, законовъ и нормъ (категорій), онъ кончилъ не-только допущеніемъ *имманентности, апріорности, прирожденности главныхъ идей, нормъ, категорій, категорическихъ понятій истины, добра и красоты,* но и признаніемъ, что «еслибы мы не различали предметовъ, бытія и явленій, случаевъ и поступковъ, сообразно этимъ главнымъ категоріямъ, то *не могло бы быть и рѣчи ни о разумномъ познаніи, ни о разумной волѣ и дѣйствіяхъ, ни о теоретическомъ и практическомъ разумѣ*».

Этого мало. По словамъ *Ульрици* [1]), *въ прирожденныхъ законахъ*

[1]) Богъ и природа, II.

и нормахъ лежитъ послѣднее основаніе для научнаго доказательства въ-пользу признанія объективности всякаго чувственнаго воспріятія и согласія его съ реальнымъ бытіемъ,—признанія, которое опирается на проявляющуюся въ этихъ законахъ и нормахъ нашего мышленія имманентную логическую необходимость. «Объективность заручается»,—пишетъ *Ульрици*,—«*логическими законами и нормами нашего мышленія* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, *внутреннею необходимостію мысли*. Наши объективныя чувственныя воспріятія различаются отъ другихъ не объективныхъ именно этою, ручающеюся за ихъ содержаніе, необходимостью мышленія. На этомъ основаніи, не-смотря на обманъ чувствъ и другіе какіе-нибудь поводы къ сомнѣнію, *ни одинъ скептикъ, ни одинъ идеалистъ, въ строгомъ смыслѣ, не вѣритъ, что онъ одинъ только существуетъ, а всѣ вещи внѣ его суть призрачное бытіе*. Прикладывая логическую необходимость, мы имѣемъ право говорить, что *наше представленіе должно соотвѣтствовать реальной сущности предмета*,—такъ-какъ мы не въ-состояніи сомнѣваться въ объективности, которую *должны принять, т. е. не въ-состояніи не принять*. Вся естествознательная наука опирается на имманентную логическую необходимость» [1]).

Оказывается, такимъ образомъ, что *Ульрици*, желая быть универсальнымъ, а между-тѣмъ, однакожъ, увлекаясь философскою модою новѣйшаго времени отрицать прирожденность нашему уму какихъ бы то ни было формъ и даже законовъ мышленія, сдѣлалъ усиліе связать два философскіе взгляда, искони взаимно противоположные. Но связь не оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, не-только логическою, или фактическою, а даже а вербальною. Какъ философъ новѣйшаго времени, *Ульрици* счелъ своимъ долгомъ отвергнуть всѣ, «такъ-называемыя апріорическія, прирожденныя душѣ, идеи, понятія, начала, законы и нормы (категоріи); а *какъ философъ спиритуалистъ, онъ не могъ не признать ихъ прирожденность, апріорность, имманентность*. Этого мало; *прирожденныя нормы нашего мышленія (идеи, категоріи, законы), согласно съ философами спиритуалистами всѣхъ вѣковъ, онъ провозглашаетъ основою,— conditio sine qua non,— всякаго мышленія, познанія и знанія, прирожденнымъ основоположеніемъ всякаго довѣрія нашего къ реальному бытію, къ внѣ насъ существующему міру*.

---

[1]) 116.

ГЛАВА XXIX.

Вопросъ о *прирожденности идей* принадлежитъ къ числу самыхъ основныхъ вопросовъ философіи. Наиболѣе основательное и всестороннее раскрытіе его въ философіи существенно необходимо. И потому, полагаемъ, не будетъ излишествомъ, если мы подвергнемъ критикѣ ученіе еще одного отрицателя *прирожденности всякихъ представленій*, именно психолога *Вундта*. Позитивный матеріалистъ *Вундтъ*, по основнымъ своимъ взглядамъ, представляетъ противоположность съ позитивнымъ спиритуалистомъ *Ульрици*. И потому, если, обсудивъ взглядъ *Ульрици* на прирожденность идей, присоединимъ къ этому критическое обсужденіе взглядовъ и *Вундта*,—то, полагаемъ, что разсмотримъ этотъ вопросъ съ всестороннею обстоятельностію, какой только можно желать.

Конечно, *Вундтъ*, какъ позитивный матеріалистъ, долженъ былъ отвергнуть прирожденность всякихъ представленій или идей. Въ своей гносеологіи, онъ приближается къ *Д. С. Миллю*, до тожества въ основоположеніяхъ. Ему [1]) не нравится, что «*Кантъ*, какъ и другіе философы признавали нѣкоторыя понятія прирожденною собственностью нашего ума» [2]). По его мнѣнію и выраженіямъ, «понятія только и могутъ составляться при посредствѣ *опыта* [3]), *только опытъ* научаетъ меня тому, что существуютъ внѣшніе предметы. Къ различенію [4]) внѣшнихъ предметовъ отъ моего *я* пришелъ я тѣмъ—же путемъ, какъ и къ различенію внѣшнихъ предметовъ между собою,—*путемъ опыта*. Этотъ опытъ начался съ тѣхъ поръ, какъ я бросилъ первый взглядъ на предметы, въ первый разъ протянулъ къ нимъ руку. Если чувственное представленіе о внѣшнихъ предметахъ начало развиваться во мнѣ только съ пробужденіемъ моихъ ощущеній, то это значитъ, что до тѣхъ поръ у меня этого представленія не было». *Вундту* не нравится, что «психологи не дѣлаютъ строгаго различенія между развивающимся и вполнѣ развитымъ сознаніемъ и смотрятъ *на развивающееся сознаніе не какъ на процессъ, но какъ на состояніе души, данное съ самаго начала*, и полагаютъ, *будто созна-*

---

[1]) *Вундта*, Душа человѣка и животныхъ, перев. *Кемпица*, изд. *Гайдебурова*, Спб. 1868 г. [2]) 1, 5. [3]) 1, 11. [4]) 1, 340.

ніе есть врожденное свойство души, впослѣдствіи только нѣсколько измѣняющееся» [1]),—тогда-какъ, по мнѣнію *Вундта*, «сознаніе есть не что иное, какъ *результатъ умозаключительнаго процесса*, который съ логическою необходимостью подготовляется цѣлымъ рядомъ предыдущихъ психическихъ процессовъ». Эти подготовительные процессы, изъ которыхъ вытекаетъ «умозаключительный процессъ сознанія», *Вундтъ* излагаетъ весьма близко къ изложенію *Д. С. Милля* [2]). По его словамъ, «рядъ умозаключеній, посредствомъ которыхъ мы проводимъ разграничительную черту между нашимъ *я* и внѣшнимъ міромъ, строится постепенно. Но самое разграниченіе всегда бываетъ мгновеннымъ актомъ; это одинъ моментъ, въ который наше *я* вдругъ вспыхиваетъ въ душѣ съ полною ясностію. Но это [3]) самосознаніе въ первое время относится только къ нашему тѣлу: тѣло есть то *я*, которое противополагается внѣшнимъ предметамъ. Только мало-по-малу мы отличаемъ однѣ части нашего тѣла отъ другихъ, какъ болѣе существенныя,—одни дѣйствія отъ другихъ, какъ болѣе важныя для насъ, и, такимъ образомъ, включаемъ наше *я* въ болѣе тѣсные предѣлы. Сначала самосознаніе наше сосредоточивается на частяхъ, самыхъ необходимыхъ для жизни. Но потомъ и онѣ кажутся намъ чѣмъ-то внѣшнимъ, въ-сравненіи съ дѣйствіями, посредствомъ которыхъ мы сознаемъ какъ внѣшній міръ, такъ и свое собственное тѣло. Въ-сравненіи съ этою внутреннею дѣятельностію представленія и мышленія, всѣ движенія, совершаемыя членами нашего тѣла, являются внѣшними дѣйствіями и самое тѣло внѣшнимъ предметомъ. Такимъ образомъ, этотъ процессъ образованія самаго сознанія ведетъ къ тому, что *мышленіе кажется самою существенною частью нашей личности* и что мы *относимъ наше я исключительно къ психической дѣятельности, а именно къ высшей сознательной психической дѣятельности*». Вообще, по словамъ *Вундта*, «*у человѣка сознаніе и представленіе не есть что-нибудь врожденное*; а если такъ, то *мы вообще не имѣемъ права говорить о врожденномъ тамъ*, гдѣ видимъ дѣятельность, основанную на сознательныхъ представленіяхъ [4]). Если же нѣкоторые считаютъ мотивами инстинктивныхъ дѣйствій человѣка и животныхъ *врожденныя представленія*, то такое предположеніе представляется» *Вундту* «*странным*ъ» (буквально) ««*противорѣчіем*ъ всѣмъ результатамъ, которые получаются изъ изслѣдованія сознанія и способности

---

[1]) 1, 368. [2]) См. 1, 353—355, 367—367. [3]) 355 [4]) 1, 389.

представленія. Сознаніе есть продуктъ развитія; представленіе тѣсно связано съ познаніемъ. Поэтому, онъ вездѣ протестуетъ противъ врожденныхъ представленій [1]). *Все воззрѣніе наше»*,—говоритъ онъ [2]), *«рѣшительно не вяжется съ какою бы то ни было врожденностію представленій»*.

Этого мало, что всѣ наши представленія, самосознаніе, самая вѣра въ бытіе внѣшняго міра кажутся *Вундту*, какъ и *Д. С. Миллю*, не инымъ чѣмъ, какъ продуктомъ опыта. Нѣтъ, вмѣстѣ *съ Д. С. Миллемъ*, свое отвращеніе отъ какихъ бы то ни было врожденныхъ представленій онъ простираетъ до нелѣпости, до того, что даже *математическія аксіомы считаетъ продуктомъ опыта.* Этого мало, въ этомъ направленіи онъ идетъ даже далѣе *Д. С. Милля*, отрицая какую бы то ни было абсолютную достовѣрность, не допуская какихъ бы то ни было категорическихъ, всеобщихъ истинъ. По его словамъ, «даже математика есть [3]) есть не болѣе, какъ только рядъ умозаключеній изъ небольшаго числа общихъ законовъ, называемыхъ аксіомами, о множествѣ частныхъ случаевъ. *Самыя аксіомы не вложены въ нашъ умъ природою*, точно также, какъ и положеніе: *всѣ люди смертны.* Что равныя слагаемыя даютъ равныя суммы и что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, «это»,—по его словамъ, —«мы узнаемъ изъ опыта. *Достовѣрность* [4]) *никогда не бываетъ абсолютная*, а всегда только относительная, и различается не по качеству, а только по степени. *Всеобщее сужденіе всегда выражаетъ законъ, выведенный изъ отдѣльныхъ фактовъ»*. Такъ и должно быть, если всякое наше знаніе есть продуктъ опыта и ощущенія, потому-что для самыхъ ощущеній «не бываетъ а бсолютной величины, [5]) также, какъ не бываетъ и никакой абсолютной мѣры. Не подлежитъ [6]) сомнѣнію, что чувствительность нашихъ органовъ измѣняется. Ощущеніе не есть что-нибудь неизмѣнное; оно [7]) продуктъ умозаключенія, которое измѣняется вмѣстѣ съ моментами, имѣющими на него вліяніе». Такимъ образомъ, *Вундтъ* дошелъ до такого абсурда, какого напелъ нужнымъ поостеречься самъ *Миллъ*. Тотъ еще допускаетъ всеобщія истины, не допускающія никакихъ исключеній, къ которымъ относитъ законы чиселъ и причинности; а *Вундтъ* уже за-одно зачеркиваетъ всякую абсолютную достовѣрность, даже математическую, которая у него основана вся на опытѣ... Или-же онъ долженъ впасть

---

[1]) 11, 429. [3]) 11, 450. [3]) 1, 56. [4]) 60. [5]) 121. [6]) 155. [7]) 263.

въ абсурдъ противоположный,—допустить, что опытъ можетъ доставлять истины всеобщія, абсолютно-категорическія,—абсурдъ, отъ котораго опять остерегся самъ *Д. С. Миллъ*. Впрочемъ нѣтъ: *Вундтъ* безъ малѣйшаго колебанія рѣшительно настаиваетъ на томъ, что «какого бы рода [1]) ни были наши умозаключенія, *всѣмъ имъ свойственна сомнительность, зависящая отъ ограниченности нашего опыта. Какъ бы ни былъ обширенъ нашъ опытъ, онъ все-таки не можетъ исчерпать всѣхъ частныхъ случаевъ. Поэтому, каждое обобщеніе, строго говоря, есть скачекъ отъ несомнѣннаго къ сомнительному*». Поэтому, и математическія аксіомы, какъ выводы изъ опыта, пока еще сомнительны; быть можетъ, и изъ нихъ окажутся въ опытѣ исключенія... Еще страннѣе разсужденія *Вундта о законѣ причинности*. Онъ сознается, что «дѣйствительность этого закона [2]) подтверждается вездѣ, гдѣ только наше изслѣдованіе проникаетъ въ связь вещей,—что онъ выведенъ изъ ряда фактовъ,—что до сихъ поръ его находили *во всѣхъ явленіяхъ, безъ исключенія*,—что такое воззрѣніе на законъ причинности оправдывается историческимъ его развитіемъ, и что предположеніе о причинной связи явленій древнѣе исторіи науки». Тѣмъ не менѣе, по словамъ *Вундта*, этотъ законъ берется для всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій» именно только «*какъ предположеніе*». И, «хотя это *предположеніе* древнѣе исторіи науки»,—иначе сказать,—хотя оно искони было основнымъ закономъ для человѣческаго мышленія,—тѣмъ не менѣе «*распространеніе этого предположенія на всю сумму изслѣдованныхъ и не изслѣдованныхъ фактовъ еще довольно ново и, нужно сказать правду, до сихъ поръ еще не вполнѣ окончено*». *Вундтъ* высказывается даже рѣшительнѣе, именно, что «*общій законъ причинности* [3]) *не можетъ быть закономъ въ полномъ смыслѣ*». Почему? А по тому, что все познается посредствомъ опыта, «а *опытъ никогда не исчерпывается*. Этотъ законъ есть только требованіе (постулятъ), которое мы можемъ предъявить всякому научному разсматриванію міра. Высказывая его, мы еще не понялп этого верховнаго закона, а *только убѣждены въ его существованіи*». На какомъ же основаніи,—спросимъ мы,—убѣждены всѣ въ его существованіи, какъ закона всеобъемлющаго, если изъ опыта узнать этого мы неможемъ?.. Вотъ почему нельзя не сказать, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, *Вундтъ* какъ ниже увидимъ, невольно высказывается въ-пользу прирож-

---

[1]) 1, 485. [2]) 1, 56. [3]) 487.

денныхъ коренныхъ убѣжденій, основныхъ категорій и идей. Здѣсь же мы показываемъ только то, что *Вундтъ способенъ усумниться во всеобщности даже закона причинности и въ непреложности даже математическихъ аксіомъ.*

Что же касается *идей*, то *Вундтъ* относится къ нимъ даже съ большею безпощадностью, нежели къ математическимъ аксіомамъ. Идеи, по ихъ происхожденію, онъ ставитъ въ одинъ рядъ съ чувствами (внутренними), съ настроеніями и аффектами. Но чувства, настроенія и аффекты, по его словамъ, не представляютъ что-либо первоначальное въ душѣ, а производное.—По его словамъ, «только сумма [1]) представленій вызываетъ аффектъ. Физическое впечатлѣніе» будто-бы «никогда не производитъ аффекта прямо, а всегда только посредствомъ ряда возбуждаемыхъ имъ представленій. У животныхъ аффекты точно также происходятъ, частію отъ непосредственнаго возбужденія представленій, частію отъ пробужденія воспоминаній. *Аффектъ и настроеніе всегда имѣютъ свой источникъ въ познавательномъ процессѣ особаго рода.* Основанные на познавательномъ процессѣ, они предполагаютъ *весьма многосложное происхожденіе.* Чувство [2]) заключаетъ въ себѣ безсознательное, инстинктивное *познаніе.* Во всякомъ *чувствѣ*, въ каждомъ аффектѣ, каждомъ настроеніи лежитъ инстинктивное *познаніе.* Самое чувство тождественно съ инстинктивнымъ *познаніемъ*; оно основано, въ безсознательной душѣ, *на тѣхъже процессахъ, которые въ сознательной душѣ образуютъ познаніе.* Процессъ безсознательнаго познанія, открывающійся [3]) въ аффектахъ и настроеніяхъ и даже въ физическихъ чувствахъ, становится еще очевиднѣе въ тѣхъ состояніяхъ души, которыя извѣстны подъ именемъ *чувствъ эстетическихъ, этическихъ и интеллектуальныхъ.* Выраженіе: *чувство*—допускается и въ этихъ высшихъ сферахъ духовной жизни, потому-что чувство всегда основано на инстинктивномъ познаніи; эстетическія, этическія и интеллектуальныя *понятія* произошли изъ чувства. *Идея—такой-же* [4]) *окончательный продуктъ безсознательнаго познанія, какъ понятіе—продуктъ сознательнаго познанія.* Идеею мы называемъ результатъ безсознательнаго познанія, стоящій на равной ступени съ понятіемъ. Идея всегда образуется безсознательнымъ путемъ» [5]). Въ-частности, относительно *нравственной идеи, Вундту* не нравится, что «у *Канта* понятіе [6])

---

[1]) 11, 39. [2]) 11, 56—57. [3]) 58. [4]) 61. [5]) 62. [6]) 11, 129.

добра и зла обратилось въ продуктъ того внутренняго моральнаго закона, который высказывается [1]) въ совѣсти. Считая чувство за причину нравственныхъ поступковъ, *Кантъ* долженъ былъ объявить его первоначальнымъ элементомъ нашего духа, не требующимъ для себя основаній,—а во всеобщей обязательности внутренняго моральнаго закона думалъ найти вѣрное доказательство того, что *этотъ законъ вложенъ въ человѣка заранѣе.* Этимъ»,—по мнѣнію *Вундта*,—«*Кантъ* совершенно исключилъ изъ круга психологическихъ изслѣдованій вопросъ *о происхожденіи нравственнаго чувства: что вложено въ насъ съ самаго начала, то не допускаетъ мысли о постепенномъ происхожденіи.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всю внутреннюю жизнь внесенъ былъ непримиримый разладъ». По словамъ *Вундта* [2]), здѣсь философія упустила изъ виду возможность процесса происхожденія, скрывающагося въ безсознательной душѣ. Предположеніе это кажется *Вундту* тѣмъ болѣе основательнымъ, что «этотъ нравственный законъ является въ формѣ чувства, а чувство оказывается *результатомъ безсознательнаго познанія.* Не подлежитъ сомнѣнію справедливость принципа, что нравственность заключается единственно въ голосѣ совѣсти. Но это еще не рѣшаетъ вопроса: *вложена ли совѣсть въ каждаго человѣка отъ рожденія и не вырабатывается ли она, хотя и безсознательно, изъ внѣшнихъ возбужденій и основанныхъ на нихъ логическихъ процессовъ*»? На этотъ вопросъ *Вундтъ*, съ своей точки зрѣнія, отвѣчаетъ, что «понятія [3]) добра и зла существуютъ въ насъ, *первоначально, въ видѣ идей, въ-видѣ результатовъ инстинктивнаго познанія. Совѣсть есть* [4]) *дедуктивное умозаключеніе; но ей необходимо должна предшествовать индукція, именно та индукція, которая опредѣляетъ качества нравственнаго и безнравственнаго намѣренія. Идея добра и зла должна быть получена индуктивнымъ путемъ*, прежде нежели совѣсть, опираясь на нихъ, сдѣлаетъ свое дедуктивное умозаключеніе. Первымъ разъясненіемъ *происхожденія нравственныхъ идей и логическаго процесса, на которомъ основано это происхожденіе*, служитъ отвѣтъ на вопросъ: какимъ образомъ наука пришла къ нравственнымъ понятіямъ. Такъ-какъ понятіе есть таже идея, только переведенная на ясный языкъ сознанія, то намъ нужно только перенести процессъ происхожденія понятія въ безсознательную душу, чтобъ узнать способъ образованія

---

[1]) 130. [2]) 131. [3]) 133. [4]) 137.

идеи. Нравственная жизнь народовъ высказывается въ обычаѣ [1]). Но [2]) *обычай не бываетъ врожденнымъ.* Начало обычая совпадаетъ съ началомъ общества. *Но что получаетъ свой первый толчекъ въ общеніи людей, то не можетъ быть врожденнымъ.* Если нравственныя идеи проистекаютъ изъ обычаевъ и заключаются въ нихъ, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что эти идеи *не могутъ быть врожденною собственностію духа.* Тотъ [3]) психическій процессъ, который сознанію индивидуума и цѣлаго народа говоритъ, что нравственно и что безнравственно, есть одинъ обширный процессъ умозаключенія. Какъ [4]) нравственное, такъ и изящное, равно-какъ и *истина*, первоначально скрываются въ темной области чувства. Интеллектуальное чувство истины [5]) содержитъ въ себѣ инстинктивное *познаніе.* Но откуда [6]) является чувство, которымъ мы угадываемъ истину прежде, нежели узнаемъ ее дѣйствительно? Очевидно, что *это чувство можетъ быть вызвано только рядомъ опытныхъ фактовъ.* Очевидно, что и здѣсь результату должно предшествовать сопоставленіе фактовъ и умозаключеніе. Мы имѣемъ полное право», — утверждаетъ *Вундтъ* [7])—«назвать *процессъ, производящій интеллектуальное чувство, процессомъ безсознательнаго познанія.* Онъ безсознательный процессъ по тому, что мы ничего не знаемъ о его существованіи». Тѣмъ не менѣе *Вундтъ* знаетъ, что «умозаключенія, изъ которыхъ состоитъ процессъ безсознательнаго познанія или процессъ чувства, суть умозаключенія индуктивныя. Каждое интеллектуальное чувство основано на индукціи. Напротивъ того, перенося процессъ безсознательнаго познанія въ сознаніе, мы дѣлаемъ это посредствомъ дедукціи. Тогда какъ индукція, отъ начала до конца, лежитъ въ безсознательной душѣ, этотъ дедуктивный процессъ весь сполна совершается въ сознаніи. Интеллектуальное чувство [8]) въ-сущности основано на одномъ и томъ-же процессѣ, который тождественъ съ процессомъ познанія; все отличіе его состоитъ въ томъ, что онъ совершается въ безсознательной душѣ. Поэтому мы и назвали чувство безсознательнымъ инстинктивнымъ *познаніемъ.* Эстетическія и нравственныя чувства точно также происходятъ *изъ инстинктивнаго познавательнаго процесса, рождающаго чувство* [9]). Различіе, которое мы принимаемъ между чувствами интеллектуальными, эстестическими и нравственными, есть чисто внѣшнее. Всѣ три формы инстинктивнаго

---

[1]) 155. [2]) 159. [3]) 235. [4]) 261. [5]) 262 [6]) 267. [7]) 238. [8]) 276. [9]) 277.

познанія совпадаютъ между собою. Только въ безсознательной душѣ эти процессы совершаются въ одновременномъ множествѣ индукцій; а въ сознаніи, согласно съ его природою, они сливаются въ одну линію дедукціи».

Итакъ, по ученію *Вундта*, ясно, что мы не имѣемъ ни врожденныхъ идей, ни понятій и какихъ бы то ни было представленій. Но здѣсь представляется первая странность: ужели-же онъ *инстинктивное познаніе*, о которомъ такъ много толкуетъ, *не считаетъ прирожденнымъ, тогда-какъ уже испоконъ-вѣка принято признавать инстинкты прирожденными, такъ-что понятія инстинктивнаго и прирожденнаго стали въ словоупотребленіи почти тождественными?*

Допускаетъ ли Вундтъ инстинкты и инстинктивныя познанія? Очевидно допускаетъ, и у человѣка и у животныхъ, считая вообще душу человѣка и души животныхъ тождественными, различая познанія животныхъ отъ человѣческихъ только по степени, а не по роду и качеству, и даже объясняя происхожденіе инстинктовъ, какъ и вообще всѣ психическія явленія въ душѣ животной, аналогичными съ явленіями въ душѣ человѣческой. *Вундтъ* прямо говоритъ и доказываетъ [1]), будто «ни одно животное [2]) не бываетъ лишено сознанія и у многихъ животныхъ оно является даже раньше, чѣмъ у человѣка; изъ наблюденія надъ животными мы» будто бы «не видимъ, чтобы душевныя способности животнаго и человѣка были совершенно различны» [3]). *Вундтъ* утверждаетъ рѣшительно, что у животныхъ есть познавательный [4]) процессъ. Онъ фактами доказываетъ, что пчелы, муравьи, термиты достигаютъ такого умственнаго развитія, которое ставитъ ихъ на-ряду со способнѣйшими изъ позвоночныхъ животныхъ [5]). Ясные слѣды разумной дѣятельности находитъ онъ у бабочекъ, именно еще въ состояніи личинокъ, [6]) слѣды размышленія въ жукахъ [7]). Муравьи, термиты и пчелы, по словамъ *Вундта* [8]), «обладаютъ не только размышленіемъ, способностію дѣйствовать по соображеніямъ разсудка, но и средствами для взаимнаго сообщенія мыслей. Въ-особенности явленія общественной жизни ясно указываютъ на существованіе у этихъ животныхъ языка, а языкъ возможенъ только на довольно высокой степени психическаго развитія, которой онъ бываетъ продуктомъ».

---

[1]) Въ какой мѣрѣ основательно или неосновательно онъ доказываетъ это, здѣсь этого вопроса мы не касаемся. [2]) 1,387. [3]) 1,380. [4]) 543. [5]) 545. [6]) 546. [7]) 547. [8]) 549.

Самой [1]) высшей степени умственнаго развитія, въ царствѣ животныхъ, достигаетъ классъ млекопитающихъ, къ которымъ принадлежитъ и человѣкъ. Послѣ обзора духовныхъ явленій въ царствѣ животныхъ, отвѣтъ на вопросъ о качествѣ познавательнаго процесса у животныхъ (будто бы?) не сомнителенъ [2]): познаніе животныхъ отличается отъ познанія человѣка (будто бы?) только степенью своего развитія. Всѣ духовныя различія [3]) суть различія степени, но не качества: бабочка, которая по цвѣту и запаху узнаетъ цвѣтокъ, заключающій въ себѣ медъ, дѣлаетъ (будто бы?) такое-же сужденіе, основанное на умозаключеніяхъ, какъ и ученый, выводящій изъ данныхъ фактовъ общій законъ». По словамъ *Вундта*, «главные пункты, показывающіе успѣхи умственнаго развитія, суть слѣдующіе: различеніе собственнаго существа отъ внѣшняго міра или начало сознанія, потомъ [4]) соединеніе представленій и память и, наконецъ, образованіе понятій и сообщеніе ихъ другимъ. И человѣкъ стоитъ не внѣ этого; ряда развитія, онъ даже не занимаетъ въ немъ особой ступени, а достигаетъ только сравнительно высшей точки, на третьей ступени этого ряда. Ни образованіе понятій, ни языкъ не составляетъ исключительной принадлежности человѣка. Многія дѣйствія [5]) животныхъ, смѣшиваемыя съ инстинктомъ, кажутся *Вундту* очевидными проявленіями разума. Но, тѣмъ не менѣе, рядомъ съ ними самъ-же *Вундтъ* находитъ и такія дѣйствія, которыя хотя и совершенно цѣлесообразны, но никакъ не могутъ быть истолкованы обдуманностію, соображеніемъ. Такъ, устройство птичьяго гнѣзда, тканье паука, строеніе пчелиныхъ сотовъ суть дѣйствія положительно цѣлесообразныя. Но если бы такая дѣятельность была дѣятельностію сознательною,—то она предполагала бы гораздо высшую степень сознательнаго разсужденія, нежели какую мы видимъ въ другихъ дѣйствіяхъ тѣхъ-же животныхъ. Другой, еще болѣе важный, аргументъ, доказывающій, что *эти и подобныя имъ цѣлесообразныя дѣйствія не могутъ быть слѣдствіемъ сознательнаго разсужденія*, *Вундтъ* находитъ въ той строгой правильности, съ какою эти дѣйствія повторяются у отдѣльныхъ индивидуумовъ одного и того-же вида, тогда-какъ между этими индивидуумами далеко не всегда бываетъ такая связь, которою можно было бы сколько-нибудь объяснить эти дѣйствія. *Вундтъ* не отрицаетъ, что, въ безчисленномъ множествѣ случаевъ [6]), индивидуумъ начинаетъ

---

[1]) 553. [2]) 561. [3]) 562. [4]) 563. [5]) 11,424. [6]) 426, 11.

свою жизнь совершенно самостоятельно. Когда гусеница выходитъ изъ яичка, родителей ея давно уже нѣтъ въ живыхъ; но, несмотря на то, она устроиваетъ себѣ точно такой-же коконъ. *Вундтъ* знаетъ, что, въ очень многихъ случаяхъ, инстинктивное дѣйствіе заключаетъ въ себѣ *рѣшительное предвидѣніе будущаго*; а можетъ ли быть такое предвидѣніе сознательнымъ, если аналогическіе факты не предшествовали ему въ индивидуальной жизни и не были сообщены другими индивидуумами»?

Если, по словамъ *Вундта, инстинктивныя дѣйствія не могутъ происходить отъ сознательнаго разсужденія*, потому-что въ такомъ случаѣ они предполагали бы способность *предвидѣнія, невозможную психологически*,—то точно также не состоятельна и противоположная гипотеза, которая хочетъ вывести всякій инстинктъ [1]) *изъ законовъ физической организаціи*. Если личинка отдѣляетъ свой шелкъ, паукъ свою паутину, пчела свой воскъ,—то это столько-же необходимо физически, какъ и всякое другое выдѣленіе ихъ организма. Но какъ объяснить физическою организаціею то, что эти вещества, по своемъ выдѣленіи, переработываются именно въ такіе, довольно замысловатые, продукты? «Однимъ словомъ», сознается *Вундтъ*,—«*тутъ мы имѣемъ дѣло съ такъ—называемыми животными инстинктами*».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, *Вундтъ* признаетъ, что «инстинктивныя дѣйствія свойственны не-только животнымъ, но и человѣку. Если [2]) возмемъ инстинктъ въ-смыслѣ цѣлесообразнаго, но безсознательнаго, дѣйствія,—то ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ, что многія дѣйствія и *у человѣка производятся совершенно безсознательно*. Мы смѣемся и плачемъ, мы совершаемъ самыя многосложныя мимическія движенія помимо нашей воли и нашего знанія, и даже вопреки имъ. У дѣтей [3]) *инстинктивныя дѣйствія*, очевидно, выходятъ изъ рефлексовъ. Всѣ мимическія движенія суть, въ тоже время, рефлективныя движенія. Они являются [4]) не только при дѣйствіи извѣстныхъ чувственныхъ раздраженій, въ-отношеніи которыхъ они служатъ цѣлесообразнымъ отраженіемъ (рефлексомъ), но часто слѣдуютъ даже за чисто психическими аффектами. Такъ, выраженіе лица при ощущеніи кислаго и горькаго происходитъ не только отъ дѣйствія кислыхъ и горькихъ вкусовыхъ раздраженій, но и вообще отъ непріятныхъ возбужденій, напр., презрѣнія, ненависти, отвращенія. Связь [5]) самыхъ первоначальныхъ мимиче-

---

[1]) 11, 498. [2]) 11, 430. [3]) 11, 431. [4]) 11, 432. [5]) 11, 436.

скихъ движеній съ тѣми внутренними возбужденіями, отъ которыхъ они зависятъ, должна считаться *не иначе, какъ врожденною*». Такимъ образомъ, *Вундтъ* заговорилъ уже и о врожденности.

«Какъ объяснить [1]) *эту врожденную связь*»? спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «очевидно, всего естественнѣе вывести ее изъ органической связи нервныхъ волоконъ и нервныхъ клѣточекъ. По общей теоріи рефлекса, мы должны предположить *извѣстное расположеніе, зависящее отъ природной связи волоконъ въ центральной нервной системѣ.* Сказавъ [2]), что связь мимическихъ движеній, съ вызывающими ихъ внутренними возбужденіями должна оставаться врожденною, мы вышли за предѣлы индивидуальнаго существованія. *Была ли эта связь, сообщаемая индивидууму уже въ готовомъ видѣ, выработана въ-теченіи многихъ поколѣній, или она заранѣе была вложена въ первое существо и оставалась неизмѣнною до нынѣ?* Рѣшеніе этой альтернативы зависитъ отъ того, каковы наши воззрѣнія относительно великаго вопроса о происхожденіи органическаго міра». Для разъясненія этого вопроса, *Вундтъ* прибѣгаетъ къ Дарвиновой теоріи естественнаго подбора и наслѣдственной передачи. «Если Дарвиновъ принципъ естественнаго подбора»,—пишетъ онъ, - «разъясняетъ для насъ много темнаго въ естественной исторіи физическаго организма, то это не менѣе можно сказать и о загадкахъ психическаго развитія [3]). Оба закона, на которыхъ существеннымъ образомъ основанъ этотъ принципъ въ физическомъ отношеніи, законъ измѣненія индивидуальныхъ свойствъ и *законъ наслѣдственной ихъ передачи*, оба они могутъ быть доказаны, въ настоящее время, и въ духовной области. Когда индивидуальныя уклоненія умножаются, при наслѣдственной передачѣ, то происходятъ различія племени, расы и вида. А отъ развитія отдѣльныхъ частей нервной системы и соединенныхъ съ нею органовъ зависитъ способность извѣстныхъ частей приходить въ общее возбужденіе, и слѣд. [4]), наклонность къ сложнымъ отправленіямъ извѣстнаго рода. Вообразимъ себѣ, что существуетъ организмъ съ простѣйшею нервною системою, состоящею изъ одной или нѣсколькихъ клѣточекъ, съ придачею къ нимъ нервныхъ волоконъ. Вскорѣ въ немъ болѣе другихъ разовьются тѣ волокна, которыя чаще подвергаются внѣшнимъ раздраженіямъ. Такимъ образомъ, возникаетъ отдѣльный механизмъ рефлексовъ, который передается по наслѣдству. Когда

---

[1]) 437, 11. [2]) 438, 11 [3]) 441, 11. [4]) 443, 11.

рефлективныя движенія были регулированы подобнымъ образомъ, изъ взаимодѣйствія этихъ движеній *съ внѣшнимъ міромъ долженъ произойти первый зародышъ сознанія* [1]). Тутъ все, что было произведено процессомъ безсознательнаго познанія, должно было войти въ это сознаніе въ-видѣ результата. Сначала явились физическія чувства, потомъ и аффекты; эти чувства, въ свою очередь, оказывали вліяніе на дѣйствія, и, так. образомъ, произошли тѣ, болѣе сложныя, цѣлесообразныя, но все еще *безсознательныя, движенія, которыя мы называемъ инстинктивными дѣйствіями.* Но такъ-какъ съ сознаніемъ развилось и сознательное познаніе, то послѣднее произвело сознательныя и произвольныя дѣйствія. А эти, въ свою очередь, имѣли сильное вліяніе на физическую организацію. Но при этомъ и цѣли, первоначально бывшія сознательными, могутъ сдѣлаться потомъ безсознательными, и, не-смотря на то, по-прежнему могли продолжаться дѣйствія, выражающія стремленіе къ нимъ. Такимъ образомъ, изъ сознательныхъ дѣйствій снова происходятъ *инстинктивныя. Послѣднія оставались постоянною собственностью духа,* которая умножалась новыми актами сознанія. Центръ [2]) тяжести этой гипотезы спирается на два закона, *вполнѣ доказанные и въ психической области: законъ наслѣдственности, и законъ измѣненія.* Стремленіе родителей передать свои индивидуальныя качества въ наслѣдство потомкамъ и побужденіе послѣднихъ пріобрѣсти новыя индивидуальныя свойства должно представлять себѣ какъ одновременныя и часто другъ другу противодѣйствующія силы. Фактическое развитіе есть не что иное, какъ равнодѣйствующая этихъ силъ».

По видимому, *Вундтъ*, ясно допуская *цѣлый рядъ инстинктивныхъ познаній*, допускаетъ и *врожденность ихъ*? Но здѣсь онъ чувствуетъ себѣ въ большомъ затрудненіи. «Все воззрѣніе наше на духовную жизнь», продолжаетъ онъ [3]),—«рѣшительно не вяжется съ какою бы то ни было врожденностью представленій». Итакъ, что же, врождены ли инстинктивныя познанія, или не врождены?—«Все, что мы можемъ и должны допустить»,—объясняетъ онъ,—«какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, это *наслѣдственность способностей.* Что наслѣдственность тѣлесныхъ свойствъ состоитъ только въ наслѣдственной передачѣ способности къ развитію извѣстной формы тѣла, это видно изъ непосредственнаго наблюденія. Въ первомъ зародышѣ нельзя за-

---

[1]) 444,11. [2]) 448,11, [3]) 11,450.

мѣгить ни малѣйшаго слѣда особенностей тѣлеснаго образованія; всѣ эти особенности суть продукты уже самостоятельнаго развитія и потому въ зародышѣ могуть заключаться только потенціально, т. е. *въ-качествѣ способностей.* Примѣняя это къ духовной жизни, мы должны понимать здѣсь *врожденность инстинктовъ не такъ, какъ будто въ каждое животное заранѣе вложенъ образъ его будущихъ жизненныхъ отправленій*, прежде, нежели оно начало совершать эти отправленія; *но мы должны представлять себѣ, что всякое существо, по общей своей организаціи, получаетъ преобладающую наклонность къ извѣстнымъ отправленіямъ.* Въ чемъ именно состоитъ эта наклонность, это расположеніе, это остается для насъ загадкою».

Итакъ ясно, что *Вундтъ*, не-только своими объясненіями психической жизни, но и буквальными выраженіями, допускаетъ *врожденность инстинктовъ.* Если же кажется, что онъ, въ тоже время, какъ-будто и отрицаетъ ее, то это значитъ только, что онъ силится истолковать ее какъ-будто несогласно съ общимъ смысломъ. По его толкованію, *инстинкты врождены не какъ представленія или образы будущихъ жизненныхъ отправленій, но какъ преобладающая наклонность общей организаціи всякаго живаго существа къ извѣстнымъ отправленіямъ, — наклонность, которая, при правильномъ развитіи организаціи, неизбѣжно развиваетъ въ нервной системѣ представленіе или образъ извѣстныхъ жизненныхъ отправленій.* Но въ такомъ толкованіи врожденности инстинктовъ долженъ согласиться съ *Вундтомъ* всякій эмпирическій психологъ, всякій наблюдатель психической жизни.

Въ-частности, допускаетъ ли *Вундтъ*, въ какомъ-либо смыслѣ, *прирожденность высшихъ человѣческихъ идей?* Очевидно, допускаетъ: отрицая на словахъ, допускаетъ на дѣлѣ уже по тому самому, что допускаетъ прирожденность инстинктовъ, а идеи относитъ къ инстинктамъ.

«Чувство заключаетъ въ себѣ»,—по его словамъ, — «*безсознательное, инстинктивное* познаніе. Во всякомъ чувствѣ, въ каждомъ аффектѣ, каждомъ настроеніи лежитъ *инстинктивное* познаніе. Самое чувство тождественно съ *инстинктивнымъ* познаніемъ [1]); но, называя чувство *инстинктивнымъ* познаніемъ [2]), мы говоримъ только, что *оно основано въ безсознательной душѣ* на тѣхъ—же процессахъ, которые

---

[1]) 11,56. [2]) 11,57.

въ сознательной душѣ образуютъ познаніе». Для насъ не то важно, какъ это видитъ *Вундтъ* въ безсознательной душѣ тѣ познавательные процессы, которые образуютъ чувство, а то, что *оно инстинктивно.* Въ тоже время, *Вундтъ* сознается, что «мы не можемъ разложить чувство на составныя части, *или вывести изъ основаній*, какъ какую-нибудь истину познанія. *Чувство* [1]) *постигаетъ инстинктивно; въ чувствѣ проявляется безотчетный голосъ природы».* Ясно, кажется, что *изрекаемый нашимъ чувствомъ голосъ есть голосъ самой природы*, хотя и безотчетный, т. е., съ нашей точки зрѣнія, безотчетный потому, что мы не можемъ дать себѣ отчета, почему чувство наше изрекаетъ такой, а не другой голосъ. И между-тѣмъ «изъ чувства»,—по словамъ *Вундта* [2]),—«произошли *всѣ эстетическія, этическія и интеллектуальныя понятія*: они образовались тогда, когда мышленіе овладѣло чувствами и вывело на свѣтъ сознанія содержащееся въ нихъ *инстинктивное* познаніе. При первомъ взглядѣ на чувство, предчувствуется въ немъ *инстинктивный познавательный процессъ: мы чувствуемъ, что здѣсь есть какое-то познаніе*, а въ то-же время, мы не можемъ проникнуть взоромъ въ дѣйствительный процессъ этого познанія. Отъ чего происходитъ это предчувствіе? *Идеи красоты* [3]), *добра и истины пробуждаются въ насъ такимъ образомъ, что мы не сознаемъ, откуда онѣ явились и на чемъ основаны.* И именно въ этомъ и состоитъ ихъ отличіе отъ познанія. Понятія пріобрѣтаются постепенно, долгимъ трудомъ; но *идеи красоты, добра и истины мы носимъ въ себѣ, задолго до того, какъ возводимъ ихъ въ понятія.* Таковъ существенный смыслъ, который мы должны придать слову *идея.* Для насъ оно такое-же характеристическое выраженіе для окончательнаго продукта безсознательнаго познанія, какъ понятіе—для продукта сознательнаго познанія. Идеею мы называемъ результатъ безсознательнаго познанія, стоящій на равной ступени съ понятіемъ, но не дозволяющій, подобно понятію, видѣть процессъ своего происхожденія... Эти противорѣчія можно легко объяснить *безсознательнымъ происхожденіемъ идеи.* Если идею иногда считали за одно и то-же съ представленіемъ, то въ этомъ виноватъ именно *безсознательный процессъ ея происхожденія, вслѣдствіе котораго идею нельзя было ставить на равнѣ съ понятіемъ.* Отъ понятія она отличается тѣмъ, что послѣднее совершаетъ свои абстракціи сознательно;—тогда-какъ *идея всегда обра-*

---

[1]) 11,59. [2]) 11,59. [3]) 61.

зуется безсознательнымъ путемъ и только въ готовомъ видѣ переходитъ въ сознаніе. По-этому, идею никогда нельзя разложить, какъ понятіе, на опредѣленное число предикатовъ; при разложеніи идеи на предикаты всегда получается остатокъ, котораго нельзя опредѣлить; ей всегда свойственна та неопредѣленность, которую часто называли безконечностью идеи».

Въ-частности, относительно *нравственной идеи, идеи нравственнаго закона*, *Вундтъ* сознается, что понятія добра и зла существуютъ [1]) въ насъ первоначально въ-видѣ *идей*, въ-видѣ результатовъ *инстинктивнаго познанія, и происхожденіе ихъ скрывается во мракѣ безсознательной души.* Точка [2]) происхожденія нравственной жизни совпадаетъ вообще съ происхожденіемъ человѣческаго рода. Есть нравственныя идеи, безъ которыхъ [3]) не обходится, повидимому, ни одинъ народъ, въ первоначальную пору. Не должно, впрочемъ, забывать, что самая первоначальная пора нравственности, за исключеніемъ развѣ нравственности животныхъ, остается для насъ terra incognita. Было бы несправедливо отказать даже дикарямъ [5]) во всякомъ нравственномъ чувствѣ; напротивъ того оно постоянно возвышало свой голосъ среди всѣхъ звѣрствъ каннибализма, частію стараясь извинить ихъ, частію громко протестуя противъ нихъ. Такимъ образомъ и естественному человѣку нельзя отказать [4]) въ нравственной жизни: *она является съ самаго начала человѣческаго существованія, во всѣхъ своихъ зародышахъ.* Высшія [6]) ступени развитія нравственной жизни имѣютъ *свой зародышъ въ первоначальномъ состояніи естественнаго человѣка;* но цвѣтъ и плодъ созрѣваютъ только въ средѣ народовъ цивилизованныхъ. Такимъ образомъ человѣкъ принимаетъ нравственные законы за норму своихъ поступковъ; а откуда онъ беретъ эти законы, объ этомъ мы непосредственно ровно [7]) ничего не знаемъ. *Самъ нравственный процессъ весь лежитъ въ безсознательной душѣ;* въ сознаніи мы находимъ только его результатъ. Какъ ни разнообразны [8]) измѣненія, которымъ подвергаются нравственныя идеи въ ходѣ всемірной исторіи, — но есть одна субъективная связь, ихъ соединяющая. Нравственныя цѣли, къ достиженію которыхъ стремятся народы, въ-сущности своей всегда одинаковы; обычаи и законы могутъ представлять коренныя различія, а сущность идеи нравственнаго всегда останется одна и та же».

---

[1]) 11, 133. [2]) 11, 152. [3]) 11, 160. [4]) 167. [5]) 178. [6]) 179. [7]) 233. [8]) 234.

Въ-частности *относительно интеллектуальнаго чувства, чувства истины*, *Вундтъ* говоритъ, что оно [1]) содержитъ въ себѣ *инстинктивное познаніе*, что дѣйствительное бытіе вещей соотвѣтствуетъ нашему представленію о нихъ, а въ чувствѣ заблужденія лежитъ *инстинктивное познаніе*, что между тѣмъ и другимъ существуетъ противорѣчіе. Чувство истины пассивно; оно всегда предшествуетъ [2]) познанію и *инстинктивно заключаетъ его въ себѣ*. Всякое познаніе сначала пріобрѣтается *путемъ инстинкта*. Почти каждое открытіе, каждая новая истина основаны на *безсознательномъ познаніи*. Тотъ *инстинктивный* тактъ, который, приступая къ изслѣдованію, тотчасъ смекаетъ, въ чемъ главное дѣло, который нерѣдко по началу угадываетъ конецъ, основанъ исключительно на чувствѣ, на процессѣ *безсознательнаго познанія*.... Исторія наукъ [3]) показываетъ, какъ *инстинктивное познаніе* всегда предшествуетъ сознательному. Когда приходитъ время проложить новый путь для науки, какое-то *инстинктивное* стремленіе влечетъ сотни умовъ на эту новую дорогу. Вся заслуга великихъ мыслителей [4]) состоитъ въ томъ, что они въ первый разъ съ яснымъ сознаніемъ высказываютъ и оцѣниваютъ вещи, которыя прежде понимались только *инстинктивно*. *Инстинктивное познаніе* само по себѣ не можетъ дать полнаго познанія: оно предшествуетъ познанію и указываетъ ему новыя точки зрѣнія. Истинное познаніе является только тогда, когда въ найденное [5]) *инстинктивно* проникаетъ лучъ яснаго сознанія. Знаніе [6]) всегда начинается съ *инстинктивнаго* нахожденія; но тамъ, гдѣ нужна твердая достовѣрность, оно должно перейти на степень сознательнаго исканія. Хотя и на этой высшей ступени науки *инстинктъ все еще остается первымъ руководителемъ* на пути къ вѣрной цѣли,—но этимъ не должно ограничиваться. Для науки не довольно того, что истина найдена; она спрашиваетъ: почему найденное есть истина. Это доказательство есть дѣло науки».

Наконецъ, въ-частности «эстетическое чувство»,—по словамъ *Вундта* [7]), — «также зависитъ отъ *инстинктивнаго познанія*. Творческое осуществленіе идеи въ художественномъ произведеніи происходитъ совершенно *инстинктивно*; всякое художественное творчество бываетъ въ-началѣ безсознательнымъ. Законы [8]) формы, осуществленіе

---

[1]) 11, 262. [2]) 263. [3]) 264. [4]) 265. [5]) 266. [6]) 267. [7]) 11, 67. [8]) 124.

которыхъ мы находимъ въ совершеннѣйшихъ произведеніяхъ природы, и тѣ законы формы, которымъ слѣдуетъ наше естественное чувство, одни и тѣже. Что значитъ это совпаденіе? Всего естественнѣе предполагать, что *нашъ эстетическій законъ формы образовался подъ вліяніемъ того закона формы, который мы находимъ въ природѣ*» (иначе сказать — прирожденъ?), «и что намъ кажутся изящными всѣ тѣ пропорціи, которыя соотвѣтствуютъ болѣе совершеннымъ формамъ природы. Но [1]) съ такимъ-же правомъ можно утверждать и на-оборотъ, что *совершеннѣйшія формы природы именно потому и кажутся намъ изящными, что соотвѣтствуютъ лежащему въ насъ*» (*иначе сказать,—лежащему въ нашей природѣ, прирожденному*) «*эстетическому закону формы.* Въ чемъ [2]). состоитъ то общее, въ которомъ сходны всѣ явленія элементарной красоты? Это, очевидно, понятіе порядка, взятое въ своемъ высшемъ значеніи. Въ каждомъ изящномъ явленіи заключается идея, что міръ не есть грубая масса безсвязныхъ частностей, но что въ нихъ одно имѣетъ связь съ другимъ. Такъ, каждое отдѣльное явленіе уже содержитъ въ себѣ намекъ на правильное міровое цѣлое, на *космосъ*, какъ называли его, съ выразительною многознаменательностію, греки. Но *въ этой сущности идеи изящнаго ясно раскрывается и связь ея съ идеями религіозною, нравственною и интеллектуальною.* Вѣчный порядокъ, отражающійся во всѣхъ вещахъ, представляетъ намъ сущность вещей чѣмъ-то безконечнымъ и непостижимымъ: вотъ идея, въ которой коренится *религіозное чувство.* Внѣшній порядокъ указываетъ на внутренній, и зависимость *отъ внутренняго закона, который съ самаго начала скрывается въ ходѣ міроваго развитія, рождаетъ нравственное чувство.* Наконецъ, изъ *безсознательнаго познанія* правильнаго міроваго устройства проистекаетъ *интеллекиуальное чувство*».

Такимъ образомъ, не-смотря на всѣ свои отрицанія прирожденности идей, представленій и т. п., *Вундтъ* буквально выражается, что *въ насъ, въ нашей природѣ, лежитъ эстетическій законъ формы, внутренній эстетическій законъ, совпадающій, или даже тожественный съ закономъ изящнаго, лежащаго въ природѣ,—что намъ прирождена идея изящнаго, тожественная съ идеями интеллектуальною, нравственною и религіозною, идея, служащая въ нашей душѣ прирожденнымъ отраженіемъ міроваго порядка, универсальной красоты и правды космоса.*

---

[1]) 125. [2]) 127.

А если, въ тоже самое время, *Вундтъ* также положительно говоритъ, что «все воззрѣніе его не вяжется съ какою бы то ни было врожденностью представленій», то здѣсь онъ только противорѣчитъ себѣ, противорѣчитъ другимъ своимъ буквальнымъ-же выраженіемъ. Идеи интеллектуальную и нравственную онъ признаетъ тожественными съ идеею эстетическою; но о послѣдней выражается буквально, что «*въ насъ*» (иначе сказать, въ нашей природѣ) «*лежитъ эстетическій законъ формы*». Вообще о чувствѣ, изъ котораго проистекаютъ всѣ идеи, онъ говоритъ, что «чувство постигаетъ инстинктивно, — *въ чувствѣ проявляется безотчетный голосъ природы*,—и задача науки», по словамъ *Вундта*, «состоитъ въ томъ, чтобы *этотъ безотчетный голосъ природы, проявляющійся въ чувствѣ*, перевести на ясный языкъ мышленія. *Понятіе есть также идея*, только переведенная на ясный языкъ сознанія. Чувство вездѣ есть піонеръ познанія; оно всегда предшествуетъ познанію и *инстинктивно заключаетъ его въ себѣ*. Чувствомъ мы не можемъ познавать никакихъ истинъ; но *оно приготовляетъ намъ познаніе истины*. Чувство дорожный указатель, руководящій нашимъ духомъ; оно побуждаетъ его проникнуть яснымъ понятіемъ въ тѣ области, о существованіи которыхъ само оно можетъ только догадываться. Испытующій умъ долженъ видѣть высочайшую свою задачу въ томъ, *чтобы всюду превратить инстинктивное познаніе чувства въ ясное познаніе понятія*. Познаніе постоянно должно вырабатываться изъ чувства. *Задача всѣхъ наукъ* состоитъ въ томъ, *чтобы*, на-сколько возможно, *превращать идеи въ понятія*. Науки работаютъ надъ этимъ все время своего существованія и даже можно назвать это ихъ исключительною работою. Но эта задача никогда не можетъ быть рѣшена совершенно; а если бы даже наука и рѣшила ее, то *идея* все-таки *останется для непосредственнаго сознанія тѣмъ-же цѣлымъ*, которое само по себѣ недѣлимо на части, но разлагается только посредствомъ рефлекціи». Идею *Вундтъ* ставитъ вообще въ одинъ разрядъ съ представленіемъ и понятіемъ, хотя и отличаетъ ихъ, какъ и слѣдуетъ, одно отъ другаго. По его выраженіямъ, «какъ представленіе [1]), такъ и идея, являются въ сознаніи готовымъ результатомъ; но *идея стоитъ выше представленія*, по тому, что не занимается, подобно ему, непосредственнымъ созерцаніемъ; *отъ понятія же идея* отличается тѣмъ, что послѣднее со-

---

[1]) 62, 11.

вершаетъ свои абстракціи сознательно, тогда-какъ идея всегда пріобрѣтается безсознательнымъ путемъ. Идею никогда нельзя разложить, какъ понятіе, на опредѣленное число предикатовъ; при разложеніи идеи на предикаты, всегда получается остатокъ, котораго нельзя опредѣлить;—ей всегда свойственна неопредѣленность, которую называли безконечностью идеи». Но, во всякомъ случаѣ, идея заключаетъ въ себѣ инстинктивное познаніе и тѣсно граничитъ съ представленіемъ и понятіемъ, превосходя ихъ своею сверхчувственностію, безпредѣльностію и неразложимою цѣльностію, т. е. своимъ абсолютнымъ единствомъ. Такимъ образомъ, допуская прирожденность идей, какъ инстинктивнаго познанія, *Вундтъ*, *nolens volens* (волею-неволею), *допускаетъ прирожденность и представленій высшаго порядка.*

Подобнымъ-же образомъ, не безъ противорѣчія коренной тенденціи своей системы, *Вундтъ* сознается, что *и критерій довѣрія къ дѣйствительному бытію внѣшняго міра лежитъ также внутри насъ, въ нашей природѣ.* Согласно съ коренною тенденціею (направленіемъ) своей системы, онъ утверждаетъ, что къ различенію внѣшнихъ предметовъ [1]) отъ моего *я*, какъ и къ различенію внѣшнихъ предметовъ между собою, мы приходимъ не иначе, какъ *путемъ опыта.* Если чувственное представленіе *о внѣшнихъ предметахъ* начало развиваться во мнѣ только съ пробужденіемъ моихъ ощущеній, то это значитъ, что до тѣхъ поръ у меня этого предчувствія не было. Одинъ опытъ научаетъ меня тому, что существуютъ внѣшніе предметы. Но что такое опытъ? *Опытъ есть отраженіе въ зеркалѣ; онъ не реальность*, хотя и не мечта воображенія. Но если опытъ есть зеркальное отраженіе, то ему должны быть свойственны и недостатки зеркальнаго отраженія [2]). И дѣйствительно, опытъ есть ограниченная и отчасти даже измѣненная дѣйствительность. *Но можно ли вообще опытъ назвать дѣйствительностью?* Если только чувства наши имѣютъ измѣняющее вліяніе, то *гдѣ же ручательство, что они не безусловно все измѣняютъ?* Что можетъ увѣрить меня, что то, что я называю дѣйствительностью, не есть просто продуктъ моихъ чувствъ? Это ручательство довѣрія къ свидѣтельству чувствъ, вслѣдъ за всѣми интроспективистами, *Вундтъ* находитъ только внутри человѣческой природы. «*Что во мнѣ есть ничто*»,—отвѣчаетъ онъ на коренной вопросъ человѣческой гносеологіи, — «*подтверждающее дѣйствительность ви-*

---

[1]) 1, 340. [2]) 341.

димаго мною міра, это фактъ, котораго нельзя оспоривать. Дѣйствительный міръ навязывается [1]), принуждаетъ себя чувствовать, — и противъ этого принужденія безсильно *всякое сопротивленіе, всякое отрицаніе. Это единственная истина*, въ которую можно вѣрить, хотя и по принужденію». Точнѣе сказать, это не-столько единственная истина, въ которую можно вѣрить, сколько одна изъ самыхъ коренныхъ, инстинктивныхъ, вложенныхъ въ существо интеллектуальной природы истинъ, въ которую человѣкъ безсиленъ не вѣрить.

ГЛАВА XXX.

Что же мы получаемъ въ результатѣ нашего изслѣдованія *о прирожденности основъ нашего мышленія и, прежде всего, о прирожденности довѣрія къ внѣшнему бытію*? Это слѣдующіе выводы:

1) Разница между такъ-называемою психологической теоріею *Д. С. Милля* и философіею интроспективною заключается въ томъ, что интроспективисты считаютъ довѣріе къ существованію міра самымъ кореннымъ свидѣтельствомъ сознанія, самымъ начальнымъ внутреннимъ усмотрѣніемъ, самою непререкаемою аксіомою, которую необходимо мыслить такъ, и нельзя мыслить иначе. А по *Миллю* самое неизбѣжное свидѣтельство внутренняго сознанія, самое естественное содружество идей, наиболѣе необходимо порождаемое законно-универсальнымъ порядкомъ нашихъ ощущеній и воспоминаній ощущенія, довѣріе къ существованію внѣшняго міра есть не иное что, какъ непосредственный продуктъ опыта. *Миллю* не нравится, у интроспективистовъ, ихъ послѣдній критерій истины, заключающійся въ необходимости мыслить что-либо такъ, а не иначе,—потому что, по его взгляду, если бы неспособность мыслить довѣріе къ внѣшнему бытію обманомъ чувства распространялась даже на весь человѣческій родъ, то и тогда она была бы только слѣдствіемъ сильнаго содружества идей, подобно нѣкогда существовавшей невозможности довѣрія къ антиподамъ, которая впослѣдствіи оказалась возможностію. Нѣтъ нужды, что и самъ *Миллъ* допускаетъ истины необходимыя, непзмѣнныя, проникающія всю природу, совершенно достовѣрныя и вполнѣ

---

[1]) 342.

всеобщія: тѣмъ не менѣе коренная фактическая основа его міровоззрѣнія состоитъ въ томъ, что всякое вѣдѣніе въ человѣкѣ, даже въ своихъ основахъ, въ законахъ и формахъ мышленія, въ математическихъ аксіомахъ, равно-какъ и въ самомъ довѣріи къ существованію внѣшняго міра, есть продуктъ опыта.

II) Между тѣмъ физіологическое ученіе *Кабаниса*, *Дарвина*, *Дрэпера* и *Льюиса*, вообще физіологія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ рождается на свѣтъ съ наслѣдственнымъ отъ родителей организмомъ, съ наслѣдственною нервною системою, съ прирожденнымъ, въ извѣстную сторону направленнымъ, чувствилищемъ, съ готовымъ снарядомъ душевныхъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей и склонностей, иначе сказать,—съ прирожденными формами душевной дѣятельности, съ обильнымъ запасомъ ощущеній, накопившихся уже въ зародышѣ, во чревѣ матернемъ,—съ зерномъ сознанія, которое уже тамъ проявило первую стадію своего развитія и пустило, въ опредѣленныхъ законами природы формахъ, свой росток.

III) Отрицать прирожденность душѣ нашей законовъ и формъ ея бытія и дѣятельности невозможно, и самъ *Д. С. Миллъ*, хотя и implicite (по смыслу), не можетъ ее не допускать. По собственнымъ его словамъ, наши ощущенія, помимо которыхъ нашей душѣ не обнаруживается ничто, связаны извѣстнымъ закономъ, который составляетъ часть универсальнаго порядка, что зависитъ отъ природы и законовъ непосредственнаго нашего знанія. Самъ же онъ утверждаетъ, что единообразіе минувшихъ опытовъ далеко не составляетъ всеобщаго признака истины, т. е. что опытъ не можетъ доставить намъ сужденій категорическихъ, безусловно всеобщихъ, безусловно отрицающихъ всякое исключеніе. Въ то же время *Миллъ* допускаетъ истины совершенно достовѣрныя и вполнѣ всеобщія, исключеніе изъ которыхъ безусловно и постоянно неимовѣрно. Значитъ, вѣра въ эти аксіомы, въ единообразіе законовъ природы, инстинктивна, прирождена.

IV) Въ какомъ смыслѣ приписывается духу нашему прирожденность чего-либо, наприм., законовъ и формъ мышленія, или категорій и идей, какъ основъ знанія? Имѣя въ-виду сущность познавательной теоріи, проводимой физіологами: *Льюисомъ*, *Кабанисомъ*, *Дрэперомъ*, *Дарвиномъ* и другими, именно, что всѣ добытыя чувствами, какъ внѣшними, такъ и внутренними системными, ощущенія груп-

пируются въ мозгу и тамъ таинственнымъ образомъ переработываются въ идеи,—что мышленіе есть форма мозговой чувствительности, опредѣляемой соотношеніями мозга съ узлами спеціальныхъ чувствъ, а душевныя движенія суть формы мозговой чувствительности, опредѣляемыя соотношеніями съ узлами внутренностныхъ нервовъ,—что никакое ощущеніе не оканчивается въ себѣ самомъ, но возбуждаетъ, посредствомъ рефлекса, другое, вторичное ощущеніе, одна идея вызываетъ другую, — что привычки, idees fixes и инстинктивныя дѣйствія основаны на стремленіи чувства разрѣшиться легчайшимъ для него путемъ, что строй ощущеній, склонностей и идей, въ каждомъ человѣкѣ, тѣсно связанъ съ наслѣдованною отъ природы организаціею, съ прирожденною организаціею нервной системы, — подъ прирожденною идеею должно мыслить вложенную въ строй нервной системы, какъ и всей организаціи народившагося человѣка, форму (Платоновское и Аристотелевское (Εἶδος), въ которую, при естественныхъ условіяхъ развитія человѣка, естественно развивается его общая, душевная и частная умственная дѣятельность. При этомъ для насъ непостижимо, какъ органическая машина приводитъ въ соотвѣтственное своему вращенію движеніе невещественный инструментъ души; но самъ *Миллъ*, согласно съ физіологомъ *Льюисомъ*, признаетъ душевныя явленія радикально отличными отъ тѣлесныхъ, т. е. отличными въ качествѣ, а не въ степени; а съ другой стороны, физическія состоянія нервовъ составляютъ условія не-только ощущеній или душевныхъ движеній, но и мыслей; группируясь въ мозгу, ощущенія нашихъ нервовъ таинственнымъ образомъ преобразуются въ идеи.

V) Поэтому трудно опредѣлить, что именно прирождено человѣческой душѣ и, въ-частности, нашему уму. Новѣйшіе физіологи признаютъ прирожденнымъ душѣ гораздо большее число формъ душевной дѣятельности, чѣмъ философы прежняго времени. Слѣдуетъ признать прирожденнымъ человѣческой душѣ все то, что въ ней признано общеобязательнымъ для умственной дѣятельности всего человѣчества, именно: коренные законы и главныя формы мышленія, основныя категоріи разсудка и высшія идеи разума.

VI) По словамъ *Кабаниса*, уже въ утробѣ матерней, зародышъ получаетъ первыя впечатлѣнія о сопротивленіи, о постороннихъ тѣлахъ и о себѣ самомъ, приводящія сознаніе въ то положеніе, изъ котораго возникаетъ понятіе о посторонихъ предметахъ; въ головномъ мозгу зародыша уже существуютъ первые слѣды основныхъ

понятій, которыя развиваются отношеніями его ко всему видимому міру. По *Дрэперу*, тѣ общія идеи, которыя распространены по цѣлому свѣту, между всѣми человѣческими племенами, которыя одинаково существуютъ во всѣ вѣка и во всякой странѣ, такія идеи составляютъ слѣдствіе самыхъ свойствъ нашей мозговой организаціи,—такія всеобщія впечатлѣнія происходятъ болѣе отъ физической организаціи человѣка, чѣмъ отъ ученія, — такія единообразія въ убѣжденіи людей зависятъ отъ сходства въ устройствѣ мозговаго аппарата, такія общія вѣрованія могутъ быть названы органическими догматами нашей природы. А въ порядкѣ наиболѣе безусловныхъ единообразій человѣческаго знанія, наиболѣе всеобщихъ впечатлѣній мозговаго аппарата, наиболѣе обще-обязательныхъ органическихъ догматовъ нашей природы, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ убѣжденію въ существованіи внѣшняго міра.

VII) Если же и *Ульрици* какъ-будто соглашается съ *Д. С. Миллемъ*, какъ-будто отрицая прирожденность идей и утверждая, что всѣ наши представленія, понятія и идеи, словомъ все, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ и нашемъ собственномъ существѣ, опираются въ послѣдней элементарной основѣ на ощущеніе,—что это значило бы идти противъ самыхъ несомнѣнныхъ психологическихъ и физіологическихъ фактовъ, если бы этимъ элементамъ (такъ-называемымъ апріорическимъ, прирожденнымъ душѣ, идеямъ, понятіямъ, началамъ, законамъ и нормамъ) приписывалась принадлежность апріорическаго, непосредственнаго, первичнаго сознанія,—что идея истины, добра, или прекраснаго не дана намъ непосредственно, какъ идея, какъ сознательное представленіе, то, въ этомъ случаѣ, онъ (*Ульрици*) противорѣчитъ самъ себѣ, противорѣчитъ другимъ положеніямъ своей системы. По взглядамъ не-только *Дарвина и Дрэпера*, но и самаго *Ульрици*, инстинкты животныхъ организмовъ, въ большей своей части, прирождены; слѣдовательно, если допустить неизбѣжное требованіе физіологіи, что огромная часть, если только не вся совокупность намѣренныхъ животныхъ актовъ, посредствуется соотвѣтствующими отправленіями въ мозгу и нервахъ животнаго организма, — то въ наглядномъ результатѣ окажется, что огромная часть инстинктивныхъ знаній и соотвѣтствующихъ имъ мозговыхъ отправленій животнымъ несомнѣнно прирождена; а болѣе или менѣе значительная часть такихъ инстинктивныхъ знаній и представленій, безспорно, принадлежитъ и человѣку. Съ другой стороны, *Ульрици*

выражается прямо, что и онъ признаетъ апріорическіе элементы нашего мышленія, познанія и вѣдѣнія, считая пустою попытку доказывать, что абсолютно нѣтъ никакого прирожденнаго содержанія сознанія. Онъ говоритъ даже, что, при точномъ разсматриваніи, сама природа является сокровищницею иѳическихъ идей (истины, добра и красоты),—что мы не можемъ обойтись безъ того, чтобъ не принять прирожденныя иѳическія понятія за масштабъ своего сужденія и классификаціи предметовъ, почему и оказывается вездѣ тѣсная, неразрывная связь между областями природы и нравственности, между естественною и иѳическою (философскою) наукою, между реальнымъ и идеальнымъ,—что хотя иѳическіе законы (идеи) сознаются человѣческимъ родомъ только постепенно, а, слѣдовательно, односторонне и порознь, однакожъ, они являются человѣку нормою, которую не самъ онъ себѣ создалъ и надъ которою онъ не имѣетъ никакой власти,—что если бы мы не различали предметовъ, бытія и явленій сообразно имманентнымъ нашей душѣ главнымъ категоріямъ истины, добра и красоты, то не могло бы быть и рѣчи ни о разумномъ познаніи, ни о разумной волѣ и дѣйствіяхъ, ни о теоретическомъ и практическомъ разумѣ, — что разумъ есть разумъ, когда будутъ напередъ положены существованіе и знаніе этихъ нормъ. Наконецъ, по словамъ *Ульрици*, въ прирожденныхъ законахъ и нормахъ лежитъ послѣднее основаніе для научнаго доказательства въ-пользу признанія объективности всякаго чувственнаго воспріятія,—согласія его съ реальнымъ бытіемъ,—признанія, которое опирается на проявляющуюся въ этихъ законахъ и нормахъ нашего мышленія имманентную, логическую необходимость?. На этомъ основаніи ни одинъ скептикъ, ни одинъ идеалистъ не вѣритъ, что онъ одинъ только существуетъ, а всѣ вещи внѣ его суть призрачное бытіе; прикладывая логическую необходимость, мы имѣемъ право говорить, что наше представленіе должно соотвѣтствовать реальной сущности предмета, такъ-какъ мы не въ-состояніи сомнѣваться въ объективности, которую должны принять, т. е. безсильны не принять.

VIII) Наконенъ, если въ ощущеніи прирожденности идей и какихъ бы то ни было представленій сочувствуетъ спиритуалистическому позитивисту *Ульрици* и матеріалистическій позитивистъ *Вундтъ*, выражаясь рѣшительно, что понятія могутъ составляться только посредствомъ опыта, что только опытъ увѣряетъ насъ въ существованіи внѣшнихъ предметовъ, — что только опытъ научаетъ отличать

отъ внѣшнихъ предметовъ и наше *я*, — что сознаніе есть не врожденное свойство души, но результатъ умозаключительнаго процесса,— что все воззрѣніе его, *Вундта*, не вяжется съ какою бы то ни было врожденностью представленій,—самыя аксіомы математики и законъ причинности не вложены въ нашъ умъ природою, но суть также продуктъ опыта, почему и достовѣрность никогда не бываетъ абсолютною, — всѣ аффекты, настроенія и чувства, чувства эстетическія, этическія и интеллектуальныя, изъ которыхъ происходятъ такія же понятія и идеи, имѣютъ свой источникъ въ познавательномъ процессѣ особаго рода,—что совѣсть есть дедуктивное умозаключеніе, которому предшествуетъ индукція, опредѣляющая качества нравственнаго и безнравственнаго, образующая идею добра и зла,—что проистекающая изъ народныхъ обычаевъ нравственная идея не можетъ быть прирожденною собственностію духа, — что какъ нравственное, такъ и эстетическое и интеллектуальное чувства вызываются только рядомъ опытныхъ фактовъ и производятся процессомъ безсознательнаго познанія, именно индуктивными умозаключеніями,—то всѣми этими утвержденіями *Вундтъ* противорѣчитъ другимъ своимъ-же собственнымъ утвержденіямъ. Такъ, онъ приписываетъ такъ-называемыя инстинктивныя дѣйствія не-только животнымъ, но и человѣку, связь инстинктивныхъ движеній съ внутренними, производящими ихъ возбужденіями, по словамъ *Вундта*, должна считаться врожденною. Эта врожденная связь заключается въ извѣстномъ расположеніи, которое зависитъ отъ природной связи волоконъ въ нервной системѣ; — составляющія постоянную собственность духа инстинктивныя дѣйствія опираются на законъ наслѣдственности, который вполнѣ доказанъ и въ психологической области, инстинкты врождены, хотя врождены и не какъ представленія или образы будущихъ жизненныхъ отправленій, но какъ наслѣдственная способность, или преобладающая наклонность общей организаціи живаго существа къ извѣстнымъ отправленіямъ,— наклонность, которая, при правильномъ развитіи организаціи, неизбѣжно развиваетъ въ нервной системѣ представленія или образы извѣстныхъ жизненныхъ отправленій. Подобнымъ-же образомъ, отрицая на словахъ, *Вундтъ* допускаетъ на дѣлѣ прирожденность и высшихъ человѣческихъ идей уже по тому самому, что, допуская прирожденность инстинктовъ, относитъ къ инстинктамъ и идеи, выражаясь, что чувство, изъ котораго проистекаютъ идеи, тожественно съ инстинктивнымъ познаніемъ: чувство постигаетъ инстинктивно,—

что въ чувствѣ проявляется безотчетный голосъ природы, что идеи красоты, добра и истины мы носимъ въ безсознательной душѣ, задолго до того, какъ возводимъ ихъ въ понятія,—что происхожденіе ихъ скрывается во мракѣ безсознательной души,—что нравственная идея является во всѣхъ своихъ зародышахъ, съ самаго начала человѣческаго существованія,—что нашъ эстетическій законъ образовался подъ вліяніемъ того закона формы, который мы находимъ въ природѣ и обратно,—совершеннѣйшія формы природы потому и кажутся намъ изящными, что соотвѣтствуютъ лежащему въ насъ (въ нашей природѣ) эстетическому закону формы,—что, иначе сказать, намъ прирождена идея изящнаго, тожественная съ идеями интеллектуальною, нравственною и религіозною,—что, заключая въ себѣ инстинктивное познаніе, идея тѣсно граничитъ съ представленіемъ и понятіемъ, превосходя ихъ своею сверхчувственностію, безпредѣльностію и неразложимою цѣльностію, т. е. своимъ абсолютнымъ единствомъ. Такимъ образомъ, допуская прирожденность идей, какъ инстинктивнаго познанія, *Вундтъ*, nolens volens (волею-неволею), допускаетъ прирожденность и представленій высшаго порядка. Подобнымъ-же образомъ, не безъ противорѣчія также коренной тенденціи своей системы, *Вундтъ* сознается, что критерій довѣрія къ дѣйствительному бытію внѣшняго міра лежитъ внутри насъ, въ нашей природѣ, признавая за фактъ, котораго нельзя оспоривать, что въ насъ есть нѣчто подтверждающее дѣйствительность видимаго міра, который навязывается, принуждаетъ себя чувствовать, и что противъ этого принужденія безсильно всякое сопротивленіе, всякое отрицаніе. Подтверждаемая принудительнымъ, внутри нашей природы раздающимся голосомъ, дѣйствительность внѣшняго міра есть одна изъ самыхъ коренныхъ, инстинктивныхъ, вложенныхъ въ основу интеллектуальной природы истинъ, въ которую человѣкъ безсиленъ не вѣрить.

И считаемъ себя счастливыми, что, настаивая, вопреки общей тенденціи современныхъ философовъ, на врожденности человѣческому духу основъ мышленія и знанія, мы не далеко отошли отъ наиболѣе позитивныхъ, естественно-научныхъ выводовъ, которые, въ настоящій моментъ времени, смѣло можно назвать послѣднимъ словомъ естественной науки. Такъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ, за Августъ 1872 года, мы прочитали рѣчь *доктора Карпентера*, которою онъ, какъ президентъ, открылъ въ Брайтонѣ, обычный

сѣздъ британскихъ естествоиспытателей, рѣчь, которую онъ назвалъ: *Человѣкъ истолкователь природы*». Въ этой рѣчи, между прочимъ, мы читаемъ: «между-тѣмъ какъ философы облекли густымъ туманомъ пренія объ основаніи нашей вѣры въ существованіе міра, лежащаго внѣ насъ, о *не-я* отличномъ отъ *я*, — здравый смыслъ человѣчества пришелъ къ рѣшенію, которое, на практикѣ, стоитъ всѣхъ аргументовъ философовъ, многократно состязавшихся на этомъ спорномъ пунктѣ. Можно доказать, что достовѣрность этого рѣшенія здраваго смысла проистекаетъ изъ того, что оно зависитъ не отъ одного ряда опытовъ, но *отъ безсознательнаго (инстинктивнаго) подведенія къ итогу всей совокупности нашихъ опытовъ*,—не отъ убѣдительности какого-либо строя разсужденія, но отъ того, что *всѣ наши мысли сводятся къ одному центру*. Это изслѣдованіе приводитъ насъ на очную ставку съ одною изъ великихъ философскихъ задачъ нашего времени, которая была обсуждаема способнѣйшими логиками и метафизиками, какъ вождями противоположныхъ школъ. *Интуиціоналисты* (тоже что интроспективисты) утверждаютъ, что наклонность къ образованію этихъ начальныхъ убѣжденій врождена человѣку и есть присущая часть его умственной организаціи,— такъ-что эти убѣжденія выростаютъ въ его умѣ не произвольно, но по мѣрѣ того, какъ постепенно обнаруживаются и развиваются его способности, не требуя для своего происхожденія другаго опыта, кромѣ того, какой нуженъ, чтобы вызвать эти способности къ дѣятельности.» Приверженцы же ученія, считающаго опытъ основаніемъ всякаго знанія (ученія, защищаемаго *Д. С. Миллемъ*, которое онъ назвалъ психологическимъ) утверждаютъ, что начальныя убѣжденія каждаго человѣка суть не что иное, какъ обобщенія, которыя онъ дѣлаетъ изъ тѣхъ опытовъ, какіе онъ или самъ пріобрѣлъ, или сознательно узналъ отъ другихъ; они отрицаютъ, чтобъ была присущая или врожденная человѣку наклонность къ образованію подобныхъ убѣжденій, помимо способности удерживать въ памяти опыты и обобщать ихъ. *Можно найти средство примирить оба ученія мыслью, что интеллектуальныя прозрѣнія* (intuitions) *одного поколѣнія суть воплощенные опыты поколѣнія предшествовавшаго*. Кажется, что было прогрессивное усовершенствованіе мыслительной мощи человѣка, что каждый предшествовавшій продуктъ культуры служилъ подготовленіемъ почвы для еще болѣе обильныхъ жатвъ въ будущемъ. Но такъ-какъ *не можетъ быть сомнѣнія въ наслѣдственной передачѣ* человѣку пріобрѣтенныхъ особенностей тѣлосложенія,

которая обнаруживается наклонностями какъ къ тѣлеснымъ, такъ и къ умственнымъ недугамъ, то, кажется, *одинаково достовѣрно, что и пріобрѣтенныя умственныя привычки часто внѣдряются въ организацію человѣка съ достаточною силой и постоянствомъ, чтобъ онѣ могли быть переданы потомкамъ, какъ наклонности къ подобному-же складу мыслей.* Знаніе, какъ всѣ допускаютъ, не можетъ переходить, такимъ образомъ, отъ одного поколѣнія къ другому, но *усиленная способность къ пріобрѣтенію знанія вообще, или какого-либо особеннаго рода знанія, можетъ быть унаслѣдована.* Эти наклонности и способности будутъ пріобрѣтать новую силу, растяжимость и постоянство, въ каждомъ новомъ поколѣніи, вслѣдствіе обычнаго упражненія надъ матеріалами, доставляемыми постоянно расширяющимся опытомъ,—и, такимъ образомъ, пріобрѣтенныя привычки, произведенныя интеллектуальною (наслѣдственною) культурою вѣковъ, дѣлаются второю натурой для всякаго унаслѣдовавшаго ихъ. Кажется страннымъ, что тѣ, которые громче всѣхъ говорятъ объ опытѣ, какъ объ основаніи всякаго знанія, такимъ образомъ могутъ не видѣть самаго постояннаго, самаго основнаго, самаго непосредственнаго изъ всѣхъ опытовъ,—что могутъ не видѣть опыта, на который здравый смыслъ человѣчества проливаетъ гораздо болѣе яркій свѣтъ, чѣмъ всякій другой, видимый сквозь туманъ философскихъ препирательствъ. Это по тому, что, какъ совершенно справедливо замѣтилъ *сэръ Джонъ Гершель, всемірное сознаніе человѣчества также согласно относительно существованія дѣйствительной и тѣсной связи между причиной и послѣдствіемъ, какъ оно согласно и въ-отношеніи существованія внѣшняго міра.* Подобнымъ-же образомъ все зданіе геометріи покоится на извѣстныхъ *аксіомахъ*, которыя всякій принимаетъ за истинныя, — но *истинность которыхъ необходимо допустить* по тому, что онѣ не могутъ быть доказаны. Между тѣмъ, какъ *законамъ, представляющимъ только обобщеніе явленій, нельзя приписать обязательнаго (всеобщаго, безусловнаго) значенія, мы можемъ присвоить это значеніе законамъ, выражающимъ всемірныя условія дѣятельности силы, существованіе которыхъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства нашего собственнаго сознанія.* Такимъ образомъ мы пришли къ крайнему пункту интеллектуальнаго истолкованія человѣкомъ природы, которая разнообразно обнаруживается въ ея явленіяхъ. Къ этому пункту, въ настоящее время, клонится всякое научное изслѣдованіе. Превратимость физическихъ силъ одной въ другую, соотношеніе ихъ

съ жизненною силой и тѣсная связь между умственною и тѣлесною дѣятельностью, которой, какъ бы мы ее ни объясняли, мы не можемъ отрицать,—все приводитъ насъ къ одному и тому-же заключенію,—и пирамида, вершиной которой является это Философское заключеніе, *имѣетъ свое основаніе въ первоначальныхъ инстинктахъ человѣчества».* Но, что особенно замѣчательно, въ послѣднее время, самъ *Д. С. Миллъ* заявляетъ о своемъ переходѣ въ *школу интроспективистовъ*, которую прежде порицалъ, допуская, вмѣстѣ съ *Карпентеромъ*, что наша вѣра въ существованіе міра, лежащаго внѣ насъ, увѣренность въ бытіи *не я* отличнаго отъ *я*, опирается на здравый смыслъ человѣчества, который эту достовѣрность основываетъ на безсознательномъ (инстинктивномъ) подведеніи къ итогу всей совокупности нашихъ опытовъ, такъ-какъ всѣ наши мысли естественно и невольно сводятся къ одному центру,—что наклонность къ образованію основныхъ начальныхъ убѣжденій врождена человѣку и есть присущая часть его наслѣдственной умственной организаціи,—что всемірное сознаніе человѣчества также согласно относительно необходимой связи между причиной и слѣдствіемъ, какъ согласно и относительно существованія внѣшняго міра,—что геометрическія аксіомы необходимо допустить именно по тому, что онѣ не могутъ быть доказаны опытомъ,—что между тѣмъ, какъ законамъ, представляющимъ только обобщеніе явленій, нельзя приписать безусловно всеобщаго обязательнаго значенія, мы усвояемъ это значеніе законамъ, существованіе которыхъ знаемъ изъ свидѣтельства нашего сознанія—что, наконецъ, все зданіе нашего умственнаго міра имѣетъ свое основаніе въ первоначальныхъ инстинктахъ человѣчества. По этому предмету, къ тому-же доктору *Карпентеру*, *Д. С. Миллъ*, «великій»,—по словамъ Карпентера,—«учитель опытной школы», написалъ въ 1872 году письмо, въ которомъ говоритъ: «когда какое-либо состояніе ума, вовсе не врожденное и не инстинктивное, часто повторялось, то умъ пріобрѣтаетъ, какъ доказано способностью привычки, значительно усиленную способность приходить въ такое состояніе,—и эта усиленная способность должна зависѣть отъ какой-либо перемѣны въ физическомъ характерѣ органической дѣятельности мозга. Есть также много доказательствъ, что *подобная* пріобрѣтенная *способность къ извѣстному содержанію мозговой дѣятельности можетъ*, во многихъ случаяхъ, *быть передаваема*, болѣе или менѣе совершенно, *чрезъ наслѣдство*. Границы для способности такой передачи и условія, отъ которыхъ она зависитъ, представля-

ютъ предметъ изслѣдованія для ученыхъ, — и мы, безъ сомнѣнія, со временемъ узнаемъ многое объ этомъ, чего теперь не знаемъ. Но, на-сколько мои слабыя познанія объ этомъ предметѣ дозволяютъ мнѣ имѣть свое мнѣніе, *я держусь того-же взгляда на этотъ счетъ, какъ и вы, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ*». Какъ бы, однакожъ, *Д. С. Миллъ* ни объяснялъ эту врожденность основъ человѣческаго мышленія и знанія, во всякомъ случаѣ, онъ заявляетъ въ принципѣ, свое согласіе, съ взглядомъ *Карпентера*, а *оба вмѣстѣ они заявляютъ эту врожденность, какъ несомнѣнный естественно-научный фактъ*. Допуская неизбѣжность этой наслѣдственной врожденности въ настоящій, какъ и во всякій, моментъ не только историческаго, но и доисторическаго, существованія человѣческаго рода, *Карпентеръ*, а вслѣдъ за нимъ и согласный съ нимъ въ принципѣ *Д. С. Миллъ*, оставляютъ невыясненнымъ въ этомъ вопросѣ только то, было ли что-либо врожденное въ человѣческомъ умѣ, наслѣдованное отъ матери природы, при первоначальномъ происхожденіи перваго человѣка. Но этотъ вопросъ они и задавать себѣ не могутъ потому, что они смотрятъ на космогонію съ точки зрѣнія *Дарвина*, по которой никогда не могло быть перваго человѣка. Основъ, обуявшей всѣхъ современныхъ позитивистовъ, теоріи *Дарвина* мы будемъ имѣть нужду коснуться впослѣдствіи, — теперь же только констатируемъ фактъ, что самъ *Д. С. Миллъ*, вслѣдъ за *Карпентеромъ*, *Вундтомъ*, *Г. Спенсеромъ*, *Дрэперомъ*, *Льюисомъ*, *Дарвиномъ* и другими авторитетами позитивной естественной науки, даже желая, по коренной тенденціи своихъ міросозерцаній, отрицать, вынуждается признать, что, они всѣ и заявляютъ, *врожденность основъ человѣческаго мышленія и знанія, какъ несомнѣнный естественно-научный фактъ*. Естественная наука не знаетъ времени, когда человѣкъ существовалъ бы безъ такого природнаго наслѣдства. Если смотрѣть на космогонію и происхожденіе человѣка даже съ точки зрѣнія *Дарвина* и предположить, что человѣкъ выродился изъ безсловеснаго животнаго, — то, и въ въ такомъ случаѣ, необходимо допустить, что въ моментъ пробужденія человѣческаго сознанія, въ полуживотномъ получеловѣкѣ уже существовалъ огромный запасъ прирожденныхъ инстинктовъ.

Итакъ, трудно, какъ оказывается, итти противъ слишкомъ констатированнаго факта, что *коренное содержаніе нашего ума намъ прирождено, и эту прирожденность нужно принимать въ томъ смыслѣ, что, при нормальномъ развитіи нашего ума, въ немъ неизбѣжно раз-*

вываются нькоторыя комбинаціи представленій, нькоторыя основныя убъжденія, и что къ числу наиболье коренныхъ, прирожденныхъ убъжденій нашей души принадлежитъ довъріе къ бытію внъшняго міра.

ОТДѢЛЪ III.

ЧТО ВЪ МІРѢ СУЩЕСТВУЕТЪ, ЧТО ВЪ НЕМЪ РЕАЛЬНО? ЕСЛИ СЛѢДОВАТЬ ТАКЪ-НАЗЫВАЕМОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ (НЕ ИНТРОСПЕКТИВНОЙ) ПОЗИТИВНОЙ ШКОЛѢ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ИНДУКТИВНОМУ МЕТОДУ, ТО НЕ СУЩЕСТВУЕТЪ ВЪ МІРѢ НИЧТО.

ГЛАВА XXXI.

Сама природа какъ мы видъли, въ положительную сторону рѣшаетъ, вопросъ о томъ, что міръ существуетъ, что міръ реаленъ. Но рѣшаетъ ли сама природа и другой, самый трудный въ философіи, вопросъ: *что именно въ мірѣ существуетъ? Что въ немъ реально?*

Въ результатѣ предъидущаго нашего изслѣдованія оказалось, что хотя природа и даетъ намъ не одни только общіе законы и формы нашего мышленія, но и нѣкоторое содержаніе мышленія, однакожъ, отдѣлить рѣзкою чертою прирожденное въ нашихъ убѣжденіяхъ отъ пріобрѣтеннаго посредствомъ личнаго опыта нѣтъ возможности, а, наоборотъ, безспорно, что и то, что прирождено нашей природѣ, раскрывается не иначе, какъ въ области опытнаго. Поэтому, рѣшать на-основаніи прирожденныхъ общихъ убѣжденій, на основаніи аксіомъ ума, что въ мірѣ реально, что дѣйствительно существуетъ, какъ показалъ печальный опытъ, крайне не безопасно.

Другой результатъ, къ которому привели наши изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что таже природа, которая увѣряетъ насъ въ реальности міра вообще, сама-же указываетъ намъ и частнѣйшую область несомнѣнно реальнаго,—область громадную, которая обнимаетъ цѣлую половину нашихъ чувственныхъ воспріятій, именно всю *субъективно-практическую часть свидѣтельства нашихъ чувствъ*, которая опредѣляетъ не то, какъ вещь существуетъ въ себѣ, но только какъ она относится къ нашему чувству. Въ рѣшеніи этой практической задачи,

а именно, *въ опредѣленіи реальности самаго акта и качествъ ощущенія, въ опредѣленіи реальчости и качествъ дѣйствія даннаго предмета на чувства, въ опредѣленіи реальности и качествъ отношенія между субъектомъ и объектомъ*, наше чувство принудительно достовѣрно и непогрѣшимо. Самъ *Д. С. Миллъ* увѣряетъ, что въ этомъ всѣ философы между собою согласны. *Все мною чувствуемое, все субъективное во мнѣ для меня реально*: это непререкаемый голосъ прпроды, который нельзя подвергать сомнѣнію никакимъ анализомъ разсудка. Но *реальное во мнѣ реально ли внѣ меня, въ объектѣ, или, что тоже, объективно ли, это другой вопросъ.*

Здѣсь вопросъ о реальномъ совпадаетъ съ вопросомъ, который мы разсмотрѣли въ первой части нашего изслѣдованія,—съ вопросомъ объ объективномъ и касается другой стороны нашего знанія, *чисто теоретической объективной, которая опредѣляетъ, какъ вещь существуетъ сама въ себѣ.* По этой части, въ результатѣ нашихъ изслѣдованій оказалось, что объективная, достижимая для человѣка истина есть таже субъективная, только болѣе или менѣе обще-субъективная,—что она (согласно ученію какъ *Ульрици*, такъ и *Вундта*), измѣряется и принимается за истину тѣмъ-же послѣднимъ мѣриломъ, внутреннимъ нашимъ душевнымъ чувствомъ истины какъ и субъективная истина,—что истины изъ области такъ-называемаго *теоретическаго разума*, въ концѣ концовъ, суть истины изъ области разума *практическаго*,—что основательное, правильное отношеніе извѣстнаго предиката къ объекту, требуемое объективною истиною, есть, въ концѣ концовъ, отношеніе того-же предиката къ дѣйствованію объекта на субъектъ, иначе сказать, къ чувству субъекта, при чемъ истина теряетъ искомый теоретическій и пріобрѣтаетъ чисто практическій характеръ,—что безусловно непререкаемое и единственное мѣрило истины есть чувство человѣка,—что признаніе истины за объективную основывается на субъективномъ признаніи того, что извѣстному предмету принадлежитъ свойство, въ извѣстныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ дѣйствовать на чувство субъекта, основывается на субъективномъ признаніи извѣстнаго отношенія объекта къ субъекту; всякое признаніе чего-либо за истину есть извѣстное чувствованіе, или, что тоже, извѣстное состояніе моего *я*, принудительно дѣйствующее на мое убѣжденіе; усвоеніе извѣстнаго предиката объекту есть не иное что, какъ усвоеніе того-же предиката чувствующему субъекту. Всѣ свойства объектовъ суть состоянія субъекта: во всѣхъ

ощущеніяхъ, производимыхъ объектами, субъектъ чувствуетъ себя, но, чувствуя себя, какъ центральный фокусъ міросозерцанія, онъ чувствуетъ въ себѣ природу и созерцаетъ въ себѣ міръ, съ дѣйствительнымъ его бытіемъ. Не признается же субъективная истина объективною и свойство объекта реальнымъ, дѣйствительно принадлежащимъ объекту, по приговору того-же мѣрила истины, человѣческаго-же чувства, что бываетъ при трехъ условіяхъ: а) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется и поправляется тѣмъ-же самымъ чувствомъ, тщательнѣе, непосредственнѣе приложеннымъ къ объекту, — б) когда свидѣтельство одного чувства повѣряется свидѣтельствомъ другаго чувства, также непосредственнѣе приложеннаго къ объекту, и в) наконецъ, когда свидѣтельство чувствъ одного субъекта повѣряется свидѣтельствомъ чувствъ другихъ субъектовъ. Эти выводы предъидущитъ нашихъ изслѣдованій мы считаемъ болѣе или менѣе уже доказанными. Но далѣе намъ слѣдуетъ еще приложить ихъ къ разнымъ классамъ реально-данныхъ фактовъ, реально-существующихъ объектовъ, чтобы, въ приложеніи нашего сужденія къ ихъ свойствамъ, усмотрѣть *общій принципъ, коренной критерій того, что и почему мы признаемъ реально-существующимъ и, обратно, что и почему мы признаемъ не реально-существующимъ.*

При такомъ разслѣдованіи, въ результатѣ окажется, что *реальное имѣетъ разныя степени. Вундтъ* говоритъ [1]): «если спиритуализмъ утверждаетъ, что опытъ есть обманъ и только мышленіе есть истина, то матеріализмъ говоритъ совершенно противное тому, именно, что мышленіе—обманъ, а только опытъ—истина». Мысль глубокая, выражающая борьбу коренныхъ убѣжденій мыслящаго человѣчества, совершавшуюся на пространствѣ всей исторіи философіи; но у *Вундта* она выражена не точно. Съ нашей точки зрѣнія, то-же самое мы можемъ выразить такъ: *по природной структурѣ нашего интеллекта, мы вынуждаемся мыслить болѣе объективными и, въ смыслѣ объективности, болѣе реальными тѣ свойства объектовъ, которыя мы усматриваемъ въ нихъ нашимъ внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ тѣ, которыя ощущаемъ въ нихъ органами нашихъ внѣшнихъ чувствъ.*

Постараемся доказать это *сначала на-основаніи наиболѣе объективной науки, каков химія, а потомъ на-основаніи наиболѣе субъективной науки, какова гносеологія.*

---

[1]) Душа человѣка и животныхъ, 1, 18.

Возьмемъ химію *Бутлерова* [1]), отдѣлъ: *отношенія между физическими и химическими свойствами веществъ.*

«Нельзя сомнѣваться»,—говоритъ этотъ *химикъ*,—«что *составъ веществъ и всѣ свойства ихъ, какъ химическія, такъ и физическія, находятся во взаимной причинной связи*», т. е. что свойства веществъ, какъ слѣдствіе, зависятъ отъ состава веществъ, какъ причины. «Свойства каждаго сложнаго вещества, безъ сомнѣнія, условливаются и способомъ его происхожденія, и всѣми свойствами каждой составной части. Но эта общность зависимости», — жалуется химикъ (62), — «пока еще недоступна. Химикъ беретъ понятіе объ атомности съ его слѣдствіями и, вмѣсто еще недостижимаго закона, говорящаго, что *натура сложнаго вещества опредѣляется натурою, количествомъ и взаимнымъ отношеніемъ составныхъ частей*, можетъ составить слѣдующее правило: *химическая натура сложнаго вещества опредѣляется натурой и количествомъ составныхъ частей и химическимъ строеніемъ его частицы (молекулы)*». — Это значитъ, что если-бы вѣрно было основное въ современной химіи понятіе объ атомности, съ его слѣдствіями, по которому въ основѣ матеріи предполагаются атомы, съ ихъ абсолютно-неизмѣнными свойствами, то натура всякаго сложнаго вещества должна была бы, съ математическою непогрѣшимостью, опредѣляться по первому закону, именно натурою, количествомъ и взаимнымъ отношеніемъ входящихъ въ составъ тѣла атомовъ. Но факты, къ сожалѣнію химиковъ, гораздо рѣже представляютъ подтвержденіе этого закона, чѣмъ исключенія изъ него; а потому химики ухищряются объяснять химическую натуру сложнаго вещества по второму правилу,—конечно, и натурою, и количествомъ составныхъ частей,—атомовъ, но когда факты не соображаются съ натурою и количествомъ элементовъ (наприм., въ тѣлахъ такъ-называемыхъ полимерныхъ, въ которыхъ и составъ, и даже количество составныхъ частей бываетъ одинаково, а свойства различны), тогда химики прибѣгаютъ въ объясненіяхъ къ разному химическому строенію молекулъ изъ атомовъ. — «Есть не мало примѣровъ», — жалуется этотъ химикъ (62), — «что слишкомъ одностороннее приложеніе извѣстныхъ воззрѣній, упрямое желаніе сохранить ихъ мѣшало развитію науки. Полезно и даже необходимо, поэтому, отдавая должную справедливость извѣстнымъ обобщеніямъ и руководясь ими, въ тоже время, не упускать изъ вида ихъ недостаточность» (63).

Этого мало. Химикъ, о которомъ идетъ рѣчь, прямо утверждаетъ (что намъ и нужно), что «*обобщеній, указывающихъ на отношенія наружныхъ свойствъ веществъ къ ихъ составу, почти неизвѣстно*» (112). Такъ, «что касается *состояній* углеродистыхъ органическихъ соединеній, то, при обыкновенной температурѣ, однѣ изъ нихъ бываютъ тверды, другія жидки, третьи газообразны, и это состояніе *зависитъ менье отъ натуры составныхъ частей и химическаго строенія*, чѣмъ отъ величины частицы; твердыя органическія вещества часто являются въ кристаллическомъ состояніи, нѣкоторыя же существуютъ только въ аморфномъ видѣ; кристаллическія формы углеродистыхъ соединеній бываютъ

---

[1]) *Бутлерова*, введеніе къ полному изученію органической химіи. Казань, 1869 года.

весьма разнообразны, но вообще тѣла, аналогичныя по составу и химическому строенію частицы, *нерѣдко»* (а слѣдовало бы, по атомистической теоріи, чтобъ это было *всегда*) «кристаллизуются въ одной и той-же формѣ, — бываютъ изоморфны. Объ отношеніи *запаха* органическихъ веществъ къ ихъ химическимъ свойствамъ можно сказать немногое. Опредѣленная аналогія (113) запаха, какъ *кажется, условливается, во многихъ случаяхъ»*, (а слѣдовало бы всегда) «*сходствомъ составныхъ частей*. На *вкусъ* веществъ, *какъ кажется*, имѣетъ вліяніе *не столько* величина ихъ частицы и *натура составныхъ частей*, сколько аналогія химическаго строенія (114). Для тѣхъ органическихъ тѣлъ, которыя окрашены, въ *немногихъ случаяхъ*, можно указать *на нѣкоторую связь между составомъ и цвѣтомъ, — въ другихъ же случаяхъ зависимость цвѣта отъ состава остается совершенною загадкою*. Наконецъ, окрашеніе нѣкоторыхъ (115) органическихъ соединеній, иногда весьма яркое, является, повидимому, совершенно неожиданно и, при настоящемъ состояніи знаній, *кажется совершенно независящимъ отъ химическихъ свойствъ и состава»*. Хотя «отношеніе (115) между *вѣсомъ* частицы и *плотностью* веществъ, взятыхъ въ газообразномъ состояніи, представляетъ, между обобщеніями, касающимися физическихъ свойствъ, обобщеніе наиболѣе важное, возвысившееся на степень закона (закона объемности)», — тѣмъ не менѣе «исключенія, которыя встрѣчаются (116) и здѣсь, могутъ служить предостереженіемъ *отъ излишней довѣрчивости* при приложеніи этого закона». При этомъ оказывается та неожиданность, что «*для элементовъ исключенія* изъ этого закона *встрѣчаются, повидимому, чаще*, чѣмъ для сложныхъ тѣлъ», тогда-какъ слѣдовало бы ждать противнаго: всѣ свойства элементовъ должны были бы являться наиболѣе простыми и постоянными. «То, что извѣстно объ отношеніяхъ *удѣльнаго вѣса* твердыхъ и жидкихъ веществъ *къ ихъ составу*, позволяетъ *угадывать*, что отношенія эти подчиняются опредѣленнымъ законамъ, *которые, однако, остаются еще неизвѣстными*. Что касается твердыхъ веществъ, то наблюденія позволяютъ только сказать, что тѣла, аналогичныя химически и преимущественно изоморфныя, *часто»* (а слѣвовало бы, по атомистической теоріи, *всегда*) «имѣютъ близкіе удѣльные объемы (117). Въ газообразномъ состояніи всѣ вещества, простыя или сложныя, и при всѣхъ температурахъ, расширяются одинаково; другими словами (119), *расширеніе газовъ не зависитъ отъ ихъ натуры или состава*,—но находится всегда въ прямомъ отношеніи къ возвышенію температуры; расширеніе твердыхъ и жидкихъ веществъ, при различныхъ температурахъ, бываетъ не равномѣрно и не одинаково для различныхъ веществъ, такъ-что *между нимъ и составомъ веществъ до сихъ поръ не открыто никакой зависимости* (120). Нѣкоторыя вещества, наприм., алкоголи съ низкимъ вѣсомъ частицы, не переходятъ въ твердое состояніе даже при весьма низкихъ температурахъ; — для нихъ извѣстно только жидкое и газообразное состояніе; для другихъ тѣлъ извѣстно состояніе жидкое и твердое,— но они лишены способности превращаться въ паръ,—улетучиваться безъ разложенія; третьи соединенія существуютъ только въ твердомъ видѣ и не могутъ ни плавиться, ни испаряться (121); нѣкоторыя тѣла, наконецъ, способны являться во всѣхъ трехъ видахъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ; разстояніе температуры *плавленія, или застыванія* отъ температуры *кипѣнія*, у этихъ ве-

ществъ, бываетъ весьма различно, — и *нѣтъ возможности указать на опредѣленное отношеніе между нимъ и составомъ*; зависимость *температуры кипѣнія веществъ отъ ихъ состава* представляетъ правильности довольно опредѣленныя, — но и *здѣсь еще не открыто общаго закона* (122). Если сравнивать аналогичныя тѣла, то *одинаковому различію состава*, или химическаго строенія (123), соотвѣтствуютъ одинаковыя разности точекъ кипѣнія, — однакоже правила эти *приблизительно справедливы не для всѣхъ органическихъ веществъ*. Число подобныхъ примѣровъ», — говоритъ химикъ (64), — «легко можетъ быть размножено; но и сказаннаго достаточно, чтобы предостеречь отъ слѣпаго довѣрія къ нынѣшнимъ теоріямъ, за предѣлами тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ онѣ выведены».

Отсюда мы получаемъ слѣдующіе выводы: 1) химія не хочетъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ, какъ химическія, такъ и физическія свойства веществъ зависятъ отъ ихъ состава; свойства каждаго сложнаго вещества, безъ сомнѣнія, условливаются и способомъ его происхожденія, и свойствами каждой составной части; 3) это требуется господствующею въ химіи атомистическою теоріею, по которой свойства элементарныхъ составныхъ частей должны бы быть абсолютно неизмѣнны и натура всякаго сложнаго вещества должна бы, съ математическою непогрѣшимостью, опредѣляться натурою, количествомъ и взаимнымъ отношеніемъ входящихъ въ составъ тѣла атомовъ; 3) однакожъ обобщеній, указывающихъ на отношенія наружныхъ свойствъ веществъ къ ихъ составу, почти неизвѣстно; 4) затѣмъ химикъ перебираетъ всѣ физическія свойства тѣлъ: состоянія газообразности, жидкости и твердости, свойства запаха, вкуса и цвѣта, плотности и удѣльнаго вѣса, расширяемости отъ теплоты, плавленія, застыванія и кипѣнія и т. д., и находитъ вообще, что всѣ эти свойства гораздо менѣе зависятъ отъ состава тѣлъ, чѣмъ отъ другихъ, то явныхъ, то необъяснимыхъ причинъ; а 5) этимъ ниспровергается атомистическая теорія, съ ея неотмѣннымъ требованіемъ, чтобы элементарнымъ частицамъ вещества, атомамъ, принадлежали неотъемлемыя и неизмѣнныя свойства. И, такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ оказывается, что *свойства вещества, о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ наши внѣшнія чувства, не-только переходчивы, но даже вовсе не принадлежатъ веществу въ себѣ, веществу въ его основѣ.*

И мало того, что веществу въ себѣ не принадлежатъ свойства — цвѣтности, звучности, запаховъ или вкусовъ! Нѣтъ; *химія и физика низводятъ до несуществованія въ основѣ вещества не-только такъ-*

называемыя вторичныя, но и самыя первичныя качества вещества, какова *непроницаемость*.

«Всѣ явленія природы,—читаемъ въ популярныхъ лекціяхъ *Джона Тиндаля* [1]), —«тяжесть, всякаго рода движенія, химическое сродство, теплота, свѣтъ, электричество, магнетизмъ имѣютъ единственной и послѣдней причиною взаимодѣйствія между центрами силъ, или *динамичееких атомовъ*, тѣ дѣйствія, которыя, въ концѣ концовъ, приводятся къ притяженію. *Требованіе, чтобы сущностью* (116) *матеріи были абсолютное протяженіе и абсолютная непроницаемость, не подтверждается ни разсужденіемъ, ни фактами, даже противорѣчитъ фактамъ.* Можно говорить только о монадахъ соединенныхъ, вѣсомыхъ, и монадахъ свободныхъ, невѣсомыхъ. Различаются ли существеннымъ образомъ (119) вѣсомыя монады отъ невѣсомыхъ? Нѣтъ, потому-что несомнѣнное дѣйствіе мнимыхъ невѣсомыхъ тѣлъ на тѣла вѣсомыя совершенно подобно дѣйствіямъ вѣсомыхъ тѣлъ другъ на друга: свѣтъ производитъ очевидное механическое дѣйствіе, теплота удаляетъ молекулы твердыхъ тѣлъ другъ отъ друга, плавитъ, превращаетъ въ пары и проч.; молнія раскалываетъ камни и проч. Можетъ быть, даже не было бы невозможно доказать, при настоящемъ состояніи науки, что, переходомъ изъ одного состоянія въ другое, невѣсомыя монады дѣлаются вѣсомыми; такъ, наприм., теплота поглощается въ опредѣленномъ количествѣ, въ химическихъ соединеніяхъ, и развивается въ соотвѣтственномъ количествѣ, при химическихъ разложеніяхъ. Невѣсомыя монады (120) отличаются отъ вѣсомыхъ только тѣмъ, что вѣсомыя молекулы, соединенныя силою сцѣпленія или химическаго сродства, относительно находятся въ покоѣ; напротивъ того, невѣсомыя монады, будучи свободны и оставаясь внѣ связей сцѣпленія и сродства, одарены чрезвычайными скоростями, сравнительно съ которыми тяжесть и всеобщее тяготѣніе совершенно незамѣтны. Заключенія относительно (127) безконечной малости молекулъ тѣлъ»,—также мы читаемъ,—«совершенно согласны съ общимъ мнѣніемъ физиковъ. Уже *Мушенброкъ* высказалъ, какъ доказанныя даже опытомъ, слѣдующія два предположенія: 1) *какъ бы ни былъ великъ объемъ тѣла, пустыя пространства между его молекулами такъ велики, что можно бы допустить, что тѣло, не теряя своего вещества, могло бы быть приведено къ безконечно малому объему, къ объему песчинки или самаго малаго атома видимой матеріи; 2) и обратно, въ самой малой песчинкѣ, въ самомъ маломъ атомѣ видимой матеріи существуютъ части отдѣлимыя, или дѣйствительно отдѣленныя, въ такомъ числѣ, что изъ нихъ можно бы образовать шаръ какой угодно величины, шаръ, на которомъ два сложные атома были бы расположены на разстояніи, меньшемъ всякой данной длины. Сегенъ* излагаетъ иначе, и не колеблясь, тѣже самыя предположенія: *какъ бы ни были плотны тѣла*, говоритъ онъ, *все-таки ихъ послѣдніе атомы, сравнительно съ занимаемымъ ими объемомъ, такъ удалены другъ отъ друга, какъ небесныя тѣла въ пространствѣ*».

Послѣ такихъ увѣреній со-стороны химіи и физики, можетъ ли быть рѣчь о неотъемлемой принадлежности веществу, въ его основѣ,

---

[1]) *Тепло и холодъ, матерія и сила*. Перев. *Петрушевскаго*, С.-Петерб., 1869 г.

даже самаго первичнаго свойства, *непроницаемости*, не говоря уже о другихъ свойствахъ вещества, подлежащихъ чувствамъ осязанія, или зрѣнія, слуха, вкуса, или обонянія?! — Химія и физика находятъ въ основѣ вещества только движеніе монадъ.

ГЛАВА XXXII.

Какимъ же образомъ изъ этого движенія происходитъ все разнообразіе свойствъ вещества? *Принадлежатъ ли ему и въ какой мѣрѣ принадлежатъ чувственныя свойства цвѣта, запаха* и проч.?—Отвѣта на этотъ вопросъ поищемъ въ психологіи, въ наиболѣе позитивной, или, по крайней мѣрѣ, экспериментальной психологіи *Вундта*, въ которой можно видѣть выводъ самыхъ послѣднихъ въ Германіи физіологическихъ изысканій въ области духа,—такъ-какъ химія и физика отвѣчать намъ на это отказываются, или даютъ отвѣтъ рѣшительно отрицательный.

Въ этомъ пунктѣ нашихъ изслѣдованій мы остановимся на психологіи именно *Вундта* по тому, что въ своихъ лекціяхъ о душѣ человѣка и животныхъ, онъ представляетъ итогъ самыхъ новѣйшихъ изысканій въ области духа, самыхъ современныхъ намъ нѣмецкихъ психологовъ, и особенно *Фехнера*. Поэтому, въ психологіи *Вундта* мы вправѣ искать послѣдняго слова современной европейской психологіи. Вслѣдъ за *Фехнеромъ*, *Вундтъ* поставилъ себѣ задачею *свести наиболѣе позитивнымъ, экспериментальнымъ путемъ, субъективную истину на объективную и уничтожить исконный камень преткновенія въ философіи, противоположность мышленія и бытія*. Посмотримъ же теперь, въ какой мѣрѣ это удалось ему?

По теоріи Вундта, хотя «факты [1]) внѣшняго опыта сознаются нами только тогда, когда становятся предметами нашего внутренняго опыта,—однакожъ они заставляютъ заключать о чемъ-то, лежащемъ внѣ всякаго внутренняго опыта: *насиліе, которое они обнаруживаютъ въ-отношеніи къ нашей способности представленія, необходимо указываетъ на что-то, существующее внѣ этой способности представленія*. Дѣйствительно [2]), внутренній опытъ есть та среда, сквозь которую должны проходить лучи всякаго опыта вообще. Но основаніемъ этому внутреннему опыту служитъ нѣчто, лежащее внѣ его, о чемъ можно заключить по-

---

[1]) Ч. I стр 357. [2]) 353.

явленіямъ, доступнымъ опыту. *Это нѣчто—процессы, происходящіе въ развитіи души до самосознанія.* При анализѣ, эти акты разлагаются, съ одной стороны *на мыслительные акты*, съ другой—*на рядъ физическихъ процессовъ. Но то и другое въ-сущности одинъ и тотъ-же процессъ*».—Можно сказать, что ключъ и сущность психологической теоріи *Вундта это единство мыслительнаго и физическаго актовъ, обусловливающихъ объективность нашего знанія о реальномъ.*— «*Мышленіе и опытъ*»,—по словамъ *Вундта* [1]),—«процессы въ-сущности тождественные, различные только по способу, какъ мы ихъ разсматриваемъ. Различаются они тѣмъ, что *мышленіе* заключаетъ въ себѣ явленія и перемѣны нашей внутренней жизни, а *опытъ*—явленія и перемѣны объективной природы. *Физическія явленія*, на которыя мы вообще смотримъ, какъ на пространственныя, и *явленія психическія*, которыя мы разсматриваемъ всегда, какъ логическія, *одно и тоже*». *Вундту* кажется, будто въ «окончательномъ результатѣ своего изслѣдованія о дѣятельности чувства» онъ совершенно «*уничтожилъ противоположность* [2]) *между физическими явленіями въ чувственныхъ органахъ и нервахъ, съ одной стороны, и психическимъ актомъ ощущенія, съ другой—, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилъ и самый принципъ дуализма въ ощущеніи, двойственность ощущенія, какъ дѣятельности матеріальной и психической*». По словамъ *Вундта*, «ощущеніе есть тождество обѣихъ формъ; по своей сущности, оно составляетъ одно цѣлое, а только по внѣшности, въ-отношеніи къ способамъ изслѣдованія, распадается на двѣ формы. *Матеріальный и психическій процессы при ощущеніи суть одинъ и тотъ-же процессъ. Механическая и логическая необходимость различны между собою не по существу, а только по способу разсматриванія. Что при психологическомъ анализѣ представляется намъ цѣпью умозаключеній, то, при физическомъ анализѣ, оказывается цѣпью причинъ и слѣдствій. Самые простѣйшіе элементы нашего знанія, по формѣ, принадлежатъ къ сужденіямъ, а по содержанію, къ механическимъ процессамъ. Механизмъ и логика въ-сущности одно и тоже*».

На чемъ же основывается у *Вундта* такое утвержденіе? Откуда видно, что *самые простѣйшіе элементы нашего знанія, по формѣ, принадлежатъ къ сужденіямъ, а по содержанію, къ механическимъ процессамъ?* «*Первымъ актомъ мышленія*» *Вундтъ* признаетъ «не то сужденіе [3]), которое находится въ непосредственномъ чувственномъ впечатлѣніи, а то, которое содержитъ въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія». *Вундтъ* полагаетъ, что «*это, самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій совсѣмъ нельзя выразить: его нельзя ни передать словами, ни представить себѣ въ умѣ.* Мы знаемъ о немъ только то, что оно существуетъ. Что [4]) значитъ этотъ фактъ»,—спрашиваетъ онъ,—«что сужденіе, заключающее въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія, существуетъ несомнѣнно, а между тѣмъ содержаніе его неизвѣстно? Этотъ фактъ показываетъ, что сужденіе съ опредѣленнымъ содержаніемъ существуетъ для насъ только *въ концѣ умозаключенія. Первичныя сужденія* не принадлежатъ къ познаніямъ и *вовсе не принадлежатъ къ числу актовъ мышленія.* Первые процессы нашего мышленія—не тѣ безсодержательныя сужденія, изъ которыхъ выводятся признаки ощу-

---

[1]) Стр. 347. [2]) Стр. 243. [3]) Ч. I. стр. 62. [4]) 63.

щенія, а основанныя на нихъ умозаключенія. Мышленіе начинается не съ сужденій, а съ умозаключеній»... Мы не должны затруднять себя разъясненіемъ этихъ вербальныхъ противорѣчій у *Вундта*: «первый актъ мышленія есть сужденіе, и именно первичное сужденіе, которое содержитъ въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія»,—и, въ тоже самое время, «первичныя сужденія вовсе не принадлежатъ къ числу актовъ мышленія» и т. д. Подобныя противорѣчія у *Вундта* встрѣчаются почти на каждой страницѣ. Намъ нужно и будетъ полезно прослѣдить, главнымъ образомъ, коренную идею его психологіи, основной ходъ доказательства его *облюбленной темы, что въ нашемъ мышленіи и процессѣ познанія «механизмъ, и логика одно и тоже»*. *Вундту* кажется, что и «понятіе не можетъ быть первымъ актомъ мышленія: если есть особая дѣятельность мысли, образующая изъ признаковъ понятія, то эта дѣятельность должна быть не что иное, какъ умозаключеніе. Но умозаключеніе есть столько-же начало, какъ и конецъ. Умозаключеніе есть работа, производящая сужденія и понятія. Мышленіе состоитъ единственно въ дѣятельности умозаключенія [1]). Такимъ образомъ [2]), первичныя сужденія совершенно лишены сознанія; съ психологической точки зрѣнія, онѣ не имѣютъ и содержанія [3]), умственнаго содержанія. Но сужденіе безъ всякаго содержанія — такая-же безсмыслица, какъ пространство безъ матеріи. Если прослѣдить процессъ мышленія, до самаго основанія, то опытъ приводитъ именно къ элементарнымъ сужденіямъ, въ которыхъ не заключается никакой мысли».

Что же [4]) именно заключается въ этихъ первичныхъ сужденіяхъ? *По Вундту, «мы знаемъ только два рода существованія: мышленіе и матеріальное бытіе.* Такъ-какъ въ нашихъ первичныхъ сужденіяхъ нѣтъ содержанія мысленнаго, то *надобно предполагать въ нихъ содержаніе матеріальное, т. е. они состоятъ изъ какихъ-либо матеріальныхъ процессовъ»*. Здѣсь на вопросѣ, дѣйствительно ли *въ первичныхъ сужденіяхъ* можно и нужно предполагать *матеріальное содержаніе, вмѣсто мысленнаго*, — слѣдовало бы намъ остановить наше вниманіе, такъ-какъ въ этомъ логическомъ переходѣ скрывается одно изъ важнѣйшихъ, если только не самое важное изъ звеньевъ въ цѣпи доказательствъ теоріи *Вундта*. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы пока не станемъ останавливаться на этомъ по тому, что онъ самъ скоро станетъ противорѣчить себѣ и, слѣд., уничтожать доказательную силу собственной логики. — «Мы знаемъ», — продолжаетъ онъ развивать свое доказательство, — «что при каждомъ ощущеніи происходятъ измѣненія въ нервахъ: по нимъ постоянно проходятъ электрическіе токи. Не можетъ быть сомнѣнія, что существуетъ тѣсная связь между измѣненіями нервнаго электричества и ощущеніемъ. Электрическія измѣненія [5]) въ нервахъ имѣютъ непосредственную связь съ чувствомъ,—и *эта связь есть причинная: оказывается, что электрическіе процессы въ нервахъ суть силы, производящія ощущеніе»*.

«Дѣйствіе [6]), заключающееся въ ощущеніи, происходитъ отъ внѣшняго раздраженія. Внѣшнее раздраженіе состоитъ изъ движенія. Это—или движеніе частицъ воздуха: звукъ, или движеніе эѳира: свѣтъ и теплота,— или химическое дѣйствіе веществъ, распространенныхъ въ воздухѣ и въ жидкостяхъ: запахъ и вкусъ,— или, наконецъ, механическое дѣйствіе твердыхъ тѣлъ: осязательное впечатлѣніе. *Чувственныя [7]) раздраженія ничѣмъ не отличаются отъ другихъ движеній*

---

[1]) Стр. 66. [2]) Стр. 68. [3]) Стр. 69. [4]) Стр. 70. [5]) 72. [6]) Стр. 74. [7]) Стр. 75.

матеріи;—онъ суть не что иное, какъ движенія, дѣйствующія на чувствительные нервы. Когда движеніе подѣйствуетъ на фосфоръ, то отъ тренія произойдутъ теплота и свѣтъ. *Когда же движеніе подѣйствуетъ на нервъ, то въ немъ возбуждается электричество, а отъ электричества происходитъ ощущеніе.* *Вундтъ* съ вѣроятностію заключаетъ, что «(найденный имъ) законъ, по которому ощущеніе возрастаетъ пропорціонально логариѳму возбуждающей силы, *зависитъ не отъ того, что физическое движеніе нервовъ вызываетъ ощущеніе, но отъ того, что это-то движеніе именно и есть ощущеніе.* Акты, которые непосредственно предшествуютъ ощущенію и обусловливаютъ его [1]), *суть вовсе не психическаго свойства; это—чисто физическіе процессы въ нервахъ* и ихъ периферическихъ органахъ, возбуждаемые раздраженіемъ и, въ свою очередь, возбуждающіе ощущеніе. *Эти физическіе процессы отличаются рядомъ признаковъ; каждый изъ этихъ признаковъ есть сужденіе»* (то сужденіе, которое *Вундтъ* уже назвалъ первичнымъ)... «Законъ зависимости ощущенія отъ нервнаго процесса есть общая формула для дѣятельности, посредствомъ которой мы сравниваемъ величины, т. е. для умозаключенія, относящагося къ опредѣленію величинъ. Короче,—*нашъ законъ есть математическое выраженіе логическаго процесса.* Всѣ простѣйшіе элементы [2]) ощущеній происходятъ отъ различныхъ степеней внѣшняго движенія, вліяющаго на органы чувствъ. Это всего очевиднѣе въ ощущеніяхъ звука, гдѣ съ увеличеніемъ колебанія воздуха постепенно увеличивается и высота тона. Но въ ощущеніяхъ свѣта въ-сущности бываетъ тоже самое. *Между самыми* [3]) *разнородными раздраженіями существуетъ не-только нѣкоторое сродство, но всѣ они въ-сущности основаны на одномъ и томъ-же явленіи.* Въ самомъ дѣлѣ, можно произвести всевозможныя чувственныя раздраженія, двигая съ различною скоростію одинъ и тотъ-же предметъ, наприм., прутъ въ темной комнатѣ. При 20 размахахъ его въ секунду, произошло бы въ ухѣ ощущеніе басоваго тона; послѣ 36000 движеній въ секунду, настала бы тишина и послѣдовали бы такія скорости движеній, которыя не возбуждаютъ ни одного изъ нашихъ органовъ; при 18 милліонахъ движеній въ секунду, лучистая теплота произвела бы въ нашей кожѣ ощущеніе теплоты, появился бы красный цвѣтъ; при дальнѣйшемъ увеличеніи быстроты, теплота будетъ уменьшаться и совсѣмъ исчезнетъ, а вмѣсто краснаго цвѣта будутъ являться, поочередно, цвѣта: желтый, зеленый и, наконецъ, фіолетовый; при 8 билліонахъ движеній въ секунду, свѣтъ исчезаетъ вовсе и движеніе тѣла, переставъ дѣйствовать на наши чувства, будетъ обнаруживаться только въ химическомъ вліяніи. Въ явленіяхъ [4]) теплоты и свѣта ощущеніе производится въ насъ движеніемъ эѳира. Вѣроятно, что и *явленія электричества основаны на колебаніи того-же эѳира*, при чемъ измѣняются, быть можетъ, только скорость, а можетъ быть, и другія качества движенія. Быть можетъ, что, и при дѣйствіи раздраженія на чувствительные нервы, *различныя формы внѣшняго движенія переходятъ въ одну и туже форму,—въ электричество, или происходятъ перемѣны въ электрическихъ явленіяхъ, постоянно существующихъ во всякомъ живомъ нервѣ».* Послѣ подобныхъ соображеній, *Вундтъ* считаетъ себя въ-правѣ сказать, «что онъ [5]) нашелъ *законъ*,

---

[1]) Стр. 165. [2]) Стр. 216. [3]) Стр. 217. [4]) Стр. 219. [5]) Стр. 229.

математически выражающій фактъ, что ощущеніе есть выводъ изъ физическаго нервнаго процесса, сдѣланный путемъ умозаключенія».

На-основаніи этого, *Вундту* кажется, что всѣ затрудненія, по спорному вопросу о реальности внѣшняго міра и объективности нашего знанія, преодолѣны. *Что такое предметы?*—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ, безъ всякихъ колебаній: *«это дѣйствительный міръ*, который я узнаю посредствомъ созерцанія, насколько это доступно моимъ ограниченнымъ чувствамъ. Что такое зрѣніе? Это дѣятельность, посредствомъ которой я узнаю *дѣйствительность*». Что эти предметы существуютъ внѣ насъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. *Это—самое первичное впечатлѣніе, какое получаемъ мы отъ воздѣйствовавшихъ на наше чувство раздраженій,—впечатлѣніе, которое лежитъ въ корнѣ всѣхъ другихъ впечатлѣній.* Мы видѣли уже, что, по словамъ *Вундта*, «самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій совсѣмъ нельзя выразить, нельзя ни передать словами, ни даже представить себѣ въ умѣ: *мы знаемъ о немъ только то, что оно существуетъ*. Такъ-какъ мы знаемъ только два рода существованія: мышленіе и матеріальное бытіе, и такъ-какъ въ нашихъ первичныхъ сужденіяхъ нѣтъ содержанія мысленнаго», то *Вундтъ* находитъ въ нихъ «содержаніе матеріальное, т. е. матеріальные процессы. Мы знаемъ, что при каждомъ ощущеніи происходятъ измѣненія въ нервахъ, по нимъ постоянно проходятъ электрическіе токи. *Не* [1] *можетъ быть сомнѣнія, что существуетъ тѣсная связь между измѣненіями нервнаго электричества и ощущеніемъ.* Электрическія измѣненія въ нервахъ [2] имѣютъ непосредственную связь съ чувствомъ,—и эта связь есть причинная», т. е. если существуетъ ощущеніе, какъ слѣдствіе то, значитъ, существуетъ и электрическое раздраженіе, какъ причина, — значитъ, существуетъ и предметъ, какъ дальнѣйшая причина электрическаго раздраженія. Подобнымъ-же образомъ я несомнѣнно убѣждаюсь и въ моемъ собственномъ существованіи. «*Декартъ* [3] сказалъ: *я мыслю, слѣдовательно, существую. Только посредствомъ мысли я убѣждаюсь въ моемъ существованіи. Мышленіе мое есть непрерывное спрашиваніе самого себя, существую ли я. Этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ, потому-что, пока я мыслю, я достовѣрно знаю, что существую.* Этого мало, что чувства непогрѣшимо увѣряютъ насъ въ существованіи какъ нашего *я*, внутри насъ, такъ и внѣшняго міра, внѣ насъ. Не менѣе безспорно онѣ увѣряютъ насъ и въ объективности нашего знанія,—въ совершенно точномъ отраженіи внѣшней дѣйствительности въ зеркалѣ нашего сознанія. «*Что глазами я вижу вѣрно, на это можно представить множество другихъ доказательствъ.* Тѣло, лежащее предо мною, я ощупываю рукой и получаю тоже впечатлѣніе формы, которое даетъ мнѣ и глазъ. Я вижу, какъ дрожитъ струна, и слышу, что звукъ идетъ изъ тогоже мѣста, гдѣ вижу струну. Я приближаю предметъ ко рту,—и вкусъ языка, осязаніе губъ убѣждаютъ меня, что это дѣйствительный предметъ, тотъ самый, который я видѣлъ глазами и бралъ въ руки. *Какихъ же еще нужно доказательствъ*»? спрашиваетъ *Вундтъ*. «А если вы ихъ хотите, то развѣ наука [4] не подтверждаетъ вполнѣ того, что я вижу? Развѣ я не знаю изъ физики, что свѣтъ есть движеніе въ пространствѣ, которое идетъ отъ пред-

---

[1]) Стр. 72. [2]) Стр. 30. [3]) Стр. 71. [4]) 399.

метовъ къ моему глазу? Развѣ я не знаю также, что звукъ есть дрожательное движеніе въ пространствѣ,—движеніе, котораго колебательность я даже чувствую при сильномъ звукѣ»! и т. д. Но тутъ-же сряду, послѣ такихъ категорическихъ утвержденій, *Вундтъ* задаетъ себѣ столь общеизвѣстный и столь затруднительный въ гносеологіи вопросъ: «*но если мое представленіе о мірѣ въ-точности соотвѣтствуетъ его дѣйствительному качеству,—то отъчего-же мое представленіе такъ часто ошибается*»? вопросъ, которымъ все взгроможденное имъ, Вундтомъ, вавилонское столпотвореніе единства логики и механики въ нашемъ мышленіи разсыпается въ прахъ, чтобы послужить еще разъ новымъ памятникомъ суетной и суемудрой затѣи, въ чемъ самъ-же онъ, *Вундтъ*, и сознается.

Такъ, истративъ столь много усилій, такой большой запасъ экспериментальныхъ знаній, такой богатый снарядъ крайней тонкости соображеній на установленіе закона, который будто-бы «математически выражаетъ фактъ, что ощущеніе есть выводъ изъ физическаго, нервнаго процесса, сдѣланный путемъ умозаключенія», *Вундтъ*, на пути сведенія къ единству логики и механики въ нашемъ мышленіи, видитъ, однакожъ, самъ и указываетъ намъ множество неодолимыхъ затрудненій. Положимъ, что, по изслѣдованіи качествъ ощущенія, онъ нашелъ, что «каждому элементарному ощущенію соотвѣтствуетъ извѣстное *физическое* явленіе, вибрація периферическаго слуховаго органа, или дѣйствіе свѣта на палочку сѣтчатой оболочки, или сжатіе осязательнаго тѣльца» и т. п. Но, тѣмъ не менѣе, «самое ощущеніе онъ признаетъ результатомъ умозаключенія, результатомъ сравненія согласныхъ и противорѣчащихъ признаковъ». Самъ-же онъ говоритъ, что [1]) «если ощущенія и проводятся въ нервахъ отъ чувственнаго органа къ мозгу, посредствомъ электричества, то *самое электричество не можетъ непосредственно возбуждать ощущенія.* Въ электричествѣ не могутъ заключаться всѣ различія, придающія особенное качество каждому отдѣльному ощущенію; *разнообразію ощущеній не соотвѣтствуетъ однообразіе электрическаго процесса.* А потому существенное качество ощущенія можетъ зависѣть только или отъ окончанія нерва въ мозгу, или отъ окончанія его въ органѣ внѣшняго чувства». На вопросы: «отъ чего [2]) зависитъ разница между ощущеніями различныхъ органовъ? отъ чего давленіе совсѣмъ не похоже на вкусъ, а звукъ на свѣтъ«?—*Вундтъ* отвѣчаетъ, что «коренная разница между звукомъ и цвѣтомъ и т. п. должна необходимо происходить отъ такой-же коренной разницы въ устройствѣ наружныхъ органовъ и въ образѣ дѣйствія на нихъ раздраженій. Мы не можемъ понять»,—пишетъ онъ,—«какимъ образомъ, при дѣйствіи внѣшняго раздраженія на нервы, изъ самыхъ разнородныхъ движеній, каковы: звукъ, свѣтъ, механическое давленіе и т. д., *происходитъ всегда однородное электрическое измѣненіе* [3]). Въ электрическихъ нервныхъ явленіяхъ мы замѣчаемъ только одну разницу, разницу въ степени напряженія. *За-то нельзя въ нихъ замѣтить такой разницы, которая была бы параллельна качественнымъ различіямъ раздраженій.* Зрительный нервъ, возбуждаемый колебаніемъ эѳира,—слышательный нервъ, возбуждаемый звуковыми волнами,—осязательный нервъ, возбуждаемый механиче-

---

[1]) 219. [2]) 223. [3]) 81.

скимъ давленіемъ,—всѣ они обнаруживаютъ *электрическое измѣненіе одного и того-же рода.* Изъ этого *Вундтъ* основательно заключаетъ, что, *въ-отношеніи къ качеству впечатлѣній, нервныя волокна служатъ только проводниками и что качество ощущенія опредѣляется или въ чувственныхъ органахъ, или въ головномъ мозгу, или вмѣстѣ въ томъ и другомъ».* *Вундтъ* сомнѣвается вообще даже въ томъ, *имѣетъ ли въ себѣ что-либо электрическое тотъ нервный процессъ, который непосредственно предшествуетъ ощущенію,* и не слѣдуетъ ли здѣсь электрическое измѣненіе скорѣе *посредникомъ между раздраженіемъ и какимъ-нибудь третьимъ родомъ движенія,* совершенно не извѣстнымъ.» Поэтому, нечего [1]) и думать о томъ»,—утверждаетъ онъ,—«чтобы непосредственно показать, какъ, вслѣдствіе измѣненія силы, производящей ощущеніе (т. е. электричества), измѣняется самое ощущеніе, и какая перемѣна произойдетъ въ ощущеніи, если мы вдвое, втрое и т. д., увеличимъ, или уменьшимъ, нервныя силы, его возбуждающія». *Вундтъ* прямо свидѣтельствуетъ, что наша мысль вообще существенно, въ родѣ и качествѣ, а не въ степени, отлична отъ всего чувственнаго. «*Принимая мышленіе и отправленіе мозга*» (т. е. нервный электрическій процессъ),—пишетъ *Вундтъ* [2]),—«*за одно и тоже, естествоиспытатель погрѣшаетъ противъ перваго правила естественно—научной логики: причинная связь между отправленіемъ мозга и мышленіемъ еще нисколько не доказана.* Опытъ показываетъ намъ, что *есть такая вещь, которой мы не можемъ видѣть и осязать непосредственно, какъ какое-нибудь тѣло. Эта* [3]) *вещь есть мысль. Мысль не доступна нашимъ чувствамъ:* мы можемъ слышать *слово,* которымъ она выражается,—можемъ видѣть *человѣка,* въ головѣ котораго она явилась,—мы можемъ анатомировать *мозгъ,* въ которомъ она образовалась; но *слово: человѣкъ, мозгъ*—это *еще не мысль.* Также и *кровь,* протекающая чрезъ мозгъ, *химическія измѣненія,* происходящія въ мозгу, теплота, *электричество, развивающееся въ мозгу, все это не есть мысль.* Хорошо [4]), говоритъ матеріализмъ, это не есть мысль, но это производитъ мысль: какъ печень производитъ желчь, какъ мускулъ производитъ движеніе, такъ изъ крови и мозга, изъ теплоты и электрической матеріи образуется мысль. *Но между этими двумя случаями значительная разница»,*—возражаетъ *Вундтъ:*—«тамъ я собственными глазами вижу всѣ условія, при которыхъ, въ одномъ случаѣ, образуется желчь, въ другомъ—движеніе; но *никакіе процессы въ мозгу не даютъ намъ средствъ объяснить происхожденіе мысли.* Много спорили о томъ, *на что болѣе* [5]) *похожа мысль,—на свѣтъ, или на электричество:* только въ томъ, что она не имѣетъ вѣса, всѣ были согласны. Можно удивляться, что вся эта матеріалистическая философія принесла такіе жалкіе результаты». Задаваясь вопросомъ объ основномъ характерѣ отношенія [6]) *между ощущеніемъ и нервнымъ процессомъ,*—именно вопросомъ о томъ, «зависитъ ли законъ этого отношенія отъ процесса въ нервахъ и, слѣд., можетъ ли считаться *физическимъ закономъ,*—или онъ обусловливается свойствами души, и, слѣд., есть законъ *чисто психическій,* или есть, наконецъ, *психо-физическій,* какъ опредѣляющійся обоими факторами»? на всѣ эти вопросы *Вундтъ* отвѣчаетъ: «*ясно, что нашъ законъ не можетъ быть закономъ физическимъ.* Несомнѣнно,

---

[1]) 99. [2]) 19. [3]) 19, [4]) 20. [5]) 21. [6]) 162.

что [1]) силы внѣшней природы никогда не дѣйствуютъ по тому закону, который мы нашли для отношенія между нервнымъ процессомъ и ощущеніемъ. Но и мнѣніе, будто этотъ законъ есть законъ *психо-физическій*, не выдерживаетъ критики. *Есть прямое доказательство того, что этотъ законъ есть чисто психическій.* Смыслъ этого закона тотъ, что мы можемъ только сравнивать первичныя, полученныя посредствомъ физическаго процесса, сужденія [2]) между собою. Но въ чемъ состоитъ это сравненіе непосредственно данныхъ величинъ? Всякое сравненіе бываетъ основано на умозаключеніи. Гдѣ же тѣ сужденія, изъ которыхъ выводится сравнительное умозаключеніе, служащее для измѣренія ощущеній? Очевидно, такими сужденіями можетъ быть не что иное, какъ *акты, которые непосредственно предшествуютъ ощущенію и обусловливаютъ его»* [3]). *Вундтъ* даже положительно увѣряетъ, что «*намъ* [4]) *никогда не удастся уловить тождество этихъ процессовъ (психическаго и физическаго)* въ самомъ представленіи,—точно также, какъ въ ощущеніи мы *никогда не замѣтимъ тождества теплоты и свѣта, хотя оба эти процесса въ-сущности одно и тоже.* Это сравненіе не вѣрно только въ одномъ отношеніи. Свѣтъ и теплота различны для нашихъ чувствъ, а сами по себѣ одно и тоже. Но эта тождественность можетъ быть представлена и наглядно. Въ самомъ дѣлѣ [5]), свѣтъ и теплота для насъ тождественны только по тому, что и въ той и въ другомъ мы видимъ нѣчто третье, движеніе эѳира. Механическіе и логическіе процессы, при ощущеніи и при рефлексахъ, сами по себѣ, также тождественны и различны только для нашего воспріятія; *но мы не можемъ представить себѣ того третьяго, въ которомъ они сходятся,—и если оно и существуетъ, то за предѣлами нашего познанія.* Физикъ, желая изслѣдовать природу свѣта и теплоты, уже не держится ощущенія, а прямо беретъ это третье,—движеніе эѳира. Есть ли же возможность, путемъ механическаго и логическаго анализа, придти къ заключеніямъ *о природѣ этого третьяго, лежащаго въ основаніи механизма и логики,* и можетъ ли *это третье, это сверхъ—чувственное основаніе явленій* сдѣлаться предметомъ изслѣдованія,—это вопросъ»... Наконецъ, всѣ эти разсужденія *Вундтъ* заключаетъ общимъ приговоромъ, что «*ощущеніе* [6]) *не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что предшествуетъ ощущенію, но нѣчто совершенно новое, психологическій фактъ,* который доступенъ нашему внутреннему взору, только какъ результатъ».

Такимъ образомъ *Вундтъ*, въ общихъ положеніяхъ своей теоріи, вращается между вербальными противорѣчіями, мирить которыя не входитъ въ наши расчеты. Для насъ въ его психологіи, въ вышеизложенномъ, важенъ выводъ, что «*ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что предшествуетъ ощущенію, но нѣчто совершенно новое, психологическій фактъ*»,—выводъ, въ которомъ согласны съ *Вундтомъ* всѣ новѣйшіе антропологи, не исключая ни *Д. С. Милля*, ни физіолога *Льюиса*, которые, съ своей стороны, подтверждаютъ также, что «наше ощущеніе въ качествѣ, существенно, радикально, а не въ степени только, отлично отъ предшествующаго ощущенію нервнаго процесса; но всего болѣе важны для насъ собранные Вундтомъ *психологи-*

---

[1]) 163. [2]) 164. [3]) 165. [4]) 284. [5]) 285. [6]) 295.

ческіе факты, которые подтверждаютъ крайнюю субъективность нашихъ познаній, пріобрѣтаемыхъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ,—краткимъ перечнемъ которыхъ мы займемся, когда станемъ собирать въ общій итогъ эти основоположенія гносеологической теоріи *Вундта*.

Самъ *Вундтъ*, изъ анализа этихъ фактовъ, дѣлаетъ такое заключеніе, что «наше представленіе качества предметовъ есть только выводъ изъ результатовъ чувственныхъ наблюденій: до нашего свѣдѣнія доходитъ только этотъ выводъ, а процессы, ему; предшествующіе, не сознаются нами. Часто высказываютъ [1]) мнѣніе, говоритъ Вундтъ,—будто то, что мы держимъ въ рукахъ, гораздо доступнѣе нашему чувственному воспріятію, нежели то, что дѣйствуетъ на насъ издали; но при этомъ забываютъ, что *какъ осязаніе, такъ и зрѣніе состоитъ во впечатлѣніи на чувствительные нервы, о причинѣ котораго, безъ помощи умозаключеній и сужденій, мы также мало знаемъ въ первомъ случаѣ, какъ и во второмъ. Намъ кажется* [2]), *будто мы прямо ощущаемъ мѣсто впечатлѣнія, тогда-какъ мы непосредственно ощущаемъ только качество ощущенія и по немъ узнаемъ мѣсто впечатлѣнія.* Совершенствуя дальнѣйшимъ упражненіемъ нашу способность воспріятія, мы совершенствуемъ только способность замѣчать самыя малыя различія между нашими ощущеніями; это одинаково относится и къ зрѣнію, и къ осязанію. *Мы щупаемъ глазомъ точно такжѐ, какъ и рукою.* Изъ этого мы видимъ»,—заключаетъ *Вундтъ*,—«что наши пространственныя соцерцанія весьма много измѣняются,—что на нихъ имѣютъ вліяніе множество обстоятельствъ, *вовсе не зависящихъ отъ самыхъ предметовъ*,—что мы принимаемъ здѣсь въ соображеніе кажущуюся величину предметовъ, разстояніе, въ которомъ они находятся, и, наконецъ, наблюденія, сдѣланныя нами въ другихъ случаяхъ надъ тѣми-же, или подобными, предметами. *Какъ же можно послѣ этого утверждать, будто то, что мы видимъ, т. е. наше созерцаніе происходитъ отъ предметовъ, находящихся внѣ насъ? Всѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на наше созерцаніе и на которыя мы указали здѣсь, заключаются не въ предметахъ, а въ насъ самихъ. Это мы въ такой степени заставляемъ измѣняться предметы; это мы распоряжаемся пространствомъ такъ произвольно, какъ своею собственностію. А если управляться съ пространствомъ и пространственными величинами зависитъ совершенно отъ насъ, то мы имѣемъ полное право сказать: пространство и все, что его касается, происходитъ не отъ предметовъ, а отъ нашего зрѣнія, нашего чувственнаго воспріятія.* Если тѣло кажется мнѣ протяженнымъ, то причиною тому не тѣло, а мое зрѣніе. *Имѣетъ ли тѣло протяженность на самомъ дѣлѣ—еще неизвѣстно.* Во всякомъ случаѣ, изъ того, что я вижу его протяженнымъ, я не могу еще дѣлать никакого вывода. Иначе я сдѣлалъ бы такой-же промахъ, какъ если-бы изъ того, что мѣсяцъ кажется мнѣ величиною въ тарелку, я заключилъ, что онъ и дѣйствительно не больше тарелки. Все, что вліяетъ на мои созерцанія и измѣняетъ ихъ, происходитъ отъ предыдущихъ созерцаній. Вліянія эти суть не что иное, какъ мое-же собственное зрѣніе, которое постоянно само себя направляетъ и повѣряетъ, постоянно само на себя опирается, чтобъ улучшить и дополнить изображеніе внѣшняго міра, отражающагося въ моемъ глазу».

---

[1]) 319. [2]) 324.

Что въ вышеизложенныхъ психологическихъ выводахъ *Вундта*, основанныхъ на самоновѣйшихъ опытахъ и экспериментахъ, должно въ самомъ дѣлѣ видѣть послѣднее слово науки, это подтверждается данными, изложенными въ вышеозначенной *рѣчи доктора Карпентера, при открытіи Съѣзда Британскихъ естество—испытателей въ 1872 году*: «*человѣкъ истолкователь природы*» [1]). Въ этой рѣчи докторъ *Карпентеръ*, предъ собраніемъ высшихъ авторитетовъ современной естественной науки, авторитетно высказываетъ слѣдующія положенія, основанныя на фактахъ: «если мы старательно разсмотримъ основаніе нашей увѣренности въ томъ, что научное истолкованіе природы изображаетъ ее не-только какою она *кажется, но какова она дѣйствительно есть,—то найдемъ достаточную причину не довѣрять этой увѣренности.* Это по тому, что о научномъ представленіи природы, точно также какъ объ артистическомъ или поэтическомъ, можно доказать, что *оно есть изображеніе, созданное самимъ умомъ, изъ матеріаловъ, доставленныхъ впечатлѣніями, которыя внѣшніе предметы производятъ на наши чувства, такъ-что для каждаго человѣка наука природы есть то, чѣмъ онъ лично ее считаетъ.* И это мнѣніе о ней опирается на различныя основанія и имѣетъ весьма не одинаковую цѣну въ различныхъ отрасляхъ науки. Такъ, въ тѣхъ, которыя намъ вообще извѣстны за «точныя науки», образцомъ которыхъ можно принять астрономію, данныя, доставляемыя точными методами наблюденія, могутъ быть взяты за основаніе разсужденія, на каждомъ шагу котораго математикъ имѣетъ полное сознаніе достовѣрности, и окончательный выводъ оправдывается согласіемъ или съ извѣстными, или подлежащими провѣркѣ, фактами. Но даже *въ этой точнѣйшей изъ наукъ мы не можемъ сдѣлать шага безъ того, чтобы не переводить дѣйствительныхъ явленій природы на языкъ интеллектуальныхъ представленій этихъ явленій.* Психологъ настоящаго времени смотритъ на матерію совершенно въ духѣ своего собственнаго сознанія; его *отвлеченная идея о матеріи—та, что это есть «ничто», что имѣетъ постоянную способность возбуждать ощущенія;* его идея о всякомъ «свойствѣ матеріи» есть умственное представленіе какого-либо рода чувственнаго впечатлѣнія, полученнаго отъ нея; а его идея о какомъ-либо видѣ матеріи есть представленіе всей совокупности чувственныхъ воспріятій, которыя ея присутствіе вызвало въ его умѣ. Такимъ образомъ, когда я опираю мою руку на этотъ столъ, *я признаю его непроницаемость, черезъ совмѣстное посредничество моего чувства осязанія, моей мышечной силы и моего внутренняго ощущенія усилія*, которымъ, всѣмъ вмѣстѣ, удобнѣе дать общее названіе *осязательнаго чувства; и я приписываю этому столу твердость, противодѣйствующую усилію, которое я дѣлаю для того, чтобы вмѣстить мою руку въ его вещество.* Далѣе, впечатлѣнія, полученныя мною черезъ тотъ-же осязательный аппаратъ, когда я поднимаю рукой книгу, приводятъ меня къ соединенію съ книгой понятія *о тяжести* или *вѣсомости*; а поднимая различныя твердыя тѣла почти одной и той же величины, я получаю возможность, черезъ различныя степени усилія, которое я принужденъ дѣлать, чтобы держать ихъ, отличить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ *легкія*, а другія, какъ *тяжелыя.* Подобнымъ образомъ, чрезъ посредство нашего осязательнаго чувства,

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1872 года, августъ.

безъ всякой помощи со-стороны зрѣнія, мы впервые получаемъ *идею о твердой формѣ*, или о *трехъ размѣрахъ пространства*. Слѣдовательно, такимъ образомъ мы доходимъ до *понятій о сопротивленіи и тяжести*, какъ о свойствахъ, общихъ всякой формѣ матеріи. И теперь, когда мы составили понятія о свѣтѣ и теплотѣ, объ электричествѣ и магнетизмѣ, какъ о *невѣсомыхъ жидкостяхъ, мы принимаемъ эти свойства, какъ данныя, для практическаго различенія между «матеріей» и «не матеріей»*. Обращаясь за-тѣмъ къ другимъ важнымъ фактамъ ощущенія, къ зрѣнію, чрезъ которое мы получаемъ большую часть посланій отъ окружающей насъ вселенной, мы признаемъ туже истину. Такъ, *и физики, и физіологи согласны между собой, что цвѣтъ не существуетъ, какъ цвѣтъ, въ самомъ предметѣ, который имѣетъ лишь способность отражать; или пропускать извѣстное число милліоновъ колебаній въ секунду; и только эти колебанія производятъ то наше внутреннее ощущеніе, которое мы называемъ цвѣтомъ, когда они падаютъ на сѣтчатую оболочку живаго органа зрѣнія*. И если въ сѣтчатой оболочкѣ, или въ лежащемъ позади нея аппаратѣ, есть недостатокъ, который мы называемъ *«цвѣто-слѣпотой» или дальтонизмомъ*, — то нѣкоторые особенные колера не могутъ быть различаемы, или даже можетъ вовсе не быть способности различать какіе-либо цвѣта. Еслибы мы всѣ были подобны Дальтону, то мы не видѣли бы никакого различія, кромѣ какъ по формѣ, между зрѣлыми персиками, висящими на деревѣ, и окружающими ихъ зелеными листьями; если-бы мы всѣ были поражены сильнѣйшею формой цвѣтослѣпоты, то прекрасный обликъ природы былъ бы намъ видѣнъ въ свѣто-тѣни гравюры съ одного изъ ландшафтовъ Тернера, а не въ яркихъ краскахъ самой чудесной картины. И относительно нашихъ зрительныхъ представленій можно утверждать, съ полною достовѣрностью, какъ результатъ многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ лицами, впервые пріобрѣвшими зрѣніе, что *эти представленія не служатъ даже для признанія тѣхъ предметовъ, съ которыми человѣкъ ознакомился черезъ осязаніе, до тѣхъ поръ, пока оба разряда чувственныхъ воспріятій не будутъ приведены въ соотношеніе опытовъ* [1]). Однакожъ, когда это соотношеніе уже произошло, то сложное воспріятіе формы, которое мы получаемъ отъ одного чувства зрѣнія, бываетъ такъ полно, что мы рѣдко имѣемъ надобность обращаться опять къ осязанію, для какого-либо дальнѣйшаго свѣдѣнія объ этомъ качествѣ предмета. И далѣе, такъ-какъ черезъ соотношеніе двухъ неодинаковыхъ изображеній, производимыхъ всякимъ твердымъ, или выдающимся, предметомъ на наши двѣ сѣтчатыя оболочки (какъ это показали превосходныя изслѣдованія *Чарльза Уитстона*), мы обыкновенно получаемъ по-

---

[1]) *Карпентеръ* разсказываетъ здѣсь случай, что операціей было дано зрѣніе одной молодой женщинѣ, бывшей слѣпою отъ рожденія, но тѣмъ не менѣе научившейся хорошо работать иглой; когда предъ ней были положены ножницы, которыми она привыкла работать, то хотя она и описала ихъ форму, цвѣтъ и блестящую металлическую поверхность, но совершенно была неспособна признать ихъ за ножницы, пока не положила на нихъ своихъ пальцевъ, послѣ чего она тотчасъ-же назвала ихъ, смѣясь надъ своимъ тупоуміемъ (такъ она называла свое невѣдѣніе).

*

средствомъ одного зрѣнія точное понятіе о твердой формѣ предмета, — то вотъ достаточное доказательство того, что это понятіе также есть умственное сужденіе, основанное на опытѣ, пріобрѣтенномъ въ раннемъ дѣтствѣ, дружнымъ употребленіемъ чувствъ зрѣнія и осязанія. *Не тѣлесное, а умственное око воспринимаетъ то, что открываютъ намъ телескопъ и микроскопъ*, потому-что мы не имѣли бы никакого основанія довѣрять ихъ открытіямъ относительно неизвѣстнаго, если-бы прежде не пріобрѣли опытности въ различеніи истиннаго отъ ложнаго, чрезъ примѣненіе ихъ къ извѣстнымъ предметамъ. Потому *каждое истолкованіе того, что мы видимъ въ эти инструменты, есть умственное сужденіе о вѣроятной формѣ, величинѣ и движеніи тѣлъ*, которыя, или по ихъ разстоянію, или по ихъ чрезвычайно малой величинѣ, устранены отъ познанія ихъ нашимъ чувствомъ осязанія. Еще вѣрнѣе это въ отношеніи къ послѣднему пріобрѣтенію нашего научнаго вооруженія, которое обѣщаетъ не уступить въ значеніи ни телескопу, ни микроскопу, потому-что *о спектроскопѣ*, по справедливости, можно сказать, что онъ не-только расширилъ область нашего зрѣнія, но почти далъ намъ новое чувство, давъ намъ возможность узнавать отличительныя свойства химическихъ элементовъ, которыя прежде были совершенно неизвѣстны. И кто скажетъ теперь, что мы знаемъ все, что можно знать о какой-либо формѣ матеріи»?—*Карпентеръ* очень хорошо понимаетъ, что «*такой взглядъ на матеріальный міръ равносиленъ заключенію, что міръ этотъ вытекаетъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія,—что это выступъ нашего собственнаго ума въ то, что насъ окружаетъ,—что это скорѣе идеальный, чѣмъ дѣйствительный, міръ*». Знаетъ онъ и то затрудненіе, что «если все, что мы знаемъ о матеріи, *есть только умственное представленіе*, то какъ можемъ мы отличать его отъ понятій, составляемыхъ нами въ нашихъ сновидѣніяхъ? *Карпентеръ*, какъ естество-испытатель, а не философъ, думаетъ разсѣять это вѣковое философское затрудненіе, *призвавъ на выручку простой здравый смыслъ, который ясно сознаетъ различіе между опытами на яву и въ сновидѣніяхъ*». Но долго нужно подпирать этотъ давно извѣстный аргументъ, чтобы превратить давно извѣданную слабость его въ солидную прочность.

Вундтъ смотритъ на этотъ предметъ, повидимому, глубже.—«*Что такое предметы? Это дѣйствительный міръ*,»—отвѣчаетъ онъ самъ себѣ,—«который я узнаю посредствомъ созерцанія, насколько это доступно моимъ ограниченнымъ чувствамъ. Что такое зрѣніе? Это дѣятельность, посредствомъ которой я узнаю *дѣйствительность*. Но эта дѣйствительность не есть *пассивное* принятіе того, что даетъ мнѣ внѣшній и внутренній опытъ, путемъ чувствъ и сознанія; нѣтъ, это *активное* вторженіе въ дѣйствительный міръ, это—*самостоятельное* [1]) сужденіе и умозаключеніе, посредствомъ котораго я отличаю истинное отъ ложнаго, взвѣшиваю различныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствую, и, такимъ образомъ, изъ впечатлѣній, сначала смутныхъ и непонятныхъ, *строю образъ дѣйствительности, до безконечности приближающійся къ истинѣ, хотя и никогда ея не достигающій*. Не въ механическомъ принятіи даннаго безъ всякой перемѣны, а въ *переработкѣ впечатлѣній мыслью*,—вотъ въ чемъ состоитъ созер-

---

[1]) 347

ланіе. *Истина выше дѣйствительности*»,—смѣло утверждаетъ *Вундтъ*,—«*дѣйствительность* [1]) *для насъ есть безсвязная и безпорядочная масса явленій.* Только стремленіе къ истинѣ вноситъ въ эти явленія жизнь, переходя отъ фактовъ дѣйствительности къ ихъ причинамъ. Эти отношенія и связь, опредѣлившись во всѣ стороны, даютъ намъ *общія истины.* Дѣлая болѣе и болѣе обширныя соединенія, познаніе стремится къ истинѣ въ цѣломъ, какъ послѣдней цѣли, какую оно можетъ себѣ поставить, хотя и *никогда не можетъ вполнѣ этого достигнуть. Выходя, такимъ образомъ, за предѣлы непосредственнаго* [2]) *опыта, познаніе становится творческою дѣятельностью духа, результаты которой суть уже не простые образы предметовъ, подобно представленіямъ, но продукты мышленія, перерабатывающаго эти образы и черпающаго изъ опыта только матеріалъ.* Но не должно понимать *эту творческую дѣятельность такъ, будто духъ въ ней дѣйствуетъ чисто по внутреннимъ мотивамъ и будто продуктъ этой дѣятельности есть результатъ, имѣющій реальность и истину только для мышленія.* Напротивъ того, познаніе, съ самаго начала, стремится къ постиженію *истины объективной.* Оно старается найти отношенія не между представленіями нашими о предметахъ, но отыскиваетъ тѣ отношенія, которыя даютъ намъ уразумѣть *связь предметовъ, существующую независимо отъ нашего мышленія.* Такимъ образомъ, познаніе лишь на-столько переходитъ за предѣлы опыта [3]), *на-сколько оно не довольствуется наружною видимостью, простымъ созерцаніемъ, но стремится постигнуть и уразумѣть самую сущность вещей.* Но этимъ оно нисколько не удаляется отъ міра дѣйствительности; напротивъ того, *оно здѣсь только и начинаетъ вполнѣ понимать дѣйствительный міръ и переходитъ отъ внѣшней связи, лежащей въ представленіяхъ, къ той внутренней связи, которая лежитъ въ самыхъ предметахъ*».

Смутно, непонятно и какъ будто даже противорѣчиво! Всмотримся же пристальнѣе въ эти философскія тонкости, чтобы выяснить для себя ихъ значеніе.

Вотъ коренной логическій ходъ гносеологической теоріи *Вундта*, подкрѣпляемой взглядами *Карпентера* и другихъ естественниковъ.

1) Въ насъ есть нѣчто, подтверждающее дѣйствительность видимаго міра, который навязывается, принуждаетъ себя чувствовать,—и противъ этого принужденія безсильно всякое сопротивленіе, всякое отрицаніе. Насиліе, которое факты внѣшняго опыта обнаруживаютъ въ-отношеніи къ нашей способности представленія, необходимо указываетъ на что-то, существующее внѣ этой способности представленія, внѣ всякаго внутренняго опыта. Основаніемъ внутреннему опыту, той средѣ, сквозь которую проходятъ лучи всякаго опыта, служитъ нѣчто лежащее внѣ его.

2) Это нѣчто—процессы, происходящіе въ развитіи души. Эти

---

[1]) 478. [2]) 480. [3]) 481.

процессы разлагаются на мыслительные и физическіе, на психическіе акты ощущенія и на физическія явленія въ чувственныхъ органахъ, на дѣятельность ощущенія психическую и матеріальную. Эти самые простѣйшіе элементы нашего знанія, по формѣ, принадлежатъ къ сужденіямъ, а по содержанію, къ механическимъ процессамъ.

3) Первичное сужденіе, которое содержитъ въ себѣ отдѣльный признакъ ощущенія, нельзя ни передать словами, ни представить въ умѣ; оно даетъ знать о себѣ только то, что оно существуетъ, но содержаніе его неизвѣстно: какъ безсодержательное, оно и не принадлежитъ къ числу актовъ мышленія, которое собственно начинается съ умозаключенія. Такъ-какъ мы знаемъ только два рода существованія—мышленіе и матеріальное бытіе, и такъ-какъ въ первичныхъ сужденіяхъ нѣтъ содержанія мысленнаго,—то надобно предполагать въ нихъ содержаніе матеріальное; иначе сказать, первичныя сужденія состоятъ изъ матеріальныхъ процессовъ.

4) Эти процессы суть чувственныя раздраженія, которыя суть не что иное, какъ движенія, дѣйствующія на нервы. Физическое движеніе нервовъ не вызываетъ ощущенія, но это-то движеніе именно и есть ощущеніе. Между самыми разнородными раздраженіями существуетъ не-только нѣкоторое сходство, но всѣ онѣ основаны въ-сущности на одномъ и томъ же явленіи. При дѣйствіи раздраженія на чувствительные нервы, различныя формы внѣшняго движенія переходятъ въ одну и туже форму, въ электричество; въ электрическихъ явленіяхъ, постоянно существующихъ во всякомъ живомъ нервѣ, происходятъ перемѣны. Отсюда выясняется законъ, математически выражающій фактъ, что ощущеніе есть выводъ изъ физическаго нервнаго процесса, сдѣланный путемъ сравненія или, что тоже, умозаключенія; отсюда открывается, что матеріальный и психическій процессы при ощущеніи суть одинъ и тотъже прецессъ,—механизмъ и логика въ-сущности одно и тоже.

5) Существуетъ тѣсная причинная связь между измѣненіями нервнаго электричества и ощущеніемъ. Отсюда слѣдуетъ, что если существуетъ ощущеніе, какъ слѣдствіе,—то, значитъ, существуетъ электрическое раздраженіе, какъ причина,—значитъ, существуетъ и предметъ, какъ дальнѣйшая причина электрическаго раздраженія. Существованіе предметовъ внѣ насъ—это самое первичное впечатлѣніе, какое получаемъ мы отъ воздѣйствовавшихъ на наше чувство раздраженій. Уже замѣчено, что самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій нельзя ни пе-

редать словами, ни представить въ умѣ; мы узнаемъ о немъ только то, что оно существуетъ. Подобнымъ-же образомъ я убѣждаюсь и въ моемъ собственномъ существованіи, именно посредствомъ мысли: мышленіе мое есть непрерывное спрашиваніе самого себя: существую ли я; но этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ и отвѣтъ, потому-что пока я мыслю, я достовѣрно знаю, что существую. Отсюда ясно, что мое ощущеніе есть дѣятельность, посредствомъ которой я узнаю дѣйствительный міръ; предметы, о которыхъ говоритъ мнѣ мое ощущеніе, это дѣйствительный міръ. Что глазами я вижу вѣрно, на это можно представить множество другихъ доказательствъ, чрезъ повѣрку свидѣтельства глазъ свидѣтельствомъ другихъ чувствъ и показаніями науки. Послѣ такой очевидности, казалось бы, что противоположность между мышленіемъ и бытіемъ устранена навсегда. Увы, нѣтъ!

6) Электричество не можетъ непосредственно возбуждать ощущенія; разнообразію ощущеній не соотвѣтствуетъ однообразіе электрическаго процесса; при дѣйствіи внѣшняго раздраженія на нервы, при самыхъ разнородныхъ ощущеніяхъ, всегда происходитъ однородное електрическое измѣненіе, такъ-что нельзя замѣтить въ немъ разницы, которая вышла бы параллельна качественнымъ различіямъ раздраженій. Электрическое измѣненіе служитъ, вѣроятно, только посредникомъ между раздраженіемъ и какимъ-нибудь третьимъ родомъ движенія, совершенно неизвѣстнымъ. Поэтому, нечего и думать о томъ, чтобы непосредственно показать, какъ, вслѣдствіе измѣненія электрическаго процесса, измѣняется ощущеніе. Принимая мышленіе и отправленіе мозга за одно и тоже, естествоиспытатель погрѣшаетъ противъ перваго правила естественно-научной логики: причинная связь между отправленіемъ мозга и мышленіемъ еще нисколько не доказана; мозгъ, химическія измѣненія въ мозгу, электричество, развивающееся въ мозгу—не мысль. Никакіе процессы въ мозгу не даютъ намъ средствъ объяснить происхожденіе мысли. Вообще ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что предшествуетъ ощущенію, но нѣчто новое, психологическій фактъ, который доступенъ только внутреннему нашему взору. Поэтому, намъ никогда не удастся уловить тождество психическаго и физическаго процессовъ въ ощущеніи: свѣтъ и теплота для насъ тождественны по тому, что мы видимъ въ нихъ нѣчто третье, движеніе эѳира; относительно же механическаго и логическаго процесса при ощуще-

ніи мы не можемъ представить себѣ того третьяго, въ которомъ они сходятся. Есть ли возможность, путемъ механическаго и логическаго анализа, придти къ заключенію о природѣ этого третьяго, лежащаго въ основаніи механизма и логики, и можетъ ли это третье, это сверхъ-чувственное основаніе явленій, сдѣлаться предметомъ изслѣдованія, это вопросъ... Мы выше замѣтили уже, что въ этомъ *существенномъ пунктѣ перехода физіологіи въ психологію* психологъ *Вундтъ* совпадаетъ съ физіологомъ *Льюисомъ* и логикомъ позитивистомъ *Д. С. Миллемъ*. Вотъ относящіяся сюда слова *Льюиса*: «для объясненія явленій ощущенія нужно искать *причину психологическую, вмѣсто всякой анатомической*. Хотя то объективное нѣчто, что мы называемъ *свѣтомъ*, касается всей поверхности тѣла и производитъ въ ней, у многихъ животныхъ, очень замѣтные признаки чувствительности, однакожъ только въ сѣтчатой оболочкѣ глаза оно можетъ возбудить *то специфическое ощущеніе*, которое мы называемъ *зрѣніемъ*. Впрочемъ, и эти изображенія на сѣтчатой *оболочкѣ не могутъ передаваться дуиъ, какъ изображенія: передается ощущеніе, а не изображеніе*. Происхожденіе изображенія на сѣтчатой оболочкѣ есть предшественникъ ощущенія зрѣнія, между-тѣмъ само изображеніе не передается головному мозгу; окисленіе летучаго вещества предшествуетъ ощущенію обонянія, но это окисленіе не передается головному мозгу; разрушеніе ткани, предшествующее ощущенію жженія, не передается мозгу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ передается только возбужденное ощущеніе. Первоначальное дѣйствіе лучей солнца на черный пигментъ состоитъ въ томъ, чтобы возвысить его температуру до такой степени, которая находилась бы въ соотвѣтственномъ отношеніи къ ихъ напряженности и цвѣту. Этимъ [мѣстнымъ нарушеніемъ температуры начинается актъ зрѣнія. Если у насъ два глаза и не двойное зрѣніе, то у насъ также два уха и двѣ ноздри, а все-же одинъ слухъ и одно обоняніе. Достаточно простой ссылки на такіе факты, чтобы *оставить въ-сторонѣ всѣ анатомическія и оптическія объясненія; причина должна быть здѣсь психологическая и притомъ общая всѣмъ чувствамъ*». *Д. С. Милль*,—какъ мы выше видѣли,—«попытку свести всѣ жизненныя явленія на механическіе, или химическіе процессы, *состоянія сознанія на состояніе нервной системы, самое ощущеніе на движеніе*, какъ и свѣтъ на движеніе, и теплоту на движеніе же», провозглашаетъ «грубѣйшею формою матеріалистической философіи. Пусть, напримѣръ»,—говоритъ онъ,—«будетъ до-

казано, что, производя ощущенія свѣта въ глазу и мозгу, передаются самые сложные ряды физическихъ причинъ и дѣйствій,—именно, что лучи падаютъ на глазъ, преломляются, сближаются, взаимно пресѣкаются, производятъ опрокинутый образъ на сѣтчатой оболочкѣ, а затѣмъ и движеніе (пусть то будетъ дрожаніе, или токъ нервной жидкости, или чего-либо иного, вдоль по зрительному нерву, пусть производятъ передачу этого движенія самому мозгу, и сколько вамъ угодно различныхъ движеній), — *все-же въ концѣ этихъ движеній, есть нѣчто, что не движеніе,—есть чувство или ощущеніе цвѣта*; въ концѣ ряда этихъ движеній мы найдемъ, въ предшествующемъ, движеніе, а въ послѣдующемъ—*ощущеніе цвѣта; способъ, которымъ послѣднее движеніе производитъ ощущеніе цвѣта, не можетъ быть объясненъ никакимъ закономъ движенія*». Вообще *Д. С. Миллъ* провозглашаетъ всѣ душевныя явленія, и, во-первыхъ, ощущенія, отличными отъ тѣлесныхъ явленій радикально, *т. е. въ качествѣ, а не въ степени.* — Тоже самое утверждаетъ и физіологъ *Дюбуа-Реймонъ*. «Какъ самая возвышенная душевная дѣятельность»,—говоритъ онъ,—«такъ и первая степень сознанія, чувственное ощущеніе, необъяснимы матеріальными условіями и останутся такими навсегда, какіе бы успѣхи знанія ни сдѣлалъ человѣческій умъ. Съ первымъ ощущеніемъ удовольствія, или боли, у самаго простѣйшаго существа, въ началѣ животной жизни на землѣ, міръ сталъ вдвойнѣ непонятнѣе. *Астрономическое* знаніе мозга, самое совершенное знаніе, какое мы можемъ имѣть о немъ, открыло бы въ немъ только *движеніе матеріи*, которое отнюдь не объяснило бы происхожденія сознанія изъ какого-либо распредѣленія, или движенія, матеріальныхъ частичекъ, изъ механики мозговыхъ атомовъ. И *здѣсь безусловная граница нашего познанія*».

7) За-тѣмъ мы видимъ у *Вундта* громадное количество фактовъ, которые подтверждаютъ крайнюю субъективность свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ,—если сопоставить понятіе объективности съ понятіемъ реальности,—что *свойства объектовъ, находимыя въ нихъ субъективными ощущеніями, существуютъ только въ субъектѣ, но не въ объектахъ,—или даже представляются въ измѣненномъ и превратномъ видѣ сравнительно съ болѣе или менѣе объективною реальностію.* Вотъ выводы изъ нѣкоторыхъ, взятыхъ нами у *Вундта*, важнѣйшихъ фактовъ:

А) Удобоизмѣримая и точно измѣренная, сравнительно медленная,

у разныхъ субъектовъ различная, у одного и тогоже субъекта измѣнчивая скорость воспріимчивости внѣшнихъ чувствъ и нервовъ, ощущенія и мышленія показываетъ, что явленія въ-дѣйствительности происходятъ не въ одно и тоже время, именно прежде, чѣмъ отражаются въ нашемъ ощущеніи и представленіи, и для разныхъ субъектовъ происходятъ разновременно.

Б) Таблица чиселъ, выражающихъ для разныхъ чувствъ усиленіе раздраженій, какое нужно для того, чтобы разность этого усиленія стала замѣтною для ощущенія, показываетъ, что, при свѣтѣ 104 свѣчей, прибавленный свѣтъ 105-й свѣчи, при взвѣшиваніи руками тяжести 18 фунтовъ, прибавленная тяжесть 19-го фунта, при давленіи тяжести 18 фунтовъ, прибавленная тяжесть цѣлыхъ 5 фунтовъ, при 18 градусахъ, прибавленная температура на цѣлыхъ 5 градусовъ, наконецъ, при шумѣ 18 равномѣрныхъ молотовъ, прибавленный шумъ также цѣлыхъ 5 молотовъ, для нашего ощущенія, для ощущенія разности между аналогичными явленіями, не существуютъ. То, что существуетъ, какъ ощущеніе прикосновенія или давленія, плотности или твердости, на лбу, вискахъ, вѣкахъ, задней сторонѣ предплечія и кисти руки, не существуетъ, какъ давленіе, для передней стороны предплечія, для щекъ и носа, и еще менѣе существуетъ для ладони, живота, лядвей и т. п. Нуль ощущенія температуры, различный для разныхъ лицъ, передвигается на ощущеніи даже одного и тогоже субъекта, такъ-что, въ данный моментъ времени и мѣста, для меня существуетъ единица тепла, а для другаго не существуетъ, или даже для меня, въ данную минуту, существуетъ, а въ другую — перестаетъ существовать, при неизмѣнности температуры въ объектѣ. Свойства объектовъ, слишкомъ сильно, или слишкомъ постоянно и непрерывно раздражающія наше ощущеніе, перестаютъ для насъ существовать, наприм., слишкомъ сильная боль, слишкомъ яркій свѣтъ, слишкомъ сильный звукъ, шумъ фабрики для фабричнаго, гармонія сферъ небесныхъ для всѣхъ людей, движеніе крови въ кровеносныхъ нашихъ сосудахъ и т. п. Разстояніе, замѣтное для ощущенія на кончахъ пальцевъ и языкѣ, не существуетъ для ощущенія кожи на спинѣ и т. п. При сравненіи разстояній глазомъ, при данномъ разстояніи 60 аршинъ, или саженей, прибавленная къ нему длина еще 1-го аршина, или 1-й сажени для ощущенія не существуетъ,—причемъ оказывается разница между сравненіями разстояній глазами и кожею, такъ-что опять разница, существующая для глаза, не всегда сущест-

вуетъ для кожи. Въ ощущеніи глазомъ вертикальнаго разстоянія для насъ исчезаетъ цѣлая $^1/_5$, напримѣръ 1 саж. изъ 5, сравнительно съ ощущеніемъ разстоянія горизонтальнаго.

В) Принимая за объективную истину, что всѣ чувственныя раздраженія основаны на одномъ и томъ-же явленіи движенія и варіируются только разными скоростями движенія, что движенія, начиная существовать для уха въ-видѣ звука съ 16, или 20 размаховъ въ секунду, перестаютъ существовать для уха послѣ 36000, или 48000 размаховъ, что дальнѣйшія, до громадной цифры 18000000, скорости движенія, какъ источникъ ощущенія, не существуютъ ни для уха, ни для глаза, что движенія, начиная съ 18 милліоновъ размаховъ, начинаютъ производить ощущеніе теплоты на кожѣ и краснаго цвѣта въ глазѣ,—что скорости отъ 18000000 до 8000000000 произведутъ въ глазѣ ощущеніе семи цвѣтовъ солнечнаго спектра, при чемъ и здѣсь, однакожъ, нѣкоторыя промежуточныя скорости не существуютъ для глаза, дальнѣйшія же скорости движенія, за 8000000000 и до невообразимой цифры (такъ-какъ невидимая часть спектра почти въ восемь разъ больше видимой и, слѣдовательно, только восьмая часть лучей свѣта способна быть видимою; все же остальное представляютъ лучи тепловые, а не свѣтовые), перестаютъ существовать и для глаза, хотя пока еще и обнаруживаются химическимъ вліяніемъ, хотя и могутъ быть умѣрены и вызваны къ бытію даже для глаза помощію химическихъ реакцій, при которыхъ невидимый или сильно фіолетовый свѣтъ спектра направляется на растворъ сѣрнокислой соли хинина и превращается въ бѣловато-синій свѣтъ [1]),—принимая все это и т. п. во вниманіе, должно принять за доказанное, что свѣтъ и цвѣта не имѣютъ объективной реальности. Внѣ насъ нѣтъ этихъ ощущеній, какъ и всякихъ другихъ ощущеній. Съ объективной точки зрѣнія, всѣ даже не ощущаемыя нашимъ глазомъ, колебанія эѳира суть такой-же свѣтъ, какъ и всякій другой; съ субъективной же точки зрѣнія, эти послѣднія вовсе не свѣтъ: для глаза онѣ не существуютъ. Въ извѣстныхъ предѣлахъ скорости колебаній эѳира, для глаза нашего существуютъ три основныхъ цвѣта, а всѣ прочія ощущенія свѣта и цвѣтовъ образуются изъ смѣшенія трехъ основныхъ; при этомъ бѣлый цвѣтъ есть не объективное соединеніе всевозможныхъ скоростей ко-

---

[1]) *Молешоттъ*, Границы человѣка, 223.—*Джона Тиндаля* Популярныя лекціи, *Тепло и холодъ*.

лебаній эѳира въ солнечномъ свѣтѣ, но соединеніе трехъ ощущеній въ нашемъ глазѣ: бѣлый цвѣтъ не существуетъ даже и въ томъ смыслѣ, что нѣтъ соотвѣтственной ему скорости колебаній эѳира. Такъ-какъ въ нашемъ глазѣ принимаются три рода органовъ, изъ которыхъ одинъ по-преимуществу раздражается однимъ изъ основныхъ цвѣтовъ, другой другимъ, а третій третьимъ, то обыкновеннымъ зрѣніемъ всѣ цвѣта мы видимъ въ болѣе или менѣе смѣшанномъ и никогда въ чистомъ видѣ. Но посредствомъ искусственнаго эксперимента можно получить такое сильное ощущеніе чистаго цвѣта, какого не можетъ возбудить никакой объективный цвѣтъ, ни одинъ цвѣтъ, встрѣчающійся въ природѣ. При недостаткѣ зрѣнія, извѣстномъ подъ именемъ *цвѣто-слѣпоты*, нѣкоторымъ людямъ вся природа представляется оцвѣченною совсѣмъ иначе, чѣмъ большинству человѣчества; а при самой обыкновенной и постоянной разности въ устройствѣ глазъ, у всѣхъ людей, природа является разнымъ зрѣніемъ, безъ сомнѣнія, въ самомъ разнообразномъ освѣщеніи.

Г) Раздраженіе, производимое комбинаціями эѳира внутри прозрачныхъ палочекъ и шишекъ глазной сѣтки, во время прохожденія сквозь нихъ свѣта, оставляетъ послѣ себя на конечныхъ органахъ сѣтчатой оболочки слѣды. Отсюда очевидно, что раздраженіе зрительнаго органа не состоитъ непосредственно изъ колебаній эѳира, а можетъ быть объяснено только косвеннымъ, побочнымъ дѣйствіемъ этого колебанія. Можно считать это дѣйствіе за химическій процессъ; или можно предполагать, что свѣтъ, преломляясь подъ разными углами, въ различной степени поглощается тремя родами зрительныхъ органовъ и переходитъ въ другое движеніе. Въ слизистой оболочкѣ органа обонянія открыто строеніе, показывающее присутствіе въ ней такихъ-же специфическихъ конечныхъ органовъ, какъ и въ глазахъ, какъ и въ ухѣ; вѣроятно, такіе-же органы найдутся и въ языкѣ.

Д) Опыты показываютъ, что мы различными частями сѣтчатой оболочки глаза чувствуемъ различно; на боковыхъ частяхъ глазной оболочки разнородные цвѣта переходятъ въ безразличный сѣрый; если же, при обыкновенномъ смотрѣніи, мы не замѣчаемъ этого, то только отъ того, что глазъ эманципируется привычкою отъ этого природнаго недостатка. При смотрѣніи на свѣтящіяся точки, глазъ наводитъ свое желтое пятно сперва на одну, потомъ на другую точку. При этомъ мышечное ощущеніе служитъ мѣрою движенія глаза и разстоянія двухъ свѣтящихся точекъ. Оказывается, что пред-

ставленіе о пространствѣ у разныхъ лицъ различно. Оказывается, что мое представленіе о предметахъ всегда зависитъ отъ ихъ разстоянія, но не отъ истиннаго, а отъ кажущагося разстоянія. Истинная величина предметовъ можетъ имѣть вліяніе на наши представленія только тогда, когда мы знаемъ эту истинную величину и притомъ знаемъ не понаслышкѣ, а изъ собственнаго, много разъ повторявшагося, опыта, какъ, наприм., въ представленіи луны и главы съ церковнаго купола, которую мы видѣли лежащею на землѣ; никакія показанія другихъ людей. Никакія умозрѣнія, или математическія выкладки не имѣютъ вліянія на наше воспріятіе; здѣсь нуженъ много разъ повторявшійся опытъ. Оказывается, что гдѣ мы совершенно не знаемъ, что должны видѣть, тамъ не можемъ и опредѣлить, что хотимъ видѣть. Дѣленіе предметовъ въ глубину пространства далеко отъ абсолютной точности. Каждымъ изъ двухъ глазъ мы видимъ отлично, чѣмъ другимъ и обоими вмѣстѣ, и т. д. Познаваніе внѣшнихъ предметовъ посредствомъ зрѣнія затрудняется еще внутреннимъ свѣтомъ, который раждается въ самой сѣтчатой оболочкѣ глаза. По словамъ *Карла Фогта*, сложный глазъ бабочки видитъ предметъ иначе, чѣмъ человѣческій глазъ; у паука есть разные зрительные органы для зрѣнія вдаль и вблизи. По словамъ *Дюбуа-Реймона*, «органы чувствъ и нервы проводятъ въ соотвѣтственныя имъ мозговыя области одно и тоже движеніе, при чемъ не можетъ быть разницы между чувствующими и двигательными нервами. По опытамъ *Вульпіана*, при искусственномъ сращеніи ихъ между собою, движеніе съ одного изъ нихъ можетъ переходить на другой. При сращеніи крестъ-на-крестъ зрительнаго и слуховаго нервовъ, мы слышали бы глазомъ молнію, какъ громовые удары, и видѣли бы ухомъ громъ, какъ рядъ свѣтовыхъ впечатлѣній. Чувственное впечатлѣніе, какъ такое, возникаетъ только въ мозговыхъ областяхъ, въ чувствующемъ веществѣ мозга; въ нихъ только однородное вообще движеніе, происходящее во всѣхъ нервахъ, перелагается въ чувственное ощущеніе и, *смотря по природѣ этихъ областей мозга, раждаются качества*. Физіологически свѣтъ сталъ существовать лишь тогда только, когда первая глазная точка инфузоріи въ первый разъ могла отличить свѣтлое отъ темнаго. Безъ зрительнаго и безъ слуховаго чувствующаго вещества въ мозгу, этотъ блистающій яркими красками и полный звуковъ міръ распространялся бы вокругъ насъ темною и беззвучною средой. Міръ темень и беззвученъ, т. е. безкачественъ

при механическомъ воззрѣніи на него, получаемомъ посредствомъ объективнаго созерцанія его,—воззрѣніи, которое, вмѣсто звука и свѣта, знаетъ только колебанія безкачественнаго первобытнаго вещества, ставшаго здѣсь вѣсомою матеріею, а тамъ невѣсомымъ эѳиромъ». *Дарвинъ*, какъ мы замѣчали выше, на-основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, подозрѣваетъ, что всякій ощущающій нервъ можетъ сдѣлаться чувствительнымъ къ свѣту, и тѣмъ болѣе къ грубымъ колебаніямъ воздуха, которыя производятъ звукъ. Значитъ, всякій чувствующій нервъ способенъ пріобрѣсти способность къ ощущеніямъ, какой теперь не имѣетъ. Этой гипотезѣ остроумнаго мыслителя мы вдругъ находимъ блистательное подтвержденіе въ слѣдующемъ фактѣ, отмѣченномъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 25, 1873 г.). «Въ настоящее время, пишутъ Вѣдомости, въ Вѣнѣ живетъ нѣкій *Нуссбауеръ*, студентъ философіи въ Вѣнскомъ университетѣ, который обладаетъ такими удивительно организованными *органами зрѣнія и слуха*, что *каждый тонъ*, затѣмъ *всѣ частичные тоны вызываютъ въ его глазахъ впечатлѣніе извѣстнаго цвѣта, простаго, или сложнаго, и затѣмъ разные оттѣнки цвѣтовъ, соотвѣтствующіе измѣненію ихъ тоны*. Родной братъ этого студента обладаетъ такою-же особенностію органовъ зрѣнія и слуха. Впечатлѣнія свѣта, именно видъ разныхъ цвѣтовъ, не вызываютъ, съ своей стороны, впечатлѣній тона въ органахъ слуха, но вызываютъ воспоминаніе о разнообразныхъ тонахъ, такъ-что рядъ цвѣтовъ можетъ для этого субъекта замѣнить ноты».

Е) Какъ же можно, послѣ этого, утверждать, будто-бы то, что мы видимъ, происходитъ отъ предметовъ, внѣ насъ находящихся? Всѣ обстоятельства, которыя вліяютъ на наше созерцаніе, заключаются не въ предметахъ, а въ насъ самихъ. Это мы въ такой степени заставляемъ измѣняться предметы и распоряжаемся пространствомъ по своему усмотрѣнію. А если управляться съ пространствомъ и пространственными величинами зависитъ отъ насъ, то мы имѣемъ полное право сказать, что пространство и все, что до него касается, происходитъ не отъ предметовъ, а отъ нашего зрѣнія, нашего чувственнаго воспріятія. Если тѣло кажется мнѣ протяженнымъ, то причиною тому не тѣло, а мое зрѣніе; имѣетъ ли тѣло протяженность на самомъ дѣлѣ, еще неизвѣстно. Зрѣніе, какъ и осязаніе, какъ и всякое другое ощущеніе, состоитъ во впечатлѣніи на чувствительные нервы, о причинѣ котораго, безъ помощи умозаключеній и сужденій, мы также мало знаемъ въ-случаѣ осязанія, какъ и въ-случаѣ зрѣнія.

Намъ кажется, будто мы прямо ощущаемъ мѣсто впечатлѣнія, тогда-какъ мы непосредственно ощущаемъ только *качество ощущенія*, и по нему уже узнаемъ мѣсто впечатлѣнія. Совершенствуя дальнѣйшимъ упражненіемъ нашу способность воспріятія, мы совершенствуемъ только способность замѣчать самыя малыя различія между нашими ощущеніями. Мы щупаемъ глазомъ точно также, какъ и рукою, и обратно рукою осязаемъ предметъ ни мало не непосредственнѣе, чѣмъ и глазомъ. Мы не можемъ сдѣлать шага безъ того,—какъ говоритъ *Карпентеръ*,—чтобы не переводить дѣйствительныхъ явленій природы на языкъ интеллектуальныхъ представленій этихъ явленій. Самое первичное свойство матеріи, непроницаемость, я узнаю чрезъ умозаключеніе, чрезъ совмѣстное посредничество чувства осязанія, мышечной силы и внутренняго ощущенія усилія, какое я дѣлаю для того, чтобы вмѣстить мою руку въ данное тѣло. И если, по словамъ *Карпентера*, физики и физіологи согласны между собою, что *цвѣтъ* не существуетъ, какъ цвѣтъ, въ самомъ предметѣ,—то *Вундтъ* говоритъ, что еще неизвѣстно, имѣетъ ли тѣло на самомъ дѣлѣ *протяженность*, причина которой скрывается въ зрѣніи. Въ популярныхъ же лекціяхъ *Джона Тиндаля* говорится, что требованіе, чтобы *сущностью матеріи были абсолютное протяженіе и абсолютная непроницаемость*, не подтверждается ни разсужденіемъ, ни фактами, даже противорѣчитъ фактамъ. Помимо всего этого, непроницаемость, какъ и всѣ свойства вещей, какъ и весь строй природы, вооруженному микроскопомъ, телескопомъ, спектроскопомъ и другими инструментами, какъ и разнообразными экспериментами, чувству представляются далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ являются чувству невооруженному. Напримѣръ, тѣло какого бы то ни было великаго объема оказывается состоящимъ изъ молекулъ, раздѣленныхъ такими великими пространствами, что оно, не теряя своего вещества, могло бы быть приведено къ безконечно-малому объему; и, на оборотъ, самая малая песчинка оказывается состоящею изъ отдѣльныхъ частей, въ такомъ необъятномъ числѣ, что изъ нихъ можно бы образовать шаръ какой угодно величины, въ которомъ два смежныхъ атома были бы расположены на разстояніи меньшемъ всякой данной длины.

Ж) Отсюда открывается, что *все, что мы знаемъ о матеріи*, какъ говоритъ *Карпентеръ*, *есть только умственное представленіе*;—а такой взглядъ на матеріальный міръ равносиленъ заключенію, что міръ этотъ вытекаетъ изъ глубины нашего собственнаго сознанія,—что

это—выступъ нашего собственнаго ума въ то, что насъ окружаетъ,—что это скорѣе идеальный, чѣмъ дѣйствительный міръ. По словамъ *Вундта*, наше чувственное созерцаніе есть самостоятельное сужденіе и умозаключеніе о впечатлѣніяхъ, изъ которыхъ мы строимъ образъ дѣйствительности, до безконечности приближающійся къ истинѣ и никогда ея не достигающій,—есть переработка впечатлѣній мыслью,—есть, однимъ словомъ, творческая дѣятельность духа, результаты которой суть уже не простые образы предметовъ, но продукты мышленія, переработывающаго эти образы, такъ-какъ дѣйствительность для насъ есть безсвязная и безпорядочная масса явленій, а истина выше дѣйствительности.

ГЛАВА XXXIII.

Такимъ образомъ, per tot varios casus, per tot discrimina rerum (путемъ анализа столь различныхъ взглядовъ, столь различныхъ мнѣній), мы воротились туда, откуда вышли, т. е. въ распростертыя объятія *Д. С. Милля*, который, какъ мы знаемъ, уже съ самаго начала приглашалъ насъ повѣрить ему на-слово въ томъ, что «о внѣшнемъ мірѣ мы не знаемъ и не можемъ знать ничего, кромѣ получаемыхъ нами отъ него ощущеній. Тѣло, по такому взгляду, есть извѣстное число ощущеній, испытанныхъ нами самими или другими чувствующими существами, и обыкновенно наступающихъ одновременно; тѣло не есть что-либо существенно отличное отъ производимыхъ имъ въ насъ ощущеній, но совокупность ощущеній, соединенныхъ по опредѣленному закону; существованіе вещества не можетъ быть обнаружено внѣшними доказательствами, такъ-какъ существованіе вещи доказывается свидѣтельствомъ внѣшнихъ чувствъ, а внѣшнимъ чувствомъ ничто не обнаруживается помимо ощущеній».

Дѣйствительно, если послѣдній критерій истины поставить въ свидѣтельствѣ о ней внѣшнихъ чувствъ, то этотъ критерій убѣждаетъ насъ въ несуществованіи внѣшняго міра и самаго вещества. Выше, на-основаніи, съ одной стороны, химіи и физики, а съ другой—, физіологіи и гносеологіи, мы доказали уже, что *въ веществѣ не существуетъ ни одно изъ свойствъ, открываемыхъ въ немъ нашими внѣшними чувствами, оканчивая самымъ основнымъ, самымъ первич-*

нымъ свойствомъ вещества,—непроницаемостью.—Теперь же, на-основаніи всѣхъ собранныхъ выше данныхъ, мы имѣемъ возможность доказать, что, *по свидѣтельству нашихъ чувствъ, не существуетъ и самое вещество, не существуетъ весь внѣшній міръ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.*

Безъисходность этого замкнутаго круга логически вѣрно выяснена и у *Д. С. Милля*, но еще отчетливѣе и яснѣе у *Вундта.*

«Если мы не знаемъ»,— пишетъ *Д. С. Милль* въ своей Логикѣ [1]), — «и не можемъ знать о тѣлахъ ничего, кромѣ ощущеній, возбуждаемыхъ ими въ насъ, или въ другихъ, то эти ощущенія должны составлять все, что мы въ основаніи можемъ разумѣть подъ свойствами тѣлъ, — и словесное различіе, дѣлаемое нами между свойствами вещей и производимыми ими въ насъ ощущеніями, должно скорѣе корениться въ удобствахъ рѣчи, чѣмъ въ природѣ того, что означается словами. Свойства обыкновенно распредѣляются подъ *три рубрики: качества, количества и отношенія.* Возьмемъ, для примѣра, одно изъ *качествъ* предметовъ, бѣлизну. Что утверждаемъ мы дѣйствительно [2]), приписывая бѣлизну какой, либо сущности, напримѣръ, снѣгу, говоря, что снѣгъ обладаетъ качествомъ бѣлизны? — Только то, что, въ присутствіи снѣга предъ нашими органами, мы испытываемъ особое ощущеніе, которое привыкли называть ощущеніемъ бѣлаго. Но почему заключаю я о присутствіи снѣга? Очевидно, по возводимымъ къ нему ощущеніямъ, не иначе. Я заключаю о присутствіи предмета по тому, что онъ производитъ во мнѣ извѣстную совокупность, или цѣпь ощущеній. И, приписывая ему признакъ бѣлизны, я разумѣю только то, что въ эту группу или цѣпь ощущеній входитъ и то, которое я называю ощущеніемъ бѣлаго цвѣта. Если замѣтятъ [3]), что ощущеніе должно имѣть какую-либо причину, то я отвѣчу, что причина его — присутстіе совокупности явленій, называемой предметомъ. Высказавъ, что каждый разъ, когда присутствуетъ предметъ и наши органы находятся въ нормальномъ состояніи, является и ощущеніе, мы высказали все, что знаемъ въ этомъ дѣлѣ. Если меня спросятъ, почему присутствіе предмета производитъ во мнѣ это ощущеніе, я не буду въ-состояніи отвѣтить; могу только сказать, что *такова моя природа и природа предмета, — что этотъ фактъ входитъ въ устройство вещей.* — Далѣе, какъ качество [4]) есть аттрибутъ, основывающійся на фактѣ, что извѣстное ощущеніе производится въ насъ предметомъ, — такъ аттрибутъ, основывающійся на какомъ-либо фактѣ, въ которомъ предметъ участвуетъ совокупно съ другимъ предметомъ, есть *отношеніе* между двумя этими предметами. Но, въ послѣднемъ случаѣ, фактъ состоитъ изъ того же рода элементовъ, какъ и въ первомъ, именно изъ состояній сознанія. Во всемъ, обнимаемомъ означающими отношеніе названіями, нѣтъ ничего, что не было бы разложимо на состоянія сознанія. Подобнымъ-же образомъ, когда мы говоримъ [5]) о двухъ вещахъ, что онѣ различны по количеству, то утвержденіе наше всегда основывается на различіи ощущеній, возбуждаемыхъ вещами, какъ и тогда, когда

---

[1]) (1, 79). [2]) 80. [3]) 81. [4]) 84. [5]) 89.

говоримъ, что онѣ различны по качеству. Трудно сказать, какова [1]) разница въ ощущеніяхъ *качества* и *количества*. Но разница, на-сколько она познаваема, лежитъ въ ощущеніяхъ и основана исключительно на разницѣ возбуждаемыхъ вещами ощущеній. Итакъ, всѣ свойства, относимыя къ разряду качествъ, или количествъ, основываются на производимыхъ тѣлами ощущеніяхъ и могутъ быть опредѣлены, какъ принадлежащія тѣламъ способности возбуждать ощущенія. Также и свойства *отношенія* опираются на какой-либо фактъ, которому причастны соотносящіеся предметы,—при чемъ этотъ фактъ или явленіе не имѣютъ для насъ иного значенія или бытія, кромѣ служащихъ ему, для обнаруженія его, совокупностей ощущеній, или другихъ состояній сознанія; а отношеніе есть лишь способность или свойство предмета участвовать, вмѣстѣ съ соотносящимся предметомъ, въ произведеніи этихъ рядовъ ощущеній или состояній сознанія. *Свойства духовныхъ сущностей* также [2]), какъ и свойства тѣлъ, основаны на состояніяхъ чувства или сознанія. Каждое свойство духа состоитъ въ томъ, что онъ или самъ подвергается извѣстному дѣйствію, или дѣйствуетъ извѣстнымъ образомъ на другія духовныя сущности. Въ дополненіе къ тѣмъ свойствамъ духа, которыя основаны на состояніяхъ его собственныхъ чувствъ, ему такимъ-же образомъ, какъ и тѣламъ, могутъ быть приписаны свойства, основанныя на чувствахъ, которыя онъ возбуждаетъ въ другихъ духовныхъ сущностяхъ. Правда, духовная сущность не возбуждаетъ *ощущеній, подобно тѣламъ, но она можетъ возбуждать мысли или душевныя движенія.* Подобно тому, какъ мы приписываемъ духовнымъ сущностямъ свойства, *на-основаніи идей и душевныхъ движеній, мы также можемъ приписывать свойства и тѣламъ, на тѣхъ-же основаніяхъ, а не вслѣдствіе только ощущеній.*

Вообще же въ перечнѣ [3]) различныхъ видовъ вещей, которыя только могутъ быть называемы, могутъ быть сказуемыми относительно другихъ вещей, либо служить подлежащимъ предложенія, *Д. С. Милль* полагаетъ, вопервыхъ, *чувства*, которыя отличаются отъ возбуждающихъ ихъ предметовъ и отъ органовъ, передающихъ эти чувства. Между чувствами онъ различаетъ *четыре рода: ощущенія, мысли, душевныя движенія и хотѣнія.* Отъ чувствъ онъ переходитъ къ *сущностямъ, которыя суть или тѣла, или сущности духовныя.* Относительно [4]) существованія вещества и духа, Д. С. Милль признаетъ достаточнымъ заключеніе, принимаемое теперь будто бы большею частью мыслителей, что о веществѣ намъ извѣстны лишь производимыя имъ въ насъ ощущенія и порядокъ ихъ наступленія и что, между-тѣмъ-какъ *тѣлесная сущность есть неизвѣстная причина нашихъ ощущеній, сущность духовная есть неизвѣстный пріемникъ ихъ.* Остающійся затѣмъ классъ называемыхъ вещей Д. С. Милль указываетъ *въ свойствахъ, именно въ трехъ родахъ свойствъ: въ качествѣ, отношеніяхъ и количествѣ. Качества*, по его мнѣнію, подобно сущностямъ, извѣстны намъ единственно по возбуждаемымъ ими ощущеніямъ, или другимъ состояніямъ сознанія. *Отношенія*, не исключая простыхъ случаевъ сходства и несходства, послѣдовательности и одновременности, также основываются на какомъ-либо фактѣ или явленіи, т. е. на рядахъ болѣе или менѣе сложныхъ ощущеній или состояній сознанія.

---

[1]) 90. [2]) 91. [3]) 92. [4]) 93.

Третій рядъ свойствъ, — *количество* основывается, очевидно, также на чемъ-либо принадлежащемъ къ нашимъ ощущеніямъ или состояніямъ нашего чувства, такъ-какъ несомнѣнно различны ощущенія, возбуждаемыя большимъ или меньшимъ объемомъ, большею или меньшею степенью напряженія въ чемъ-либо ощущаемомъ, или сознаваемомъ. Итакъ, по мнѣнію Д. С. Милля, *всѣ свойства суть для насъ не что иное, какъ либо наши ощущенія и другія состоянія чувства, либо нѣчто нераздѣльно съ ними связанное.* Поэтому, въ результатѣ своего анализа, онъ ставитъ [1]) слѣдующую классификацію вещей или всего сущаго, взамѣнъ классификаціи категорій Аристотеля: 1) чувства или состоянія сознанія, 2) духовныя существа, испытывающія эти чувства, — 3) тѣла или внѣшніе предметы, возбуждающіе чувства, а равно служащія имъ для этого силы и свойства, которыя, впрочемъ, включаются только въ-угоду общественному мнѣнію, а не *по тому, чтобы здравая философія признавала дѣйствительное ихъ существованіе*,—и 4) послѣдній отдѣлъ всякія послѣдовательности и одновременности, сходства и несходства, представляемыя чувствами или состояніями сознанія. Свои разсужденія Д. С. Милль заключаетъ увѣреніемъ, что *каждый* [2]) *объективный фактъ основывается на соотвѣтственномъ ему субъективномъ и, внѣ этого послѣдняго, не представляетъ намъ ничего, кромѣ названія того неизвѣстнаго и неизслѣдимаго процесса, которымъ субъективный или психологическій фактъ порождается.*

Сущности же вещей, какъ индивидуумовъ, такъ и видовъ и родовъ, по мнѣнію Д. С. Милля, не существуютъ. Вмѣстѣ съ сущностями онъ устраняетъ изъ своей системы и существенныя свойства.—«Всѣ метафизики, до Локка»,—пишетъ онъ,—«и многіе позднѣйшіе придавали большую таинственность существеннымъ свойствамъ и сказуемымъ, о которыхъ говорится, что они принадлежатъ къ сущности (essentia) подлежащаго. *Сущность, essentia вещи*, говорили они, *есть то, безъ чего вещь не можетъ ни существовать, ни быть мыслима существующею.* Такъ, разумность принадлежитъ къ сущности человѣка, по тому, что бытіе человѣка безъ разумности нельзя себѣ представить. Различныя свойства, составляющія сущность вещи, назывались ея *существенными свойствами*, а предложеніе, въ которомъ приписывалось вещи одно изъ этихъ свойствъ, называлось предложеніемъ *о сущности вещи (эссенціальное предложеніе)* и считалось проникающимъ глубже въ природу вещи и сообщающимъ о ней болѣе важныя свѣдѣнія, чѣмъ всякое другое предложеніе. Всѣ свойства, не входящія въ сущность вещи, назывались ея *случайностями (акциденціями)*. Схоластики справедливо говорили, что человѣкъ не мыслимъ безъ разумности. Но хотя нельзя представить себѣ такого человѣка, однакожъ можно вообразить существо, совершенно сходное съ человѣкомъ, за исключеніемъ этого одного качества и свойствъ, составляющихъ его условія или послѣдствія, — каковы и дѣйствительно идіоты. Итакъ, въ утвержденіи, что человѣкъ не мыслимъ безъ разумности, истинно, въ самомъ дѣлѣ, лишь то, что еслибъ онъ не обладалъ разумностію, то и не считался бы человѣкомъ. Ни представленіе такого предмета, ни его существованіе, насколько извѣстно, не заключаютъ въ себѣ невозможности; невозможность заключается въ обычаѣ выражаться, не дозволяющемъ придать такому предмету, даже

---

[1]) 94. [2]) 95.

еслибы онъ существовалъ, названіе, которое присвоено лишь существамъ разумнымъ. Еще *Порфиріи*, неоплатоникъ, подошелъ было къ истинному понятію о сущностяхъ предметовъ такъ близко, что ему оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ. Измѣняя какое-либо свойство, не принадлежащее къ сущности предмета, мы, по мнѣнію Порфирія, лишь измѣняемъ предметъ, дѣлаемъ его ἄλλοῖον (измѣнившимся); измѣняя же какое-либо свойство, входящее въ составъ сущности предмета, мы дѣлаемъ его другою вещью, ἄλλο. Человѣку нашего времени очевидно, что между измѣненіемъ, дѣлающимъ вещь лишь иною, и измѣненіемъ, дѣлающимъ ее другою вещью, разница состоитъ только въ томъ, что въ первомъ случаѣ вещь, хотя и подверглась измѣненію, все-же означается прежнимъ названіемъ. Истолчите ледъ въ ступкѣ: если онъ называется еще льдомъ, то вы сдѣлали его только ἄλλοῖον; но дайте ему растаять, и онъ станетъ ἄλλο, другою вещью, именно водой. Но собственно въ обоихъ случаяхъ это та же вещь, т. е. *тѣже частицы матеріи*, — и ничего вы не можете измѣнить такъ, чтобъ оно перестало быть прежнею вещью въ этомъ смыслѣ. Послѣдователи же Аристотеля полагали, что предметы сдѣланы тѣмъ, чѣмъ они называются (напримѣръ, ледъ сталъ льдомъ), вслѣдствіе своего участія въ природѣ *нѣкоторой общей сущности*, — напримѣръ, для льда,—въ природѣ сущности, называемой льдомъ вообще и присущей внутренно, со всѣми своими свойствами, каждому отдѣльно куску льда. Послѣдователи Аристотеля думали, что предметъ заимствуетъ часть своихъ свойствъ отъ всеобщей сущности, а остальныя свойства принадлежатъ ему въ-отдѣльности. Схоластическое ученіе о сущностяхъ предметовъ имѣло своимъ основаніемъ эту теорію о существованіи дѣйствительныхъ бытій (entitates), соотвѣтствующихъ общимъ названіямъ. Только *Локкъ* уже убѣдилъ философовъ, что предполагаемыя сущности (эссенціи классовъ) суть не что иное, какъ значеніе названій этихъ классовъ, — что сущности особей суть лишенный значенія вымыселъ, порожденный ложнымъ пониманіемъ сущностей классовъ. Съ развитіемъ естественныхъ наукъ, *сущность предметовъ, именно тѣлъ, стали пониматься почти тождественною съ ихъ частичнымъ строеніемъ»* (какъ, наприм., въ парахъ воды, въ водѣ, во льду, которыя суть только случайныя формы извѣстнаго соединенія кислорода и водорода). Но, въ тоже время, какъ мы видѣли уже, *Д. С. Милль* устраняетъ всякую сущность и въ самой основѣ вещества, т. е. и тамъ, гдѣ самъ-же онъ видитъ и указываетъ сущность, послѣднее основаніе всѣхъ другихъ предметовъ. «Что вещество должно или представлять предѣлъ дѣлимости, или быть дѣлимо до безконечности, — это», по словамъ Д. С. Милля, — «превышаетъ даже возможную мѣру нашихъ знаній. *Вещество, во всякомъ другомъ смыслѣ этого слова, кромѣ явленій, можетъ не существовать, и едва-ли кто скажетъ, что небытіе должно или быть дѣлимо до безконечности, или имѣть предѣлъ дѣлимости».*

Иначе сказать, сущность всякаго дѣйствительнаго бытія, по воззрѣнію Д. С. Милля, тождественна съ частичнымъ строеніемъ тѣлъ, упираясь въ атомы; но лишь-только мы поставили для своей мысли вопросъ о бытіи атомовъ, какъ сущности всего, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы перешли уже въ область непознаваемаго.

ГЛАВА XXXIV.

Еще послѣдовательнѣе, яснѣе и отчетливѣе вытекаетъ подобный-же выводъ изъ основъ психологической теоріи *Вундта.*

Мы видѣли уже, что «*мышленіе*», по *Вундту*», *начинается не съ сужденій, а съ умозаключеній* [1]),—такъ-какъ умозаключеніе содержитъ въ себѣ процессъ знанія, а сужденіе есть результатъ; какъ дѣйствіе предшествуетъ результату, такъ умозаключеніе предшествуетъ сужденію. Точно также и *понятіе не можетъ быть первымъ актомъ мышленія*: ему непремѣнно долженъ предшествовать рядъ сужденій, предполагаемыхъ понятіемъ; а соединеніе сужденій есть умозаключеніе. Истинный порядокъ актовъ мышленія совсѣмъ не тотъ, какой обыкновенно принимаютъ: мы не начинаемъ съ понятій, не составляемъ изъ понятій сужденій, изъ сужденій умозаключеній; нѣтъ, наше *мышленіе начинается всегда съ умозаключеній, посредствомъ умозаключеній приходитъ къ сужденію, а изъ нѣсколькихъ сужденій составляется понятіе* [2]). Поэтому цѣль познанія есть понятіе» [3]).

Образованіе понятій,—по *Вундту*,—примыкаетъ непосредственно къ образованію *представленій* и составляетъ дальнѣйшее его развитіе [4]); *понятіе составляется не-только послѣ представленій, но и изъ представленій.* Какъ понятія у *Вундта* распадаются на эмпирическія и абстрактныя, общія и самыя обширныя общія понятія,—такъ и представленія подобнымъ-же образомъ распадаются на частныя и общія: *общее представленіе* образуется изъ большой суммы *частныхъ представленій* [5]); *изъ общаго представленія происходитъ эмпирическое понятіе*; а третью и послѣднюю ступень познавательнаго процесса составляетъ *абстрактное понятіе* [6]), которое, по *Вундтъ*, проистекаетъ также изъ опыта,—абстрагируется отъ понятій эмпирическихъ [7]).

Нужно теперь понять, *изъ чего и какъ образуются частныя и самыя частныя представленія?* — Частныя представленія образуются *изъ признаковъ*, а частнѣйшія представленія даже совпадаютъ съ признаками предметовъ. — Теперь спрашивается, *что такое признаки?* Какимъ образомъ мы доходимъ до различенія признаковъ въ предметахъ? «Мы видимъ предъ собою», — отвѣчаетъ *Вундтъ* [8]), «множество явленій и замѣчаемъ; что нѣкоторыя явленія сходны между собою въ однихъ отношеніяхъ и различны въ другихъ. Тогда мы начинаемъ различать отдѣльныя части каждаго явленія, т. е. разлагаемъ каждое явленіе на его признаки». Какъ происходитъ это разложеніе? — «Всякій признакъ есть не что иное, какъ сужденіе [9]). Если я говорю, наприм., *левъ есть животное*, — то это сужденіе есть не что иное, какъ заключеніе, сдѣланное по многимъ призникамъ. Каждый [10]) изъ этихъ признаковъ составляетъ менѣе сложное сужденіе, наприм., *левъ чувствуетъ, ледъ движется и т. д.* Сужденіе: *левъ чувствуетъ* есть также не что иное, какъ выводъ изъ многихъ, еще простѣйшихъ,

---

[1]) 64. [2]) 66. [3]) 481. [4]) 481. [5]) 488. [6]) 490. [7]) 491. [8]) 50. [9]) 68. [10]) 61.

опытныхъ сужденій, напримѣръ: *левъ обращаетъ свои глаза къ свѣту, свои уши къ звуку*, и т. д.—Если я и эти сужденія буду разлагать все дальше и дальше, то, наконецъ, остановлюсь на извѣстномъ числѣ *чувственныхъ впечатлѣній*. Отдѣляя замѣчаемые въ предметѣ признаки отъ всего, что прибавлено къ нимъ дальнѣйшими умозаключеніями, я, наконецъ, дойду до слѣдующихъ чувственныхъ впечатлѣній: *предметъ имѣетъ такой-то цвѣтъ, такую-то форму; форма его измѣняется извѣстнымъ образомъ при дѣйствіи на него другихъ предметовъ и т. д. Такимъ образомъ послѣдніе признаки, къ которымъ я прихожу путемъ разложенія, всегда и вездѣ состоятъ изъ чувственныхъ впечатлѣній*».

Спрашивается далѣе: «*простѣйшія опытныя сужденія, заключающіяся непосредственно въ чувственномъ впечатлѣніи, можно ли считать за первые акты мышленія, или имъ предшествуютъ другіе*»? — Когда [1]) я получаю сознаніе о красномъ цвѣтѣ какого-нибудь предмета, то я отличаю его отъ желтаго, зеленаго, голубаго и другихъ цвѣтовъ. Чѣмъ отличаю? Разумѣется, какими-нибудь признаками, доступными для моего чувства. Эти признаки должны быть сходственные и различительные. Разные цвѣта сходны между собою въ извѣстныхъ признакахъ и отличаются извѣстными признаками отъ звука, запаха, вкуса и т. д. По этому я и сознаю ихъ, какъ ощущенія особеннаго рода. Отдѣльныя впечатлѣнія краснаго цвѣта также имѣютъ для моего чувства сходственные признаки, которыми отличаются отъ впечатлѣній всякаго другаго цвѣта. Итакъ, *каждое чувственное впечатлѣніе происходитъ изъ многихъ сужденій утвердительныхъ и отрицательныхъ; и само впечатлѣніе есть не что иное, какъ умозаключеніе, выведенное изъ этихъ сужденій*. По этому, первые процессы нашего мышленія—не тѣ безсодержательныя сужденія, изъ которыхъ выводятся признаки ощущенія, а основанныя на нихъ умозаключенія: первичное сужденіе, съ опредѣленнымъ содержаніемъ признака, существуетъ для насъ только въ концѣ умозаключенія» [2]).

Что же можно назвать первичныхъ элементовъ нашего знанія о вещахъ? По словамъ *Вундта*, «*самое первоначальное изъ всѣхъ сужденій совсѣмъ нельзя выразить: его нельзя ни передать словами, ни представить себѣ въ умѣ; въ самыхъ элементарныхъ сужденіяхъ не заключается никакой мысли; они совершенно лишены сознанія, не имѣютъ никакого и содержанія; иначе сказать, первичные элементы нашего знанія, безсодержательные, безсознательные, не имѣютъ никакого бытія, ни дѣйствительнаго, ни даже мыслимаго, никакой реальности ни субъективной, ни, тѣмъ болѣе, объективной*. Между-тѣмъ изъ этихъ не реальныхъ элементовъ складывается все наше умопредставленіе о реальномъ! И какъ складывается? Такъ, что съ *аггрегаціею ли нашихъ умственныхъ продуктовъ, происходящихъ изъ этихъ элементовъ, или съ разложеніемъ ихъ на болѣе и болѣе мелкія дроби, съ восхожденіемъ ли вверхъ, при помощи синтеза и индукціи, по лѣстницѣ абстракціи понятій, или нисхожденіемъ внизъ, по ступенямъ дедукціи, анализа и индивидуализаціи, до атомизма, въ ту и другую сторону, реальное болѣе и болѣе утончается и ускользаетъ, пока, наконецъ, на противоположныхъ полюсахъ разсудочнаго представленія предметовъ*,

---

[1]) 62. [2]) I, 3.

самыхъ общихъ и самыхъ частныхъ, совершенно не исчезаетъ въ небытіи, въ ничтожествѣ, въ нуль...

Нужно знать, *какимъ образомъ изъ примитивныхъ, безсодержательныхъ, лишенныхъ всякой реальности сужденій, чрезъ первичные акты умозаключенія, образуются представленія и понятія о вещахъ? По Вундту, «въ различныхъ фазахъ развитія познавательнаго процесса, дедукція и индукція чередуются въ правильной послѣдовательности.* Въ *ощущеніи мы дѣйствуемъ дедуктивно*: сначала посредствомъ дедукціи различаемъ впечатлѣнія, потомъ посредствомъ анализа группируемъ ихъ по качеству и по количеству. *Воспріятіе* [1]) *строится индуктивнымъ путемъ*: оно всегда бываетъ основано на коллигаціи ощущеній и на *синтезѣ* сочетаній, данныхъ коллигаціею. *Въ представленіи снова начинается дедукція*: вся дѣятельность представленій опирается на различеніе и разложеніе, на *дистинкцію и анализъ. За-тѣмъ изъ частныхъ представленій, путемъ индукціи, происходятъ общія представленія и понятія*: наши понятія всегда образуются посредствомъ *синтеза* [2]). Первоначальныя истины [3]), къ познанію которыхъ мы приходимъ, всегда содержатся въ аналитическихъ сужденіяхъ. Самыя первыя наши сужденія принадлежатъ къ тѣмъ безличнымъ сужденіямъ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго подлежащаго, каковы: *блеститъ, пахнетъ, рѣжетъ* и т. д. Только впослѣдствіи общее подлежащее этихъ сказуемыхъ выражается особымъ словомъ. Но какъ только мы достигли этой ступени, тотъ-часъ начинается *синтетическое сужденіе*: оно составляется, посредствомъ синтеза, изъ многихъ аналитическихъ сужденій. Этотъ синтезъ даетъ намъ понятіе рода или класса, которое можетъ быть взято какъ сказуемое. *Частью въ аналитическихъ, частью въ синтетическихъ сужденіяхъ заключается вся сумма нашего познанія*: соединяя эти двѣ формы сужденій, мы исчерпываемъ область знанія и по содержанію, и по объему. *Туже существенную разницу, по которой различаются двѣ формы сужденій, находимъ* [4]) *и въ умозаключеніяхъ*: въ однихъ умозаключеніяхъ изъ общихъ законовъ выводятся частные факты, а въ другихъ изъ частныхъ фактовъ выводятся общіе законы. *Первая форма соотвѣтствуетъ аналитическимъ, вторая синтетическимъ сужденіямъ.* Согласно съ принятою въ наукѣ терминологіею, первая форма называется *дедукціею*, а вторая *индукціею. Первую* [5]) *ступень дедукціи составляетъ дистинкція*: всякое различеніе двухъ предметовъ есть дедуктивное умозаключеніе; изъ разнороднаго качества двухъ предметовъ мы заключаемъ о различіи самыхъ предметовъ.

Когда мы узнали, что предметы различны, то намъ хочется узнать причину ихъ различія; этого мы достигаемъ, анализируя каждый предметъ нашего познанія, разлагая его на отдѣльные признаки: *поэтому анализъ есть второй процессъ дедуктивнаго умозаключенія.* Анализъ систематически переходитъ отъ общихъ признаковъ къ частнымъ. Индукція начинаетъ съ того, что соединяетъ тѣсною связью факты, которые въ опытѣ даются или одновременно, или въ правильной послѣдовательности. Поэтому, *коллигація, соединеніе фактовъ, есть первая ступень индукціи.* Дальнѣйшій [6]) процессъ познанія стремится проникнуть въ причину связи. Онъ достигаетъ этого тѣмъ, что сличаетъ множество коллигацій одного и того же рода и замѣчаетъ общее имъ всѣмъ. Это *синтезъ*,

---

[1]) 540. [2]) 541. [3]) 527. [4]) 529. [5]) 530. [6]) 532.

выводъ изъ многихъ коллигацій. Дедуктивный и индуктивный методъ управляютъ всею нашею духовною жизнію. На каждой ступени познанія можно найти примѣръ того и другаго. *Параллельно* [1]) *коллигаціи и синтезу идутъ дистинкція и анализъ.* Тогда-какъ въ *индуктивномъ процессѣ нашего познанія, гдѣ предикаты синтетически соединяются въ одинъ субъектъ, мы постоянно переходимъ отъ частныхъ понятій къ болье общимъ, на пути дедуктивномъ, гдѣ субъектъ аналитически разлагается на свои предикаты, мы всегда идемъ отъ общаго къ частному.*

Видя [2]) какое-нибудь совершенно новое явленіе, мы высказываемъ въ сужденіяхъ, прежде всего, извѣстныя чувственныя воспріятія цвѣта, формы и т. д. Положимъ, что въ первый разъ мы видимъ какой-нибудь тѣлесный предметъ; въ такомъ случаѣ его *тяжесть, непроницаемость, твердость* будутъ такими свойствами, доступными нашимъ чувствамъ. *Соединяя нѣсколько сужденій, составленныхъ такимъ образомъ, мы познаемъ тѣло какъ индивидуумъ, какъ нѣчто отличное отъ всего окружающаго.* Потомъ мы сравниваемъ его съ тѣлами, съ которыми онъ болѣе имѣетъ сродства, и даемъ себѣ отчетъ въ различеніяхъ, найденныхъ при сравненіи. Только послѣ этого мы сличаемъ его съ тѣми тѣлами, отъ которыхъ оно отдѣляется болѣе глубокою бездною внѣшнихъ и внутреннихъ различій, — и, наконецъ, послѣдній шагъ состоитъ въ томъ, что мы указываемъ ему надлежащее мѣсто между всѣми явленіями природы. Въ процессѣ образованія понятія всегда указывается не-только то [3]), что свойственно понятію, но и то, что ему не свойственно. На этой двойственной задачѣ основано различеніе содержанія и объема понятій. Но чтобы замѣтить сходство, нужно не обращать вниманія на нѣкоторые непостоянные признаки, или, какъ говорятъ, *отвлечь* свой умъ отъ нихъ и, напротивъ того, остановить вниманіе на тѣхъ признакахъ, которые постоянно находятся во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Такіе признаки, какъ существенные, мы и соединяемъ въ одно понятіе. Такимъ образомъ я составляю понятіе о предметѣ посредствомъ *отвлеченія. Отвлеченіе есть совершенно тоже, что мышленіе.* На пути [4]) отъ частнаго къ общему, образованіе понятій проходитъ разныя степени. Сначала изъ большой суммы *частныхъ представленій* образуется *общее представленіе.* Оно основано на различеніи существенныхъ признаковъ, на опущеніи несущественныхъ и исключительномъ обращеніи вниманія на существенные; соединеніе этихъ существенныхъ признаковъ и есть *общее представленіе.* Уже общее представленіе переходитъ за предѣлы непосредственнаго опыта, такъ-какъ въ опытѣ предметъ всегда бываетъ данъ со всѣми своими признаками, существенными и несущественными. Если мы хотимъ привести заключающіеся въ немъ признаки въ конкретный образъ, — то должны отъ общаго представленія возвратиться къ частному, — при чемъ мы будемъ представлять себѣ отдѣльный предметъ уже нетолько какъ схему существенныхъ признаковъ, а должны непремѣнно надѣлить его и множествомъ индивидуальныхъ признаковъ. Какъ [5]) вторая ступень развитія изъ общаго представленія, вытекаетъ *эмпирическое понятіе.* Какъ общее представленіе слагаетъ сумму частныхъ представленій, соединяя въ себѣ ихъ общіе признаки,

---

[1]) 535. [2]) 503. [3]) 497. [4]) 482. [5]) 484.

такъ понятіе беретъ *сумму общихъ представленій*, складываетъ ихъ общіе признаки и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. *Общее представленіе есть сумма признаковъ предмета, а эмпирическое понятіе есть логическое соединеніе суммы общихъ представленій.* Такимъ образомъ, относительно каждаго предмета, изъ опыта можно прослѣдить рядъ ступеней, которыя проходитъ абстракція, начиная отъ частнаго представленія до эмпирическаго понятія. Тогда-какъ, наприм., *частное представленіе: человѣкъ* — всегда относится [1]) только къ отдѣльной человѣческой личности, со всѣми ея существенными и несущественными признаками, а въ *общемъ представленіи: человѣкъ* — содержится лишь сумма существенныхъ признаковъ, всѣ не индивидуальныя особенности отброшены, — *эмпирическое понятіе человѣка* опирается на большее или меньшее число родственныхъ общихъ представленій, непосредственно соединяющихся съ *общимъ представленіемъ: человѣкъ*. *Эмпирическія понятія* обнимаютъ всю область опыта, какъ внѣшняго, происходящаго изъ чувственнаго созерцанія, такъ и внутренняго опыта сознанія. *Третью и послѣднюю ступень познавательнаго процесса составляетъ абстрактное понятіе.* Абстрактными называются тѣ [2]) понятія, которыя почитаются совершенно выходящими изъ сферы опыта и которымъ не соотвѣтствуетъ ни одинъ предметъ внѣшняго или внутренняго наблюденія. Они никогда не осуществляются въ опытѣ какъ такія. Впрочемъ, весь [3]) ходъ развитія понятій показываетъ, что это заключеніе можно съ такимъ-же правомъ приложить и къ *эмпирическимъ понятіямъ* и къ *общимъ представленіямъ*. Уже общее представленіе идетъ дальше непосредственнаго опыта, потому-что можетъ получить наглядность только разложившись на частныя представленія; понятіе же [4]), въ этомъ отношеніи, есть только дальнѣйшій ходъ той же абстракціи. Вся разница между эмпирическими и абстрактными понятіями происходитъ только отъ того, что абстрактныя понятія выведены изъ гораздо большаго числа опытныхъ знаній и потому заключаютъ подъ собою гораздо большее число фактовъ. Разница [5]) состоитъ только въ степени. *Въ нѣкоторомъ смыслѣ, всякое понятіе можно назвать столько-же эмпирическимъ, какъ и абстрактнымъ: съ одной стороны, оно берется изъ опыта, а съ другой — въ немъ абстрагируется множество несущественныхъ признаковъ, соединяющихся съ нимъ въ опытѣ.*

Самыя частныя, самыя послѣднія представленія, какія только доступны мышленію и наукѣ въ настоящее время, по *Вундту* [6]), суть *тѣлесный атомъ и частица эѳира*, на которые физикъ смотритъ, какъ на крайніе результаты дѣленія матеріи. Отъ тѣла, доступнаго чувствамъ, представленіе переходитъ къ отдѣльнымъ частямъ, которыя различаются чувствами, — и здѣсь нѣтъ границы аналитической дѣятельности, а только научная абстракція проводитъ эту границу, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ изъ явленій. Высшимъ же общимъ понятіемъ *Вундтъ*, согласно со всѣми психологами, признаетъ совершенно абстрактное понятіе бытія, потому-что это именно то, въ чемъ сходно между собою все существующее [7]). Оно есть послѣднее понятіе, на которомъ останавливается наше мышленіе въ восхожденіи индуктивномъ, и первая точка отправленія въ нисхожденіи дедуктивномъ. Но въ понятіи

---

[1]) 489. [2]) 490. [3]) 491. [4]) 491. [5]) 492. [6]) I, 395. [7]) I, 14.

бытія, по *Вундту*, заключается и понятіе небытія, потому-что еслибы мы не имѣли понятія о небытіи, то не имѣли бы понятія и о бытіи [1]).

Отсюда открывается, что если представить себѣ индуктивно-дедуктивную лѣстницу всѣхъ человѣческихъ представленій и понятій, начиная отъ самыхъ низшихъ, частныхъ, и оканчивая самыми высшими, общими,—если въ началѣ этой лѣстницы поставить самое частное представленіе *атома*, въ срединѣ представленіе *индивидуума*, а въ концѣ высшее, самое общее понятіе *бытія*,—то оказывается, что *на одномъ крайнемъ полюсѣ самое общее понятіе бытія не содержитъ въ себѣ ни одного реальнаго признака, состоя изъ одного только наиболѣе абстрактнаго признака бытія, бытія всевозможнаго, реальнаго и идеальнаго, тождественнаго, по этому, съ небытіемъ,—на противоположномъ полюсѣ самое частное представленіе атома, исключая всякую дальнѣйшую частичность, пространственность и измѣнчивость, опять не содержитъ въ себѣ ни одного реальнаго признака и граничитъ не-только съ безпредѣльною малостью, но и прямо съ ничтожествомъ,—наконецъ, даже срединное представленіе или понятіе индивидуумовъ, которые служатъ, съ одной стороны, частичнымъ матеріаломъ для сложенія высшихъ, общихъ, видовыхъ и родовыхъ понятій, а съ другой—общею суммою матеріала, изъ котораго, чрезъ анализъ, дробятся частнѣйшія представленія частей и признаковъ,—какъ синтезъ не имѣющихъ реально-объективнаго бытія послѣднихъ частей и признаковъ, также не имѣетъ и объективной реальности.*

Странное, по-видимому, дѣло, а вѣрное,—по крайней мѣрѣ, логически вѣрно вытекающее изъ несомнѣнныхъ посылокъ.

Для ясности мы должны сопоставить здѣсь только-что полученные нами *выводы о несуществованіи въ веществѣ свойствъ, которыя наиболѣе непосредственно открываются въ немъ нашими чувствами, изъ которыхъ, какъ примитивныхъ признаковъ, слагаются всѣ наши представленія и понятія о внѣшнемъ мірѣ, съ выводами, касательно этого-же предмета*, данными намъ первою частью нашего изслѣдованія, о знаніи объективномъ.

Тамъ получили мы въ результатѣ, что всѣ свойства объектовъ суть состоянія субъекта,—что во всѣхъ ощущеніяхъ, производимыхъ объектами, субъектъ чувствуетъ себя, что безъ чувствующаго субъ-

---

[1]) I, 6.

екта нѣтъ въ объектѣ никакихъ свойствъ: безъ зрительнаго нерва нѣтъ ни цвѣтовъ, ни свѣта;—безъ слуховаго нерва нѣтъ звуковъ,—безъ осязательныхъ нервовъ, нѣтъ ни твердаго, ни жидкаго, ни газообразнаго, нѣтъ ни гладкаго ни шероховатаго, нѣтъ ни теплаго, ни холоднаго,—безъ нервовъ обонянія и вкуса нѣтъ ни вкусовъ, ни запаховъ,—безъ внутреннихъ органическихъ чувствъ нѣтъ подлежащихъ имъ свойствъ въ предметахъ. Между-тѣмъ изъ этихъ, не имѣющихъ реальнаго существованія во внѣшнемъ бытіи, элементовъ, именно изъ субъективныхъ впечатлѣній человѣческаго чувства, строится вся совокупность нашихъ представленій и понятій о дѣйствительномъ бытіи и строится такъ, что, въ самыхъ первичныхъ актахъ умственной обработки, выхваченный изъ эмпирическаго міра объектъ является уже инымъ, чѣмъ былъ въ объективномъ бытіи,—разсудочная абстракція живыхъ недѣлимыхъ объектовъ есть отвлеченіе жизни; объекты тѣмъ болѣе удаляются отъ жизни,—отъ живыхъ въ эмпирическомъ мірѣ являющихся индивидуальныхъ типовъ, чѣмъ болѣе обобщаются; въ разсудочной обработкѣ понятій, построеніе даже наиболѣе конкретнаго, наиболѣе индивидуальнаго понятія есть уже абстракція,—исключеніе изъ умопредставляемаго объекта безчисленнаго количества свойствъ и принадлежностей объекта эмпирическаго; чѣмъ выше обобщеніе предметовъ, тѣмъ опустошительнѣе должна быть абстракція,—съ расширеніемъ объема понятій содержаніе заключающихся въ немъ признаковъ уменьшается обратно пропорціонально расширенію объема, — самыя высшія общія понятія не даютъ уже о своихъ объектахъ почти никакого понятія, не приписываютъ объекту никакого предиката, а развѣ только повторяютъ въ опредѣляющемъ предикатѣ значеніе самаго подлежащаго, объекта; наконецъ, самое высшее общее понятіе *бытія*, бытія ни реальнаго, ни идеальнаго, при своемъ абсолютно-безграничномъ объемѣ, не содержитъ уже ни одного положительнаго признака, или, точнѣе, заключаетъ одинъ положительный признакъ: *бытіе есть бытіе*, который уничтожается въ понятіи равно-значущимъ отрицательнымъ признакомъ, такъ-какъ *бытіе есть и небытіе*, которое, въ свою очередь, есть бытіе въ идеальномъ смыслѣ.

Сравнимъ теперь эти выводы съ выяснившимися для насъ основоположеніями логической теоріи *Вундта*. Понятія составляются изъ представленій. Представленія распадаются на частныя и общія. Общее представленіе образуется изъ большой суммы частныхъ пред-

ставленій. Изъ общихъ представленій слагаются понятія эмпирическія, а изъ эмпирическихъ понятій абстрагируются понятія абстрактныя. Частныя представленія образуются изъ признаковъ, а частнѣйшія представленія даже совпадаютъ съ признаками предметовъ. Послѣдніе, самые частные, признаки предметовъ всегда и вездѣ состоятъ изъ чувственныхъ впечатлѣній, переработываемыхъ чрезъ первичныя умазаключенія въ первичныя сужденія. Дознано, что эти элементарныя умозаключенія, сужденія, признаки или качества ощущеній или ощущаемыхъ явленій, существуя только въ субъектѣ, не существуютъ въ объектѣ. Или точнѣе, по Вундту, *самые примитивные элементы знанія нереальны даже въ субъектѣ, потому-что не подлежатъ сознанію и лишены всякаго мыслимаго содержанія.* Изъ этихъ-то примитивныхъ, безсодержательныхъ, лишенныхъ всякой реальности, сужденій, чрезъ первичные акты умозаключенія, образуются всѣ наши представленія и понятія о вещахъ. Первоначальныя наши познанія содержатся въ аналистическихъ сужденіяхъ. Самыя первыя наши сужденія принадлежатъ къ тѣмъ безличнымъ сужденіямъ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго подлежащаго, таковы: *блеститъ*, *пахнетъ*, *давитъ* и т. п. Только впослѣдствіи общее подлежащее этихъ сказуемыхъ выражается особымъ словомъ. Соединяя нѣсколько подобныхъ сужденій, мы познаемъ данный предметъ какъ индивидуумъ, какъ нѣчто отличное отъ всего окружающаго. Мы образуемъ объ индивидуумѣ болѣе или менѣе *частное представленіе*, — образуемъ чрезъ отвлеченіе, чрезъ различеніе существенныхъ признаковъ отъ несущественныхъ, чрезъ ощущеніе послѣднихъ и соединеніе въ представленіи только первыхъ. Ясно, что уже представленіе переходитъ за предѣлы непосредственнаго опыта, такъ-какъ въ опытѣ предметъ всегда бываетъ данъ со всѣми своими признаками, существенными и несущественными. Абстрагируя въ общемъ представленіи часть этихъ признаковъ, мы создаемъ нѣчто новое, что, какъ такое, не содержится непосредственно въ опытѣ, а представляетъ какъ-бы формулу, обнимающую большое число случаевъ, посредствомъ соединенія чертъ общихъ всѣмъ этимъ случаямъ. Отъ того общее представленіе заключаетъ въ себѣ множество отдѣльныхъ фактовъ отчасти и ни одного изъ нихъ вполнѣ. За-тѣмъ абстракція проходитъ рядъ подобныхъ-же ступеней отъ частнаго представленія до эмпирическаго и абстрактнаго понятій. Какъ общее представленіе слагаетъ сумму частныхъ представленій, соединяя въ себѣ ихъ общіе признаки и исключая

признаки частные,—такъ вторая ступень въ развитіи понятій, понятіе эмпирическое, беретъ сумму общихъ представленій, складывая въ одно цѣлое ихъ общіе признаки и исключая различительные. Третья же и послѣдняя ступень познавательнаго процесса, абстрактное понятіе, совершенно выходитъ уже изъ сферы опыта, такъ-какъ этому понятію не соотвѣтствуетъ ни одинъ предметъ внѣшняго и внутренняго опыта. Абстрактныя понятія никогда не осуществляются въ опытѣ, какъ такія. Впрочемъ, все это различіе трехъ ступеней въ развитіи понятій есть въ-сущности внѣшнее; разница состоитъ только въ степени абстракціи. И общее представленіе идетъ уже дальше непосредственнаго опыта; а понятіе есть только дальнѣйшій ходъ той-же абстракціи. Всякое понятіе можно назвать столько-же эмпирическимъ, какъ и абстрактнымъ. Съ одной стороны, оно берется изъ опыта, а съ другой — въ немъ абстрагируется множество несущественныхъ признаковъ, соединяющихся съ нимъ въ опытѣ. Мало того, что абстрактныя понятія никогда не осуществляются въ опытѣ, какъ такія, такъ-какъ въ опытѣ предметъ всегда бываетъ данъ со всѣми своими признаками, существенными и не существенными,—нѣтъ; «если мы хотимъ,» — разсуждаетъ *Вундтъ*,— «привести заключающіеся въ понятіи признаки въ конкретный образъ, то должны отъ общаго представленія возвратиться къ частному,—при чемъ мы будемъ представлять себѣ отдѣльный предметъ уже не-только какъ схему существенныхъ признаковъ, а должны непремѣнно надѣлить его и множествомъ индивидуальныхъ признаковъ. *Мы никогда не можемъ осуществить въ созерцаніи общее представленіе какъ такое*: созерцаніе всегда даетъ намъ только частное, наприм., представленіе того или другаго отдѣльнаго человѣка; мы можемъ представить себѣ наглядно только частное представленіе человѣка». Точнѣе же должно сказать, какъ раскрыто нами въ первой части нашего изслѣдованія, что *точно соотвѣтствующій какому бы то ни было нашему понятію, частному ли, или общему, живой предметъ въ дѣйствительности не существуетъ; даже болѣе того, живое представленіе такого отвлеченнаго предмета въ психическомъ фактѣ невозможно*:—въ фактѣ единственно возможно только конкретированное представленіе всякаго, самаго отвлеченнаго, наиболѣе общаго понятія. Наконецъ, въ высшемъ абстрактномъ понятіи *бытія*, по *Вундту*, согласно мнѣнію всѣхъ философовъ, заключается и понятіе *небытія*. Такимъ образомъ, самыми позитивными соображе-

ніями доказывается, что *не-только самое высшее, общее понятіе бытія оказывается тожественно съ отрицаніемъ бытія, но и низшимъ, болье или менье обобщеннымъ, понятіямъ и представленіямъ не оказывается въ реальномъ фактъ соотвътствующихъ объектовъ.* Уже самые первичные признаки объектовъ, оказываются не реальными въ объектахъ, по мнѣнію же Вундта, и въ судъектѣ; а обобщенія признаковъ, представленія и понятія составляются не иначе, какъ чрезъ постепенную, большую и большую, абстракцію являющихся въ первичномъ чувственномъ воспріятіи признаковъ,—больше и больше удаляются отъ объективной реальности, до совершеннаго самоуничтоженія въ объемлющемъ всѣ понятія и представленія, высшемъ родовомъ понятіи бытія, тожественнаго съ небытіемъ. Возможность и даже неизбѣжность такой психологической демонстраціи сознана мыслящимъ человѣчествомъ давно, откуда и возникъ вѣковый споръ номиналистовъ и реалистовъ, который имѣлъ своею исходною точкою сомнѣніе въ существованіи реальныхъ объектовъ, соотвѣтствующихъ нашимъ обобщеннымъ понятіямъ.

ГЛАВА XXXV.

Положимъ, до того, что соотвѣтствующіе общимъ понятіямъ объекты едвали существуютъ въ реальномъ фактѣ, человѣчество додумалось уже давно. Но вотъ почти неслыханное до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, со времени исчезновенія греческой софистики, явленіе: новѣйшая философская мысль задала человѣчеству новую загадку: *существуютъ ли самые индивидуумы? Отличаются ли чѣмъ-либо понятія индивидуальныя отъ общихъ? Есть ли граница, гдѣ оканчивается индивидъ и начинается видъ? Если же нѣтъ критерія, отдѣляющаго индивидъ отъ вида, какъ конгрегата многихъ признаковъ, частей и даже индивидовъ, или даже и видовъ, и если не имѣется объекта, въ дѣйствительности соотвѣтствующаго видовому или родовому понятію, — то есть ли такой объектъ и для индивиди?* — Къ-изумленію, на всѣ эти вопросы современная наука готова отвѣчать отрицательно.

Мы должны оговориться здѣсь. *То, что мы сказали и скажемъ о несуществованіи индивидовъ, не значитъ, будто это есть наше соб-*

ственное, наше личное убѣжденіе, будто въ реальной природѣ дѣйствительно не существуютъ объекты, кажущіеся нашему воспріятію индивидами. Нѣтъ; это значитъ только то, что *современный научный методъ, уничтожая границу между родами и видами и предаваясь сладострастію разсудочнаго анализа, стремится къ уничтоженію, съ одной стороны, индивидовъ, также, какъ и видовъ и родовъ, а съ другой—не-только индивидовъ, но и частей ихъ, до атомовъ которые, въ свою очередь, оказываются также не существующими,— и, слѣдовательно, всю сумму бытія приводитъ, въ остаткѣ, къ нулю.* Чтобы выяснить, что такой логическій выводъ, не-смотря на всю его очевидную нелѣпость, можно высказывать и высказываютъ серьезно, мы должны послѣдовать за авторитетами современной науки и выслѣдить, куда они сами идутъ и другихъ ведутъ.

Обратимся сначала къ психологу *Вундту*. Извѣстно, что понятія составляются путемъ синтеза и анализа, при-помощи индукціи и дедукціи. При синтетическомъ индуктивномъ восхожденіи отъ частныхъ понятій къ общимъ, мы замѣчаемъ слѣдующія явленія: сначала мы видимъ [1]) множество отдѣльныхъ предметовъ одного рода; потомъ, отбросивъ всѣ измѣняющіеся признаки, мы составляемъ понятіе, наприм., о *деревѣ*; сравнивая дерево съ другими подобными ему предметами, мы получаемъ понятіе о *растеніи*, а отсюда доходимъ до понятія объ *организмѣ*. Человѣкъ съ самымъ небольшимъ опытомъ знаетъ, *что такое дерево*; труднѣе для него сказать, *что такое растеніе;* а о томъ, *что такое организмъ*, онъ, вѣроятно, не имѣетъ никакого понятія. Совсѣмъ не то мы видимъ въ головѣ *ботаника*; онъ покажетъ намъ, что *дерево вовсе не научное понятіе. Понятіе дерево*, которое, въ-общежитіи, считается самымъ опредѣленнымъ, *не имѣетъ для ботаника ни малѣйшаго значенія.* За-то онъ дастъ намъ точное опредѣленіе *растенія*. Однако, чего ботаника, въ различное время, не разумѣла подъ растеніемъ? — Сначала отличала растеніе отъ животнаго, говоря: *всѣ растенія прикрѣплены къ землѣ.* Но скоро оказалось, что *есть и животныя прикрѣпленныя къ землѣ* и что *есть растенія, свободно плавающія въ водѣ.* Слѣдовательно, понятіе растенія надо было, съ одной стороны, расширить, а съ другой-ограничить. Тогда стали говорить: *растенія отличаются отъ животныхъ тѣмъ, что не могутъ двигаться, по собственному побужденію. Но вдругъ оказалось, что есть множество существъ, которыя, по многимъ причинамъ, слѣдовало признавать растеніями* и которыя, однакожъ, всегда, или въ нѣкоторое время своей жизни, *двигаются по собственному побужденію, точно также, какъ и животныя.* Потому сдѣлали шагъ далѣе и сказали: только отсутствіе *произвольнаго* движенія есть отличительная черта растеній. Но вотъ является психологъ и говоритъ: да что такое произвольное движеніе? Почему мы знаемъ, что движенія низшихъ животныхъ суть проявленія свободной воли? И почему

---

[1]) I, 11—12.

мы знаемъ, что свободной воли нѣтъ у растеній?.. «Изъ этого примѣра», — заключаетъ *Вундтъ*,—«мы ясно видимъ, что *опредѣленность даже научныхъ понятій собственно бываетъ только относительная: съ развитіемъ науки, понятія постоянно измѣняются.* Съ теченіемъ опыта [1]), наши общія представленія постоянно видоизмѣняются». Но подъ общими представленіями *Вундтъ* разумѣетъ *и индувидуальныя* представленія, которыя становятся общими, собирательными въ-отношеніи къ другимъ частнѣйшимъ, заключающимся подъ ними представленіямъ. Это по тому, что «тогда-какъ образованіе понятій идетъ отъ частнаго къ общему, дѣятельность представленія идетъ отъ общаго къ частному [2]). Изслѣдуя процессъ [3]) образованія представленій, *Вундтъ* «находитъ, что этотъ процессъ, подвигаясь все далѣе и далѣе впередъ, все болѣе и болѣе наполняетъ первоначальные *общіе контуры частностями и подробностями.* Посредствомъ дистинкціи мы различаемъ, *въ болѣе обширныхъ и грубыхъ представленіяхъ, отдѣльныя части,* а посредствомъ анализа, по извѣстному ряду признаковъ, заключаемъ даже о *самостоятельности этихъ отдѣльныхъ частей, и тѣмъ возводимъ ихъ на степень особенныхъ представленій.* Положимъ, наприм., что мы въ первый разъ видимъ какое-нибудь животное: прежде всего, оно будетъ представляться намъ, какъ нѣчто цѣлое. Но, при дальнѣйшемъ разсматриваніи, мы *скоро различаемъ отдѣльныя части*; далѣе замѣчаемъ ихъ ограниченія и перемѣны, а также и движенія, совершаемыя каждою частію отдѣльно. Тогда *каждая часть представляется намъ точно такимъ-же самостоятельнымъ, какъ и цѣлое, т. е. становится для насъ особымъ представленіемъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ мы совершили анализъ *обширнѣйшаго представленія, мы разложили его на отдѣльныя представленія*». — Такимъ образомъ *мы разложили на частныя представленія индивидъ, какъ представленіе уже общее въ-отношеніи къ частнѣйшимъ.* Что это вѣрно, что мы поняли *Вундта* правильно, это онъ разъясняетъ особенно тѣмъ пріемомъ, какимъ разлагаетъ не-только на отдѣльныя представленія, но и на самостоятельныя части, не какой-либо уже животный индивидъ, а наиболѣе подлежащій нашему сознанію индивидъ, — наше собственное *Я.* Этотъ примѣръ покажетъ намъ, до какой, — можно сказать, — чудовищной отваги простирается современный ученый анализъ; — никакая нелѣпость для него не страшна и не служитъ для него останавливающею преградою. «*Я*», — пишетъ *Вундтъ* [4]), — «*это есть индивидуумъ. Я и индивидуумъ — это два существенно различныя понятія. Я принадлежитъ цѣлому индивидууму* [5]). *Я и индивидуумъ не одно и тоже* [6]). Что же онъ хочетъ сказать этими противорѣчіями? — «Я весь индивидуумъ. Тѣло и душа — не части индивидуума. *Я* — извѣстная ступень въ развитіи существа, которое распадается на тѣлесную и духовную сторону. Я и индивидуумъ — это два существенно различныя понятія. *Каждое я есть индивидуумъ*; но не каждый индивидуумъ есть *я.* Растеніе и кристаллъ — тоже индивидуумы; но ничто не даетъ права предполагать, что въ растеніи и кристаллѣ развивается сознаніе своего *Я*». — Казалось бы, поэтому, что *Вундтъ* хочетъ приписать *нашему Я индивидуальность, несложность, недѣлимость, по-преимуществу предъ прочими индивидами?* На-

---

[1]) 483. [2]) 482. [3]) 536. [4]) 1, 359. [5]) 361. [6]) 384.

прасная надежда! — «Происхожденіе нашего *Я*», — продолжаетъ *Вундтъ*, — «требуетъ *безчисленнаго множества предварительныхъ психическихъ процессовъ*; и только [1]) тогда, когда эти процессы совершились *въ достаточно полномъ количествѣ*, — только тогда *Я* является вдругъ, только *тогда оно есть единый актъ*, — *и этотъ актъ есть умозаключеніе*! Основаніемъ ему служитъ множество психическихъ процессовъ, и даже едвали есть какой-нибудь психическій актъ, который бы не принималъ близкаго, или отдаленнаго участія въ происхожденіи нашего *Я*; точно также и *всѣ физическія отправленія* имѣютъ къ нему болѣе или менѣе близкое отношеніе. *Я* принадлежитъ только *цѣлому индивидууму*, принадлежитъ только *совокупности всѣхъ частей*. *Я* лежитъ не внѣ физическихъ и духовныхъ процессовъ, которымъ оно обязано своимъ происхожденіемъ;—*оно есть совокупность всѣхъ этихъ процессовъ*,—*оно—фокусъ, въ которомъ сливается все наше бытіе*» [2]). Итакъ, *сложность*, по *Вундту*, входитъ въ самую сущность понятія индивида. Но тотъ-же *Вундтъ* продолжаетъ: «единство сознанія есть результатъ [3]) *единства нашего Я*». Казалось бы, *Вундтъ* опять хочетъ приписать нашему *Я* единство, несложность, недѣлимость, по-преимуществу. Но опять напрасная надежда!—Мы уже обратили вниманіе на то, что,—по *Вундту*,—«*Я* и индивидуумъ не одно и тоже. *Въ индивидуумѣ также есть единство*: всѣ его отправленія клонятся къ тому, чтобы онъ дѣйствовалъ какъ самостоятельное существо. Сознаніе есть цѣль, къ которой стремятся всѣ другія отправленія;—*сознаніе составляетъ единство индивидуума*».—Казалось бы, такимъ образомъ, что сознаніе *Я* составляетъ сущность самой индивидуальности.—«Но», — продолжаетъ *Вундтъ*, — «*индивидуумъ распадается на большое множество отдѣльныхъ процессовъ*, которые идутъ, до нѣкоторой степени, независимо другъ отъ друга. *Всякое ощущеніе, всякое движеніе есть, прежде всего, самостоятельный актъ, существующій самъ по себѣ, безъ отношенія къ другимъ актамъ*». — Этого мало, что индивидуумъ есть совокупность самостоятельныхъ актовъ;—онъ есть совокупность даже отдѣльныхъ существъ. «До тѣхъ поръ, пока индивидуумъ не относитъ всѣхъ своихъ впечатлѣній и дѣйствій *къ своему я, какъ общему средоточію*, онъ распадается на большое число *отдѣльныхъ существъ*, находящихся въ органической связи между собою [4]). Эта связь хотя и соединяетъ ихъ, но *не сливаетъ въ одно цѣлое*, потому-что связь еще не есть единство. Единство мало по малу развивается изъ этой связи; но и послѣ того, какъ оно (сознаніе *Я*) развилось, *все, что не имѣетъ прямаго отношенія къ единству, сохраняетъ свою отдѣльную самостоятельность*. Каждый изъ процессовъ, составляющихъ сознаніе — *я, есть одно самостоятельное цѣлое*». Но и того мало; оказывается, по *Вундту*, что нашъ индивидуумъ слагается изъ множества не-только самостоятельныхъ актовъ или отдѣльныхъ существъ, но изъ множества отдѣльныхъ и субъектовъ, *судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ*! «Полагая множество одновременныхъ ощущеній и воспріятій, индивидуумъ»,—по словамъ *Вундта*,—*распадается на такое-же* (по числу ощущеній и воспріятій) *число судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ*,—и только съ появленіемъ сознанія всѣ они сливаются въ одинъ субъектъ, въ самосознательное

---

[1]) 356—360. [2]) 384. [3]) 561. [4]) 385.

Я». — Итакъ что-же? Наше *Я* есть преимущественное, особое въ своемъ родѣ единство?—Нѣтъ. «Это единство нашего *Я*»,—по *Вундту* [1]),—«есть только выраженіе той связи, которая соединяетъ всѣ части и отправленія индивидуума въ одно цѣлое. А что касается до того многоразличія, какое встрѣчаемъ въ отправленіяхъ тѣла и вслѣдствіе котораго *организмъ распадается на множество существъ до нѣкоторой степени самостоятельныхъ*, — *то совершенно такое-же многоразличіе находимъ и въ сферѣ души.* Каждая область ощущенія есть психическая единица: вмѣстѣ съ нервными соединеніями и мышцами, съ которыми имѣетъ ближайшую рефлективную связь, она образуетъ *одно цѣлое, совершающее простѣйшія психическія отправленія совершенно самостоятельно*, или зависимое на-столько, насколько жизнь частей предполагаетъ жизнь цѣлаго. Въ организмѣ, цѣлью, къ которой стремятся отдѣльныя функціи, является существованіе индивидуума, а въ душѣ—самостоятельное *я*».—Такимъ образомъ, если *я*, наша душа, нашъ индивидуальный организмъ распались не-только на множество самостоятельныхъ частей и актовъ, но и отдѣльныхъ существъ и даже на множество чувствующихъ, судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ, а *я* есть не иное что, какъ только формула выраженія постепенно возникающей и развивающейся между ними связи, однимъ словомъ,—если даже нашъ личный индивидъ не существуетъ, — то что-же говорить о существованіи другихъ низшихъ индивидовъ, въ-родѣ растенія, или камня? Какую, относительно индивидіальности, можно бы найти важную разность между ними и кучею песку?

Въ развитіи подобнаго страннаго ученія *Вундтъ* далеко не одинокъ; напротивъ того, онъ имѣетъ многихъ и именитыхъ сотрудниковъ. Оставивъ подобныя-же, слишкомъ своеобразныя и туманныя, умствованія *Д. С. Милля*, касательно этого предмета, перейдемъ къ болѣе ясному и рѣшительному разсужденію *Вирхова*, касательно *того-же предмета*, несуществованія индивидовъ [2]). — «Что такое индивидуумъ»? спрашиваетъ *Вирховъ*. «Слово—*индивидуумъ* употребляется въ различномъ смыслѣ. Всѣ говорятъ объ индивидуумахъ, индивидуальномъ, индивидуальности. Несомнѣнно, что индивидуумы не суть послѣднія не разлагаемыя далѣе части; напротивъ того, съ этимъ словомъ мы соединяемъ представленія о тѣлахъ часто такой значительной величины, такого сложнаго строенія, что различаемъ въ нихъ цѣлыя системы, органы, элементы, между которыми даже послѣдніе элементы могутъ быть разложены и ихъ малѣйшія замѣтныя частицы опять сами по себѣ могутъ считаться составленными изъ атомовъ. *На чемъ же основывается ихъ преимущество называться недѣлимыми? На какомъ основаніи имъ приписывается индивидуальность?* Понятіе о недѣлимомъ можно отыскать въ томъ, что оно, по своей природѣ, *не должно* быть дѣлимо. Недѣлимое есть единое цѣлое, въ которомъ всѣ части дѣйствуютъ съ-обща, для одной цѣли, по опредѣленному плану. Понятіе о недѣлимомъ такъ двусмысленно, что мы можемъ даже отнять часть недѣлимаго, отъ чего оно не уничтожается въ нашемъ представленіи; должны оставаться только нѣкоторыя существенныя и необходимыя части. Недѣлимое, чтобъ сохранить себя, должно стоять отдѣльно отъ прочихъ; должно заключать въ себѣ нѣчто отличающее его не-только отъ существъ различныхъ,

---

[1]) 386. [2]) *Вирхова*, Атомы и недѣлимыя. Рѣчь.

но и отъ существъ подобныхъ,— должно имѣть свою особность. Въ чемъ же состоитъ эта особность? *Что это за тайна индивидуальности?* Какъ далеко въ области природы можно распространить понятіе о недѣлимомъ? Должны ли мы вездѣ въ природѣ видѣть индивидуальности? Имѣютъ ли право на индивидуальность солнца, планеты, воздухъ, море, камни и кристаллы? Но развѣ мыльный пузырь не имѣетъ такого-же права на индивидуальность, какъ и міровыя тѣла? Напрасно стараются отстоять индивидуальность и кристалла: особенность кристалла не есть его сущность, не служитъ выраженіемъ его внутренней природы, а есть только признакъ внѣшней силы, подъ вліяніемъ которой проявляется его внутренняя природа. Недѣлимое имѣетъ жизнь: сущность его заключается въ особенности внутренней,—и вытекающій изъ нея внѣшній видъ вѣрно указываетъ намъ эту внутреннюю сущность. Недѣлимое составляетъ для себя цѣль и мѣру и есть дѣйствительная единица. *Индивидуальное противополагается общему.* Тѣмъ не менѣе *единство индивидуума основывается на общности частей.* Общее недѣлимаго составлено изъ опредѣленнаго числа необходимыхъ частей. Эти необходимыя части, органы, состоятъ, въ свою очередь, изъ частей еще меньшихъ. *Послѣдними малѣйшими частями, въ которыхъ проявляется жизнь, оказались клѣточки,* — образованія въ-видѣ пузырьковъ, заключающихъ внутри ядро, устроенное различнымъ образомъ, снаружи тонкую оболочку, а между оболочкою и ядромъ различнаго рода содержимое. *Клѣточка не-только служитъ вмѣстилищемъ жизни, но она-то именно и есть живущая часть.* Съ извѣстными группами клѣточныхъ образованій связаны высочайшія особенности животной жизни: ощущеніе, движеніе, мышленіе. *Жизнь есть дѣятельность клѣточки; ея особенность есть особенность клѣточки. Клѣточка есть живое тѣло,* состоящее изъ опредѣленнаго состава химическихъ веществъ и организованное по извѣстнымъ законамъ. Дѣятельность клѣточки зависитъ отъ вещества, ее образующаго и наполняющаго; функціи ея мѣняются, растутъ и ослабѣваютъ, возникаютъ и исчезаютъ съ измѣненіемъ, накопленіемъ, или умѣшеніемъ этого вещества. Жизнь находится во всѣхъ частяхъ, состоящихъ изъ клѣточекъ: не-только нервъ живетъ, не-только кровь, но также и мясо, и кости и волоса; жизнь заключается и въ корнѣ, листѣ, цвѣткѣ и въ сѣмени растенія. Въ крови взрослаго человѣка каждую секунду обращается приблизительно 60.000,000,000 клѣточекъ. *Что же такое организмъ? Собраніе живыхъ клѣточекъ!* Каждый изъ насъ, какъ и всякое растеніе, или животное, составляетъ родъ общества. Мы только собраніе частей, органическій индувидуумъ существуетъ только какъ общность! «Все, что живетъ,—говоритъ *Гёте*,—«не единица, но множество; даже въ томъ случаѣ, когда оно является намъ недѣлимымъ, оно все-таки остается *собраніемъ живыхъ самостоятельныхъ существъ*». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что растеніе, даже дерево, являющіяся намъ индивидуумами, состоятъ изъ множества единицъ, совершенно сходныхъ между собою и съ цѣлымъ. Дерево,—пишетъ *Менделѣевъ*, въ своей химіи [1]), — есть отжившая часть деревянистаго растенія; живая часть обыкновенныхъ деревъ находится между корою и древесиной. Ежегодно, изъ соковъ, поглощаемыхъ корнями и перераба-

---

[1]) 1, 524.

тываемыхъ листьями, отлагается, въ этой части дерева, древесинный слой; поэтому-то о числѣ лѣтъ дерева и можно судить по числу древесинныхъ слоевъ, въ немъ находящихся. На слѣдующій годъ соки двигаются уже не по отложенному слою, а по новому, между корою и древесиною. Такимъ образомъ, прежде отложенные слои служатъ только опорою для живущихъ частей растеній. *Живущее дерево можно разсматривать какъ совокупность многихъ растеній, живущихъ на этой опорѣ.* Какое множество растеній,—продолжаетъ *Вирховъ*,—размножается отводками? Глазокъ послѣдней разновидности фруктоваго дерева производитъ вѣтвь, производящую снова множество такихъ глазковъ, и тѣмъ-же путемъ идетъ размноженіе сѣменами. Процессъ расчлененія и само-поддержанія растеній *Гегель* называетъ выхожденіемъ изъ самаго себя и распаденіемъ на множество индивидуумовъ, для которыхъ цѣлый индивидуумъ составляетъ скорѣе почву, чѣмъ субъективное единство членовъ; части растенія: почки, вѣтвь и т. д., сами по себѣ, суть цѣлыя растенія. Итакъ, *что же такое недѣлимое:—цѣлое или часть?*—Есть растенія, состоящія изъ одного ряда клѣточекъ. Напротивъ того, въ другихъ растеніяхъ клѣточки, располагаясь группами, образуютъ органы и элементы; но, и въ этомъ случаѣ, при размноженіи растенія, сперва является одна клѣточка, изъ которой образуется уже новое растеніе. *Что же здѣсь недѣлимое?* Множество растеній воспроизводится отводками. Отрѣзанная и посаженная вѣтвь продолжаетъ расти, приноситъ новыя вѣтви, которыя, въ свою очередь, могутъ быть отрѣзаны и пересажены. Всѣ онѣ суть части, принадлежащія одна другой. Составляютъ ли онѣ одно недѣлимое? Фактъ ясенъ и очевиденъ. Но каково его истинное значеніе? Земляника, разстилаясь по землѣ, пускаетъ побѣги, на концахъ которыхъ развиваются новыя растенія; чрезъ нѣсколько времени онѣ пускаютъ корни и твердо укрѣпляются въ землѣ въ то время, какъ старый стебель отмираетъ. Гдѣ же здѣсь границы недѣлимаго? Большая часть животныхъ размножается яйцами и каждое яйцо первоначально есть клѣточка. Нѣкоторыя животныя размножаются перетягиваніемъ, такъ сказать,—шнурованіемъ. Иныхъ полиповъ можно размножать, искусственно, отрѣзками, какъ растенія. По стволу плавучихъ полиповъ проходитъ каналъ; изъ ствола выходятъ почкообразные отпрыски; одни изъ нихъ образуютъ ряды плавающихъ органовъ, подвигающихъ все тѣло полипа,—другіе превращаются въ новыхъ полиповъ, со ртомъ и желудкомъ, которые собираютъ и переварпваютъ пищу для цѣлаго, передавая потомъ въ общій каналъ,—третьи же, пріобрѣтая пузыреобразный видъ, несутъ яйца, изъ которыхъ образуются снова свободно плавающіе полипы. *Что же здѣсь индивидуумъ? Что органъ? Органы не тоже ли, что и индивиды?* Индивидъ, цѣлое, не есть ли только собраніе, семейство, колонія? По всей лѣстницѣ позвоночныхъ, отъ низшей рыбы до человѣка, существуетъ общій планъ организаціи. Нѣтъ здѣсь колоній растеній, или животнорастеній, а только замкнутыя индивидуальности. Чѣмъ выше мы пойдемъ въ классѣ позвоночныхъ, тѣмъ болѣе опредѣленною представляется намъ единичность недѣлимаго, пока, наконецъ, въ сознаніи человѣка она получаетъ субъективную законченность. Однакожъ *сознаніе есть субъективное, но не объективное единство недѣлимаго.* Оно представляется какъ послѣдній, высочайшій результатъ жизни, какъ благороднѣйшій плодъ длинной цѣпи тѣсно связанныхъ процессовъ, изъ

которыхъ состоитъ исторія недѣлимаго. Разсматриваемый какъ существо тѣлесное, *индивидуумъ необходимо долженъ быть внутреннимъ множествомъ.* Жизнь должна составлять результатъ дѣятельности всѣхъ отдѣльныхъ частей. *Человѣческій индивидуумъ есть также община.* Изслѣдованіе человѣческой природы показываетъ, что она состоитъ изъ ряда системъ отправленій; каждая система обнимаетъ собою извѣстное число особыхъ органовъ, каждый органъ заключаетъ опредѣленное число тканей, каждая ткань состоитъ изъ клѣточекъ или клѣточныхъ группъ. *«Я» философовъ есть слѣдствіе «Мы» біологовъ.* Клѣточки суть дѣятельныя части; въ каждой изъ нихъ бьется жизнь, каждая изъ нихъ имѣетъ извѣстную самостоятельность, и каждое жизненное явленіе происходитъ изъ дѣятельности, содѣйствія, или противодѣйствія, или, наконецъ, бездѣйствія и уничтоженія извѣстной суммы клѣточекъ. *Тайна индивидуальности состоитъ, безъ сомнѣнія, въ точномъ различіи первоначальныхъ свойствъ и образованія клѣточекъ, или клѣточныхъ группъ. Что же такое теперь недѣлимыя: клѣточки, или люди?* Можно ли прямо отвѣтить на этотъ вопросъ? Нѣтъ! *Слово индивидъ* — вошло въ употребленіе гораздо раньше, чѣмъ получилось ясное представленіе о природѣ существъ, подразумѣваемыхъ подъ этимъ понятіемъ. *Должно или вовсе исключить понятіе о недѣлимомъ изъ органическихъ отраслей естествознанія, или-же прямо соединить его съ клѣточкой.* Ежегодно отпадаютъ листья деревьевъ, съ тѣмъ, чтобы, на новый годъ, деревья могли принести новыя почки; ежедневно смѣняются въ человѣческомъ тѣлѣ *кровяныя тѣльца, съ тѣмъ, чтобы свѣжіе элементы могли снова начать дѣло своего собственнаго уничтоженія.* Такимъ образомъ, падаютъ народы, смѣняются дѣти людей,—и новое поколѣніе всегда лучше познаетъ себя и природу; сознаніе становится все яснѣе и полнѣе подчиняетъ себѣ *атомъ*»... Въ-виду такого всеобщаго повальнаго уничтоженія, *Вирховъ*, не надѣясь даже на свою клѣточку, распадающуюся на атомы, разсчитываетъ опереться только на атомъ, какъ на абсолютную основу бытнаго. Вѣдь и клѣточка есть только сложность основаній, а не самобытность. «Вещество клѣточки», — по словамъ самаго-же *Вирхова*,—«*въ элементахъ* своихъ, нисколько не различествуетъ отъ вещества неорганическаго, неодушевленнаго міра; скорѣе оно постоянно восполняется изъ этого міра и снова возвращается въ него, исполнивъ свои особенныя цѣли. Только родъ расположенія этого вещества, особенная группировка малѣйшихъ частичекъ его своеобразны, но не до такой, однакожъ, степени, чтобы составлять противоположность съ расположеніемъ и группировкою *частичекъ тѣлъ*, входящихъ въ предметъ изученія неорганической химіи. Своеобразной кажется намъ дѣятельность, особенное отправленіе органическаго вещества; но все-таки она не разнится отъ дѣятельности, извѣстной физикамъ въ неодушевленной природѣ. Вся своеобразность здѣсь ограничивается тѣмъ, что *въ самомъ маломъ пространствѣ заключено величайшее разнообразіе комбинацій веществъ*,—что каждая клѣточка представляетъ мѣсто тѣснѣйшихъ воздѣйствій этихъ комбинацій». — Итакъ, основаніемъ клѣточки, а слѣд., основаніемъ и жизни, и всякаго бытія, является атомъ. Если же и атомъ обманетъ возлагаемую на него надежду, если и онъ слагается изъ ничтожества, или даже граничитъ съ ничтожествомъ, тогда что-же?! Все ничто!..

Тоже читаемъ мы и у *Герберта Спенсера*, «*Что такое особь?* Это вопросъ, который подалъ поводъ ко многимъ спорамъ. Удовлетворительный отвѣтъ на него едвали возможенъ. Если отъ обыкновенныхъ случаевъ, между высшими позвоночными, мы обратимся къ исключительнымъ, наприм., къ телятамъ о двухъ головахъ, или о двухъ парахъ переднихъ ногъ, то мы иногда не можемъ положительно сказать, одна ли здѣсь индивидуальность, или двѣ. Если же мы распространимъ наше наблюденіе на весь органическій міръ вообще,—то найдемъ, что трудности встрѣчаются вездѣ и въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Часто говорятъ, что дерево единично. Но каждая изъ его осей одарена болѣе или менѣе независимою жизнію,—и если срѣзать ее и посадить, то изъ нея можетъ вырости новое растеніе. Какъ же слѣдуетъ смотрѣть на оси, происходящія такимъ образомъ отъ вѣтки, отъ черенковъ, отъ почекъ? Какъ на части одной и той-же особи, или-же какъ на раздѣльныя особи? Далѣе *Г. Спенсеръ* приводитъ тотъ-же примѣръ земляники, съ ея побѣгами отъ вѣтвей, который мы видѣли у *Вирхова*, равно-какъ многіе примѣры и другихъ растеній, и завершаетъ это изслѣдованіе словами *Шлейдена*: «многіе споры касательно понятія объ особи происходили отъ недоразумѣній, существующихъ на-счетъ *возникновенія понятій. Особь вовсе не есть понятіе, а просто субъективное представленіе о дѣйствительномъ предметѣ, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія, и только отъ этого послѣдняго зависитъ, будетъ ли предметъ особью, или нѣтъ.* Съ точки зрѣнія видоваго понятія о солнечной системѣ вообще, наша солнечная система будетъ особью; по-отношенію же къ видовому понятію о планетномъ тѣлѣ, она будетъ аггрегаціей многихъ особей. Въ-виду несомнѣнныхъ фактовъ, полезнѣе признать простымъ растеніемъ перваго порядка растительную клѣточку. Такого рода особи могутъ, однакожъ, утративъ отчасти свою индивидуальную независимость, соединиться, по опредѣленнымъ законамъ, въ опредѣленныя формы. Соединенныя формы *эмпирически* являются намъ снова *единичными существами*, съ точки зрѣнія того видоваго понятія, которое мы выводимъ изъ сочетанія *особей элементарныхъ*». Эти слова Шлейдена, какъ и Г. Спенсера, значатъ, что всякая особь есть понятіе индивидуальное въ-отношеніи къ понятію видовому, подъ которымъ оно заключается, и видовое по-отношенію къ особямъ, содержащимся въ немъ самомъ и подъ нимъ. «Животное царство»,—продолжаетъ *Спенсеръ*,—«представляетъ еще больше трудностей, чѣмъ царство растительное». Представивъ въ-подтвержденіе этихъ словъ нѣсколько примѣровъ изъ животнаго царства, *Спенсеръ* разсуждаетъ: «жизнь вообще началась съ мелкихъ и простыхъ формъ. Изъ нихъ-же образуются всѣ индивидуальные организмы и нынѣ. Переходы отъ этихъ первичныхъ единицъ къ организмамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ единицъ, и къ высшимъ организмамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ группъ, совершаются постепенно. Отсюда ясно, что индивидуальности простѣйшаго порядка должны постепенно поглощаться болѣе сложными индивидуальностями,—и *невозможно опредѣлить, гдѣ кончаются низшія индивидуальности и начинаются высшія.* Въ-сущности нѣтъ такого опредѣленія индивидуальности, противъ котораго нельзя было бы возразить. Что образуетъ конкретное живое цѣлое? Молодой организмъ, происходящій изъ родительскаго, посредствомъ внутренняго или внѣшняго почкованія, постепенно

переходитъ изъ состоянія, въ которомъ онъ образуетъ неразличимую часть организма родительскаго, въ состояніе, когда онъ образуетъ отдѣльный организмъ. На какой-же степени становится онъ особью? И если въ немъ слѣдуетъ признать индивидуальность только тогда, когда онъ совершенно отдѣлится отъ родича, то слѣдуетъ ли отказать въ индивидуальности всѣмъ, образующимся по такому способу, организмамъ, которыя непрерывно удерживаютъ связь съ своими родичами (у полиповъ)? И что сказать о щупалѣ каракатицы, которое, отдѣлившись, живетъ независимо? Что сказать о личинкѣ морскаго ежа, которая продолжаетъ двигаться послѣ того, какъ содержимое ея исчезнетъ съ развившимся въ ней молодымъ ежомъ? Хотя у цвѣтковыхъ растеній къ независимому развитію способны обыкновенно только побѣги или оси,—однакожъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, способность къ обнаруженію и продолженію жизненныхъ отправленій заключается и въ придаткѣ оси, въ другихъ же случаяхъ, молодыя растенія развиваются на поверхностяхъ листьевъ. *Приходится признавать особью каждый центръ и каждую ось, которые способны независимо обнаруживать то непрерывное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, которое составляетъ жизнь. Оказывается, такимъ образомъ, по Спенсеру, что индивидуальныя понятія наши также, вслѣдъ за видовыми и родовыми, попали въ вѣчно текучій и исчезающій круговоротъ субъективныхъ представленій, безъ какой-либо точки стоянія въ реальной дѣйствительности.*

Послѣднее же, самоновѣйшее слово науки по вопросу о бытіи, или небытіи индивидуальностей мы читаемъ въ *Вѣстникѣ Европы*, за Декабрь 1871 г., въ статьѣ *Н. Вагнера: Куда идетъ Зоологія*. Прослѣдимъ выводы этой замѣчательной, по цѣльности взгляда, статьи. «Безъ сомнѣнія, форма и строеніе клѣточки есть слѣдствіе ея химико-физическаго состава. Изъ строенія клѣточки это явленіе переносится на ткани, органы и цѣлую организацію. Эту непосредственную зависимость формы отъ состава можно назвать *закономъ молекулярныхъ соотношеній*, которыя указываютъ намъ и другой законъ *интеграціи* (*integer*, *цѣлый*) *и дезинтеграціи*. У низшихъ, простѣйшихъ организмовъ, съ возрастомъ, наступаетъ моментъ, когда масса организма *дезинтегрируется*, *распадается на отдѣльные, новые организмы*. Чѣмъ выше организмъ, тѣмъ болѣе онъ *интегрированъ*, *тѣмъ тѣснѣе связаны его части*, *тѣмъ ограниченные способы его размноженія*; — онъ лишается способности отдѣлять почти всѣ части своего тѣла въ новые организмы, — *отдавать его видовой жизни*. Отсюда объясняются *законы исчезанія омологовъ и централизаціи, или концентрированія органовъ*. Нетолько клѣтки, но и цѣлые органы могутъ размножаться дѣленіемъ. При этомъ изъ одного органа образуются два, совершенно одинаковыхъ съ первымъ, — *омологи*. Чѣмъ крѣпче связь между клѣтками органа, тѣмъ менѣе онъ способенъ дѣлиться на *омологи*. Въ-силу этого, омологи, у низшихъ животныхъ отдѣльные, у высшихъ сливаются въ одинъ органъ, — *концентрируются или интегрируются. Эти явленія проходятъ по всѣмъ типамъ животнаго царства и человѣка включительно*. Концентрированіе органовъ влечетъ за собою ихъ *специализированіе*,—*дифференцировку или раздѣленіе физіологическаго труда*: увеличивается число органовъ, служащихъ для разныхъ физіологическихъ процессовъ,—изъ одного органа, который у низшаго типа служитъ для двухъ отпра-

вленій, развивается для каждаго изъ этихъ отправленій особый органъ. Не-только между организмами, но и между органами замѣчается борьба за существованіе: у низшихъ типовъ преобладающій органъ нерѣдко развивается насчетъ другихъ, нарушая *законъ органическаго равновѣсія*; разъ получивши возможность развиваться на-счетъ другихъ, преобладающій органъ, подчиняясь, *по закону физіологической инерціи*, возбуждающей усиленное развитіе его причинѣ, можетъ, какъ паразитъ, совершенно подавить развитіе другихъ органовъ и повлечь за собой вымираніе цѣлаго видоваго типа организмовъ. Это развитіе одного органа на-счетъ другихъ выражается иногда *антагонизмомъ между органами индивидуальной и половой видовой жизни*, какъ, наприм., въ соціальной организаціи у пчелъ и у муравьевъ, гдѣ это явленіе совпадаетъ съ явленіемъ раздѣленія физіологическаго труда, — гдѣ, какъ, напр., у рабочихъ пчелъ, замѣчается большее развитіе мозга, въ-ущербъ развитія половыхъ органовъ, у матки большое развитіе половаго первнаго узла и меньшее развитіе мозга, наконецъ, у трутней еще большее развитіе половаго узла и самое слабое развитіе мозга. Тоже самое видится и у муравьевъ, только еще въ болѣе рѣзкой формѣ. Это колебаніе въ развитіи органовъ и раздѣленіе физіологическаго труда въ простѣйшихъ типахъ соединяется *съ индивидуальнымъ обособленіемъ или съ выдѣленіемъ особей*: части организма, которыхъ онъ не можетъ удержать въ себѣ, *отпадаютъ, въ-видѣ новыхъ особей*; но, по мѣрѣ интегрированія организма, это отпадываньe теряетъ силу, *и образуется сложный организмъ, составленный изъ многихъ особей, связанныхъ нѣкоторыми органами, принадлежащими всѣмъ безраздѣльно* (наприм., въ полипахъ, гидроидахъ и т. д.). Здѣсь, въ сложномъ комплектѣ особей, видимъ затѣчательное раздѣленіе труда: на одномъ общемъ стеблѣ видимъ организмы, которые служатъ для плаванія, другіе для ловли добычи, третьи для проглатыванія и перевариванія пищи, четвертые для размноженія,—и всѣ, такимъ образомъ, *специализованныя особи имѣютъ типъ простыхъ органовъ,— вслѣдствіе чего всѣ такія особи, теряя характеръ индивидуальности, представляютъ колонію органовъ-особей, подобную растенію, у котораго корни служатъ для питанія, листья для питанія и дыханія, стебель для передачи питательныхъ сковъ и цвѣты для размноженія.* Въ общинахъ соціальныхъ насѣкомыхъ принципъ тотъже: особь выдѣлилась, но, живя въ общинѣ, утрачиваетъ часть организма, жертвуетъ или мозгомъ, или половыми органами, для достиженія лучшихъ результатовъ въ работѣ ассоціаціи; каждый индивидуумъ, повидимому, свободный, неразрывно связанъ со всѣми членами общины, хотя эта связь и не является въ матеріальномъ видѣ какого-либо общаго стебля. Чѣмъ выше поднимаемся мы, по рядамъ животныхъ, до человѣка, къ формамъ болѣе и болѣе сложнымъ, — тѣмъ больше интегрированіе вступаетъ въ свои права, тѣмъ менѣе остается самостоятельности въ органахъ и является гармоническое цѣлое. *Человѣкъ также принадлежитъ къ міру организмовъ: общіе законы, управляющіе органическимъ міромъ, необходимо захватываютъ индивидуальную и соціальную жизнь и человѣка; въ этомъ случаѣ является не сравненіе, не аналогія, но полная тожественность явленій и ихъ сопричинность.* Человѣкъ представляетъ самое полное выраженіе пропорціальныхъ отношеній органовъ; но колебанія въ ихъ развитіи и здѣсь имѣютъ мѣсто,—и одинъ

органъ можетъ развиваться на-счетъ другаго. Все общество есть сложный организмъ, состоящій изъ множество организмовъ-индивидуумовъ. И чѣмъ глубже зоологія входитъ въ законы жизни болѣе простыхъ организмовъ, тѣмъ яснѣе становится смыслъ этихъ законовъ въ сложныхъ явленіяхъ человѣческой жизни».

Оказывается, такимъ образомъ, что индивиды сводятся къ ничтожеству, *двумя путями: анатомико-физіологическимъ и логико-психологическимъ.*

Первый путь представляетъ слѣдующую серію анатомико-физіологическихъ фактовъ. Кристаллы, камни, море, воздухъ, планеты и солнце имѣютъ столько-же права на индивидуальность, сколько и мыльный пузырь, потому-что мыльный пузырь столькоже повинуется законамъ тяготѣнія и концентраціи, какъ и солнечная система, и всякое механико-химическое образованіе. *Основное недѣлимое есть клѣточка*, которая нетолько служитъ вмѣстилищемъ жизни, но которая сама-то и есть живущая часть, *есть элементарная особь.* Есть организмы, которые состоятъ изъ одной клѣточки, или изъ одного ряда клѣточекъ; но есть и другіе организмы, въ которыхъ клѣточки, располагаясь группами, образуютъ системы и органы. Въ извѣстный моментъ развитія низшихъ, простѣйшихъ организмовъ, каковы, во-первыхъ, клѣточки, масса организма *дезинтегрируется*, двоится, троится и т. д., и распадается на новые организмы. Не-только клѣточки, но и цѣлые организмы могутъ размножаться дѣленіемъ: изъ одного органа образуются два, совершенно сходные съ первымъ, — *омологи.* Въ низшихъ организаціяхъ выдѣленіе омологовъ соединяется съ обособленіемъ индивидуальнымъ или съ выдѣленіемъ особей: части организма, которыхъ онъ не можетъ удержать въ себѣ, отпадаютъ, въ-видѣ новыхъ особей. Высшіе организмы болѣе и болѣе *интегрируются.* Отъ того, по мѣрѣ интегрированія организма, это отпадываніе теряетъ силу и образуется сложный организмъ, составленный изъ многихъ особей, связанныхъ нѣкоторыми, принадлежащими всѣмъ безраздѣльно, органами. Вмѣстѣ съ тѣмъ подвигается впередъ и *специализованіе, дифференцировка или раздѣленіе физіологическаго труда* между органами: у низшаго типа одинъ органъ служитъ для двухъ и болѣе отправленій; у высшаго же типа изъ одного органа, для каждаго изъ отправленій, образуется новый органъ. Вотъ почему въ сложномъ комплектѣ или колоніи особей (въ-родѣ полипняка) и видимъ, что, на одномъ общемъ стеблѣ, одни организмы служатъ для плаванія, другіе для ловли добычи, третьи для перева-

ріванья пищи, четвертыя для размноженія, и всѣ, такимъ образомъ спеціализованныя особи имѣютъ типъ простыхъ органовъ; теряя характеръ индивидуальности, они представляютъ колонію органовъ—особей (которые иногда могутъ жить и отдѣльно отъ общаго ствола), подобную растенію, у котораго корни служатъ для питанія, листья для питанія и дыханія, стебель для передачи питательныхъ соковъ, а цвѣты для размноженія. Дальнѣйшую ступень дезинтегрированія, по тому-же принципу, представляютъ общины соціальныхъ насѣкомыхъ (пчелъ, муравьевъ): особь здѣсь выдѣлилась, — но живя въ общинѣ, изъ которой произошла, она утрачиваетъ часть организма, жертвуетъ или мозгомъ, или половыми органами, для достиженія лучшихъ результатовъ въ работѣ ассоціаціи; каждый индивидуумъ, по-видимому свободный, неразрывно связанъ со всѣми членами общины, хотя эта связь и не является въ матеріальномъ видѣ какого-либо общаго стебля. Общіе законы, управляющіе органическимъ міромъ, захватываютъ и человѣка, опредѣляя какъ индивидуальную, такъ и соціальную его жизнь. Между жизнью его и низшихъ организмовъ является не сравненіе или аналогія, но полная тожественность и сопричинность явленій. Въ-отношеніи къ низшимъ, включеннымъ въ него, организмамъ, человѣкъ есть индивидуальность, организмъ, сконцентрированный, интегрированный, съ органами опредѣленно дифференцированными и специали-зованными, — но въ-отношеніи къ ассоціаціи человѣческой общины, онъ представляетъ въ себѣ не болѣе, какъ особь-органъ, подобно пчелѣ въ-отношеніи къ пчельнику, или подобно муравью въ-отношеніи къ муравейнику. Какъ вообще въ органическомъ царствѣ приходится признавать особью каждый центръ и каждую ось, которые способны, болѣе или менѣе самостоятельно, обнаруживать приспособленіе внутреннихъ силъ къ внѣшнимъ условіямъ, называемое жизнью, — такъ и въ человѣческомъ организмѣ остается находить особи не-только въ каждомъ отдѣльномъ органѣ, но и въ каждой клѣточкѣ. А въ крови человѣка каждую секунду обращается до 60,000,000,000 клѣточекъ, изъ которыхъ каждая есть живой организмъ.

Если же *человѣческій организмъ* распадается на множество существъ, до нѣкоторой степени самостоятельныхъ, — то совершенно такое-же многоразличіе *Вундтъ*, *Вирховъ*, и вообще новѣйшіе психологи, находятъ и въ *сферѣ души*. Индивидуумъ распадается на большое множество отдѣльныхъ процессовъ, которые идутъ, до нѣко-

ротой степени, независимо другъ отъ друга. Всякое движеніе есть, прежде всего, самостоятельный актъ, существующій самъ по себѣ. Каждая область ощущенія есть психическая единица: вмѣстѣ съ нервными соединеніями и мышцами, съ которыми имѣетъ ближайшую рефлективную связь, она образуетъ одно цѣлое, совершающее простѣйшія психическія отправленія совершенно самостоятельно. А такъ-какъ человѣческій организмъ состоитъ изъ ряда системъ отправленій, каждая система обнимаетъ собою извѣстное число особыхъ органовъ, каждый органъ заключаетъ опредѣленное число тканей, каждая ткань состоитъ изъ клѣточекъ, а каждая клѣточка есть дѣятельная часть, въ каждой изъ нихъ бьется жизнь, каждое жизненное явленіе происходитъ изъ дѣятельности, содѣйствія, или противодѣйствія, или, наконецъ, бездѣйствія и уничтоженія извѣстной суммы клѣточекъ,—то оказывается, что каждая клѣточка есть такой-же правомѣрный участникъ въ ощущеніи и даже сознаніи, какъ и во всѣхъ прочихъ процессахъ жизни. «*Я*» философовъ, по *Вирхову*, есть слѣдствіе «*мы*» біологовъ; иначе сказать, единое *я* цѣлаго организма слагается изъ милліонныхъ, тусклыхъ, едва замѣтныхъ *я* каждой клѣточки. Сознаніе *я* оказывается субъективнымъ, но не объективнымъ, единствомъ. *Я*, по *Вундту*, принадлежитъ только цѣлому индивидууму, только совокупности всѣхъ частей. *Я* представляется, по *Вирхову*, какъ послѣдній, высшій результатъ жизни, какъ благороднѣйшій плодъ длинной цѣпи тѣсно связанныхъ процессовъ, составляющихъ исторію недѣлимаго *Я* лежитъ не внѣ физическихъ и духовныхъ процессовъ, которымъ оно обязано своимъ происхожденіемъ, — но есть совокупность всѣхъ этихъ процессовъ, — фокусъ, въ которомъ сливаются тысячи лучей нашего бытія. Получая множество ощущеній и воспріятій, индивидуумъ, по *Вундту*, распадается на такое-же число судящихъ и умозаключающихъ субъектовъ, которые, только съ появленіемъ сознанія, сливаются въ одинъ субъектъ, въ самосознательное *я*. Эта-же точка зрѣнія служила и для *Гегеля* въ его выводѣ бытія общечеловѣческаго *я*. Однимъ словомъ, по міросозерцанію *Вагнера*, всякій организмъ, въ одну сторону, есть органическая, интегрированная, цѣльная особь, а въ другую—есть не болѣе, какъ органическая часть или органъ. По *Спенсеру*, такъ-какъ жизнь начинается съ мелкихъ и простыхъ формъ, а изъ нихъ образуются и всѣ индивиды, — такъ-какъ переходы отъ этихъ первичныхъ единицъ къ организ-

мамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ единицъ, и къ высшимъ организмамъ, состоящимъ уже изъ группъ такихъ группъ, совершаются постепенно, — индивидуальности простѣйшаго порядка поглощаются болѣе сложными индивидуальностями, при чемъ невозможно опредѣлить, гдѣ кончаются низшія индивидуальности и начинаются высшія, —то соединенныя органическія формы являются намъ единичными существами только съ точки зрѣнія того видоваго понятія, которое мы выводимъ изъ сочетанія *особей элементарныхъ*, — только по недоразумѣнію относительно возникновенія понятій; особь вовсе не есть понятіе о дѣйствительномъ предметѣ, а просто субъективное представленіе, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія. Такъ, съ точки зрѣнія видоваго понятія о солнечной системѣ, эта система будетъ особью, по-отношенію же къ понятію о планетномъ тѣлѣ, будетъ аггрегаціей многихъ особей. И по *Вирхову*, индивидуумъ необходимо долженъ быть внутреннимъ множествомъ; слово — *индивидъ* вошло въ употребленіе гораздо раньше, чѣмъ получилось ясное представленіе о природѣ существъ, подразумѣваемыхъ подъ этимъ понятіемъ; понятіе о недѣлимомъ должно или прямо соединить съ клѣточкою, или-же вовсе исключить его изъ органическихъ отраслей естествознанія, вообще изъ употребленія, такъ-какъ этому понятію не оказывается соотвѣтствующаго предмета въ реальномъ бытіи. И не-только въ реальномъ бытіи, но и въ мышленіи, мы не можемъ, по *Вундту*, остановиться на какомъ-либо индивидуумѣ по тому, что опредѣленность даже научныхъ понятій бываетъ только относительная, — потому-что всякое индивидуальное представленіе становится общимъ, по-отношенію къ другимъ представленіямъ частнѣйшимъ,— потому-что всякій индивидъ мы можемъ раздѣлить на части, заключая, по извѣстному ряду признаковъ, даже о самостоятельности этихъ отдѣльныхъ частей, которыя потому и возводимъ на степень особенныхъ представленій.—И такое логическое дробленіе индивида производимъ до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до послѣднихъ, основныхъ, элементарныхъ, аналитическихъ сужденій, совпадающихъ съ первичными признаками ощущеній, которые, какъ доказано, не имѣютъ въ себѣ никакого, не-только реально-объективнаго, но и субъективнаго, мыслимаго, сознательнаго, содержанія. Здѣсь, въ концѣ концовъ, было бы чистое ничтожество, потому-что когда отъ тѣла, доступнаго чувствамъ, представленіе переходитъ къ его частямъ, — то здѣсь, по словамъ *Вундта*, уже не оказывается гра-

ницы аналитической дѣятельности представленія; и все превратилось бы въ ничтожество, еслибы только научная абстракція не провела границу разсудочному анализу, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ изъ явленій. Этотъ якорь спасенія всякаго бытія представляютъ въ себѣ *тѣлесный атомъ и частица эѳира*, на которые физикъ смотритъ, какъ на крайніе результаты дѣленія матеріи, которые, по *Вундту, суть послѣднія, самыя частныя, представленія. И Вирховъ* въ томъ-же атомѣ также видитъ послѣдній якорь спасенія бытія среди всеобщаго крушенія. По его словамъ, въ человѣческомъ тѣлѣ ежедневно смѣняются кровяныя тѣльца, какъ и въ каждомъ организмѣ смѣняются основныя клѣточки, съ тѣмъ, чтобы свѣжіе элементы могли снова начать дѣло своего собственнаго уничтоженія; и падающіе, такимъ образомъ, народы, смѣняющіяся дѣти людей и поколѣнія, всѣ отчаянно протягиваютъ изъ бездны самоуничтоженія свои руки, всѣ изъ пучины отчаянія кидаютъ прощальный взоръ надежды, — смѣшно сказать, — на атомъ, чтобы подчинить его себѣ, ухватиться за него, или даже хотябы усмотрѣть его... А онъ, вѣчно мелькая биллiонами точекъ блудячаго огня, тухнетъ въ томъ-же ничтожествѣ бытія, изъ котораго, опершись на него, силится вынырнуть ничтожество сознанія... Подобно *Вирхову, и Д. С. Миль*, хотя и разрушаетъ реальность всѣхъ нашихъ понятій, хотя и находитъ основу всякой реальности только въ нашемъ ощущеніи, ища и не находя сущностей предметовъ,—однакожъ не отрицаетъ, что если какая-либо сущность вещей и существуетъ, то она почти тожественна съ частичнымъ ихъ строеніемъ; иначе сказать, опора всякаго существованія есть тотъ-же атомъ, который, и по *Вирхову*, есть основное, даже единственное бытіе, и по *Вундту*, есть послѣднее, самое частное, уже болѣе недѣлимое, представленіе.

ГЛАВА XXXVI.

Но, увы, и *атомъ вдвойнѣ дробится на части, какъ и бытіе, и представленіе.* Чтобы представить себѣ это положеніе въ возможно-наглядномъ видѣ, соберемъ здѣсь результаты вышеизложеннаго изслѣдованія нашего о бытіи атомовъ.

Сущность атомистическаго ученія, какъ мы видѣли, состоитъ въ

томъ, что вещество предполагается состоящимъ изъ совокупности безконечно малыхъ недѣлимыхъ частей, — атомовъ, которые не могутъ не-только дѣлиться, но и вообще измѣняться въ своей формѣ и свойствахъ, такъ-какъ всякое измѣненіе въ атомѣ предполагало бы въ немъ отсутствіе абсолютной простоты, проницаемость, частичность, а слѣд., и дѣлимость. Предполагается, что формы и свойства существъ опредѣляются только движеніемъ атомовъ въ пространствѣ, а явленія понимаются какъ перемѣна въ движеніи и взаимномъ положеніи атомовъ,—при чемъ всѣ частичныя явленія, совершающіяся на безконечно-малыхъ растояніяхъ, суть только механическія, такъ-какъ атомы предполагаются абсолютно простыми и неизмѣнными. Но атомъ, безконечно малую частицу вещества, съ приписываемыми ей абсолютно-неизмѣнными свойствами, въ опытѣ получить нельзя.

По *Бюхнеру*, къ какому бы протяженію матеріи мы ни обратились, къ самому ли большему, или самому меньшему, мы никогда не найдемъ конца или послѣдней матеріальной формы, что доказывается, съ одной стороны, телескопическими, а съ другой — микроскопическими и спектроскопическими наблюденіями. Дедукція же отъ наблюденія надъ тѣлами и строеніемъ ихъ опровергаетъ бытіе атомовъ. Какъ ни желательно химіи полагать, будто вся совокупность химическихъ знаній нашего времени заставляетъ допускать коренное различіе и непзмѣнность ихъ свойствъ и, по дедукціи, непзмѣнность самыхъ атомовъ,—однакожъ экспериментальныя наблюденія доказываютъ противное. Хотя въ настоящее время химія и должна отказаться отъ увѣренности въ сложности простыхъ тѣлъ, однакожъ такую сложность нельзя ни допускать, ни отрицать, по недостатку данныхъ; равно-какъ, и обратно, не должно думать, что элементарныя тѣла совершенно разнородны и никакой сопзмѣримости не имѣютъ. Даже приходится сдѣлать шагъ далѣе. Чистое элементарное тѣло есть не иное что, какъ отвлеченное понятіе; ни одного чистаго элементарнаго тѣла въ опытѣ получить нельзя, — ни углерода, ни кислорода, ни водорода; въ опытѣ получается только измѣненіе элементарныхъ тѣлъ. И еще шагъ далѣе и глубже. Природа элементарнаго тѣла, какъ оно получается въ опытѣ, не рѣдко измѣняется безъ измѣненія его состава: это превращеніе называется изомеріей. При изомеріи, тѣла претерпѣваютъ измѣненіе въ цвѣтѣ, въ полярности (въ-отношеніи къ дѣйствію электричества), въ степеняхъ температуры, переходятъ изъ газообразныхъ состояній въ состоянія

жидкія и твердыя, — пріобрѣтаютъ то кристаллическую форму, то аморфное строеніе; въ кристаллической формѣ являются диморфными и даже триморфными,—вообще претерпѣваютъ глубокія и рѣзкія измѣненія не-только въ физическихъ, но и въ химическихъ свойствахъ. По геологу *Моргу*, этотъ, такъ-называемый, *диморфизмъ* и *триморфизмъ* не можетъ быть согласованъ съ понятіемъ о коренной неизмѣнной формѣ молекулъ. Отсюда слѣдуетъ, что воззрѣніе на изоморфизмъ, основанное на одинаковомъ видѣ и на одинаковомъ объемѣ элементовъ и соединеній, въ самомъ существѣ своемъ ложно. Такія измѣненія въ элементахъ происходятъ отъ дѣятелей невѣсомыхъ: отъ тепла, гальванизма, электричества и свѣта. Какое же непосредственное дѣйствіе эти дѣятели производятъ въ элементахъ? Вліяніемъ невѣсомыхъ силъ производится въ элементарныхъ тѣлахъ различіе не-только въ физическомъ строеніи, т. е. въ распредѣленіи молекулъ въ тѣлѣ, но даже несомнѣнное видоизмѣненіе и внутри частицъ, молекулъ. Понятіе сложности, дѣлимости, измѣняемости входитъ въ самое понятіе молекулы. Химія заставляетъ предполагать непреложное существованіе такихъ частицъ, молекулъ,—атомныхъ группъ, имѣющихъ извѣстную форму постоянства, хотя и измѣняемыхъ. Въ нынѣшнемъ видѣ атомистическая теорія, по *С. В. Томсону*, допускаетъ существованіе *химическаго атома, который самъ по себѣ есть уже сложный маленькій міръ*, и не соглашается съ тѣми, которые приписывали атому способность занимать пространство *съ безконечною твердостію, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ.*

При дознанной дѣлимости молекулъ, подтверждается ли эмпирическими наблюденіями недѣлимость и неизмѣняемость самыхъ атомовъ, изъ которыхъ составляются молекулы? Нѣтъ. Эмпирическія наблюденія разбиваютъ эту гипотезу, шагъ за шагомъ. Эмпирическія наблюденія показываютъ, что хотя вещество атомовъ простыхъ тѣлъ и одинаково, но атомы могутъ быть и не одинаковы. *Дальтоновъ* законъ кратныхъ отношеній, предѣльной атомности и эквивалентности, допускаетъ такъ много исключеній, что едвали даже можетъ считаться общимъ правиломъ. Оказалось, что вообще устанавлять атомность элемента, опредѣлять количество сродствъ, которыми онъ обладаетъ, не-только невозможно, но, вѣроятно, и совершенно ошибочно. Кромѣ опредѣленныхъ химическихъ соединеній, по закону *Дальтона*, существуетъ, вопреки этому закону, рядъ другихъ химическихъ явленій, именно соединенія тѣлъ въ неопредѣ-

ленныхъ отношеніяхъ, измѣненіе атомности, измѣненіе въ величинѣ атомнаго вѣса, періодическая повторяемость и качественныхъ, и количественныхъ признаковъ, согласная съ постояннымъ возрастаніемъ атомнаго вѣса. Этотъ выводъ, при знакомствѣ съ химіею, невольно склоняетъ къ предположенію, *что атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, образованныя сложеніемъ нѣкоторыхъ еще меньшихъ частей (ультиматовъ),—что называемое нами недѣлимымъ (атомъ) недѣлимо только обычными химическими силами*, какъ молекулы недѣлимы, въ обычныхъ условіяхъ, физическими силами. Эта періодическая повторяемость свойствъ можетъ быть объясняема только въ-смыслѣ динамическаго представленія. Приходится допустить въ водѣ и другихъ насыщенныхъ соединеніяхъ свободныя сродства; а это значитъ разрушить всѣ представленія объ атомности. И дѣйствительно, число сродствъ элемента можетъ сильно мѣняться; измѣнчивость же числа сродствъ показываетъ, что это число не составляетъ кореннаго свойства атомовъ. Вообще понятіе объ атомности шатко и неопредѣленно; атомность можетъ мѣняться въ извѣстныхъ предѣлахъ, или даже безпредѣльно. Отсюда слѣдуетъ, что хотя атомность атомовъ вообще принято предполагать неизмѣнною, такъ-какъ предполагается, что въ матеріи, доведенной до неизмѣнной простоты элемента, должно допускать только прочныя, постоянныя свойства, — однакожъ химическій опытъ вынуждаетъ признать измѣнчивость не-только молекулъ, но и атомовъ: химическія наблюденія до сихъ поръ не открыли въ нихъ ни одного кореннаго, неизмѣннаго свойства. Наблюденіе надъ химическими процессами ведетъ даже къ признанію того, что химическія явленія сопровождаются полнымъ измѣненіемъ природы тѣлъ, такъ-что трудно рѣшить даже, существуетъ ли граница для разнородныхъ химическихъ превращеній, или онѣ безграничны. Химикъ видитъ, на каждомъ шагу, что не всѣ возможныя превращенія совершаются по закону вѣчности силъ и матеріи. Во всѣхъ случаяхъ химическаго соединенія, составныя части никогда не входятъ со всѣми своими свойствами; напротивъ того, составная часть теряетъ часть своего существованія, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ была. Поэтому догадываются, что простыя тѣла суть только изомерныя видоизмѣненія другъ друга. По извѣстной гипотезѣ *Прута*, всѣ элементы, при всемъ своемъ матеріальномъ различіи, образованы одною матеріею, различнымъ образомъ сгущенною или сгруппированною въ постоянныя, неразрушающіяся въ нашихъ условіяхъ,

группы, которыя мы называемъ атомами простыхъ тѣлъ; — существуетъ какая-то матерія, изъ которой составлены водородъ и всѣ простыя тѣла; всѣ простыя тѣла сложны. Эту гипотезу нельзя, положимъ, подтвердить, но нельзя и отвергнуть, по недостатку данныхъ. Впрочемъ, и обратное заключеніе о коренной разнородности простыхъ тѣлъ нѣтъ возможности чѣмъ-либо подтвердить. Вообще же, по самоновѣйшему приговору химіи, атомическая гипотеза не-только не доказана, но даже опровергнута, какъ ложная въ самомъ существѣ своемъ. Если же она и до сихъ поръ еще принимается въ химіи, то только какъ пріемъ для легчайшаго рѣшенія химическихъ задачъ, подобный пріему, по которому математикъ разбиваетъ сплошную кривую линію на множество прямыхъ, для легчайшаго рѣшенія задачъ математическихъ.

Съ философской точки зрѣнія, бытіе атомовъ оказывается столько-же невѣроятнымъ, какъ и съ естествознательной. Гипотеза *Ньютона*, заключающая отъ недѣлимости частицъ, атомовъ, къ тому, что они образуютъ, во всѣ времена, тѣла одинаковаго свойства, и обратно, — отъ того, что природа вещей, зависящая отъ атомовъ, не измѣняется, заключающая къ тому, что, значитъ, атомы не раздробляются, — эта гипотеза оказывается несостоятельною, такъ-какъ свойства и строеніе вещей, на пространствѣ вѣковъ, измѣнялись и многократно, и глубоко. Утвержденіе *физика Біо*, что на земномъ шарѣ частицы не распадаются, не измѣняются, не превращаются другъ въ друга, невѣрно по тому, что, по увѣренію новѣйшей химіи, природа даже простаго тѣла можетъ измѣняться, безъ измѣненія его состава; видоизмѣненіе внутри молекулъ не сомнѣнно. Химія невольно приходитъ къ заключенію, что даже атомы простыхъ тѣлъ суть сложныя существа, и вынуждается, позади атомовъ, искать еще какихъ-то ультиматовъ; свойства же атомовъ несомнѣнно измѣнчивы. По мнѣнію философа *Ульрици*, атомы не могутъ ни оказывать какое-либо дѣйствіе ни претерпѣвать какое-либо вліяніе такъ, что-бы не измѣниться. Теорія *Ньютона*, по которой атомы, не соприкасаясь другъ съ другомъ, дѣйствуютъ другъ на друга посредствомъ силы притяженія и отталкиванія, измѣняющейся пропорціонально квадратамъ разстоянія, ничего не объясняетъ по тому, что притяженіе и отталкиваніе, въ данномъ пунктѣ, въ данный моментъ, должны бы уравновѣситься, и масса матеріи потеряла бы способность какъ расширяться, такъ и сжиматься, вслѣдствіе чего и осталась бы въ неподвижномъ покоѣ. Нимало не

поддерживаетъ атомической теоріи и придуманный *Ньютономъ* эѳиръ, потому-что хотя и вѣрно, что тѣла не могутъ дѣйствовать одно на другое чрезъ пустоту,-природа дѣйствительно не терпитъ абсолютной пустоты,—однакожъ новѣйшая химія, физика и астрономія доказываютъ, что вездѣ въ небесномъ пространствѣ распространенъ просто воздухъ, по крайней мѣрѣ, распространена какая-то разрѣженная материя, — что для возможности прямолинейнаго распространенія свѣта и теплоты, даже для передачи тяготѣнія между небесными тѣлами, должно существовать вѣсомое вещество. Если же и допустимъ существованіе эѳира, то все-же необходимо мыслить его состоящимъ изъ атомовъ, безконечно-малыхъ, правда, въ-сравненіи съ атомами обыкновенной матеріи, но все-таки атомовъ. По *Грове, Вирхову, Ульрици, Г. Спенсеру, Бюхнеру, Фридриху Мору*, атомистическая теорія есть предположеніе, опирающееся не на опытныя, а на метафизическія основанія. По словамъ *Ульрици*, того, какимъ образомъ дѣлимость вещества образуется въ послѣдней инстанціи, не могутъ рѣшить ни физика, ни химія и обращаются, въ этомъ случаѣ, къ философіи. Между-тѣмъ, по *Страхову, В. Томсону, Г. Спенсеру, Ульрици*, опираясь на метафизическія основанія, атомистическая теорія противорѣчитъ другимъ основоположеніямъ нашего ума. Понятія: матерія и атомъ совершенно противоположны, такъ-что одно всегда служитъ отрицаніемъ другаго, такъ-какъ, по атомистической теоріи, осязаемое въ природѣ состоитъ изъ неосязаемаго, само въ себѣ есть нѣчто не осязаемое,—воспринимаемое—нѣчто въ себѣ не воспринимаемое,—являющееся—нѣчто не являющееся,—дѣлимое—нѣчто въ себѣ не дѣлимое,—чувственное—существенно нечувственное или сверхъчувственное. Теорія *Либиха*, который, не отвергая безконечной дѣлимости вещества, считаетъ атомъ группою гораздо меньшихъ частицъ, соединенныхъ какими—то силами, болѣе крѣпкими, чѣмъ всѣ силы, какія на земномъ шарѣ можно бы употребить для ихъ раздѣленія, — эта теорія не можетъ быть допущена по тому, что, по *Спенсеру*, невозможно вообразить стороны атома столь близкими между собою, чтобы нельзя было представить между ними плоскости дѣленія. Физическій атомъ *Либиха* есть тоже, что химическій атомъ *С. В. Томсона*,—атомъ, который самъ по себѣ есть уже сложный міръ, неспособный занимать пространство съ безконечною твердостью и силою, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. *Фехнеръ* думаетъ, что атомы суть простыя бытія, не имѣющія протяженія, од-

накожъ занимающія мѣсто, отъ чего, вслѣдствіе существующаго между ними разстоянія, состоящія изъ нихъ системы имѣютъ протяженіе. Но по *Ульрици*, непротяженное, т. е. отрицаніе, нуль протяженности, которое, однакожъ, было бы въ протяженности, было бы очевиднымъ противорѣчіемъ. Если же, по *Фехнеру*, атомы наполняютъ пространство не сами собою, какъ простыя бытія, но движеніемъ своимъ, то *Ульрици* возражаетъ, что движеніе атомовъ, какъ простыхъ точекъ, не можетъ, ни подъ какимъ видомъ, наполнять пространство, такъ-какъ намѣчаемыя ими линіи не суть что-либо реальное. По мнѣнію *Босковича*, конечными элементами матеріи будутъ недѣлимые и непротяженные пункты, одаренные притяженіемъ и отталкиваніемъ; но, по *Д. С. Миллю и Г. Спенсеру*, эта теорія и не мыслима, и ведетъ къ сомнѣнію въ существованіи. *Ульрици* стоитъ за недѣлимость атомовъ въ нѣкоторомъ особенномъ смыслѣ: онъ полагаетъ, что атомы, какъ простыя количества, дѣлимы до безконечности, но качественность ихъ дѣлаетъ невозможною эту, только повидимому возможную дѣлимость до безконечности. Да даже, какъ чистыя протяженности, атомы не могутъ быть дѣлимы безъ конца. Иначе сказать,—если уже существуетъ протяженное, то должно принять и продолженіе существованія его до безконечности, такъ-какъ, при продолженіи дѣленія въ безконечность, никогда не могутъ уничтожиться всякія части протяженнаго, всякая протяженность. Собственная же теорія *Ульрици*, по которой недѣлимый атомъ можно понимать единственно только какъ центръ многихъ силъ, концентрируемыхъ единою субстанціальною силою,—центръ, окруженный периферіею дѣйствій, способный однѣ силы терять, другія пріобрѣтать и вообще измѣняться и даже усовершаться,—эта теорія, переходя въ монадологію *Лейбница*, заходитъ уже за предѣлы всякой позитивной дедукціи, въ область фантазіи. Согласно съ г. Спенсеромъ, и *Д. С. Миллъ* допускаетъ возможность увеличивать, посредствомъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ инструментовъ, минимумъ видимости безъ конца,—допускаетъ даже безконечную дѣлимость всякой конкретной реальности, всякой протяженности пространства, или продолженія времени. Теорія *С. В. Гамильтона* и самаго *Д. С. Милля* о различіи первичныхъ качествъ вещества отъ вторичныхъ и существенно-отличномъ отношеніи первыхъ къ нашему чувству отъ вторыхъ не выдерживаетъ критики, повѣрки теоріи физическими, физіологическими и психологическими фактами. Физика и химія низводятъ до

несуществованія въ основѣ вещества не-только такъ-называемыя вторичныя, но и самыя первичныя качества вещества, какова, напр., непроницаемость. «Всѣ явленія природы»,— читаемъ въ популярныхъ лекціяхъ *Джона Тиндаля*,—«имѣютъ единственною причиною взаимодѣйствіе между центрами силъ или *динамическихъ атомовъ*; требованіе, чтобы сущностью матеріи были абсолютное протяженіе и абсолютная непроницаемость, не подтверждается ни разсужденіемъ, ни фактами, и даже противорѣчитъ фактамъ». По словамъ *С. В. Томсона*, мы не должны смотрѣть на атомъ, какъ на мистическій пунктъ, одаренный инерціей и свойствомъ притягивать и отталкивать другіе подобные центры, одаренный способностью занимать пространство съ безконечною твердостью и силою, невѣроятною ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. По *Вундту и Карпентеру*, самое первичное свойство матеріи, *непроницаемость*, мы узнаемъ только чрезъ умозаключеніе, чрезъ совмѣстное посредничество чувства осязанія, мышечной силы и внутренняго ощущенія усилія, какое мы дѣлаемъ для того, чтобы вмѣстить нашу руку въ данное тѣло. Если, по словамъ *Карпентера*, физики и физіологи согласны между собою, что *цвѣтъ* не существуетъ, какъ цвѣтъ, въ самомъ предметѣ,—то *Вундтъ* говоритъ, что еще неизвѣстно, имѣетъ ли тѣло на самомъ дѣлѣ *протяженность*, причина которой несомнѣнно скрывается въ воззрѣніи.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, бытіе атомовъ не рѣшаются признать не-только противники атомизма, въ-родѣ *С. В. Томсона*, который признаетъ свойство сложности неотъемлемо принадлежащимъ самому понятію—*атомъ*,—но и *Д. С. Миллъ*, который, хотя и считаетъ «достаточнымъ для указанія истинной сущности предметовъ замѣтить, что съ развитіемъ естественныхъ наукъ сущность предметовъ, именно тѣлъ, *стала пониматься* тождественною съ ихъ частичнымъ строеніемъ», однакожъ бытіе или небытіе атомовъ онъ относитъ къ области непознаваемаго. Психологъ *Вундтъ* провозглашаетъ «и тѣлесный атомъ, и частицу эѳира послѣдними, самыми частными представленіями», обязанными своимъ бытіемъ «научной абстракціи, которая провела границу для ума, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ отъ явленій». Равнымъ образомъ, и у новѣйшаго атомиста, *Ульрици*, физическій атомъ превратился въ психическую монаду *Лейбница*,—и самъ *Вирховъ*, который надѣется, что человѣческое сознаніе, болѣе и болѣе просвѣщаясь, когда-либо подчинитъ себѣ атомъ, сознается, что «понятіе объ атомѣ,

какъ о послѣдней мыслимой части, не выведено изъ непосредственнаго опыта: атомъ есть единица только мысленная, противоположность индивиду, единицѣ дѣйствительной». Вообще же положеніе, что человѣкъ никогда не подчинитъ себѣ атома, не схватитъ его рукою, не усмотритъ глазомъ, не осуществитъ для себя умомъ, несомнѣнно столько-же, сколько непреложны математическія аксіомы, что всякая данная величина можетъ дѣлиться до безконечности, а раздѣленная на безконечность $\left(\frac{1}{\infty}=0\right)$ равняется нулю.

ГЛАВА XXXVII.

Далѣе остается сдѣлать одинъ только шагъ въ томъ-же направленіи, — только одинъ, по тому, что далѣе идти будетъ уже некуда именно, разъяснить, что и *матерія, съ разсудочно-аналитической точки зрѣнія, не существуетъ*, не существуетъ именно какъ *суррогатъ внѣшне — чувственныхъ впечатлѣній*, потому-что *ни одно внѣшне-чувственное свойство матеріи, не-только вторичное, но и первичное, не имѣетъ реальнаго бытія въ объектѣ*. Этотъ выводъ, уже болѣе, чѣмъ ясно, вытекаетъ изъ всего предыдущаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе нѣсколько подробное разсмотрѣніе постановки его въ изслѣдованіяхъ самоновѣйшихъ научныхъ авторитетовъ прольетъ еще болѣе свѣта на преслѣдуемый нами выводъ относительно *фальшивости познавательнаго критерія истины, полагаемаго исключительно въ свидѣтельствѣ внѣшняго чувства.*

Разсмотрѣнію нашему теперь предлежитъ вопросъ: *какими чувственными признаками опредѣляется принадлежность предмета къ числу матеріальныхъ вещей?*

Обратимся сначала къ воззрѣнію на этотъ предметъ *Д. С. Милля*. «При нашемъ настоящемъ устройствѣ», — пишетъ онъ [1]), — «наши ощущенія обонянія, вкуса слуха и зрѣнія, сгруппированы вмѣстѣ не непосредственно, но чрезъ связь, которую онѣ всѣ имѣютъ, по законамъ сосуществованія или причинной связи, съ ощущеніями, относимыми къ чувству осязанія и къ чувству мускульному, — съ тѣми именно ощущеніями, которыя отвѣчаютъ терминамъ: сопротивленіе, протяженіе и фигура (первичнымъ качествамъ вещества). Поэтому, эти послѣднія ощущенія становятся руководящими и выдающимися элементами во всѣхъ группахъ. *Тамъ, гдѣ*

---

[1]) *Д. С. Милля*, Обзоръ философіи *С. В. Гамильтона*. Перев. *Хмѣльницкаго*. С.-Петербургъ, 1869 года.

есть эти ощущенія, тамъ есть и группа (вещественный предметъ). Постоянныя возможности ощущеній осязанія и мускульнаго чувства, образуютъ нѣкоторую группу внутри группы,—родъ внутренняго зерна, или сердцевины, представляющейся чѣмъ-то болѣе фундаментальнымъ, чѣмъ остальное, отъ чего какъ-бы зависятъ всѣ другія ощущенія, входящія въ группу. Эти-же послѣднія разсматриваются, съ одной точки зрѣнія, какъ дѣйствія, которыхъ то зерно есть причина, а съ другой, какъ аттрибуты, которыхъ оно есть субстратъ или субстанція. Такимъ образомъ, наше понятіе вещества, въ концѣ концовъ, является состоящимъ *изъ сопротивленія, протяженія и фигуры*, вмѣстѣ съ разными силами возбужденія другихъ ощущеній. *Эти три аттрибута становятся его существенными ингредіентами,—и тамъ, гдѣ ихъ не находится, мы колеблемся придать названіе вещества».—Д. С. Миллю* очень хорошо извѣстно, что нѣкоторымъ, безспорно вещественнымъ, предметамъ, каковы многіе газы, трудно приписать фигуру,—а съ другими чувственными явленіями, наприм., съ ощущеніями свѣта, тепла, электричества, трудно связать качества не-только фигуры, но и протяженія, да даже и сопротивленія. Какъ-же тутъ быть? Должно ли относить эти ощущенія и соотвѣтствующіе имъ предметы къ числу предметовъ именно вещественныхъ? Выдти изъ этого затрудненія *Д. С. Миллъ* думаетъ слѣдующимъ умствованіемъ: «изъ упомянутыхъ свойствъ [1]), сопротивленія, протяженія и фигуры, которыя оказываюгся первичными качествами вещества, *самое фундаментальное есть сопротивленіе*, какъ это утверждено многочисленными научными спорами. Когда возникаетъ вопросъ: есть ли то нѣчто, что вліяетъ на наши чувства нѣкоторымъ особымъ путемъ, какъ, наприм., теплота, или свѣтъ, или электричество, вещество или нѣтъ,—то при этомъ, кажется, всегда подразумѣвается, *не представляетъ ли это нѣчто хотя бы самое незначительное сопротивленіе движенію?* Это сопротивленіе, которое есть только другое названіе *ощущенія нашей мускулярной структуры*, сопряженнаго съ ощущеніемъ осязанія, указывается многими философами и едвали можетъ подлежать какому-либо дальнѣйшему сомнѣнію. *Чувство сопротивленія или задержаннаго мышечнаго движенія есть фундаментальный элементъ въ понятіи вещества.* Но, одновременно съ чувствованіемъ сопротивленія, мы имѣемъ также чувствованія *осязанія*, порожденныя пассивнымъ *соприкосновеніемъ* съ тѣлами, безъ мышечнаго дѣйствія. Всякій разъ, какъ мы чувствуемъ сопротивленіе, мы чувствовали сначала прикосновеніе; всякій разъ, какъ мы чувствуемъ прикосновеніе, мы знаемъ, что если станемъ проявлять мышечное дѣйствіе, то почувствуемъ большее или меньшее сопротивленіе; а такъ-какъ и всѣ наши другія ощущенія связаны на самомъ дѣлѣ съ постоянными возможностями сопротивленія,—то *наша идея вещества, какъ нѣкоторой сопротивляющейся причины смѣшанныхъ ощущеній, теперь уже составлена.* Ощущенія осязанія стали *представителями* ощущеній сопротивленія, съ которыми они обыкновенно сосуществуютъ». *Д. С. Миллю* здѣсь представлялись слѣдующія возраженія: пусть теплота можетъ быть въ извѣстномъ смыслѣ и осязаема и можетъ оказывать особаго рода сопротивленіе,—пусть и электричество можетъ производить извѣстнаго рода сопротивленіе; но вопросъ въ томъ: можетъ ли быть электричество осязаемо,

---

[1]) Стр. 206—207.

а свѣтъ можетъ ли не-только дѣйствовать на осязаніе, но и производить сопротивленіе какого-либо рода? Это затрудненіе *Д. С. Милль* думаетъ разрѣшить только слѣдующимъ двусмысленнымъ замѣчаніемъ: «ощущенія осязанія стали представителями ощущеній сопротивленія, точно такъ, какъ, по указаніямъ философовъ, *ощущенія различныхъ цвѣтовыхъ тѣней*, доставляемыя нашимъ чувствомъ зрѣнія, и *мышечныя ощущенія*, сопровождающія движенія глаза, *становятся представителями ощущеній осязанія и передвиженія мышцъ*, въ которыхъ заключается [1]) единственное реальное значеніе того, что мы называемъ разстояніемъ какого-либо тѣла отъ насъ». Возраженіе, очевидно, не разъяснено; даже не то, что не разъяснено, а нарочно затемнено. *Д. С. Милль* какъ-будто хочетъ сказать, что осязаніе, мышечное ощущеніе и зрѣніе не-только родственны, но и тождественны. Однакожъ, если въ этотъ предметъ углубиться, съ точки зрѣнія физіологической и особенно психологической,—то это еще вопросъ: тождественны ли между собою мышечное ощущеніе задержаннаго движенія, сопротивленіе и осязательное ощущеніе прикосновенія (наприм., луча лучистой теплоты) съ зрительнымъ ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ? Въ психологическомъ смыслѣ, эти три ощущенія совершенно различны, и различны не въ степени только, а въ родѣ и качествѣ. Кромѣ того, считая сопротивленіе фундаментальнымъ признакомъ вещественности, *Д. С. Милль* провозглашаетъ качество сопротивленія тождественнымъ съ непроницаемостью. «Дѣлается»,—пишетъ онъ [2]),—«нѣкоторое различеніе между двумя видами сопротивленія, или скорѣе,—между двумя смыслами этого слова: однимъ тѣмъ, который есть нѣкоторое ощущеніе нашей мышечной ткани, и другимъ—свойствомъ вещества, которое называется *непроницаемостью, по которому вещество хотя и способно быть сжатымъ въ нькоторое меньшее прежде занимаемаго имъ пространство, но отказывается утратить все свое протяженіе и быть совсѣмъ вытѣсненнымъ изъ пространства.* Но оба эти вида»,—утверждаетъ *Д. С. Милль*,—«суть не болѣе какъ только два способа разсматриванія и называнія одного и того-же состоянія сознанія,—потому-что если-бы тѣло могло быть вполнѣ вытѣсненнымъ изъ пространства, то единственнымъ путемъ, по которому мы открыли бы, чтотѣло исчезло, было бы внезапное прекращеніе всякаго ощущенія сопротивленія. Всегда только мышечное ощущеніе установляетъ присутствіе, а отрицаніе его—отсутствіе тѣла въ какой-либо данной части пространства». Къ той-же серіи ощущеній *Д. С. Милль* относитъ и частичность тѣлъ [3]), въ которой, по словамъ его, современная наука указываетъ послѣднюю *сущность вещей.* Итакъ, по *Миллю*, выходитъ, что ощущенія частичности и непроницаемости тѣлъ тождественны съ мышечнымъ ощущеніемъ сопротивленія, а это послѣднее, ощущеніе сопротивленія, родственно до тождественности, даже тождественно не-только съ осязательнымъ ощущеніемъ прикосновенія, но и съ зрительнымъ ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ. Такимъ образомъ, оказывается, что увлеченіе теоріею заставляетъ *Д. С. Милля* утверждать очевидныя несообразности. Тождественны ли эти ощущенія въ субъективномъ, психологическомъ смыслѣ? Мы уже сказали и повторяемъ, что въ психологическомъ, субъективномъ смыслѣ, эти ощущенія разнородны не въ степени только, а въ ка-

---

[1]) 209. [2]) 209. [3]) 216.

чествѣ. Но, быть можетъ, они тождественны въ смыслѣ объективномъ? — Нѣтъ здѣсь разнородность ихъ выглядываетъ еще рѣзче. Все частичное, безусловно, или, при извѣстныхъ условіяхъ, способно производить ощущенія непроницаемости, сопротивленія, прикосновенія, напряженности электричества, температуры и свѣта; но далеко нельзя также смѣло утверждать на-оборотъ,—что все, что свѣтитъ, грѣетъ и электризуетъ, то способно производить ощущенія не-только прикосновенія, но и сопротивленія, то, наконецъ, непремѣнно и частично. Можно ли смѣло утверждать, что электричество частично, что тепло частично и непроницаемо («способно быть сжатымъ въ меньшее прежде занимаемаго имъ пространство, но отказывается утратить все свое протяженіе»),—что свѣтъ способенъ производить осязательное ощущеніе прикосновенія, непроницаемъ и частиченъ? Нетождественность зрительныхъ свѣтовыхъ ощущеній съ ощущеніями прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости и частичности слишкомъ хорошо извѣстна самому *Д. С. Миллю*. «Относительно цвѣтовъ»,—пишетъ онъ въ Логикѣ [1]),—«есть сильныя положительныя указанія, что *они не первоначальныя свойства вещества различнаго рода и зависятъ отъ условій, въ которыя можно поставить всѣ вещества*; нѣтъ вещества, которое брошеннымъ на него, тѣмъ или другимъ, родомъ свѣта, нельзя было бы заставить принять произвольный цвѣтъ. Почти каждое измѣненіе въ образѣ соединенія частицъ тогоже самаго вещества сопровождается измѣненіями въ его цвѣтѣ и вообще въ его оптическихъ свойствахъ».—Итакъ, цвѣта не первоначальное свойство веществъ, тогда-какъ, наоборотъ, сопротивленіе и непроницаемость, по *Миллю*, суть первоначальныя свойства веществъ. Отсюда слѣдовало бы вывести двойное заключеніе: или свѣтовыя ощущенія не тождественны съ мышечно-осязательными ощущеніями прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости и частичности,—или частичность, непроницаемость и сопротивленіе точно также не суть первоначальныя свойства вещества, какъ и цвѣта.

Вслѣдствіе такихъ-то qui pro quo, неизбѣжныхъ въ самой крайней глубинѣ нашего сознанія, и ведутся нескончаемыя пререканія въ наукѣ какъ о характерныхъ признакахъ вещества, такъ и о томъ, можно ли назвать свѣтъ, теплоту и электричество веществами? Пререканія эти, конечно, весьма извѣстны *Д. С. Миллю*. — «*Узель* утверждаетъ», — пишетъ *Д. С. Миль* въ своей Логикѣ [2]),— «противъ *В. Гамильтона*, что *всякая матерія обладаетъ вѣсомъ*. Доказывая противное, *Гамильтонъ* привелъ *свѣтоносный эѳиръ и теплородную и электрическую жидкости*, которыя, говоритъ онъ, мы *не можемъ ни лишить характера вещества, ни облечь свойствомъ тяжести*. На это, продолжаетъ *Узель*, я отвѣчаю, что, именно *вслѣдствіе невозможности облечь этихъ дѣятелей свойствомъ тяжести, я и лишаю ихъ характера вещества: они не вещества, а дѣятели; названіе означенныхъ невѣсомыхъ дѣятелей невѣсомыми жидкостями несоотвѣтственно*». Такъ думаетъ *Узель*; но какъ-же думаетъ самъ *Д. С. Миль*? Самъ онъ полагаетъ, что эти дѣятели не иное что, какъ вещества. — «Но если», — продолжаетъ онъ тамъ-же, — «*свѣтоносный эѳиръ—не вещество, и притомъ — не вещество жидкое*, то какъ понимать его волнообразное движеніе? Можетъ ли существовать *попеременное поступательное, возвратное*

---

[1]) 11, 8. [2]) 11, 25.

движеніе частицъ дѣятеля? И не признаетъ ли ихъ вещественными вся математическая теорія волнообразнаго движенія? Не есть ли она рядъ выводовъ изъ извѣстныхъ свойствъ упругихъ жидкостей? Всякій долженъ допустить предположеніе, что передача свѣта слѣдуетъ законамъ, представляющимъ поразительное и замѣчательное согласіе съ законами волнообразныхъ движеній».— Казалось бы, конечно, какъ и самъ *Миллъ допускаетъ и полагаетъ, что и всякій долженъ допустить* предположеніе, что «передача свѣта слѣдуетъ законамъ, представляющимъ поразительное и замѣчательное согласіе съ законами волнообразныхъ движеній«, — что «свѣтоносный эѳиръ есть не иное что, какъ вещество и именно жидкое вещество»,—что между «частицами его существуетъ поперемѣнное поступательное и возвратное движеніе», — что «вещественными признаетъ ихъ вся математическая теорія волнообразнаго движенія»,—теорія именно математическая, слѣд., наиболѣе непреложная, аксіоматическая? Слѣдовательно, нечего и думать спорить противъ того, что эѳиръ существуетъ, что свѣтъ есть вещество:—это непреложная истина? Ничего не бывало: это *ошибка*, не болѣе,— *ошибка*, по словамъ самаго *Д. С. Милля!* Въ той-же Логикѣ, нѣсколько выше [1]), самъ-же онъ пишетъ: «*дѣйствительная ошибка* прежнихъ попытокъ объяснить цвѣта *колебаніями жидкости* состоитъ не въ томъ, чтобы сама попытка противорѣчила философіи, но въ томъ, *что существованіе жидкости и фактъ ея колебательнаго движенія не доказаны, а предположены единственно на-основаніи легкости,* съ которою, какъ *думаютъ*» (другіе думаютъ, а не самъ—*Миллъ*), «объясняются ими явленія». Итакъ, оказывается, по словамъ самого-же *Милля*, что математика тутъ, — въ подтвержденіи волнообразныхъ движеній свѣтовой жидкости, — ни при чемъ; это только легкое предположеніе. Оказывается, что существованіе свѣтовой жидкости и фактъ ея колебальнаго движенія не доказаны; оказывается, что попытка объяснять свѣтовыя явленія колебаніями свѣтовой жидкости есть *ошибка!* Свѣтъ вовсе не жидкость! И такъ суемудрствуетъ пресловутый учитель всей Европы и всего цивилизованнаго свѣта! Даже больше того: существованіе свѣтоноснаго эѳира есть суетный плодъ не ошибки только, а предразсудка, или даже природной слабости ума человѣческаго; на самомъ же дѣлѣ этого эѳира вовсе нѣтъ. «*Естественный предразсудокъ и природная слабость ума человѣческаго не позволили Ньютону* допустить возможность его закона тяготѣнія, *не предположивъ какого-то эѳира, наполняющаго промежуточныя пространства и служащаго проводникомъ притягательной силы*».—Это пишетъ опять онъ-же самъ, *Д. С. Миллъ*, въ сочиненіи своемъ: *Огюстъ Контъ и позитивизмъ* [2]). Да и въ Логикѣ [3]) онъ-же пишетъ: «*ложное* предположеніе, что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, обмануло самаго *Ньютона, который выдумалъ тонкій эѳиръ*, наполняющій пространство между солнцемъ и землею». Итакъ, эѳиръ вовсе не существуетъ?! Нельзя не почувствовать, что подобное философствованіе граничитъ уже съ философскою манерою въ-родѣ древней греческой софистики. Одно дѣло отвергать серьезность изслѣдованія по вопросу: «вѣрна ли гипотеза объ эѳирѣ, электритеской жидкости и т. п., какъ веществѣ» [4]),—а дру-

---

[1]) 11, 8. [2]) 11, 309 — 310. [3]) Перев. *Неклюдова* и *Тиблена*, С.-П-б.. 1867, стр. 21. [4]) Логика 11, 24.

гое дѣло—въ одномъ мѣстѣ утверждать, что эѳиръ существуетъ и существуетъ именно какъ вещество [1]), а въ другомъ смѣяться надъ великими мыслителями, которые выдумали какой-то эѳиръ, изъ предразсудка, что вещь не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ, по природной слабости ума (Ньютонова ума!).

Пойдемъ же къ другимъ учителямъ, и прежде всего, къ *Вундту*, послушать его, какъ онъ учитъ объ этомъ-же предметѣ. Трудно сказать, согласенъ, или не согласенъ *Вундтъ* съ *Д. С. Миллемъ* въ сужденіяхъ по этому предмету,—*какимъ критеріемъ матеріальности онъ руководствуется,—считаетъ ли веществомъ такъ-называемый эѳиръ, или нѣтъ.* Ясно только то, что философы позитивисты какъ-будто сговорились писать объ этомъ предметѣ съ явнымъ намѣреніемъ, чтобъ ихъ заподозрили въ нездоровомъ состояніи ихъ умственныхъ способностей. И, выражаясь такъ, мы взвѣсили свои тяжелыя выраженія, на которыя уполномочиваемся вѣсскими фактами. Замѣтимъ, прежде всего, что *Вундтъ* признаетъ свѣтъ, теплоту и электричество тождественными, истекающими изъ одного корня,—эѳира. «Въ ощущеніи», — пишетъ онъ [2]),—«мы никогда не замѣтимъ тождества теплоты и свѣта, хотя оба эти процесса въ-сущности — одно и тоже. Свѣтъ и теплота различны для нашихъ чувствъ, а, сами по себѣ, одно и тоже. Свѣтъ и теплота тождественны для насъ по тому, что и въ томъ, и въ другомъ, мы видимъ нѣчто третье, *движеніе эѳира*. Физикъ, желая изслѣдовать природу свѣта и теплоты, уже не держится ощущенія, а прямо беретъ это третье, т. е. *движеніе эѳира*». Подобнымъ-же образомъ и электричество, по словамъ *Вундта*, происходитъ изъ того-же корня,—изъ эѳира.—«Различія внѣшняго раздраженія нашего чувства», — пишетъ онъ [3]), — «зависятъ отъ значительной разницы въ скорости движенія. Когда быстрота колебаній достигаетъ высокой степени, то *вещественные атомы*, по своей инерціи, не могутъ слѣдовать движенію, а движется *только та тонкая матерія*, которая наполняетъ всѣ тѣла и занимаетъ неизмѣримое пространство цѣлаго міра, т. е. *эѳиръ*». Отсюда слѣдуетъ заключить, что, по мысли *Вундта*, *эѳиръ есть матерія, однакожъ матерія тонкая, состоящая не изъ вещественныхъ атомовъ.* Что же бы это было такое—матерія не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ? Послѣдуемъ, однакожъ, за нашимъ философомъ.—«Частицы воздуха и другихъ тѣлъ»,—продолжаетъ онъ,—«сквозь которыя проходятъ теплота и свѣтъ, остаются въ совершенномъ покоѣ,—и только *дрожащій эѳиръ, касаясь нашей кожи и глаза, производитъ ощущеніе теплоты и свѣта.* Въ высшей степени вѣроятно, что и *явленія электричества основаны на колебаніи того-же эѳира*, при чемъ измѣняется, можетъ быть, только скорость, а можетъ быть, и другія качества движенія,—что, при дѣйствіи раздраженій на чувствительные нервы, различныя формы внѣшняго движенія переходятъ въ одну и туже форму, — въ электричество». — Такъ что-же такое эѳиръ, изъ котораго происходятъ свѣтъ, теплота и электричество, — матерія, или не матерія? Здѣсь мы уже получили отвѣтъ *Вундта*, что эѳиръ есть *тонкая матерія, хотя и не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ.* Туже, по видимому, мысль *Вундтъ* выражаетъ и слѣдующими словами: «изслѣдованія [1]) показали, что *эѳиръ есть матерія, которая не имѣетъ тяжести*, матерія невѣсомая, о существованіи которой

---

[1]) Тамже 25. [2]) 1, 284—285. [3]) 1, 218—219. [4]) 1, 19

мы должны заключить изъ явленій свѣта и теплоты. *Неосновательно говорить, что* всякая матерія имѣетъ тяжесть».—Такое понятіе объ эѳирѣ *Вундтъ* подтверждаетъ и слѣдующими словами [1]): «познана ложность теоріи *Ньютона*, по которой свѣтъ состоитъ *изъ вещества, заключающаго въ себѣ множество частицъ* различнаго цвѣта и *постоянно истекающаго изъ солнца*».— Итакъ, свѣтъ *не есть вещество, состоящее изъ частицъ*, истекающее изъ солнца? — Да. — «Французскій физикъ *Френель* прямо опровергнулъ эту теорію посредствомъ опыта. Онъ показалъ, что когда свѣтъ встрѣчается съ свѣтомъ, то при этомъ степень свѣта не всегда усиливается, какъ нужно было бы ожидать, *еслибы свѣтъ былъ вещество*,—а можетъ точно также ослабиться, какъ и усилиться». Значитъ, *свѣтъ не есть вещество*, хотя выше и сказано, что *эѳиръ есть тонкая матерія, хотя и не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ и не имѣющая тяжести?*—Да.—«Эти наблюденія»,—продолжаетъ *Вундтъ* [2]), — «надъ встрѣчею (интерференціей) нѣсколькихъ лучей свѣта *неопровержимо доказываютъ*, что *свѣтъ совсѣмъ не вещество, а движеніе*». Хорошо; замѣтимъ, что *свѣтъ совсѣмъ не вещество*, хотя выше и сказано, что *эѳиръ есть тонкая матерія*. — «При стеченіи двухъ волнъ»,—продолжаетъ *Вундтъ*,—«онѣ увеличиваютъ другъ друга, когда сталкиваются своими выпуклостями, и уменьшаются, или совсѣмъ уничтожаются, встрѣчаясь впадинами. Изслѣдованіе показываетъ, что и *при стеченіи лучей свѣта бываютъ подобныя волны* съ выпуклостями и впадинами и что свѣтъ, встрѣчаясь съ другимъ свѣтомъ, въ одномъ случаѣ усиливается, а въ другомъ ослабляется. *Отсюда вывели, что свѣтъ есть движеніе, имѣющее сходство съ движеніемъ водяной волны*». Казалось бы, отсюда слѣдуетъ вывесть и то, что свѣтъ не-только движется, какъ волна, но и походитъ на волнующуюся жидкость,—*есть не движеніе только, а и вещество, движущееся вещество?* Да, отвѣчаетъ не кто другой, какъ самъ-же *Вундтъ*. «Волнообразныя колебанія»,— продолжаетъ онъ,—«и составляютъ то, что мы называемъ свѣтомъ, только *эта среда несравненно тоньше воды; это вещество*»... Итакъ, свѣтъ есть вещество, извѣстнымъ образомъ движущееся? Да:—«это вещество»,—продолжаетъ *Вундтъ*,— «масса котораго гораздо тоньше массы воздуха» (которое, однакожъ, составляетъ массу) «и которое проникаетъ потому во всѣ тѣла, не-только въ газообразныя, но и въ жидкія, и твердыя, и наполняетъ собою все пространство между небесными тѣлами. Раскаленная атмосфера солнца сообщаетъ *частицамъ эѳира* колебательное движеніе». Итакъ, эѳиръ оказался не только веществомъ, составляющимъ массу, но и *состоящимъ изъ вещественныхъ частицъ*?—Да. А выше дано понятіе, что *эѳиръ не состоитъ изъ вещественныхъ атомовъ*?—Да. Слѣдуетъ, что свѣтъ есть вещество, составляющее массу, состоящее изъ вещественныхъ частицъ, извѣстнымъ образомъ движущихся?—Да? Нѣтъ, — отвѣчаетъ тамъ-же *Вундтъ*: «такимъ образомъ *то*», — заключаетъ онъ [3]), — *что намъ кажется свѣтомъ, есть не вещество, проходящее въ нашъ глазъ сквозь безконечное пространство, а движеніе, дѣйствующее на глазъ, изъ безконечной дали*». Да позвольте: то ли вы хотите сказать, что свѣтъ есть движеніе вещества, или свѣтъ есть какое-то невещественное движеніе? Нѣтъ, именно первое: «свѣтъ, какъ и

---

[1]) 177. [2]) 178. [3]) 179.

теплота, есть движеніе эѳира» [1]), который есть несомнѣнно вещество,—а именно «такое-же движеніе, какъ и колебаніе частицъ воздуха, раздражающее концы слуховыхъ нервовъ, или химическое дѣйствіе веществъ, имѣющихъ запахъ и вкусъ»,—вообще движеніе вещественное. Слѣдуетъ ли разумѣть это далѣе такъ, что гдѣ-то вдали движется нѣчто, и это движеніе дѣйствуетъ на глазъ изъ безконечной дали, но не проходитъ въ нашъ глазъ сквозь безконечное пространство? Да. А если на столѣ горитъ свѣчка, горѣніе которой дѣйствуетъ на нашъ глазъ не изъ безконечной дали,—такъ это будетъ уже не свѣтъ? А выше было сказано, что тонкая масса эѳира проникаетъ *во всѣ тѣла*, не-только въ газообразныя, но и въ жидкія, и твердыя? Да. — Но только не проходитъ въ нашъ глазъ? — Да,—хотя ниже и говорится опять: «колебанія эѳира могутъ дѣйствовать *на нервную оболочку глаза*», которая находится внутри глаза; значитъ, эѳиръ *проходитъ внутрь глаза*. «Эѳиръ дѣйствуетъ *въ нашемъ глазѣ*»,— говоритъ опять самъ-же Вундтъ; или: «колебанія эѳира возбуждаютъ *въ нашемъ глазѣ* нервные процессы»; или: «ощущенія проводятся *въ нервахъ отъ чувственнаго органа къ мозгу* посредствомъ электричества» (эѳира); или прямо говорится: «*въ глазѣ колебаніе* эѳира образуетъ свѣтъ. Органы, воспринимающіе свѣтъ, т. е. палочки и шишки сѣтчатой оболочки» (внутри глаза) «прозрачны; *свѣтъ проходитъ чрезъ нихъ* почти также, какъ сквозь стекло» (выше сказано, что масса эѳира проникаетъ во всѣ тѣла, слѣд., также проникаетъ и въ глазъ, какъ и въ стекло). «Но *лучъ свѣта, проходя чрезъ стеклянную пластинку, приводитъ въ колебаніе* не самое вещество стекла, а *эѳиръ, наполняющій малѣйшіе промежутки между частицами стекла*. Подобное-же колебаніе эѳира *бываетъ и внутри прозрачныхъ палочекъ и шишекъ глазной сѣтки, во-время прохожденія сквозь нихъ свѣта*» [2]). Да и выше сказано рѣшительно: «теплота и свѣтъ проходятъ сквозь остающіяся въ покоѣ частицы воздуха и другихъ тѣлъ, и *дрожащій эѳиръ, касаясь нашей кожи и глаза, производитъ ощущеніе теплоты и свѣта*». — Такимъ образомъ, изъ словъ *Вундта* слѣдуетъ, что какъ электризуетъ, такъ и грѣетъ, и свѣтитъ одинъ и тотъ же эѳиръ, который есть тонкая матерія, однакожъ невѣсомая и не состоящаа изъ вещественныхъ атомовъ,—который въ свѣтѣ не есть вещество, состоящее изъ частицъ, истекающее изъ солнца, — который въ свѣтѣ совсѣмъ не есть вещество, а движеніе, — движеніе, однакожъ, вещественное, движеніе вещества, — движеніе, имѣющее сходство съ движеніемъ водяной волны,—который въ свѣтѣ есть волнообразно колеблющаяся среда, — среда несравненно болѣе тонкая, чѣмъ вода, — есть вещество опять, — вещество, составляющее массу,—вещество, которое проникаетъ всѣ тѣла и наполняетъ все пространство міра, — не есть вещество, проходящее въ нашъ глазъ, а движеніе, дѣйствующее на глазъ изъ безконечной дали; тогда-какъ въ горѣніи свѣчки оно дѣйствуетъ, однакожъ, вблизи, — тогда-какъ говорится опять-же, что колебаніе эѳира дѣйствуетъ на нервную оболочку (внутри) глаза,—свѣтъ проходитъ сквозь глазъ, эѳиръ наполняетъ малѣйшіе промежутки между частицами глаза, какъ и стекла,—дрожащій эѳиръ производитъ ощущеніе теплоты и свѣта, касаясь нашей кожи и глаза,—возбуждаетъ въ глазѣ нервные

---

[1]) 1, 74. [2]) 225.

процессы и проводитъ всѣ ощущенія въ нервахъ отъ чувственнаго органа къ мозгу, посредствомъ электричества. Что же онъ такое — этотъ эѳиръ, вещество, или не вещество? И то и другое, разумѣй какъ хочешь... Еще менѣе ясности, точности и вообще здраваго философскаго смысла обнаружилъ *Вундтъ* въ выясненіи *критерія матеріальности, въ установкѣ понятія матеріи.*—«*Тѣлесный атомъ и частица эѳира*»,—пишетъ онъ [1]),—«на которые физикъ смотритъ, какъ на крайніе результаты дѣленія матеріи, суть *послѣднія, самыя частныя, представленія*». Итакъ, что-же такое—тѣлесный атомъ и частица эѳира, — представленія, или реальности, или то и другое? — «Отъ тѣла доступнаго чувствамъ»,— продолжаетъ *Вундтъ*,—«представленіе перешло къ отдѣльнымъ частямъ, которыя также различаются чувствами; здѣсь уже не было границы аналитической дѣятельности представленія,—и только *научная абстракція* провела эту *границу, остановившись на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ изъ явленій*». Итакъ, что-же такое эти центры силъ, тѣлесный атомъ и частица эѳира? Реальности, или научная абстракція? — Разъясняя «*развитіе основныхъ физическихъ понятій*», *Вундтъ* выражается о матеріальности, о матеріи, подобно Пиѳіи, слѣд. образомъ: «пока процессъ познанія [2]) не выработалъ *понятія о веществѣ*, гипотеза не можетъ представить себѣ *неопредѣленнаго вещества*, но должно выбирать *какое-либо изъ веществъ, предлагаемыхъ опытомъ. Чувственно неопредѣлимая матерія есть уже не гипотеза, а понятіе*, синтетически образовавшееся изъ всей суммы различныхъ матеріальныхъ предметовъ. Съ *чистою матеріею* естествознаніе пріобрѣло *новое понятіе*. Понятіе *движенія* и положеніе, что всѣ явленія состоятъ изъ движенія, *необходимо ведутъ къ атомистической гипотезѣ*. [3]) *Ближе всего къ принципу новѣйшей физики подошли атомисты, которыхъ взглядъ на природу вообще сродные нашему*». Но какого-же взгляда на матеріальность и матерію держится самъ Вундтъ? Этотъ вопросъ остался у него вопросомъ.

Гораздо послѣдовательнѣе взглядъ философа *Ульрици*, у котораго эѳиръ есть вещество, состоящее изъ атомовъ и атомы эти отличаются отъ атомовъ тѣлесныхъ, но чѣмъ, неизвѣстно. По *Ульрици* [4]), «матерія есть *осязаемая масса* [5]), при *посредствѣ сопротивленія* инерціи доступная чувству *осязанія*, или *тѣлесность*, доступная *различнымъ* нашимъ *чувствамъ*, какъ общій субстратъ явленій природы. Матерія состоитъ изъ атомовъ, которые раздѣляются на вѣсомые и невѣсомые, тѣлесные и *эѳирные* атомы, которые, при соединеніи, образуютъ молекулы и, такимъ образомъ, служатъ послѣднею субстанціальною основою всякой данной массы, всякой тѣлесности. Новѣйшая физика относитъ силу притяженія къ вѣсомымъ атомамъ, а силу отталкиванія къ невѣсомымъ или эѳирнымъ атомамъ. Въ тоже время, она предполагаетъ [6]), что каждый вѣсомый атомъ и каждая вѣсомая молекула окружены *сферою невѣсомыхъ атомовъ*, вслѣдствіе чего тѣ и другіе атомы дѣйствуютъ постоянно вмѣстѣ. По теоріи [7]), все пространство наполнено эѳиромъ, чрезвычайно тонкою упругою средою. Эѳиръ проникаетъ всѣ тѣла, облекаетъ вѣсомые атомы и молекулы тѣлъ эѳирными сферами и, по своей тонкости, не подчиняется закону тяжести, сила притяженія тѣлъ не ока-

---

[1]) 1, 395. [2]) 512. [3]) 517. [4]) Богъ и природа. [5]) I, 23. [6]) 48. [7]) 73.

зываетъ на него никакого дѣйствія, и самымъ атомамъ его присуща только сила отталкиванія. Онъ затрудняетъ теченіе планетъ; онъ слѣдуетъ законамъ инерціи и волнообразнаго движенія газовъ; въ немъ также [1]) уменьшается и увеличивается упругость и плотность. Эѳирные атомы [2]) сами по себѣ обладаютъ такою-же инерціею, какъ и вѣсомая матерія. Если же усвоить взглядъ [3]), что атомы эѳирные и атомы тѣлъ взаимно притягиваются, а также если приписать эѳиру силу сопротивленія вѣсомымъ тѣламъ,—то *не останется большие никакого существеннаго различія между атомами эѳира и атомами тѣлъ*; при чемъ непонятно будетъ, какимъ образомъ эѳиръ, хотя притягивается вѣсомыми *атомами и молекулами* и, значитъ, сгущается около нихъ, образуя сферы, однакожъ не можетъ притягиваться вѣсомыми *тѣлами*, т. е. *какимъ образомъ эѳиръ можетъ быть невѣсомымъ*. Вѣрно одно только [4]), что различные виды атомовъ, атомы тѣлъ и эѳира, какъ и всякіе матеріальные элементы, напримѣм., магнитная жидкость, электрическій токъ, свѣтовая матерія, могутъ сообщаться въ своихъ движеніяхъ и сообщеніе это усиливается *опредѣленными законами*, такъ-что повсюду обнаруживается *одинаковая мѣра, совершенная пропорціональность дѣйствій*». Вообще, по *Ульрици* [5]), «то, что мы обозначаемъ именемъ вещества или матеріи, не есть одна сплошная величина, протяженіе, масса,—а, напротивъ того, есть величина, которая раздѣляется на тончашія части, расчленяется и соединяется въ различныхъ видахъ: однимъ словомъ, *все матеріальное состоитъ изъ атомовъ. Раздѣляясь на два большіе класса, на вѣсомые и невѣсомые, атомы составляютъ сущность (субстанцію) всякаго естественнаго бытія, субстратъ всѣхъ явленій природы. Поэтому, матеріальный и атомистическій—выраженія однозначущія*». А что, по *Ульрици*, составляетъ субстанцію самаго атома, это мы видѣли.

Существенно тоже самое мы читали и въ *популярныхъ лекціяхъ Дэсона Тиндаля*.—«Матерія состоитъ изъ простыхъ и безпространственныхъ элементовъ или монадъ. Монады дѣлятся на два большихъ класса. Однѣ изъ нихъ, сгруппированныя въ молекулы матеріальныхъ веществъ, вѣсятъ пропорціонально числу:—это *вѣсомыя* монады; другія, хотя также подпадающія подъ наши чувства, какъ-то: теплота, свѣтъ и электричество, чувствительнымъ образомъ не вѣсятъ и называются *невѣсомыми*. Различаются ли существеннымъ образомъ вѣсомыя монады отъ невѣсомыхъ? Нѣтъ, навѣрное нѣтъ,—такъ-какъ несомнѣнное дѣйствіе мнимыхъ невѣсомыхъ тѣлъ на тѣла вѣсомыя совершенно подобно дѣйствіямъ вѣсомыхъ тѣлъ другъ на друга, дѣйствіямъ допускающимъ матеріальную реальность, опредѣленную массу, одаренную нѣкоторою скоростію движенія. Можетъ быть даже, что, переходомъ изъ одного состоянія въ другое, невѣсомыя монады дѣлаются вѣсомыми. Однако чѣмъ-же различаются невѣсомыя монады отъ вѣсомыхъ? *Однимъ обстоятельствомъ: важнымъ, капитальнымъ, но не существеннымъ*. Вѣсомыя молекулы, соединенныя силой сцѣпленія или силой химическаго сродства, относительно находятся въ покоѣ, и, слѣдовательно, ничто не мѣшаетъ проявленію ихъ взаимнаго воздѣйствія, чтобы онѣ взаимно тяготѣли однѣ къ другимъ. Напротивъ того, невѣсомыя монады, будучи свободны и оставаясь внѣ

---

[1]) 74. [2]) 76. [3]) 80. [4]) 143. [5]) 11, 2.

связей сцѣпленія и сродства, одарены чрезвычайными скоростями, сравнительно съ которыми тяжесть и всеобщее тяготѣніе совершенно не замѣтны».

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, и *Ульрици* находитъ много противорѣчій въ теоріи вещественности и волнообразнаго движенія эѳира, изъ которыхъ самая ясная несообразность заключается въ томъ, что «если эѳиръ [1]) имѣетъ вѣсъ и, подобно воздуху, сгущается около притягивающихъ его небесныхъ тѣлъ, сообразно ихъ объемамъ,—то это оказывается противорѣчіемъ теоріи волнообразнаго движенія, потому-что она предполагаетъ, что эѳиръ распространенъ въ небесномъ пространствѣ совершенно равномѣрно, атомы его отстоятъ другъ отъ друга на одинаковыхъ разстояніяхъ, вслѣдствіе чего свѣтъ движется къ землѣ отъ міровыхъ тѣлъ, различныхъ по величинѣ и разстоянію, совершенно равномѣрно. Вообще же, выводы [2]) изъ этой теоріи ведутъ къ противорѣчіямъ съ основными положеніями новѣйшаго естествознанія. По словамъ *Эйзенлора*, сама по себѣ, эта теорія не ясна и никакъ не можетъ удовлетворительно объяснить всѣ явленія. И *Берцеліусъ* замѣтилъ, что эта теорія удовлетворяетъ до тѣхъ только поръ, пока разсматриваются явленія только механическія; но когда обращаются къ химическимъ дѣйствіямъ, то она становится непонятною». По этому и *Д. С. Миллъ* не безъ основанія замѣтилъ, что «существованіе эѳирной жидкости и фактъ колебательнаго ея движенія не доказаны, а предположены *единственно на-основаніи легкости*, съ которою, какъ думаютъ, объясняются ими явленія. Господствующая гипотеза о свѣтоносномъ эѳирѣ не исключаетъ, правда, возможности прямаго доказательства въ ея пользу»,—пишетъ *Д. С. Миллъ* [3]), ссылаясь на фактъ задержки кометы *Энке* «средою, разлитою по небесному пространству, способною оказывать сопротивленіе. Если-бы, въ-теченіи вѣковъ, эта догадка подтвердилась постепеннымъ наростаніемъ подобной—же разницы въ движеніи и другихъ тѣлъ солнечной системы, то свѣтоносный эѳиръ значительно приблизился бы къ усвоенію характера истинной причины. Было бы обнаружено существованіе великаго космическаго дѣятеля. Но отожествленіе эѳира съ сопротивляющеюся средою породило бы новыя затрудненія. Существованіе эѳира опирается на возможность вывести изъ его предполагаемыхъ законовъ значительное число явленій свѣта. Принятію гипотезы о передачѣ свѣта физической средой наиболѣе способствовалъ тотъ физическій фактъ, что свѣтъ движется (*чего нельзя сказать о тяготѣніи*), что передача его не мгновенна, а требуетъ времени, и что она задерживается заслоняющими предметами (*чему тяготѣніе не подтверженo*). Никто не предполагаетъ, что согласіе явленій свѣта съ теоріей волнообразнаго движенія чисто случайно: оно, должно быть, возникаетъ изъ дѣйствительнаго тожества нѣкоторыхъ законовъ волнообразнаго движенія съ нѣкоторыми законами свѣта. Но *изъ согласія нѣкоторыхъ законовъ свѣта съ законами распространенія волнъ еще не слѣдуетъ, чтобы волны дѣйствительно существовали.* Гипотеза волнообразнаго движенія даже не объясняетъ всѣхъ явленій свѣта: *естественныя цвѣта предметовъ, сложную природу солнечнаго луча, поглощеніе свѣта и его химическое и жизненное дѣйствіе гипотеза оставляетъ столь-же таинственными, какими нашла ихъ,—и нѣкоторые изъ этихъ фактовъ скорѣе согласны съ Ньютоновой теоріей лучеиспусканія*».

---

[1]) 1, 80. [2]) 77. [3]) Логика 11, 20—23.

Потому-то, съ точки зрѣнія экспериментальной химіи, эѳиръ дѣйствительно провозглашается только движеніемъ, *а не матеріей*. Химія знаетъ атомы только тѣлесные, разлагаетъ и слагаетъ только тѣла; матеріальныхъ элементовъ допускаетъ только не болѣе 70; но между ними свѣтъ, теплота и электричество, какъ элементы матеріи, не имѣютъ мѣста. Присутствіе земныхъ элементарныхъ тѣлъ химія признаетъ доказаннымъ даже на отдаленныхъ отъ насъ свѣтилахъ: въ этомъ химія видитъ доказательство того, что форма вещества, которая проявляется на землѣ въ-видѣ простыхъ тѣлъ, имѣетъ далекое распространіе во вселенной. Конечно, химія знаетъ разныя проявленія и эѳира и постоянно имѣетъ съ ними дѣло; но, видя ихъ характерное отличіе отъ всего матеріальнаго, любитъ называть ихъ *силами, дѣятелями, энергіею*, всего же больше, *движеніемъ*. Знаетъ также химія, что когда два тѣла соединяются, то при этомъ всегда замѣчается отдѣленіе, или поглощеніе тепла. Если при соединеніи происходитъ отдѣленіе тепла, то при разложеніи происходитъ совершенно одинаковое поглощеніе тепла. Химія руководится основнымъ закономъ вѣчности силъ, по смыслу котораго какъ матерія не творится въ химическихъ реакціяхъ и не пропадаетъ, такъ точно и сила не творится и не пропадаетъ. На вопросы: откуда является увеличеніе, или уменьшеніе теплоты при химическихъ реакціяхъ, если существуетъ законъ вѣчности силъ? Отъ чего, если горитъ уголь, развивается теплота? Откуда беретъ она свое начало?—химія отвѣчаетъ: очевидно, изъ тѣхъ веществъ, которыя дѣйствуютъ въ углѣ и воздухѣ и насчетъ которыхъ совершается явленіе. Это значитъ, что угольныя частицы и частицы воздуха находились, до соединенія, *въ состояніи движенія*, имѣющаго другую форму, чѣмъ *тотъ родъ* движенія, который опредѣляетъ температуру тѣлъ, по ихъ соединеніи. *Каждому тѣлу свойственно извѣстное содержаніе тепла, т. е. извѣстное количество движенія*, опредѣляющее его способности къ образованію химическихъ соединеній. Этотъ видъ движенія превращается въ теплоту, когда происходитъ химическое соединеніе, а теплота превращается въ этотъ видъ движенія, когда происходитъ химическое разложеніе,—совершенно подобно тому, какъ посредствомъ теплоты можно получить механическое движеніе и, обратно, посредствомъ механическаго движенія можно получить явленіе теплоты. Снабдивши сложное тѣло извѣстнымъ количествомъ движенія, можно разрушить его на составныя части: отъ того *тепло* разрушаетъ сложныя тѣла.

Тоже можно произвести дѣйствіемъ и *гальваническаго тока* или вообще электричества; тоже могутъ пропзводить иногда и *свѣтовыя колебанія. Вообще тепло или степень нагрѣванія, вліяніе гальваническаго тока и электричества и дѣйствіе свѣта оказываются главнѣйшими условіями химическихъ реакцій.* Но химія не можетъ видѣть въ этихъ дѣятеляхъ ничего иного, какъ только *особые виды частичнаго движенія.* Между всѣми этими явленіями существуетъ непремѣнная аналогія,—и эта аналогія, при нынѣшнемъ состояніи науки, выражается тѣмъ, что *теплотныя, равно-какъ свѣтовыя и электрическія явленія признаются за явленія движенія частичекъ.* Въ большинствѣ случаевъ, должно принимать здѣсь превращеніе одного вида движенія въ другой. Что между разными физическими видами частичнаго движенія и тѣмъ видомъ движенія, которое обусловливаетъ ходъ химическихъ процессовъ, существуетъ весьма тѣсная связь или соотношеніе, доказательствомъ этому служитъ то, что химическіе процессы могутъ давать поводъ къ появленіямъ разнородныхъ видовъ физическаго движенія: теплота выдѣляется, или поглощается при химическихъ процессахъ; иногда появляется при нихъ и свѣтъ; они-же всегда сопровождаются и выдѣленіемъ электричества; слѣдствіемъ химическихъ процессовъ всегда бываетъ и механическое движеніе. Основываясь на изученіи физическихъ свойствъ, должно думать, что частички тѣлъ находятся въ постоянномъ движеніи. Можно думать, что всѣ, замѣчаемыя нами, явленія суть разныя формы движенія. Высказываемое въ химіи представленіе о соединеніи между тѣлами и теплотою, напр., между углеродомъ, съ одной стороны, и теплородомъ, съ другой,— есть *представленіе только формальное, потому-что теплородъ нельзя разсматривать, какъ матерію. Теплородъ, какъ и свѣтъ, и электричество, есть извѣстное состояніе движенія, есть явленіе, а не матерія. Разсматривая теплоту, какъ колебательное состояніе матеріи, мы можемъ сказать, что углеродъ есть то матеріальное вещество, то вѣсомое начало,* которое находится во всѣхъ углеродистыхъ соединеніяхъ,— *вещество, которое въ нихъ имѣетъ различное напряженіе и различное время колебаній;* уголь же есть этотъ углеродъ *въ извѣстной степени напряженія колебаній.* Здѣсь, такимъ образомъ, *теплота принимаетъ значеніе состоянія вѣсомой матеріи и совершенно лишается характера особаго матеріальнаго элемента.* Въ такомъ-же значеніи является теплородъ въ соединеніи и съ прочими элементарными тѣлами, при чемъ

оказывается, что, при всѣхъ объемныхъ измѣненіяхъ тѣла, зависящихъ отъ температуры, вѣсъ тѣла всегда остается совершенно одинъ и тотъ-же. Хотя несомнѣнно и то, что какъ планеты, такъ и кометы замедляются въ своемъ движеніи какою-то упругою средою,—однакожъ эту среду можно находить не въ эѳирѣ, а, проще, въ атмосферномъ воздухѣ, который распространенъ повсемѣстно въ небесномъ пространствѣ, такъ-какъ, по астрономическимъ наблюденіямъ, существованіе атмосферы около солнца и планетъ можно считать доказаннымъ. Геологъ *Моръ* утверждаетъ, что «для возможности прямолинейнаго распространенія свѣта и теплоты и для передачи явленій тяготѣнія между небесными тѣлами должно существовать *вѣсомое вещество.* Чрезъ *Торичелліеву пустоту* не проходитъ электричество, хотя свѣтъ еще можетъ проникать сквозь эту пустоту. Подобнымъ образомъ, силы тяжести и магнетизма нуждаются въ промежуточномъ веществѣ, чтобы дѣйствовать на разстояніи. Въ абсолютной пустотѣ ни одна сила не проявляетъ своего дѣйствія. Наполненіе міроваго пространства разрѣженною матеріею—необходимое условіе притяженія. *А такъ-называемый эѳиръ, что-то среднее между силою и веществомъ, въ одно и тоже время и сила и вещество, и ни то ни другое, не можетъ быть доказанъ*» [1]). Отсюда, такимъ образомъ, открывается нѣчто весьма странное: *проявленія эѳира безспорны по тому, что подлежатъ нашимъ чувствамъ, а бытіе его самаго, какъ вещества, подвергается современною наукою серьезному сомнѣнію, чѣмъ серьезно подрывается основательность болѣе или менѣе обще—принятаго критерія матеріальности.*

Послѣднее слово науки относительно *критерія матеріальности* мы слышимъ въ вышеупомянутой рѣчи доктора *Карпентера*, предъ Съѣздомъ британскихъ естествоиспытателей. Обращаясь «*къ понятію* матеріи», *Карпентеръ* устанавливаетъ его, на-основаніи новѣйшихъ научныхъ данныхъ, такимъ образомъ: «психологъ настоящаго времени смотритъ на матерію совершенно въ духѣ своего собственнаго сознанія; *его отвлеченная идея о матеріи та, что это есть нѣчто, имѣющее постоянную способность возбуждать ощущенія; его идея о всякомъ свойствѣ матеріи есть умственное представленіе какого-либо рода чувственнаго впечатлѣнія, полученнаго отъ нея,—а его*

---

[1]) Противоположное этому мнѣніе аббата *Сежи*, основанное на самоновѣйшихъ изысканіяхъ, обстоятельно будетъ разобрано нами ниже.

идея о какомъ-либо видѣ матеріи есть представленіе всей совокупности чувственныхъ воспріятій, которыя ея присутствіе вызвало въ его умѣ». Далѣе, объяснивъ фактически, какимъ способомъ доходимъ мы до представленій о твердости, мягкости, формѣ, движеніи, легкости, тяжести и разныхъ родахъ тѣлъ жидкихъ, твердыхъ и газообразныхъ, *Карпентеръ* заключаетъ свой анализъ словами: «такимъ образомъ, мы доходимъ до понятій *о сопротивленіи и тяжести, какъ о свойствахъ общихъ всякой формѣ матеріи*, и теперь, когда *мы оставили понятія о свѣтѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, какъ невѣсомыхъ жидкостяхъ*, мы принимаемъ *свойства сопротивленія и тяжести*, какъ данныя, для практическаго различія между *матеріей и нематеріей*». Отсюда, по словамъ *Карпентера*, оказывается, что, по выводамъ самоновѣйшей естественной науки, признаками, отличающими матерію отъ нематеріи, могутъ служить только свойства *сопротивленія, непроницаемости и тяжести*,—что свѣтъ, теплота и электричество—магнетизмъ *не суть вѣсомыя жидкости*,—что *цвѣтъ* и *свѣтъ*, по согласному мнѣнію физиковъ и физіологовъ, *какъ свѣтъ, въ самомъ предметѣ не существуютъ*, состоя только въ колебаніяхъ вещества, — не эѳира, который, какъ невѣсомая жидкость, не существуетъ, а простаго, обыкновеннаго, вѣсомаго вещества. Да и *С. В. Гомсонъ*, въ своей рѣчи, произнесенной въ предшествовавшемъ году, также предъ Съѣздомъ британскихъ естествоиспытателей, подтверждаетъ эту мысль своего преемника по предсѣдательству на Съѣздѣ, *Карпентера*, прославляя теорію *Гельмгольца* о круговоротныхъ движеніяхъ атомовъ и выражая надежду, что «эта теорія приведетъ *къ полному пониманію свойствъ атомовъ*, осуществляя тѣмъ великую мысль *Лукреція*, который *не допускаетъ ни тонкаго эѳира, ни разнообразія элементовъ съ огненными*, или водяными, *или свѣтовыми, или тяжелыми свойствами*,—который *не предполагаетъ, что свѣтъ есть одна вещь, огонь (теплота)—другая, электричество—жидкость, магнетизмъ—жизненный принципъ*. но считаетъ всѣ явленія только *свойствами или проявленіями простой матеріи*» [1]).

Итакъ, по вопросу о *критеріи матеріальности*, намъ слѣдовало бы раздѣлить приведенныхъ мыслителей-естествовѣдовъ на два отдѣла: на принимающихъ и не принимающихъ существованіе эѳира, — если-бы только мы могли сказать, что изъ нихъ кто-либо допускаетъ его

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1871 г. Августъ.

существованіе рѣшительно. Болѣе рѣшительно утверждается бытіе эѳира въ популярныхъ чтеніяхъ *Джона Тиндаля*. Матерія, по словамъ его, состоитъ изъ монадъ вѣсомыхъ и невѣсомыхъ; послѣднія, т. е. невѣсомыя, однакожъ, отличаются отъ первыхъ не существенно; онѣ не вѣсятъ только чувствительнымъ образомъ и, кажется, могутъ дѣлаться вѣсомыми, переходить изъ состоянія невѣсомыхъ въ противоположное состояніе вѣсомыхъ. *Критеріемъ матеріальности будутъ*, по этой теоріи, *частичность, непроницаемость, сопротивленіе, тяжесть, но не будутъ ни фигура, ни протяженіе*, потому-что монады предполагаются безпространственными, согласно съ ученіемъ *Босковича* (въ существѣ теоріи неразрѣшенное противорѣчіе: изъ *безпространственныхъ* монадъ происходятъ *протяженныя* тѣла . . .). По *Ульрици*, который также высказывается за бытіе эѳира, хотя и съ сомнѣніемъ, матерія есть осязаемая масса, состоящая изъ атомовъ вѣсомыхъ, тѣлесныхъ, и невѣсомыхъ, эѳирныхъ. Послѣдніе,—невѣсомые, кажется, однакожъ, притягиваются къ вѣсомымъ атомамъ, оказываютъ сопротивленіе вѣсомымъ тѣламъ, теряя, вслѣдствіе этого, существенное отличіе отъ вѣсомыхъ атомовъ. *Критеріемъ матеріальности*, по этой теоріи, будутъ частичность (условная, подлежащая безконечному дѣленію), *непроницаемость и сопротивленіе* (тоже условныя, такъ-какъ всякій атомъ, сложный въ существѣ своемъ, центръ многихъ силъ, борется за свое существованіе съ другими такими-же центрами силъ и подлежитъ измѣненію), *тяжесть, протяженіе и фигура* (также условныя, измѣняемыя). Вообще, по этой теоріи, *матеріальный и атомистическій*, а прибавить слѣдуетъ,—и *условный, во всѣхъ самыхъ существенныхъ свойствахъ, выраженія однозначущія*.—По спутанной теоріи *Вундта*, матерія и эѳиръ, тѣлесные и эѳирные атомы,—это два полярные элемента, составляющіе сущность всего. Не всякая матерія имѣетъ тяжесть; эѳиръ—матерія, не имѣющая тяжести, не состоящая изъ вещественныхъ атомовъ, однакожъ среда, масса, состоящая изъ атомовъ эѳира; но атомы того и другаго, матеріи и эѳира, являютъ въ себѣ только самыя частныя представленія, конечные продукты отвлеченія,—и никакого *критерія матеріальности*, по этой теоріи, *нельзя установить*, потому-что *частичность и непроницаемость* принимаются, по этой теоріи, *только* какъ продукты отвлеченія; тяжесть, какъ свойство матеріи отрицается, а протяженность и фигуральность, относимыя къ условіямъ нашего воззрѣнія, подвергаются сильному сомнѣнію, или даже отвер-

таются, какъ качества условій объективнаго бытія. — По не менѣе спутанной теоріи *Д. С. Милля*, наше понятіе вещества, въ концѣ концовъ, является состоящимъ *изъ сопротивленія, протяженія и фигуры, — трехъ аттрибутовъ, которые становятся существенными ингредіентами вещества*, такъ-что, гдѣ ихъ не находится, тамъ мы колеблемся придать названіе вещества. *Фундаментальный элементъ* въ понятіи вещества есть *чувство сопротивленія*, или задержаннаго мышечнаго движенія, — чувство, тождественное съ ощущеніемъ *непроницаемости или частичности* и родственное, до тожественности, не-только съ *осязательнымъ ощущеніемъ прикосновенія*, но и съ *зрительнымъ ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ*, которые, однакожъ, не суть первоначальныя свойства веществъ. Отсюда, — если цвѣта не суть, тогда-какъ, наоборотъ, сопротивленіе и непроницаемость суть, *по Миллю*, первоначальныя свойства веществъ, — слѣдуетъ вывести двойное заключеніе: что или свѣтовыя ощущенія не тождественны съ мышечно—осязательными ощущеніями прикосновенія, сопротивленія, непроницаемости и частичности, или что даже эти послѣднія свойства не суть первоначальныя свойства вещества, какъ и цвѣта. Свѣтоносный эѳиръ, по *Миллю*, есть, какъ всякій долженъ допустить, волнообразно-движущееся жидкое вещество. Въ тоже время, по *Миллю*, существованіе эѳирной жидкости и фактъ колебательнаго ея движенія не доказаны, а только предположены, вслѣдствіе возможности вывести изъ предполагаемыхъ законовъ эѳира значительное число явленій свѣта. Но изъ согласія нѣкоторыхъ законовъ свѣта съ законами распространенія волнъ не слѣдуетъ, чтобы волны свѣта дѣйствительно существовали. Гипотеза волнообразнаго движенія даже не объясняетъ всѣхъ явленій свѣта. Отъ того предположеніе бытія эѳира, по *Миллю-же*, есть не болѣе, какъ продуктъ предразсудка и природной слабости человѣческаго ума. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, принятію гипотезы о передачѣ свѣта физической средой наиболѣе способствовалъ *фактъ, что свѣтъ движется и задержи-вается заслоняющими предметами, чего нельзя сказать о тяготѣніи.* Наконецъ, по словамъ геолога *Фридриха Мора* и химика *Менделѣева*, какъ и по мнѣнію *Сэра В. Томсона и доктора Карпентера*, существованіе эѳира, чего-то средняго между силою и веществомъ, въ одно и то же время и вещества и силы, но ни того, ни другой, не можетъ быть доказано. Химія знаетъ атомы только тѣлесные, разлагаетъ и слагаетъ только матеріальные элементы,

между которыми эѳиръ не имѣетъ мѣста. Теплоту, свѣтъ и электричество—магнетизмъ химія любитъ называть силами, дѣятелями, энергіею, всего-же больше, движеніемъ, но не матеріею. Явленія теплоты, свѣта и электричества признаются въ химіи за явленія движенія частицъ, принимая значеніе *состоянія* вѣсомой матеріи и совершенно лишаясь характера *особаго матеріальнаго элемента*, способнаго, въ реакціяхъ, увеличивать вѣсъ соединенія. По этому-то, по словамъ *Карпентера*, въ настоящее время *оставлены понятія о свѣтѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, какъ невѣсомыхъ жидкостяхъ.* По тому-же самому, и *С. В. Томсонъ* сочувствуетъ древнему атомисту *Лукрецію*, который не допускалъ никакого эѳира, ни разнообразія элементовъ съ огненными, или свѣтовыми, или тяжелыми свойствами, который не предполагалъ, что свѣтъ есть одна вещь, огонь другая, электричество жидкость, магнетизмъ жизненный принципъ, но считалъ всѣ явленія только свойствами, или проявленіями простой матеріи. Поэтому-то *Карпентеръ* принимаетъ свойства *сопротивленія и тяжести*, какъ данныя для практическаго различія *между матеріей и нематеріей.* По *Менделѣеву*, матерія состоитъ изъ молекулъ и *атомовъ распадающихся*, за которыми должно искать, но нельзя найти, какихъ-то еще *ультиматовъ*. Геологъ *Моръ* провозглашаетъ атомистическую гипотезу, въ существѣ своемъ, ложною. По *С. В. Томсону*, *атомъ есть сложный міръ и абсолютная непроницаемость невозможна* ни въ какомъ конечномъ тѣлѣ. По этому-то и *Карпентеръ*, чисто психологическимъ путемъ, объясняетъ происхожденіе понятій о сопротивленіи и тяжести, какъ о свойствахъ, общихъ всякой матеріи. Отъ того-то и плохой послѣдователь современной позитивно-философской школы, *Гербертъ Спенсеръ*, заумствовавшись касательно этого предмета, заговорилъ, наконецъ, языкомъ Пиѳіи, когда на нее уже слишкомъ подѣйствуетъ одуряющее куреніе: «атомистическая гипотеза, равно-какъ и сродная ей гипотеза все-проникающаго эѳира, состоящаго изъ молекулъ, суть просто» (даже просто!) «необходимое развитіе *тѣхъ универсальныхъ формъ, которыя выработаны въ насъ дѣйствіями Непознаваемаго*»,—какъ-будто въ этихъ словахъ заключается еще что-нибудь иное, кромѣ *непознаваемаго, т. е. непонятнаго.* А все это значитъ, что *сѣдалище самыхъ коренныхъ, самыхъ первичныхъ свойствъ матеріи, корень самаго основнаго критерія матеріальности находится въ субъектѣ, но не въ объектѣ*! И это не значитъ, какъ полагаетъ *Д. С. Миллъ*, будто

мы не знаемъ, находится, или нѣтъ,—сѣдалище этихъ свойствъ, корень этого критерія въ объектѣ: нѣтъ, *мы знаемъ именно, что въ объектѣ они не находятся. Мы именно знаемъ, что въ объективномъ бытіи не-только фигуральность и протяженность, но и тяжесть и даже ощутительное сопротивленіе, необходимо предполагая въ объектѣ* сложность, могутъ опираться только на ультиматъ непроницаемости; но *абсолютная непроницаемость въ объективномъ бытіи невозможна!*

ГЛАВА XXXVIII.

Такимъ образомъ, самыми позитивными соображеніями доказывается, что:

1) Не-только самое высшее, общее понятіе бытія оказывается тождественно съ отрицаніемъ бытія,—но и низшимъ, болѣе или менѣе обобщеннымъ понятіямъ и представленіямъ не оказывается въ реальномъ фактѣ соотвѣтствующихъ объектовъ. Уже самые первичные признаки объектовъ оказываются не реальными не-только въ объектахъ, но, по ученію новѣйшей психологіи *Вундта*, и въ субъектѣ; а обобщенія признаковъ,—представленія и понятія составляются не иначе, какъ чрезъ постепенную, большую и большую абстракцію являющихся въ первичномъ чувственномъ воспріятіи признаковъ,—больше и больше удаляются отъ объективной реальности, до совершеннаго самоуничтоженія въ объемлющемъ всѣ понятія и представленія, высшемъ родовомъ понятіи бытія, тождественнаго съ небытіемъ.

2) Подобнымъ-же образомъ и индивиды сводятся къ ничтожеству, двумя путями: анатомико-физіологическимъ и логико-психологическимъ. Какъ вообще въ органическомъ царствѣ приходится признавать особью каждый центръ и каждую ось,которые способны, болѣе или менѣе самостоятельно, обнаруживать приспособленіе внутреннихъ силъ къ внѣшнимъ, называемое жизнью,—такъ и въ человѣческомъ организмѣ остается находить особи не-только въ каждомъ отдѣльномъ органѣ, но и въ каждой клѣточкѣ, которая есть основной индивидъ. По *Вагнеру*, всякій организмъ, въ одну сторону, есть органическая, интегрированная, цѣльная особь, а въ другую—есть не

болѣе, какъ органическая часть или органъ. По *Спенсеру*, такъ-какъ жизнь начинается съ мелкихъ и простыхъ формъ,—а изъ нихъ образуются всѣ индивиды,—переходы отъ этихъ первичныхъ единицъ къ организмамъ, состоящимъ изъ группъ такихъ единицъ, совершаются постепенно,—индивидуальности простѣйшаго порядка поглощаются индивидуальностями болѣе сложными, при чемъ невозможно опредѣлить, гдѣ кончаются низшія индивидуальности и начинаются высшія,—то соединенныя органическія формы являются намъ единичными существами только съ точки зрѣнія того видоваго понятія, которое мы выводимъ изъ сочетанія особей элементарныхъ,—только по недоразумѣнію относительно возникновенія понятій: *особь вовсе не есть понятіе о дѣйствительномъ предметѣ*, а просто субъективное представленіе, съ точки зрѣнія даннаго видоваго понятія. И по *Вирхову*, индивидъ необходимо долженъ быть внутреннимъ множествомъ. Слово—*индивидъ* вошло въ употребленіе гораздо раньше, чѣмъ получилось ясное представленіе о природѣ существъ, подразумѣваемыхъ подъ этимъ понятіемъ: должно или прямо соединить понятіе о недѣлимомъ съ клѣточкою, или-же вовсе исключить его изъ органическихъ отраслей естествознанія, вообще изъ употребленія. И не-только въ реальномъ бытіи, но и въ мышленіи, по *Вундту*, мы не можемъ остановиться на какомъ-либо индивидуумѣ, потому-что всякое индивидуальное представленіе становится общимъ по-отношенію къ другимъ представленіямъ частнѣйшимъ,—потому-что всякій индивидъ мы можемъ раздѣлить на части, заключая, по извѣстному ряду признаковъ, даже о самостоятельности этихъ отдѣльныхъ частей, которыя потому и возводимъ на степень особыхъ представленій,—и такое логическое дробленіе индивида производимъ до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до послѣднихъ, элементарныхъ, аналитическихъ сужденій, совпадающихъ съ первичными признаками ощущеній, которые, какъ доказано, не имѣютъ въ себѣ никакого реальнаго, ни объективнаго, ни даже субъективнаго мыслимаго содержанія. Научная абстракція проводитъ границу уничтожающему разсудочному анализу, останавливаясь на послѣднихъ центрахъ силъ, абстрагированныхъ отъ явленій, — на атомахъ матеріи и эѳира, которые суть послѣднія, самыя частныя представленія, по *Вундту*, равно-какъ и по *Д. С. Миллю*,— основа всѣхъ сущностей, если только какія-либо сущности существуютъ, а, по *Вирхову*,—не-только основное, но даже единственное бытіе...

3) Но и атомъ дробится на части вдвойнѣ, какъ и бытіе, и представленіе. По всѣмъ, какъ химическимъ, такъ и физическимъ и философскимъ соображеніямъ, бытіе атомовъ не рѣшаются признать не-только противники атомизма, въ-родѣ *Сэръ В. Томсона*, который признаетъ свойство сложности неотъемлемо принадлежащимъ самому понятію—*атомъ*,—но и *Д. С. Миллъ*, который, хотя и указываетъ сущность вещей въ частичномъ ихъ строеніи, однако-жъ бытіе, или небытіе атомовъ относитъ къ области непознаваемаго. Равнымъ образомъ, и психологъ *Вундтъ* провозглашаетъ тѣлесный атомъ и частицу эѳира послѣдними, самыми частными представленіями, обязанными своимъ бытіемъ научной абстракціи; точно также и физическій атомъ новѣйшаго защитника атомизма, *Ульриги*, превратился въ психическую монаду *Лейбница*; наконецъ, даже и *Вирховъ*, который надѣется, что человѣческое сознаніе когда-либо совладаетъ съ атомомъ, сознается, что понятіе объ атомѣ, какъ послѣдней мыслимой части, не выведено изъ непосредственнаго опыта, что атомъ есть единица только мыслимая,—противоположность индивиду, единицѣ дѣйствительной. Вообще положеніе, что человѣкъ никогда не подчинитъ себѣ атома, не ухватитъ его рукою, не усмотритъ глазомъ, не осуществитъ для себя умомъ, несомнѣнно столько-же, сколько непреложны математическія аксіомы, что всякая данная величина можетъ дѣлиться до безконечности и раздѣленная на безконечность равняется нулю $\left(\frac{1}{\infty}=0\right)$.

4) Наконецъ, дѣлая и послѣдній шагъ въ глубь бытія, задаваясь вопросомъ о томъ, существуетъ ли самая матерія, какими признаками опредѣляется принадлежность предмета къ числу вещей матеріальныхъ, приходится сказать, что и матерія, съ разсудочно-аналитической точки зрѣнія, не существуетъ, не существуетъ именно какъ суррогатъ внѣшне—чувственныхъ впечатлѣній, потому-что ни одно свойство матеріи, не-только вторичное, но и первичное, не имѣетъ реальнаго бытія въ объектѣ. По мнѣнію самоновѣйшихъ авторитетовъ науки, существованіе эѳира не можетъ быть доказано; нынѣ оставлены понятія о свѣтѣ, электричествѣ и магнетизмѣ, какъ невѣсомыхъ жидкостяхъ; всѣ явленія слѣдуетъ считать свойствами или проявленіями простой матеріи. Поэтому-то свойства сопротивленія и тяжести принимаются какъ данныя для практическаго различія между матеріей и нематеріей. При дознанной сложности не-только молекулъ, но и атомовъ, происхожденіе понятій о сопротивленіи и

тяжести, какъ о свойствахъ общихъ всякой матеріи, объясняется психологическимъ субъективнымъ путемъ; это значитъ, что сѣдалище самыхъ коренныхъ, самыхъ первичныхъ свойствъ матеріи, корень самаго основнаго критерія матеріальности находится въ субъектѣ и завѣдомо не находится въ объектѣ: мы именно знаемъ, что въ объективномъ бытіи не-только фигуральность и протяженность, но и тяжесть, и даже ощутимое сопротивленіе, необходимо предполагая въ объектѣ сложность, могутъ опираться только на ультиматъ непроницаемости,—но абсолютная непроницаемость въ объективномъ бытіи невозможна.

Итакъ оказывается, что роды и виды предметовъ подмостками для себя имѣютъ индивиды, — что индивиды, въ свою очередь, подпираются клѣточками, клѣточки основываются на атомахъ, атомы корнями своими уходятъ въ непроницаемость; но абсолютная непроницаемость не существуетъ... И, такимъ образомъ, все рушится въ прахъ!

Да здравствуетъ-же древній мудрецъ *Горгіасъ*, который написалъ и озаглавилъ сочиненіе: *о несуществующемъ или о природѣ*!

ГЛАВА XXXIX.

Изумительно, что такой результатъ, заключающій самое тонкое и строго-логическое изслѣдованіе *всеобщимъ ничтожествомъ*, *небытіемъ чего бы то ни было*, не пугавшій древнихъ софистовъ и скептиковъ, не пугаетъ нѣкоторыхъ мыслителей и въ наши дни. Изумительно, что, и въ наши дни, мы можемъ прочитать не одно сочиненіе: *о несуществующемъ или о природѣ*, хотя и подъ другими названіями. Опытъ подобнаго сочиненія мы имѣемъ въ трудѣ природнаго русскаго философа, *М. Троицкаго*, которое озаглавлено: «*Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи*». Въ этомъ твореніи мы видимъ трудъ весьма солидный, а въ творцѣ его видимъ мыслителя многоученаго и тонкаго, писателя съ перомъ острымъ, языкомъ яснымъ и мѣткимъ, чуждаго сколько нѣмецкой туманности, столько-же и той фельетонной расплывчатости новѣйшихъ философствующихъ писателей, которая такъ утомляетъ въ сочиненіяхъ *Д. С. Милля*, *Г. Спенсера* и другихъ,—вообще философа, обладающаго достоинствами, которыя характеризуютъ серьезный философскій умъ, способный къ ка-

питальной самостоятельной работѣ. Конечно, *М. Троицкій* изумился бы, узнавъ, что мы приписываемъ ему тенденцію вразумить насъ въ *небытіи чего бы то ни было сущаго*, — и, конечно, сейчасъ закидалъ бы насъ тысячами возраженій изъ своего-же сочиненія. Знаемъ это, и однако-жъ, настаиваемъ на томъ, что тема его сочиненія заключается въ древне-греческомъ: «οὐδέν ἐϛί,—*ничто не существуетъ*,—*а еслибы что-нибудь и существовало, то его нельзя было бы познать*;—*человѣкъ есть мѣра всего существующаго*,—*не можетъ быть никакихъ предметныхъ сужденій и опредѣленій*»,—какъ говорили древніе софисты, и именно знаменитѣйшій изъ софистовъ, *Горгіасъ*, писавшій вышеупомянутое сочиненіе: *о несуществующемъ или о природѣ*. Чтобы поддержать свою мысль и слово, мы постараемся говорить словами самаго *М. Троицкаго*.

М. Троицкій представляетъ въ себѣ русскаго прозелита *Англійско-Шотландской Школы*, къ которой принадлежитъ *Д. С. Миллъ*, а во главѣ которой, по времени, стоятъ *Бэконъ и Локкъ*. Его теорія тожественна, до буквальности, съ разобранною нами теоріею *Д. С. Милля*. Но *Троицкій*, какъ природный русскій, превосходитъ англичанина *Милля* пылкостью, съ какою исповѣдуетъ Философскій символъ Англійско-Шотландской Школы, подтверждая тотъ извѣстный психическій фактъ, что прозелиты всегда бываютъ болѣе ригористическими и фанатическими исповѣдниками принятаго символа, чѣмъ исповѣдники—аборигены. *М. Троицкій*, однакожъ, не считаетъ себя *позитивистомъ* и вовсе почти не употребляетъ названія *позитивизмъ*; школу, пылко имъ защищаемую, слѣдовало бы назвать *индуктивного контрасиллогистическою*, а ученіе *индуктивизмомъ*, или *индуктивнымъ эмпиризмомъ*, совершенно исключающимъ какія бы то ни было *универсальныя начала*, а тѣмъ болѣе, *прирожденныя идеи*. Предъ англійскими философами, взятыми въ-совокупности, онъ преклоняется, однакожъ, не безъ оттѣнка въ степени почтительности предъ отдѣльными лицами. Предъ *Бэкономъ*, *Локкомъ*, *Гоббесомъ*, *Юмомъ*, *Броуномъ*, *Джемомъ Миллемъ*, *Д. С. Миллемъ*, *Бэномъ* онъ благоговѣетъ всецѣло, превознося особенными похвалами втораго и послѣдняго; *Рида* хвалитъ за его индуктивную методу, но уже и порицаетъ довольно чувствительно за приверженность къ универсальнымъ *началамъ*; *Дюгальта Стюарта*, *Уэвеля*, *С. В. Гамильтона* деликатно щадитъ, какъ питомцевъ той-же школы, хотя и не сочувствуетъ ихъ стремленію къ познанію реальному, познанію вещей самихъ въ себѣ.

Но французскихъ философовъ онъ не любитъ поголовно; о самомъ *О. Контѣ*, котораго даже англичане въ-родѣ *Д. С. Милля и Льюиса*, считаютъ и даже называютъ великимъ, онъ едва удостоилъ упомянуть; *Кузэна* тяжко порицаетъ за пристрастіе къ абсолютному; щадитъ только *Кондильяка* за неуклонное сочувствіе принципамъ *Локка*. О древнихъ, *Платонѣ и Аристотелѣ*, упоминаетъ безъ похвалъ и порицаній, хотя и относится къ нимъ довольно холодно, какъ людямъ мало увеличившимъ запасъ психологическихъ знаній; теорію *Платона* просто провозглашаетъ «*очевидно нелѣпою*». Но средневѣковой схоластикѣ достались одни только, и притомъ тяжкіе, укоры. *Къ Декарту*, *Лейбницу*, *Вольфу*, пропагандировавшимъ будто-бы только подкрашенную схоластику, таже строгость. Ко всѣмъ адептамъ средне-вѣковаго силлогизма и схоластическихъ универсальныхъ началъ таже строгость и часто суровая. Но, о небо! Чего то не достается бѣднымъ *Канту*, *Фихте*, *Шеллингу*, *Гегелю*, *Гербарту*, *Бенеке*, этимъ свѣтиламъ германской философіи, какъ и всей вообще философіи! Въ самомъ дѣлѣ, это поучительное явленіе. *Г. Троицкій* представляетъ въ себѣ мыслителя далеко серьезнѣе Чернышевскаго,—обнаруживая не-только философствующаго мыслителя — дилетанта, но и дѣйствительнаго ученаго философа. Между-тѣмъ манера отношенія къ противнымъ мнѣніямъ одинакова у него съ манерою *Чернышевскаго*, — манера узкой нетерпимости, позволяющей себѣ ругательства только-что не площадныя, за-то истощившей, въ дозволяемыхъ приличіемъ предѣлахъ, ругательный лексиконъ до той границы, за которую уже безсильно переступить самое смѣлое и довольно изобрѣтательное остроуміе. Такая была, если только миновала, или только настала, бранчивая эпоха!

Познакомимся, хотя нѣсколько, съ отношеніями *М. Троицкаго* къ философамъ Англіи, Франціи и Германіи. Его отзывы могутъ быть назидательны для насъ во многихъ отношеніяхъ: 1) въ нихъ мы можемъ слышать отголосокъ сужденій всѣхъ современныхъ позитивистовъ и естественниковъ о всякой, сколько-либо метафизической философіи, особенно же о Германской; 2) можемъ убѣдиться до какой крайней степени упало вниманіе современной модной учености къ системамъ еще недавно пресловутымъ германскихъ метафизиковъ, которые, *прегордая суеты вѣщающе*, мнили о себѣ, что низводятъ новую мудрость съ неба, а полстолѣтія спустя, повергнись въ прахъ общаго пренебреженія; и 3) смотря на этотъ поразительный примѣръ, можемъ питать надежду, что такоеже печальное посрамленіе ждетъ и фантазія ригористически позитивнаго индуктивизма, который, въ болѣзненномъ бредѣ *Эдуарда Гартмана*, дошелъ уже до крайняго пункта умозступленія, дальше котораго идти уже некуда.—«*Индуктивная* метода», пишетъ

Троицкій [1]),—«въ послѣднія три столѣтія, имѣла на своей сторонѣ гораздо болѣе значительныхъ приверженцевъ, чѣмъ всякая другая. *Въ Англіи*, со времени *Локка*, она стала безспорною для *всѣхъ лучшихъ изслѣдователей духа*. Заслуга *Локка* [2]) не встрѣчаетъ соперничества: если *Бэконъ первый* открылъ правила, какими *совершенствуется человѣческое знаніе*, то *Локкъ болѣе всѣхъ* способствовалъ человѣчеству въ широкомъ наблюденіи ихъ; онъ сдѣлалъ *больше всѣхъ* къ уврачеванію болѣзней, препятствовавшихъ дѣйствію этихъ правилъ, и положилъ начало тому *широкому разливу здраваго и сильнаго ума*, который есть *и величайшее изъ всѣхъ усовершенствованій, и орудіе для достиженія всякихъ будущихъ*. Въ Англіи метода *Бэкона* и *Локка* скоро встрѣтила [3]) безусловное признаніе своихъ правъ. Но во Франціи система *Локка* сначала увлекла за собою всѣхъ туземныхъ изслѣдователей духа. *Кондильякъ*, восторженный поклонникъ *Локка*, далъ тонъ пріемамъ изслѣдованія этого рода, господствовавшій во Франціи въ-продолженіи всей послѣдней половины XVIII в.; но, съ началомъ текущаго столѣтія, противъ пріемовъ индуктивнаго изслѣдованія начинается реакція. *Кузэнъ* начинаетъ давать манерѣ изслѣдованія этого предмета другой складъ, реставрирующій прожитые вѣка силлогистики и, какъ выражался *Бэконъ*, вульгарной логики. Рядомъ съ этимъ направленіемъ потянулся *мистицизмъ*; все это, вмѣстѣ съ неотжившимъ матеріализмомъ, представителемъ котораго явился ученый *Контъ*, произвело во французской литературѣ нравственныхъ наукъ такую путаницу мыслей и такое смѣшеніе языковъ, какихъ далеко нельзя было ожидать. Нѣмецкая же наука о духѣ [4]), начиная съ XVII столѣтія, и донынѣ, стояла постоянно подъ двумя совершенно противоположными вліяніями, облагороженной *схоластики Декарта*, со-стороны французской, и *индуктивнаго изслѣдованія*, со-стороны англійской. До половины XVIII столѣтія, въ ней господствуетъ направленіе Декарта, и *Лейбницъ съ Вольфомъ* заправляютъ умами; но съ появленіемъ *Канта* начинается реакція противъ Локкова направленія, которая переходитъ въ самую *необузданную фантастику*. *Кантъ* [5]), въ Германіи, предупредилъ дѣло *Кузэна* во Франціи; попытка того и другаго кончилась одинаково ничѣмъ, т. е. никакими положительными успѣхами. Что же касается *зла*, произведеннаго обоими, то пальма первенства принадлежитъ *Канту*: одно уже развращеніе литературнаго вкуса нѣмецкихъ ученыхъ, эта страсть къ непроницаемо-темному восточному складу стиля, напоминающему языкъ пиѳіи, Гераклита и индійскихъ Вѣдъ, есть великая историческая вина *Канта*. Привиллегированный [6]) классъ идей, существующій въ духѣ человѣка раньше всякаго ощущенія, получилъ у *Канта* привиллегированную роль въ дѣлахъ опыта и наблюденія,— и средневѣковыя претензіи силлогизма, какъ независимой отъ индукціи методы изслѣдованія, были спасены; а этого было уже достаточно, чтобы, съ-помощью такого рычага, снова повернуть вверхъ дномъ всю область нашихъ знаній и, вычурностью полетовъ въ *область сущностей*, превзойти самую схоластику. Пылкіе умы *Фихте*, *Шеллинга*, *Гегеля* снова пустились въ изслѣдованія сущности вещей, и, на манеръ востока, божественной сущности вещей. Этотъ послѣдній тонъ былъ заданъ *Спинозою*, который въ школу *Декарта* внесъ элементъ

---

[1]) 3. [2]) 28. [3]) 102. [4]) 112. [5]) 115. [6]) 117.

мышленія восточнаго. Идя шагъ за шагомъ въ отрицаніи всякой здравой методы изслѣдованія, нѣмецкая литература воспроизвела и средневѣковыхъ мистиковъ, и гностицизмъ, и неоплатонизмъ, и буддизмъ. То была *вакханалія* европейскаго ума, которая едва-ли когда-нибудь повторится, *мистическая горячка*, свирѣпствовавшая съ позволенія силлогизма *Канта* и подъ вліяніемъ восточнаго умосозерцанія *Спинозы*, — *болѣзненное повѣтріе* въ наукѣ, *духовная зараза*. Въ Германіи узаконены были двѣ параллельныхъ науки и двѣ энциклопедіи наукъ, *наука эмпирическая, per inductionem*, и наука, *per syllogismum, раціональная*. Индуктивныя науки предоставлены были низшей расѣ,—эмпирикамъ, нѣмецкіе же философы присвоили себѣ возвышенности силлогистики. Но, увы, эта гордая комбинація кончилась въ Германіи *весьма комическими* послѣдствіями. *Вольфъ* оставилъ имя философіи за энциклопедіею наукъ, которыя вычеркнуты *Бэкономъ*, какъ *безсмысленный балластъ*, накопленный *вѣками невѣжества*, — и когда великая истина Бэконовой энциклопедіи была сознана въ Германіи,—то нѣмецкіе эмпирики, а съ ними и публика, почувствовали *отвращеніе* и стали высказывать явное *презрѣніе* не къ схоластикѣ, а къ философамъ! . . *Кантомъ* создана система [1]) трансцендентальныхъ свойствъ, которыя олицетворены имъ въ самостоятельныя силы,—и вотъ явились два порядка духовныхъ силъ: силы *Вольфа*, которыя Кантомъ низведены въ разрядъ эмпирическихъ, и силы трансцендентальныя, которыми владѣютъ тѣ эмпирическія силы: до такого *уродливаго и фантастическаго вида* дошла, въ рукахъ *Канта*, эта *бѣдная схоластическая теорія духовныхъ силъ!* И въ «*Критикѣ чистаго разума*», опирающейся на такую ложную теорію, историки изъ школы Гегеля хотятъ видѣть epochemachendes Werk. Удивительно ли, что *Гербартъ* и *Бенеке*, почувствовавъ *всю нелѣпость* такой теоріи силъ, воевали противъ нея *съ такимъ шумомъ и запальчивостью, какъ-будто спасали отечество*, и, введенные въ обманъ терминологіею *Локка* и *Кондильяка*, вообразили, что они первые открыли такую дивную вещь; между-тѣмъ имъ тѣмъ менѣе слѣдовало восхищаться своими открытіями, что они сами далеко не освободились отъ *схоластическаго балласта* силъ и далеко не возвысились на точку зрѣнія *Локка*. Реформа *Бенеке* состоитъ единственно въ томъ, что, на мѣсто ограниченнаго числа Вольфовыхъ силъ, онъ поставилъ цѣлые *милліоны* силъ. При такомъ изобиліи *схоластическихъ паразитовъ* въ организмѣ нѣмецкой науки, трудно было развиваться привитой къ нему методѣ *Бэкона* и *Локка*. Мы выносимъ *горькое убѣжденіе*; *печально думать*, что нѣмецкая философія не усвоила себѣ критицизма *Локка*, и въ этомъ состоитъ *коренной недугъ, мѣшающій всякой правильной* обработкѣ ея методы. Критицизма не было до *Канта*; былъ мнимый и призрачный въ системѣ *Канта*, а въ системахъ *Фихте, Гербарта и Бенеке потерялось уже всякое внѣшнее приличіе критической методы*,—и философская критика, въ ихъ системахъ, звучитъ *такъ странно, какъ проповѣдь скупаго о нестяжательности, или кровавыя рѣчи французскаго Конвента*, украшенныя цвѣтистыми терминами братства, равенства и свободы. Соедините затѣмъ [2]) всѣ безчисленные элементы, отличающіе идеализмъ *Берклея* и схоластику, и картезіанство, и мистику *Спинозы*, и трансцендентальную фило-

---

[1]) 126. [2]) 316.

софію Канта,—прибавьте къ этому всѣ когда—либо существовавшіе мистицизмы Азіи, Африки и Европы, и, сверхъ всего, чрезвычайный языкъ, свойственный такому небывалому содержанію,—и вы получите приблизительное понятіе о богатствѣ факторовъ нѣмецкаго идеализма. Философія природы *Шеллинга* остается фантастическимъ построеніемъ, *не остроумною шуткою надъ здравымъ смысломъ науки* [1]). *Схоластика Шеллинга* различаетъ предметъ ощущенія отъ самаго акта ощущенія! Относительно же *философіи религіи Шеллинга* здѣсь мы не находимъ уже достаточно словъ для выраженія своего удивленія; мы достигли здѣсь Геркулесовыхъ столбовъ метафизической мечтательности [2]). Но, съ изданіемъ [3]) *Логики Гегеля*, *Кантова схоластика* достигла апоѳеозы. У Гегеля философія нѣмецкаго идеализма сдѣлала не-только шагъ назадъ, сравнительно съ Кантомъ, но и пошла *ad absurdum*, *далѣе самой схоластики; система Гегеля* составляетъ *послѣднее предсмертное слово всей схоластической науки.* Еще [4]) не существовало, ни въ какое время, столько *бездарнаго произведенія*, какъ психологія *Гегеля* и его школы. *Можно ли читать безъ смѣха*, что у этихъ психологовъ, до начала всякихъ внѣшнихъ ощущеній, успѣваютъ образоваться такія явленія, какъ способности, таланты, геній, апатія, симпатія и антипатія, всѣ роды душевныхъ болѣзней, не исключая и идей fixes?! Можетъ ли быть *болѣе наивнаго вывода* духовныхъ явленій? Психологія этой школы даетъ выводы *истинно забавные.* Это уже *отталкивающая система; всѣхъ дикихъ явленій въ этой напыщенной психологіи* не перечтешь [5]). Одна *сплошная игра пустыми понятіями*, которая по временамъ переходитъ въ *чепуху*, есть самая господствующая черта сочиненій этой школы.

Что есть лучшаго у нѣмецкихъ философовъ, то все, по изысканіямъ *Троицкаго*, беззастѣнчиво заимствовалось нѣмцами у Британцевъ. Такъ, благороднѣйшій прототипъ философіи *Канта*, по М. Троицкому, есть философія *Рида*; кто хочетъ проникнуть въ *непроходимый* [6]) *мракъ Кантовой философіи*, тотъ долженъ обратиться къ *Риду*, простому, ясному и часто элегантному оригиналу *Канта.* Можно подивиться, до какихъ мелочей доходило заимствованіе *Канта* изъ *Рида.* По этому предмету многое и многое можно бы сказать нѣмецкимъ историкамъ нѣмецкой философіи: нѣмецкіе излагатели философіи *Канта* такъ настойчивы въ превозношеніи ея необыкновенной оригинальности и такъ согласно обходятъ, и такимъ подозрительнымъ молчаніемъ, *Рида* (справьтесь, наприм., съ самымъ широкимъ изложеніемъ философіи *Канта* и ея исторіи, съ двутомнымъ сочиненіемъ *Куно-Фишера*, и найдете, что краснорѣчивый историкъ, говоря о предшественникахъ *Канта* въ Англіи, забылъ почему-то упомянуть о *Ридѣ*), что тутъ приходится предполагать что-нибудь одно, или крупное историческое незнаніе, или какой-нибудь другой недостатокъ, о которомъ предоставляемъ судить каждому. Можно ли *болѣе комическимъ* образомъ разрѣзать цѣльныя Рядовы внушенія духа, міра и Божества, какъ это сдѣлалъ *Кантъ*? Откуда вышла вся эта *чепуха*, которая не преминула произвести впечатлѣніе на нѣмецкихъ изслѣдователей единственно вслѣдствіе своей *рѣшительной нелѣпости?* Удивительны тѣ *надменные* и, вмѣстѣ съ *тѣмъ*, *въ высшей степени плоскіе, грубые и поверхностные* порывы, какіе мы встрѣчаемъ, послѣ *Канта*, въ системахъ абсолютнаго

---

[1]) 324. [2]) 326.[5] [3]) 339. [4]) 352. [5]) 854. [6]) 394.

знанія, этого *унизительнаго бреда изступленныхъ головъ*. Въ Кантовой [1]) *Критикѣ чистаго разума* есть *двѣ—три здравыхъ мысли, взятыхъ у Локка, Юма и Рида*; по существу же она есть *сплошной рядъ заблужденій*, взятыхъ у Рида и *доведенныхъ всюду ad absurdum*, прибавкою *схоластическаго наслѣдства*,— *есть сплошное извращеніе всѣхъ понятій здравой философіи*. Читая эти *софизмы*, не вѣришь, чтобы *серьезный* [2]) *ученый* могъ написать такую *нескладицу*, которая, однакожъ, должна составлять опору всей системы, въ которой *вся эта схоластика* не спасаетъ нисколько *безобразнаго порядка* самыхъ идей. Въ цѣломъ философія Канта представляетъ *доведенное до крайности* уклоненіе отъ здравой философіи, присоединеніемъ къ теоріи Рида разнообразнаго и богатаго наслѣдства схоластики; система *Канта* была рѣшительною реакціею противъ науки индуктивной и замаскированнымъ возвращеніемъ къ схоластикѣ и школѣ *Декарта* [3]). Когда подумаешь, какъ легко *разрасталась ложь* и *затемнялись* самыя простыя вещи подъ руками такихъ изслѣдователей духа, какъ *Кантъ и Фризъ*, тогда перестаешь удивляться, что ихъ послѣдователямъ удалось создать *цѣлыя сотни системъ сплошной лжи и заблужденій*. Не понимаешь, какимъ образомъ подступиться съ критикою *къ этому калейдоскопу всякихъ вымысловъ*, въ который обратилась простая теорія *Рида*, въ рукахъ *Канта и Фриза*. Нѣмецкая философія создала какой-то *необъятный философскій талмудъ и кабалу* [4]). Въ Нѣмецкой философіи, *съ Канта, схоластика достигла, впервые, своего апогея. Такой грубой помѣси* духовныхъ и вещественныхъ качествъ не найти даже въ *золотые вѣка этой невѣжественной философіи* [5]). Вся психологія *Гербарта* есть не иное что, какъ обработанная *миѳологія духа* [6]); должно признаться, что, кромѣ *самыхъ слабыхъ и отдаленныхъ намековъ* на дѣйствительные предметы психологическаго анализа, мы не находимъ въ ней ровно ничего; — но за-то встрѣчаемъ *много капитальныхъ вымысловъ* [7]). У *Бенеке* вся эта *миѳологія духа* перешла въ *алхимію духа* [8]); въ его психологіи начинается рядъ такихъ психическихъ *мистерій*, которыя невольно заставляютъ вспомнить о *временахъ алхиміи* [9]); его *метафизическая эпопея*, по *богатству и причудливости вымысла*, далеко оставляетъ за собою теорію *Гербарта* и производитъ непріятное впечатлѣніе, какое способна производить *чепуха en masse* [10]). *Болѣе дикой и безмысленной алхиміи духа* [11]), кажется, трудно и представить въ нашемъ столѣтіи. Чѣмъ занимается психологія *Бенеке*? Важною проблеммою, какъ изъ милліоновъ чувственныхъ силъ созидается существо, которое мы называемъ душою: докторъ *Бенеке*, подобно доктору *Вагнеру* у *Гёте*, наблюдаетъ происхожденіе духовнаго *homunculus — a*. Но самое странное обстоятельство, заключающееся во всемъ этомъ, — это *простодушное самохвальство и наивное самомнѣніе Бенеке*, связанное съ тою idea fixa, что психологія его, опирающаяся на *метафизико-алхимическія бредни*, есть совершеннѣйшій продуктъ экспериментальнаго изслѣдованія. *Бенеке* [12]) незнакомъ (съ нашимъ пѣтухомъ— *Крылова?*) съ этимъ единственнымъ измѣрителемъ достоинства нашихъ опытныхъ изслѣдованій о духѣ,—съ экспериментальными методами, которыя были указаны *Бэкономъ* и которыми руководствовались всѣ англійскіе психологи изъ школы

---

[1]) 425. [2]) 429. [3]) 431, [4]) 446. [5]) 451. [6]) 488. [7]) 514. [8]) 560. [9]) 568. [10]) 586. [11]) 595 [12]) 597.

Локка; отъ того-то слова: *точное наблюденіе, фактъ, самая вѣроятная гипотеза* стоятъ у него именно тамъ, гдѣ другіе пользуются болѣе отвѣчающими дѣлу терминами, *какъ то*: *метафизика, вымыслъ, чепуха* и т. д.—*Бенеке*, воспитанникъ двухъ школъ, не имѣющихъ между собою почти ничего общаго, — нѣмецкой, главнымъ образомъ, *Фриза*, и англійской, главнымъ образомъ, *Броуна*: этимъ объясняется *поражающая нельпость системы Бенеке*, разрѣшаются *главныя мистеріи* фундаментальныхъ его теорій, объясняя *ихъ немудрое происхожденіе*, насколько у нихъ дѣла, позаимствованнаго въ своей ясности и оригинальности у *Броуна* и съ какого пункта начинаются собственные вымыслы Бенеке, довершавшіе исторію отсталыхъ теорій *Фриза* и *Гербарта* [1]), *Вообще банкротство нѣмецкой философіи* замѣтно для всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могло выти изъ такой занимательной работы — воздушныхъ построеній? *Ложь въ квадратѣ, въ кубѣ* и т. д., *ложь, разрастающаяся во всѣ стороны и совершенно закрывающая собою дѣйствительность*. Такова именно и есть [2]) исторія нѣмецкой философіи, съ *Канта*: *идеализмъ*, переходящій, наконецъ, въ *патентованную чепуху*, и *реализмъ*, который въ психологіи *Бенеке* выразился *до возбужденія тошноты*... Наконецъ, въ психологіи *Фихте младшаго* и его друзей *М. Троицкій* видитъ рѣшительный *шагъ назадъ*, *даже сравнительно съ системою Фриза, Гербарта и Бенеке*, потому-что вся эта *психологическая поэма* есть только смѣсь обыкновенной *картезіанской пневматологіи, съ различными старыми и новыми отпрысками мистики* [3]);—потому-что, заявивъ свою философскую тенденцію—примирить всѣ оригинальныя системы нѣмецкой философіи, т. е. *Канта, Фихте старшаго, Шеллинга, Гегеля, Фриза, Гербарта* и *Бенеке, Фихте младшій* приглашалъ къ самому жалкому труду, — рекомендовалъ всю *спекулятивную чепуху* абсолютныхъ тожествъ, примитивныхъ силъ, слѣдовъ и т. д. слить коллективными усиліями въ *такой закоченный философскій сумбуръ, чтобы никакая масса свѣта и здраваго смысла впредь не могла расшатать такой величественной системы философіи.*

Итакъ, у *М. Троицкаго* оказывается только и солнца, что въ окнѣ,—только и свѣту, что въ индуктивной методѣ англійскихъ философовъ. Къ нимъ *М. Троицкій* очень слабъ, до восторженности. Наприм., «послѣдняго излагателя» индуктивной философіи, *Бэна*, онъ превозноситъ въ такихъ выраженіяхъ: «его широко задуманный планъ выполненъ *съ самыми тонкими и превосходными* подробностями [4]) и широкое господство закона смежности сдѣлалось *прозрачнымъ, какъ кристаллъ*; его анализъ *блистательно заканчиваетъ для нашего времени* обработку законовъ ассоціаціи въ Англіи». Даже для *Рида*, какъ англичанина, не-смотря на его универсальныя начала, нашлись у *М. Троицкаго* мягкія слова. «Самое тонкое и наименѣе чувствительное уклоненіе», — пишетъ онъ [5]), — «отъ критицизма *Локка къ догматизму схоластики* есть, безспорно, философія *Рида* и его старой школы, которой принадлежатъ *знаменитыя имена Дюгальда Стюарта, Гамильтона и Уэвеля*». *Ридъ*—*превосходный ученый* за то, что «строго держался основныхъ руководительныхъ началъ *Бэкона* и *Локка*». Но такъ-какъ онъ «нашелъ возможность возвратиться къ *principia universalia схоластиковъ*, *М. Троицк.й*, при всемъ лестномъ къ нему вниманіи, «не можетъ не дивиться

---

[1]) 611. [2]) 631. [3]) 645. [4]) 152, 184. [5]) 356.

скудости результатовъ *Рядовой* философіи *универсальныхъ началъ*. Итакъ, въ индукціи спасеніе; помимо же индукціи всеконечная гибель.

Посмотримъ же теперь, къ какимъ богатымъ результатамъ привела индукція самаго *М. Троицкаго*. Мы выше сказали, и теперь имѣемъ въ-виду доказать, что *она привела его къ ничтожеству, къ отсутствію какого бы то ни было бытія*. Богатый результатъ! Стоило изъ-за этого хлопотать!

Въ выводѣ, по ученію *М. Троицкаго*, *не существуетъ ничто. Да, именно, это самое онъ проповѣдуетъ ясно и рѣшительно, какъ самый научный выводъ; и реализмъ, допускающій бытіе вещества, или даже самого духа, внѣ потока нашихъ ощущеній, онъ провозглашаетъ не заслуживающимъ имени науки!* Мы уже предупреждали и теперь повторяемъ, что теорія *М. Троицкаго* тожественна, до буквальныхъ выраженій, въ существенныхъ пунктахъ, съ системою *Д. С. Милля*, только извлечена изъ системы не одного *Милля*, а всѣхъ британскихъ философовъ этой школы и скрѣплена горячимъ сочувствіемъ самаго *М. Троицкаго*, отъ чего и получила у него, какъ у прозелита школы, болѣе рѣзкій и крайній характеръ, чѣмъ у самаго *Д. С. Милля*. *Вотъ основоположенія теоріи М. Троицкаго, представленныя въ фактическомъ порядкѣ.*

I) Вопросъ: *когда человѣкъ впервые начинаетъ имѣть идеи?* Отвѣтъ: когда онъ впервые имѣетъ какое-нибудь ощущеніе; идея въ умѣ современны ощущенію, т. е. какому-нибудь впечатлѣнію, или движенію въ извѣстной части тѣла, производящему въ умѣ какую-либо перцепцію. Послѣднимъ звѣномъ преемства явленій стоитъ внѣшнее ощущеніе. Внѣшнія ощущенія суть внѣшнія причины нашихъ внутреннихъ состояній. Первый порядокъ духовныхъ явленій, зависящихъ отъ извѣстныхъ состояній нашихъ тѣлесныхъ органовъ, есть наша чувственность.

II) Но мы начали еще не сначала. Нужно узнать сперва, *откуда возьмутся ощущенія, впечатлѣнія, движенія тѣла, перцепція, идея, умъ, весь человѣкъ?* Каждое изъ этихъ названій содержитъ подъ собою явленіе болѣе или менѣе сложное и производное. А въ томъ, по *М. Троицкому*, и состоитъ вся задача философіи, чтобы рѣшить, какіе классы явленій надобно признать далѣе неразложимыми, или несводимыми къ болѣе высокимъ порядкамъ и разсматривать, какъ основныя феноменальныя свойства, или силы духа, и какіе слѣдуетъ считать производными способностями духа?

III) *Что же въ моемъ духѣ есть самое основное, первоначальное?* Появленіе мѣстоимѣнія *Я*, по *М. Троицкому*, отнюдь не есть господствующій фактъ въ нашемъ духѣ. Бываютъ моменты, когда не оказывается и того, что выражается мѣстоименіемъ *Я*. Анализъ и критика могутъ уничтожить феноменъ *Я* и *Не-я*, какъ духа и вещества. Чтобы допскаться первоначала всего, мы должны возвратиться къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не

образовался этотъ контрастъ *Я* и *Не-я*. Такое состояніе бываетъ, когда человѣкъ, *духъ* и *его Я*, съ противоположеніемъ въ немъ контраста *Не-я*, только начинаетъ быть.

IV) Мы должны взять моментъ, когда для меня, моего *Я*, моего духа, *нѣтъ ничего*. Вообразимъ-же, что не существуютъ ни духъ, ни я, ни внѣшнія вещи. Вотъ начинаетъ быть какое-нибудь самое первое движеніе, въ какой-либо части тѣла. Это движеніе сопровождается первымъ впечатлѣніемъ на чувство. Впечатлѣніе на чувство сопровождается первою перцепціею въ умѣ, или первою идеею. Но и тутъ нуженъ постепенный анализъ.

V) Начнемъ съ того, что *въ умѣ не существуютъ какія бы то ни было априорныя идеи*. Да и существовать имъ негдѣ, такъ-какъ не существуетъ самый умъ. Не существуютъ прирожденныя начала науки, какъ самобытная собственность ума, предваряющая всякое наблюденіе и опытъ. Духъ нашъ приходитъ къ идеямъ или къ перцепціямъ вещей *посредствомъ внѣшнихъ чувствъ*. Человѣкъ впервые начинаетъ имѣть идеи, когда впервые имѣетъ какое-либо *ощущеніе*. Идеи въ умѣ современны *ощущенію*. Каждое духовное впечатлѣніе имѣетъ свою идею. Идеи суть только чувственныя наши состоянія. Идеи суть воспроизведеніе оригинальныхъ впечатлѣній духа, какъ-то, *вопервыхъ*, *ощущеній*. Ясно, что *идея есть явленіе производное, а не первоначальное*. Начало же или причина идеи лежитъ глубже.

VI) *Локкъ* находитъ *два источника идей: ощущеніе и рефлексію*. Умъ нашъ не имѣетъ ни малѣйшаго проблеска идей, какихъ онъ не почерпнулъ бы изъ котораго нибудь изъ этихъ двухъ источниковъ: ощущенія и рефлексіи. Духовныя явленія объясняются изъ внѣшнихъ вліяній и рефлексіи. Духовныя явленія распадаются на три класса или порядка: чувственности, рефлексіи и дѣятельности. *Первый порядокъ* составляютъ явленія, зависящія отъ извѣстныхъ состояній нашихъ тѣлесныхъ органовъ,—*а второй порядокъ*, обнимающій духовныя явленія, именно явленія въ области ума, открывается воспроизведеніемъ ощущеній въ идеи. *Итакъ, идеи имѣютъ свою ближайшую причину въ рефлексіи, а дальнѣйшую въ ощущеніи.*

VII) Отсюда уже открывается и то, что *рефлексія имѣетъ свою ближайшую причину въ ощущеніи*. Перцепцію производитъ въ умѣ впечатлѣніе; вслѣдъ за впечатлѣніями на наши внѣшнія чувства, духъ нашъ впервые употребляетъ себя для перцепціи. Рефлексія есть отзвукъ или откликъ духа на внѣшнія ощущенія,—есть рядъ духовныхъ явленій, прямо или косвенно вызванныхъ предметными впечатлѣніями. Ощущенія суть необходимыя начала всей высшей духовной жизни. Послѣднимъ звѣномъ въ ряду преемства духовныхъ явленій стоитъ внѣшнее ощущеніе. Наша чувственность есть основная низшая форма феноменовъ мыслительности, *получаемая отъ природы тѣлесной*, какъ залогъ нашего высшаго духовнаго развитія.

VIII) Отсюда открывается далѣе, что и внѣшнее ощущеніе не есть причина первоосновная, первоначальная,—такъ-какъ *ощущеніе предполагаетъ впереди себя движеніе частей тѣла*. Духъ нашъ приходитъ къ перцепціямъ вещей *посредствомъ внѣшнихъ чувствъ* (слѣд., и *посредствомъ органовъ чувствъ*). Ощущеніе предваряется впечатлѣніемъ *на наши внѣшнія чувства*, или движеніемъ въ извѣстной

части тѣла, производящимъ въ умѣ какую-либо перцепцію. Ощущенія вызываются предметными впечатлѣніями. Духовныя явленія производятся *причинами внѣшними*, т. е. предшествующими имъ *перемѣнами въ тѣлѣ* и событіями въ окружающемъ наше тѣло вещественномъ мірѣ. Всѣ случаи духовныхъ явленій обязаны своимъ существованіемъ какимъ-нибудь предыдущимъ духовнымъ явленіямъ, вызваннымъ *внѣшними предметами*, какъ ихъ причинами. Ощущеніе есть послѣдствіе *явленій вещественныхъ* и, ближайшимъ образомъ, — *нервныхъ и мозговыхъ*. Начало внѣшнихъ ощущеній мы ведемъ *отъ предметовъ посторонних* *нашему духу*. Извѣстная часть духовныхъ явленій (ощущенія) слѣдуетъ, неизмѣнно и безусловно, за извѣстными событіями органическими; или тѣлесными и, съ растройствомъ, или уничтоженіемъ этихъ предыдущихъ явленій, разстроиваются или уничтожаются и эти послѣдующія, т. е. ощущенія. Безъ предварительныхъ извѣстныхъ перемѣнъ или событій въ нашемъ тѣлѣ, безъ явленій въ нервахъ и мозгѣ, отъ которыхъ зависятъ наши ощущенія, мы, родившись на свѣтъ, не могли бы быть причастниками какой бы то ни было, духовной жизни. Явленіямъ духовнымъ, которыя мы называемъ внѣшними ощущеніями, неизмѣнно и безусловно предшествуютъ различныя органическія перемѣны, или событія въ нервахъ и мозгѣ. Имѣютъ ли явленія органическія какое бы то ни было, прямое или косвенное, вліяніе на собственныя операціи духа,—иначе сказать, отзываются ли эти явленія какимъ-либо прямымъ, или косвеннымъ, видоизмѣненіемъ оригинальныхъ основныхъ законовъ духа? На этотъ вопросъ физіологія не дала строго научнаго отвѣта; но всѣ данныя склоняются къ отвѣту положительному. Относительно самой природы связи чувствующаго органа съ ощущающимъ духомъ мы никогда не будемъ въ-состояніи знать что-нибудь больше того, что заключается въ простомъ фактѣ, что извѣстному состоянію духа предшествуетъ непосредственно извѣстное впечатлѣніе на нервную систему. Что за особеннымъ состояніемъ частей мозга всегда слѣдуетъ перемѣна въ состояніи ощущающаго духа, это дѣйствительно удивительно; но ничуть не удивительнѣе того, что восхожденіе мѣсяца на извѣстную точку небесъ всегда дѣлаетъ состояніе тѣла на земной поверхности отличнымъ отъ того, какое ему свойственно въ другое время, — или что состояніе каждой изъ частичекъ нашего земнаго шара, въ ихъ относительныхъ тенденціяхъ тяготѣнія, безспорно, должно мгновенно измѣниться, вслѣдствіе разрушенія самаго отдаленнаго спутника, самой отдаленной планеты нашей системы. Для объясненія связи физическихъ и духовныхъ явленій издавна существовали *теорія первной жидкости, животные духи Декарта, эѳиръ Ньютона*. Но если сотрясенія мозговыхъ частичекъ замѣнить сотрясеніями или волненіями эѳира,— то результатъ будетъ тотъ-же самый: объясненіе законовъ ассоціаціи не подвинется ни на шагъ. Тоже самое должно сказать и о животныхъ духахъ *Декарта*, или нервныхъ токахъ. Попытки френологіи осуждены безвозвратно успѣхами анатоміи. Всѣ физіологическія попытки къ объясненію законовъ ассоціаціи остались безуспѣшны. Всѣ онѣ вышли изъ психической *гиллюзіи*, будто связь между воспроизводимыми идеями лежитъ глубже нашихъ ощущеній въ какихъ-нибудь сочетаніяхъ мозга и нервной системы.

IX) Итакъ, только-что мы хотѣли было, по указанію самаго *М. Троицкаго*, искать *дальнѣйшей причины нашихъ ощущеній въ движеніяхъ тѣла*, — *а при-*

чины движеній тѣла въ тѣлѣ и во внѣшнемъ мірѣ, какъ онъ спѣшитъ предостеречь насъ отъ подобной *иллюзіи*. Въ чемъ же здѣсь дѣло? — А въ томъ, что *все наше знаніе ограничено однѣми нашими собственными состояніями духа. Научнаго выхода изъ этихъ внутреннихъ состояній не существуетъ*,—и психологъ отдается только общему убѣжденію человѣчества, разсматривая вещи протяженныя, какъ существующія въ этомъ качествѣ независимо отъ его духа, и помѣщая часть своихъ субъективныхъ состояній въ эти протяженныя вещи, и, ближайшимъ образомъ, *въ органы своего тѣла*, какъ независимое отъ духа протяженное внѣшнее существованіе. Въ популярномъ сознаніи *тѣло стоитъ подлежащимъ* (причиною), *а чувственность—сказуемымъ* (дѣйствіемъ). *То иллюзія*, что даже ученые, особенно физики, *принимаютъ духовныя явленія за простыя сказуемыя, или видоизмѣненія нашего тѣла*. Но, спускаясь, до извѣстной мѣры, на популярную точку зрѣнія, т. е. принимая *внѣшній міръ и тѣло, какъ существующія независимо отъ состояній духа*, въ-качествѣ протяженнаго, дѣлимаго, цвѣтнаго и проч., психологъ никогда не можетъ забыть, что *внѣшніе предметы служатъ для него только простыми намѣстниками неизвѣстныхъ ему причинъ его чувственныхъ состояній*, въ ряду которыхъ послѣднимъ звѣномъ стоитъ внѣшнее ощущеніе.

X) Если же *собственное наше тѣло не существуетъ независимо отъ духа, то тѣмъ рѣшительнѣе должно утверждать тоже самое относительно существованія внѣшняго міра*. Какъ далеко простираются [1]) средства индуктивной методы, какъ органа науки? Отвѣтъ на это *у М. Трошкаго* сводится къ слѣдующему руководительному началу, принятому отъ *Локка:* метода индуктивная или аналитическая, по самой природѣ своей, не можетъ претендовать на познаніе сущности ни вещества, ни духа, ни тѣмъ болѣе верховнаго Виновника всего, въ котораго вѣруетъ благочестивый духъ. Познаніе [2]) чего бы то ни было за предѣлами простыхъ явленій недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Философская критика показала, что *внѣшній міръ для насъ существуетъ въ-силу нашихъ состояній*, которыя мы называемъ внѣшними ощущеніями, и начало которыхъ мы ведемъ отъ предметовъ постороннихъ нашему духу. И *Гоббесъ* [3]), на-основаніи анализа нашихъ ощущеній, пришелъ къ убѣжденію, что вещество, въ своей подлинной сущности, не доступно нашимъ умственнымъ средствамъ,— что *все наше знаніе о немъ ограничено только нашими внутренними состояніями*, которыя производятся неизвѣстными намъ внѣшними причинами, поэтому и называются внѣшними ощущеніями. Глубокое основаніе отрицанія *Берклея* [4]) заключается въ томъ, что *внѣшній міръ*, съ которымъ имѣетъ дѣло наука, *есть только видоизмѣненіе нашего собственнаго сознанія* и что выходъ изъ нашихъ внутреннихъ состояній въ бытіе независимое отъ духа дается не въ процессѣ нашего знанія. И *Ридъ* соглашался, что въ ощущеніяхъ дѣйствительно не содержится ничего, кромѣ собственныхъ состояній духа, не имѣющихъ никакого сходства съ внѣшними предметами. И по *Бэну* никакое знаніе о мірѣ не возможно [5]) безъ отношенія къ нашему духу. *Знаніе означаетъ состояніе духа. Понятіе о вещахъ матеріальныхъ есть вещь духовная.* Мы неспособны входить въ раз-

---

[1]) 34. [2]) 72. [3]) 30. [4]) 149. [5]) 186.

боръ существованія независимаго матеріальнаго міра; самый этотъ актъ былъ бы противорѣчіемъ. Мы можемъ говорить только о мірѣ, представляющемся нашему собственному духу. Вслѣдствіе иллюзіи рѣчи, мы воображаемъ, что способны созерцать міръ, входящій въ наше собственное духовное существованіе; но попытка къ этому сама себя изобличаетъ во лжи, потому-что это созерцаніе есть только усиліе духа. Итакъ, *міръ для насъ существуетъ только въ явленіи*, иначе сказать, — *въ ощущеніи и идеѣ*. Глубокій анализъ убѣждаетъ, что *вещи суть только агрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній*. Углубляясь во внѣшнія причины относимыхъ къ нимъ чувственныхъ качествъ, мы не идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ. *Вещество, матеріальный міръ суть только наши внѣшнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства. Вещество, въ дѣйствительности, это—наши постоянныя и независимыя идеи, только подъ другимъ названіемъ.*

XI) Но если внѣшній міръ не существуетъ независимо отъ нашего духа, то и *самый духъ не существуетъ внѣ нашего собственнаго ощущенія*. Мы видѣли уже, что, по руководительному началу *Локка*, индуктивная или аналитическая метода не можетъ претендовать на познаніе сущности духа также, какъ и вещества. Знаменитый вопросъ объ отношеніи между духомъ, какъ непзвѣстнымъ подлежащимъ духовныхъ явленій, и веществомъ, какъ сущностію независимою отъ нашихъ внутреннихъ состояній, столь занимавшій схоластику и школу *Декарта*, по словамъ *М. Троицкаго*, остался вопросомъ, не имѣющимъ въ наукѣ никакого мѣста. *Мы абсолютно не знаемъ сущности духа столько-же, сколько и вещества, независимо отъ состояній собственнаго сознанія*, потому-что [1]) всѣ наши понятія основаны на чувствахъ взаимнаго отношенія нашихъ собственныхъ состояній. Такъ-какъ всѣ состоянія или впечатлѣнія духа продолжаются только извѣстное время и затѣмъ исчезаютъ, смѣняясь вызываемыми ими другими,—то *существованіе духа есть только рядъ преемственныхъ перемѣнъ*. Въ дѣйствительности бываетъ только рядъ послѣдовательно смѣняющихся идей и ихъ отношеній. По словамъ *Броуна* [2]), всѣ чувства и мысли духа суть только самъ духъ, существующій въ различныхъ состояніяхъ. *Идеи суть самый духъ, подлежащій* [3]) *какому-нибудь впечатлѣнію*. Такъ, наприм., *ощущеніе запаха розы не есть прибавленіе къ духу; но ощущеніе запаха и есть духъ, существующій въ извѣстномъ состояніи, а ощущеніе запаха розы есть тотъ-же духъ въ нѣкоторомъ другомъ состояніи.*

XII) Но этого мало, что самый духъ нашъ существуетъ только благодаря своему собственному ощущенію. По *М. Троицкому*, невозможно познаніе ничего такого, что не лежитъ въ предѣлахъ духовныхъ и вещественныхъ явленій; *для нашего знанія не существуютъ* не-только сущности вещей, не-только духъ, какъ субстанція, но и *способности духа, какъ особые агенты, скрытые за явленіями*, и универсальныя начала, существующія раньше самыхъ первыхъ обнаруженій духа, и врожденныя идеи. Что *М. Троицкій*, вслѣдъ за своими руководителями, — корифеями школы, отрицаетъ бытіе въ духѣ априорныхъ универсальныхъ началъ и врожденныхъ идей, это мы уже видѣли. По его словамъ, идея

---

[1]) 275. [2]) 77. [3]) 313.

сть духа не отдѣлима, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, По *Декарту* [1]), часть идей приносится человѣкомъ съ самымъ рожденіемъ(ideae inn atae),—часть происходитъ позднѣе, но сохраняетъ тѣже свойства, пребывая въ духѣ въ-качествѣ вещей отъ него отличныхъ. По *Лейбницу*, въ монадахъ или душахъ существуютъ изначала копіи всѣхъ предметовъ; монады суть живыя зеркала цѣлой вселенной; онѣ различаются въ своемъ достоинствѣ, по степеня ясности присущихъ имъ отъ вѣчности идей или образовъ, достигающихъ наивысшей ясности въ душѣ человѣка; въ человѣкѣ онѣ проявляются только постепенно, выходя изъ глубины духа; но и пріобрѣтши ясность и раздѣльность, онѣ погружаются снова въ первобытное состояніе темноты. Ясное состояніе идей будетъ ощущеніе, воображеніе, мышленіе и т. д. Но *Локъ* [2]) призналъ невозможнымъ, чтобы душа обладала ими отъ природы и была въ нихъ живымъ зеркаломъ, въ которомъ отражается вселенная. Онѣ не находятся въ духѣ раньше первыхъ опытовъ; если онѣ имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ предметамъ, какъ существующимъ независимо отъ духа, то это отношеніе безусловно неизвѣстно намъ. Онѣ не существуютъ также и въ періодъ времени между ихъ оригинальнымъ появленіемъ въ духѣ и воспроизведеніемъ по собственнымъ законамъ духа. *Берклей* [3]) вполнѣ раздѣляетъ схоластическую теорію идей, какъ самостоятельныхъ вещей, существующихъ въ духѣ, вещей не тѣлесныхъ, а духовныхъ или интенціональныхъ. По *Броуну*, существованіе идей, какъ отдѣльныхъ отъ духа, и постоянное существованіе ихъ, какъ онѣ перестаютъ существовать въ индивидуальномъ духѣ, суть, очевидно, *такія-же догровня предположенія, какъ и предположеніе внѣшняго существованія матеріи; или лучше, постоянныя и независимыя идеи и суть, въ дѣйствительности, вещество,—только подъ другимъ названіемъ. Идеи суть самый духъ, подлежащій* [4]) *какому-нибудь впечатлѣнію*; наши идеи существуютъ не далѣе, чѣмъ впечатлѣніе духа, составляющее каждую частную идею. *Такимъ образомъ, по выраженію М. Троицкаго, средне-вѣковая теорія идей вырвана съ корнемъ!* Но этого мало. *М. Троицкій* отрицаетъ бытіе въ духѣ не-только идей, но и *памяти, сознанія и всякихъ душевныхъ способностей*. Законы ассоціаціи раздѣляютъ, по его словамъ, все наше духовное существованіе на два отдѣла: 1) оригинальныя впечатлѣнія, какъ-то: ощущенія, духовныя волненія желанія и проч., и 2) воспроизведеніе ихъ по законамъ ассоціаціи или идеи. *Кромѣ этихъ двухъ порядковъ* [5]) *духовныхъ состояній, этихъ оригинальныхъ впечатлѣній и этихъ идей, ничего не существуетъ въ нашемъ духѣ: въ нихъ безусловно исчерпываются всѣ духовныя явленія.* Но схоластики придумали еще третій классъ *явленій, не являющихся,—существованіе оригинальныхъ впечатлѣній, въ періодъ времени, протекающій между ихъ исчезновеніемъ и воспроизведеніемъ въ формѣ идей.* Область, въ которой онѣ существуютъ въ этотъ промежутокъ времени, называлась *памятью*. Схоластическая *теорія памяти, по М. Троицкому, противорѣчитъ рѣшительно всѣмъ правиламъ индуктивнаго изслѣдованія*, занимающагося исключительно фактами. Такъ-какъ всѣ состоянія или впечатлѣнія духа продолжаются только извѣстное время и затѣмъ исчезаютъ, смѣняясь другими, вызываемыми ими впечатлѣніями, и существованіе духа есть

---

[1]) 288. [2]) 289. [3]) 311. [4]) 313 [5])279.

только рядъ преемственныхъ перемѣнъ,—то мы и не вправѣ прибавить къ этому факту что бы то ни было, какой-нибудь классъ духовныхъ состояній, которыхъ нельзя отнести ни къ оригинальнымъ впечатлѣніямъ, ни къ идеямъ. *Впечатлѣнія духа, въ періодѣ времени между ихъ оригинальнымъ существованіемъ и воспроизведеніемъ въ формѣ идей, абсолютно не существуютъ въ духѣ, и все,* что говорится о ихъ сохраненіи въ духѣ, ихъ живучести и проч., суть только метафоры, означающія, что исчезнувшія впечатлѣнія или состоянія могутъ быть снова испытаны духомъ, если будутъ даны фактическія причины ихъ идеальнаго существованія. Думать же, что духъ можетъ существовать, въ одно и тоже время, во всей массѣ впечатлѣній прошлыхъ, съ прибавкою всѣхъ внечатлѣній настоящихъ, есть тройная нелѣпость. Тѣмъ не менѣе эта теорія памяти есть *догматъ для всѣхъ нѣмецкихъ психологовъ и въ немъ заключается послѣдній ключъ къ разгадкѣ всей нѣмецкой науки о духѣ. И Бэнъ* замѣчаетъ: о сохраненіи, отдѣльно отъ воспроизведенія, мы не знаемъ совершенно ничего. Я имѣю что-нибудь въ памяти,—это значитъ только, что я могу, при извѣстномъ поводѣ, воспроизвесть это или сдѣлать настоящимъ. *Сохраненіе отдѣльно отъ воспроизведенія есть вещь не существующая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и память, отдѣльно отъ воспроизведенія, оказалась, по М. Троицкому, вещью не существующею.*—А вмѣстѣ съ памятью, и *самое сознаніе оказывается, у М. Троицкаго, также вещью не существующею.* Терминъ—*знаніе, внутреннее чувство* [1]), *самосознаніе* имѣетъ разнообразные смыслы. *Ридъ* понялъ сознаніе, какъ операцію, *сопровождающую* всѣ другія духовныя операціи, или состоянія, и именно *параллельную.* Но по *Броуну* [2]), ощущеніе не есть какой-нибудь предметъ сознанія, отличный отъ самаго сознанія; напротивъ того, *всякое частное ощущеніе и есть сознаніе въ данную минуту.* Предполагать, что духъ существуетъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, въ *ощущеніи и сознаніи его, есть очевидная нелѣпость.* Сознаніе есть цѣлый рядъ состояній духа, каковы бы ни были эти жизненныя, минутныя, преемственныя состоянія, и этотъ терминъ употребляется не для выраженія чего-либо новаго, добавочнаго къ этому ряду: сознаніе не существуетъ подлѣ ощущеній, мыслей, страстей точно также, какъ не существуетъ четвероногое или животное, какъ отдѣльное существо, которое нужно прибавить къ волкамъ, тиграмъ, слонамъ и т. д. По *Броуну* [3]), иллюзія сознанія, какъ особенной силы, или элементарнаго, параллельнаго всѣмъ другимъ, состоянія духа, выходитъ изъ частаго употребленія мѣстоименія *Я*, какъ выраженія чувства нашего личнаго тожества, при смѣнахъ минутныхъ нашихъ состояній. Здѣсь связано нѣсколько преемственныхъ фактовъ: минутное сознаніе, состоящее въ какомъ-нибудь чувствѣ духа, и отношеніе его къ тому-же духу, который былъ уже въ другихъ состояніяхъ, исчезнувшихъ, прошлыхъ. Очевидно, что *сознаніе есть фактъ весьма сложный, слагающійся изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ сознаній минуты, оригинальнаго впечатлѣнія и воспроизведенія по законамъ ассоціаціи.* Вся [4]) тайна внутренняго наблюденія сводится къ двумъ способностямъ: воспроизведенію и чувствамъ различныхъ отношеній воспроизводимыхъ состояній. Въ-дѣйствительности же бываетъ только рядъ послѣдовательно смѣняющихся идей и ихъ отношеній. Духъ нашъ, въ двухъ различныхъ

[1]) 292. [2]) 295. [3]) 296. [4]) 298.

состояніяхъ, въ одно и тоже время, существовать не можетъ.—Вообще, по словамъ *М. Троицкаго*, нѣмецкое ученіе *о способностяхъ* [1]), *или силахъ духа*, долго тормозило успѣхи эмпирической, т. е. индуктивной психологіи. Но какъ скоро однажды было доказано, *Бэкономъ и Локкомъ*, что наука о духѣ ограничена изученіемъ однихъ только духовныхъ явленій, то само собою подразумѣвалось, что *силы или способности духа суть только самыя духовныя явленія и ничего больше,—точнѣе сказать, извѣстныя ихъ отношенія, законы или образія*, къ какимъ онѣ сводятся путемъ индукціи или анализа. *Въ духѣ возможно одно только преемство, одна послѣдовательность состояній*, и невозможна дѣйствительная абсолютная современность ихъ. *Духъ* [2]) *безусловно простъ, поэтому, и каждое отдѣльное состояніе или впечатлѣніе его должно быть безусловно просто.*—Уже замѣчено, что, по *М. Троицкому*, ощущеніе цвѣта не есть прибавленіе къ духу, но ощущеніе цвѣта и есть духъ, существующій, въ данный моментъ, въ извѣстномъ состояніи, и ощущеніе благовонія и есть духъ, существующій въ послѣдующій моментъ въ нѣкоторомъ другомъ состояніи.

XIII) Итакъ, *что же именно, и гдѣ, и какъ существуетъ*, послѣ всего этого, когда *и матерія, и духъ, и силы духа не существуютъ?* Мы уже читали у *М. Троицкаго*, что [3]) познаніе чего бы ни было, за предѣлами простыхъ явленій, недоступно нашимъ познавательнымъ средствамъ. Уже видѣли, что знаменитый вопросъ объ отношеніи между духомъ, какъ неизвѣстнымъ подлежащимъ духовныхъ явленій, и веществомъ, какъ сущностію независимою отъ нашихъ внутреннихъ состояній, столь занимавшій схоластику и школу *Декарта*, остался вопросомъ будто-бы не имѣющимъ въ наукѣ никакого мѣста. *Что-же имѣетъ мѣсто въ наукѣ? Все, что могло бы подлежать научному изслѣдованію*, по словамъ *М. Троицкаго*, будетъ, послѣ этого, не отношеніе духа и тѣла, какъ противоположныхъ субстанцій, *а единственно взаимное отношеніе двухъ противоположныхъ порядковъ явленій, вещественныхъ и духовныхъ, т. е. двухъ порядковъ нашихъ внутреннихъ состояній, или состояній нашего сознанія*, изъ которыхъ въ одномъ мы видимъ міръ внѣшній и отъ нашего духа независимый, а къ другомъ—собственныя дѣйствія своего духа. Итакъ, *существуютъ не духъ и тѣло или вещественный міръ*, какъ двѣ противоположныя, соотносящіяся субстанціи, *а только два порядка явленій, порядокъ явленій вещественныхъ и порядокъ явленій духовныхъ.*

XIV) *Какой же изъ этихъ двухъ порядковъ есть первоначальный, причинный, и какой послѣдующій, производный?* — Казалось бы, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ *М. Троицкаго*, что духовный есть порядокъ первичный, а вещественный есть порядокъ производный. Тотъ и другой, духовный и вещественный порядки называются *у М. Троицкаго* порядками *нашихъ внутреннихъ состояній, состояній нашего сознанія.* Говорится, что *духъ и вещество, для нашего знанія и науки, суть только два логически противоположныхъ порядка явленій, или нашихъ внутреннихъ состояній*; слѣд., не-только духъ, но и вещество есть одинъ изъ двухъ порядковъ именно *нашихъ внутреннихъ состояній.* Говорится, что *внѣшній міръ существуетъ для насъ въ-силу нашихъ состояній*, которыя

---

[1]) 123. [2]) 84. [3]) 72.

мы называемъ внѣшними ощущеніями. Все наше знаніе о веществѣ ограничено нашими *внутренними состояніями*; *Локкъ* вмѣстѣ съ *Гоббесомъ* [1]) училъ, что идея протяженія, какъ и идеи жесткаго, твердаго и мягкаго, суть только *наши чувственныя состоянія*. Внѣшній міръ, съ которымъ имѣетъ дѣло наука, есть только видоизмѣненіе нашего собственнаго сознанія. Міръ для насъ существуетъ только въ явленіи, иначе сказать, въ ощущеніи и идеѣ. Или лучше, постоянныя и независимыя идеи и суть въ-дѣйствительности вещество, только подъ другимъ названіемъ. Вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній. Анализъ и критика способны оставить меня съ однимъ духомъ, съ одними состояніями ума и чувствительности, при чемъ внѣшнія вещи для меня, въ эту минуту, не существуютъ, — уничтожаются. Внѣшнія причины различныхъ чувственныхъ явленій суть наши ощущенія, и къ нимъ-то мы относимъ чувственныя качества вещей; тогда-какъ въ этомъ случаѣ мы не идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ. — Выраженія какъ нельзя болѣе рѣшительныя. Но мы еще разъ впали бы въ совершенную иллюзію, вообразивъ, будто *М. Трошкій* и его школа провозглашаютъ *духъ причиною вещества, а вещество произведеніемъ духа*.

XV) *Итакъ; духъ и вещество суть только двѣ вѣтви на одномъ стволѣ и корнѣ, на состояніи сознанія, на идеѣ, на ощущеніи.* Первопричиною духа и вещества одновременно является опять-таки не что иное, какъ ощущеніе. Духъ, по словамъ *М. Трошкаго*, употребляетъ въ дѣло всѣ свои операціи еще прежде, чѣмъ *сформируетъ чувство отличія состояній субъективныхъ отъ объективныхъ, собственно духа отъ вещества и другихъ лицъ. Это отдѣленіе духовныхъ операцій отъ явленій вещественныхъ въ-дѣйствительности и есть первый шагъ сосредоточенія духа на собственныхъ операціяхъ, или узнаванія ихъ разности, ихъ противоположности веществу. Иллюзія* [2]) *сознанія*, какъ особенной силы, или элементарнаго, параллельнаго всѣмъ другимъ, состоянія духа, выходитъ изъ частаго употребленія мѣстоименія *Я*, какъ выраженія чувства нашего личнаго тожества, при смѣнахъ минутныхъ нашихъ состояній. Но въ сознаніи *Я* связано нѣсколько преемственныхъ фактовъ: минутное сознаніе, состоящее въ какомъ-нибудь чувствѣ духа и отношеніе его къ тому-же духу, который былъ уже въ другихъ состояніяхъ, изчезнувшихъ, прошлыхъ. Всякая фраза съ прибавкою *Я* всегда предполагаетъ 1) *какое-нибудь чувство дѣйствительное*, — 2) *какое-нибудь воспроизведеніе* или воспоминаніе, или, лучше, цѣлую массу такихъ воспоминаемыхъ состояній, и 3) отожествленіе ихъ, или увѣренность, что первое (данное въ извѣстный моментъ чувство) *принадлежитъ тому-же духу, которому принадлежатъ и послѣднія* (воспоминаемыя состоянія). Очевидно, что фактъ сознанія слагается изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ сознаній минуты: 1) *оригинальнаго впечатлѣнія и 2: воспроизведенія по законамъ ассоціаціи.* Воспроизведеніе переводитъ *къ состояніямъ субъективнымъ*, въ которыхъ мы мыслимъ *свойства нашего духа*, — *Я, какъ противоположности внѣшнимъ предметамъ*, — *Не-я. Такой контрастъ нажывается постепенно*, живымъ отдѣленіемъ состояній личныхъ отъ предметныхъ, состояній собственныхъ отъ состояній другихъ лицъ.

---

[1]) 296. · [2]) 141.

Броун говоритъ: безспорно, что *одинъ и тотъ-же недѣлимый духъ есть, въ одно и тоже время, и предметъ; и наблюдатель*; но, въ-силу способности памяти, *духъ нашъ, простой и недѣлимый, какъ онъ дѣйствительно есть, какъбы помножается на себя* и распространяется надъ всѣмъ длиннымъ *рядомъ ощущеній и волненій*, въ которыхъ онъ какъ-бы живетъ снова и живетъ неоднократно. *Иллюзіи сознанія*, какъ элементарнаго состоянія, содѣйствуетъ, по *Бэну* (какъ и по *Д. С. Миллю*), возрастающій *интересъ, какой мы принимаемъ въ собственномъ своемъ лицѣ,—чувство удовольствія*, которое задерживаетъ всякое дѣйствіе, какъбы останавливаетъ его исчезновеніе [1]). Впрочемъ, *появленіе мѣстоименія Я вовсе не есть господствующій фактъ въ нашемъ духѣ*: можно находиться въ *потокѣ настоящихъ чувствъ или впечатлѣній*, не вспомнивъ ни на минуту *ничего прошлаго*; потомъ можно вспоминать и не дѣлать отношенія всего испытываемаго къ тому-же духу, не отождествлять *настоящихъ состояній* съ состояніями воспроизводимыми; тогда не состоится и того, что выражается мѣстоименіемъ *Я*. При этомъ я возвращаюсь къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока *не образовался этотъ контрастъ Я и Не-я*. Изъ всего этого слѣдуетъ, что *контрастъ Я и Не-я образуется одновременно изъ одной тожественной причины, изъ расходящагося по двумъ руслицъ потока ощущеній*.

XVI) Не смотря на то, — возражаетъ самъ *М. Троицкій*,—мы привыкли раздѣлять актъ знанія или познанія на двѣ части: *на нѣчто познающее и нѣчто познаваемое*. Въ ощущеніи мы имѣемъ *чувствующій духъ и чувствуемую вещь*,— *sentiens et sensum*. Если нѣчто познающее, чувствующее, перцептирующее называется духомъ, то что *такое будетъ то другое нѣчто, познаваемое, чувствуемое, перцептируемое?* Основаніе нашего дѣленія чувственнаго [2]) сознанія *на субъективное и объективное Бэнъ* находитъ единственно *въ контрастѣ нашихъ пассивныхъ ощущеній съ ощущеніями движенія и сопротивленія. Чувства движенія и сопротивленія* составляютъ въ ощущеніи *наше сознаніе объективное, наше не-его; наше пассивное ощущеніе, наша жизнь въ немъ даютъ сознаніе субъективное, наше его*. *Броунъ* доказалъ, что ощущенія противодѣйствія принадлежатъ не чувству осязанія или нашей кожѣ, а *чувству мускульному или чувству движенія*. Онъ особенно ясно показалъ, что *всѣ акты нашего ума соотносительны* и что *различіе предметовъ зависитъ отъ различенія состояній нашего чувствованія. Ощущенія, какъ источники идей, суть различенія духовныхъ состояній*; духовныя впечатлѣнія, какъ красный, или желтый цвѣтъ, звукъ и т. п., существуютъ только съ той минуты, когда звуки стали отдѣляться отъ цвѣтовъ, цвѣтъ красный отъ цвѣта желтаго, голубаго и проч. Однимъ словомъ, *никакихъ чувственныхъ качествъ, никакихъ ощущеній этихъ качествъ не существуетъ раньше различенія однихъ качествъ отъ другихъ. Иначе сказать, ощущенія суть умственные акты различенія однихъ духовыхъ состояній отъ другихъ*, вполнѣ зависящаго отъ состоянія мозга.—*Бэнъ* поставилъ *мускульное движеніе, какъ фундаментальный феноменъ нашей природы*, предваряющій наши внѣшнія ощущенія. *По Бэну*, какъ и по *Броуну*, *вѣра во внѣшнюю реальность зависитъ отъ чув-*

---

[1]) 291. [2]) 187.

ства сопротивленія, отъ мускульнаго чувства. Обрывая, безъ всякой извѣстной причины разности, привычный рядъ и сочетаваясь съ понятіемъ протяженія, которое получается вслѣдствіе ассоціаціи чувства преемственнаго ряда движеній съ чувствами осязательными, — чувство сопротивленія даетъ элементы того сложнаго понятія, какое мы называемъ понятіемъ матеріи. *Протяженіе, сопротивленіе, сочетать эти простыя понятія въ чемъ-либо отличномъ отъ насъ самихъ и имѣть понятіе матеріи, — это одно и тоже.* По *Бэну*, полное понятіе протяженія или пространства слагается изъ данныхъ трехъ различныхъ чувствъ: чувства мускульнаго, осязанія и зрѣнія; но послѣднія два чувства участвуютъ въ произведеніи этого понятія только косвенно, въ-силу своей ассоціаціи съ чувствами мускульными. *Чувство сопротивленія* [1]) *соотвѣтствуетъ нашему понятію тѣла и есть наша мѣра силы, инерціи, тяжести, момента или механическаго свойства вещества.*—Оказывается, такимъ образомъ, что *сознаніе объективное, которое мы называемъ внѣшностію, есть только видъ насъ-же самихъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, но не въ ограниченномъ смыслѣ субъекта.* Убѣжденіе во внѣшней реальности есть чувственное воспріятіе даннаго дѣйствія, при какомъ-нибудь данномъ предыдущемъ; *какъ дѣйствія, такъ и причины суть только наши собственныя различныя ощущенія и движенія.* Когда мы приходимъ къ сообщенію съ другими существами и знаками сообщенія убѣждаемся, что онѣ проходятъ тотъ-же самый опытъ, какъ и мы сами, то это возвышаетъ еще больше постоянство между нашими ощущеніями и соотвѣтственными дѣятельными энергіями. Мы увѣряемся, что *въ тѣ минуты, когда какому-нибудь частному ощущенію, наприм., ощущенію свѣта, не подлежимъ мы сами, ему подлежатъ другія лица.* Это приводитъ насъ къ тому, что мы еще больше обобщаемъ ощущеніе и образуемъ для себя отвлеченіе, обнимающее *весь нашъ опытъ, прошлый и настоящій, весь опытъ другихъ. И это отвлеченіе есть самое большее, чего духъ каждаго изъ насъ способенъ достигнуть относительно внѣшняго или вещественнаго міра.* Возводить это отвлеченіе на степень независимаго [2]) отъ насъ существованія,—какъ это дѣлалъ, наприм., *Платонъ*, въ своей теоріи идей или формъ,—съ точки зрѣнія правильной методы, съ точки зрѣнія *М. Троицкаго*, было бы совершеннымъ извращеніемъ естественной исторіи нашего духа.

XVII) Такимъ образомъ, весь кругъ бытія замыкается для насъ нашими идеями, ощущеніями, явленіями чисто духовными. *Какія же частности, какіе отдѣлы получаемъ мы между духовными явленіями?* — Психологическій анализъ показалъ, по словамъ *М. Троицкаго* [3]), что *всѣ духовныя явленія распадаются на три класса:* 1) на порядокъ духовныхъ явленій, зависящихъ отъ извѣстныхъ состояній нашихъ тѣлесныхъ органовъ: это—*наша чувственность*; 2) порядокъ явленій, причинность которыхъ есть чисто духовная: это, по *Локку*, *явленія рефлексіи или рефлективныя, которыя, въ послѣднемъ анализѣ*, зависятъ *отъ нашихъ ощущеній или отъ чувственности*,—и 3) порядокъ явленій, отъ которыхъ непосредственно зависятъ извѣстныя состоянія или *перемѣны въ нашихъ тѣлесныхъ органахъ*, въ особенности *въ системѣ мускульной.* Такимъ образомъ, получаются три порядка духовныхъ явленій: 1) нашей чувственности, 2) нашихъ мыслей и 3) нашей дѣя-

---

[1]) 151. [2]) 189. [3]) 130.

тельности. — Этому дѣленію нашего духовнаго существованія на три класса не противорѣчитъ и *Юмъ*, находя въ немъ слѣдующіе два отдѣла: 1) оригинальныя впечатлѣнія, какъ то: ощущенія, духовныя волненія, желанія (эти послѣднія выше отнесены къ третьему порядку) и проч., и 2) воспроизведеніе ихъ по законамъ ассоціаціи или идеи. Оригинальные законы духа, управляющіе всѣми духовными явленіями, въ фактѣ ихъ существованія подъ формою идей, представляютъ *три начала сочетанія идей, именно*: 1) *сходство*, 2) *смежность во времени и мѣстѣ* и 3) *причину или дѣйствіе*. Кромѣ этихъ двухъ или трехъ порядковъ [1]) духовныхъ состояній, этихъ оригинальныхъ впечатлѣній и этихъ идей, съ ихъ законами, ничего не существуетъ въ нашемъ духѣ: *въ нихъ безусловно исчерпываются всѣ духовныя явленія*. Индуктивная философія духа, преслѣдуя задачу, поставленную *Локкомъ*: объясненіе духовныхъ явленій изъ внѣшнихъ вліяній (т. е. ощущеній) и рефлексіи, изслѣдуетъ собственно *причинную связь* этихъ явленій.—*Причинная связь явленій есть только неизмѣнное и безусловное отношеніе преемствъ событій предыдущихъ къ событіямъ за ними слѣдующимъ. Всѣ случаи духовныхъ явленій* обязаны своимъ существованіемъ какимъ-нибудь предыдущимъ, *духовнымъ-же, явленіямъ, вызваннымъ внѣшними предметами, какъ ихъ причинами*. При такой постановкѣ дѣла, задача изученія духовныхъ явленій, въ глазахъ *М. Троицкаго, оказывается ясною до прозрачности*!

XVIII) Но,—позвольте-же,—внѣшніе предметы, какъ коренная, первоосновная причина духовныхъ явленій, существуютъ, или нѣтъ? Да объяснено-же вамъ многократно, что вещественныя, какъ и духовныя сущности, лежащія внѣ круга явленій: впечатлѣній, ощущеній, лежатъ внѣ предѣловъ человѣческаго знанія. Сказано-же, что вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній. *По этому, бытіе вещей зависитъ отъ моего ощущенія и, съ прекращеніемъ или затемнѣніемъ ощущенія* (наприм., въ глубокомъ обморокѣ), *прекращается?* И это само собою разумѣется. Когда глубокій анализъ убѣждаетъ, что эти вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній, я признаю *ихъ дѣйствительно своимъ*. Въ эту минуту, *для меня уже не существуетъ это внѣшнее предметное*. У меня остаются *одни мои ощущенія, мои собственныя состоянія*, и я отожествляю ихъ *не какъ вещи, а только какъ мои субъективныя состоянія*. Словомъ, анализъ и критика *уничтожаютъ феноменъ я и не я*, какъ духа и внѣшняго міра, и *оставляютъ меня съ однимъ духомъ, съ одними состояніями ума и чувствительностію. Внѣшнія вещи для меня, въ эту минуту, не существуютъ*; и возвращаюсь къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не образовался этотъ контрастъ *я* и *не-я*. Разъяснено уже, что, углубляясь въ причины чувственныхъ явленій и относимыхъ къ нимъ чувственныхъ качествъ, *мы не идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ*. Наше убѣжденіе въ существованіи внѣшняго протяженнаго міра, независимаго отъ нашего сознанія, возникаетъ раньше, чѣмъ мы начинаемъ давать себѣ отчотъ въ своихъ чувствахъ, и пробуждается всякій разъ, какъ мы бываемъ въ тѣхъ состояніяхъ, которыя называются внѣшними перцепціями, наблюденіями, ощущеніями. По этому, мы

---

[1]) 279.

не въ-состояніи идти противъ своей конституціональной склонности даже и тогда, когда *анализъ приводитъ къ инымъ результатамъ*. Такимъ образомъ, пока дѣло не касается точнаго опредѣленія отношеній нашего убѣжденія къ *результатамъ анализа*, мы выражаемся такъ, какъ чувствуемъ во всякую данную минуту, кромѣ минуты критики, — т. е. говоримъ *о существующемъ внѣ нашего духа и независимо отъ нашего духа предметномъ или протяженномъ мірѣ*. Но въ минуты анализа и критики, *мы остаемся съ скуднымъ сознаніемъ, что наше знаніе не идетъ такъ далеко, какъ наше убѣжденіе, и что вещество и матеріальный міръ суть только наши внѣшнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства*. Поэтому, если возникаютъ научныя претензіи выдти изъ круга нашихъ собственныхъ чувствъ, или если эти самыя чувства разсматриваются только какъ видоизмѣненія существующаго внѣ насъ и независимо отъ насъ вещества, — то мы возвращаемся снова въ расположеніе аналитика и критика и можемъ сказать, что *такого рода реализмъ не заслуживаетъ имени науки*.

XIX) Послѣ этого и *бытіе моего духа безусловно зависитъ отъ моего ощущенія, какъ своей причины, и съ прекращеніемъ его прекращается?* Конечно! это ясно какъ кристаллъ. *Уже сказано*, что появленіе мѣстоимѣнія *Я*, по этой философіи, вовсе не есть господствующій фактъ въ нашемъ духѣ: можно находиться въ потокѣ настоящихъ чувствъ или впечатлѣній, не вспомнивъ, ни на минуту, ничего прошлаго; потомъ можно вспоминать и не дѣлать отношенія всего испытываемаго къ тому-же духу, и не отожествлять настоящихъ состояній съ состояніями воспроизводимыми. *Тогда не состоится и то, что выражается мѣстоименіемъ — Я* (такъ-какъ уже объяснено, что сознаніе — *Я* есть фактъ сложный, слагающійся изъ чувства дѣйствительнаго, воспроизведенія воспоминаемыхъ подобныхъ состояній, и отожествленія, усвоенія того и другихъ одному и тому-же духу). Сказано также, что *анализъ и критика могутъ приводить мыслителя къ уничтоженію не-только феномена Не-я, какъ внѣшняго міра, но и феномена Я, какъ духа*, и возвращать къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не образовался этотъ контрастъ *Я* и *Не-я*, какъ, наприм., у новорожденнаго, или пока еще не родившагося младенца, у пробуждающагося каталептика, или летаргика и т. п... Для подобныхъ состояній не существуютъ не-только *Не-я*, но и *Я*.

XX) И все это, по увѣренію *М. Троицкаго*, не метафизика, а простое изложеніе фактовъ сознанія, сознанія научнаго, анализа, критики, держащихся строгихъ предписаній индуктивной методы...

Сдѣлаемъ попытку изобразить развитіе духа, или, точнѣе, знанія по предначертаніямъ философіи *М. Троицкаго*.

Беремъ моментъ, когда не существуютъ еще ни человѣкъ, ни духъ, ни знаніе, какъ и вообще ничто еще не существуетъ для знанія, для духа, для человѣка, не существуютъ ни внѣшній міръ, ни время, ни пространство. Вотъ *занимается заря первопричины всего, ощущенія*... Возникаетъ первое ощущеніе, за первымъ идутъ второе, третье и

т. д. ощущенія. Моментальное преемство перваго, втораго, третьяго и т. д. ощущеній даетъ начало обобщенному ощущенію *идеи времени*, которое и продолжается, пока чередуются слѣдующія одно за другимъ ощущенія. Сравниваемыя одно съ другимъ ощущенія оказываются не-только равномѣрнымъ, соотвѣтствующимъ преемственному паденію въ одинъ и тотъ-же центръ, преемствомъ совершенно тожественныхъ моментовъ времени, но и *разнообразіемъ ощущеній*,—ощущеній, гнѣздящихся въ мускульномъ чувствѣ разностороняго *движенія* и разнороднаго *сопротивленія*, а также разностепенныхъ и разнородныхъ ощущеній *осязанія*, *зрѣнія* и т. д. Уже не однообразное паденіе въ одинъ центръ тожественныхъ, хотя и отдѣльныхъ, моментовъ времени, не одна только прямолинейная связь, а всесторонняя ассоціація, въ одномъ обобщеніи, ощущеній мускульнаго чувства,—движенія и остановки, съ преемственными, равнымъ образомъ пресѣченными и остановленными ощущеніями осязанія и зрѣнія, какъ и прочихъ чувствъ, даютъ идею *мѣста или пространства*, *центромъ* котораго служитъ *главный чувствительный узелъ*, *радіусами* служатъ линіи, по которымъ отъ центра направляются, въ своей дѣятельности, разныя *чувства*, а *периферіею*—*предѣлъ*, до котораго дѣятельность ихъ простирается. Все разнообразіе ощущеній, въ постепенномъ своемъ развитіи, постепенно распадается на два господствующихъ класса: 1) *классъ ощущеній периферическихъ, или внѣшнихъ* и 2) *классъ ощущеній отраженныхъ внутрь и затѣмъ группирующихся около центральнаго чувствилищнаго узла. Первый классъ* ощущеній внѣшнихъ, своеобразно сгруппированныхъ въ особое объективное цѣлое, даетъ цѣлые ряды разнообразныхъ ощущеній остановленнаго движенія или сопротивленія, непроницаемости, массы, фигуры, цвѣтовъ и другихъ чувственныхъ явленій, которыя, отвлеченіемъ и обобщеніемъ, навѣшиваются на разные *внѣшніе субстраты, или объекты*, и даютъ общую *идею периферіи*, *противоположной центру*, *идею внѣшности*, *внѣшняго міра*, *Не—я*. *А второй классъ*, ощущеній внутреннихъ отраженныхъ, т. е. второе ощущеніе, отразившееся отъ периферіи и отнесенное къ первому ощущенію, третье ощущеніе, такимъ-же образомъ отраженное, отнесенное ко второму и первому, и послѣдующія такимъ-же образомъ отраженныя и отнесенныя къ третьему, второму и первому ощущеніямъ, по отдѣленіи въ нихъ, внутреннимъ анализомъ, элемента пассивнаго, субъективнаго, чисто внутренняго, отъ всѣхъ элементовъ воздѣйствующихъ извнѣ, объ-

ективныхъ, даютъ *идею контраста феномену Не—я и бытіе феномену Я.* Всѣ явленія, ощущенія, идеи, въ непрерывной серіи своего развитія, обнаруживаютъ и вліяніе *трехъ всеобщихъ, примитивныхъ законовъ или началъ: сходства, смежности и причинности.*—Вотъ эти-то основоположенія опредѣляютъ и,—можно сказать,—замыкаютъ положительную сторону философіи *М. Троицкаго*, конечно, въ ея общей сущности. А далѣе слѣдуютъ уже почти однѣ только отрицанія. Апріорныя начала или прирожденныя идеи, прежде возникновенія перваго ощущенія, не существуютъ; такъ-какъ всякая идея есть отраженное ощущеніе, такъ-какъ все наше знаніе ограничено однѣми нашими собственными состояніями,—то научнаго выхода изъ этихъ внутреннихъ состояній не существуетъ. Это иллюзія, что духовная явленія принимаются за простыя сказуемыя или видоизмѣненія (дѣйствія) нашего тѣла, какъ подлежащаго, или субстрата, или причины. Мы абсолютно не знаемъ ни вещества, ни даже духа, какъ субстанцій, независимыхъ отъ состояній нашего сознанія, такъ-какъ внѣшній міръ составляютъ только наши внѣшнія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства, или, что тоже, наши идеи, только подъ другимъ названіемъ; внѣшнее существованіе матеріи есть даровое предположеніе. Подобнымъ-же образомъ, существованіе и духа есть только рядъ преемственныхъ перемѣнъ: идея суть самый духъ, подлежащій какому-либо впечатлѣнію. Впечатлѣнія, въ періодъ времени, протекающій между ихъ исчезновеніемъ и воспроизведеніемъ, въ абсолютно-простомъ духѣ, абсолютно не существуютъ; сохраненіе, отдѣльно отъ воспроизведенія, есть вещь не существующая. Поэтому, и память оказывается вещью не существующею, и сознаніе, какъ особая, параллельная ощущенію, сила, есть иллюзія. Предполагать, что духъ существуетъ въ двухъ различныхъ состояніяхъ, въ ощущеніи и сознаніи его, есть очевидная нелѣпость. Вообще, силы или способности духа суть только самыя духовныя явленія,—и ничего больше; никакихъ способностей духа, какъ особенныхъ агентовъ, не существуетъ. Анализъ и критика способны приводить къ уничтоженію нетолько феномена *Не—я*, какъ внѣшняго міра, но и феномена *Я*, какъ духа, и возвращать къ состоянію, подобному тому, какое должно быть въ духѣ, пока не образовался контрастъ *Я* и *Не—я*. Вообще, реализмъ, допускающій бытіе чего-нибудь внѣ моего эфемернаго ощущенія, не заслуживаетъ имени науки. Выхода изъ этого заколдованнаго круга

нѣтъ: *все, что есть, есть только въ ощущеніи и существуетъ только, пока есть ощущеніе,—и внѣ ощущенія нѣтъ ничего...*

Не правду ли мы говорили, что эта самоновѣйшая философія совпадаетъ съ философіею древнихъ греческихъ софистовъ? Для сравненія, для наглядности, выпишемъ основныя положенія греческой софистики: «человѣкъ есть мѣра всего существующаго, что оно есть, и не существующаго, что его нѣтъ. Для ощущающаго лица истинно то, что оно, въ каждое мгновеніе, ощущаетъ и усматриваетъ, при постоянномъ измѣненіи вещей, и себя самаго. Для него нѣтъ другаго теоретическаго отношенія къ внѣшнему міру, кромѣ чувственнаго ощущенія. Вообще, нѣтъ никакихъ объективныхъ опредѣленій и сужденій, нѣтъ ничего существеннаго самаго въ себѣ, но все есть дѣло субъективнаго представленія. Вообще, не существуетъ ничто. А если-бы что-либо и существовало, то его нельзя было бы познать. А если-бы и можно было познать, то было бы невозможно передать это знаніе другимъ, когда о нихъ самихъ неизвѣстно, существуютъ ли они сами, внѣ насъ, или нѣтъ,—или, лучше,—когда извѣстно, что не существуютъ. Не сущее и природа—это синонимы».—Оказывается, такимъ образомъ, что *М. Троицкій*, воскрешая своею теоріею ученіе древнихъ софистовъ, приглашаетъ насъ ни болѣе, ни менѣе, какъ вычеркнуть исторію развитія человѣческаго ума, отъ временъ патріархальныхъ и до выясненія основоположеній греческой софистики, а затѣмъ, начиная отъ *Сократа и Платона* и до *Декарта*, и до *Канта*, вообще до нашихъ дней; свѣта же истины убѣждаетъ онъ искать, послѣ греческихъ софистовъ и отчасти скептиковъ, исключительно только у *Бэкона и Локка*, съ ихъ послѣдователями, но и у нихъ подъ условіемъ понимания ихъ не иначе, какъ только по толкованію его, *М. Троицкаго*.—«*Платонъ* требуетъ»,—досадуетъ *М. Троицкій*,—«чтобы мы не сущности вещей считали копіею съ состояній духа,—*какъ это есть на дѣлѣ*,—а на-оборотъ, *что очевидно нелѣпо; считать свои состоянія копіями съ какихъ—то вещей значитъ дѣлать комбинацію не-только произвольную, но и совершенно распадающуюся отъ внутренняго противорѣчія*» [1]). Эта выходка *М. Троицкаго* не требуетъ толкованій. Очевидно, нелѣпостію провозглашаетъ онъ здѣсь нетолько ученіе *Платона* и длинной серіи величайшихъ умовъ человѣчества, но и всеобщее убѣжденіе здраваго общечеловѣческаго смысла.

[1]) 337.

ГЛАВА XL.

Какъ же тутъ быть? Есть ли какая-либо возможность выбраться изъ этой бездны ничтожества, въ которую низвелъ насъ *М. Троицкій*, руководимый препрославленными имъ геніями: *Локкомъ*, *Юмомъ* *Броуномъ*, *Бэномъ*, *Д. С. Миллемъ*? Мы должны быть благодарны ему за то, что, усплываясь закрыть всякій проблескъ реальности въ этой хаотической безднѣ, которая, однакожъ, кажется ему ясною какъ кристаллъ, онъ самъ раскрываетъ предъ нами нѣкоторыя искры свѣта, которыя могутъ вывести насъ на истинный свѣтъ Божій.

1) Допускаетъ ли *М. Троицкій* безусловпость *закона причинности*? Мы видѣли уже, что допускаетъ и изслѣдованіе причинной связи поставляетъ главною, или даже единственною, задачею индуктивной философіи. Индуктивная философія духа, по *Броуну*, преслѣдуя задачу, поставленную *Локкомъ*: объясненіе духовныхъ явленій, изслѣдуетъ *собственно причинную связь этихъ явленій. Причинная связь*, разсматриваемая по руководству индуктивной методы, *есть неизмѣнное и безусловное отношеніе преемства событій предыдущихъ къ событіямъ за ними слѣдующимъ*. По *Юму*, всѣ духовныя явленія безусловно подчинены тремъ законамъ, именно: сходства, смежности и *причинности*. Абсолютно не существующія въ духѣ впечатлѣнія могутъ быть испытаны духомъ не иначе, какъ подъ условіемъ, *если будутъ даны фактическія причины ихъ идеальнаго существованія*. *Внутренняя причинность* духовныхъ феноменовъ, по словамъ *М. Троицкаго*, управляется извѣстными законами, со всѣми вытекающими отсюда сложными послѣдствіями, составляющими постоянныя и универсальныя начала человѣческой конституціи. *Относительно начала причинности, по которому все начинающее существовать имѣетъ необходимо какую—нибудь причину*, мы имѣемъ непреодолимое убѣжденіе въ его истинности [1]),—и существованіе такого убѣжденія для *Юма* также, какъ и для *Рида*, есть вещь безспорная [2]). Если же это такъ, если ни одно явленіе не ускользаетъ изъ-подъ закона причинности, если всякое не существующее въ духѣ впечатлѣніе можетъ быть испытано не иначе, какъ подъ условіемъ *бытія фактической причины его возникновенія*,—то мы предлагаемъ *М. Троиц-*

---

[1]) 374. [2]) 384.

кому вопросъ *о причинѣ самаго первоначальнаго ощущенія, въ каждомъ ли то раждающемся человѣкѣ, или по-преимуществу въ первомъ прародителѣ человѣческаго рода.* Существуетъ ли, была ли причина, предшествовавшая первому человѣческому ощущенію? Конечно, была, есть и бываетъ.—Этого мало. Мы ставимъ вопросъ на гносеологическую точку: *знаемъ* ли мы, что у третьяго, по счоту отъ перваго, ощущенія есть своя причина (положимъ, во второмъ и первомъ ощущеніи), отъ которой оно,—это третье ощущеніе, зависитъ, и что эта причина существовала прежде и независимо отъ него? Конечно, *знаемъ. Знаемъ* ли, что и у втораго ощущенія существовала такая-же, независимая отъ него, причина (предположимъ, въ первомъ ощущеніи)? Конечно, *знаемъ. Знаемъ* ли, что и у перваго, самаго изначальнаго, ощущенія была своя и независимая отъ него причина? *Конечно, знаемъ,*—при чемъ знаемъ также и то, что эта, дававшая бытіе первому ощущенію и независимая отъ него, причина не была ощущеніемъ, не была, по крайней мѣрѣ, въ томъ нарождающемся или первозданномъ человѣкѣ, въ которомъ возникло отъ этой причины первое ощущеніе. А эта причина перваго ощущенія должна имѣть впереди себя цѣлую серію причинъ,—и *вся эта совокупность данныхъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ первое ощущеніе человѣческаго духи, существовала независимо отъ него.* И мы это знаемъ, посредственно или непосредственно, дедуктивно или индуктивно, но непререкаемо знаемъ.

II) Допускаетъ ли *М. Трошкій причинное вліяніе тѣла и вообще внѣшняго духу міра на образованіе идей, ощущеній и впечатлѣній?*—Допускаетъ, но не безъ противорѣчій самому себѣ и, особенно, не безъ противорѣчій слишкомъ яснымъ выраженіямъ своихъ корифеевъ, руководителей. Вотъ слова *Локка*: «человѣкъ впервые начинаетъ имѣть *идеи*, когда впервые имѣетъ какое-нибудь ощущеніе; *идеи* въ умѣ современны *ощущенію*, т. е. какому-нибудь *впечатлѣнію*, или *движенію* въ извѣстной части *тѣла*; рефлексія есть рядъ духовныхъ *явленій*, вызванныхъ предметными *впечатлѣніями*». Значитъ, по мнѣнію *Локка, мы знаемъ*, что для идей *есть предшествующая причина* въ ощущеніи,—*знаемъ*, что для ощущеній *есть предшествующая причина* во внѣшнемъ впечатлѣніи,—*знаемъ*, что для впечатлѣній *есть предшествующая причина* въ движеніи частей тѣла,—знаемъ, что для движенія частей тѣла *есть своя предшествующая причина въ существованіи тѣла.* Пусть мы не знаемъ ка-

чествъ тѣла; тѣмъ не менѣе мы *знаемъ его предварительное и независимое отъ нашего ощущенія бытіе.* Да и того сказать нельзя, будто мы вовсе не знаемъ качествъ тѣла. Нѣтъ; мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, *одно за нимъ качество или проявленіе*, именно, что оно есть причина движенія, впечатлѣнія на чувство, ощущенія и идеи въ умѣ (идеи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ школы *М. Троицкаго*). По *Броуну*, «всѣ духовныя явленія, по *своимъ предыдущимъ причинамъ (или антецедентамъ)*, распадаются на два класса: а) явленія, *производимыя причинами внѣшними*, т. е. *предшествующими имъ перемѣнами въ тѣлѣ и событіями въ окружающемъ наше тѣло вещественномъ мірѣ*, и б) явленія, производимыя причинами внутренними».— Здѣсь причины внѣшнія названы прямо *предшествующими* явленіямъ духовнымъ, слѣдовательно, отъ послѣднихъ онѣ независимы. Такъ-какъ ощущенія, по словамъ самаго *М. Троицкаго*, суть «необходимыя начала всей высшей духовной жизни,—то, безъ *предварительныхъ* извѣстныхъ перемѣнъ или событій въ нашемъ тѣлѣ, безъ явленій въ нервахъ и мозгѣ, отъ которыхъ зависятъ наши ощущенія, мы не могли бы, родившись на свѣтъ, быть причастниками какой бы то ни было духовной жизни. *Явленіямъ духовнымъ*, которыя мы называемъ *внѣшними ощущеніями, неизмѣнно и безусловно предшествуютъ различныя органическія перемѣны или событія въ нервахъ и мозгѣ*». Сказано какъ нельзя болѣе рѣшительно. Значитъ, мы знаемъ, что сначала *предшествуютъ* органическія перемѣны въ нервахъ и мозгѣ, а затѣмъ *послѣдуютъ* явленія духовныя,—и, во-первыхъ, внѣшнія ощущенія. На вопросъ: имѣютъ ли органическія явленія какое бы то ни было прямое, или косвенное, вліяніе на собственныя операціи духа?— у *М. Троицкаго* дается отвѣтъ, что «всѣ физіологическія данныя склоняются къ отвѣту на этотъ вопросъ утвердительному, хотя относительно самой природы связи чувствилищнаго органа съ ощущающимъ духомъ мы, по словамъ *Броуна*, никогда не будемъ въ-состояніи *знать что-нибудь больше того*, что заключается въ простомъ фактѣ (который, значитъ, мы знаемъ), *что извѣстному состоянію духа предшествуетъ непосредственно извѣстное впечатлѣніе на нервную систему*,—что за особеннымъ состояніемъ частей мозга всегда слѣдуетъ перемѣна въ состояніи ощущающаго духа». И вдругъ *М. Троицкій* начинаетъ противорѣчить себѣ, усиливаясь объяснить происхожденіе и воспроизведеніе впечатлѣній исключительно духовными законами ассоціаціи, подвергая сомнѣнію состоятельность издавна

существовавшей, для объясненія связи явленій, теоріи *нервной жидкости или эѳира Ньютона, животныхъ духовъ Декарта, или нервныхъ токовъ*,—утверждая, вопреки всѣмъ физіологіямъ, будто попытки френологіи осуждены безвозвратно успѣхами анатоміи, т. е. будто развитіе черепа не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на развитіе способностей,—называя иллюзіею, опять вопреки всѣмъ физіологамъ, мысль о предсуществованіи таинственной связи между воспроизводимыми идеями раньше самаго акта воспроизведенія,—т. е. считая обманчивою мысль, будто эта связь лежитъ глубже нашихъ ощущеній и скрывается именно *въ сочетаніяхъ мозга и нервной системы*, что, однакожъ, утверждаютъ всѣ новѣйшія физіологіи,—вообще провозглашая психическою, будто-бы опровергаемою точнымъ анализомъ умственныхъ явленій, иллюзіею всю физіологическую теорію законовъ ассоціаціи, зависимости склада мыслей отъ строя мозга и нервовъ,—думая удовлетвориться, вопреки склонности современной психофизики, исключительно психологическою обработкою этихъ законовъ, такъ счастливо, по словамъ *М. Троицкаго*, начатою *Юмомъ*. Затѣмъ, по словамъ *М. Троицкаго*, и то только иллюзія обще-человѣческаго убѣжденія, что мы разсматриваемъ вещи протяженныя, какъ существующія съ этимъ качествомъ независимо отъ нашего духа,—что мы помѣщаемъ часть своихъ субъективныхъ состояній въ эти протяженныя вещи и, ближайшимъ образомъ, въ органы своего тѣла, какъ независимое отъ духа протяженное внѣшнее существованіе; и то иллюзія популярнаго сознанія, что для него тѣло стоитъ подлежащимъ, а чувственность сказуемымъ,—что не-только простые люди, но и ученые принимаютъ духовныя явленія за простыя сказуемыя, или видоизмѣненія нашего тѣла, тогда-какъ психологія никогда не можетъ забыть, что *внѣшніе предметы служатъ для него только простыми намѣстниками неизвѣстныхъ ему причинъ его чувственныхъ состояній*. Пусть-бы и такъ. Это послѣднее выраженіе *М. Троицкаго* заставляетъ думать, что, по его мнѣнію, чувственныя состоянія даютъ намъ *знать о существованіи внѣшнихъ предметовъ, какъ независимой отъ нашего ощущенія причины его*, хотя и ничего другаго не говорятъ объ ихъ свойствахъ, какъ утверждаетъ *Кантъ*. Но *М. Троицкій* противорѣчитъ себѣ и въ этомъ, утверждая опять, что, углубляясь въ эти причины, мы идемъ дальше собственныхъ состояній сознанія, дальше нашихъ внѣшнихъ ощущеній и ихъ сосуществованій и преемствъ,—что *вещество, матеріальный міръ суть только наши внѣ-*

нія ощущенія и ихъ сосуществованія и преемства,—или: вещество это наши постоянныя и неизмѣнныя идеи. — Хорошо; временно допустимъ это.

Предложимъ теперь *М. Троицкому* другой вопросъ: *допускаетъ ли онъ существенную разницу между духомъ и матеріею?*—Повидимому, допускаетъ, хотя опять не безъ противорѣчій себѣ и своимъ корифеямъ. Все, что можетъ подлежать научному изслѣдованію, все, что мы можемъ знать, по словамъ *М. Троицкаго*, есть взаимное *отношеніе двухъ противоположныхъ порядковъ явленій, вещественныхъ и духовныхъ*, т. е. двухъ порядковъ нашихъ внутреннихъ состояній, или состояній нашего сознанія, изъ которыхъ въ одномъ мы видимъ міръ внѣшній и отъ *нашего духа независимый*, а въ другомъ—собственныя дѣйствія своего духа. Оказывается, что явленія вещественныя и духовныя представляютъ собою два порядка не-только различные, но и противоположные. «Явленія духовныя *существенно отличаются отъ вещественныхъ*»,—подтверждаетъ себя *М. Троицкій*; «между явленіями вещественными и явленіями духовными остается *коренная разница*; духъ остается *существенно отличнымъ* отъ тѣла; между ментальными качествами духа и вещества мы *не можемъ не признать существенной разницы,—и основная между всѣми разницами* та, что вещество есть нѣчто протяженное, дѣлимое, сложное, а духъ есть нѣчто не протяженное, не дѣлимое, простое; отсюда вещество подлежитъ особенному, ему только свойственному, анализу, внѣшнему, реальному, безусловному, анализу одной вещественной субстанціи посредствомъ другой вещественной субстанціи,—а духъ подлежитъ только анализу внутреннему, относительному и кажущемуся, анализу въ понятіи или въ чувствѣ отношенія событія послѣдующаго къ двумъ или болѣе предыдущимъ» [1]). Конечно, положеніе *о существенной разности между духовнымъ и тѣлеснымъ* вообще не подлежитъ спору. Но, послѣ этого, рождается *вопросъ: какъ-же могли произойти тѣ и другія явленія изъ одного и тогоже источника,—какъ могли возникнуть всѣ противоположности, всѣ контрасты явленій изъ одной первопричины,—первоначальнаго ощущенія?*—Этотъ коренной вопросъ, конечно, не оставленъ у *М. Троицкаго* безъ отвѣта.

Сколько мы поняли разъясненія *М. Троицкаго* по этому вопросу, *сосуществованіе всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ духовныхъ* явленій

---

1) 275.

(разумѣя здѣсь, во-первыхъ, внѣшнія ощущенія, совокупно со всѣми чувственными предметами) онъ хочетъ объяснить *преемствомъ ихъ, иначе сказать, взаимными отношеніями преемственнаго ихъ возникновенія.* Самъ онъ въ восторгѣ отъ этого своего открытія.—«Можно сказать безъ преувеличенія, говоритъ онъ [1]), что это правило индуктивной философіи духа было самымъ плодотворнымъ изъ всѣхъ критическихъ началъ; оно однимъ ударомъ наносило смерть всѣмъ дикимъ, фантастическимъ вымысламъ въ наукѣ о духѣ. Пренебреженіе этимъ правиломъ составляетъ коренное зло всей нѣмецкой психологіи; такое пренебреженіе давало возможность удержать бездну средневѣковыхъ предразсудковъ и открывало дверь къ новымъ химерамъ». Въ чемъ же дѣло? — «Такъ-какъ духъ есть существо простое,—объясняетъ *М. Троицкій*,—то въ немъ возможно *одно только преемство, одна послѣдовательность состояній и невозможна дѣйствительная и безусловная современность ихъ.* Какъ существо простое, *духъ не можетъ существовать, въ одно и тоже время, въ двухъ различныхъ состояніяхъ*». — Отъ чего-же не можетъ, — возражаемъ мы, — когда опытъ говоритъ противное? — «Отъ того, — отвѣчаютъ намъ, — что *сосуществованіе, современность,* какъ дѣйствительное свойство вещей, *есть тоже самое, что пространственность, протяженность,* признакъ субстанцій тѣлесныхъ». Странно; намъ это основаніе представляется болѣе чѣмъ слабымъ. Нужно, казалось бы, сказать на-оборотъ: *не современность, не преемственность, а продолженіе есть пространственность, протяженность.* «Что называется сусуществованіемъ духовныхъ состояній,—продолжаетъ *М. Троицкій*, то вовсе не есть дѣйствительная современность,—и если, по временамъ, допускается выраженіе, что извѣстныя духовныя состоянія встрѣчаются въ одно и тоже время,—то этимъ хотятъ обозначить только или *дѣйствительную современность физическихъ перемѣнъ,* послѣдовательно вызывающихъ эти состоянія, или *незначительность ихъ разстоянія другъ отъ друга,* или-же *относительную дѣлимость духовнаго состоянія на его относительные элементы.* Не-смотря на современность физическихъ впечатлѣній, духъ сознаетъ ихъ только *преемственно или послѣдовательно и, поэтому, сохраняетъ всегда единство сознанія*».—Да неправда-же, возражаемъ мы:—опытъ свидѣтельствуетъ, что духъ одновременно можетъ быть въ разныхъ

---

[1]) 275.

состоянiяхъ. Вопреки этому опыту, никакимъ точнѣйшимъ экспериментальнымъ измѣрителемъ нельзя вымѣрить душу и доказать математически, вопреки ежеминутному сознанiю каждаго человѣка, что разныя свои состоянiя духъ сознаетъ только преемственно и послѣдовательно, а никакъ не современно. «Нѣтъ въ нашей жизни ни одного мгновенiя»,—пишетъ *Чистовичъ* [1]), «въ которое бы мы *одновременно не имѣли и не сознавали различныхъ душевныхъ состоянiй, различныхъ ощущенiй, представленiй, желанiй и чувствованiй.* Довольно указать на тотъ фактъ, что во время прогулки на свѣжемъ воздухѣ, *въ одно и тоже время,* работаетъ умъ, наслаждается обонянiе, ведется или слышится разговоръ, заняты зрѣнiе и осязанiе и, въ тоже время, дѣлаются движенiя и сознается то или другое настроенiе духа. Никто не станетъ утверждать, чтобы человѣкъ, который дѣятельно наслаждается всѣми этими впечатлѣнiями, принималъ большую часть ихъ безсознательно, т. е. невѣдомо для себя, или не замѣчалъ множество впечатлѣнiй, имѣвшихъ случай одновременно представиться его сознанiю. Всего легче соединяются въ сознанiи акты чувствованiя и мышленiя. Одновременно съ сознанiемъ своего настроенiя, мы можемъ представлять себѣ что-нибудь; рисуя въ своемъ воображенiи мрачныя картины, мы можемъ одновременно сознавать и мрачность самыхъ картинъ и мутность своего настроенiя. Утвержденiе (школы *Гербарта*), будто противоположныя представленiя и вообще душевныя состоянiя не вмѣщаются одновременно въ сознанiи и потому вытѣсняютъ оттуда другъ друга, оказывается несостоятельнымъ предъ свидѣтельствомъ опыта; даже крайнiя противоположности, какiя могутъ быть найдены нами въ данномъ содержанiи, по-видимому, еще съ большею легкостiю представляются одна подлѣ другой, нежели тѣ разности, которыя не доходятъ до прямой противоположности». Подставляя, на мѣсто духовныхъ, одновременно сознаваемыхъ, ощущенiй, физическiя перемѣны, *М. Троицкiй* вводитъ путаницу понятiй въ свою собственную теорiю, по которой физическiя, ощущаемыя, перемѣны суть духовныя-же явленiя. Духъ вовсе не по тому сохраняетъ единство сознанiя, что сознаетъ свои состоянiи только преемственно, а по тому, что сознаетъ именно себя самаго единымъ въ корнѣ бытiя, отличая себя отъ своихъ состоянiй. Утверждать же противное, значитъ итти противъ обще-человѣческаго опыта, выразив-

---

[1]) Психологiя, стр. 10.

шагося, между прочимъ, и въ слѣдующемъ классическомъ изрѣченіи: *вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ, противовоюющъ закону ума моего.*— «Для нѣмецкихъ же психологовъ»,—негодуетъ *М. Троицкій* [1]),—«духъ можетъ существовать, въ одно и тоже время, въ двухъ и болѣе отдѣльныхъ состояніяхъ! Только у одного *Фриза* нашли мы замѣтку, *опровергающую* взглядъ, усвоенный въ этомъ пунктѣ англійскими психологами; другіе же, какъ *Гербартъ и Бенеке, и не считаютъ нужнымъ входить въ оправданіе такого дикаго положенія: такъ оно представлялось имъ естественнымъ и безспорнымъ*»!—Конечно, по тому и не считали нужнымъ оправдываться, что это очевидное, подтверждаемое обще-человѣческимъ опытомъ, положеніе совершенно естественно и безспорно. Тѣмъ не менѣе вопросъ остается вопросомъ: *какъ-же изъ простоты духа, а особенно, если понимать ее въ ригористическомъ смыслѣ самаго М. Троицкаго, вывести не-только разности, но и контрасты явленій?*—Вотъ,—по его словамъ [2]),—«извѣстное наукѣ происхожденіе контрастовъ. Существуетъ большая разница между контрастами, какъ *оригинальными впечатлѣніями* и какъ *воспроизведеніями*. Первые основаны на общемъ законѣ *относительности всѣхъ умственныхъ состояній*. Здѣсь, въ этомъ кругѣ духовныхъ явленій, *каждый проблескъ сознанія основанъ на переходѣ отъ одного оригинальнаго впечатлѣнія къ другому. Только при переходѣ отъ одного впечатлѣнія къ другому возникаетъ чувство ихъ разности или контрастъ въ широкомъ смыслѣ*. Еслибы не существовало *этого перехода, то не существовало бы и чувства разницъ, вообще никакого умственнаго сознанія, никакого ума.* Такъ-какъ всякое умственное сознаніе предполагаетъ, по меньшей мѣрѣ, два предшествующихъ состоянія нашей чувствительности, и это сознаніе есть только чувство ихъ взаимнаго отношенія,—то отсюда слѣдуетъ, что всѣ наши идеи относительны, или соотносительны. *Каждая различаемая вещь, каждое качество имѣетъ свой корреляятивъ*,—и въ число этихъ коррелятивовъ входятъ *и всѣ контрасты, въ тѣсномъ смыслѣ, какъ крайнія разницы, несходства, противорѣчія или отрицанія.* Но тѣ контрасты, съ какими мы имѣемъ дѣло въ возрастной жизни, кромѣ закона относительности, основаны на законахъ ассоціаціи, на воспроизведеніи по смежности и сходству. Это контрасты идеальные, которые возникаютъ или по вызову идеи, или по вызову оригинальныхъ

---

[1]) 277. [2]) 342.

впечатлѣній, сопровождаемыхъ цѣлою массою воспроизведеній. Въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что *ни одинъ контрастъ не въ-состояніи возникнуть до тѣхъ поръ, пока не будетъ на-лицо тѣхъ самыхъ состояній духа*, какія различаются и, такимъ образомъ, становятся въ контрастъ, или взаимную противоположность. Вообще, контрастъ, который состоитъ единственно въ чувствахъ взаимнаго отношенія впечатлѣній или идей, есть продуктъ, послѣдствіе этихъ впечатлѣній или идей, какъ своихъ причинъ, или непосредственныхъ предыдущихъ» [1]). *Шеллинговъ* законъ контрастовъ ума *М. Троицкій* называетъ «неостроумною шуткою надъ здравымъ смысломъ науки, По этому закону *Шеллинга, противоположности соединяются въ единствѣ, и единство раздѣляется на противоположности.* Этотъ ложный законъ, по *Троицкому*, сложился нестолько изъ наблюденій надъ операціями нашего ума, сколько изъ данныхъ физики; психологія не можетъ допустить, чтобы наши *умственныя, противоположныя, контрастирующія состоянія сходились между собою*, какъ сходятся вещественныя субстанціи, и составляли собою какое-нибудь простое состояніе, распадающееся на новыя, современно существующія состоянія. Если построеніе *Шеллинга* есть выводъ физическій, нѣчто въ-родѣ *теоріи Грове о взаимномъ соотношеніи физическихъ силъ*,—то никакая физика, по *М. Троицкому*, не напала, до сихъ поръ, *на слѣды того универсальнаго закона, по которому противоположности соединяются въ единствѣ и единство раздѣляется на противоположности*».—Странно, что *М. Троицкій* не затрудняется, въ своихъ видахъ, отрицаніемъ общеизвѣстнаго въ наукѣ факта, что нѣтъ на свѣтѣ физика, который отрицалъ бы гипотезу *Грове* о соотношеніи силъ, хотя и не найдено пока способовъ сдѣлать ее очевидною. Намъ непонятно и то, почему *М. Троицкій* такъ не желаетъ объяснять операціи ума данными физики, когда, именно съ его точки зрѣнія, такое объясненіе, казалось бы, какъ нельзя болѣе натурально и научно. Вѣдь, съ его точки зрѣнія, данныя физики совершенно тождественны съ операціями ума,—такъ-какъ тѣ и другія суть продуктъ того-же нашего духа. Нѣтъ; на этотъ разъ онъ стоитъ на томъ, что *наука о духѣ знаетъ одно существованіе, составляющееся изъ преемственно возникающихъ состояній.* Пусть такъ.

Приложимъ же эту *теорію контрастовъ* къ тому, что мы выше

---

[1]) 343.

сказали о происхожденіи *первооригинальнаго впечатлѣнія.* Само оно, какъ мы видѣли, согласно теоріи *М. Трошкаго*, возникло чуть-ли не безъ предварительной причины; но дальше, по безусловно-обязательному закону причинности, оно неизбѣжно становится первопричиною всѣхъ послѣдующихъ впечатлѣній. Теперь обратимъ вниманіе на моментъ, *какъ изъ первооригинальнаго ощущенія возникаетъ второе ощущеніе.* Спрашивается, можетъ ли оказаться это второе, производное, ощущеніе отличнымъ отъ ощущенія первооригинальнаго, какъ своей причины? Можетъ, но только въ степени, и то только въ уменьшенной, пониженной, но никакъ не въ качествѣ и тѣмъ болѣе не въ родѣ. Иначе трудно было бы постигнуть, если-бы въ дѣйствіи оказалось больше, чѣмъ есть въ причинѣ, или еслибы оказалось что-либо совершенно иное, совсѣмъ отличное отъ причины,—наприм., еслибы изъ вкусоваго ощущенія произошло, безъ посредствующей причины, ощущеніе слуховое и т. п. Если бы въ происхожденіи втораго, или третьяго, ощущеній дѣйствовала одна только причина, одно первооригинальное ощущеніе,—то естественно было бы ждать, что она произвела бы изъ себя одно, или два, или больше ощущеній себѣ равныхъ и совершенно подобныхъ и, истощившись на нихъ, исчезла бы безъ остатка. Тогда могли бы образоваться только разности въ степени; но происхожденіе разностей въ качествѣ, а тѣмъ болѣе появленіе рѣзкихъ контрастовъ было бы рѣшительно необъяснимо. Впрочемъ, *М. Трошкій* какъ-будто вовсе устраняетъ гипотезу, чтобъ оригинальныя впечатлѣнія были различны въ своемъ качествѣ сами по себѣ. Нѣтъ, ощущеніе разности втораго производнаго ощущенія отъ первооргинальнаго, по объясненію *М. Трошкаго*, дается единственно только переходомъ сознанія отъ одного къ другому ощущенію, именно сознаніемъ только того, что *это ощущеніе есть второе послѣ перваго.* Если же это такъ, то, спрашивается, на-основаніи закона причинности, *отъ чего-же второе ощущеніе при этомъ оказывается отличнымъ отъ перваго?* Если въ существѣ своемъ то и другое, первое и второе, ощущенія совершенно сходны, то отъ чего-же то и другое не кажется скорѣе тожественнымъ, чѣмъ различнымъ? Если это происходитъ не отъ качества самыхъ ощущеній, а только отъ перехода между ними,—то *что такое этотъ переходъ, какъ причина, какъ новый средній терминъ*, имѣющій въ себѣ силу явить первые два тожественные термина, два совершенно одинаковыхъ ощущенія, различными? Имѣемъ ли мы какое-либо право отдѣлить его отъ ощу-

щеній, какъ особую реальность, когда и самое сознаніе, по *М. Троицкому*, не отдѣлимо отъ ощущенія? И измѣненіе тожественныхъ ощущеній въ различныя, однимъ только переходомъ отъ одного ощущенія къ другому, не будетъ ли противорѣчить опыту? Совершенно равномѣрный, радужный спектръ солнечнаго луча измѣнится ли въ моемъ ощущеніи до контраста единственно только отъ того, что я смотрю на него долго, а не одно мгновеніе, и, слѣдовательно, получаю цѣлый рядъ однообразныхъ впечатлѣній? Не бываетъ ли на дѣлѣ совершенно наоборотъ, именно, что непрерывное продолженіе тожественныхъ впечатлѣній сливаетъ ихъ въ одно неразложимое ощущеніе, каково, наприм., ощущеніе звуковой волны отъ удара по струнѣ, или ощущенія запаха розы, сладкаго вкуса, отъ тающаго во рту куска сахара, прикосновенія воды при погруженіи въ нее и т. д. Если первое ощущеніе, произведши изъ себя второе, — второе, произведши изъ себя, по роду своему, третье,—третье, произведши изъ себя четвертое, истощаются на свои произведенія и исчезаютъ изъ духа, который, по *М. Троицкому*, никакъ не можетъ быть кладовою своихъ пережитыхъ состояній,—то откуда могло возникнуть все это безчисленное множество и безпредѣльное разнообразіе ощущеній, наполняющихъ каждый человѣческій духъ? Эти вопросы въ теоріи *М. Троицкаго* остаются рѣшительно неразъясненными. Его теорія, напротивъ, заставляетъ предполагать, что *не-только перво-оригинальное ощущеніе возникаетъ само собою, безъ предварительной причины,—но и второе, если оно отлично отъ перваго, и третье, и четвертое и послѣдующія, если онъ отличны отъ своихъ предыдущихъ, и все это безконечно разнообразное множество нашихъ ощущеній, возникаютъ также недовѣдомымъ и, ввиду безусловно обязательнаго закона причинности, не-изъяснимымъ чудомъ.*

Вообще, если впереди первооригинальнаго, какъ и всѣхъ послѣдующихъ ощущеній, не существуетъ духъ, какъ субстанція, хранящая въ себѣ зерно безпредѣльнаго духовнаго развитія,—а, съ другой стороны, если не существуетъ, независимо отъ духа и впереди его, возбудитель его собственной жизни и всякихъ проявленій въ немъ, міръ другихъ субстанцій,—если между ними нѣтъ предуставленныхъ, посредственныхъ или непосредственныхъ, соотношеній,—если въ духѣ не имѣется разнообразныхъ потенцій развитія, разнообразныхъ формъ духовной дѣятельности, а въ окружающемъ мірѣ нѣтъ разнообразныхъ дѣятелей, способныхъ возбуждать разнообраз-

ныя способности духа,—то тогда *разнообразіе проявленій духа оказалось бы безъ достаточной причины. Въ-такомъ случаѣ и безусловный законъ причинности потерялъ бы свою силу и всеобщую приложимость.*

III) Но ужели, въ самомъ дѣлѣ, *М. Троицкій* стоптъ на томъ, что *внѣшній міръ, независимо отъ нашего духа, и самый духъ нашъ, какъ субстанція, предшествующая всякому нашему ощущенію, не существуютъ?* Да, мы читаемъ на этотъ счетъ самыя рѣшительныя выраженія *М. Троицкаго,* какъ и всей пропагандируемой имъ школы. Тѣмъ не менѣе, относительно довѣрія нашего къ бытію міра и духа, самъ онъ предлагаетъ и тщательно разъясняетъ нѣкоторую, конечно, стародавнюю, но своеобразно имъ поставленную дистинкцію, именно *дистинкцію между знаніемъ и убѣжденіемъ.* «Глубокій анализъ убѣждаетъ меня, — выражается онъ, — что вещи суть только аггрегатъ моихъ собственныхъ ощущеній; въ эту минуту я признаю ихъ дѣйствительно своимъ; для меня тогда уже не существуетъ это внѣшнее, предметное; у меня остаются одинъ мои ощущенія, мои состоянія. Но эта минута анализа,—по словамъ его-же,—бываетъ рѣдко; въ другое время я отожествляю свои ощущенія, свои субъективныя состоянія, именно какъ вещи; *въ существованіи ихъ я убѣжденъ во всякое другое время* (кромѣ минуты анализа); *убѣжденіе въ существованіи внѣшнихъ причинъ* различныхъ чувственныхъ явленій, или нашихъ ощущеній, изслѣдователь духа находитъ *въ числѣ жизненныхъ началъ нашей духовной конституціи. Наше убѣжденіе* въ существованіи внѣшняго, протяженнаго, предметнаго міра, независимо отъ нашего сознанія, возникаетъ раньше, чѣмъ мы начинаемъ давать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и пробуждается всякій разъ, какъ мы бываемъ въ тѣхъ состояніяхъ, которыя называются внѣшними перцепціями. Поэтому мы *не въ-состояніи итти противъ своей конституціональной склонности* даже и тогда, когда анализъ приводитъ къ инымъ результатамъ. Но, въ минуты анализа и критики, мы остаемся съ скуднымъ сознаніемъ, что *наше знаніе* не идетъ такъ далеко, какъ *наше убѣжденіе*». По его-же словамъ, «это факты нашего сознанія, изъ которыхъ *одни,—факты убѣжденія,*—подлежатъ повѣркѣ каждаго по тому, что суть *факты сознанія ежеминутнаго, другіе же,—факты сознанія научнаго, анализа, критики,—суть факты не-только не универсальные, а, напротивъ того, ограничиваются весьма незначительною группою аналитиковъ духа, держащихся строгихъ*

предписаній индуктивной методы, да и для нихъ существуютъ только въ рѣдкія минуты анализа, или спора» [1])! По его-же словамъ, «*Юмъ* утверждаетъ, что [2]) существованіе внѣшняго міра, независимаго отъ духа или сознанія, доказать невозможно, хотя мы и убѣждены въ этомъ; *по Риду*, напротивъ того, *мы убѣждены въ существованіи внѣшняго міра*, независимаго отъ нашего духа, хотя доказать это и не можемъ». Для *М. Троицкаго* здѣсь важно то, что одинъ,—*Юмъ*,—ударяетъ на невозможность научнаго доказательства существованія внѣшняго міра, а другой,—*Ридъ*,—на твердое универсальное убѣжденіе въ этомъ. Для насъ же важно, что для обоихъ представителей противоположныхъ философскихъ воззрѣній, какъ и для *М. Троицкаго*, безспоренъ фактъ *универсальнаго убѣжденія въ независимомъ бытіи внѣшняго міра. И Кантъ, по словамъ М. Троицкаго, убѣжденіе въ этомъ существованіи считаетъ твердою принадлежностію нашей конституціи*,—хотя также не думаетъ, чтобы можно было доказать существованіе міра, независимое отъ состояній нашего собственнаго сознанія. *Юмъ* согласенъ съ *Ридомъ* въ признаніи этого убѣжденія даже именно *универсальнымъ началомъ нашей конституціи*. По словамъ *М. Троицкаго*, «*Юмъ* никогда и въ мысли не имѣлъ оспоривать универсальность и постоянство выставляемаго *Ридомъ* факта, что всѣ и каждый убѣждены въ существованіи внѣшняго міра и не могутъ не быть убѣждены, когда имѣютъ предметныя ощущенія. *Броунъ*, подвергши подробному анализу теорію *Рида*, нашелъ, что какъ скептикъ, такъ и ортодоксальный философъ изъ школы *Рида* приходятъ совершенно *къ одному и тому-же заключенію*. Символъ каждаго слагается, въ этомъ пунктѣ, изъ двухъ предложеній и совершенно однихъ и тѣхъ-же. *Первое изъ нихъ то, что существованіе системы вещей, какое мы понимаемъ, когда говоримъ о внѣшнемъ мірѣ, не можетъ быть доказано никакимъ аргументомъ*,—*второе, что вѣра въ него имѣетъ силу, которая выше силы аргумента и абсолютно непреодолима. Нѣтъ никакого аргумента, которымъ можно было бы доказать существованіе внѣшняго міра; для насъ абсолютно невозможно не вѣрить въ существованіе внѣшняго міра*,—эти два предложенія можно назвать итогомъ ученія *Рида* или *Юма*, по произволу, потому-что это общее и одинаковое ученіе обоихъ». — По *М. Троицкому*, «*все разногласіе между ними въ этомъ пунктѣ состо-*

---

[1]) 309. [2]) 308.

ялo въ томъ, что Юмъ признавалъ этотъ фактъ, убѣжденіе въ бытіи міра, производнымъ, объясняющимся изъ фактовъ болѣе элементарныхъ, а Ридъ считаетъ его, какъ и другія универсальныя и неизмѣнныя начала нашей духовной конституціи, фактомъ первичнымъ, столько-же непроизводнымъ, какъ и самыя элементарныя перцепціи. Существованіе такихъ *убѣжденій* и для *Юма* также, какъ и для *Рида*, есть вещь безспорная, какъ безспорно и то, что эти убѣжденія не выводятъ насъ, *путемъ научнымъ*, изъ сферы опыта, или не могутъ быть обращены *въ знанія, идущія далѣе всякаго опыта.* Иначе сказать [1]),—заключаетъ *М. Троицкій*,—*всѣ универсальности Рида не суть простыя, неразложимыя, невыводимыя начала, не суть первичные, непроизводные факты, а суть начала, которыхъ корень лежитъ въ нашемъ опытѣ, суть продуктъ разнообразныхъ факторовъ, которые лежатъ въ кругѣ несомнѣнныхъ данныхъ психологическаго анализа».*

IV) Итакъ, у *М. Троицкаго* весь вопросъ, въ концѣ изслѣдованія о бытіи вещей, сводится, какъ и у *Д. С. Милля*, къ вопросу *о существованіи сверхъ—опытныхъ или прежде—опытныхъ, апріорныхъ, прирожденныхъ знаній и идей,—именно, къ безусловному отрицанію такихъ знаній и идей.* Это основаніе всей его теоріи, равно-какъ и всей системы пропагандируемой имъ школы. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ существеннѣйшемъ пунктѣ, у него не обошлось безъ очевиднаго противорѣчія, по которому самъ-же онъ, болѣе, или менѣе, отрицаетъ то, что утверждалъ.

«Схолостическая теорія силлогизма» [1]),—пишетъ онъ, — «требуя все болѣе и болѣе общихъ посылокъ, увѣряла, что мы должны этимъ путемъ придти къ положеніямъ столь общимъ, что всякая попытка отыскать еще болѣе общія окажется безплодною. Значитъ, дойдемъ до положеній *безусловно общихъ, всеобщихъ, универсальныхъ.* На нихъ, значитъ, опирается, въ концѣ концовъ, и вся научная аргументація; это твердыя исходныя точки научнаго мышленія; *это безусловныя и неизмѣнныя начала всей науки.* Такъ-какъ, по этой теоріи, *силлогизмъ и индукція—двѣ методы совершенно разнородныя,* то эти начала суть начала независимыя отъ индукціи, иначе сказать,—отъ наблюденія и опыта, и составляютъ первое, *универсальное, безусловное и совершеннѣйшее знаніе.* Какъ независимыя отъ индукціи, эти начала науки назывались *началами a priori;* напротивъ того, всякое познаніе индуктивное, всѣ наблюденія и опыты назывались *началами a posteriori.* Въ этихъ терминахъ выражалась мысль, что начала науки существуютъ въ умѣ раньше (prius) всякаго наблюденія и суть самобытная собственность

---

[1]) 385. [2]) 9.

его, какъ особенной силы человѣческаго духа. Схоластика, въ своихъ предположеніяхъ объ общихъ началахъ [1]), руководилась всего больше показаніями математики, такъ-какъ въ этой наукѣ, повидимому, всѣ частныя истины добываются путемъ аргументаціи изъ нѣсколькихъ, ни откуда невыводимыхъ, аксіомъ. Но *Локъ*, по словамъ *М. Троицкаго*, доказалъ всю неосновательность гипотезы, что твердость частныхъ истинъ зависитъ, въ этой области, отъ вывода изъ положеній общихъ. «Неужели», спрашиваетъ онъ, «узнать, что одинъ и два равны тремъ, иначе невозможно, какъ при-помощи той аксіомы, что цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, взятымъ вмѣстѣ, или другой какой? Многіе знаютъ, что одинъ и два равны тремъ, *не зная и не думая объ этой, или другой какой-либо доказывающей аксіомѣ*, и знаютъ также рѣшительно, какъ и тотъ, кто знаетъ, что цѣлое равно всѣмъ своимъ частямъ, или другую подобную аксіому, *и все это по тому-же началу самоочевидности*». Схоластическую теорію силлогизма, по *М. Троицкому*, окончательно будто-бы разрушилъ, въ своей Логикѣ, *Д. С. Милль*. Основная мысль [2]) *Д. С. Милля* развивается въ слѣдующихъ подробностяхъ. 1) Всѣ общія истины или предложенія суть только аггрегатъ истинъ частныхъ, полученныхъ изъ частныхъ случаевъ, и должны разрѣшаться на эти частныя истины; 2) эти частныя истины суть рядъ обобщеній, выразившихся, по свойству языка, въ одномъ широкомъ обобщеніи, общемъ предложеніи, играющемъ роль верхней посылки въ силлогизмѣ; 3) въ этихъ-то выводахъ, въ этихъ обобщеніяхъ, въ этихъ частныхъ истинахъ и частныхъ случаяхъ (наприм., лошадь имѣетъ четыре копыта), изъ которыхъ онѣ извлекаются, и лежитъ все наше полномочіе на дальнѣйшіе выводы. *Въ дѣйствительности мы заключаемъ всегда только отъ частнаго къ частному*,—пользуемся ли мы общими предположеніями, или нѣтъ. Отъ *Бэкона* было принято слѣдующеее руководительное начало правильной методы: схоластическое мнѣніе, что силлогизмъ есть органъ науки, органъ открытія новыхъ истинъ и аргументаціи, опровергается критикою самаго силлогизма и анализомъ процесса нашихъ мыслей. *Каково бы ни было достоинство индукціи и индуктивной методы, но только за этою методою остается неоспоренное право быть органомъ науки*». Мы видѣли также, что *М Троицкій* считаетъ безуспѣшною всякую физіологическую попытку къ объясненію законовъ ассоціаціи, называя иллюзіею мысль о *предсуществованіи* таинственной *связи* между воспроизводимыми идеями раньше самаго акта воспроизведенія, именно ту мысль, что эта *связь лежитъ* глубже нашихъ ощущеній и скрывается именно *въ какихъ-нибудь сочетаніяхъ мозга и нервной системы*. Представляется возраженіе, что абсолютной независимости законовъ ассоціаціи отъ физіологическихъ отправленій и склада органовъ нашего тѣла, наприм., отъ темпераментовъ, противорѣчатъ такъ-называемые *инстинкты*? Но *М. Троицкій* разсѣкаетъ этотъ узелъ, объявляя самые инстинкты не примитивнымъ, не прирожденнымъ явленіемъ нашей внутренней структуры, а сложнымъ продуктомъ другихъ первичныхъ факторовъ. «Наблюденіе психологовъ», — пишетъ онъ [3]),—«давно было остановлено нѣкоторыми фактами нашей чувственности, которые, повидимому, свидѣтельствуютъ, что, кромѣ элементарныхъ состояній, *мы получаемъ отъ нашей тѣлесной природы и нѣкоторыя первоначальныя комбинаціи ихъ съ состояніями тѣла* —

---

[1]) 13. [2]) 22. [3]) 159.

комбинацій, въ которыхъ предусмотрѣнно раннее безпомощное положеніе живого существа среди окружающихъ предметовъ; — это инстинкты. Однакожъ дальнѣйшіе успѣхи физіологіи и психологіи привели (будтобы) къ убѣжденію, что такъ-называемыя инстинктивныя явленія не суть послѣднія или не выводимыя однообразія духовныхъ обнаруженій,—что онѣ доступны дальнѣйшему анализу, т. е. основаны на явленіяхъ болѣе общаго характера». Само собою разумѣется, что, отвергая примитивность даже инстинктовъ, *М. Троицкій* тѣмъ менѣе могъ допустить примитивность такъ-называемыхъ универсальныхъ началъ. «Строго держась основныхъ руководительныхъ началъ *Бэкона и Локка*»,—пишетъ онъ [1]),— «*Ридъ* нашолъ возможнымъ возвратиться, будто бы *по требованію этихъ самыхъ началъ*, къ *principia universalia* (*всеобщимъ началамъ*) *схоластиковъ*, *началамъ первичнымъ*, *непроизводнымъ*, *неразложимымъ на данныя внѣшняго и внутренняго наблюденія*. Всѣ умствованія *Рида*, въ концѣ концовъ, сводятся къ простому указанію факта: *такое-то универсальное и необходимое начало нашей духовной конституціи недоступно моему анализу*; *слѣдовательно*, *оно неразложимо*, *непроизводно*, *первично*. Универсальныя начала получаются *Ридомъ* путемъ экспериментаціи, и, однакожъ, получаются независимымъ отъ всѣхъ пріемовъ опытнаго изслѣдованія способомъ. Отдѣливши данныя внѣшнихъ чувствъ и сознанія, какъ область опыта, *Ридъ* нашелъ, что его начала лежитъ въ основѣ всѣхъ операцій духа надъ этими данными, въ основаніи всякой комбинаціи, или синтеза ихъ. По теоріи *Рида* [2]), существуетъ множество понятій, сужденій, или убѣжденій, которыми каждый человѣкъ руководствуется въ своемъ опытѣ, въ своей практикѣ и теоріи, и которыя, однакожъ, не вытекаютъ изъ опыта, а только отыскиваются въ немъ, при-помощи анализа и критики. Сюда принадлежатъ, по *Риду*, перцепціи или идеи *протяженія и продолженія*, *пространства и времени*, *идея существованія внѣшняго и внутренняго*, *вещественныхъ предметовъ и моего духа или я*. Эти идеи, по *Риду*, суть факты духовнаго существованія, независимые отъ данныхъ сознанія и внѣшнихъ ощущеній, равно-какъ и всякаго умозаключенія. *Я*, по *Риду*, не есть мои мысли, мои дѣйствія, мои ощущенія; *Я* есть то, что мыслитъ, дѣйствуетъ, чувствуетъ. Мои мысли, дѣйствія, ощущенія смѣняются каждую минуту, между-тѣмъ-какъ *Я*, которому онѣ принадлежатъ, остается постояннымъ и сохраняетъ одно и тоже отношеніе со всѣми преемственными мыслями, всѣми дѣйствіями, всѣми ощущеніями, которыя я называю своими; мое личное тожество предполагаетъ непрерывное существованіе чего-то недѣлимаго, что я называю самимъ собою. Что бы оно ни было, во всякомъ случаѣ, это нѣчто такое, что мыслитъ, обдумываетъ, рѣшается, дѣйствуетъ, чувствуетъ. Для нашего знанія остаются феноменальныя операціи неизвѣстной намъ субстанціи, которую я называю своимъ духомъ,—*Я*, и которую не могу не считать субъектомъ, которому принадлежатъ эти операціи, хотя и не знаю, что такое она въ себѣ. *По Риду*, *есть синтетическія* [3]) *сужденія*, *не выводимыя ни изъ какихъ данныхъ опыта*, — и это именно непосредственныя сужденія, связанныя съ операціями внѣшнихъ чувствъ, памяти и сознанія. Разсудокъ или отвлеченное мышленіе, въ своихъ обобщеніяхъ, приходитъ, по *Риду*, въ концѣ, къ тому, что

---

[1]) 356. [2]) 371. [3]) 373.

уже *лежало въ основѣ всей связной операціи внѣшнихъ чувствъ, памяти и сознанія*, — слѣдовательно, въ основѣ всѣхъ частныхъ опытныхъ сужденій, отъ которыхъ отправляются, путемъ обобщенія, къ общимъ началамъ. Отсюда, по *Риду, истина такихъ началъ имѣетъ непосредственную очевидность для всякаго*, кто незнакомъ съ пріемами научнаго анализа. Въ этомъ отношеніи, между грубѣйшимъ невѣждою и философомъ не существуетъ никакой разницы. И если, выраженныя отвлеченно, онѣ вызываютъ въ умахъ нѣкоторыхъ философовъ духъ сомнѣнія въ ихъ истинности, то, какъ *сужденія непосредственныя, онѣ сопровождаются неодолимымъ убѣжденіемъ въ дѣйствительности ихъ предмета, даже у самихъ скептиковъ*. Пусть эти начала [1]) не выносятъ насъ за предѣлы опыта, съ точки зрѣнія аргумента или доказательства. Все, что устанавливается этими началами, это непреодолимое убѣжденіе въ ихъ истинности: *идти дальше этого убѣжденія и объяснить его законность или права на наше довѣріе, по мнѣнію Рида, невозможно*, потому-что всякая попытка бороться противъ этого убѣжденія окажется напрасною. Наше убѣжденіе въ существованіи вещества, духа, Бога не вытекаетъ изъ какихъ-нибудь построеній, a priori. Но, всякій разъ, когда мы обращаемся къ нашимъ чувствамъ, нашему сознанію и созерцанію конечныхъ причинъ, *идеи ихъ существованія внушаются намъ съ непреодолимою силою убѣжденія въ дѣйствительности ихъ предмета*. Кромѣ этого факта убѣжденія, невозможно открыть никакого исхода изъ круга явленій; но естественная сила этого факта и не нуждается ни въ чемъ дальнѣйшемъ. Очевидность внѣшнихъ чувствъ, очевидность памяти, очевидность сознанія, очевидность аксіомъ имѣютъ совершенно такую-же цѣну, какъ и очевидность доказательствъ. Гораздо болѣе,— *очевидность послѣдняго рода зависитъ, въ послѣдней инстанціи, отъ очевидности первыхъ родовъ: очевидность демонстративная основана на очевидности индуктивной*» [2]). Такова сущность Ридовой теоріи.

М. Троицкій, однакожъ, дивится [3]) скудости результатовъ *Ридовой* философіи. «Всюду въ *Ридовой* теоріи,—говоритъ онъ,—мы находимъ самое отчетливое выраженіе двухъ обстоятельствъ, которыя могутъ быть формулированы такимъ образомъ: «есть вещи, въ истинѣ которыхъ мы всѣ убѣждены, хотя очевидно, что убѣжденій этого рода нельзя оправдать ни путемъ экспериментаціи, ни путемъ дедукціи или демонстраціи,—однимъ словомъ, никакими научными средствами. Чѣмъ же, спрашиваетъ *М. Троицкій*, эти результаты отличаются, въ-отношеніи къ границамъ нашего знанія и нашихъ научныхъ убѣжденій, отъ результатовъ, полученныхъ *Юмомъ*? Развѣ *Юмъ* отрицалъ что это—убѣжденія всѣхъ и каждаго и что раздѣлаться съ ними невозможно? Развѣ онъ спорилъ противъ того, что *внѣшнія вещи всегда представляются намъ въ пространствѣ и времени*,—что мы *вѣримъ въ ихъ независимое отъ насъ существованіе*,—что мы *убѣж-*

---

[1]) 374. [2]) 375. [3]) 383.

дены въ существованіи духа и въ нашемъ личномъ тождествѣ,—что такъ—называемыя *аксіомы наукъ суть дѣйствительно начала нашихъ знаній*,—*что мы вѣримъ въ красоту предметовъ, помимо нашихъ эстетическихъ волненій*,—или что *мы убѣждены въ своей власти надъ своими дѣйствіями и въ преимуществахъ святости долга предъ всѣми другими мотивами поведенія? — Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!* восклицаетъ *М. Троицкій*. Существованіе такихъ убѣжденій и для *Юма*, также какъ и для *Рида*, есть вещь безспорная, какъ безспорно и то, что *эти убѣжденія не выводятъ насъ, путемъ научнымъ, изъ сферы опыта, или не могутъ быть обращены въ знанія, идущія далѣе всякаго опыта. Ридъ* нашелъ, что его начала *лежатъ въ основѣ всѣхъ операцій духа*, въ основаніи всякой комбинаціи или синтеза данныхъ опыта; его начала стали у него факторами или производителями всякаго опыта, опытнаго знанія и универсальнаго практическаго порядка вещей [1]). И *М. Троицкій*, подтверждаетъ, что *Ридовы начала*, не-смотря на свою производность, *оказываются универсальными и необходимыми, т. е. повторяющими свои частныя операціи неизмѣнно и у всѣхъ одинаково*,—хотя и находитъ, что подобныхъ началъ бездна, что сюда относится все, что *входитъ въ типъ духовной конституціи человѣка*: это—всѣ, наблюдаемыя въ опытѣ каждаго, *типическія*, сложныя, предметныя ощущенія, *типическія* явленія жизни умственной или идеальной, *типическія* стороны духовныхъ волненій, *типическіе* факты воли, съ вытекающими изъ нихъ *типическими* убѣжденіями».

Итакъ, что-же? Можно ли сказать, что *М. Троицкій безусловно отрицаетъ бытіе примитивныхъ, универсальныхъ началъ? Оказывается, что нельзя, хотя и трудно отгадать, что въ этомъ пунктѣ онъ отрицаетъ, и что допускаетъ*:—онъ, какъ и вся пропагандируемая имъ школа, со включеніемъ самаго скептическаго представителя самой крайней лѣвой ея стороны, знаменитаго *Юма*, допускаютъ бытіе въ человѣкѣ *убѣжденій типическихъ*, бытіе *началъ*, которыя *входятъ въ типъ духовной конституціи человѣка*,—*началъ универсальныхъ и необходимыхъ, которыя повторяютъ свои частныя операціи неизмѣнно и у всѣхъ одинаково*, —*убѣжденій всеобщихъ, убѣжденій всѣхъ и каждаго, съ которыми раздѣляться невозможно. М. Троицкій* энергически, какъ посягательство на честь одного изъ глав-

---

[1]) 360.

ныхъ своихъ руководителей, отрицаетъ предположеніе, будто *Ю.* могъ скептически спорить противъ такихъ *всеобщихъ типическихъ конституціонныхъ убѣжденій*, именно противъ того, что *внѣшнія вещи всегда представляются намъ въ пространствѣ и времени*,—что мы *вѣримъ въ ихъ независимое отъ насъ существованіе*,—*что* мы *убѣждены въ существованіи нашего духа и въ нашемъ личномъ тождествѣ*,—что такъ-называемыя *аксіомы наукъ суть дѣйствительно начала нашихъ знаній*,—что *мы вѣримъ въ красоту предметовъ, помимо нашихъ эстетическихъ волненій*,—или что *мы убѣждены въ своей власти надъ своими дѣйствіями и въ преимуществахъ святости долга предъ всѣми другими мотивами поведенія*. Не споритъ *М. Троицкій* противъ *Рида* и въ томъ, что *очевидносшь демонстративная основана на очевидности интуитивной*,—что, напримѣръ, *довѣріе къ такъ-называемымъ аксіомамъ наукъ основано на самоочевидности ихъ*, какъ учитъ и *Локкъ*,—*что объяснять законность такихъ началъ и право ихъ на наше довѣріе невозможно*,—что *истина такихъ началъ имѣетъ очевидность непосредственную*. Согласенъ *М. Троицкій* и на то, что инстинкты свои мы получаемъ *отъ нашей природы*; покрайней мѣрѣ, онъ выражается буквально, хотя и съ нѣкоторымъ колебаніемъ: «мы получаемъ *отъ нашей тѣлесной природы* нѣкоторыя примитивныя комбинаціи, въ которыхъ *предусмотрѣно*» (кѣмъ? природою же?) «*раннее безпомощное положеніе живаго существа*, среди окружающихъ предметовъ». Можемъ ли мы, послѣ этого, сказать, долженъ ли *М. Троицкій* сознаться рѣшительно, что *инстинктивныя знанія намъ, какъ и животнымъ, прирождены*,—что *они даются намъ природою прежде всякаго личнаго нашего опыта*,—что *они получаются a priori?* А если-бы онъ сталъ колебаться въ такомъ признаніи, то мы сошлемся, въ помощь себѣ, на физіологовъ—философовъ: *Кабаниса, Льюиса, Дарвина и Дрэпера*. Можемъ ли мы, далѣе, настоять, долженъ ли *М. Троицкій* дать свое согласіе и на то, что *обще-человѣческія, всеобщія, универсальныя, конституціональныя убѣжденія лежатъ именно въ типѣ, въ конституціи, въ природѣ человѣка*,—что онѣ прирождены и, слѣдовательно, опять-таки *апріорны?* А если-бы *М. Троицкій* сталъ колебаться и здѣсь, то мы укажемъ ему на согласіе съ нами въ этомъ пунктѣ самаго *Д. С. Милля и Карпентера*, равно-какъ *Дрэпера, Дарвина, Льюиса* и т. д. Дебатировать же противъ него по этому предмету снова, *разбирать, вмѣстѣ съ нимъ, разложимость, или неразложимость, съ основывающею*

имъ на этомъ примитивностью, или непримитивностью, апріорныхъ, прирожденныхъ понятій и идей мы признаемъ, послѣ всего выше сказаннаго нами, *совершенно ненужнымъ.*

Вообще-же, какъ *М. Троицкій* дивится скудости результатовъ полученныхъ *Ридомъ*, такъ и мы не можемъ не подивиться скудости результатовъ, выработанныхъ имъ самимъ, *М. Троицкимъ*, хотя и не можемъ не признать, что на сочиненіе свое: *Нѣмецкая психологія*, онъ потратилъ большое богатство эрудиціи, скомбинированной въ цѣлую теорію крѣпкимъ и острымъ дарованіемъ. Вотъ его результатъ: «1) *мы знаемъ, что міръ не существуетъ*; 2) *мы носимъ въ своей конституціи универсальное, типическое, болѣе всякаго знанія крѣпкое, убѣжденіе, что міръ существуетъ*». Не вправѣ ли мы, по поводу такого результата, обратиться *къ М. Троицкому* опять его-же собственныя слова, что *этотъ результатъ и распадается отъ внутренняго противорѣчія*»? Не свидѣтельствуетъ ли такой результатъ только о томъ, что *М. Троицкій* напрасно потерялъ столько усилій представить такъ-называемое имъ *знаніе единственнымъ научнымъ знаніемъ*, а такъ-называемое имъ *конституціональное, типическое, универсальное, необходимое убѣжденіе—абсолютнымъ незнаніемъ*? И что такой результатъ убавилъ изъ утвердившагося исконп, въ исторіи философіи, радикальнаго различенія между *знаніемъ и знаніемъ, знаніемъ разсудочнымъ и разумнымъ, между разсудкомъ и разумомъ, между понятіемъ и идеею, между опытомъ и умозрѣніемъ, между философскою демонстраціею и философскою вѣрою или интуиціею*,—изъ различенія, которое болѣе или менѣе основательно разработано было всѣми представителями реально-идеальнаго міросозерцанія, начиная *съ Платона* и, чрезъ схоластиковъ, до *Декарта*, и до *Канта* которыхъ, однакожъ, *М. Троицкій* такъ отважно чествтъ? Ужели онъ могъ думать, что именно съ него родъ человѣческій начнетъ считать «*сущности вещей копіею съ состояній духа*», а, наоборотъ, испоконную, прирожденную склонность здраваго обще-человѣческаго смысла—«*считать свои состоянія копіями съ вещей—признавать комбинаціею не только произвольною, но и распадающеюся отъ внутренняго противорѣчія, и даже просто очевидно нелѣпою?*» Не абсурдъ ли, наоборотъ, одинъ разъ называть такую комбинацію очевидно *нелѣпою*, а другой—*самоочевидною*,—одинъ разъ—*распадающеюся отъ внутренняго противорѣчія*, а другой—*типически конституціональнымъ началомъ знанія*,—одинъ разъ—*произвольною*, а другой—*всеобщею*, *уни-*

версально-необходимою? Отважно взялся *М. Троицкій* доказать слишкомъ много, и не доказалъ ничего, кромѣ того развѣ, что онъ силенъ забросать грязью вѣковые и міровые авторитеты.

ГЛАВА XLI.

Далеко ли, послѣ того, что мы видѣли, ушелъ нашъ новѣйшій русскій философъ отъ новаго, явившагося въ Германіи, философа—нигилиста, *Эдуарда Гартмана?* Эта новая философія *Эдуарда Гартмана* представляетъ крайне любопытное и поучительное явленіе. Какъ и нашъ *М. Троицкій*, новый германскій мыслитель превозноситъ до небесъ *индуктивный методъ*. Какъ тотъ, такъ и другой, думаютъ быть выразителями выводовъ лучшихъ философовъ индуктивистовъ—эмпириковъ нашего времени. Индуктивный методъ, ясность изложенія и точность приводимыхъ доказательствъ, постоянныя ссылки на естественныя науки и богатый эмпирическій матеріалъ,—какъ пишетъ русскій критикъ этой новой теоріи [1]),—сдѣлали то, что философія *Гартмана* сочувственно встрѣчена не-только въ Германіи, или Франціи, но и въ *Англіи*, и *въ Америкѣ*. Именно, *въ индуктивномъ методѣ* усматриваются главныя достоинства *Гартманова* сочиненія. *И на-основаніи* будтобы *естественныхъ наукъ и индуктивнаго метода*, *Гартманъ* доказываетъ очень откровенно, *что началомъ всего существующаго: и Бога, и міра, было ничто, и все современемъ обратится въ ничто.*

До происхожденія и послѣ окончанія міра и его процесса, по *Гартману*, не было и не будетъ ничего. Это ничто есть *воля (стремленіе) и представленіе (разумъ) въ состояніи бездѣйственномъ*; бездѣйственное состояніе воли и пред-

---

[1]) *Струве*, Русск. Вѣст. 1873 г., январь, «*философскій пессимизмъ*». До прочтенія этой статьи, мы не слыхали и имени *Эдуарда Гартмана*. Если же нашъ взглядъ, совершенно самостоятельно раскрываемый въ этомъ изслѣдованіи,—взглядъ, что ультра-позитивный индуктивный метотъ и современная естественно-философская наука ведутъ къ убѣжденію въ несуществованіи дѣйствительнаго бытія,—совпадаетъ съ воззрѣніемъ на тотъ-же предметъ *Эдуарда Гартмана* хотя и при коренной противоположности дальнѣйшихъ отсюда выводовъ,—то это значитъ только, что воззрѣніе наше на современное научное направленіе имѣетъ свою непреложную основу въ дѣйствительныхъ фактахъ, которые внимательному глазу не трудно усмотрѣть точно также, на берегахъ Дона какъ и Рейна.

ставленія было не дѣйствующею потенціею. Истинное реальное начало, по *Гартману*, истинная сущность міра есть воля, *воля* въ значеніи *не психологическомъ*, какъ проявленіе какого-нибудь лица или сознанія, но въ *метафизическомъ*, какъ существующая сама по себѣ, безъ всякихъ другихъ психологическихъ элементовъ, особенно же безъ сознанія (совершенно тоже, что ощущеніе или духъ *М. Троицкаго*, только въ абсолютно—широкомъ смыслѣ), какъ *метафизическое начало, первоначальная причина всѣхъ явленій міра.* Но воля не единственное начало.—Какъ начало реальное, она соединяется съ началомъ идеальнымъ, *представленіемъ, мышленіемъ, разумомъ, идеею.* Воля и представленіе составляютъ одну и туже субстанцію, одну и туже сущность бытія, единое нераздѣльное начало, — *единое безсознательное*, проявляющееся въ двухъ атрибутахъ: волѣ и представленіи, которыя становятся реальными, возникаютъ изъ абсолютнаго не-бытія въ бытіе только при взаимной помощи другъ другу. Воля (стремленіе) насильственно вступила въ союзъ съ идеею, и изъ этого союза родилось бытіе или существованіе, которое хуже, чѣмъ *несуществованіе*, чѣмъ *ничто.* Почему *идея, (разумъ)*, стремясь разорвать свой насильственный союзъ съ волею, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится къ избавленію всего существующаго отъ бѣдствія существованія. Въ-слѣдствіе этого, весь міръ, все его устройство, вся его организація, начиная *съ атома до сознанія* человѣка и историческаго развитія человѣчества, словомъ,—весь міровой процессъ имѣетъ своею единственною логическою цѣлью: *уничтоженіе самаго существованія и возвращеніе его въ первоначальное ничто.* Иначе сказать,—міръ есть не что иное, какъ созданный разумомъ, при помощи воли, механизмъ *для разложенія всего существующаго. Міръ есть огромнѣйшій аппаратъ для самоубійства всего существованія.* Въ такихъ самоубійственныхъ видахъ своихъ, разумъ дробитъ волю на части. Разумъ обманываетъ волю *и уничтожаетъ*, при ея содѣйствіи, все существующее, пользуясь слѣдующими четырьмя главными средствами: 1) сотвореніемъ атомовъ и матеріи, 2) индивидуаціею, 3) созданіемъ сознанія и 4) процессомъ развитія человѣчества. Какъ же достигается цѣль всеобщаго уничтоженія, *по первому способу*, чрезъ атомы и матерію?—Содержаніе атомовъ, по *Гартману*, исчерпывается свойственною имъ силою притяженія и отталкиванія, а кромѣ этихъ силъ въ атомахъ нѣтъ рѣшительно ничего, *никакого матеріальнаго субстрата.* До понятія *о матеріи* мы доходимъ вслѣдствіе *ощущенія извѣстнаго сопротивленія*: желая объяснить себѣ *это* ощущеніе, мы не ограничиваемся однимъ *фактомъ сопротивленія*, но, по врожденному, инстинктивному стремленію, *олицетворяемъ этотъ простой фактъ* и, *при содѣйствіи другихъ чувственныхъ впечатлѣній*, представляемъ себѣ *причину* его въ-видѣ вещественнаго предмета, какъ *субъектъ подобнаго сопротивленія.* Но такое олицетвореніе причины нашего ощущенія *неумѣстно и неосновательно,— потому-что въ сущности мы не ощущаемъ никакой матеріи*, или матеріальнаго предмета, *независимаго отъ самаго акта сопротивленія. Матеріи, собственно говоря, вовсе нѣтъ*;—она лишь инстинктивный предразсудокъ, основанный на неточномъ истолкованіи чувственнаго впечатлѣнія: *существуетъ лишь сопротивленіе, какъ актъ, но нѣтъ матеріи сопротивляющейся.* Здѣсь *Гартманъ* совпадаетъ съ *М. Троицкимъ*, до тождесловія. Слово матерія, по *Гартману*, употребляется естествозна-

ніемъ лишь для обозначенія совокупнаго дѣйствія разныхъ силъ, соединенныхъ въ одно цѣлое, *въ одну систему динамизма*; а атомъ въ-сущности не что иное, какъ *математическая точка*, въ которой прорѣзываются линіи, происходящія отъ дѣйствія силъ по разнымъ направленіямъ; явленія атомныхъ силъ суть индивидуальные акты *воли*, заключающіе въ себѣ свое содержаніе, въ-видѣ безсознательнаго *представленія* своей цѣли; *матерія, на самомъ дѣлѣ, есть лишь воля и представленіе.* Дѣйствіемъ волп и представленія, которое будетъ имѣть послѣдствіемъ *нейтрализацію* силъ притяженія и отталкиванія, все *существующее возвращается въ ничто.—Вторымъ средствомъ* разума, для уничтоженія воли и всего существующаго, служитъ, какъ сказано, *индувидуація. По Гартману*, инвидидуумъ есть существо, которому присущи *пять способовъ единства*: единство пространственное (формы), времени (континуація дѣйствія), внутренней причины, цѣли и взаимодѣйствія частей. Всѣ эти способы единства осуществлены уже въ *клѣточкѣ*, которая составляетъ первоначальную форму индивидуума. Индивидуумы высшаго разряда суть лишь сборные индивидуумы; самостоятельный индивидуумъ есть каждый органъ, даже каждое отправленіе организма; каждый нервный центръ есть индивидуумъ, одаренный даже собственнымъ сознаніемъ. Такъ, у спиннаго мозга—свое сознаніе, отличное отъ сознанія головнаго мозга; есть сознаніе не-только нервныхъ центровъ, но и клѣточное и даже атомное ; разныя системы отправленія, кровеобращенія, дыханія, пищеваренія, отдѣльныхъ чувствъ и т. д., также суть особые индивидуумы. Человѣкъ есть высшій индивидуумъ, состоящій изъ многихъ физическихъ индивидуумовъ и психическихъ самостоятельныхъ сознаній; самый же высшій индивидуумъ, сочетавающій въ себѣ всѣ прочіе, есть безсознательное. *Къ сознанію стремится все развитіе существованія, съ перваго момента выхода изъ ничтожества*,—но въ тѣхъ видахъ, что *съ появленіемъ сознанія, по Гартману, начинается ретроградный процессъ уничтоженія бытія, его возвращенія въ ничто. Въ этомъ пунктѣ второй способъ уничтоженія сливается съ третьимъ и переходитъ въ четвертый.* Сознаніе, по *Гартману*, есть *эмансипація ума (разума) отъ вліянія воли. Благодаря сознанію*, разумныя существа могутъ поддерживать общій разумъ въ его стремленіи ко всеобщему уничтоженію и, съ своей стороны, подготовить *уничтожительный исходъ процесса бытія.* Но какимъ образомъ развитіе сознательнаго разума въ человѣчествѣ можетъ *осуществить благую цѣль всеобщаго уничтоженія?* А вотъ какимъ образомъ: *по Гартману*, сознаніе человѣчества, развиваясь постоянно въ исторіи, убѣждается въ злополучіи существованія, обличаетъ всѣ его иллюзіи и этимъ ограничиваетъ волю, стремящуюся къ существованію, и возвращаетъ ее въ первоначальное ничто,—обличая иллюзію на счастье въ земной жизни, на счастье въ трансцендентальной жизни, по смерти, и на счастье въ будущемъ процессѣ міра. *Гартманъ* надѣется, что человѣчество нѣкогда достигнетъ той степени умственнаго развитія, на которой все оно будетъ проникнуто сознаніемъ обманчиваго характера своихъ стремленій, поймегъ все неразуміе существованія и само добровольно откажется отъ него. Сознаніе иллюзіи бытія сдѣлается всеобщимъ и человѣчество рѣшится возвратиться въ ничто; индивидуумъ, развиваясь, долженъ болѣе и болѣе содѣйствовать распространенію сознанія, что все су-

ществующее суетно и что небытіе слѣдуетъ предпочитать бытію. Нужно надѣяться, что настанетъ время, когда все существующее сразу исчезнетъ и возвратится въ первоначальное ничто. Уничтоженіе всего ещуествующаго не-только земли, но и всего астрономическаго міра, словомъ,—всего бытія, совершится отъ человѣчества, при трехъ условіяхъ: 1) чтобы большая часть существующаго, въ мірѣ духа (индивидуаціи, сознанія, разума), концентрировалась въ человѣчествѣ,— 2) чтобы большая часть человѣчества сознавала всю суету существованія и жаждала небытія и 3) чтобы, при существованіи надлежащей коммуникаціи, возможно было сдѣлать одновременное постановленіе людей. Какъ-скоро эти три условія будутъ соблюдены, то, *по Гартману*, человѣчество рѣшится единодушно, или, покрайней мѣрѣ, большинствомъ голосовъ, *не существовать*, отказаться отъ жизни, и силою этого рѣшенія весь міръ вдругъ исчезнетъ и возвратится въ первобытное блаженное состояніе небытія! Первое положеніе *у Гартмана*, подкрѣпляется тѣмъ, что человѣчество есть *центръ вселенной*; второе условіе осуществится, когда сознаніе человѣчества проникнется убѣжденіемъ въ безуміи воли и въ бѣдствіи существованія, когда человѣчество почувствуетъ столь глубокую *жажду покоя и безболызненности небытія* и до того сознаетъ суету и ничтожество всѣхъ, поддерживающихъ волю и существованіе, мотивовъ, что эта *жажда уничтоженія воли и существованія получитъ непреодолимое значеніе практическаго мотива*, чего можно ожидать съ наибольшею вѣроятностію въ старческомъ возрастѣ человѣчества; осуществленіе третьяго условія, — одновременнаго общаго постановленія о небытіи, зависитъ лишь отъ усовершенствованія и остроумнаго примѣненія техническихъ открытій. Прямо сказать, вопросъ о существованіи или несуществованіи не-только человѣчества, но и всего міра, всей вселенной, отъ атома до солнца и безконечнаго астрономическаго міра, будетъ рѣшенъ, въ одинъ прекрасный день, *большинствомъ голосовъ обитателей земли*. Въ ту минуту, когда это большинство, находясь въ разныхъ мѣстахъ земли, при помощи, напримѣръ, усовершенствованнаго электрическаго аппарата, рѣшитъ одновременно обратить все существующее въ ныль, въ туже минуту рѣшеніе это и будетъ непосредственно исполнено: *вселенная вдругъ исчезнетъ, и останется ничто, называемое чистою потенціею воли*, которая, однакожъ, можетъ вторично рѣшиться хотѣть,—почему *Гартманъ* допускаетъ, что *процессъ міра совершился такимъ-же самымъ образомъ уже любое число разъ*.

Оказывается, что *Гартманъ*, въ исходѣ XIX вѣка, повторилъ, въ крайне скептическихъ, нигилистическихъ и мрачно-пессимистическихъ чертахъ, древняго греческаго плаксу, мизантропа *Гераклита*.

Что же это, шутка надъ здравымъ смысломъ XIX вѣка христіанской эры? Никакъ нѣтъ. Намъ говорятъ, что сочиненіе *Гартмана* принято, въ разнороднѣйшихъ сферахъ, *какъ важнѣйшее произведеніе новѣйшей философіи, какъ вѣрнѣйшее проявленіе ея современнаго состоянія, — что ясность изложенія и точность приведенныхъ доказательствъ, постоянныя ссылки на естественныя науки и бога-*

ный эмпирическій матеріалъ, индуктивный методъ и другія достоинства Гартмановой философіи были причиною того, что *она встрѣтила сочувственный пріемъ какъ въ Германіи такъ и во Франціи, Англіи и даже въ Америкѣ.* Не доставало только, чтобъ она нашла себѣ сочувственныхъ поклонниковъ и въ Россіи; а найдетъ, безъ сомнѣнія, и здѣсь . . . [1]).

Но если такой мрачный пессимизмъ не шутка, такъ чтожъ это такое? Не сумасшествіе ли? Да, послѣднее гораздо вѣроятнѣе. Это— повальная зараза человѣческихъ душъ, проявляющаяся и у насъ въ Россіи такимъ поражающимъ количествомъ самоубійствъ. Въ Азіи ученіе самоуничтоженія давно уже систематизировано и возведено даже въ религіозный культъ. Но въ Европѣ, послѣ не имѣвшаго послѣдователей *Гераклита*, въ теоріи *Гартмана* еще въ первый разъ мы видимъ возведеніе ученія о самоуничтоженіи въ сочувственную нѣкоторымъ мыслящимъ умамъ, широкую философскую систему, хотя подготовлена она уже и давно . . . И къ такому болѣзненному, явно душевредному выводу строго-логически ведетъ индуктивный методъ, предъ которымъ такъ настойчиво приглашаютъ насъ преклониться, и у насъ въ Россіи, собственно русскіе мыслители, какъ предъ единственнымъ свѣточемъ истины.

Такіе мрачно-плачевные, да смѣло можно сказать, — и ужасные, противо-нравственные и противо-естественные результаты философіи *Эдуарда Гартмана* не могутъ быть опровергаемы сами въ себѣ, именно по своей противоестественности; а, наоборотъ, отбрасывая свое зловѣщее зарево и на тѣ односторонніе принципы, изъ которыхъ такіе ужасы возникаютъ, эти результаты служатъ лучшимъ неодолимымъ и мотивомъ, и основаніемъ къ совмѣстному отверженію

---

[1]) Ожиданіе наше не замедлило исполненіемъ. «Эта философія, — читаемъ въ «Голосѣ» (1873 г., № 47),—доставила *Эдуарду фонъ-Гартману*, между философствующими людьми, славу одного изъ самыхъ могучихъ мыслителей вѣка и даже, съ нѣкоторыхъ русскихъ университетскихъ каѳедръ, онъ объявленъ *великимъ* и *энциклопедическимъ*, а студентамъ обѣщано, что ихъ будутъ душить на *Гартманѣ* еще пространнѣе, чѣмъ душили на *Гегелѣ*». Въ самое же послѣднее время (1874 г.), намъ пишутъ изъ Берлина, что философія *Гартмана* выходитъ въ Германіи *шестымъ*, *стереотипнымъ*, изданіемъ. Пишутъ также, будто въ новомъ своемъ сочиненіи: *Саморазложеніе Христіанства*, *Гартманъ*, предлагаетъ человѣчеству составить для себя новую религію изъ нѣкоторыхъ нравящихся ему моральныхъ элементовъ христіанства и магометанства, и догматическихъ элементовъ Китаизма, особенно-же Буддизма.

самыхъ принциповъ, по крайней мѣрѣ, въ ихъ предательски-скользкой и гибельно-опасной узкости и односторонности. Въ-виду такихъ устрашаю щихъ послѣдствій ново-появившейся теоріи *Эдуарда Гартмана*, отвергая одностороннiй индуктивный принципъ философіи и *М. Троицкаго*, мы получаемъ, однакожъ, изъ его системы и принимаемъ *тотъ безспорный, капитальный и служащій для освѣщенія нашего предмета выводъ, который мы получили также изъ критическаго разбора теоріи и Д. С. Милля, именно,—что довѣріе къ независимому отъ насъ бытію внѣшняго міра есть всеобщее, универсальное, необходимое, типическое, конституціональное наше убѣжденіе, есть прирожденное начало нашего знанія*, и что не иначе, какъ опираясь на это примитивное основаніе конституціональнаго нашего убѣжденія, можно и должно двинуться впередъ и рѣшать слѣдующій затѣмъ вопросъ: *что именно въ мірѣ существуетъ?*

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
24	14—17	Это глубоко философское сравненіе совершенно точно не только относнтельно свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ о неизмѣнной и непостижимой сущности бытія,—по отношенію идеямъ,	Это глубокое философское сравненіе совершенно точно не-только по-отношенію свидѣтельства нашихъ внѣшнихъ чувствъ къ неизмѣннымъ и непостижимымъ сущностямъ бытія,—по-отношенію къ идеямъ,
47	1	Въ звѣздныхъ разстояніяхъ эта	Въ звѣздныхъ разстояніяхъ это
52	2	спокойно; стоящій	спокойно стоящій,
52	7—8	но онъ достигаетъ слуха пораженнаго этимъ выстрѣломъ уже тогда лишился жизни послѣдній.	но онъ достигаетъ слуха человѣка, пораженнаго этимъ выстрѣломъ, уже тогда, какъ тотъ лишился жизни.
63	16	такъ какъ и можетъ быть повѣрена	такъ-какъ не можетъ быть повѣрена
79	18	очень на короткій срокъ.	на очень короткій срокъ.
84	26	*между разсудочною индуктивно - дедуктивно абстракціею*	*между разсудочною индуктивно - дедуктивною абстракціею*
99	37	что пропзводятъ эти измѣненія;	что производитъ эти измѣненія;
100	17	о реальномъ, бытіи и знаніи,	о реальномъ бытіи и знаніи,
105	25—26	*свойства бытія.*	*свойствъ бытія*
115	33	одокразъ,	идокразъ,
122	14	еобальтъ	кобальтъ
138	28	*прставленіе*	*представленіе*
—	30	чувственныхъ микроскоповъ	умственныхъ микроскоповъ.
142	25—26	никакой соизмѣрности	никакой соизмѣримости
154	27	воззрѣнія на выводы	воззрѣнія за выводы
—	34	на законъ связи	на законѣ связи
169	13	непротяжное,	непротяженное,
187	8	внѣшней нашей сторонѣ	внѣшней низшей сторонѣ
188	38	останутся не недоступны	останутся недоступны
—	33—34	*Д. С. Миллъ* отвертаетъ, допуская	*Д. С. Миллъ* отвергаетъ. Допуская

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	ЧИТАЙ:
193	23—24	«*Первичныя* качества», по *В. Гамильтону*, — «понимаются, какъ онѣ суть въ насъ».	«*Первичныя* качества», по *В. Гамильтону*, «понимаются, какъ онѣ суть *въ тѣлахъ*, *вторичныя* же какъ онѣ суть *въ насъ*».
—	35	неукоснительно	неопустительно
197	22—24	при измѣненіи условій чувственнаго воспріятія, но подобные же факты и относительно и измѣненія качествъ непроницаемости, твердости, плотности и упругости.	Подобные же факты, относительно измѣненія качествъ непроницаемости, твердости, плотности, упругости и т. п., можно наблюдать также при измѣненіи условій, лежащихъ въ самомъ чувственномъ воспріятіи.
199	1	метъ	предметъ
208	38	въ только	не-только
216	25	настолько	насколько
221	24	*аделизмъ*»,	*идеализмъ*».
227	32	основоположеній и теоріи	основоположеній теоріи
237	10	дпстанкцію	дистинкцію
276	20	значитъ, *всегда* значитъ	значитъ *всегда*; значитъ
277	18	*не-только оправдися*	*не-только не оправдися*
291	26	а даже а вербальною	а даже и вербальною
299	17	аналогичными съ явленіями	аналогичными явленіями
313	15	(Платоновское и Аристотелевское (Εἶδος)	(Платоновское и Аристотелевское Εἶδος)
315	25	логическую необходпмость?.	логическую необходимость.
—	33	въ ощущеніи прпрожденности	въ отрицаніи прирожденности.
321	25	что, они всѣ и заявляютъ,	что они всѣ и заявляютъ,
327	15	3) это требуется	2) это требуется
335	24	*слово: человѣкъ*, *мозгъ*	*слово*, *человѣкъ*, *мозгъ*
349	9	никакія показанія другихъ людей. Никакія умозрѣнія	никакія показанія другихъ людей, никакія умозрѣнія
355	14	послѣдній отдѣлъ всякія послѣдовательности	послѣдній отдѣлъ — всякія послѣдовательности
360	32	существенныхъ прпзнаковъ	существенныхъ и несущественныхъ признаковъ
364	25	чрезъ ощущеніе	чрезъ опущеніе
375	42	*и человѣка включительно*	*до человѣка включительно*
376	44	пропорціальныхъ	пропорціональныхъ
393	6	конечно, какъ и самъ	конечно и самъ
—	38	ждетъ и фантазія	ждетъ и фантазіи
439	23—24	не современность, не преемственность, а продолженіе есть пространственность	несовременность, преемственность, продолженіе есть пространственность